

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Сергей
СНЕГОВ

ХРОНОНАВИГАТОРЫ

ЭКСМО

Сергей **СНЕГОВ**

ХРОНОНАВИГАТОРЫ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ
РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Сергей
ЧЕГОВ

Сергей
СНЕГОВ

**ЛЮДИ КАК БОГИ
ДИКТАТОР
ПРЫЖОК НАД БЕЗДНОЙ
ХРОНОНАВИГАТОРЫ
ЭКСПЕДИЦИЯ В ИНОМИР**

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ / РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Сергей

СНЕГОВ

Хрононавигаторы

ЭКСМО
Москва
2010

ОТНН — ОСНОВА НЕТИИ — РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Составители *Татьяна Ленская и Дмитрий Байкалов*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Снегов С.

С 53 **Хрононавигаторы: фантастические произведения / Сергей Снегов. — М. : Эксмо, 2010. — 640 с. — (Весь Сергей Снегов).**

ISBN 978-5-699-45735-9

В четвертый том собрания сочинений классика отечественной фантастики вошли приключенческий роман «Хрононавигаторы», а также восемь научно-фантастических памфлетов. Главными героями «Хрононавигаторов» являются не столько люди, сколько инопланетяне: дилоны, рангуны, хавроны. Ну и, конечно, время, схлопывающееся в мгновение и растягивающееся до вечности в хроноворотах, рваное и разнонаправленное в хронобурях... Время, с которым снеговские герои — начиная с трилогии «Люди как боги» и заканчивая «Хрононавигаторами» — не устают бороться.

Цикл из 8 научно-фантастических памфлетов «Дороги, которые нас выбирают» — в определенном смысле единое целое. Своеобразная повесть в рассказах, объединенных не общими героями или единым сюжетом, а иронией и общим настроением. Впервые собранные под одной обложкой, эти рассказы и повести органично дополняют друг друга.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Снегов С., наследники, 2010
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-45735-9

Хрононавигаторы

Часть I

КОСМИЧЕСКИЕ ПРИШЕЛЬЦЫ

1

День, когда юный дилон Уве Ланна получил первый государственный чин Сына Конструкторов Различий, был отмечен в его личной Программе Судьбы еще двумя важными событиями. Кандидат в Сыновья Уве Ланна на рассвете животворящей звезды Гаруны Голубой, то есть в зените свирепой Гаруны Белой, явился в ратушу, чтобы предстать перед проникновенными зеркалами Отцов Экзаменаторов. И точно в этот миг ему передали приказ немедленно прибыть к Рина Ронне на собеседование. Уве Ланна, естественно, поспешил к руководителю своей недавно разработанной Программы Судьбы и даже порадовался, что экзамен на государственный чин немного отдалается.

Сын Стирателей Различий, выдающийся Брат Дешифратор Рина Ронна ждал своего ученика в лаборатории Дешифраторов, где ему принадлежал отдельный кабинет. Овальную комнату, накрытую теряющимся во тьме куполом, освещало мягкое сияние стен. На Ронне была светящаяся фиолетовая мантия, она мерцала теми же красками: Сын Стирателей Различий любил подходить при беседах то к одной, то к другой стене и, подстраивая свечение мантии под их светоизлучение, вдруг словно пропадать на их фоне. Впрочем, это была единственная причуда — даже Конструкторы Различий не концентрировали на ней своего внимания, хотя выискивать любые отличия от обыденности входило в их государственную задачу.

Уве Ланна уперся руками в пол, удлинил шею и опустил ее ниже груди: у него с Рина Ронной давно установились такие дружеские отношения, что приветствий почтительнее этих уже не требовалось. Выпрямившись, Ланна залюбовался старшим товарищем. В кругу величавых и изящных Сынов Ронна был самым величественным и изящным. Правда, продвижение по иерархической лестнице ему затрудняла молодость — всего три полных перевоплощения с одной частичной сменой личности, — зато он брал энергией и расторопностью. И он знал о своей красоте и умел высветить ее и позой, и особенно ценным для Стирателей Различий искусством непринужденного обмена мыслями.

Сейчас он стоял посередине кабинета, высоко подняв голову на тонкой шее и почти дважды обвив свою талию левой рукой. Правую руку он вытянул навстречу входившему Ланне и, цепко ухватив ладонь ученика десятью гибкими пальцами, мягко притянул его к себе. Больше всего в Ронне восхищало — и не одного влюбленного в него Ланну — это высокое мастерство рукопожатия. Он так плавно сокращал тянущуюся руку, так ласково подтягивал собеседника, что даже самый неуклюжий дилон не оступался, подходя к Ронне.

— Сядем на хвосты, — благожелательно протелепатировал Ронна в сознание ученика. — Беседа будет долгая.

И, выпростав из мантии свой хвост, Ронна упруго свернул его кончик в опорное кольцо и откинулся назад. Он любил эту непринужденную позу полусидения-полустояния на хвосте, и Ланна последовал примеру учителя, но осторожно: потому что тело у него было массивней, а хвост потоньше и послабей. Ронна продолжал транслировать ученику свои мысли.

— Две новости, Ланна. Первая: тебе разрешено перевоплотиться с полной сменой личности. Ты, конечно, понимаешь, что и неполная смена — такое же важное событие, как первая любовь. И даже важнее, ибо любовь возникает произвольно, объект ее часто случаен и на нее, раз уж она

случилась, воздействовать трудно. А в смене личности случайность исключена, ибо ты выбираешь именно того себя, каким хочешь быть, а не того, кто ненароком подвернется, а как раз это несовершенство характерно для любви. Впрочем, все это ты знаешь сам.

Уве Ланна — хотя он еще ни разу не менял личности, а любовь, испытанная им, недавно трагически прервалась, — знал, конечно, все, о чем говорил старший друг. Но он боялся перевоплощения, несмотря на то что понимал: оно открывает дорогу в высшие сферы. Он не стремился к повышению, он был доволен собой, уже совершившимся. Он опасался, что Салана не узнает его в новом образе. Впрочем, Саланы не было, Салана похищена — и неизвестно, удастся ли ее вызволить. Все же Ланна осторожно поинтересовался, нельзя ли еще немного пожить в нынешнем образе.

Ронна отверг колебания ученика.

— Самое время, Ланна. Дальше медлить опасно. В тебе угрожающе накапливается разновременность. Время, в котором функционирует мозг, уже ровно на полтора годовых оборота Гаруны Голубой опережает время твоего туловища. Неужели ты сам не чувствуешь, что перестаешь свободно командовать своими руками, своими ногами, своим хвостом? Анализаторы установили, что сытость наступает в тебе с таким запозданием, что ты способен съесть в полтора раза больше, чем нужно. И ты это часто делаешь; ты молод, но уже отяжелел. Нет, дорогой Ланна, пора, пора тебе синхронизироваться! И к тому же я не исключаю возможности нового резонансного нападения проклятых рангунов. А если они снова встряхнут нашу прекрасную Дилону? Сколько нас уже погибло от разрыва времени в телах, к моменту атаки рангунов уже пораженных внутренним рассогласованием!

Все эти мысли Ронна неторопливо внедрял в сознание Ланны — и тот понял, что сопротивление бессмысленно. Ронна ласково освещал ученика оранжевым сиянием выпуклых глаз и переливчатым мерцанием мантии — свече-

ние стен лишь дополняло лучистую убедительность облика. Рина Ронна, Сын Стирателей Различий, упруго покачивался на хвосте, его вытянутое лицо улыбалось, он обнажил все сорок зубов верхней челюсти — никто так обаятельно не приподнимал мохнатую губу, как Ронна, этим одним он располагал к себе даже противников. Негромкий визг, вырывавшийся из пасти при телепатировании, тоже придавал мыслям вескости.

Уве Ланна только попросил, чтобы новый облик не потребовал больших изменений: он не хотел бы слишком отличаться от себя прежнего. Рина Ронна широко распахнул рот, а затем резко закрыл его, громко стукнув челюстями, — знак уважительного согласия. Во всех своих поступках, даже в момент трудных споров, Рина Ронна оставался изощренно вежливым.

— Правильное настояние, — промыслил он. — Ни один из вещей Стирателей Различий не воспротивится твоему желанию, это я тебе гарантирую как их уполномоченный и верный Сын. Задача лишь в том, чтобы синхронизировать течение времени в клетках твоего мозга, в которых оно несколько убыстрилось, и в остальном теле, где оно замедлилось. Ибо в твоём прекрасном сознании господствует благотворное влияние нашей великолепной Гаруны Голубой, а в организме, к сожалению, пересиливает энергетическое поле Гаруны Белой. Должен признаться, что мы немного удивлены: на большинство дилонов, как свидетельствует статистика, Голубая звезда действует гораздо эффективней, чем Белая, а у тебя все наоборот.

— Разве я в этом виноват? — возразил Ланна.

— Не виноват, — великодушно установил старший друг. — Это не твоя вина, а твоя беда. Как ты предпочитаешь синхронизироваться? Сменишь туловище или сознание? Я подобрал по картотеке десяток дилонов, у которых рассогласование времен противоположно твоему, то есть сознание замедлено сравнительно с физиологией. Все они нуждаются в перевоплощении. У тебя выбор: либо принять

новую голову с замедленной мыслью, либо согласиться на новое тело с убыстренной физиологией.

— Я бы хотел сохранить свой мозг.

— Хвалю! Решение истинного звездопоклонника Гаруны Голубой. Теперь выбирай, кто тебе больше нравится.

На стене вспыхнули изображения дилонов, подготовленных к перевоплощению. Уве Ланна всматривался в них с унынием — ни один ему не нравился. Он выискивал похожего на себя, но похожих не было: один отталкивал несообразным носом, у другого слишком торчали уши, у третьего так щерился рот, словно он собирался укусить, и почти у всех хвосты были либо безобразно мясисты, либо еще более безобразно худы. Только руки у претендентов выглядели прилично, но — Ланна это хорошо знал — внешняя приличность недостаточна, ибо руки должны свободно удлиняться и сокращаться втрое, а с какой легкостью они это делают, по изображению не определишь.

Наконец Уве Ланна ткнул пальцем в молодого дилона, показавшегося наиболее похожим на него самого. Рина Ронна одобрил выбор.

— Номер шестьдесят третий. Мат Магон. Отличный экземпляр кандидата в Конструкторы Различий. Теперь вам остается познакомиться и понравиться друг другу. Право выбора мы предоставили тебе, но и Мат Магон должен согласиться на обмен телами. Встречу организуем после экзамена. Теперь можешь идти в ратушу.

— Ты говорил о двух важных событиях, — напомнил Ланна. — Какое же второе?

— Второе событие? Ах, да! Второе событие, собственно, касается не твоей личности, а будущей твоей профессии, если ты хорошо сдашь экзамены, в чем я, впрочем, не сомневаюсь. Итак, слушай меня, Ланна.

И Сын Стирателей Различий, Брат Дешифратор Рина Ронна поведал кандидату в Сыны Конструкторов Различий юному Уве Ланне, еще не прошедшему ни одного перевоплощения, о воистину удивительном происшествии в звезд-

ном мире. Рядом с Дилоной вдруг появился неведомый материальный объект — идеально выглаженный эллипсоид. И не приблизился издали, а сразу возник вблизи, как бы вынырнув из открывшихся люков иного мира. И, возникнув, помчался к двойной звезде. Сперва облетел на отдалении обе Гаруны, потом унесся к Гаруне Белой и трижды описал вокруг нее круг очень небольшого радиуса. И немедленно после этого устремился к Гаруне Голубой и повторил такой же тройной облет на таком же расстоянии от второй звезды. Вот главная, но не последняя странность!

— Это не странность, а невозможность! — мысленно воскликнул взволнованный Ланна. — Ведь переброс из прямого времени Гаруны Голубой в обратное время Гаруны Белой равносильно мгновенному уничтожению. Именно от такого разрыва своего времени и погибла та планета, осколки которой кружат возле Дилоны. Но ведь взрыва эллипсоида не произошло, я так тебя понял, Ронна?

Рина Ронна засмеялся, распахнув рот и опустив нижнюю челюсть, красиво очерченную двумя рядами голубых зубов, чуть ли не до середины шеи. Он гордился сообразительностью младшего друга.

— Для будущего Конструктора Различий — неплохо, Ланна! Ты сразу указал на главный парадокс. Да, он последовательно облетел обе Гаруны — и так близко от каждой, что могучее поле времени обеих звезд не могло не захватить его. И если допустить, что собственное время космического незнакомца полностью совпадало с хронопolem Гаруны Белой и потому в первом полете ничего не случилось, то переброс к Гаруне Голубой должен был вызвать мгновенную аннигиляцию — ты абсолютно прав. Но катастрофы не произошло: незнакомец трижды обогнул Голубую звезду — и только отразил на своих зеркальных боках ее спектр. Фантастично до физической недопустимости! Но факт, приходится это принять. Какой сделаем вывод из реальности невозможного явления?

— Не могу сообразить, — признался смущенный Ланна.

— Что же, ты специализируешься на Конструктора Различий — анализ возможности невозможного не всегда по плечу даже хорошему Различнику. Но нам, Стирателям Различий, приходится решать и не такие парадоксы. Наш вывод таков: таинственный незнакомец обладает собственной хронозащитой. Он умеет парировать возмущения хронополей. Резкие повороты физического времени только обтекают, а не проникают в него. В общем, ни хроновороты, ни хроноциклоны на него не действуют. В нашем мире не существует объектов с такой совершенной нейтрализацией полей времени, но кто гарантирует, что в иных звездных мирах физические законы такие же, как у нас? Незнакомец, судя по всему, пришелец из других миров.

Логика рассуждений Рина Ронны была убедительна, но Уве Ланна запротестовал. Как? Существовать во времени и быть защищенным от его скачков? Спокойно нестись то в прямом, то в обратном хронополе, хотя каждый объект может двигаться только либо вперед, в будущее, либо назад, в прошлое? Никто и ничто не может перемещаться одновременно и в прошлое, и в будущее — если он попытается сделать это, его мигом разнесет на атомы! И вот Рина Ронна, крупнейший Стиратель, хладнокровно утверждает, что именно этим невысказанным умением — идти сразу и вперед, и назад — обладает пришелец из иных миров!

— И это еще не все, Уве Ланна, — сказал Сын Стирателей Различий. — Незнакомец, прочертив два тройных кольца вокруг обеих Гарун, изменил направление полета. Он не собирается обречь себя на вечное спутничество в системе двойной звезды. Он легко преодолел притяжение обеих Гарун, что тоже удивительно, ибо свидетельствует о его чудовищной энергетической мощи, и теперь мчится к Дилоне. Он намерен опуститься на нашу планету. Вот такая ситуация, друг мой Уве Ланна.

— И ты мыслишь об этом спокойно! Опасного гостя надо отбросить от Дилоны! Пусть проваливается в бездну, из которой возник.

Ронна засмеялся — с мелодичным визгом и со всхлипываниями. При смехе его оранжевые глаза задорно вспыхивали, их сиянием освещалось не только собственное лицо Сына Стирателя Различий, но и лицо собеседника.

— Отбросить пришельца, легко нейтрализующего и гравитацию двух звезд, и мощь их хронополей? Даже если мы аннигилируем всю Дилону, у нас не хватит энергии для этого. Возможно, рангуны ударят по незнакомцу из своих резонансных орудий — у этих бессмертных бестий хватит безумия, чтобы пойти на это. Чего им бояться? Но мы смертны, нас не всегда спасают даже перевоплощения. И мы не нападаем, только защищаемся от нападений. Нет, если незнакомец опустится на нашей половине планеты, мы встретим его как почетного гостя. Еще одно важное обстоятельство, Ланна, и оно касается нас с тобой. Анализаторы уловили генерируемое незнакомцем излучение. Возможно, он посылает нам сигналы, передает какую-то информацию — и мы должны в ней разобраться.

— Рангуны тоже принимают сигналы пришельца.

— Конечно. Но вряд ли поймут их — эта задача не для их интеллекта. Так вот, Ланна, Старейшины поручили мне раскодировать сигналы незнакомца. Я попросил помощника, мой помощник — ты, Уве Ланна.

— Готов немедленно!..

— Раньше сдай экзамены на Сына Конструкторов Различий. Иди!

В Ратушу Уве Ланна шел, а не бежал — как незадолго до этого в лабораторию Дешифраторов. Слишком уж необычны были известия, надо было о каждом подумать. Он начал с предстоящего перевоплощения, чтобы уже потом переходить к другим новостям. Перевоплощение — операция неприятная, но без нее не обойтись, если не хочешь преждевременной гибели от разрыва времени в теле. К тому же ему повезло, Рина Ронна избавил его от полной смены личности, а сколько по Дилоне слоняется несчастных, многократно терявших самих себя! Ланна вспомнил прекрасную

фигуру Мат Магона, с которым ему предстояло поменяться телами, и повеселел. Мат Магон, пожалуй, даже красивее, чем Уве Ланна. Светлая голова Уве в сочетании с совершенным телом Магона — это же отличнейшая комбинация! Салане, когда она отыщется, понравится его новый образ. И Мат Магону не будет смысла уклоняться от обмена телами — правда, он получит фигуру похуже, зато с добротным течением внутреннего времени и так идеально синхронизирует голову и тело, как вряд ли сумел бы с дилонами по-красивей.

Закончив на этой бодрой мысли размышление о предстоящем перевоплощении, Уве Ланна собрался сосредоточиться на второй новости — появлении в их звездных окрестностях объекта, так удивительно нарушающего законы материального мира. Но воспоминание о Салане порвало цепь размышлений. Уве Ланна увидел подругу так ясно, словно она шла рядом: почти одного с ним роста, только гибче и тоньше, прекрасные руки дважды обвивают талию — она любит так ходить, вся как бы спеленутая собственными руками. А на плечи вздымается хвост, и кончик его изящной лентой окольцовывает шею. Он, Уве, порой боялся: не удушит ли она себя этой лентой? Салане нравился его страх, она признавалась: «Самое приятное в тебе, Ланна, что ты так заботишься обо мне. Рядом с тобой я как в бронированном подвале, экранирующем от резонансных атак мерзких рангунов». Нет, не удалось ему позаботиться о подруге в единственную грозную минуту ее жизни. Где она? Что с ней? Жива или погибла? Неужели это расставание навсегда?

Воспоминание о Салане так разволновало Уве Ланну, что он не сумел сосредоточиться на новости о пришельце из иных миров. Он со стыдом вспомнил, что неумение сконцентрироваться на нужной мысли — тяжкий интеллектуальный проступок и что никогда раньше за ним не числилось таких прегрешений. Он испугался за себя. Все дилоны, встречавшиеся ему по дороге в ратушу, могли воспринять его мозговую эманацию. И тогда они поймут, что

он не справляется с простейшей интеллектуальной операцией. И когда? Перед экзаменом на чин Сына Конструкторов Различий! А кому не известно, что первой обязанностью любого Различника является способность всем в себе концентрироваться на нужной мысли?

По улице к Ратуше двигалось много дилонов. Кто-то просто шел, кто-то торопливо обгонял других, кто-то даже бежал, а кто-то неспешно шествовал, опустив голову и полностью отдаваясь неотложному размышлению. Вокруг Ланны вспыхивали фиолетовые, красные, зеленые мантии, метались сокращаемые и удлиняемые при ходьбе руки, по-парадному распушивались и деловито сжимались хвосты. Кто-то на ходу взвизгивал, звучно сопровождая своей мысли, кто-то хрипло рычал. А вверху мягко сияла нежная Гаруна Голубая, сменившая в зеленоватом небе движущуюся на закат Гаруну Белую. День переходил в сумерки — обычный день столицы, точно такой был вчера и должен быть завтра.

Впоследствии, вспоминая то впечатление общности дня, юный Ланна, всегда гордившийся своей проницательностью, запоздало удивлялся, до чего непророческим было его понимание обстановки. Ибо день, когда он, встревоженный новостями, шагал на экзамен, воистину был последним обычным днем на прекрасной планете Дилоне.

Только встреча со Старейшиной Старейшин, с великим Стирателем Различий Гуннар Гунной разительно выпала из общности. Когда Уве Ланна приблизился к Ратуше, у входа опустился летательный шар Старейшин, из шара первыми выбрались два охранника, за ними и сам Вещий Старец.

Ланна поспешно отошел в сторонку, чтобы не помешать Верховному Стирателю Различий прошествовать в Ратушу. То же сделали и другие дилоны, подходившие к правительственному зданию. Великий Гуннар Гунна прошел, ни на кого не глядя, никому не отвечая на приветствия, ни с кем не перекинувшись одной-двумя глубокими мыслями.

Соскользнувшая с зенита Гаруна Голубая светила на высочайшего мыслителя страны, он не мог не радоваться ее ласковому сиянию, а он не радовался, он был чем-то огорчен. И такая печаль была на его широком лице, что у Ланны сжалось сердце.

2

Уве Ланне достаточно было одного взгляда на Рина Ронну, чтобы понять, что дела у Дешифраторов неважны. Только высокая воспитанность не позволила Ронне сразу сконцентрировать внимание друга на собственных затруднениях. Ронна поздравил Ланну со вступлением в государственную иерархию.

— Ты теперь полноправный Различник, Ланна. Я узнал в коллегии Экзаменаторов, что давно не фиксировалось столь блестящего ответа. Проникновенные зеркала не обнаружили ни одной проплешинки на плодотворном поле твоих знаний. Теперь можно приступать к перевоплощению. Синхронизация физиологии и интеллекта превращается теперь из просто желательной в срочно необходимую.

Ланна не пожелал концентрироваться на перевоплощении — это была неизбежная операция, но ум она не захватывала. Поведение космического незнакомца занимало его мысли гораздо больше. Ронна помрачнел. Даже оранжевое сияние его выпуклых глаз приугасло, обе челюсти плотно сжались, а голова на утолстившейся шее опустилась так низко, что почти упала на плечи. Все это были признаки великого недоумения. Нет, чего-либо определенного не уставлено. Пришелец вращается вокруг Дилоны, с векторной прямолинейностью направляя излучение на те места, какие находятся в этот миг под ним. Возможно, выбирает место посадки.

— Ты предполагал, что незнакомец генерирует информационные сигналы?

— Да, такое предположение было. И оно остается. В луче, ошупывающем Дилону, уловлены колебания с постоянной периодичностью. Естественно предположить, что это речь пришельца к нам. Вероятно, запрашивает разрешения на посадку — повторяющуюся группу обертонов можно расценить как некую электромагнитную просьбу. Но для расшифровки этого мало. Мы не знаем, как кодировать наш ответ. Поэтому сосредоточились на приеме сигналов — и в ответ молчим.

— И рангуны молчат, Ронна?

Ронна распахнул рот в насмешливой улыбке и широким извивом правой руки обхватил свою грудь — он любил эту красивую позу, выражающую сразу и суровое осуждение, и издевку. Рангуны не молчат. Рангуны беснуются. Они окутывают незнакомца пучками волн. Они сами не знают, чего хотят. Они обращаются к пришельцу на своем языке, которого тот, разумеется, не знает. Рангуны не умеют сосредоточиться, они действуют, а не мыслят. И хотя командует их передачами пленный дилон, наш бывший друг Кун Канна, они не дают ему передавать пристойно. И что же они генерируют гостю из иных миров? Вот передача во время его первого облета их стороны планеты: «Кто ты? Чего тебе надо?» Вторая: «Добро пожаловать! Предлагаем три отличных места для посадки». Третья: «Чего слоняешься? Садись или проваливай!» И последняя, она уже трижды повторялась: «Вот пошатайся еще над нами, так жакнем изо всех орудий, что разлетишься на атомы!» В общем, обычное рангунское хамство — они не изменяют себе, даже встречаясь с непостижимым явлением. Датчики передают, что по всей Рангунии объявлена боевая готовность. У больших резонаторов полные комплекты обслуги, о малых и говорить не приходится: они навешаны на каждом воине рангунов.

— Если столкновения с незнакомцем у них не произойдет, они могут обратить большие резонаторы и против нас. Ты не исключаешь такой возможности, Рина?

— От рангунов можно ожидать всего. Особенно с того дня, когда верховную власть захватил Ватута. Эта бестия ради одного любопытства способен испепелить всю Дилону. Но мы защищены надежней, чем ему хотелось бы. В конструировании хронобойных аппаратов он все же далеко не продвинулся. Теперь пройдем в Обсервационный зал, посмотрим на пришельца.

Все помещения Коллегии Дешифраторов были заполнены аппаратами приема и декодирования сигналов. Одни механизмы работали автоматически, у других дежурили операторы-мыслители. Недавно и Уве Ланна сидел за одним из таких аппаратов в качестве дежурного мыслителя и по перехваченным передачам с той стороны планеты выстраивал умозаключения о намерениях рангунов. Теперь, произведенный в более высокий чин, он мог позабыть о скучном рядовом мыслительстве. Уже никогда ему не вдумываться в неумные высказывания Ватуты и его камарильи, не выискивать рациональный смысл в их бессвязных выкриках.

Но хоть со службой у аппаратов было покончено, Уве Ланна не мог отказать себе в удовольствии подойти то к одному, то к другому шиту с приборами, поздороваться с операторами. Он радовался встречам, радовались и ему. «Доброго настроения! Поздравляем, Ланна! Будь светел, Ланна!» — телепатировали прежние товарищи. Ронна по минутно останавливался, поджидая друга, — ему нравилась популярность у трудяг Дешифраторов нового специалиста Различника.

В Обсервационном зале во всю стену сияло звездами небо над планетой. Справа перемещалась Гаруна Белая — был ее рассвет, экран ослаблял яростное излучение звезды, чтобы оно не слепило глаза. Слева нежно мерцала уходящая за горизонт Гаруна Голубая. Ронна сказал:

— Сейчас покажется пришелец.

Пришелец вынырнул слева и помчался по экрану навстречу медленно плывущей звезде. Он пересекал видимую половину неба вдесятеро быстрее, чем двигались обе Гару-

ны. Ланна впился глазами в экран. Темный, гладкий, непроницаемый эллипсоид был огромен. Такое тело свободно накрыло бы любую площадь в столице.

— Думаю, мы имеем дело с космическим кораблем из иных миров, а не с естественным телом, — сказал Ланна. — Вы не рассматривали такое предположение, Ронна?

— Рассматривали, Ланна. Много «за» и много «против».

Пробежав треть небосвода, эллипсоид вдруг остановился. Теперь он висел над планетой, а не летел вокруг нее. Он затормозил над какой-то облюбованной точкой. Планета, вращаясь, перемещала замершего в высоте незнакомца в сторону, обратную той, откуда он вынырнул. Так продолжалось некоторое время, затем эллипсоид снова пришел в движение, но он уже не облетал планету, а падал на нее — в ту точку на Дилоне, над которой завис.

— Садится, — установил Ронна. — Информировать тебя, Ланна, что Старейшины приказали не мешать посадке, если пришелец решится на нее. Проклятые рангуны! Нет на этих дьяволов кары!

Возмущение Ронны вызвала вылетевшая из-за горизонта ракета. Сверкающая белокалийным жаром, распушив дымный шлейф, она мчалась на опускавшегося незнакомца. Ракета была запущена точно в подбрюшье массивного космического тела. Ланна в страхе прикрыл глаза. Все было безобразно ясно: рангуны не захотели пустить пришельца на территорию дилонов. Вот сейчас ракета ударит в цель, вспыхнет багровое облако пламени с дымом — и из него посыплются осколки небесного гостя!

Ланна раскрыл глаза. Взрыва не было. Ракеты тоже. Пришелец продолжал опускаться. Где-то за ним, уже в отдалении, рассеивалось облачко пыли и красноватого газа.

— Какая защита! Нет, какая защита! — взволнованно повторил Ронна. Он не закрывал глаз и видел, как ракета, еще не долетев до цели, вдруг сама взорвалась и разлетелась пылью и газом. — Ланна, друг мой, неужели безумцы и теперь не угомонятся?

Из-за горизонта вынеслась уже не одна, а десяток ракет. И все, не долетев до пришельца, одновременно взорвались, образовав широкое кольцо пламени и дыма. В свободном центре этого кольца плавно опускался темный корабль — гладкие бока мертво отражали оконтурившее их пламя. Обстрел прекратился. Рангуны, видимо, убедились, что атаки бесперспективны.

— Опустился в район Голубой Чащи, — сообщил Ронна. — Место, конечно, укрытое, внешне оно кажется очень надежным. Но слишком близко от мертвых лесов, где свиrepствует хронобой. Хорошо, что не угодил в разнотык времен, — это было бы губительней ракетной атаки рангунов. Оставайся здесь и следи, что предпримет пришелец. Я иду к Старейшинам.

3

Что бы ни представлял собой пришелец из дальних миров — космический корабль с экипажем или естественный объект, — молодой Сын Конструкторов Различий Уве Ланна твердо знал одно: еще никогда ни у самих дилонов, ни у их вековечных врагов рангунов не появлялось такого гостя из космоса. И готовой программы контакта с подобными объектами не существовало. Возникла новая проблема, на ней надо было сосредоточиться. Уве Ланна впал в отрешенность: закрыл глаза, отменил все движения и, окаменев перед пультом, пребывал в активном мыслительном состоянии, пока опасно понизившаяся температура тела не заставила его выйти на уровень меньшей концентрации мысли — все дилоны знали, что сильное охлаждение плохо сочетается с озарением.

— Доложите, что совершилось, пока я размышлял, — потребовал Ланна от оператора.

Дежурный мыслитель доложил, что новостей нет: пришелец покоится в Голубой Чаще — неподвижен, темен и зага-

дочен. Туда посланы разведочные шары, они анализируют параметры гостя: размеры, температуру, структуру вещества, гравитационные, энергетические, оптические характеристики, фиксируют все виды излучения. Ничто особо не поражает. Физика пришельца своеобразна, но не парадоксальна, если оставить в стороне тот факт, что он вынырнул словно из ничего и взорвал все выпущенные в него боевые ракеты рангунов, даже близко не подпустив эти смертоносные снаряды. Да еще одно, пожалуй, смущает, но, впрочем, точного доказательства нет...

— Знаю, — прервал оператора Ланна. — Незнакомец существует в едином времени. Он синхронизирован от края до края. Ты на это хотел обратить мое внимание? Я установил это в результате собственного размышления.

— Именно это, уважаемый Различник, — оператор вложил в тембр своей мысли неподдельное восхищение. Все операторы в Коллегии Дешифраторов радовались, что их новый начальник одарен могучей интеллектуальной энергией — в ней была гарантия их собственной удачной работы.

Ланна уточнил:

— Судя по тому, что ты мне об этом не доложил, расшифровка сигналов незнакомца не удалась?

— Еще не удалась.

— А есть уверенность, что эманация незнакомца — все же разумные сигналы, а не стихийное излучение мертвого предмета?

— Такая уверенность есть, Уве Ланна.

— Тогда подготовь два поисковых шара со всеми аппаратами боя и разведки. Пусть Братья Опровергатели выделяют самое совершенное из арсеналов. Ибо при встрече с незнакомцем и война, и мир пока равноценно возможны.

— Братья Опровергатели потребуют санкции Старейшин...

— Они ее получат. Остановка не за санкциями, а за Опровергателями.

Дежурный мыслитель отключился. Ланна обхватил себя руками и постарался удлинить их так, чтобы получилось два полных извива, как делал Ронна. Но два извива не вышло — у Ронны руки были длинней и гибче. Впрочем, все Стиратели Различий были из длинноруких, а Конструкторы, как на подбор, короткорукие — больше чем на полуторный обхват никто из них способен не был. Ланна мог гордиться, что в эффектном самоохвате даже превосходит многих товарищей, — нынче, получив сан Сына Различников, он может называть их своими братьями.

Уве Ланна гордился собой. Концентрирование мысли на загадках пришельца дало отличные результаты. Он первый понял, что гость из космоса — современник. Только полная самосинхронизация в едином времени объясняет главную странность — то, что пришелец приблизился на опасное расстояние к Гаруне Белой, промчался от нее к Гаруне Голубой и не взорвался, не распался, даже и намек не было, что в нем что-то разламывается. Какая совершенная хронозащита! Рина Ронна прав: без надежной отстраненности от местных перекосов времени, без нейтрализации хроноворотов незнакомцу не удалось бы удивительные перебросы от одной звезды к другой. Но и самая совершенная нейтрализация вихрей времени не помогла бы, если бы он сам хоть в крохотной степени был поражен внутренней дисгармонией, которая всегда есть даже у идеально синхронизированных дилонов. И это замечательное открытие стало первой интеллектуальной акцией Уве Ланна в его новом чине Различника!

Вошел сияющий Рина Ронна. Старейшины одобрили его доклад. Если пришелец — разумный космический объект или если в нем, как в транспортном аппарате, таятся разумные существа, то надо вступить в благожелательный контакт. Первая задача — раскодировать сигналы пришельца. Вторая — защитить его от новых атак рангунов. На той стороне планеты подготавливают баллистическую артиллерию. Нет сомнения, что рангуны решили нанести удар по при-

шельцу, как только определяют точное место его посадки. Два чужих разведочных аппарата обнаружены недалеко от Голубой Роши — их отогнали. Рангунам послано предупреждение, что дилоны взяли пришельца под охрану. Будем надеяться, что это их образумит.

— Пустить в ход ракеты рангуны теперь побоятся, ибо знают силу ответного удара, — заметил Ланна. — Но генераторы резонанса, Ронна...

Ронна откинул назад голову — это у него всегда означало не то сомнение, не то нерешительность. «А что мы можем сделать?» — словно ответил он своим жестом. Впрочем, он тут же добавил, что пришелец так защищен от гравитационных, тепловых и электромагнитных воздействий, что и резонансным ударом рангуны вряд ли чего добьются.

Уве Ланна поведал другу о своем открытии абсолютного хроноединства пришельца: это не хронозащита, а хроноцелостность. Рина Ронна всегда относился к ученику с неизменным уважением, продвижение Уве на пост Различника не обошлось и без его усилий. Но, в отличие от дежурного оператора, он заколебался. О том, что пришелец защищен хроноэкранами, говорило его рискованное метание от Гаруны Белой к Гаруне Голубой, а ведь звезды генерируют вокруг себя противоположные токи времени, схлестывающиеся в яростные хроновороты. Правда, таких экранов на Дилоне еще не знали, их никто не конструировал, да и загадочный пришелец появился у них впервые, о «гостях из иномиров» тоже никто не слышал. Но единое время? Разве оно физически возможно? Ведь основу жизни составляет именно несинхронность различных потоков времени в жилах, костях и клетках! Цельное время у мыслящего объекта — ну не дикость ли?

— Я все же настаиваю на своей концепции. — Уве Ланна был порядком обижен слишком уж резким возражением старшего друга. — И осмелюсь заметить, что разумность пришельца не доказана, пока не расшифрованы его сигналы.

— Да, в этом главное затруднение. Хочу тебя информировать, Уве Ланна, что нам выделен ротонный прожектор, который, как ты знаешь, изготовлен пока в единственном экземпляре. Сейчас его монтируют на одном из поисковых шаров, которые ты велел подготовить. Полетим вместе, Ланна.

— Я готов, Рина Ронна.

Два разведочных шара покачивались на площади. В одном сидели операторы гравитационной и резонансной защиты, оптики и механики, в другом разместился ротонный прожектор. Ронна сел за пульт управления — он любил водить аэроразведчики и иногда залетал на них даже на территорию рангунов, а это всегда небезопасно. Однажды он побывал в приполюсном хроновороте, что было почти губительно — Ронна потом оправдывался, что его занесла на полюс разгармонизация двигателя и что он лишь на внешнем витке хроноворота сумел справиться с неполадкой. Объяснение показалось не только убедительным — лишь безумцы способны добровольно устремиться в такие места, — но и внушающим уважение: не впасть в панику вблизи хроноворота и, сохранив ясность мысли, справиться с трудностями! После этого происшествия Рина Ронне, тогда обычному оператору в дешифраторской, присвоили сразу два новых чина: Брата Дешифратора и Сына Стирателей Различий. Каждый был почетен, но два, да еще таких разных, — были равносильны триумфу. Сам Гуннар Гунна почтил Ронну вдохновенной речью. «Наш новый Брат и Сын, — так говорил Вещий Старец, — не только прекрасно видит и глубоко оценивает беспорядок, что доказывает дарование Дешифратора, но еще прекрасней его ликвидирует, а это бесценное качество настоящего Стирателя Различий». Старейшины без единого возражения присудили соискателю оба звания и ввели его сразу в два чина — случай неординарный.

И, гордясь своим искусством шаровождения, Рина Ронна дал такое расширение объема, что шар не взлетел, а взвился вверх. Уве Ланна в эту минуту впадал в очередную от-

решенность: надо было придумать, какими полями лучше испытать пришельца — гравитацией, оптикой, электромагнитными или корпускулярными импульсами, а без большой сосредоточенности это не удавалось.

— Ты порвал цепь моей мысли, — пожаловался Ланна.

— Зато быстрее прибудем, — возразил Ронна. Он не умел так глубоко отдаваться мысли, как Ланна, и не считал, что нужно настолько погружаться в размышления. Впрочем, таковы все Стиратели Различий: их способность к анализу существенно уступает аналитическому дарованию Различников, умевших безошибочно определять любые несходства и особенности.

Ронна летел впереди с Ланной и оператором ротонного прожектора, второй разведчик с боевыми и поисковыми аппаратами держался позади.

Пришелец произвел посадку на краю поляны среди голубых деревьев с широкими кронами, перекрывавшими половину поляны. Гость из космоса выбрал отличное место: сквозь чашу к нему было не пробраться, а с воздуха его маскировали кроны.

— Облет! — приказал Ронна и опустился ниже, ту же операцию повторил и второй шар. Пришелец был около двухсот пин в длину, около тридцати в ширину, максимальная высота была тоже около тридцати пин, а по краям — не более двадцати. Почти идеальный эллипсоид, несомненно — искусственное сооружение, а не метеорит или космический шатун, осколок некогда разлетевшейся планеты: стихийные создания природы не обладают совершенной выглаженностью поверхности.

Ланна вдруг схватил друга за плечо:

— Ронна, он исчезает! Он уходит в небытие.

Пришелец стирался: из темного он становился серым, пропадала четкость обводов. Огромное материальное тело на глазах превращалось в призрак. И не успел Ронна справиться со своим изумлением, как на поляне больше ничего не было, кроме оранжевых трав и осенявших их голубых крон.

— Твое суждение, Ланна? — спросил он. Его молодой друг вместе с чином Сына Конструкторов Различий получил и право первой оценки.

Ланне захотелось поразмыслить, чтобы дойти до всех дальних причин исчезновения пришельца, но Ронна с таким нетерпением ждал ответа, что пришлось телепатировать лишь предположение:

— Выпал из оптики, но вещественно сохраняется на поляне.

— Сейчас проверим.

Ронна приказал поисковику обвести поляну, где находился пропавший пришелец, гравитационными и электромагнитными щупами. С поисковика известили, что для электромагнитных щупов пришельца не существует, но гравитационные показывают его наличие: он лежит на прежнем месте, в прежней неподвижности, только стал прозрачным для всех электромагнитных волн, включая и оптику. Но вещественности своей не потерял.

— Между прочим, примятая им трава так и не распрямилась, когда он ушел в невидимость, — сказал Ланна. — Следовательно, и в оптике кое-что видно.

— Вот-вот — полное совершенство в маскировке отсутствует. Теперь поинтересуемся, что находится внутри нашего гостя. Есть у него экран от ротонов? Судя по тому, что гравитационные экраны отсутствуют, вряд ли он обладает защитой от этих почти невещественных частиц.

Ронна встал рядом с оператором: нужно было руководить процессом. Длина пути ротонов определялась только их энергией, и Ронна начал с малой, чтобы они только-только достигли поверхности невидимого пришельца. На экране отчетливо вырисовался его силуэт. Ротоны показывали массивное тело, изображение было ярче, чем гравитационное. Ронна увеличил энергию частиц. Теперь они проникали сквозь оболочку и высвечивали эллипсоид изнутри. Сомнений больше не было: на поляне в Голубой Роще лежал космический корабль. Ротоны высветили внутренние по-

мещения, разделенные перегородками, механизмы, аппараты, емкости, какие-то предметы... Ронна то увеличивал, то уменьшал энергию, чтобы отчетливо обрисовать каждый. Корабль казался необитаемым. Ротонный луч пробежал его уже наполовину, но, кроме мертвых вещей, ничего не было обнаружено. Потом высветился обширный отсек в конце корабля. В нем передвигались пять фигур — живые существа, а не автоматы. Еще никогда на Дилоне не видели таких необычных созданий, как те пятеро, что сновали по самому большому помещению корабля.

Они походили на дилонов, но очень отдаленно — одноголовые, двурукие, двуногие... Но на этом сходство кончалось. Руки были так коротки, что не доставали и до колен; на кистях было по пять пальцев, а не по десять, как у дилонов, и пальцы были толсты и негибки. Негибкой была и вся рука, она не удлинялась и не сокращалась, — такими руками незнакомцы не могли обхватить себя даже в один оборот. Ноги были еще топорней рук — правда, они, как и руки, могли сгибаться посередине, но только в одном месте, а не по всей длине. Всего примитивнее была голова: она тоже сидела на шее, но такой короткой и такой негибкой, что не могла ни вздыматься вверх, ни даже поворачиваться назад. Лицо было неприятным: плоскощекое, плосколобое, с невыразительным ртом, с крупным носом, нависающим над губами, и двумя глазами — такими тусклыми, что сразу становилось понятно: эти глаза пассивно принимают внешний свет, но генерировать собственное сияние не способны. А на головах пяти обитателей корабля шапкой лохматились волосы — ни у кого не было и намека на благородную гололобость дилонов. У одного густая шерсть вылезла даже на нижней половине лица. И ни один не имел хвоста — важнейшего элемента хорошо скомпонованной фигуры!

— Плох конструктор, который разрабатывал эти тела, — установил Ронна. — Одни грубые детали — ни гибкости, ни изящества. Даже смотреть неприятно.

И хоть суждение это было скорей обобщенно-синтетическое, а не аналитическое, Уве Ланна, по профессии призванный к анализу, промолчал, показывая, что принимает оценку Сына Стирателей Различий.

Ронна начал детальное высвечивание экипажа корабля с самого лохматого. Он был крупней и выше всех. Он сидел на особом приспособлении. Над ним, на стене, висело изображение другого мохнатолицеого, но еще лохматее и крупноголовее, — они были похожи как братья. Около мохнача на таком же приспособлении сидело второе существо — с фигурой потоньше и головой поменьше. По помещению расхаживал третий пришелец, он казался моложе всех. Он размахивал руками, шевелил губами, открывал и закрывал рот — в пасти виднелись зубы, они выстраивались в один ряд сверху и снизу, и их было много меньше, чем у дилонов. У стены стоял толстенный коротышка, на голову ниже мохнатого. И когда юноша переставал шевелить губами и двигать нижней челюстью, точно такие же операции проделывал коротышка; а когда и он прекращал игру губ и челюстей, в нее снова вступал молодой. Всю боковую стену занимал экран, перед ним на вращающемся сиденье поместился пятый обитатель корабля — Ронне он показался заслуживающим особого внимания. Этот пришелец выделялся среди уродливых фигур: высокий, стройный, с такими же короткими, но значительно более гибкими руками, такой же мохнатый, но с двумя рожками, торчащими из волос, — у остальных и намек на них не было. И глаза его выгодно отличались от глаз четырех других существ: они не только принимали свет, но и сами светились, а иногда, когда он поворачивался к коротышке, из них словно вырывались электрические искры.

Ронна перевел ротонный луч на стену с экраном, чтобы разглядеть туманную картину на нем, и увидел все, что окружало корабль: высокие голубые деревья, оранжевую траву, шествующую по небосводу Гаруну Голубую и два разведочных шара.

— Однако! — восхитился Ронна. — Оказывается, став для нас невидимыми, они продолжают нас разглядывать! Может быть, даже видят тебя, Ланна? И меня...

Ланна после краткого размышления отверг предположение Ронны. Если бы пришельцы видели не только поисковые шары, но и дилонов внутри, то и на их экране появились бы дилоны, а не шары. Зато Ланне удалось сделать очень важный вывод: они разговаривают. То странное шевеление губ, то нервное опускание и поднятие нижней челюсти, та оживленная жестикуляция и есть их метод передачи информации, то есть разговор.

— Разговор при помощи губ, челюстей и рук? — удивился Ронна. — Какой невероятный способ общения!

— Еще язык, — уточнил молодой Различник. — В пасти у пришельцев, как и у нас, язык, но он много подвижней: дергается и изгибается, когда шевелятся губы и движутся челюсти. Я склонен думать, что у них язык — главный агент связи.

Ронна, однако, убежден не был. Если Ланна прав, то пришельцы могут общаться, только когда видят движение губ, челюстей, языка и рук. А в темноте они, стало быть, беспомощны? Прекращают не только разговоры, но и всякое действие, связанное с обменом информацией? Конечно, конструкция их организмов далека от совершенства. Но такая чудовищная недоработка!

В это время молодой пришелец энергично взмахнул рукой и показал на экран, где виднелись два поисковика. Лохматый наклонил голову. Молодой и тот, у которого в волосах торчали рожки, зашагали в другой конец корабля. Здесь они выдвинули из ниши продолговатый предмет и вернулись назад. Корабль вышел из невидимости и засветился — теперь дилоны могли его видеть и без ротонного прожектора. В главном помещении корабля лохматый пришелец опять кивнул, рогатый задвигал пальцами на доске с кнопками — и продолговатый предмет выскользнул наружу через открывшийся люк и стал подниматься вверх.

— Запустили разведчика, — прокомментировал Ронна. — Двинемся за ним, не выпуская из вида. Второй поисковик остается на месте. Что-нибудь передашь операторам?

Ланна повторил уже отданный приказ — фиксировать все действия пришельцев внутри корабля и установить, с помощью каких полей аэроразведчик будет получать информацию во время облета. Ответ последовал незамедлительно. Аэроразведчик работал в световых лучах, а сведения на корабль передавал в других электромагнитных импульсах. Кроме того, он был снабжен небольшим гравитатором. Для боевых ударов этот аппарат был мало пригоден, но массы вещественных объектов определяет надежно.

— Отлично! — оценил сообщение Ронна. — Сейчас я настрою наши собственные приемники на информацию аэроразведчика. И мы так же ясно, как они сами, увидим, что их заинтересовало у нас.

Аэроразведчик сделал несколько кругов над кораблем, потом повернул в сторону леса на границе между территориями дилонов и рангунов. На дисплее следящего за ним поисковика обрисовались сначала голубые, потом синие деревья. Видимо, лес не заинтересовал пришельцев: аэроразведчик крутыми витками поднимался все выше — теперь его обзор стал гораздо шире.

— Как бы он не полетел к рангунам: эти бестии мигом собьют его своими ракетами, — забеспокоился Ронна.

Аэроразведчик, словно услышав предостережение, повернул назад. Теперь он мчался к столице дилонов, передавая на корабль пейзаж планеты: каменные сооружения, вытянутые в двойные полосы, возвышения возле них, холмы в стороне от возвышений и башни со светящимися вершинами. Внизу проплывали темные точки.

— Может напороться на охранные маяки, — снова забеспокоился Ронна. — С добрыми или враждебными намерениями он это сделает, но его собьют.

Ланна задумался, выискивая, как объяснить пришельцам, что к охранным маякам приближаться опасно. Но аэ-

роразведчик отвернул от первого же маяка и опустился ниже. Картина на корабельном экране изменилась. Возвышения превратились в цилиндрические здания без окон, темные точки стали летательными аппаратами. Полосы превратились в улицы, теперь на них можно было различить дилонов — их становилось все больше: они выходили из домов, собирались в группы, группы снова рассыпались. Некоторые удлиняли шеи и задирали головы, чтобы лучше рассмотреть проносащийся над ними аппарат. Видимо, пришельцев, командовавших аэрооразведчиком, больше интересовали не здания, а их обитатели — аппарат подлетал то к одной, то к другой группке и висел над ней, пока дилоны не расходились. На одного из них, остановившегося на улице с задранной головой, разведчик спикировал — на дисплее возникла удлинённая безволосая голова, покаты́й лоб, острые уши, очень вытянутый губастый и зубастый рот. Дилон, видимо, испугался и сначала отскочил в сторону, а потом убежал.

Аэрооразведчик прекратил наблюдение за жителями и стал перелетать от одного здания к другому, описывая вокруг них круги. Судя по всему, особого любопытства это у пришельцев не вызвало: дома были похожи. Разведчик сосредоточился на средствах передвижения. По улицам проносились рейсовые шары, то один, то другой сокращал в воздухе свой объём, плавно опускался, из него выходили прибывшие, входили улетающие, шар расширялся, быстро поднимался и мчался на другую остановку, где снова выпускал приехавших и забираал отъезжающих. Почему-то простая операция взлета и посадки заинтересовала пришельцев: они перегоняли разведчика от одного шара к другому и держали в опасной близости от них. Но столкновений не было, все движения регулировались очень точно. Уве Ланна после небольшого раздумья установил:

— Пришельцы не используют для передвижения выталкивающую силу атмосферы, поэтому их так поразили наши транспортные механизмы.

— Очень глубокий вывод, — согласился Сын Стирателя Различий и поспешно добавил: — Но что это, Уве Ланна? Они рискуют!

Пришельцы, судя по всему, решили, что информации о зданиях, жителях и средствах передвижения с них хватит, но высокие светящиеся башни надо изучить. Аэроразведчик подлетел к охранному маяку и сделал круг в опасной близости от него. Ронна направил свой поисковик наперерез, чтобы не дать посланцу пришельцев приблизиться к маяку. Но разведчик вдруг камнем полетел вниз, остановился и снова — уже внизу — совершил такую же недопустимую петлю вокруг башни. Ронна поспешно опустил поисковик за аэроразведчиком, чтобы и внизу оказаться между ним и маяком. Но когда шар Ронны оказался рядом с разведчиком, тот взмыл и у вершины башни — самое запретное место — снова закружился вокруг нее.

Ронну вызвал Командующий охранными маяками:

— Уважаемый Сын Стирателей Различий, что у вас за игра? Разве вы не знаете, что приближаться к маяку запрещено?

В этот момент Ронна пытался догнать улетевшего вверх разведчика.

— Я-то знаю, уважаемый Командующий маяками. Но не уверен, что пришельцам это известно так же хорошо, как мне.

— Вынужден действовать по уставу, — информировал Командующий.

Верхушка мачты озарилась и погасла. Но еще до того как она померкла, аппарат пришельцев вспыхнул. Поисковик подлетел к нему, когда его уже не было. В воздухе рассеивались пыль и пар.

Уве Ланна задумался, выстраивая выводы из печального события. Рина Ронна, по профессии обязанный соображать быстрее, воскликнул:

— Хорошо, что на борту не было самих пришельцев! Я лечу к Старейшинам — объяснить, что мы узнали, и оправдаться в том, что мы совершили.

— Что допустили, а не что совершили, — поправил молодой Различник и добавил: — Я возвращусь в Коллегию Дешифраторов и попытаюсь отыскать ключ к поступкам пришельцев.

4

Ничто не показывало, что пришельцы собираются хоть как-то реагировать на уничтожение аэроразведчика. Корабль по-прежнему стоял на полянке в Голубой Роще — он даже не ушел в невидимость, а это, по мнению Ланны, доказывало, что чужаки не опасаются нападения. Не было среди пятерых пассажиров корабля и особого волнения. Правда, лохматый хмурился и, сердито глядя на юношу с рожками, нехорошо шевелил губами, а тот качал головой и разводил руками. Но больше ничего важного не произошло. Четверо пришельцев разошлись по маленьким помещениям, улеглись на узкие подставки, чем-то накрылись, закрыли глаза — и всякое общение между ними прекратилось. Только юноша с рожками на кудрявой голове остался в помещении и то всматривался в обзорный экран — на нем была все та же роща, полянка, звезды, сменившие дневные светила, и неподвижно зависший над кораблем поисковик, — то манипулировал с какими-то кнопками. На пейзаж, изображенный на экране, его манипуляции не действовали.

К этому времени подоспела первая расшифровка наблюдений. И она показалась Уве Ланне невероятной. Все снова и снова проверяя соответствие фактов и объяснений, Ланна пришел к выводу, что факты, конечно, практически реальны, но вместе с тем столь же практически невымыслимы. Был момент, когда новоопределенный Сын Конструкторов Различий даже подумал в отчаянии, что ему стоит отказаться от дарованного высокого звания как незаслуженного, ибо установленные им отличия пришельцев от дилонов вышли за рамки допустимого.

— Ты ошеломлен, Уве Ланна, — заметил вернувшийся Ронна. — Ты открыл что-то странное. Я не ошибаюсь?

— Ты не ошибаешься, Рина Ронна, — ответил молодой Различник. — Я расшифровал их способ передачи информации. Он так отличен от нашего, что кажется попросту немислимым, хотя реален фактически.

После такой глубокой оценки своего открытия Ланна объяснил, что у пришельцев изучены три разных действия: во-первых, уже замеченные раньше жестикуляция и мимика, но они явно вторичны и необязательны — могут быть, но могут и отсутствовать. Во-вторых, более существенно, что движения языка, губ и челюстей порождают звуки, и комбинации очень разнообразны — всего их зафиксировано около трех тысяч. Можно предположить, что таких сочетаний гораздо больше, пришельцы использовали в разговорах, которые удалось записать, далеко не все богатство слов — так они называют свои звуковые соединения.

В-третьих, каждое из них сопровождается излучением мозга такой же примерно физической природы, как и мозговые излучения дилонов при их размышлениях. И каждая мыслительная волна соответствует той акустической комбинации, которую они называют словом. И любой звуковой комплекс сопровождается излучением, характеризующим именно это слово, а не другое.

— Пока все просто, — сказал Стиратель Различий. — Информация у пришельцев, как и у нас, передается излучениями мозга, а акустика — побочный продукт передачи. И мы при разговорах повизгиваем, полаиваем, даже напеваем. И, наверное, есть точная связь попутных звуков нашей речи с самой речью — то есть мыслями, передаваемыми излучением. Но кто будет изучать эту связь звуков и мыслей? Кому она интересна?

— В том-то и дело, что информация у пришельцев передается вовсе не мозговыми излучениями, а звуками. Передача мыслей идет словами, то есть не прямым, а побочным способом, к тому же весьма неточным: пришельцы не всегда

чувствуют соответствие слов и мысли и поэтому часто переспрашивают один другого. Иногда у них возникают споры из-за слов — такие словесные перепалки тоже зафиксированы, — а это немислимо при прямой передаче.

— Твое сообщение так удивительно, что в него и вправду трудно поверить, — согласился Ронна. — Но оно бездоказательно.

— Сейчас я тебе изложу и доказательство.

И Ланна объяснил, что слова у пришельцев сопровождаются адекватными мозговыми излучениями, но те же мозговые излучения существуют и без слов. Такое действие соответствует размышлению дилонов. Отсюда вывод: пришельцы умеют рассуждать, хотя, нет сомнений, их способности примитивней наших. Но излучения, составляющие мысли, никогда не передаются у них сами по себе, для передачи они должны предварительно получить акустическую форму.

— Мы тоже не всегда передаем наши мысли, если не хотим этого. Иначе все, что мы думаем про себя, было бы доступно каждому.

— Не передаем, если не хотим, Ронна! А они если и захотят, то не смогут. Их формы общения так примитивны, что меня охватывает ужас, когда я думаю, сколько времени и сколько энергии тратят они впустую в своих разговорах, сколько путаницы и непонимания в их беседах! И я почти впадаю в отчаянье, когда думаю о сложностях общения с ними. Оно ведь невозможно без взаимной информации. Мы-то сможем понять их слова, но как донести до них наши мысли? Нам не воспроизвести ни одного слова! Мы будем понимать пришельцев, они нас — никогда.

Опытному Стирателю положение не казалось таким уж безнадежным. Конечно, дилоны не сумеют произносить слова, но каждому слову соответствует излучение мозга, ведь так? Пришельцы не воспринимают собственных мозговых излучений — те слишком слабы. Но разве мы не можем увеличить энергию наших?

— Вот тебе выход, Уве Ланна. Мы оперируем только излучениями, не пытаясь воспроизвести их акустически. А пришельцы, получая наши передачи, воспринимают их как привычные им слова.

— Теперь рассмотрим, что обнаружили дешифраторы, — продолжал Ронна. — Пришельцев пятеро. Они из какого-то далекого мира. Главное тамошнее светило — звезда Солнце, окруженная населенными планетами. Сами они с планеты Латона — она в стороне от Солнца. Время в их мирке — прямое и цельное, все живое и неживое у них синхронизировано. Но на корабле имеются аппараты для замедления и убыстрения времени, для искривления его и даже для полной перемены хроновектора в будущее на вектор в прошлое. Корабль — космический хронолет. Название — «Гермес», что оно означает, пока неясно. Пришельцы называют себя людьми или человеками, еще одно наименование — хрононавигаторы. Чем хрононавигаторы отличаются от людей или человеков, точно не установлено. Первый хрононавигатор, он же капитан «Гермеса» — самый волосатый, — Анатолий Кнудсен. Изображение лохматого мужчины на стене, который на него так сильно похож, пришельцы называют портретом бога Хроноса, что это означает — тоже неясно. Коротышка — Михаил Бах, именует себя археологом, человеки зовут его «Академик» — возможно, это словесная характеристика маленького роста. Третий человек, стройный, золотоволосый, — женщина, имя — Мария Вильсон-Ясуко, геноинженер, это ее специальность, нам незнакомая, но, наверное, важная: к Марии Вильсон-Ясуко все относятся с почтением. Теперь двое молодых. Один, без рогов, — хрононавигатор Аркадий Никитин, пока мы о нем ничего не узнали. Последний, с рожками, — Киборг Асмодей, самый подвижный и деловой из пятерки, его красота и умения признаются всеми. Что же до наименования «Киборг», то, видимо, это почетное звание, которого удостоиваются только выдающиеся человеки, мастера на все руки, хотя рук у них всего две и проще было бы квалифицировать таких незаурядных хро-

нонавигаторов как мастеров на обе руки. А имя Асмодей не расшифровано, но, возможно, и в нем есть важный смысл.

— Вот видишь, как много мы узнали о пришельцах, — закончил Ронна. — И можем уже осмысленно воспринимать ротонные картинки. Прикажи подать на экран расшифрованную запись.

На экране снова возникло просторное светлое помещение и пять фигур. Но если недавно оба дилона могли только наблюдать за жестикуляцией пришельцев и движением их губ и челюстей, то теперь они слышали разговор.

— Нет, это же поразительно! — говорил тот полный и невысокий, которого, по утверждению Дешифраторов, звали акакадемиком Михаилом Бахом. — Какие деревья, нет, какие деревья! Каждое до ста метров и больше! Ни в одну эпоху на Земле не было таких гигантов, а ведь растительности хватало. И где? На небольшой планетке, в мире какого-то превратного времени!

— Не превратного, а искривленного, — с улыбкой поправил Кнудсен. — Но какое отношение имеют метаморфозы временного потока к величине деревьев, Миша?

— Знаю: вы, хронофизики, считаете одинаково законными любые уродства времени. Но я — археолог, Анатолий, земной археолог. Для меня не только я сам, но и горы, и океаны, и леса существуют лишь в моем прямом времени — том, которое движется всегда вперед, всегда от прошлого через настоящее к будущему. И хотя физики убеждали меня, что, кроме вещества, существует еще и антивещество и это антивещество можно изобразить как пребывающее во времени обратном, я это понимал, но не чувствовал. И я ждал, что встречу в иновременных мирах с чем-то столь же удивительным, как удивительно само понятие иного времени: деревьями, растущими не вверх, а вниз или вбок, камнями, падающими в небо, холодным жидким металлом... Но вот мы сейчас в каком-то дико запутанном времени, оно не движется вперед или назад, а кружится и петляет. А вокруг хронолета такой же предметный мир, такие же камни и воз-

дух — правда, много плотней нашего земного, такие же вода и растения. Время течет по-иному, а мир в нем такой же. Нет невероятностей и чудовищностей — и это невероятно и чудовищно! И в этом немисливо не нашем времени живут какие-то развитые народы — вон два их разведочных аппарата зависли над «Гермесом»: изучают нас, возможно, и прикидывают, как нас приветствовать — рукопожатиями или залпами? Земное, слишком земное! Не удивлюсь, если аборигены планеты ходят на двух ногах, имеют на плечах по одной голове и обратятся к нам на человеческом языке.

В разговор вступил молодой хрононавигатор:

— Анатолий, я снова прошу: снимем оптическую невидимость и пойдем на разведку.

Кнудсен посмотрел на экран. Два шара — явные разведчики — словно лежали в воздухе, спокойно, как на фундаменте. Примчавшись на полянку, они вдруг стали сжиматься и опускаться. Потом сжатие прекратилось, оборвалось и падение. По всему, выталкивающая сила местной атмосферы уравновешивала вес шаров. Что могли фиксировать разведчики, упрямо не отрывавшиеся от корабля? Оптический экран для них не помеха: они, перед тем как замереть в неподвижности, облетели весь корабль и так точно повторили извив его корпуса, как если бы видели его на ярком свете. Если аборигены применяют гравитационные индикаторы, то могут не только изучать незнакомый объект, но и наносить по нему гравитационные удары. Гравитаторам корабля задана программа отражения гравитационного нападения. Но никаких признаков агрессивности не было. И не было сигналов — гравитационных, оптических, тепловых, электромагнитных, — которые зафиксировали бы желание контакта: аборигены ограничивались наблюдением за кораблем.

— Выпускаем разведчика, — распорядился Кнудсен.

Затем оба дилона увидели то, что уже наблюдали раньше: наружу вылетел аэроразведчик, корабль выключил оптическую защиту, а сами они на одном из поисковиков помчались вслед за эллипсоидом.

— Что мы делали, рассматривать неинтересно, Ланна, — заметил Ронна. — Сконцентрируемся на том, что видели в это время пришельцы на своем экране.

Пришельцы видели то же самое, что совершалось перед глазами Ронны и Ланны, когда они сопровождали эллипсоид в его метаниях над городом и мешали ему опасно приблизиться к охранным маякам. Интереснее были комментарии человек.

— Настоящий город! — воскликнул Бах. — Правда, здания без окон. Боюсь, они не радуются свирепому сиянию своей белой звезды. Отсутствие окон — наверно, для защиты от нее. Сколько аборигенов на улицах! Асмодей, познакомь нас с кем-нибудь поближе.

Асмодей, сидевший у пульта, направил астроразведчик на одного дилона, задравшего вверх голову.

Женщина, сидевшая рядом с Кнудсеном, вскрикнула. Дилон, испуганный пикировавшим на него эллипсоидом, проворно удрал, а женщина сказала:

— Какой уродец! Собачья морда, а не лицо. И сколько зубов в пасти! Но глаза добрые и умные. И как он улепетывал, когда наш датчик стал падать на него: похоже, подумал, что его собираются раздавить. Между прочим, все они хвостатые и чудовищно длиннорукие.

Кнудсен задумчиво сказал:

— Не знаю, можно ли так говорить: «между прочим, хвостатые и длиннорукие». А если здесь это важная функция — быть хвостатым и длинноруким? Не между прочим, а по существу, Мария! Напомню, что на Латоне в своей геноструктурной лаборатории ты выводила живые конструкции со множеством необычных и неожиданных органов и деталей. Ведь так? Но у каждого нового органа была своя важная функция, ни один не создавался «между прочим».

Женщина с улыбкой посмотрела на Кнудсена.

— Анатолий, ты продолжаешь попытки обратить меня в свою веру. Но я говорила тебе, что в геноструктурной лаборатории на Латоне новые живые формы создаются по разра-

ботанным разумным проектам. Не верю в разумность природы. Она работает не по чертежу, не по программе. Это игра стихийных сил, а не проникновенность разума. Вынужденная реакция на внешнюю необходимость. Природа — творец, не отрицаю, но плохой конструктор. И я это всегда буду утверждать.

— Мы, между прочим, для того и отправились в наше хронопутешествие, чтобы выяснить, кто из нас прав, — примирительно сказал Кнудсен.

Асмодей, показывая рукой на экран, закричал:

— Аборигены мешают разведчику. Что делать?

В это время разведчик приближался к башне, и поисковик дилонов вклинился между ним и маяком, перекрывая подлеты. Молодой хрононавигатор, Аркадий Никитин, сказал:

— Анатолий, вот прекрасный способ выяснить намерения аборигенов. Они отгоняют от башни — значит, там что-то запретное. Но как они поступят, если мы продолжим разведку? Какие у них средства защиты?

— Информация методом провокации, — сказала женщина, пожимая плечами. — Не уверена, что это лучший способ знакомства.

— Лезть на рожон не будем, но и отступить не надо, — сказал Кнудсен. — Асмодей, покажи, что способен уйти от контроля, но резким сближением не нервируй.

Асмодей легко увел эллипсоид вниз, еще легче оторвался от шара, взмыв вверх. Игра, только начавшись, прервалась. Тускло светившаяся верхушка башни вспыхнула и погасла. Аэроразведчик превратился в клубок пламени, пламя стало облачком пыли, пыль рассеивалась в воздухе. Пассажиры трансмирового корабля молчали, не отрывая глаз от экрана.

— Поделом нам, — прервала молчание Мария Вильсон-Ясуко. — Имели ясное указание, что можно и чего нельзя, и вызывающе не посчитались с этим.

— Обращаю внимание, — доложил Асмодей, — что разведчик перед распадом вдруг завибрировал. В него не стреляли, его не облучали силовыми полями. Он вспыхнул и

взорвался изнутри, а не от удара извне. Он распался от безмерно усилившейся вибрации. Мне такие методы уничтожения неизвестны. На нас напали неведомым мне способом.

— Не напали, а защитились, Асмодей, — поправил Кнудсен. — Итак, аборигены, так похожие на земных собак, только со змееобразными руками и большим хвостом, искусно защищают свои секреты. Это хорошо.

— Что тебя, собственно, радует, Анатолий? — поинтересовался Бах. — Что наши новые знакомые, с которыми мы, впрочем, еще не познакомились, обладают мощными средствами уничтожения? Или — конкретнее — что без особых усилий превратили в облачко праха наш разведчик?

— И то и другое, Миша. Потому что оба факта свидетельствуют об их мирных намерениях. Имея такие эффективные средства борьбы, они могли бы напасть на нас, но не сделали этого — значит, войны не хотят. А уничтожением аэроразведчика продемонстрировали, что имеют секреты и предлагают в них не проникать. Напомню, что осмотр города и жителей возражений не вызвал. В общем, я надеюсь на дружбу.

— Что мне делать, капитан? — спросил Асмодей. — Запустить второй разведчик, но держать его подальше от запретных башен?

— Не надо. Тебе — дежурить. Нам четверым — спать. После сна высаживаем десант: начальник — Аркадий Никитин, эксперт — Михаил Петер Бах, помощник и охранник — Асмодей. Мы с Марией страхуем вас защитными механизмами «Гермеса». Теперь — по каютам.

Пассажиры корабля разошлись.

Рина Ронна притушил экран. На нем был один Асмодей. Этот красивый рогатый парень напевал, трогал гибкими пальцами какие-то кнопки и ручки, — важного значения его действия не имели.

— Умный народ эти люди или хрононавигаторы, что, возможно, одно и то же, — с уважением промыслил Ронна. — Даже странно, что существа с такими конструктивными недоработками тела, с таким примитивным обменом

информацией — только при помощи слов, не всегда адекватных мыслям, с такими... в общем, что они быстро уловили наши возможности и наши намерения. Ты зафиксировал, что они успели узнать о нас и что мы узнали о них?

Ланна перечислил, что считал самым важным. Дилоны узнали, что защита корабля непроницаема для звука, света, корпускулярного излучения, что гравитационные аппараты, которыми он оснащен, в любой момент могут превратиться в орудия истребления. Человечки не имеют представления о ротонных прожекторах. О резонансных механизмах догадываются, ибо азроразведчик был испепелен перед их глазами. О разрыве времени на Дилоне не знают. Воевать с нами и покорять нас не намерены — и не только потому, что уступают нам в уровне техники. В отличие от рангунов, хрононавигаторы, они же люди, они же человечки, патологической воинственностью не заражены.

— Неплохо, — одобрил Рина Ронна. — Тебе, полагаю, поручат доложить о пришельцах Старейшинам. Основу доклада ты уже выстроил. Противодоклад делаю я. Ты уже обговорил с Мат Магоном ваше взаимоперевоплощение?

— Когда же, Ронна?

— Все же не тяни с операцией. За появлением пришельцев может последовать много разных событий. Ты должен быть полностью синхронизирован, чтобы не попасть в беду, если возникнут непредвиденности. Говорю это тебе не только как друг, но и как провидец по должности.

— Все сделаю, — пообещал Ланна без энтузиазма.

— Теперь так, — продолжал Рина Ронна. — После сна люди высаживают на Дилону десант. Мы с тобой поведем этот десант в Ратушу. Надо их прозеркалить, без этого — никаких дружеских контактов.

— А если они воспримут прозеркаливание как враждебное действие?

— Не воспримут, Уве. Ты ведь помнишь, что говорил их капитан Кнудсен, так похожий на портрет своего родственника?

— На портрет бога Хроноса, Ронна.

— Я и говорю — не то брата, не то отца. Они поняли, что мы не желаем им зла, а мы знаем, что они прилетели не воевать, а познавать нас. После прозеркаливания — прием у Старейшин, наши с тобой доклады и окончательное решение Программы Судьбы пришельцев. Подразумеваю программу их пребывания на Дилоне, а не существование вне планеты.

— Ты не боишься, что рангуны помешают приему пришельцев?

— Боюсь. Даже очень. Но надеюсь на разум Кун Канны. Он хоть и служит рангунам, но все же дилон, а не рангун. Он отговорит Ватуту от нового нападения на пришельцев. На всякий случай Братья Опровергатели приняли меры: на всех маяках, на всех батареях резонансных орудий дежурят полные комплекты операторов. Даже хронобойные аппараты задействованы.

5

Киборг Асмодей для первого выхода на незнакомую планету выбрал свою любимую личину № 17. Он охорашивался, поправлял кудри и складки одежды — высокий, темнолицый, остроглазый, с узенькой бородкой на удлинненном лице, с двумя серебряными рожками, красиво выступающими из курчавых волос, с жесткими усиками, в богатом костюме средневекового аристократа: камзол, короткие штаны, шелковые чулки, шпага на левом боку, сверкающий бриллиантами пистолет — на правом. Мария смеялась, Аркадий хохотал.

— Одеждой ты похож на французского маркиза, а усами — на какого-то немецкого монарха. В общем — помесь дьявола с аристократом. А зачем шпага и пистолет? Устраивать дуэли с аборигенами?

Асмодей выхватил шпагу и ткнул ею в Аркадия. Лезвие при выпадении удлинилось втрое узким снопиком пламени.

Выстрел из пистолета прозвучал неслышно, но Аркадий не устоял на ногах. Впрочем, Асмодей успел его подхватить.

— Одна сотая мощности, — сообщил он, сияя. — А если на полной?

— Но зачем такое театральное оформление? Разве бластер с переключателем мощности хуже?

Бластер не отвечает личине № 17, объяснил киборг. Зато в личине № 15 — образе юного звездoproходца — ни шпага, ни пистолет в драгоценных камнях, разумеется, ни к чему. Не годятся они и для личин от № 1 до № 14, копирующих змею, кентавра, волка, сфинкса, корову и прочую живность.

— Аборигенам личина № 17 понравится, — заверил Асмодей. — Вы, люди, мало интересуетесь собственной историей, вы устремлены в будущее. А я без истории не могу. Я еще покажусь тебе в образе грека-рапсода, увенчанного лавровым венком, или старшины гильдии палачей в кроваво-красном плаще и с топором на плечах, или казака-разбойника на лихом скакуне, с пикой наперевес. Обалдеешь!

— Расскажи, почему друзья прозвали тебя Асмодеем, — со смехом попросила Мария.

Асмодей охотно поведал, что раньше собственного имени не носил и значился в каталоге как «Конструкция опытная многоцелевая на двадцать четыре функции и девятнадцать обликов». И вот, прикидывая обертоны к личине № 16, то есть трудяге-лаборанту с большим научным будущим, он для забавы добавил себе светящиеся рожки, усы, бородку, длинные когти на мохнатых руках и усилил сверкание глаз до зловещего блеска. И в таком виде вдруг появился перед одной лаборанткой. Та сперва отшатнулась, потом захохотала: «Ах ты, Асмодей!» Так состоялось крещение киборга-универсала дьявольским именем Асмодей.

— Бесовскую внешность я тогда придумал сам, — с увлечением хвастался Асмодей. — Скопировал картинку из книги «Мифические представления древних народов о нечистой силе». Я только не прирастил себе хвоста. Между прочим, верхов-

ных демонов Люцифера и Вельзевула, а также главного Сатану тоже рисуют без хвостов. Хвост — чиновное отличие низших бесов. В низшие бесы мне не захотелось, в верховные дьяволы не пожелал. Стать Люцифером или главным Сатаной — церемониал, жуткая хлопотня, больше парада, чем дела. А я обожаю действовать. Оперативность мне по душе, хотя души в меня не встроили. Я спрашивал конструкторов — отвечают: не знаем, как душа выглядит в физической модели, математической формулы тоже нет. Научная недоработка, по-моему.

И он нечеловечески захохотал.

Когда киборг закончил приукрашиваться, Аркадий попросил разрешения на выход.

— Немного подождем, — ответил Кнудсен. — Меня тревожат новые шары.

Один из шаров недвижно висел над «Гермесом» с того момента, как корабль опустил на полянку в гуще голубых деревьев. Второй улетел за аэроразведчиком. А недавно появились еще два шара. Все три были цельными, без иллюминаторов и люков, по их поверхности пробегали цветковые волны, шары казались гигантскими мыльными пузырями, тускло поблескивающими в сиянии двух солнц — одно катилось на закат, другое восходило...

— Что тебя беспокоит? — спросил Аркадий. — Что в каждом шаре сидят аборигены? Нового в этом нет.

— Новое в том, что два шара появились точно к вашему выходу наружу. Уж не поджидают ли вас?

— Если поджидают, значит, подготовили почетный эскорт.

— Но ведь мы им не сообщали, что выходим! И никаких признаков того, что мы собираемся это сделать, они увидеть не могли. Как же они узнали о нашем решении?

— Не рано ли мы приписываем аборигенам умения, превосходящие наши собственные? — возразил Аркадий.

— Во всяком случае, умения, отличающиеся от человеческих, мы допустить вправе, Аркадий. Ладно, выводите десантную авиетку.

Когда авиетка вынеслась наружу, два новых шара пристроились у нее по бокам. Скоро стало ясно, что они не просто эскортируют авиетку, а задают направление. Аркадий заколебался, куда направиться: вчера аэроразведчик показал несколько мест, заслуживающих изучения. Но оба шара синхронно повернули вбок и придвинулись ближе. В авиетке свободно помещались три человека, но она выглядела крохотной рядом с шарами.

— Приглашают на посадку, — сообщил Аркадий на «Гермес». — Весьма интенсивно худеют. Я немного покочевряжусь — посмотрю, как они себя поведут.

Оба шара, сокращая объем, плавно опускались вниз. Это могло сойти и за приглашение на посадку. Аркадий задержал авиетку на высоте. Оба шара остановились, словно поджидая. Вместо снижения Аркадий задал автоматам подъем. Авиетка задрожала и закачалась, как на волне. Что-то внезапно заблокировало автоматы подъема.

— Потеряли управление, — передал Аркадий на «Гермес».

— Не противодействуйте, — отозвался Кнудсен. — Мы все видим. В случае опасности прикроем.

Аркадий вторично проверил управление. Подъем отключился полностью, автоматы спуска и поворота вяло отвечали на команду — их тоже блокировали.

— Нам разрешают лишь те действия, которые им удобны, — прокомментировал положение Аркадий. — Бездействие тоже разрешено. Остается сложить руки на груди и безмятежно ожидать встречи с хозяевами. Думаю, выключение всех двигателей сойдет за сложенные руки.

В нормальных условиях при остановке двигателей авиетка должна была камнем рухнуть вниз. Но она так же плавно, как и шары, опускалась между ними. Летательные аппараты аборигенов одновременно коснулись грунта, за ними мягко опустилась и авиетка. На шарах не было и намека на люки, но один из них вдруг распахнулся — и из него вышли двое. Они были похожи на сутулых людей, но еще больше — на

вставших на задние лапы крупных собак с непомерно длинными и гибкими передними лапами. Оба неспешно пошли к авиетке. Хрононавигаторы тоже выбрались наружу. Аркадий заготовил традиционную фразу: «Земляне приветствуют вас, друзья!» Затем полагалось радушно поднять руку и присмотреться, кого же, собственно, в эти «друзья» зачислили.

Все уставные варианты знакомства оказались ненужными.

Один из аборигенов протянул внезапно укоротившуюся руку с целым гребешком пальцев и заговорил на хорошем человеческом языке:

— Приветствуем тебя, хроноштурман Аркадий Никитин, и тебя, академик Михаил Бах, и тебя, киборг Асмодей, в твоей прекрасной личине № 17! Вы прибыли на планету Дилону в звездной системе Гаруны Белой и Гаруны Голубой. Вы — наши гости. Вас ждут властительные Старейшины, Конструкторы Различий, Стиратели Различий, Братья Дешифраторы и Братья Опровергатели.

И Аркадий, и Бах понимали, что ни в коем случае нельзя стоять с вытаращенными глазами и раскрытым ртом: на Земле это посчитали бы невоспитанностью, а доказательств, что на Дилоне нормы общения другие, не было. Бах нашелся первым.

— Вы говорите по-человечески? И знаете наши имена и кто мы? Как это возможно?

— Братьям Дешифраторам пришлось потрудиться, — не то прозвенел, не то пропел дилон. — К тому же вы прикрыли свой корабль оптическими и корпускулярными экранами, даже гравитационные искатели лишь контурно ощупывали его. Но об этом потом. Меня зовут Рина Ронна, я — Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор. Мой друг, Уве Ланна, молодой Сын Конструкторов Различий. Мы будем отвечать на ваши вопросы и знакомить вас с нашей жизнью.

Все пятеро шли по улице, заполненной аборигенами. Рина Ронна с Аркадием — впереди, за ними Бах с Асмодеем, шествие замыкал Уве Ланна. Почетный эскорт был похож

на древний земной конвой для заключенных. Ронна, идя, разговаривал, Ланна, который шагал так же энергично, не проронил ни слова — возможно, просто не настолько хорошо освоил человеческий язык. Бах вдруг обнаружил несообразность: он отчетливо слышал человеческую речь, но звуки, которые дилон произносил ртом, не могли быть словами — они напоминали тихий визг, напев, иногда приглушенный лай. «Передают слова мысленно, а физически не говорят», — с удивлением зафиксировал Бах.

Аркадий с Бахом рассматривали выстроившихся вдоль дороги дилонов. Их глазами видели аборигенов и Кнудсен с Марией. Впечатление, что дилоны похожи на поднявшихся на задние лапы собак, было верным лишь в первом приближении. Они, конечно, были человекоподобны. Только голова с вытянутым лицом и острыми ушами была нечеловеческой, да еще слишком короткие ноги и слишком длинные руки. Ну и хвост, разумеется. Бах вполголоса заметил Асмодею, что на расстоянии дилонов можно принять за пещерных людей. Аркадий мысленно обратился к Марии: если бы ты в своей геноструктурной лаборатории соединила гены человека с генами собаки и обезьяны, то получилось бы дилонообразное существо.

Аркадий забыл, что дилоны понимают человеческие мысли и что молчаливая передача на корабль так же ясна им, как и негромкое замечание Баха. Ронна доброжелательно напомнил об этом:

— Итак, у нас есть сходство и с людьми, и с неизвестными нам существами — собаками и обезьянами. Надеюсь, собаки и обезьяны пользуются у людей почетом?

Аркадий абсолютно искренне ответил:

— Собака — лучший друг человека. А что до обезьян, то мы считаем их своими предками.

Теперь он знал, что надо не только помалкивать, но и воздерживаться от рискованных мыслей. Аркадий вспомнил, что в курсе «Техника безопасности при знакомстве с инозвездными цивилизациями» начинающему астронавту

задавали разные вопросы и требовали не допускать никаких мыслей, относящихся к ним, — регистратор мозговых излучений фиксировал, удалось ли это ученику. Астронавты дружно восставали против запрета спровоцированных размышлений как насилия над интеллектом. Контроль над мыслями — одно из худших явлений древности, говорили многие. Впрочем, в каждой учебной группе появлялись и свои рекордсмены-мыслемолчалники. Аркадий к ним не принадлежал. Зато сейчас радовался и своей скромной отметке на экзамене.

Улица складывалась из глухих зданий. Каменные пятидесятиметровые цилиндры не имели ни окон, ни дверей — только подземные входы с падающими вниз туннелями. Цилиндры вытягивались в две линии, полоса между ними и была улицей, а на ней такими же ровными рядами, как здания, выстроились дилоны. Ни один не нарушал невидимую запретную линию, но за ней все толкались, повизгивали, покрикивали и, удлинняя руки, высоко поднимали их над голыми головами. Передатчики хрононавигаторов фиксировали все звуки, а расшифровку исчерпывали единственным словом: «Радуются!» И Асмодей, легко превращающий всего себя в огромный приемник, это подтвердил.

«Наше появление превратилось в торжественный спектакль», — сказал Асмодей и хохотнул. Ему нравилось, что он — причина праздника.

Аркадия удивило, что на улице не видно ни одного из транспортных шаров: накануне, по данным аэроразведчика, их было очень много. Ронна ответил, что шары убраны, чтобы не мешать процессии. Пришельцы могут не беспокоиться о них.

Шары появились почти сразу. Что-то загрохотало, тяжелый гул пронесся над городом. Дилоны, стоявшие вдоль улицы, заметались, бросились в узкие входные туннели домов, но в толчее стали застревать и валиться один на другого. Ронна что-то прокричал людям, но его оттерла охваченная паникой толпа. Ланна тоже пропал. В этот момент

в воздухе и возникли транспортные шары — и посыпались вниз. Они распахивались — и в них набивались дилоны. Заполнившись, шары взлетали и пропадали за линией цилиндрических глухих громад.

И спустя короткое время хронавты обнаружили, что они одни. Аркадий вызвал хронолет. На экранчике наручного передатчика возник салон «Гермеса». Кнудсен сидел у пульта.

— Что-то чрезвычайное, аборигены впали в ужас, — сообщил Аркадий.

— Мы прикрыли вас силовым щитом, — ответил Кнудсен.

Снова раздался грохот — и вся планета вдруг загудела, запела, застонала, зазвенела, завывала. Это была какая-то фантастическая, надрывная симфония: каждый камешек, каждая травинка голосили то пронзительно режущим, то гулким, как обвал, то утробно рычащим звуком. Все вибрировало и подергивалось. И внезапно все внутренние, надсадные вибрации превратились в одну огромную всепланетную судорогу.

Дилона словно взорвалась. Людей швырнуло вверх — все трое закачались в воздухе: сработала защита. Небо моталось из стороны в сторону. Две Гаруны, Белая и Голубая, то рушились за горизонт, то вырывались наверх и снова падали, как отрубленные на плахе головы. И, в такт метаниям солнц, высотные цилиндры глухих зданий тряслись и изгибались, как былинки на ветру.

А спустя еще некоторое время грохот взрыва стал ослабевать. Планета еще дрожала, но оба светила перестали носиться взад и вперед, тяжелый подземный гул затихал, здания, окаменева, уже не падали одно на другое. Все возвращалось в то состояние, в каком обреталось перед внезапной катастрофой, словно и самой катастрофы не было. Десяток минут назад Аркадий не сомневался, что город разрушен и улица, по которой они шли, завалена обломками, а под ними погребены дилоны, бросившиеся в туннели. Но здания стояли невредимые, улица была как улица, только пустая, а на небе сияли жаркая Гаруна Белая и ла-

сковая, почти нежная Гаруна Голубая: Белая — побольше, Голубая — поменьше.

— Миша, что это было? — спросил Аркадий. Все трое покачивались на высоте: Кнудсен пока не снимал защиты.

— По-земному — землетрясение, по-местному, наверное, дилонотрясение, — с воодушевлением отозвался академик. Он сиял, словно его чем-то обрадовали. — Великолепное зрелище! Какая сейсмоустойчивость зданий! Качались и сгибались — но ни одно не разрушено. Случись такая катастрофа на Земле — и города превратились бы в кучу пыли, реки вышибло бы из русел и всюду зияли бы разломы.

На пустую улицу сел вырвавшийся между зданиями шар, из него выскочил Ронна.

— Опускайтесь на грунт, пришельцы!

Кнудсен отключил защиту, и хронавты опустились на землю. Асмодей тоже был восхищен — но по-своему. Он радостно воскликнул:

— Отличный спектакль, дружище Ронна. Игра в паническое бегство разыграна великолепно!

Рина Ронна, Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор — длиннорукий, хвостатый, телом смахивавший не то на обезьяну, не то на неандертальца, а лицом — на большую добрую собаку, — так выразительно помрачнел, что сразу стало ясно: спектакля не было, было несчастье.

— Асмодей, киборг и обладатель прекрасной личины № 17 (и еще многих других личин), ты стал очевидцем не игры, а преступления. На нас неожиданно напали рангуны. И если бы Братья Опровергатели не подготовились заранее, жертв было бы гораздо больше, хотя и сейчас их, к сожалению, много. Хочу вас заверить, пришельцы, что техника опровержения у нас на высоком уровне. Можете не сомневаться: презренных рангунов сейчас трясет и швыряет еще сильнее, чем они хотели потрясти и пошвырять дилонов. Впрочем, им это не страшно: они бессмертны.

— Эта демонстрация была подготовлена для нас? — спросил Аркадий.

— И для вас тоже. Рангуны захотели показать вам свою силу.

— Но если нам грозила беда, почему вы нас бросили?

На собакообразном лице Ронны проступило удивление. Он мог бы разговаривать не мыслями, трансформировавшись в мозгу людей в слова, а одними гримасами — и все было бы понятно.

— Ты забыл, хроноштурман Аркадий, что мы не под силовой защитой твоего корабля. Окажись Братья Опровергатели менее бдительны, весь город усеяли бы обломки домов и трупы.

Из туннелей выбирались жители. То тут, то там опускались возвращавшиеся шары, из шаров выпрыгивали дилоны. Но, в отличие от прежней, эта восстановившаяся толпа была тихой. Нападение рангунов порядком испортило всем настроение.

Из одного шара вывалился Уве Ланна и молчаливо построился на прежнем месте. Асмодей, осклабясь, хлопнул его по плечу. Ланна только взглянул на него большими грустными глазами, не обрадовался и не обиделся — возможно, не понял, что означает этот странный жест. В отличие от своего товарища, молодой Различник казался замедленным и постоянно погруженным в размышления.

Все пятеро подошли к цилиндрическому зданию, замыкавшему улицу. Не только самое высокое, но и самое массивное, оно было к тому же ярко-голубым, а не серо-черным, как остальные. И в него вел не узкий туннель, а просторный коридор, выложенный золотым, ярко светящимся камнем. По обе стороны голубого здания вздымались узкие башни с венцами: одна из таких башен, когда аэроразведчик подлетел к ней слишком близко, превратила его в облачко дыма и праха.

— Обиталище Старейшин, — торжественно возвестил Ронна. — Шествуйте за мной, человеки.

Ронна остановился в просторном вестибюле с малиновыми колоннами из самосветящихся монолитов, облицованном золотыми плитками.

— Дорогие гости, раньше, чем мы предстанем перед высокими Отцами Конструкторами Различий и могущественными Отцами Стирателями Различий... В общем, мне и Различнику Уве Ланне поручено вас тщательно прозеркалить. Я сказал «тщательно», чтобы следовать духу вашего языка и образу ваших действий, ибо, как обнаружили Братья Дешифраторы, у вас имеются три меры исполнения: тщательное, посредственное и халтурное, иначе халатное. Правда, не установлено, что вы больше любите: халтурное или халатное. У дилонов таких различий нет, все наши операции соответствуют вашему «тщательное».

Аркадий поинтересовался:

— Прозеркалить? Что это значит?

— Вас усадят перед проникновенными зеркалами. Проникновенные они потому, что сначала проникают, потом отражают. И вы увидите себя такими, какие вы сейчас и какими были в юности и детстве. А после посмотрите, какими станете в будущем. Ибо в проникновенных зеркалах вызеркаливается не ваша внешность, а ваша суть. Просто, не правда ли?

— Совершенно просто! — Аркадий обалдело поглядел на Баха.

Но академик не удивился. Он ждал неожиданностей и разочаровался бы, если бы их не произошло.

6

Комната была как комната — такую можно увидеть и в земных зданиях. Высокий потолок чернее сажи создавал ощущение полного своего отсутствия. Стены — розовые, самосветящиеся, широким обводом замыкали небольшое пространство, в центре его на треноге стояло обычное зеркало. В нем бесстрастно и точно отразились дилоны и хронавты. Ронна раза в два удлинил правую руку, что-то нажал в стене — и она бесшумно раздвинулась. Наружу выползло

кресло с балдахином и подъехало к зеркалу. Ронна укоротил руку и помахал ею.

— Аркадий, садись и сосредоточься. Углубись в свою душу — я вижу в твоём мозгу, что именно так вы называете то, что тебе предстоит.

Аркадий не был уверен, что именно углубление в собственную душу прочитал в его мыслях Ронна, но подтянулся, словно готовясь к прыжку. Ронна отвел в сторону Баха и Асмодея — им, видимо, не полагалось лицезреть прозеркаливание чужой души. Дилоны встали позади Аркадия, оба следили за сменой изображений в зеркале, впрочем, по-настоящему их рассматривал один Ронна, а Ланна, бросив взгляд на изображение, тут же начинал размышлять о нём.

Из зеркала на Аркадия смотрел он сам, насупленный, со сжатыми губами и округлившимися глазами. Аркадию захотелось рассмеяться, таким забавным показалось «прозеркаливание». Он удержался от смеха, но улыбка все-таки выползла на лицо. Аркадий знал, что улыбнулся, чувствовал, как раздвинулись губы, он словно сам, со стороны, видел свою улыбку — насмешливую, тут же опасно сдернутую с лица. Но в зеркале ее не было, зеркало ее не приняло, в нем отражался румяный, золотоглазый человек с длинными оранжевыми кудрями, спадавшими на плечи. Красивый, в общем, парень, но не улыбчивый, а нарочито хмурый — улыбка такому не шла.

Удивившись, Аркадий стал всматриваться. Удивление тоже не отразилось. Аркадий вдруг понял, что не узнает себя в зеркале. Он выглядел гораздо моложе и молодел все больше. Он сидел в кресле один и тот же, а изображение показывало сначала взрослого, гордящегося своей красотой мужчину; мужчина преобразовался в юношу; юноша превращался в мальчишку. И хоть сам Аркадий не сдвигался с места и, крепко схватившись за ручки кресла, старался не менять окаменевшей на лице сосредоточенности, лицо в зеркале непрерывно менялось. В нем зарождались и боролись чув-

ства, оно было то гневным, то растроганным, то безмерно удивленным, то ошалело ликующим. Но ни разу его не омрачила злоба, ни разу оно не выразило ненависти. Он был очень разный, этот красавец-мужчина, потом — нервный вспыльчивый юноша, затем — угловатый, совсем некрасивый мальчик. Но кем бы он ни был — в любую минуту жизни он оставался добрым. Это было главное свойство его натуры: то скрытая, то выпирающая наружу, но никогда не отменяемая доброта — и в гневе, и в радости, и в печали...

— С прошлым у тебя благополучно, — произнес Ронна, и изображение пропало. Аркадий по-прежнему всматривался в гладкую поверхность зеркала, но оно, уже ничего не отражая, вдруг стало потухшим экраном. Ронна продолжал: — Переключаю на будущее. Посмотри, кем ты способен стать.

Теперь Аркадий уже немного знал о зеркале и не удивился, когда оно снова отразило его таким, каким сидел в кресле. Но изображение стало ощутимо стареть. На переходе от завершенной взрослости в начинающуюся старость оно замерло. Из зеркала глядел мощноголовый представительный мужчина, в его волнистых волосах посверкивала седина, он был похож и на Анатолия Кнудсена, и — еще больше — на грозного бога Хроноса с картинки, висевшей в корабле. С минуту Аркадий Никитин разглядывал Аркадия Никитина, смотрящего из будущего на себя нынешнего, а затем изображение стало меняться. Он оставался тем же, но какая-то огромная ответственность придавила плечи, сделала хмурым лицо. И снова не было ни злобы, ни иссушающей душу ненависти. Он был суров, но по-своему, по-суровому, добр, — таким необыкновенное зеркало увидело будущего Аркадия Никитина.

— Готово! — сказал Ронна. В этот момент он был похож на земного фотографа, разрешающего вернуться от парадной позы к обыденности.

— Неужели я и вправду буду таким? — воскликнул Аркадий, вскакивая с кресла.

— Будешь, если будешь, — темно ответил Ронна.

— Как понимать — буду, если буду?

Ронна объяснил, что проникновенное зеркало изображает возможности тех, кто садится перед ним. И оно моделирует обстоятельства, при которых внутренние потенции способны осуществиться: предсказывает поведение согласно характеру. Однако возможности не всегда реализуются. Удар камнем, налетевшая волна, пожар в доме, нападение и, конечно, разрыв связи времен в организме — и нет будущего. И не станут реальностью потенции, которых у него так много.

— Надеюсь, потенций преступника ваше сверхпроницательное зеркало во мне не обнаружило? — со смехом поинтересовался Аркадий.

Нет, в характере хроноштурмана Аркадия Никитина преступные тенденции отсутствуют. Возможность стать злодеем настолько маловероятна, что злодеем ему не быть.

— Твоя очередь прозеркалиться, пришелец Михаил Бах, — объявил Ронна.

Знаменитый на Земле академик Михаил Петер Бах очень хотел узнать о себе что-нибудь, чего бы не знали ни он, ни другие. Садясь в кресло, он был готов познакомиться с незнакомым собой, увидеть в себе невидимые самому подспудности. Но зеркало не открыло никаких тайн. Оно показало, что этот человек, археолог Бах, именно такой, каким его воспринимают. Он всегда был един и целостен — и в детстве, и в молодости, и в нынешней зрелости — и будет таким же в славной старости, если до нее доживет. В зеркале отразился неутомимый путешественник. «Работаю ногами и головой одновременно, такое наше дело», — говорил он о себе, посмеиваясь. И в будущем зеркало показало седого, подвижного старичка, веселого и вдумчивого. Старичок смотрел умными глазами на себя, сидящего в кресле, что-то жарко и убежденно — не произнося ни слова — доказывал и сердился, что доказательство недоказательно. Миша Бах — так его называли в молодости, так к нему обращались друзья, когда

он достиг научных высот, — таким же Мишей Бахом придет к неизбежной могиле, не обретя имени посолондней.

Бах, однако, почувствовал себя жестоко обиженным. Среди его многочисленных научных успехов был один, последний, значительнейший, — поразительная находка, самое удивительное открытие из всех совершенных археологией за многие века своего существования. Нет, не просто интересная находка, не просто археологическое открытие, а переворот в воззрении человечества на собственную историю, перемена представлений о развитии всей Вселенной — он и такой огромной формулировки не побоится. Разве это его последнее достижение не вызвало споры на всей Земле, разве не из-за него подготовили небывалую экспедицию в миры искривленного времени, разве не для его проверки сконструировали и оснастили трансмировой лайнер «Гермес», свободно, в любом уголке мироздания меняющий ток физического времени? И вот — и намека нет на величайший подвиг его жизни! Мелочи, разрозненная ерунда: улыбающиеся глаза, руки, перебирающие какие-то черепки, ноги, неумоимо шагающие по пустыне, карабкающиеся по скалам, морщины на стареющем лице, а не единственно важное — великое его открытие.

И оскорбленный Бах хмуро заметил, поднимаясь из кресла:

— Маловато тайн раскрывает ваше волшебное зеркало, Ронна.

— Вполне достаточно, можешь мне поверить, — ответил дилон. — Ты один остался, Асмодей.

Асмодей с готовностью уселся в кресло. Он сразу захохотал, и хохот отразился в зеркальном стекле — он был важной характеристикой киборга. Еще Асмодей покривлялся, наставив на зеркало рожки, лягнул зубами, выбросил, поднатужась, облачко дыма из ноздрей, но ничего этого в зеркале не отразилось. Зато оно словно просветило киборга. Асмодей сидел в кресле, упакованный в свое любимое обличье № 17, помесь древнего аристократа и получиновного беса, а в стекле отражались умело смонтированные аккумуля-

ляторы, емкости, провода и живые ткани. Затем замелькали личины — кентавр, змея, тигр, человек (то мужчина, то женщина). А после возник лабораторный стенд, и на стенде лежало то, из чего монтировался киборг. Напоследок зеркало отразило коренную его сущность — таблицу цифр и знаков, цифры и знаки соединялись в формулы — программы поведения при разных обстоятельствах.

— Ты ясен, Асмодей, — произнес Ронна, и зеркало превратилось в тусклый экран.

— Вы не полюбовались моими эмоциями, — с сожалением сказал Асмодей. — У меня есть все пять человеческих чувств: зрение, обоняние, слух, вкус и осязание, только они тоньше и острее, чем у людей, можешь не сомневаться. А вот шестого чувства — любви к особи другого пола — у меня нет, потому что я внеполоый. Подчеркиваю: не бесполоый, а внеполоый. И это, скажу тебе, дилон, мое преимущество, ибо ни страдания неудовлетворенной любви, ни рабское угождение объекту...

— Знаем, знаем, — успокоил его Ронна. — Формулы твоих чувств внушают уважение, ибо составлены умело и благородно.

— Но вы не посмотрели меня в будущем, — настаивал киборг. — Разве вам не интересно, каким я когда-нибудь стану?

— С тобой все ясно, — повторил дилон. — В будущем ты будешь таким же, как в настоящем. А если изобретешь еще десяток личин, это не изменит твоей природы. Теперь, пришельцы, мы перейдем в зал Предварения, там вы зададите мне и Уве Ланне все вопросы, которые придут вам в голову. Затем в зале Утверждения вы предстанете перед Старейшинами — Конструкторами Различий и Стирателями Различий. Старейшин возглавляет великий Гуннар Гунна, главный Прорицатель и Утвердитель. Большая честь для вас, гости, появиться перед Вещим Старцем, который будет вас судить.

— Судить? — Аркадий нахмурился. — За что же нас будут судить?

Ронна пояснил, что слово «судить» происходит не от тревожного слова «суд», которое он читает в мыслях Аркадия, а также и не от плохого «осуждать», которое тоже появилось в мозгу землянина, а от хорошего «обсуждать».

— У вас похожие слова могут обозначать разные вещи, — заметил дилон. — Это затрудняет расшифровку. Пойдем.

Пятерка шла в прежнем порядке: впереди Ронна, посередине люди, позади Ланна. Аркадий заметил, что в комнате с проникновенным зеркалом Ланна не произнес ни единого слова. Его постоянное молчание раздражало Аркадия. Хронавт обернулся к дилону и спросил, долго ли им идти. Ланна вздрогнул, но и на этот раз промолчал.

За Ланну ответил Ронна:

— Мы у входа. — И добавил: — Ланне предстоит доклад перед Старейшинами — первый в его жизни. Естественно, он волнуется. Не будем отвлекать его от трудных размышлений.

— О чем он будет докладывать Старейшинам? — поинтересовался Аркадий.

— О вас, пришельцы. — И, показав на внезапно открывшийся в сплошной стене туннель, Ронна торжественно произнес: — Входите в зал Предварения, гости с Латоны.

7

Вдоль стен пустого зала стояло что-то вроде диванов. Первым уселся Асмодей. Собственно, киборгу вовсе не требовалось сидеть, но он демонстративно вел себя как человек. Бах и Аркадий тоже опустились на первый попавшийся диван: от долгой ходьбы у них разболелись ноги. Рина Ронна показал гостям, что и дилоны умеют сидеть, но для этого им не нужна мебель: он скрутил кончик хвоста колечком, уперся им чуть позади ног — получилась очень устойчивая тренога, и Стиратель расслабился. Уве Ланна не умел так красиво сидеть на хвосте — он отошел к стене и скромно стоял там, молча поглядывая на людей и стараясь вдуматься в их мысли.

— Задавайте вопросы, — предложил Ронна.

Бах взглядом показал Аркадию, что вести этот разговор будет он.

— Первый вопрос: почему вы не задаете нам вопросов? Мы явились из неизвестного вам мира, непредвиденно для вас. У людей раньше расспрашивают гостей о цели их прихода, потом лишь отвечают на их вопросы.

Ответ Ронны прозвучал неожиданно:

— У дилонов, наоборот, до всего доходят собственным размышлением. Именно о цели вашей высадки на Дилону и раздумывает сейчас пронизательный Различник Уве Ланна. Уверен, вы будете восхищены глубиной, с какой Ланна обрисует в своем докладе ваши намерения и цели.

— Разве не проще узнать это от нас самих?

— Возможно, и проще. Но оскорбительно, ибо равнозначно унижению своего интеллекта, мощи своих познавательных умений. Истинное знание достигается активным движением мыслей, а не накоплением информации с помощью пассивных вопросов.

Академику Михаилу Баху понадобилась почти минута, чтобы переварить ответ дилона. Тот спокойно ожидал, пока человек справится с замешательством.

— Мне кажется, вы впадаете в противоречие с собственной практикой, — сказал наконец Бах. — Вы же, судя по всему, умеете использовать законы природы, но ведь для этого надо раньше узнать их, то есть задавать учителям вопросы и получать ответы.

— Мы сами открывали законы природы, пришелец. Каждый дилон обязан в молодости самостоятельно найти и обосновать хотя бы один из важных законов мироздания. Наш друг Уве Ланна открыл, что тело, погруженное в воду, теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода. И с каким блеском он опроверг Опровергателей, старавшихся доказать неправильность этого утверждения! А я в свои юные годы открыл закон всемирного тяготения.

— Неужели до вас не знали закона всемирного тяготения?

— Ты меня поражаешь, пришелец. Конечно, знали. Но кто же признается в таком — от других — знании? Кто открыто обвинит себя в неспособности к постижению мира? Некоторые дилоны имеют до сотни собственных законов мироздания — и это не предел. Открытия, совершенные нами в молодости, определяют нашу дальнейшую жизнь. Закон мирового тяготения, найденный и обоснованный мною, внесен в мою личную Программу Судьбы как фундамент для взрослости.

— Я не совсем понимаю тебя, Рина Ронна...

— Но ведь это так просто! Каждый открывает те законы мироздания, которые близки его натуре. В обоснованных природных закономерностях выражаются склонности, жизненные цели. И когда юноше приходит пора утверждать свою взрослость, составляется его Программа Судьбы, то есть система жизненных целей и методов их осуществления. И в ней находят свое место открытые им фундаментальные законы.

— И в твоей Программе нашел место Закон всемирного тяготения?

— Естественно! Ибо о чем твердит этот закон, так блестяще мной открытый и защищенный от критики Опровергателей? О том, что все различия материальных тел поглощаются их общим свойством — притягиваться одно к другому. И когда я доказал, что это всеобщее взаимное тяготение усиливается пропорционально массе тел и обратно пропорционально квадрату разделяющего их расстояния, моя судьба была решена: я стал Стирателем Различий. Моя Программа Судьбы была однозначно определена одной моей научной находкой. Элементарно, не правда ли?

— Ты упомянул Опровергателей. Это что же, общественная функция — опровергательство? И в чем оно заключается? В критике законов природы?

— Отлично, пришелец! Хоть и примитивным способом вопросов и ответов, но ты начинаешь нас понимать. Конечно, Опровергатели критикуют законы природы, в юном возрасте это их обязанность. Все дилоны проходят ста-

дию опровергательства, но далеко не все превращают его в главную задачу своей будущей Программы Судьбы. В юности каждый подбирает достаточно важный закон природы (лучше свой, но можно и открытый другими) и опровергает его — то есть изыскивает условия, при которых этот закон перестает действовать или даже превращается в свою противоположность. Разве у вас опровержение законов природы не является формой ее познания?

— Нет, у людей законы природы не опровергают. И, честно говоря, я не понимаю, как можно опровергнуть закон мирового тяготения, открытие которого ты закрепил за собой?

— Не закрепил за собой, а просто открыл. Нет одного автора закона мирового тяготения. Тысячи до меня его открывали — и тысячи после меня его откроют. И опровергнут, как опроверг Уве Ланна, когда был моим учеником. Он отыскивал условия, когда всемирное тяготение совсем перестает действовать или ослабляется. И как превосходно решил свою задачу! Разве не вес тела является важнейшим параметром тяготения? И разве тело, погружаясь в воду, его не теряет? Достаточно создать невесомость — и тела начнут изменять свои самые общие свойства. Такое искусство творить различия там, где они уже стерты в поглотившем их единстве, и стало главной чертой Программы Судьбы Уве Ланны: он сдал экзамен на высокий чин Сына Конструкторов Различий и сейчас — один из выдающихся наших Различников. Вы скоро оцените его по достоинству, когда в зале Утверждения услышите его доклад о вас.

— С удовольствием послушаем. Хотя, повторяю, люди не стремятся критиковать законы природы, тем более — не опровергают их...

— Это означает, что вы не умеете строить свою защиту, — заметил дилон. — Ведь враги нападают, используя законы природы. Не будете же вы бороться с ними их методами. Это было бы безнравственно.

— На наших планетах у людей нет врагов. Попадают опасные животные, но они нам не страшны.

Рина Ронна вдруг рассердился.

— Чудовищно жить без врагов! Аморальное существование. Враги необходимы для обострения разума и утверждения собственного достоинства. Если врагов нет, их надо изобрести. Изобретение врагов составляет одну из прерогатив Конструкторов Различий.

— И много времени они посвящают конструированию врагов? — не без иронии поинтересовался академик.

— В нашу эпоху немного. Теперь нам врагов хватает. Наши враги — рангуны, обитатели второй половины планеты. Эти бессмертные твари перекрывают любую потребность в противостоянии. Другие противники нам не нужны. Когда появились вы, мы, конечно, поразмышляли, не враждебные ли у вас цели. Но ничего вражеского не обнаружили.

— И не могли обнаружить, — подтвердил Бах. — Мы странствуем в прямом и фазовом временах с миссией дружбы, а не вражды. Таково наше человеческое свойство.

В разговор вступил до сих пор молчавший Аркадий:

— Прости, Ронна, примитивность моего интеллекта, но люди не мыслят познания без вопросов, ответов на которые собственным рассуждением не находят.

— Прощаю. Спрашивай.

— Я астрофизик. Меня интересуют закономерности мироздания. Мы повернули к вам наш хронолет, потому что обнаружили удивительное явление. Ваши две звезды существуют в разных физических временах — та, которую вы называете Гаруной Белой, функционирует во времени, практически противоположном времени Гаруны Голубой. Так?

— Так, но не совсем. Прекрасная Гаруна Голубая существует во времени истинном, но слабом, интенсивно подавляемом зловещей Гаруной Белой. Гаруна Белая функционирует во времени лживом. Это время наших врагов рангунов. Продолжай, иновременник.

— Почему ты называешь нас иновременниками? Ведь физически мы пребываем с вами в одном и том же времени.

— Только в данный момент. Ваш корабль, приближаясь к Дилоне, возник сразу из ничего. Он выпрыгнул из пустоты. Он не вырос из крохотной точки в большое тело, как бывает при полете издалека. Не приближался, а материализовался. Так могло быть, если ваш корабль возник не из иного пространства, а из иного времени.

— Правильный вывод. Еще вопрос: дилоны и рангуны разновременны. Как это сказывается на вашей жизни?

— Вопрос дельный. Жалко, что ты не хочешь найти на него ответ самостоятельным рассуждением. Мне придется говорить безрадостные вещи.

По древним преданиям, когда-то была только одна Гаруна, и вокруг нее вращалась только одна Дилона, и обе они, звезда и планета, существовали в едином времени. И обитатели Дилоны были одним народом. Затем откуда-то примчалась вторая звезда. Физическое ее время не совпало со временем первой. Один поток путался с другим потоком, на планете замесились хроновихри. Звезды поочередно притягивали к себе Дилону и внедряли в нее свое время — и это порождало великие трудности. На той стороне планеты, которую захватили рангуны, периодически воцаряется то время Гаруны Голубой, то время Гаруны Белой. Рангунам удалось использовать эту разнонаправленность — и они превратили свою жизнь в бессмертное существование.

— Ты сказал: бессмертное существование, Ронна?

— Я сказал: бессмертное существование, друг иновременник. Рангуны приспособились к этим противоположным циклам. Они, конечно, стареют — но состариться не успевают. Белая и Голбая звезды сменяют одна другую — в Рангунии меняется направление времени. И те, которые старели, начинают молодеть. Рангуны постоянно качаются между молодостью и старостью.

— Ты сказал, что будешь говорить безрадостные вещи. Тебя огорчают качели бессмертного бытия рангунов?

— Нет, нам хватает собственных проблем. У нас нет периодической смены времен, как на другой стороне планеты.

У нас властвует красавица Гаруна Голубая. Но на нее влияет яростная Белая Звезда. Не периодическая смена, а схватка разных времен — вот наша реальность. И от этого нарушается синхронизация в нашем теле. Это тяжелая болезнь, человек. Нет большей беды, чем разрыв в тебе твоего единого времени. Иногда мы справляемся с этим, перевоплощаясь — заменяя выпавшие из синхронности органы на другие, естественные или искусственные. Но и это приносит только временное облегчение. Несинхронизация времени — единственная наша болезнь и неисчерпаемая наша печаль.

Аркадий обернулся к Баху:

— Миша, после твоей археологической находки всех нас захватила идея, что где-то в глубинах космоса существует Высший Разум — народ, умеющий создавать живых существ, которые похожи на нас по образу и интеллекту, и распространять их по разным звездным системам. В космосе наши звездопроходцы таких жизнесоздателей не обнаружили. Теперь и в фазовом времени...

Рина Ронна, Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор, радостно прервал Аркадия Никитина, штурмана хронолета «Гермес»:

— Иновременник! Вы попали, куда хотели. Дилоны — воплоатели Высшего Разума. Немыслимо глубже нас познать природу и самих себя. Ты это сразу поймешь, когда предстанешь перед собранием Старейшин. Высший Разум мироздания, воплотившийся в Отцах Различниках и Отцах Стирателях, а также частично в Братьях Дешифраторах, объяснит вам, пришельцы, кто вы такие на самом деле.

8

Люди вошли в круглое помещение с таким же черным, пропадающим в незримости потолком, как в двух других залах, с такими же излучающими мягкое сияние стенами. Вероятно, во время торжественных собраний сидеть на хвосте

было неприлично — в зале стояли кресла, расположенные амфитеатром. Амфитеатр был поделен на четыре сектора, в каждом — три ряда кресел. В первом секторе восседали двенадцать дилонов в малиновых плащах, четверо в каждом ряду: Отцы Конструкторы Различий, — протелепатировал людям Ронна. Во втором, напротив первого, расположились двенадцать дилонов, закутанных в фиолетовое, — это были Отцы Стиратели Различий. В боковом секторе шестеро были в зеленом и еще шестеро в желтом — Братья Дешифраторы и Братья Опровергатели. Первые — кладези знания, ходячие справочники, вторые — начальники боевых башен, готовых в любой момент отразить любое нападение рангунов, — уважительно обрисовал Ронна их общественную функцию.

Четвертый сектор, напротив Дешифраторов и Опровергателей, судя по всему, был предназначен для обсуждаемых. «Для обвиняемых», — по привычке подумал Аркадий, но тут же поправил себя, вспомнив разницу между обсуждением и осуждением. В первом ряду этого пустого четвертого сектора уселись трое хрононавигаторов вместе с Ронной и Ланной. Ронна сразу вручил людям небольшие шарикотрансляторы: Братья Дешифраторы должны были переводить мысленную речь дилонов в человеческую. Асмодей немедленно запихнул их в оба уха и радостно хохотнул: ему понравилось, что к его богатейшей дешифраторской аппаратуре для всех языков и кодов добавились эти забавные белые шарики. Бах с Аркадием не торопились: в зале Утверждения стояло молчание. Малиновые, фиолетовые, желтые и зеленые Воплотители Высшего разума не двигались и не разговаривали, только в семьдесят два глаза всматривались в тех, кого собирались обсуждать.

Хрононавигаторы быстро обнаружили, что дилоны из разных секторов были совершенно не похожи друг на друга. Дешифраторы и Опровергатели, как и Ронна с Ланной, были собаковидны: вытянутые челюсти, высокие уши, торчком стоящие на голове. Только розовая кожа, способность улыбаться и выпуклые умные глаза сближали их с людским.

Конструкторы Различий гораздо больше напоминали человека, только пещерного: выпяченные губы, скошенные лбы, глубоко посаженные глаза. И совсем необычно выглядели Стиратели Различий: головы у них были львиные, а не человеческие и не собачьи, огромные, тонущие в пышной гриве зеленых волос...

Аркадий, конечно, понимал, что лишний раз покажет свою примитивность, если будет расспрашивать о том, что надо постичь собственным рассуждением, но все же не удержался от вопроса: почему Старейшины такие разные? Не связано ли это с их государственными функциями? Не подбирают ли в Дешифраторы и Опровергатели только собакоголовых, в Конструкторы — человекообразных, а в Стиратели — львиноликих? Ронна любезно объяснил, что удивляется наивности людей, так странно совмещающих остроту мысли с непониманием простейших вещей. Конечно же, наружность связана с государственными функциями. Но не она определяет место в иерархии, а наоборот — полученный сан вызывает перемену облика. Когда его, Ронну, пока Сына Стирателей, возведут в ранг Отца Стирателя, он переменит свою собаководность на львообразность. Операция естественная, не так ли?

— Простая и каждому понятная, — подтвердил Аркадий.

Один из Стирателей выделялся высоким ростом и величавостью, волосы в его зеленой гриве отливали желтизной. Ронна протелепатировал, что перед хронавтами глава Стирателей Различий, Старейшина всех Старейшин Гуннар Гунна. И если бы он, Ронна, стал перечислять все открытые Вещим Старцем законы мироздания и общества, все отличия и ранги, которых Гуннар Гунна достиг за долгое пребывание в иерархии, все чины, которые он получил, то у гостей из других миров не хватило бы ни прямого, ни кривого, ни фазового времени, чтобы уложить все эти сведения в своей голове.

Гуннар Гунна начал заседание Старейшин, как принято у людей, — вступительным словом.

— Слушаем дело о гостях из иных миров. Первый доклад поручен молодому Сыну Конструкторов Различий Уве Ланне. Он общался с пришельцами с момента их появления на Дилоне. Будьте к нему благосклонны.

Уве Ланна поднялся, люди и киборг повернулись, чтобы видеть докладчика. Ланна волновался: руки его нервно удлинялись и сокращались, тело подергивалось, голова подрагивала. Но в мыслях путаницы не было — и Бах, и Аркадий с удивлением обнаружили, что молодой Различник рассуждает логично. Они не ожидали такой свободы мысли — изъяснения от своего молчаливого спутника, постоянно погруженного в какие-то размышления.

Над Дилоной, докладывая Уве Ланна, появился чужой корабль. По мощности — звездолет, по типу — хронолет, способный пересекать мировые временные потоки и менять течение своего собственного корабельного времени. Хронолет несколько раз облетел Дилону, выбирая место для посадки. Проклятые рангуны и низменные хавроны, их воины и операторы, пытались посадить его на своей стороне, но корабль игнорировал их вызовы. Облетая планету, сначала он частично материализовался в обоих местных временах и выглядел скорее призраком, чем вещественным объектом. Затем, овеществившись в нашем времени, корабль опустился в районе Голубой Роши и попал под опеку охранных маяков. В момент спуска пришельцев обстреляли рангуны. Охранным маякам удалось лишь незначительно ослабить удар, но хронолет легко отразил нападение собственными средствами.

Для предотвращения новых атак корабль прикрыл себя оптическим щитом и впал в невидимость. Наблюдения показали, что защита хронолета от оптики, ядерных частиц, гравитационных волн и колебаний времени надежна. В лучах ротонного прожектора он прозрачен. И, нет сомнения, удар ротонных орудий отразить неспособен. К счастью, у рангунов их нет.

Экипаж хронолета «Гермес» состоит из пяти особей, продолжал Уве Ланна. Четверо — естественной природы, пя-

тый — искусственник. Естественники именуют себя людьми, каждый обладает еще характеризующим названием, приставляемым к кличке «человек».

— Перечисляю их в порядке замеченного различия рангов: человек, он же хронофизик, он же капитан, Анатолий Кнудсен; человек, он же академик, он же археолог, Михаил Бах; человек, она же женщина, она же геноинженер, она же геноконструктор, Мария Вильсон-Ясуко; человек, он же хронофизик, он же хроноштурман, Аркадий Никитин; и, наконец, киборг, он же Асмодей, он же «конструкция опытная многоцелевая на двадцать четыре основные функции и девятнадцать обликов с обертонами».

Пришельцы, рассуждал Уве Ланна, отдаленно напоминают дилонов, но при конструировании людей допущены серьезные просчеты. Недоработка тела: неповоротливая шея — даже пол-оборота не сделать, короткие, негибкие руки — и полная невозможность их удлинять, слабые ноги, отсутствие хвоста. Хотя биоинженеру, конструировавшему людей, наверняка было понятно, что подобная омертвелость органов в однажды заданном размере серьезно осложняет функционирование организма в меняющихся условиях. Трагична неспособность людей запасать впрок необходимые им вещества и элементы. Людям вечно не хватает воздуха, они вынуждены непрерывно дышать, хотя предусмотреть способность вместить в тело хотя бы суточный его запас было вовсе не сложно. Но дело не только в воздухе. Трижды в сутки человек должны возобновлять в своем организме запасы пищи и воды. И несмотря на постоянное пополнение воздухом, едой и жидкостью, периодически люди обессилевают и впадают в неподвижность, равнозначную короткой смерти. Это непростительное действие, отнимающее у каждого добрую треть его суммарной жизнеактивности, они называют сном. И что всего удивительней, незаметно, чтобы впадение в ненужный сон серьезно их огорчало. Еще несовершеннее человеческие методы взаимной информации. Их мозг, как и наш, генерирует отдельные мысли, хотя спо-

способность к длительной мыслительной концентрации остается под сомнением. Каждой мысли, как и у нас, соответствует свое мозговое излучение. Но оно так слабо, что не способно передаваться непосредственно из мозга в мозг, ибо экранируется черепной коробкой. И вместо того чтобы ослабить поглощающую силу черепа или существенно усилить энергию мыслеизлучения, конструкторы человека возложили миссию донесения смысла на звуки, производимые ртом во время мыслеизлучения. Это все равно что почесать ухо не рукой, а ногой (хотя, по нашим наблюдениям, ногами люди своих ушей не чешут). И последнее. Чудовищно короток их жизненный срок. В своем времени люди живут не больше ста лет, что при пересчете на время наше дало верхний предел жизни примерно в десять раз меньший, чем у дилона. В рамках такой короткой жизни, да при несовершенной телесной конструкции, да при неэффективных методах общения ни один человек не способен совершить чего-либо по-настоящему выдающегося. Наш общий вывод таков: модель организма, именуемого человеком, выполнена по проекту поспешному и примитивному.

Гораздо совершенней киборг Асмодей, продолжал докладчик. В этой модели видна разумная программа. Но киборг разработан лишь как дополнение к человеку, ибо в него не внедрено стремление к самовоспроизводству. В результате всестороннего размышления мы пришли к заключению, что и людей, и киборгов создали одни и те же биоинженеры, но раньше людей, а потом киборгов. И, сообразив, насколько плоха первая модель, попытались исправить недоработки в новой конструкции. Остается непонятным, почему они не уничтожили неудачных человек и не заменили их полностью более сбалансированными асмодеями. Этот странный факт вызывает обоснованные сомнения в профессиональном умении и моральном уровне биоинженеров, создавших людей и киборгов.

— Перехожу к цели посещения людьми и киборгами прекрасной планеты Дилоны, — продолжал Уве Ланна. — Это,

несомненно, труднейшая из загадок, порожденных появлением пришельцев. Первые попытки высветить ее дали неоправданный разброс ответов. Но в результате сложной серии вычислений, а также длительных эффективных раздумий, мы готовы предложить Высокому Суду ровно восемнадцать возможных целей прилета к нам пришельцев из иного времени.

Аркадий со смешком прошептал Баху:

— Мы с тобой интеллектуально и конструктивно недоработаны, но все же не стали бы долго вычислять цель, а просто спросили бы: «Зачем прилетели?» И вместо восемнадцати ответов получили бы один, но больше соответствующий действительности.

Бах ответил:

— Вот ты и доказал свое несовершенство. Уверен, что, выслушав восемнадцать ответов на один вопрос, мы узнаем о своих намерениях то, о чем сами не подозревали. Между прочим, в той критике, которой молодой Различник Уве Ланна подверг телесные недостатки человека, содержится много правды. Ты не находишь?

— Молодой! После того как он сравнил пределы жизни людей и дилонов, я начинаю думать, что в его молодости содержится больше лет, чем в нашей старости. А что до критики несовершенств человеческого организма, то мы это уже слышали от Марии, когда она демонстрировала нам на Латоне свое лучшее творение — Асмодея. Просто удивительно, до чего совпали их рассуждения.

В это время Уве Ланна перечислял причины прилета пришельцев.

Первая причина — авария. Повреждение хронодвигателей забросило иновременников туда, куда они не собирались проникать. Эта причина недостоверна, ибо ротонное просвечивание не показало и намека на какие-либо разрушения.

Вторая — желание вмешаться во вражду дилонов и рангунов. Очень маловероятно, ибо от рангунов чужой корабль

увернулся, а от дилонов попытался опасно экранироваться силовыми щитами.

Третья — стремление завоевать Дилону для колонизации ее людьми или киборгами, искусственниками, похоже, более многочисленным на их далекой Латоне, чем человеки. Такую причину нельзя исключить, хотя неисполнимость задачи очевидна и разуму, далекому от Высшего.

Четвертая — похвальное желание, которое на примитивном языке людей называется «поучиться уму-разуму». Исполнение его возможно, но непросто — в силу интеллектуальной ограниченности людей.

Остальные четырнадцать возможных причин появления пришельцев приведены в сводной таблице, где каждая дана с вероятностью до тысячных долей — более точная оценка недостижима из-за расплывчатости исходных данных.

На потолке засветился экран, на нем вспыхнули знаки и цифры. Бах деловито поинтересовался у Ронны, почему среди вооемнадцати причин прилета не упомянуто стремление к знанию, потребность распознать неопознанное.

Ронна разъяснил:

— Этой цели приписана нулевая вероятность. Она включена как теоретический довесок в практическую потребность «поучиться уму-разуму».

— Это не одно и то же, — возразил Бах.

Заключение Уве Ланны было пессимистично. Люди мало пригодны для общения. Чрезмерность конструктивных недоработок в их организмах и несовершенство интеллекта не позволяют им встать вровень с дилонами. В качестве временных гостей их принять можно, в качестве постоянных друзей — нет. Кораблю, странствующему в разных потоках мирового времени, надлежит покинуть планету.

Ланна сел. Старейшина Гуннар Гунна возгласил:

— Поблагодарим молодого Различника за воодушевляющее сообщение. Второй доклад сделает Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор Рина Ронна. Пожелаем успеха и Рина Ронне.

Рина Ронна встал — и преобразился. Огонь лился из его глаз — они, как и у Старейшины Старейшин Гуннар Гунны, уже не только светились, но и освещали. В каждом движении удлинившихся рук, в каждом резком повороте головы на свободно крутящейся шее было что-то пламенное. Тут и Бах, и Аркадий узнали, как развито у дилонов искусство спора и как мастерски пользуются им те из них, которые называют себя Стирателями Различий. Ронна не отвергал фактов, отмеченных Уве Ланной, только ограничивал их — смягчал выводы, а не исходные положения. Конструктор Различий безошибочно установил десятки отличий людей от дилонов, Стиратель Различий так же безошибочно доказывал, что они не могут стать препятствием для общения.

— Да, конечно, люди конструктивно недоработаны, уступают дилонам в интеллекте, передача их мыслей несовершенна, срок жизни печально невелик. Но что из того? Разве мы обречены общаться только с полноценными представителями Высшего Разума, подобными нам самим? Разве наши дети интеллектуально и физически равноценны взрослым дилонам? И разве жизненный срок детства не вдесятеро меньше полного времени бытия дилона, включающего в себя и краткое младенчество, и продолжительную зрелость, и недолгую старость? Отнесемся к людям как к существам, пребывающим в нашем интеллектуальном и физическом отрочестве. Пусть они станут для нас нашими инодетьми из дальних миров. Ибо ни одно из справедливо очерченных отличий людей от дилонов не способно стать причиной вражды.

И последняя проблема, — продолжал Рина Ронна, — цель прилета инновременников на Дилону. Мы узнали восемнадцать мотивов их появления у нас. Но общая сумма вероятностей всех целей составляет всего ноль целых шестьдесят одну сотую. Лишь немногим больше половины достоверности! Поэтому предлагаю Дешифраторам и Различникам продолжить свои глубокие изыскания, а Старейшинам — не класть в основу своих решений малодостоверные предположения о целях появления пришельцев.

Рина Ронна, закончив доклад, продолжал стоять. Встал и Уве Ланна. Аркадий посмотрел на Баха: может быть, им тоже следует подняться? Бах покачал головой: пока дилоны прямо не скажут, он и не подумает это делать. Люди и киборг продолжали сидеть, ожидая приговора Высокого Суда, а над ними, во втором ряду четвертого сектора, молчаливые и неподвижные, возвышались два докладчика — Различник Уве Ланна и Стиратель Рина Ронна.

Зал каменно молчал. Все Старейшины были неподвижны. Люди понимали, что молчание это только кажущееся, на самом деле Старейшины обмениваются мыслями и, возможно, спорят, только не переводят свои соображения и споры людям.

И когда, по мнению Аркадия, молчание слишком уж затянулось, до них донеслись слова Гуннар Гунны. Вещий Старец все так же неподвижно сидел в первом ряду второго сектора, губы его не двигались, но в сознание людей внедрялся приговор:

— Считать отличия пришельцев от дилонов второстепенными и принять иноплеменников как дорогих гостей. Предлагаю также двум пришельцам, оставшимся на хронолете, выйти в город для радостного знакомства с нами. Благодарю докладчиков и Высоких Судей.

Даже бесстрастный перевод мысли дилона на человеческий язык не мог скрыть, как обрадовался Рина Ронна:

— Теперь вы — наши друзья! Вы поняли мощь мысли Верховного Воплотителя Высшего Разума? Как он постиг вас! Как постиг!

К удивлению хронавтов, радовался решению Высокого Суда и Уве Ланна, предлагавший изгнать людей с Дилоны. Он, изменивший своей молчаливости, все снова и снова повторял:

— Я так счастлив, иновременники! Так счастлив! Я боялся, что Высокий Суд согласится с моими доказательствами — и выгонит вас. А он не согласился — большей удачи я и представить не мог!

Бах обратился к Ронне:

— Не мог бы я поговорить со Старейшиной Старейшин Гуннар Гунной?

Ронна подвел хронавтов к Вещему Старцу.

— Я хотел бы задать несколько вопросов, — начал Бах.

— А не кажется ли тебе, что ты мог бы, поразмыслив, и сам высчитать ответы? — дружелюбно поинтересовался Старейшина Старейшин. — Ведь выпрашивание вместо самопостижения унижает Высший Разум.

Бах быстро ответил:

— У людей выпрашивание не считается зазорным. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Итак, мой первый вопрос. Почему так разделены функции Различников и Стирателей? Разве для познания любой истины не достаточно ее отличия от всех других истин, тем более — от заблуждений? Если дважды два — четыре, а четыре — это не три, не десять, не козел с рогами и не сапоги всмятку, то зачем подвергать такую непреложное утверждение дополнительной проверке на достоверность?

Старейшина Старейшин ответил, что ему не совсем ясна разница между козлом с рогами и сапогами всмятку, о чем так красиво сказал иновременник, она требует особого размышления. Но отличие четырех от трех и тем более от десяти нестираемо и потому должно быть утверждено. Но далеко не всегда возможны такие простые решения. В истории Дилоны бывало, когда поверхностно установленные причины приводили к вредным следствиям. Так возникла ужасная война между дилонами и рангунами, а ведь ее могло бы не случиться, если бы вовремя проанализировали на стираемость разделившие оба народа расхождения. Без утверждения стираемости ни одно различие не может быть принято как реальное.

— Критический подход, достойный Высшего Разума. Вы назвали войну между дилонами и рангунами ужасной, а мне объясняли, что существование без врагов на Дилоне считается аморальным, ибо без этого нельзя обострить разум и утвер-

даться в собственном достоинстве. И что изобретение врагов является одной из прерогатив Конструкторов Различий...

Баху показалось, что какую-то земную минуту Гуннар Гунна был в замешательстве. Но он не без основания считался Верховным Воплотителем Высшего Разума.

— Да, враги нужны. В смысле — противники. Именно такими противниками предстают Различники и Стиратели. Их противоборство высветляет глубину познания. Но заметь, иновременник: противоборство, а не война. Борьба, а не истребление. Опровержение, а не убийство. А наша война с рангунами, когда-то начавшаяся как взаимное противоборство мнений, давно преобразовалась в смертельную схватку. Ужасное противостояние! Ты был свидетелем, как рангуны с той стороны планеты пытались сквозными резонансными ударами разрушить наш город. Что в этом хорошего? Меня охватывает глубокая печаль, пришелец, когда я думаю о том, что рангуны непрерывно совершенствуют свое резонансное оружие, а ведь никакому совершенствованию нет предела. А если им удастся поставить себе на службу околополюсные хроновороты? Поразмысли, иновременник: хроноворот, выпущенный из своих диких пустынь! Да он же истребит все живое! Моя должность — провидение. Провидца не может не терзать страх перед грядущим. Этот страх — единственная гарантия того, что ужасы не выйдут за узкие межи возможностей, ибо страх принуждает искать средства его опровержения.

Даже в словесном переложении этой мысли ощущалось, что сердце Вещего Старца поражено великой печалью. Баху стало жалко Главного Провидца, он сочувствовал нелегкой доле Гуннар Гунны, однако ему показалось, что есть вариант, которого не нашел Старейшина Старейшин.

— Итак, война длится долго и приносит массу горя обеим сторонам. Но разве нельзя завершить многолетний раздор миром?

— К сожалению, невозможно. Чтобы установить мир, нужно стереть причины войны.

— Так сотрите их, черт возьми! Я хотел сказать — с вашим разумом, с вашим умением пренебрегать несущественными различиями...

— Я понял твой благородный порыв, иновременник. Но опровергнуть причины, вызвавшие войну, мы не можем — при всем своем, так справедливо тобой оцененном, искусстве Стирания.

— Они так глубоки, эти причины?

— Этого мы не знаем.

— Не знаете причин войны?

— Не знаем. Все было так давно, что и мы, и рангуны забыли, из-за чего начали воевать. И теперь не способны точно установить, заслуживают ли эти причины сохранения или их можно стереть.

— Вот и отлично! Раз вы не знаете причин войны, то ее не должно быть. Это же так очевидно!

Старейшина Старейшин укоризненно протелепатировал:

— Иновременник! Как же мы можем прекратить войну, если не опровергнуты породившие ее причины? И как их опровергнуть, если мы их не знаем? Неужели тебе непонятно, что нельзя уничтожить то, чего нет? А ведь все так просто!

— Та самая простота, которая хуже воровства. Нет-нет, не спрашивайте, что такое воровство, вам этого не понять, у вас этого нет.

— У нас есть все, — с достоинством парировал Вещий Старец. — И мы никого ни о чем не спрашиваем, ибо до разгадки любой тайны доходим мощным усилием своего разума. Мы легко уясним, что такое воровство, которое лучше простоты, а ведь простота так прекрасна! У тебя есть еще какие-нибудь вопросы?

— Последний. При такой мощи мысли вы никогда не пробовали высчитать, сколько ангелов может поместиться на острие иглы? У нас подобный подсчет когда-то считался наилучшей проверкой интеллекта.

Вещий Старец, поразмыслив, объявил:

— Об ангелах я знаю из ваших мыслей. Дешифраторы обнаружили в них хорошие слова: «ангельские голоса», «ангельская доброта», «машет крыльями, как заблудившийся ангел», «ангельская наивность». Дешифраторы сделали заключение, что ваши ангелы — крылатые домашние животные, которых вы опекаете и над которыми иногда дружески посмеиваетесь. Но что такое игла — не установлено. Трудная проблема иглы потребует размышления.

— Не трудитесь! Вот игла! — И Бах показал вынутую из куртки иголку.

Старейшина Старейшин так воодушевился, что его глаза нестерпимо засверкали.

— Великолепная загадка! Давно мы не анализировали столь увлекательных секретов мироздания. Ручаюсь, инновременник, что только мы способны найти удовлетворительное решение мучительной для людей тайны, сколько ангелов можно разместить на острие иглы. Ты вскоре это узнаешь — для всех пород ваших домашних ангелов: двукрылых и четырехкрылых. Впрочем, согласно некоторым расшифровкам, у вас водятся и шестикрылые.

— Водились в сознании древних народов. Их называли серафимами. С тех пор, как мы ликвидировали старинные мифы, серафимы перевелись, а вместе с ними и все другие ангелы.

Гуннар Гунна радостно кивнул львиной головой — взметнувшаяся грива закрыла его лицо. Могучая копна волос, так сильно отличавшая его от гололобых Дешифраторов и Опровергателей, соответствовала его мощному облику.

— Понимаю. Мифы были у вас вроде загончиков, где вы содержали своих крылатых друзей. В общем — не тревожься, инновременник, наши вычисления будут достоверны. А теперь возвращайтесь на свой корабль вместе с Различником Уве Ланной и Стирателем Рина Ронной. Пусть наши посланцы осмотрят ваш хронолет и установят, насколько люди отстали от воплощений Высшего Разума в использовании и опровержении законов природы.

Аркадий жестоко соврал бы, если бы сказал, что его обрадовал приказ Старейшины Старейшин вести обоих дилонов на хронолет. Такие экскурсии мог разрешить только капитан корабля. Аркадий соединился с Кнудсенем и Марией.

— Вас ждут, — сказал Аркадий обоим дилонам после разговора с Кнудсенем.

На этот раз они шли по пустой улице. Авиетка стояла где-то в ее конце. Аркадий удивился, что нигде не видно дилонов, и хотел было спросить об этом у Ронны, но вспомнил, что дилоны считают тех, кто пристаёт к ним с вопросами, интеллектуально неполноценными, и промолчал — только высказал свое недоумение Асмодею. Киборг ответил, что чувствует какой-то беспорядок и в себе, но не может разобраться, что к чему: его приемники ничего существенного не фиксируют. Бах заметил, что неплохо бы Асмодею позаимствовать у дилонов остроту восприятия, тогда бы он смог без специальных приемников и датчиков вычислить причину любых беспорядков. Обидчивость у киборгов не была запрограммирована, но Асмодей вдруг огрызнулся, что самоусовершенствованием надо заниматься людям, а не ему — восприятие у него на порядок острее, чем у человека.

Аркадий посмотрел на Ронну и споткнулся. Дилон так вытянул шею и так наклонил голову налево, что она почти падала с плеча. Нижняя челюсть отвисла, глаза потускнели, безволосая кожа побелела. Он путался в ногах и тихонько повизгивал. Но еще больше испугали Аркадия руки дилона. Он удлинял их, когда хотел в два обвива охватить свою грудь, но сейчас, вытянутые, они волочились по земле, когти всех двадцати пальцев сухо постукивали по камням.

Аркадий схватил Ронну за плечо и заорал:

— Что с тобой?

Ронна приподнял голову. Ретрансляция мыслей в слова шла неровно, постоянно прерываясь. И каждую фразу сильнее обычного сопровождало повизгивание:

— Не понимаю... У меня ломит кости... Мутит... Иновременник, постойм... Уве Ланна, где он? Пусть он...

Уве Ланна плелся позади, так глубоко погруженный в мысли, что беспорядок в окружающем мире до него не дошел. Он вздрогнул, когда посмотрел на обессиленного Ронну, и стал тревожно оглядываться.

Аркадий взглянул на небо. Там сияли по-полдневному роскошная Гаруна Белая и нежная Гаруна Голубая — Аркадию почудилось что-то зловещее в ее ласковом блеске. Он перевел взгляд на ручной передатчик. На экранчике возникло встревоженное лицо Кнудсена.

— Торопитесь к авиетке! Вокруг вас что-то нехорошее, но наши анализаторы пока не дают однозначного ответа, что это такое.

Аркадий потянул каменно застывшего в трудном размышлении Ронну, но тот лишь с трудом пошевелился. Бах, присоединившись к Аркадию, энергично приказал дилону:

— Двигайся, дружище! Бери ноги в руки! Да не толкуй мои слова так буквально, это образное выражение. До чего же вы, друзья, неповоротливы и неоперативны!

Асмодей возился с Ланной. Молодой Различник, уяснив себе какую-то опасность, вдруг, как и его старший друг, резко обессилен. Асмодей взвалил его на себя и побежал вперед. Аркадий с Бахом тянули Ронну, в полной прострации волочившего по камням ноги и руки. Бах крикнул Аркадию:

— Беги к авиетке и готовь ее в полет. Я как-нибудь дотащу этого слабака!

Аркадий оставил Баха с Ронной и быстро обогнал Асмодея.

Авиетка стояла на том же месте, в сторонке покоились два шара дилонов, недавно конвоировавшие хронавтов. Аркадий заколебался: пятерым в авиетке не разместиться, дилонов нужно сажать в их шар. Но смогут ли они, обессиленные, им управлять? Аркадий включил ручной передатчик и услышал приказ командира «Гермеса»:

— Пусть Асмодей с Ланной сядут в шар. Страхую охран-
ным полем. Скорей, скорей!

— В шар сяду я с Ронной! — крикнул подоспевший Бах и
подтащил Ронну к одному из шаров.

Ронна, протянув длинные руки, ощупью, как слепой,
нашел раскрытый люк шара и уцепился за него, но не мог
впихнуть свое тело внутрь. Сильным толчком Бах вбросил
дилона в шар и впрыгнул сам. Асмодей проворно влез в ави-
етку, положил Ланну на скамейку. Аркадий вскочил следом
и мигом задраил дверь. Голос Кнудсена прокричал:

— Ко мне!.. — и прервался, не договорив.

То, что совершилось в следующую минуту — Аркадий это
сразу понял, — ему не удастся забыть никогда. Приникнув
к иллюминатору, почти не дыша от бешенства, он все же не
мог оторвать глаз от того, что происходило снаружи.

Оба шара — и пустой, и тот, в котором укрылись Бах с ди-
лоном, — вдруг затряслись, завибрировали, зазвенели жи-
выми голосами и покатались от авиетки. Отдалившись на
десяток метров, пустой шар заметался в траве и стал рас-
падаться на части. Ветра не было, ни одна травинка не ше-
велилась, а шар разбрызгивало, как взрывом. Не прошло и
десяти секунд, как его не стало — по земле катились, подер-
гиваясь, разрозненные обломки.

Второй шар взлетел, но на первых же метрах полета рас-
пад настиг и его. Из шара выпал Ронна, его подбрасывало
и катало по траве, он судорожно хватался обеими руками за
стебли и камни, но не мог удержаться: его крутила и несла
какая-то мощная сила.

Шар, в котором оставался Бах, беззвучно распадался
в воздухе. Аркадий судорожно хватал ручки, нажимал на
кнопки — надо было немедленно взлететь и мчаться за гиб-
нущим шаром, чтобы выхватить Баха, пока тот еще боролся
за свою жизнь в разваливающемся аппарате. Но авиетка не
слушалась команд: трижды, четырежды, десятки раз давил
Аркадий на кнопку взлета, но она все не взлетала, и остатки
шара медленно уносило прочь.

А потом его развернуло — и Аркадий снова увидел Баха. Археолог распластался всем телом на том, что осталось от летательного аппарата, руки его вцепились в какие-то обнажившиеся тяги и провода, ноги впились в неровности бывшего пола. Обломок трясло, бросало то вверх, то вниз, то вправо, то влево, а человек все не отрывался, отчаянно цепляясь за все, что попадалось под руку. Вскоре остатки шара исчезли между деревьями, а затем в чаще синего леса вспыхнуло багровое пламя и донесся грохот. Спустя еще мгновение пламя погасло, а крутящиеся мелкие фрагменты, словно гонимые бурей, все уносило и уносило в безветренном воздухе, не способном пошевелить и травинки. И вдалеке от авиетки, на самом краю поляны, смутно чернело уже неподвижное тело Рина Ронны, да в древесной чаще расплывалось светлое облачко — дымное свидетельство взрыва.

До Аркадия наконец дошло, что кто-то рвет его руки, судорожно заоченевшие на пульте.

Аркадий услышал молящий голос Асмодея:

— Аркадий! Пусти к пульту! Мы гибнем!

Часть II

В ФОКУСЕ ХРОНОВОЯ

Аркадий Никитин

1

Аркадий снял руки с пульта. Асмодей быстро заменил его у кнопок управления. Только теперь хрононавигатор понял, что таинственная вибрация, разметающая оба шара дилонов, уже терзает и авиетку, но защита, генерируемая с «Гермеса», амортизирует налетающее волнами чужое поле. Асмодей крикнул, что одна волна отражена, вторая нейтрализуется, но помощь «Гермеса» слабеет. Усевшись вместо Аркадия у пульта, киборг активизировал собственную защиту авиетки и запустил ее сразу на полную мощность — беснование внешних полей немного притихло, однако в кабине все содрогалось и звенело. С трудом передвигая трясущиеся ноги, Аркадий подобрался к Ланне. Дилон лежал на сиденье, жалко приоткрыв зубастый рот. От него не шло ни одной осмысленной передачи. Аркадий сказал Асмодею:

— У парня памороки отшибло. Я постараюсь привести его в чувство, а ты налаживай четкую связь с «Гермесом». Анатолий почему-то закричал: «Ко мне!..» Миша Бах погиб, с ним и с Ронной так подло расправились! Неужели и на «Гермес» напали?

Асмодей, не поворачивая головы, хмуρο ответил:

— Связи с хронолетом нет. Ни четкой, ни нечеткой.

— Как нет связи? Разве может отказать связь, если действует силовая защита «Гермеса»?

— И силовой защиты «Гермеса» больше нет. Мы противоборствуем нападению только своим полем.

Аркадий схватился за ручной передатчик. Рука подрагивала. Передатчик казался целым, а связи не было. На экранчике не появилось даже размытого изображения корабля. Ни при каких вариантах аварии, кроме больших повреждений корабельных генераторов, не могло произойти столь полное отключение.

— С хронолетом беда! — закричал Аркадий. — Срочно курс на «Гермес»! Чему ты ухмыляешься?

Асмодей и вправду улыбался — но не от радости, а от замешательства. Аркадий часто видел киборга радостно хохочущим — растерянным он был впервые.

— Не могу определить курса. Все приборы отказали.

— Летим визуально. Держи на большую рошу. Скорей, Асмодей!

Металлический голос киборга прозвучал глухо:

— Не могу! Мир пропадает. Аркадий, скоро не будет мира!

Два дилона, недавно задававшие авиетке направление полета, посадили ее на полянке неподалеку от города. Аркадий запомнил синествольные деревья с голубыми кронами — он еще удивился, какие они густые, когда вылезал из авиетки. И трава поражала: она была сумрачно-оранжевой, от нее струился терпкий аромат. Эта полянка была точно такой же, когда они впятером: трое людей и двое дилонов — выбежали на нее, спасаясь от неведомой опасности, заставившей Ронну и Ланну так внезапно потеряться и ослабеть.

Сейчас все изменилось. В закрытую авиетку ароматы не доносились, но траву можно было бы увидеть — а травы больше не было, ни густо-оранжевой, ни обесцвеченной: ее всю, до последнего стебелька, словно вырвали. Авиетка стояла на однотонно-сером песке, перемешанном с однотонно-серыми камнями. И деревья потеряли свои оранжевые кроны, из синих стали грязно-серыми — их силуэты проступали призрачно, словно сквозь марево. Стерся и труп Рина Ронны на краю полянки — темный и неподвижный, он посе-

рел, расплылся и исчез. Уве Ланна, обретя потерянную было способность мыслить, что-то протранслировал Аркадию, с трудом поднимаясь на ноги. Аркадий подбежал к дилону. Трясущийся Различник показывал на пропадающий лес и путано телепатировал, что рангуны поймали их в прицел своих хронобойных орудий, надо немедленно бежать!

— Куда бежать? Покажи — куда? — крикнул Аркадий.

— Бежать! — твердил дилон. — Поскорей! Подальше! Нас здесь разбросает по прошлому и будущему. Скорей, скорей!

Киборг быстро проверил ходовые генераторы. Они работали. Авиетка резко рванулась вверх. Обесцвеченные, потерявшие листву деревья и почва, лишившаяся травы, остались где-то внизу. По курсу сверкала свирепая Белая Гаруна, ее товарка томно сияла слева. Авиетка повернула на Голубую Звезду. Асмодею показалось, что он сам задал направление, — и до него не сразу дошло, что полетом теперь командует чужая сила и она гораздо мощнее, потому что легко блокирует его собственные решения.

— Мы в фокусе хронобоя! — горестно телепатировал Ланна. — Скоро нас разорвет на прошлое и будущее.

Аркадий сообразил наконец, чего боится дилон. Рангуны, похоже, владели искусством путать течение времени: замедлять одни процессы, ускорять другие — именно это делал в первых своих хроноустановках творец хронистики Чарльз Гриценко. Автор науки о трансформациях физического времени создал на Урании, соседке Латоны, специально оборудованную хронолабораторию. И там впервые экспериментально осуществил разрыв физического времени в материальных телах. Для биологического объекта это означало гибель, но на минералы и металлы не действовало. А среди сотрудников Гриценко был и нынешний капитан «Гермеса» Анатолий Кнудсен — по собственному признанию создателя хронистики, самый талантливый из его учеников. Но разве Анатолий не говорил, что для «Гермеса» не опасны местные разрывы времени? Мощные хроно-

генераторы, хронотрансформаторы и хроноэкраны сумеют их нейтрализовать. В лабораторных условиях Латоны и он, Аркадий Никитин, хроноштурман «Гермеса», неоднократно испытывал надежность корабельных аппаратов в любом режиме хроноразрывов. Один из хронотрансформаторов, преобразующих искривленное и пульсирующее время внешнего мира в прямое, смонтирован и в авиетке — небольшой аппарат, вот он — на полу, у ног Асмодея! Пока он действует, можно не опасаться ни разрывов времени, ни его замедлений и убыстрений.

И Аркадий стал успокаивать ополоумевшего от страха Различника.

— Возьми себя в руки, Ланна. Нет, не обхватывая себя руками, а перестань трястись. Разрыв времени нам не страшен. Мы нырнем в фазовое время — как раз на точке, где рангуны устроят разрыв.

Асмодей все снова и снова, на разных каналах, пытался установить связь с хронолетом. Но для приемников авиетки «Гермеса» больше не существовало. И города дилонов не существовало. Он должен был открыться с высоты — но не открылся. На все стороны простиралось скопище сероватых песков и камней, лишённое признаков жизни. А над авиеткой, почти в зените, сверкала Гаруна Белая и скромно сияла в сторонке Гаруна Голубая. Был точный астрономический полдень — но все хронометры показывали глухую ночь. Асмодей захотел изменить курс и повернул на Гаруну Белую. Авиетка затряслась, завибрировала, завизжала, Ланну швырнуло на пол. Аркадий вцепился руками в поручни кресла и крикнул:

— Асмодей! Ты решил вытрясти из нас душу?

— Хочу узнать, крепко ли завладела нашей душой чужая воля, — ответил Асмодей. — Держись, Аркадий!

Он крутанул авиетку на прежний курс. Тряска прекратилась. Выждав несколько секунд, Асмодей снова бросил авиетку вправо, и она снова затряслась и завибрировала. У Аркадия сводило каждую мышцу, руки рвало с поручней.

Дилон тихо постанывал на полу. Аркадий еле выговорил сквозь дребезжащие зубы, когда Асмодей обернулся посмотреть, не нужна ли срочная помощь:

— Продолжай!

Асмодей поднял вверх обе руки, показывая, что больше не командует движением. Авиетка, медленно поворачиваясь, сама ложилась на прежний курс — на Гаруну Голубую. И так же медленно стала затихать тряска. Авиетка, перестав вибрировать, мчалась по предписанному ей направлению. Аркадий усадил дилона в кресло позади своего и сказал Асмодею:

— Поворачивать нам запрещают, а как с высотой? Не меняй курса, чтоб нас не разнесло на кусочки, но опустись ниже.

Асмодей плавно направил авиетку вниз. Неведомая сила, командовавшая движением, противодействия не оказала. Из марева стали выплывать очертания гор, потом показался и лес, безжизненно-серый, словно ободранный, — стволы и сучья, ни один листочек не оживлял этой мертвой картины. Аркадий толкнул дилона, отрешенно сидевшего с закрытыми глазами.

— Очнись! Что говорит тебе этот пейзаж?

Ланна посмотрел вниз. Даже со стороны было видно, что его охватил ужас.

— Назад! Скорей назад! Иновременник, нас несет в разнотык времен!

— В разнотык времен? Я правильно услышал?

— Самое страшное место на планете! Здесь природа сошла с ума, здесь она хронобуйствует. Такие хроновороты! Такие хронобури! Живому здесь нет спасения. Назад, назад!

— Наши двигатели заблокированы, мы не можем повернуть назад.

— Тогда сесть! Может, выберемся пешком.

— Снижение не воспрещено, — ответил Асмодей на взгляд Аркадия. — Попытаюсь плавно идти вниз, будто отказывают двигатели.

Вскоре стало ясно, что тех, кто гнал авиетку в область хроноворотов, обмануть не удалось. На высоте в сотню метров снова появилась вибрация. Асмодей вывернул авиетку на горизонтальный полет.

— Посадку тоже не разрешают, — констатировал Аркадий. — Но смогут ли запретить падение? Асмодей, проверь защитные поля. Дилона я возьму на себя. Веди авиетку вниз, пока она не начнет распадаться. Я выброшусь с Ланной, ты за мной.

Асмодей снова начал снижение. На этот раз вибрация появилась сразу. Аркадий обнял дрожащего дилона. Асмодей распахнул дверцу и крикнул:

— Внизу площадка. Прыгаем!

Аркадий, не отпуская дилона, полетел вниз. Защита сработала — и Аркадий, и Ланна не свалились на почву, а встали на нее. Неподалеку опустился киборг. Распавшаяся авиетка грудой лома умчалась за горизонт. Асмодей топал ногами и орал:

— Провели их! Еще минуту — вытрясло бы мозги! Всех рангунов надул — я такой!

По лицу молчаливого Ланны было видно, что он не разделяет ликования киборга. Аркадий скомандовал:

— Теперь шагать! За горизонт этой околуполюсной пустыни, подальше от проклятого разнотыка времен и убийственных хроноворотов.

2

Он показал рукой на юг — таким жестом полководы древности отправляли свои войска в поход. Асмодей остановил его.

— Аркадий, ты хорошо продумал план спасения?

— Я не способен сосредоточиваться на размышлении, как Различник, но простым человеческим соображением понимаю: спасение там, где нет угрозы. Здесь грозят хроновороты, на юге их нет. Значит, на юг!

— Аркадий, надо на север. Туда улетели остатки нашей авиетки.

— Для чего тебе эта груда лома?

— Оснащение авиетки полностью не уничтожить. Генераторы хода и защиты, хронотрансформаторы, мой компьютер личин, запасы пищи... Что-нибудь да сохранилось.

— Ты прав. Идем на север.

Асмодей зашагал впереди. Аркадий, поддерживая шатающегося дилона, с улыбкой — чтобы приободрить — сказал:

— У нас моряки считают скорость эскадры по самому тихоходному кораблю. Ты у нас тихоход, будем подделываться под тебя, но и сам старайся двигать ножками.

Уве Ланна отказался от поддержки Аркадия. Он старался не отставать, хотя ему было трудно угнаться за Асмодеем — тот оглядывался и сбавлял шаг. Аркадий восстанавливал в уме произошедшее. Все получалось иначе, чем задумывалось. Люди прибыли на Дилону с миссией мира — и сразу ввязались в войну. Они здесь никому не враги, но один из них, крупный ученый, прекрасный человек, погиб — и ни Аркадий, ни оставшиеся на могущественном корабле друзья не спасли его. Почему он умер? Зачем понадобилось уничтожать его? И что с «Гермесом»? Неужели и хронолет уничтожен? И Мария с Анатолием тоже мертвы, как несчастный Миша Бах?

— И как, возможно, скоро будем мертвы и мы! — вслух произнес Аркадий.

Все непонятно, все! И что загадочные рангуны беспричинно объявили людей своими врагами и последовательно стремятся их уничтожить. И что применяют средства разрушения, против которых не срабатывает защита хронавтов. И что природу этих средств не удастся разгадать. Самое срочное — разобраться в ситуации. Преодолеть враждебное воздействие — а для этого ускользнуть из мест, где оно непреодолимо. Гонят в какую-то область хронovorотов, как баранов на убой!

Итак, ситуация. Две соседних звезды связаны взаимным тяготением, но существуют в двух разных потоках време-

ни. И если одна движется в свое будущее, то другая, тоже двигаясь в свое будущее, одновременно погружается в прошлое соседки, ибо будущее одной — прошлое для другой. «Удивительно просто, не так ли?» — сказал бы погибший Рина Ронна. «Чертовски запутанно!» — так скажет Аркадий Никитин, штурман хронолета, свободно перелетающего из одного потока времени в другой. Просто или запутанно, но реально! Если бы две Гаруны столкнулись, они сразу аннигилировали бы, ибо одна состоит из обычного, а другая из антивещества, поскольку антивещество, как считают некоторые физики, это то же вещество, только в обратном времени. К счастью для Дилоны, пока ни одна из Гарун не стремится в объятья другой.

Зато оба светила устраивают хроновороты, размышлял Аркадий. Дилона, двигаясь по орбите, приближается то к Белой Гаруне, то к Голубой — и каждая возбуждает на обращенной к ней стороне планеты свое время. А столкновение их и есть разнотык времен, так ужасающий дилонов. Вроде как идешь навстречу самому себе, бросаешься на самого себя! Пока все просто непостижимой дилонской простотой. Но хроновороты? Но завихрения времен? Хроноциклоны, так?

Чувствуя, что с помощью размышлений он не способен разобраться в физике времени, Аркадий заговорил с дилоном:

— Ланна, ты не мог бы объяснить мне то, чего я не понимаю? Люди без вопросов не могут, придется тебе с этим примириться.

Ланна знал о хроноворотах только то, что они существуют и что любое существо, попавшее в них, непременно погибает. Аркадий уточнил: погибает или исчезает? Ланна поправился: погибает, потому что исчезает, то есть исчезает, потому что погибает. Хрен редьки не слаще, прокомментировал Аркадий. Так погибла его дорогая Салана, пожаловался Ланна. Ее похитили, но потеряли в хроновороте. Она там навсегда исчезла. Из хроноворотов не выбирают.

Больше из Ланны ничего извлечь не удалось.

«Для воплотителя Высшего Разума понимание ситуации могло быть и поглубже, — недовольно подумал Аркадий. — Что, собственно, такое этот разнотык времен? Место, где прямое время схлестывается с обратным, территория хронобоя. И могила всего живого — скачки то в прошлое, то в будущее. Не такова ли поразившая нас вибрация? Прошлое резонирует с будущим — то прыжок вперед, то прыжок назад, а настоящего нет, настоящее разорвано, настоящее — только вибрация между уже прошедшим и еще не наступившим. В первом приближении подойдет.

Прав Ланна: надо поскорей бежать из такого местечка, пока тебя не разорвало между прошлым и будущим. Но куда? Делаю следующий шаг. В разнотыке времен рождаются хронovorоты. Удар лоб в лоб создает завихрения. Стало быть, время из прямолинейного превращается в кривое? И сам хронovorот — уход от прямой аннигиляции, от взаимного уничтожения не только настоящего, но и прошлого, и будущего. Безвременность, вневременность — категории чуждые природе, в ней все существует во времени. Наверное, сумма разновременностей во Вселенной есть величина постоянная, и, стало быть, время физически неуничтожаемо. Вот, кажется, и я открыл свой собственный закон мироздания — да еще какой! Если останусь на Дилоне, попрошу внести его в мою Программу Судьбы — как личное открытие.

Но что следует из этого неожиданного открытия, которое когда-нибудь объявят великим? А то следует, что хронovorоты неизбежны при столкновении противоположных потоков времени — только искривление гарантирует неуничтожение. Время изгибается, чтобы сохраниться. А раз так, то можно в том же хронovorоте проделать полукруг и возвратиться в свое однолинейное время. Дилоны считают, что на полюсах природа сходит с ума. Во всяком безумии есть своя система — и чаще всего разумная. Сумасшедшие хронovorоты — единственная рациональная защита от уни-

чтожения. Итак, не бежать от хроноворота, а вынестись на нем, как на взбесившемся коне, в место поспокойней. Должен же, черт побери, любой вихрь где-нибудь ослабеть и распасться!»

Аркадий был доволен силой своей мысли. Немного бы попрактиковаться — и он, пожалуй, сдаст экзамен на высокий ранг в иерархии дилонов. «Но размышление об опасности отнюдь не отменяет самой опасности», — тут же сказал он себе и стал осматривать окрестности.

Мир был до того уныл, что шемило сердце. На Земле, конечно, встречались пустыни — их берегли как природные памятники. На других планетах тоже не жаловались на их недостаток — и мирились с ними как с неизбежным злом. Но в тех пустынях была первозданная величественность, они покоряли грандиозностью. В околополюсном пространстве Дилоны во все стороны простирались не пустыня, а могила — кладбище окаменелых деревьев, серый песок!

— Вижу! — закричал Асмодей, энергично продираясь сквозь окаменевший кустарник. — Авиетка, Аркадий!

Это была не авиетка, а груда обломков. Асмодей извлекал из лома то один, то другой предмет. Аркадий относил в сторонку то, что могло пригодиться. Ланна, уставившись взглядом себе под ноги, сосредоточился на какой-то трудно дающейся мысли. Почти потеряв сходство с человеком, в эти минуты он казался Аркадию настоящей, очень доброй и очень грустной собакой, для чего-то вставшей на задние лапы. Аркадий хлопнул молодого Различника по плечу.

— Не старайся самостоятельно сообразить, для чего нужны предметы, которые мы выуживаем из обломков. Лучше помоги перетаскивать.

Ланна от усердия широко открывал удлиненный рот с двумя рядами зубов сверху и снизу — но аккуратно складировать вещи было ему не под силу. Аркадий остановил дилона, когда тот старался взгромоздить компьютер личин Асмодее на переносной, вроде школьного ранца, гравитатор — механизм капризный, но незаменимый, когда надо

срочно превратиться из ходящего и скачущего в парящего и летящего.

— Присядь и отдохни, Ланна. И смотри, что делает Асмодей со спасенным снаряжением, слушай, что он говорит о назначении аппаратов. Тебе полезно ознакомиться с человеческой техникой, раз уж нам пришлось совместно выпутываться из беды.

Корпус авиетки распался, но почти вся аппаратура сохранилась. Асмодей вслух сообщал, что можно использовать. Вот эти хрономоторчики — генераторы фазового времени, питаются от двигателей — и «Гермеса», и авиетки. «Гермес» неизвестно где, авиетка разрушена. Но почему бы для подзарядки хроногенераторов не использовать сохранившиеся гравитаторы? Или личную защиту Аркадия и Асмодеев, смонтированную в их одежде? Она генерирует слабые поля для экранирования от механических, лучевых, гравитационных нападений. Но ее можно подключить и к хрономоторам, чтобы выскользнуть из опасного времени в близкую фазу, в которой опасность отсутствует.

— А вот эта турбинка, — Асмодей нежно погладил небольшой приборчик, — по мощности не заменит настоящих двигателей, но если ее закрепить на обычной доске да спарить с гравитатором (а у нас их два), то получится самолет. Рекордов скорости не побить, от оснащенного врага не скрыться, но заменить пешее продираание сквозь чашу окаменевших веток на неспешный полет над ними — нет, это тоже неплохо!

А вот здесь, — Асмодей показал на достаточно внушительный контейнер, — спасение для Аркадия. Мне, естественно, пищи не надо, дилоны обедают раз в месяц, но Аркадий должен ежедневно подкрепляться: тут еды на добрые три недели.

— И, наконец, компьютер личин. — В бодром голосе Асмодеев послышались грустные нотки: великое творение Марии Вильсон-Ясуко было сильно повреждено. — В нормальном состоянии он способен создать два десятка обличей — сейчас об этом и мечтать не приходится! Удовлетво-

рительно функционируют лишь три программы, в том числе и личины № 17. Такая авария, а даже рожки на голове не погнулись!

— Твоя личина доброго дьявола так хороша, что мы согласны всегда видеть тебя в ней, — успокоил его Аркадий.

— Поищу дерево для самолета, — сказал Асмодей и убежал в чашу.

Аркадий позвал к себе Ланну. В зале Предварения Ронна объяснял, что дилоны еще в школе самостоятельно делают важные открытия, а те, кто специализируется на Конструкторов Различий, обязаны еще и опровергнуть закон природы — и непременно важный. Какие именно законы природы опровергал Ланна?

Ланна, оживившись от приятных воспоминаний, сказал, что открыл потерю веса предметов в воде, которая у людей называется законом Архимеда, а выбрав профессию Различника, специализировался на опровержении закона всемирного тяготения. Он долго манипулировал с водой, добиваясь, чтобы она полностью лишилась веса и уже не заполняла сосуды, а размазывалась в пространстве. В дипломной работе на Зрелость он сконструировал воду, которая не растекалась, а сохраняла компактность, рушилась не вниз, а вверх. Фонтанирующая антигравитационная вода была удостоена отличной оценки.

— Очень интересно, — сказал Аркадий. — На Земле и на Латоне за такое изобретение немедленно ухватятся специалисты по фонтанам. А пока хочу предложить тебе задачу. Открой противодействие хроноворотам. Опровергни закон природы. Вернее, не закон, а безумие. Поскольку противоборство с природой — ваше интеллектуальное ремесло, тебе эта задачка вполне по мысли.

— Открою, — заверил Ланна и впал в отрешенность.

Асмодей отыскал массивное сухое дерево. Проворно вытащив шпагу, он сделал выпад. Кончик шпаги удлинился узким лезвием пламени, киборг повел им по стволу, как пилкой. Мертвое дерево было толщиной почти в три обхвата, но киборгу потребовалось всего пять-шесть земных минут, что-

бы уложить его на песок, — срез упавшего ствола дымился. Асмодей отсек омертвевшую крону и той же шпагой, превращенной в огненный резак, стал вырезать из огромного бревна что-то вроде лодки. Работая, он хвастался:

— Вот вы с Мишей Бахом посмеивались, что личина № 17 — это помесь средневекового аристократа с дьяволом. Но ты же знаешь, Аркадий, дьяволы — народ работающий, не бездельники. А как аристократы владели шпагой, даже ваши дети наслышаны. Я потому и выбрал эту личину для десантного выхода на планету: во-первых, очень красива, а во-вторых, практична — и оружие, и рабочие инструменты под рукой. Вот поглядишь, что за прелесть получится из этого деревца. Люди еще не знали такой летательной конструкции...

— Похожая была. Имею в виду ковры-самолеты.

Асмодей на миг огорчился, что его опередили. Но потом сказал:

— Знаю-знаю! Я ведь досконально изучил человеческую историю. Ваши предки точно летали на коврах-самолетах. При тогдашней бедности и отсутствии моторов это было общепринятое летательное средство. Но ведь ты же не будешь отрицать, что мой челнок оборудован гораздо лучше, чем давно отставленные ковры?

— Отрицать не буду.

Чтобы вывести Ланну из сосредоточенности, его пришлось потрясти за плечо. Нет, решения пока не найдено, но определены три дороги, по которым он усердно шагал, когда Аркадий прервал его раздумье.

— Шагал, не шевеля ногами, и сразу по трем дорогам! — восхитился Асмодей.

Первая дорога — пересечь хроноворот, когда он разрастется. Как это сделать, Ланна додумать не успел, но он чувствует, что хроноворот приближается. Вторая — умчаться с хроноворотом и сдвинуться к его внешнему краю, а там выскользнуть в невозмущенное время. Если еще поразмыслить, он придумает и способ соскальзывания. И третья дорога — бежать в центр хроноворота. В центре — спокойствие.

Аркадий уточнил:

— Спокойствие надо понимать так, что в центре хроновороты время полностью прекращается. В центре пребывает вечность. Я правильно понял, Ланна?

— Правильно. В центре хроноциклона миг равен бесконечности.

— Нового ты сказал немного, — оценил Аркадий плоды раздумий дилона. — Но омертвление времени в центре! Попасть в такое местечко и стать, не умирая, своей собственной нетленной статуей! Жуть! Между прочим, на Земле центр бури, где прекращается бушевание вихрей, называется глазом циклона. Ты описал око вечности, глаз мертвого времени. Постараемся все-таки туда не попасть.

— Самолет готов! — доложил Асмодей. — Можно полюбоваться.

Плотницкое искусство числилось в первой десятке двадцати пяти умений Асмодея. В широком стволе он вырезал несколько желобов, как бы перегороденных перекладинами. В трех первых удобно размещались пассажиры, в трех задних — закреплялась аппаратура.

— Я сяду впереди, — сказал Асмодей. — Куда держать, Аркадий?

— Пока мы в пустыне, а не в круговороте времени. Дорога на все румбы открыта. Держи на юг, Асмодей, снова на юг, пока не вернемся в гостеприимный город дилонов.

— Или пока нас не вышвырнет на почву новая судорога резонанса... Слушаюсь. Летим!

3

Аркадий никогда не ездил на лошадях, но сказал киборгу, что в креслице, вырезанном в дереве, сидеть еще удобнее, чем в седле. Ланна, разместившийся между Асмодеем и Аркадием, грустно вспомнил, что в их шарах гравитаторы придают телу полувесомость — так легче летать, чем с полным весом. Арка-

дий мог включить свой индивидуальный гравитатор, но опасался, что после аварии регулировка у него сбилась и действие будет не таким плавным, как раньше. Неожиданно взлететь вверх, а потом обрушиться на почву Ланна не захотел.

Асмодей вел лодку, ориентируясь по Гарунам: они остались позади, одна левее, другая правее, — он ощущал их спиной. Высоту киборг регулировал гравитатором, тягу создавал один из сохранившихся моторчиков, а для защиты Асмодей использовал и свою с Аркадием одежду, и генераторы разбившейся авиетки, и переносной хронотрансформатор.

— Летим в броне, — похвастался он, когда лодка взмыла над мертвым лесом. — Если рангуны напустят резонансы, то потрясет, но не разорвет.

Внизу мелькали унылые картины: голые холмы, пустынные озера — и вода в них была такой гладкой, что казалось, будто она тоже мертва. Скорбный пейзаж озаряли Гаруна Белая и Гаруна Голубая — холодная игра двойного света лишь усиливала впечатление смерти.

— А хронovorотов все нет! И мы все летим! — порадовался Асмодей.

Его замечание заставило Ланну очнуться от размышления. Дилон пожаловался:

— У меня путаются мысли. Близится хронovorот.

Киборг, не любивший, чтобы сомневались в его способностях, объяснил понуро сидевшему дилону, что в его наборе ощущений каждое гораздо сильнее человеческого, а это что-нибудь да значит. Так вот, все его ощущала пока не предвешают неурядка.

— Такое смятение в голове! — еще жалобнее ответил дилон. — Мысли — как огоньки... Вспыхивают, гаснут...

Вскоре Асмодею представился случай продемонстрировать чувствительность своих ощущал. Он сбросил скорость и, склонив вниз рогатую голову, стал во что-то всматриваться. Аркадий спросил, что случилось. Асмодей ответил нерешительно — хотя нерешительность не была у него запрограммирована:

— Вдруг запутался... То вижу, то не вижу!..

— Зрение ослабело? Ты же всегда хвастался, что твои глаза — разновидность оружия, а не тривиальные приемники света.

— Аркадий! Выпусти на меня льва — с одного взгляда опрокину, я такой. Но вон тот лес впереди... Появляется и пропадает...

Лес был как лес — мертвый, темный, на серых стволах мелькали цветные пятна: голубое сияние одной Гаруны перепутывалось с яркой белизной второй. Кроме этого смешения красок, Аркадий ничего не разглядел в приближающемся лесу. Асмодей закричал:

— Мы в царстве привидений! Запускаю защиту!

Теперь и Аркадий увидел, что лес впереди то светлеет, то темнеет. Он огляделся. Позади была лишенная трав и деревьев пустыня, она стиралась в дымке. Справа поблескивало озерцо, его блеск периодически усиливался и ослабевал, оно то выступало сверкающей чашей, то неразличимо сливалось со своими берегами. Аркадий снова повернулся к лесу. Лес появлялся и исчезал, как будто какой-то густеющий туман то накрывал, то открывал его.

— Разнотык времен? Не так ли? — Аркадий тронул дилона за плечо. — Схлест противоположных потоков времени? Что теперь делать?

Ланна бормотал, что на него давит неведомая сила, он не способен сосредоточиться. С Асмодеем слетела бодрость — даже во время падения авиетки он выглядел уверенней.

— Аркадий, нас то выносит в будущее, то отбрасывает в прошлое.

Один рог Асмодеем сиял голубым — в лучах левой Гаруны, второй белокалильно сверкал, освещенный Гаруной правой, — из-за этого киборг казался двуликим. Лодка подлетела к лесу. Реальные деревья превращались в призраки, но полностью не пропадали — полустирались, а затем снова становились четкими.

Аркадий потряс дилона.

— Ланна, сколько лет живут ваши деревья — вон те, что под нами?

Дилон не сразу понял, чего от него хотят. Но потом все-таки собрался с мыслями.

— По вашему счету этим деревьям лет сорок, — сказал он и снова закрыл глаза.

— Отлично! Асмодей, мы залетели в хронобой. Потoki времени, генерируемые одной Гаруной, сталкиваются с противоположным временем другой. В общем, разнотык.

— Вот-вот — разрыв времени. Выдержит ли его наша защита?

— Деревья то показываются в настоящем времени, то отбрасываются в прошлое и будущее. Но они остаются, Асмодей! Стало быть, колебание между прошлым и будущим невелико. Ведь пятьдесят лет назад их еще не было и спустя пятьдесят лет не будет. Колебание в сто лет — вот разрыв времени.

— Разрыв в сто лет наша хронозащита выдержит.

Лес долго не менял своего облика — стирался до призрачности, густел кладбищем мертвых стволов, снова превращался в привидение. Асмодея так захватила эта картина, что не сразу заметил изменения в летающей лодке. Обернувшись назад, он вдруг обнаружил, что контейнер с едой для Аркадия пропал. Остальной багаж лежал, а контейнера не было, словно он выпал в полете. Но сохранились веревки, которыми он был приклеплен к лодке, они натягивались под прямым углом, словно по-прежнему обхватывали громоздкий груз. Но под ними ничего не было — они стягивали пустоту. Асмодей крутанул лодку влево. Теперь и веревки пропали, словно их и не было. Асмодей повернул направо — веревки появились. Еще круче свернув вправо, киборг погнал лодку под углом к прежнему курсу. Контейнер не появился, но под туго натянутыми веревками что-то затемнело. Это могло быть лишь то, что сохранилось от еды в их новом полетном времени.

Ругательства у киборга тоже были не запрограммированы, но вырвавшееся у него восклицание было равнозначно брани.

— Что с тобой? — спросил Аркадий.

— Надо поворачивать назад. Впереди хроноразрыв увеличивается. Посмотри на корму — там исчезает не только контейнер с едой, но и аппаратура.

— Защита перестает нас экранировать?

— Может, дерево, из которого сделана лодка, сохранится — мертвая древесина долговечна. Но нас унесет, Аркадий. Защита будет экранировать пустоту, а мы будем валяться на мертвой почве в мертвом лесу. Нас разорвет — голова затормозится в прошлом, туловище устремится в будущее. Это даже не для меня. Бежим назад!

Аркадий не захотел поддаваться панике. Спасение — на юге. Там ни разнотыков времени, ни хронovorотов. На севере — лишь кратковременная отсрочка гибели. Только на юг. Единственный шанс сохранить жизнь — там, где Асмодей предрекает гибель.

— Я гибели не боюсь, Аркадий! — с достоинством сказал Асмодей. — Страх смерти в меня не внедрен. Я опасаясь за тебя и за этого наполовину безжизненного юношу. Слушаю. Держу прежний курс.

Теперь и Аркадий поминутно оглядывался. Контейнер больше не появлялся, пропали и скрепляющие его веревки, — возможно, хроноштурману уже никогда не состыковаться в едином времени со своей пищей. «Лучше смерть от голода, чем от разрыва времени в теле», — утешал себя Аркадий. Потом на корме стали пропадать и другие предметы. Аркадий закричал. Неожиданно исчез Асмодей — впереди качался только смутный силуэт киборга. Аркадий схватил его за призрачное плечо. Пальцы прошли сквозь Асмодея, как сквозь дымок. Лес заметался, обе Гаруны нестерпимо засверкали. Аркадий потерял сознание.

Когда он очнулся, впереди сидел реальный Асмодей и сосредоточенно вел лодку на две Гаруны: большую, обжигающую белым жаром, и малую, ласкающую фиолетовоголубым сиянием. Аркадий закричал:

— Ты жив, Асмодей, ты жив!

— Как видишь.

— Значит, ты все же услышал меня? Я кричал, чтобы ты сменил курс.

— Ничего я не слышал. Разве можно услышать человека, который жил за сто лет до тебя? Мы были уже в разных временах. Я сам изменил курс в последний миг, когда это было возможно. А хронозащита восстановила нашу одновременность.

Аркадий обернулся. На корме все лежало в прежнем порядке. Контейнер с пищей туго охватывали веревки. Аркадий передернул плечами, избавляясь от тошнотворного страха. Все восстановилось, но путь на юг был закрыт. Внезапная гибель не разразилась, но и спасение не состоялось. Аркадий хмуро произнес:

— Куда же нас вынесет? Или мчаться до вечности?

Ланна поднял свалившуюся на плечи голову, повернулся — на Аркадия посмотрели мутные и печальные глаза.

— Я рад, что тебе лучше, Ланна, — сказал Аркадий. — Мы едва не попали в тяжелый разрыв времени, но благополучно ушли. Как у тебя с головой? Мысли больше не раздувает и не гасит, как огоньки на ветру?

— Меня тревожит только одна мысль, — ответил дилон. — Ты сказал, что из хронобоя мы ушли? Нас настигает хроноворот. Это не лучше.

4

Внизу проплывали леса и холмы — безжизненный мир, арена беспощадных вибраций времени. Асмодей заметил, что их сносит вправо. Новый пейзаж мало отличался от прежнего: та же мертвая пустыня, те же стволы погибших деревьев, те же тускло поблескивающие озера. Лишь телескопические острые глаза киборга могли различить в этом однокрасочном мире какие-то непохожести. А когда и обе Гаруны, в момент поворота с юга на север выскользнувшие

из-за спины и оказавшиеся прямо перед лодкой, стали съезжать налево, и Аркадий понял, что их выворачивает.

— Старайся держать прежний курс, — посоветовал он.

— Не могу, Аркадий. Посмотри вниз. Тебе не кажется, что слева мир снова становится призрачным? Вон там, на линии горизонта.

У горизонта все расплывалось. Предметы не отдалялись, а теряли очертания, становились полупрозрачными. Недавно, когда лодка летела на юг, тоже происходило нечто похожее. Но тогда медленно исчезали и постепенно возникали все ближние предметы и справа, и слева. А здесь пропал только левосторонний мир и пропал издалека, а не вблизи — горизонт слева суживался, все дальше тускнело и закатывалось за его надвигающуюся линию, все ближнее сохранялось — мертвое, однотонное, но четкое. Пейзаж становился односторонним, он был только с правого борта.

— Это хроноворот, — размышлял вслух Аркадий. — Ланна обещал что-то страшное, но пока я вижу одни несообразности. Просто выход в фазовое время. Правда, угол много больше того, какой мы применяли на «Гермесе».

— Страхное еще будет, — сказал Асмодей.

— Что именно?

— Не знаю. Потряси Ланну, он должен знать.

Трясти Ланну было пустой затеей. Дилон так измучился, что впал не в сосредоточенность, а в беспмятство. Он откинулся на сиденье, вытянул вверх острую мордочку, одно дыхание — гораздо более редкое, чем у людей, — свидетельствовало, что жизнь не покидает ослабевшее тело.

Аркадий вспоминал, что знает о хроноворотах. По термину — завихрение времени. Рождается в схлесте двух противоположных потоков. Попали в хронокольцо и несемся в нем. Пока все просто...

Да, но почему так бояться хроноворотов дилоны? Что в них опасного? Изменение скорости вращения времени? Уменьшение диаметра хроноворотов? Вихревой заворот сужается, хронокольцо превращается в хроноколечко, хроноколечко

схлопывается в точку. С какой же бешеной скоростью должно там лететь время! Если в центре большого хроноциклона оно замирает и мгновение оборачивается вечностью, то в основании воронки и вечность равнозначна мгновению. И задолго до этого все гибнет. Там, где столетия сжимаются в секунду, не устоят не только живые клетки, но и почти бессмертные граниты земной Скандинавии. Короче — взрыв!

Аркадий окликнул киборга:

— Тебе не кажется, что диаметр хроноворота постепенно уменьшается?

— Мы не сделали и одного витка, как же судить о том, уменьшается ли диаметр следующих? Наберись терпения, Аркадий.

Терпение относилось к свойствам характера, которые были дарованы Аркадию с большим недобором. Он всматривался и всматривался во все, на что падал его взгляд. И первым увидел перемену в светильниках: ослепительная Гаруна Белая потускнела, томная Гаруна Голубая разгорелась. Асмодея тоже встревожили эти изменения.

— У тебя есть объяснение, Аркадий?

Аркадий напомнил, что обе звезды существуют в разных временах, одна в прямом, другая в противоположном. От схода этих времен и возникают хронобои и хроновороты.

— Ты не отвечаешь на вопрос, Аркадий. Все это я и сам знаю.

— Знаешь, стало быть, и ответ, которого ищешь. Каждая звезда в своем собственном времени ярче, чем в близком по фазе. И когда, вращаясь в хроновороте, мы пересекаем истинное время звезды, она видна максимально. Цикл изменений светимости и есть один виток хроноворота. Так вот, ближайшая задача — определить, сохраняются ли размеры хроновитка или он постепенно уменьшается.

— Буду следить, — пообещал киборг.

И опять терпение Аркадия подверглось трудному испытанию. Гаруна Голубая, достигнув максимального блеска, совсем затмила недавно столь великолепную Гаруну Белую.

И она уже не была голубой с сумрачной фиолетовостью, она накалилась добела. Затем ее блеск стал ослабевать, а сверкающие Гаруны Белой восстановилось.

— Полный цикл, — сказал Асмодей. — Хроноворот сокращается. Горизонт прозрачности приблизился. Жду приказа.

— Может, прокрутимся еще виток?

— Опасно. Ты угадал сжатие хроноворота. Но как узнать, скоро ли кольцо превратится в точку?

Та полоса слева, где даже близкие предметы из материальных тел становились силуэтами, на втором витке приблизилась. «Если выберемся из этого удивительного мира, — думал Аркадий, — поверит ли кто в его реальность, когда я стану рассказывать?» Справа, до очень далекого горизонта, простиралась обширная пустыня — все было мертво, но вещественно, предметы отбрасывали тени, они реально были, и небо над ними было реальное. А слева уже ничего не существовало, лодка-самолет мчалась словно по самой кромке горизонта, по четко ограниченной линии пустоты — за этой линией даже неба не было.

Аркадий понял, что дальше медлить опасно.

— Асмодей, выбрасываемся из вихря! От твоего умения зависят наши жизни. Нужно выскользнуть наружу, а не внутрь. Потому что внутри будет взрыв, превращение столетий в микросекунды. Если не удастся соскользнуть сразу, пересеки хроноворот и выйди с другой стороны!

Асмодей всегда гордился, что застрахован от человеческих эмоций, хотя способен ощущать острее, чем люди. Но то выражение, с каким он обернулся к Аркадию, походило на ужас.

— Но ведь это значит — снять хронозащиту!

— Асмодей, не медли. С каждым витком время убыстрится. Хронозащита не сможет этому противостоять.

Киборг успокаивался быстро. А пустота, поглощавшая предметный мир, действовала сильнее, чем приказы Аркадия.

— Общую защиту отключаю, индивидуальную оставляю. Аркадий, возьми в свое поле Ланну! Раз, два!..

Решительное восклицание не означало, что Асмодей сразу сбросил всю защиту. Аркадий не почувствовал изменений — только дышать стало труднее. Очнувшийся от пассивной беспомощности Ланна зашевелился, завизжал тонким голоском, но четкой мысли не передал. Завершился очередной виток хроноворота, Гаруна Белая опять потускнела, Гаруна Голубая снова свирепо накалилась. Аркадия уже не удивляло, а беспокоило, что ничего необычного он не чувствует. Он сказал:

— Ты ничего не замечаешь, Асмодей?

— А что замечать? Убыстрение времени мы тормозим индивидуальными полями. Уж не ждешь ли ты, что наш самолет начнет распадаться на шепочки от стремительного старения?

— Я не был бы удивлен, если бы это случилось.

— Постараюсь, чтобы не случилось. Впрочем, кое-что новое есть: я сижу неподвижно, а впечатление, будто бегу. Потребление кислорода увеличилось вдвое. Я могу не дышать, но вам с Ланной нужно больше воздуха. Боюсь, что индивидуальная защита слабовата.

Вскоре и Аркадий почувствовал нехватку воздуха. Он тоже, сидя, словно бежал изо всех сил. И должен был дышать широко открытым ртом, чтобы надышаться. Аркадий сосчитал свои вдохи: дыхание убыстрилось чуть ли не в четыре раза. «Хоть и грубая, но все же оценка ускорения времени», — подумал он.

А потом заметил, что дышать стало легче — по-видимому, внешнее время приблизилось к внутреннему. Он сказал Асмодею:

— Пора освобождаться от индивидуальной защиты. Я дышу нормально.

— Под хроноэкраном, Аркадий. Мы уже в замедленной области хроноворота, но и здесь его скорость больше скорости нашего времени. Освободимся от хроноэкрана, когда внешнее и внутреннее время полностью совпадут.

Теперь пейзаж почти не менялся. Свирепо сверкала Белая Звезда, томно сияла голубовато-фиолетовая — вращение времени на них не действовало. «Возможно, и нет уже никакого вращения», — подумал Аркадий.

Вдруг киборг резко направил лодку вниз. Аркадий вздрогнул: уж не падаем ли? Ланна испуганно взвизгнул. Асмодей крикнул, что пора снимать хронозащиту, но лучше это сделать на почве, а не в воздухе.

Диковинный самолет врезался в грунт. Аркадия и Ланну вышвырнуло наружу. Аркадий вскочил, помог подняться дилону. Асмодей ходил вокруг лодки и ликовал:

— В последнюю микросекунду! Уже совсем времени не осталось! Погляди, Аркадий! — Он показывал когтистой рукой на обломки лодки.

Аркадий рассердился:

— Чего веселишься? Разбил уникальный воздушный корабль, повредил аппаратуру. Повод для торжества недостаточный.

— Нет, ты погляди! — орал Асмодей.

Он совал Аркадию обломок развалившейся лодки. Аркадий взял его в руки — сквозь пальцы посыпалась труха. Хронавт наклонился за другим обломком — тот распался еще до того, как его подняли. Дерево, еще недавно каменно прочное, рассыпалось при легком прикосновении.

Пришедший в себя Ланна тоже попытался поднять с почвы обломок. И когда он раскрылся в гибких пальцах дилона, Ланна сказал человеческими словами, отчетливо прозвучавшими в сознании обоих хронавтов:

— Мне надо сосредоточиться. Потом объясню, что случилось.

— У нас не хватит времени, чтобы ты все открыл саморазмышлением, — сказал Аркадий. — Поэтому не сочти за оскорбление мое объяснение. Так скорее, а время — деньги, говорят у нас. Нет, нет, — добавил он поспешно, заметив, что дилон опять собирается задуматься, — ты не дойдешь авторазмышлением до смысла термина «деньги», это древнее понятие, давно забытое человечеством.

И Аркадий объяснил, что киборг снимал хронозащиту в два этапа — сначала с летящей лодки, потом с них троих. Но за тот десяток минут их собственного времени, кото-

рые лодка летела во времени внешнем, ускоренном, для нее прошли годы. Дерево постарело на много лет. Одряхлевшая лодка стала рассыпаться уже в воздухе. Асмодей успел посадить ее в то мгновение, когда готовилась отвалиться корма с аппаратурой. Было бы катастрофой, если бы разбились их хрономоторы, гравитаторы и генераторы силовой защиты.

— Но ведь они тоже состарились, когда твой друг Асмодей снял с лодки хронозащиту, — возразил молодой Различник, показывая, что умеет не только внимательно слушать, но даже иногда делать быстрые выводы. — Я сейчас подумаю и определю...

Аркадий не дал дилону впасть в новую задумчивость. Конечно, и аппаратура состарилась. Но для конструкций из металлов и других долговечных материалов это не так опасно, как для дерева, которое даже в омертвелом состоянии не вечно.

— Проверить, однако, надо, — сказал Асмодей.

Втроем они собрали разбросанную аппаратуру. Асмодей осматривал хрономоторы и силовые генераторы. Его лицо мрачнело.

— Говори! — попросил Аркадий. — Вижу, что преувеличил вечность металла. И готов к худшему. Силовая защита уничтожена?

— Ничего подобного! — запротестовал Асмодей. — Силовая защита в порядке, там такая прочность! И гравитаторы работают... Слабей, чем прежде, но если придется падать, не разобьемся.

— Хрономоторы?

— Да, Аркадий. Хрономоторы не вынесли хронотряски. Черт его знает, простого аппарата не смогли по-человечески изготовить! На Латоне буду жаловаться.

— Если вернемся, Асмодей. Если вернемся...

— Я попробую подремонтировать их, Аркадий.

— Что для этого нужно?

— Местечко поспокойней, подальше от хронovorотов. И время — обыкновенное время, но в достаточном количестве.

Аркадий осмотрелся. Асмодей посадил рассыпающуюся от дряхлости лодку на лесной прогалине. Кругом громоздились окаменевшие деревья. Еще недавно они шумели голубыми лохматыми головами, а скоро и мертвыми перестанут быть — лодка, вырезанная из ствола, показала, что и в смерти своей безжизненный лес не вечен. А на севере, над полюсом, поворачивающимся то к одной, то к другой звезде, разъяренно калилась Гаруна Белая и нежно струилась почти фиолетовая Гаруна Голубая. Там спокойствия нет — только крохотные интервалы между трясками. Спокойствие на юге, в стране дилонов, — и лишь в часы, когда их неведомые враги не начинают убийственные резонансные обстрелы. Но туда преграждает путь хронобой. Их хронозащита была еще цела, когда остервенелые хронопотоки вышвырнули их оттуда. Где гарантия, что теперь, незащищенные, они уцелеют в фокусе неистового хронобоя?

— Берем аппаратуру и шагаем на север, — приказал Аркадий.

5

«Предусмотреть последовательность действий, — думал Аркадий, двигаясь за тяжело нагруженным, быстро шагающим Асмодеем. — Первое — уйти от хроноворота. Он, наверное, всасывает в себя и время, текущее по соседству. Оказаться вне времени так же губительно, как и попасть в ускоренный его поток. В первом случае умрешь от консервации сиюмгновенности, во втором — от обвального старения. Хрен редьки не слаще».

Аркадий усмехнулся: сколько бы усилий понадобилось дилону, чтобы своим умом дойти до вкуса неведомых ему хрена и редьки. И как ошибался тот древний философ (а ведь он так нравился в школе!), который сказал о счастье: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Черта с два он остался бы счастливым, если бы мгновенье на самом деле остановилось!

— Хорошо бы найти границу, отделяющую хроноворот от заторможенного времени, — сказал Аркадий киборгу.

— Выйдем куда надо, — пообещал Асмодей. — В этих местах нет чередования дня и ночи, но хронометр у меня сохранился — моторчик, заменяющий сердце. Я сам назначу ночь, и мы остановимся на отдых. Вы с дилоном поспите, а я подремонтирую аппаратуру.

Вспоминая потом поход на север, Аркадий удивлялся, как они сумели пройти свой недолгий, но бесконечно трудный путь до первой остановки. Асмодей скомандовал привал на голой скале, вздымавшейся над мертвым лесом.

Обессиленный Ланна уткнулся в почву. Аркадий присел рядом, не отключая ни гравитаторы, ни силовую защиту. Вероятно, это и спасло их, когда скала затряслась. Первая же судорога, пронзившая камень, бросила Асмодеев вниз — он перед этим отключил защиту, чтобы удобнее было работать, и, пойманный врасплох, не сразу восстановил связь с генераторами.

Аркадия больше ошеломили гул и грохот, вырвавшиеся из глубины скалы, чем ее тряска. Обхватив дилона, он прижался к почве и видел, как киборга швырнуло вниз. Новая судорога, пронзившая камень, заставила заскользить вниз и хронавта с дилоном. Теперь они поменялись местами: Асмодей, вцепившись в выступ скалы, задержался на склоне, а Аркадия с Ланной вынесло к подножью.

Аркадий вскочил, попытался поднять Ланну. Одновременно натренированным еще во время учебы движением проверил, есть ли связь с генераторами защиты. Поврежденные генераторы все же действовали, но защита была слишком слабой, чтобы преодолеть судорогу, в третий раз пронзившую и каменную скалу, и мертвую почву. Аркадия снова швырнуло, он закричал от боли, раздиравшей тело. Вибрировала каждая жилка, трепетал каждый нерв. Сам Аркадий не услышал своего вопля: ему казалось, что все тело его звенит, орет, визжит — этот внутренний визг был так реален, что перекрыл все наружные звуки.

Потом наступили тишина и неподвижность. Почва обрела устойчивость. Аркадий поднял голову. В глазах стояла пелена, пелену прорезали глумливые искры — они образовали полусветящуюся завесу, за ней проступило что-то темное. Аркадий со стоном опустил голову. Темные призраки материализовались. Вокруг троих хронопутешественников кольцом выстроились странные фигуры. До Аркадия словно издалека донесся голос Асмодея:

— Да это же земные обезьяны! Откуда они на Дилоне?

Ланна тоже приподнялся. На его выразительном лице проступили ужас и безнадежность.

— Мы в плену, иновременник. Мы у хавронов.

И, словно обессилев от тяжелого объяснения, Ланна опять упал.

6

Это, конечно, были не обезьяны. Они были слишком высоки и широкоплечи для земных приматов — даже мощная горилла уступила бы любому хаврону ростом и весом. И одеждой у них была не собственная шерсть, а что-то похожее на юбочки до колен. На юбочках виднелись карманы и петли, каждый карман оттопыривался — в нем что-то хранилось, в каждой петле что-то висело: где — ножи, где — какие-то аппараты. У самого высокого хаврона был четырехугольный ящичек с антенной. «Передатчик», — подумал Аркадий.

Не только экипировка убеждала в том, что они не животные. Двое хавронов выкатили вперед громоздкое сооружение на колесах — нечто вроде платформы, на которой высился на треноге диск, похожий на зеркало. Диск направили на хронопутешественников. Было видно, как на зеркальной поверхности тускло отразилась голая скала и три фигурки, застывшие у ее подножья. Не нужно было длительного размышления, чтобы догадаться, что и платформа на колесах,

и диск на ней — боевое оружие и что хавроны выкатили его для удара, а не для радостного знакомства с людьми.

— Что делать? — спросил Асмодей. — Могу напасть на них.

— Не смей! — сказал Аркадий. — Конечно, хавроны воюют с дилонами — они ведь солдаты рангунов, как объяснил бедный Ронна. Но мы рангунам не враги. И я постараюсь показать, что у нас нет других намерений, кроме дружественных. На всякий случай — охраняй меня.

Аркадий пошел к хавронам, протягивая вперед и вверх обе руки. В школе космонавтов ему внушали, что именно такой жест — безоружные руки, поднятые вверх и немного вперед, — непременно убедит любого инопланетянина в миролюбии людей. Но хавроны явно не изучали языка жестов. Они столпились вокруг своего оружия, а двое мохнатых операторов начали крутить колеса платформы. Диск поворачивался, угрожающе нацеливаясь на приближающегося Аркадия.

— Иновременник, падай! — отчаянно протранслировал Ланна и громко завизжал.

Диск вспыхнул тусклым желтоватым огоньком и погас. Аркадию показалось, что его рвут на тысячу частей. Он упал и завертелся, гася судорогу. Поврежденная силовая защита, не отразив удара, все же самортизировала его.

На операторов резонансного оружия вихрем обрушился Асмодей.

Не имея сил подняться, Аркадий прижался боком к земле. Потом, вспоминая сражение киборга с хавронами, он не переставал удивляться фантастичности увиденного. Стройный человек при шпаге и с пистолетом, в роскошном камзоле и узорных штанах до колен, как у средневекового французского маркиза, с усиками какого-то надменного немецкого императора и изящными рожками придворного дьявола Сатаны, выхватив шпагу, бросился на двух хавронов, переставших крутить колеса и что-то достававших из своих пель и кармашков. Из шпаги вырвалось лезвие пламени,

пламя полоснуло одного хаврона — он с клетотом рухнул. Второй, наставив на Асмодея какой-то приборчик, сдунул огонь, когда тот уже коснулся его груди — пламя метнулось в сторону. Но шпаги хаврон сдвинуть не смог, металлическое лезвие пронзило его — и он тоже упал, заверещав еще пронзительнее. Асмодей перекрестил струей пламени боевой диск, и тот распался на четыре куска. Асмодей бросился на других хавронов, размахивая длинным огнем своей шпаги. Хавроны посыпались врассыпную. Только один рванулся вперед, на киборга. Это был самый высокий хаврон — с ящичком, из которого торчало что-то вроде антенны. Но это был не передатчик, а оружие.

Две струи пламени — из шпаги и из ящичка — столкнулись и отбросили одна другую. Асмодей снова сделал выпад, и снова пламенный выплеск из вражеского оружия отвел вбок огненный клинок шпаги. Хаврон пока не нападал, а защищался, поджидая момента, когда сможет не только парировать выпад киборга, но и нанести свой собственный удар. Аркадий боялся, что остальные хавроны, воспользовавшись тем, что киборг поглощен огненной дуэлью, бросятся на него сзади. Но, похоже, воины рангунов, так странно похожие на земных обезьян, не собирались нападать со спины. Наоборот — они сгрудились вокруг сражающихся, о чем-то переговариваясь, и, судя по всему, были твердо настроены досмотреть эту красочную дуэль до конца.

Рослый хаврон улучил момент и бросил пламя в киборга. Асмодей успел сделать выпад — пылающее острие ударило в боевой приборчик. Шпага Асмодея, перерезанная у эфеса, отлетела в сторону, аппарат в руках врага вспыхнул. Отбросив комок огня, в который превратилось его оружие, хаврон отскочил. И Асмодей ринулся на него. Наклонив голову, он ударил исполинского противника (хаврон был раза в полтора выше киборга) рогами в живот.

Аркадий всегда считал, что живописные рожки на голове киборга — не больше чем парадное украшение его любимой личины № 17. Асмодей, прихорашиваясь перед зер-

калом, поглаживал их так любовно, что становилось ясно: они восхищают его эстетически, деловой ценности в них нет. Но коротенькие рожки были оружием. Когда они коснулись тела хаврона, из них вылетели точно такие же полоски огня, как и те, что генерировала шпага. Два кинжальных пламени насквозь пронзили обезьяноподобного воина и вышли у него из спины. Хаврон завопил, задергался, замахал руками, но не упал, а повис на двух пронзивших его огнях, как на железных клинках.

Ошеломленные хавроны молча смотрели на гибель товарища — ни один не рванулся на помощь. Асмодей отдернул рога. Две огненные струи сразу погасли, великан зашатался и упал. И, словно очнувшись от оцепенения, все хавроны скопом кинулись на Асмодее. На мгновение он исчез в их куче, затем отбросил всех — и выпрямился, готовый к новой схватке. Три раза повторялось одно и то же: хавроны набрасывались, погребая Асмодее под собой, — он всех отшвыривал, они снова набрасывались — и снова рассыпались.

Аркадий поднялся, пошатываясь на тряпичных ногах, и поплелся к месту схватки. Вряд ли он понимал, что, вконец обессиленный, не годится для борьбы, зато знал, что киборгу надо помочь — иначе тот не справится с такой оравой противников.

Ланна, по-прежнему неподвижно лежащий на камнях, удлинил свою правую руку и вцепился в Аркадия десятью когтистыми пальцами. Дилон был слабей человека, но у Аркадия не хватило силы освободиться от его захвата. Он только крикнул:

— Пусти! Немедленно пусти, Ланна!

— Не пушу, не пушу, — твердил дилон, — они тебя убьют, иновременник!

И, вытянув вторую руку, он еще крепче схватил Аркадия и потащил его назад. Неспособный сделать хоть шаг к киборгу, хрононавигатор увидел, как закончилась его схватка с хавронами. Один из нападавших сорвал с Асмодее моторчик индивидуальной защиты и отскочил с радостным во-

плем, размахивая трофеем. Двум-трем противникам Асмодей и теперь мог противостоять, но их было больше десятка. Киборга повалили, опутали ремнями, положили связанного на платформу — на ней уже не было боевого излучателя — и проворно потащили в лес.

Один из хавронов подошел к Аркадию и Ланне — на мхнатой морде остро посверкивали маленькие злые глазки — и повернулся к дилону. Ланна слабо протранслировал Аркадию:

— Приказывают быстро идти с ними. Надвигается новый хроноворот, надо всем спастись. Я попытаюсь, а ты сможешь, иновременник?

— Постараюсь. — Аркадий с трудом сделал один шаг. Дилон правой рукой обнял человека.

— До сих пор ты помогал мне, теперь моя очередь.

С помощью дилона Аркадий сумел сделать несколько шагов. Боль в теле усилилась, перед глазами все плыло. Только рука дилона удерживала Аркадия от падения. Ланна что-то громко провизжал — визг, похоже, сопровождала мысль, но она до Аркадия не дошла. Конвоирующий обоих хаврон вдруг побежал вперед.

— Ты ему что-то сказал? — спросил Аркадий.

— Приказал посадить тебя на платформу. Он поспешил за подмогой.

— Приказал? Ты можешь им приказывать?

— Конечно. Эти низшие существа обязаны выполнять волю воплощений Высшего Разума. — Дилон задумался и добавил: — Если мои веления не противоречат приказам рангунов. А посадить или не посадить тебя в их фургон — я установил это точным размышлением, — рангуны заранее приказать не могли.

Аркадий уточнил ситуацию:

— Хорошо, что ты правомочен отдавать приказы хавронам. Хоть какая-то гарантия безопасности. Но если ты прикажешь им освободить нас, они это сделают?

На этот раз дилон размышлял дольше.

— Не сделают, иновременник. Им велели взять нас в плен. Если есть приказ захватить, то не может быть приказа отпустить.

— Логично. Взять в плен и освободить из плена — операции взаимоисключающие.

— И это хорошо, пришелец.

— Что хорошо? — удивился Аркадий. — Что нас захватили?

— Что мы захвачены по приказу рангунов. Это означает, что мы у хавронов в плену, но вовсе не в их воле. Нас, так я установил с помощью размышления, доставят к Ватуте. Верховному Злодею Рангунии еще не приходилось встречаться с людьми. Он захочет с тобой познакомиться.

— Не уверен, что хочу этого знакомства, Ланна. Да еще таким способом — напали, превратили в полуинвалида...

К пленным подошли двое хавронов. Они взяли Аркадия на руки и понесли к платформе. От них пахло зверьем. На минуту Аркадий испугался, что их когти вопьются в его тело. Но его несли осторожно.

Хавроны положили человека рядом с киборгом и отошли. Асмодей изобразил улыбку, но получилась гримаса.

— Тебе не кажется, Аркадий, что я сделал все, что мог? — хрипло спросил киборг — голосовой механизм у него был основательно поврежден.

— Ты сражался как лев, — сказал Аркадий.

Киборг относил львов к низшим конструкциям живого мира.

— Что может лев? Ну, куснуть, ну, разоко царапнуть. А я разбрасывал обезьян как щепки. Будут долго помнить. Ты и Ланна не очень пострадали?

— Я немного пострадал, а Ланна изменился. Поллюбуйся, как он вышагивает среди наших похитителей. Знатный гость, а не пленник.

Дилон и вправду изменился. Еще недавно он еле передвигал ноги, панически боясь хавронов, — увидев их, он свалился почти без сознания. А сейчас двигался среди воинов,

гордо вытянув собаководную голову; правая его рука величественно, в полный обхват, обвивала туловище, лишь левая безвольно висела ниже колен. И хавроны воспринимали такое его поведение как естественное — окружавшие дилона мохнатые солдаты казались скорее почетным конвоем, чем суровой стражей.

Аркадий сделал знак, чтобы Ланна приблизился.

— Нужна помощь? Вам плохо, иновременники? — спросил дилон — он понемногу привыкал к человеческому обычаю задавать вопросы. — Что смогу, все сделаю.

— Вижу, что ты многое можешь сделать. Но почему ты держишься так, будто вовсе не пленник? И почему наши похитители разрешают тебе так держаться? Ты ведь недавно боялся их!

Ланна пренебрежительно оскалил зубастый рот.

— Хавроны опасны при случайной встрече — рвут в клочья, а если оставляют в плену, то издеваются. Они ведут себя совсем иначе, если выполняют приказ своих хозяев. Тупые исполнители! Зачем же унижаться? Пусть видят величие Высшего Разума. Буду держаться так, пока нас не передадут рангунам или пока все не погибнем в этих страшных местах.

Аркадий показал на левую руку дилона.

— Что с ней? Она висит как плеть. Не сосредоточивайся, плеть это... в общем, у людей — полезный предмет. Ты недавно с такой силой ухватил меня обеими руками, чтобы я не рвался к Асмодею...

— Сейчас я не смог бы этого сделать. Левая рука вдруг ослабела. Я боялся этого, иновременник, но думал, что это произойдет не так быстро. Ваше появление на Дилоне помешало мне выздороветь.

— Наше появление? Вот уж не думал, что препятствуем твоему выздоровлению. Ты болен?

— У меня рассинхронизация организма, — грустно объяснил Ланна. — Главная наша болезнь — рассогласование жизненных времен органов тела.

— У людей рассогласования времен не бывает, — вмешался в разговор Асмодей. — Люди синхронизированы от рождения до смерти.

Дилон снисходительно посмотрел на киборга — эта снисходительность вполне могла сойти за жалость. В организме людей рассинхронизация не наступает? Но не потому ли, что люди мало живут? За ничтожный период в сто земных лет и у дилонов не возникает рассогласования времен. Он, Сын Отцов Различников Уве Ланна, полагает, что и у людей, доживи они до тысячи лет, непременно появится рассинхронизация: ноги будут пребывать в одном времени, мозг — в другом. Впрочем, о людях он мыслить не будет, он скажет о себе. У него ускорилось время в мозгу, а в туловище и ногах оно отстает.

— Разве вы не заметили, иновременники, что я кажусь замедленным? Моя мысль значительно быстрее моих движений. Мне достаточно маленького размышления, чтобы разобраться в любой проблеме, но действия требуют очень много времени.

Для лечения рассинхронизации, продолжал дилон, применяется простое средство — перевоплощение. Два дилона меняются частями своих организмов — и синхронизация восстанавливается. Конечно, подобрать партнеров, подходящих для взаимного перевоплощения, непросто. Но все дилоны находятся на строгом учете Стирателей Различий, а наши Старейшины никогда не ошибаются. Безвременно погибший Сын Стирателей Рина Ронна подобрал для Ланны отличного перевоплотителя, молодого Мат Магона. У Мат Магона мозг в замедленном времени, зато тело ускорено. Снабдив Мат Магона замедленным телом и получив от него в дополнение к своей стремительно мыслящей голове столь же быстрое туловище, и сам Ланна, и его перевоплотитель были бы надолго синхронизированы. Хлопоты с пришельцами отодвинули дату перевоплощения, и вот результат — левая рука болезненно замедлилась.

— Но она еще работает, — сказал дилон, пытаясь вытянуть руку. Она удлинилась лишь вдвое.

— На человеческий взгляд, твоя левая рука не рассинхронизирована с туловищем и мыслью, а тривиально больна, — сказал Аркадий.

— Я подумаю над этим, иновременник. Ты сказал — тривиально? Тривиально — неизвестная проблема, которую надо...

Аркадий не дал Ланне впасть в размышление. Асмодей связан. Если хавроны исполняют приказы Ланны, то пусть они освободят киборга. Оружие у него отобрано, сопротивляться он больше не будет.

— Сделаю, — ответил Ланна и величественно удалился.

Вскоре двое охранников развязали Асмодея. Киборг замал руками и ногами, как бы восстанавливая кровообращение. Гимнастика не была у него запрограммирована, но он видел, что люди по утрам, еще в постели, занимаются ею, и считал своим долгом проделывать все, что делают они, только лучше.

Потом киборг соскочил с платформы и громко захохотал металлическим голосом — сейчас, правда, слегка охрипшим из-за повреждений голосового механизма. Оба охранника и другие солдаты, собравшиеся у фургона, с большим почтением наблюдали за действиями Асмодея.

— Так, хорошо! — объявил киборг. — Ужасно люблю быть на свободе. Оставаться связанным по рукам и ногам — это не моя стихия. По-моему, Аркадий, эти рослые обезьянки — неплохие ребята. Сражаются неважно, но это им можно простить, как и дурной запах. Уверен, что мы с ними сойдемся.

Хавроны пахли не так уж плохо, скорее — необычно для человеческого носа. У киборга, правда, обоняние было острее человеческого.

Аркадий сказал с улыбкой:

— Рад твоему хорошему настроению, Асмодей! Ланна, нам остается решить одну важную проблему, тут тебе надо сосредоточиться. Как наладить общение с хавронами? Будешь нашим переводчиком?

Ланна презрительно скривился:

— Хавроны не заслуживают того, чтобы тратить на них размышления. У этих бесхвостых бестий два свойства: они яростно дерутся, пока не победят или не погибнут, и быстро воспринимают любую речь. Я прикажу хавронам быстро освоить ваш язык, внесу в их тупые мозги несколько тысяч ваших слов — и ты будешь доволен!

7

Теперь на платформе лежал один Аркадий. Киборг шагал рядом, поодаль плелись охранники. Платформу толкала четверка мохнатых солдат — по-видимому, других двигателей у нее не было предусмотрено. Происходящее так напоминало старинные картины, на которых люди, лишившиеся лошадей, впрягались в свои телеги, что Аркадию стало жалко хавронов. Он сказал об этом Асмодею. Киборг отреагировал по-своему:

— Поставить один из наших моторчиков? Они повреждены, но на десяток лошадиных сил каждого хватит. Приказывай!

Аркадий такого приказа не отдал. Неизвестно, куда их везут и что с ними будет. Глупо самому ускорять дорогу к своей гибели. Пусть хавроны надрываются, если им так хочется.

Кругом простирался все тот же унылый мир — мертвые перелески, почва, лишенная растений, безжизненные озера. На сероватом мрачном небе сверкали два солнца, голубое и белое. И они не закатывались и не восходили, как было еще недавно, — только поворачивались практически на одном и том же месте. Когда хавроны захватили хрононавигаторов и дилона, Гаруна Белая ярилась слева. Теперь на том же месте сияла Голубая звезда, а Белая переместилась вправо. Аркадий вглядывался в нерадостное небо и думал, что если обе Гаруны, потоки которых противоположны, описали полный круг на полюсе, то и время должно

было описать полный круг, и они, вероятно, теперь существуют не в прямом, а в обратном токе, а он такого перехода не ощутил, да и вообще такой переход — полная остановка времени, то есть смерть, а он вроде бы еще не умирал.

К платформе подошли Ланна и предводитель отряда.

— Я выполнил твою просьбу, — сообщил Ланна. — Можешь убедиться, что рангуны подбирают в отряды только тех, у кого есть способности к языкам. Поговори с Клаппой, главным бандитом хавронов: это и чин его, и почетное звание, а имя Клаппа означает — «несгибаемый». Он очень гордится и тем, что бандит, и тем, что Клаппа.

Аркадий сообразил, что почетное звание «бандит» — результат неверного прочтения Дешифраторами человеческих слов, и не решился обратиться к хаврону с таким титулованием. Еще меньше он мог представить себе, что возможен прямой разговор человеческими словами с обезьяноподобным существом. Его первый вопрос к Клаппе прозвучал довольно невнятно:

— Я хотел... Короче, надо бы... В общем, куда вы нас ведете?

Ответ был дан на хорошем человеческом языке, только с нечеловеческим акцентом:

— Куда надо, туда и ведем.

Асмодея не удивило, что хаврон разговаривает по-человечески. Конструктивно киборг был дальше от людей, чем любая земная или инопланетная обезьяна, но он ведь отлично овладел человеческой речью! И заметив, что Аркадий растерялся, Асмодей перехватил инициативу:

— А куда надо?

На это Клаппа ответил обстоятельнее:

— Обе Гаруны в противостоянии, неизбежен новый хроноворот. Надо укрыться.

— Есть где укрыться?

— Пещера в скале. Хроновороты в ней гаснут.

Клаппа отошел. Любопытство Асмодея, однако, не было удовлетворено. Сведения по хронистике в него не внедря-

ли. Он знал, что время бывает прямым, обратным и фазовым, или криволинейным. В хронолете часто спорили о фазах космического времени, он запоминал такие разговоры. И он умел пользоваться хроноэкранами и хроно тормозами, чтобы отстраниться от опасных скачков, — и делал это даже лучше, чем люди. Но дальше его знания не распространялись.

Аркадий объяснил киборгу, что экраны от хронокатаклизмов бывают не только искусственные, но и естественные. Некоторые материалы малочувствительны к небольшим изменениям времени — например, граниты. Гранит — долгоживущий камень, он существует не годы, а миллионы лет: что ему какое-то тысячелетие! А для человека небольшое колебание в сотню лет смертельно: век назад этого конкретного человека не было и век спустя не будет. Поэтому большая толща гранита, не изменяясь при небольших перебросах времени с прямого на обратное, тем самым полностью или частично амортизирует эти опасные для человека хроноскопки.

— Для дилона хроноскопки так же опасны, как и для людей?

— Опасны, но не в такой степени. Дилоны живут тысячу земных лет — что для них жалкий скачок на столетие в прошлое или в будущее! Немного постареет в одном случае, немного помолодеет в другом. Но перебросы в пять-шесть тысяч лет губельны и для них.

— А в хроноворотках ускорения и замедления времени достигают, наверное, миллионов лет? Так? Вот почему наш Ланна так их боится. Я рад.

— Чему ты рад, Асмодей?

— Тому, что наш хроноэкран спасал не только тебя и меня, но и Ланну. Он должен быть нам за это благодарен.

Отряд мохнатых воинов в юбочках, набитых оружием и инструментами, шагал все быстрее. Хавроны, тащившие платформу, выбивались из сил, чтобы не отстать. Аркадий все больше жалел их — его собственный вес немало утяже-

лял ее. Попросив Асмодея помочь, он слез на землю. Ноги, еще нетвердые, уже кое-как ходили. Почувствовав, что платформа стала легче, солдаты радостно закивали Аркадию и поволокли ее энергичнее.

— Новая гора. Не здесь ли та пещера? — сказал хрононавигатор, показывая рукой на холм впереди.

Он был таким же голым и унылым, как и тот, где на хронавтов напали обезьяноподобные воины. Навстречу небольшому отряду Клаппы высыпали хавроны. Обе группы соединились и теперь двигались компактной кучкой. Тех, кто толкал платформу, сменила другая четверка. Появился пропавший было Ланна. Левая рука тревожила его все больше. Она стала болеть, особенно при быстром движении. Он сказал, что рассогласование времен в теле опасно увеличивается. Теперь он и сам понимает, что перевоплощение не нужно было откладывать. Вероятно, и Мат Магону, милому пареньку, еще не достигшему никаких степеней из-за медленного мышления, несладко. Ему, Ланне, жаль несчастного Мат Магона.

— А себя не жаль? — спросил Асмодей.

Себя Ланне тоже было жаль. Но причина его болезни — он сам: затянул перевоплощение. А в нынешних бедах Мат Магона виноват он, Ланна, это его мучает. Бедный Мат Магон так ждал перевоплощения!

В каменистом холме виднелось темное отверстие. В нем один за другим пропадали солдаты. Хронавты и дилон подождали, пока внутрь вкатят платформу, потом прошли за ней. Узкий туннель круто спускался вниз. Аркадий заметил, что каменные его своды светятся, как стены в Ратуше, где их сперва прозеркаливали, потом рассказывали о жизни дилонов и вели на суд Старейшин. Только свечение в пещере было много слабее. Читать при таком свете было бы трудно, но фигуры и лица были видны отчетливо. Аркадий припомнил, что еще не встречал на Дилоне искусственных светильников, везде были самосветящиеся камни, одни излучали ярче, другие слабее — материал подбирался по силе света,

необходимой для определенного места. Если бы Миша Бах не погиб, подумал Аркадий, он бы, наверное, заинтересовался светящимися минералами — впоследствии это пригодилось бы на Земле и на Латоне. Аркадий грустно усмехнулся: Земля была далеко, Бах умер, а их, пока еще живых, смерть поджидает неподалеку.

Самосветящийся туннель расширился и превратился в обширную пещеру, тускло освещенную стенами, затхлую и сырую. К пленникам приблизился Клаппа.

— Здесь будем пережидать хроноворот. Отдыхайте. Выходить нескоро.

— Одному из нас надо поесть, — сказал Асмодей, показывая на Аркадия. — Где контейнер с запасами пищи?

— Все ваше вон там, — Клаппа показал на дальний угол. — Возьмите что захочется, кроме оружия и аппаратов.

— Пойдем вместе, чтобы не потеряться среди обезьян — их тут жутко много, а света мало, — сказал киборг и добавил: — Ну и дух от здешнего зверья!

Хавронов было и вправду много: они чуть не лежали один на другом в просторной пещере. Вонь шла от их мохнатых тел. Но это был не столько звериный смрад, сколько запах болезни. Хотя свету было чуть-чуть, хронавты быстро разглядели, что большинство наполнивших пещеру солдат не отдыхали, а мучились. Это было не спокойное убежище от налетающих снаружи хроноворотов, а лазарет для искалеченных и умирающих. Отовсюду доносилось жалобное рычание и стоны. Аркадий спросил Ланну, откуда столько пострадавших, — ведь ни Старейшины, ни сам Ланна, ни его друг Ронна не говорили, что в этих местах недавно воевали, а без жестокого сражения не могло бы появиться так много раненых.

Ланна долго не отвечал — то ли впал в трудное размышление, то ли телепатически расспрашивал хавронов.

— Здесь не раненные в бою, а пострадавшие в хроновороте, — ответил он наконец. — Отряд собирался перейти на

нашу половину планеты. Но природа наказала его. Он попал в хроноворот, в солдатах разорвалось время. Часть погибла, часть спаслась в этой пещере. Здесь время единое, но мало кто отсюда выйдет. Не пострадали только два-три десятка, они нас и захватили.

— Разве пострадавшим не оказывают помощи, Ланна?

— Какая помощь, иновременник? Единственное спасение от разрыва времени — восстановить синхронизацию. Но и это уже мало кому помогает, если разрыв велик. А рангуны никаких перевоплощений...

Вдруг Ланна, прервав объяснение, страшно завизжал и бросился в сторону. В полусвете пещеры его невысокая худая фигурка быстро пропала среди массивных хавронов, слоняющихся между лежащими. Некоторое время слышался его голос, в нем смешивались радость и отчаяние. Аркадий побежал на звук. Но Ланна замолчал, и хронавт остановился, не соображая, куда идти в беспорядочном месиве раненых и искалеченных. Подоспевший киборг показал вправо — там особенно густо теснились пострадавшие.

— Он побежал туда. Там споткнулся и упал. Я все видел.

Резко расталкивая ходящих солдат, не церемонясь и с лежащими, Асмодей поспешил в сторону, где упал Ланна. Кто-то охнул, кто-то грозно зарычал, кто-то жалобно взвизгнул — Асмодей не стеснялся наступать на хавронов. Аркадий схватил его за пояс.

— В тебе нет жалости, Асмодей! Разве можно шагать по телам?

— Жалость у меня есть, — с достоинством возразил киборг. — Полный комплекс жалости к людям. К раненым, к больным, к маленьким, к большим. К женщинам, детям и старикам — даже усиленная, так меня запрограммировали. Но ведь это не люди, а обезьяны, да еще враги людей, к тому же вооруженные. Зачем их жалеть?

Аркадий сердито сказал:

— Если мы когда-нибудь вернемся на Латону, я попрошу Марию вмонтировать в тебя еще один комплекс — че-

ловеческую жалость ко всему живому, нуждающемуся в помощи.

Философское мышление у Асмодея запрограммировано не было, но он иногда собственным старанием прорывался в эту область. Он сказал почти пренебрежительно:

— У людей, Аркадий, много излишних комплексов, понижающих жизненную эффективность. Если бы мне поручили сотворить человека, я применил бы более рациональную программу.

Аркадий вспомнил, что на Латоне Мария именно так и говорила о своем создании: она сотворила Асмодея, освободив его от множества человеческих недостатков. Он, как верный ученик, только повторял ее мысли. Надо будет посоветовать ей, что лучше бы не освобождать новые ее творения от человеческих недостатков, а внедрять в них побольше человеческих достоинств.

— Он здесь! — заорал Асмодей и большим прыжком перепрыгнул сразу через троих лежащих. — Ланна! Ланна!

Ланна, стоя на коленях, склонялся над чьим-то распостертым телом. Он не откликнулся на призыв Асмодея. Киборг повернул дилона к себе. Мордочка Ланны жалко кривилась, из глаз катились слезы. Аркадий не ожидал, что дилоны способны плакать. У молодого Различника вдруг отказало умение телепатировать свои мысли в человеческое сознание, он только громче обычного повизгивал — мысли не трансформировались в слова.

— Успокойся, Ланна! Успокойся! — твердил Аркадий. — Что тебя так расстроило? Успокойся и скажи!

— Салана! — дошла наконец до хронавтов воплощенная в слово мысль. — Я нашел мою Салану. Ей плохо, иновременник, ей очень плохо, моей дорогой, моей единственной Салане!

Аркадий тоже опустился на колени, всматриваясь в лежащую на полу фигуру. Сияние стен в этом уголке было особенно скудным, но света хватало, чтобы разглядеть дилона, резко отличавшегося от всех, кого Аркадий успел повидать.

О том, что дилоны, как и люди, разнополы, Аркадий знал, Ланна уже вспоминал, что у него была невеста, похищенная рангунами. Но ни на улицах, где навстречу хронавтам высыпали толпы жителей города, ни в Ратуше он не видел женщин и уже думал, что если они и имеются, то внешне их не отличить от дилонов-мужчин.

Но одного взгляда на Салану было достаточно, чтобы понять, что она и вправду женщина и что до сих пор хронавтам встречались — наверное, преднамеренно — одни мужчины. Дилоны ростом не брали: Ланна терялся среди внушительных хавронов, а Салана была еще меньше своего друга. И она отличалась от него не только этим, но и всем обликом: тонкая, с мордочкой почти вдвое короче, чем у Ланны. И у нее на голове были волосы, правда — немного, рыжие, мягкие, короткие. Но именно они больше всего и выделяли ее и, вероятно, всех женщин-дилонок среди гологоловых мужчин.

Салана лежала на правом боку, Аркадий видел только один ее глаз. Глаз жил, в нем были страдание и страх. Она сжалась, когда Аркадий наклонился к ней, и еще сильнее вдавилась в пол.

— Она тебя боится, — протранслировал Ланна. — Она всего боится, а тебя особенно — она еще не видела людей.

— Могу я с ней говорить, Ланна?

— Она не знает, как переводить свои мысли в ваши слова. Она потеряла три четверти своих мыслительных излучений и почти не понимает меня. Ей очень плохо, инновременник. Посмотри сам, что сделали с ней хавроны.

Ланна повернулся к Салане, он что-то внушал ей, слегка повизгивая, — и в этом визге было столько нежности и горя, что по одному этому звуку Аркадий понял, как ему больно. Она что-то ответила — ее мысли сопровождал тихий стон. Потом стала поворачиваться на спину, Ланна помогал, обхватив здоровой рукой ее плечо.

Даже в бредовом видении Аркадию не могло примерещиться то, что он увидел. Перед ним на спине, беспомощно раскинув руки, лежала маленькая, тоненькая, изящная

дилонка. Но это было не одно, а два существа в одном теле: одно — правая половина Саланы, другое — левая ее половина. Ее тело складывалось из двух частей, и две эти части были такими разными, что невозможно было вообразить, что они вообще могут составить что-то физически единое.

Левая половина Саланы — та, которую Аркадий увидел первой, — была телом молодой привлекательной дилонки; правая, только сейчас увиденная, туловищем старухи — дряхлой, морщинистой и уродливой. Левый глаз, в котором Аркадий увидел страдание и страх, излучал все то же молящее, нежное сияние, правый, тусклый, обезображенный нависшей складкой века, глядел дико и отстраняюще. Из левого, молодого покатались слезы.

— Какой ужас! — воскликнул Аркадий.

— Да, ужас! Ты правильно говоришь, иновременник: ужас! И это моя Салана, самая прекрасная девушка на Дилоне. Вот что с ней сделали!

— Разрыв времени, Ланна? — Аркадий понимал, что никакое оружие не способно так страшно изуродовать живое существо.

— Разрыв времени! Он был маленький, когда Салану похитили, без перевоплощения она могла прожить еще сотню ваших лет. Но хавроны, когда их настиг хроноворот, бросили ее у пещеры, она прижалась левым боком к почве и так лежала, пока буря не пронеслась. Хроноворот был короткий, это ее спасло от полной гибели, но видишь — жизненное время потекло по-разному в двух половинах ее тела.

Салана стыдливо прикрыла левый глаз, но правый, старческий, не закрывался и смотрел все так же бессмысленно и безучастно. Этой половине тела было уже неведомо чувство стыда. Аркадий вспомнил, как в годы студенчества, на работах в горах страшноватой планетки Лахезы, один из их отряда свалился со скалы и у него парализовало половину тела. Когда его уложили в постель, он лежал вот такой же, наполовину живой, наполовину омертвевший. Аркадий мысленно возразил своему воспоминанию: там был единый чело-

век, у него временно отказала половина тела, но он остался в своем возрасте. А здесь были два существа в одном, чудовищно разные существа, немыслимо совмещенные, — и каждое жило своей особой жизнью.

Аркадий оглянулся. Повсюду в пещере лежали мохнатые тела, наполнявшие воздух стонами, рычанием, резким запахом ран. Между лежащими расхаживали здоровые хавроны, их было меньше. Наверно, здоровые — это те, которым удалось первыми вскочить в пещеру, когда грянул хроноворот; а искалеченные и раненые не успели вовремя вбежать в экранированное каменной толщей убежище.

— Надо бы ее перенести в местечко поудобней, — сказал Асмодей. — Здесь слишком много раненых.

— Где ты найдешь местечко, свободное от раненых?

— Уже нашел. Вон там, где сложены наши аппараты и твоя еда. Там Клаппа и его охрана, а раненых нет. Салану понесу я. Скажи Ланне, что он может спокойно доверить ее мне без предварительного размышления. Пусть только смотрит и не мешает.

Аркадий шел впереди, выбирая дорогу между лежащими, за ним двигался Асмодей — Салана покорно лежала на его руках. Ланна то отставал, то шел рядом и, тихо повизгивая, что-то телепатировал своей подруге.

Предводитель хавронов заворчал, что нехорошо без его разрешения передвигаться по пещере. Несколько охранников потеснились, Асмодей положил Салану на освободившееся место. Ланна прикорнул с ней рядом. Асмодей обратился к Клаппе:

— Ты разрешил нам взять припасы и вообще все, что понадобится, — кроме оружия, так?

— Все, что не опасно для нас, — проворчал Клаппа. Обезьяноликий офицер уже так хорошо освоил человеческий язык, что не только словами, но и тоном мог передавать одобрение и недовольство. Ланна не преувеличивал, уверяя Аркадия, что тот скоро сумеет хорошо объясняться с воинами рангунов на своем языке.

— Помоги разобраться, — сказал Асмодей Аркадию.

Отобранные у хронавтов вещи были не свалены в кучу, а аккуратно разложены. У Асмодея вырвалось радостное восклицание, когда он увидел, что компьютер личин тоже здесь.

— Зачем он тебе? — удивился Аркадий. — Ведь он поврежден. Только одну личину и можешь добавить к своему прекрасному образу № 17.

— Две, а не одну, зато какие! Бык, извергающий пламя из золотых рогов, и огнедышащий дракон с радиоактивными излучателями вместо глаз. Каждая личина мощностью в десяток киловатт. А № 17 хоть и самый красивый, но всего на полкиловатта — максимум три мушкетера в теле одного маркиза. К тому же я пообтрепался — это уже не парадная одежда, а рубище. И шпага сломана. Вообще для серьезной битвы дракон или бык эффективнее маркиза.

— Жаль, что среди набора личин нет хаврона, — сказал Аркадий. — Тогда бы ты сумел выскользнуть из пещеры и как-нибудь добраться до «Гермеса», чтобы вызвать помощь.

— Я бы добрался, Аркадий! Можешь не сомневаться.

Аркадий и Асмодей возвратились к дилонам. Асмодей прижимал к груди компьютер личин. Клаппа скосил на него глаза, что-то проворчал, но отбирать не стал: громоздкая штука на оружие не походила. Аркадий сел около Ланны — тот лежал рядом с Саланой, прижимаясь к ее больному старушечьему боку, и тихо повизгивал. Салана молодым взглядом посмотрела на Аркадия. Аркадию показалось, что она благодарит человека за сочувствие. Он вдруг почувствовал, что почти преступление — смотреть на чужое страдание, зная, что неспособен его облегчить. Он тихонько заговорил с Ланной:

— Ей не легче, Ланна?

— Немного легче. Она уже не одинока. И может быть, удастся ей помочь. Синхронизировать ее нельзя, но можно попытаться хотя бы немного смягчить хроноразрыв.

— Смягчить хроноразрыв? Без перевоплощения?

— Перевоплощение Саланы невозможно. Можно меняться отдельными органами, но не половинами тел. Старость с юностью в одно хроноединство не слить. Но есть предание, что один дилон смягчал страдания другого, перенося его хроноразрыв в себя.

— Ты хочешь создать у себя в половине тела старость, чтобы смягчить быстрое старение Саланы? Жертвуешь собой?

— Уменьшить боль Саланы — разве это жертва? Это радость!

Мысли дилонов, перетранслированные в человеческие слова, были переносчиками информации — они звучали в мозгу бесстрастно. Страсть и страдание, радость и горе им невольно придавал сам Аркадий. И сейчас в мыслях Ланны он почувствовал такую человеческую печаль, такую горькую решимость, такую любовь, что у него сжалось сердце. Он смотрел на Ланну, прижавшегося к больной Салане в, наверное, безнадежной попытке отдать свою молодость, чтобы остановить ее неотвратимое старение, и думал о том, смог ли бы он сам поступить так же, если бы и ему выпала такая судьба. Аркадий еще никого не любил и не мог ответить на этот вопрос. Он вдруг почувствовал, что хочет любить — именно так, как Ланна, чтобы пожертвовать собой ради любимой было и легче, и радостнее, чем трусливо сохранить жизнь.

8

К Клаппе подходили его солдаты, он что-то говорил им, они убегали и снова возвращались. Аркадий догадывался, что они чем-то встревожены. Надо было оторвать Ланну от больной подруги, чтобы он разузнал, что произошло. Но Ланна спасал Салану — спасению нельзя было мешать.

Вскоре Клаппа подошел к Аркадию.

— Приближается новый хроноворот — и такой силы, что и пещера не защитит. Из Рангунии приказано: срочно уходить. Готовьтесь к выходу, можете взять с собой свои вещи.

— Дорога в Рангунью безопасна? — только и догадался спросить Аркадий.

— Безопасных дорог нет, человек. Если бы они существовали, мы все давно уже были бы дома. При возвращении мы можем погибнуть, но не наверняка. Здесь умрем все. Пойдут одни здоровые, пострадавшим дорогу не осилить. Путь в обход обезумевшего леса далекий и тяжелый, но другого нет. Через чашу идти нельзя.

— С нами Салана, подруга Ланны. Мы возьмем ее с собой.

— Я сказал: пострадавшие остаются в пещере.

— Ты осуждаешь ее на смерть, Клаппа!

— И всех, кто остается!

Клаппа отошел к своим солдатам. Аркадий заговорил с Ланной. Новость дошла до него не сразу.

— Хавроны чтут в тебе воплоителя Высшего Разума, — напомнил Аркадий. — Ты уже отдавал им приказы. Потребуй, чтобы Клаппа разрешил нам взять Салану.

Ланна с трудом поднялся, с трудом направился к предводителю отряда. Он шел согнувшись — недавно он совсем не так расхаживал перед хавронами. Не воплоитель Высшего Разума, высокомерно взирающий на неразумных солдат, а смиренный и робкий юноша, только что получивший первый чин в иерархии, — таким он выглядел среди своих старших собратьев, в такого он вдруг снова превратился.

— Что с ним? — забеспокоился Асмодей. — Идет как на казнь.

— Боюсь, что именно на казнь, — ответил Аркадий. — Он ведь может требовать от хавронов только того, чего прямо не запрещают рангуны. И он знает, что приказ оставить в пещере пострадавших отдали рангуны.

Достаточно было одного взгляда на вернувшегося Ланну, чтобы понять, как принял Клаппа его просьбу. Ланна улегся возле Саланы. Аркадий спросил:

— Что будешь делать, Ланна?

— Останусь с Саланой.

— Клаппа разрешил тебе остаться?

— Он запретил мне оставаться. Но я не могу покинуть Салану. Со мной она проживет столько, сколько проживу я. Я уже задержал старение правой половины. Как же я могу ее оставить?

— Ланна! Хавроны силой уведут тебя из пещеры.

— Клаппа так и пригрозил. Меня требует в Рангунию сам Ватуга. Но живым я от Саланы не уйду.

В разговор вмешался киборг.

— Аркадий, у нас два хрономоторчика — мне все-таки удалось их подремонтировать. Если Ланна останется, я дам им свой. Защиту от несильных хронотолчков он обеспечит. Уверен, что они переживут новый хроноворот.

Ланна улыбался человечески-благодарной и грустной улыбкой.

— Клаппа меня не оставит, а я не оставлю Салану, — повторил он.

Аркадий с киборгом отошли. Аркадий сказал:

— Надо нам четверым бежать из пещеры. Пробраться в Дилонию не сможем, но почему бы не уйти в Рангунию? Если большой отряд хавронов решается на такой путь, то мы с двумя хроногенераторами сделаем его быстрее.

— Понял. Готовлю побег!

Асмодей отошел к остаткам аппаратуры и стал рыться в них. Аркадий опустился на слабо светящийся камень. Вокруг стонали, кричали, рычали, наполняя воздух тяжелыми запахами, искалеченные и раненые. Сколько жизни им отпущено? До близящегося хроноворота? Многие и до него не дотянут. Какая огромная могила! Тех, кого навсегда покидает жизнь, пока выбрасывают наружу здоровые солдаты — там, у входа, уже горка тел. А когда здоровые уйдут? Пусть мертвые хоронят своих мертвецов, как странно посоветовал древний мыслитель? Не будут мертвые хоронить мертвецов! Мертвые будут убивать живых — своим запахом, своим тлением, самим обликом неотвратимой смерти.

— Побег будет первого класса! — сказал вернувшийся Асмодей.

И он с воодушевлением объявил, что главный элемент побега — перевоплощение его самого в личину № 3. Действует и личина № 11, но это обыкновенный бык, правда, со стреляющими рогами. Огонь из пасти, молнии из глаз — оснащение почти всех обличий, ничего особенного. Так что бык большой паники не вызовет, а на солдат нужно нагнать страха. Личина № 3 тоже не из самых жутких, но все же поужасней. Дракон со всем воинским снаряжением: огнем и молниями, грохотом, маскировочным и боевым дымом и даже гравитационными ударами — и рослому хаврону не поздоровится, если на нем сфокусироваться.

Аркадий прервал разглагольствования Асмодея:

— Личина! Личина! Речь о побеге, а не о личинах.

Киборг иногда обижался. Речь именно о побеге, он никуда не отклоняется. Итак, они трое — Аркадий, Ланна и Салана — перемещаются поближе к выходу, чтобы, убегая, не запутаться среди лежащих. А он обряжается в огнедышащего ящера и нападает на солдат. Солдаты в панике разбегаются, Аркадий с дилонами спешит наружу. Асмодей прикрывает их, чтобы ушли подальше, потом догоняет. В общем — отводит себе роль достойного арьергарда их небольшой армии. Но куда направиться после бегства из пещеры?

— Думаю, путь у нас один, — сказал Аркадий. — Клаппа говорил, что идти надо в обход какого-то обезумевшего леса, хавроны его побаиваются. Значит, нам туда, хоть, возможно, он опасен и для нас.

— Знаю его. Мы обходили этот лес по кривой, когда двигались в пещеру. Мертвечина, как и другие погибшие леса. Вряд ли опасен. Ты не сказал: тебе нравится мой план побега?

— Нравится уже тем, что другого плана не придумать. Пойду уговаривать Ланну.

— Ради Саланы он согласится на любые мучения, а тут все же возможность освобождения, — уверенно сказал киборг.

Предводитель отряда остановил Ланну, когда тот, обвинив здоровой рукой Салану, направился к выходу. Уж не намерен ли дилон бежать? Пусть и не пытается — у пещеры охрана. Ар-

кадию, шедшему вместе с дилонами, Ланна протелепатировал свой ответ Клаппе. Нет, он не собирается бежать, он не сумасшедший. Но Салане нужен воздух посвежей, она задыхается. У входа дышать легче. Если нет прямого приказа Верховного Злодея Ватуты держать пленников подальше от чистого воздуха, то он настаивает, чтобы их пустили поближе к нему.

— Запрета дышать воздухом посвежее нет, — сказал Клаппа. — Ложитесь, где нравится, но охрану не беспокойте.

Ланна с подругой разместились у выхода. Рядом опустился Аркадий, положив возле себя контейнер с едой. В коробке Асмодей спрятал и переносной хроногенератор. Запрета носить его Клаппа не объявлял, но Асмодей позаботился, чтобы приборчик не бросался в глаза. Сам киборг остался на прежнем месте, там было потемнее — это облегчало превращение в дракона.

О своей новой ипостаси Асмодей возвестил взрывом, потрясшим всю пещеру. В углу вознеслось огненно-дымное облако, сияние озарило сумрачные стены. А из него вырвался диковинный зверь и с ревом кинулся к выходу, рассеивая вокруг себя короткие молнии и светящиеся облачка дыма.

Киборг в несколько огромных прыжков достиг выхода. Солдаты, охранявшие лаз, в ужасе разбежались. Аркадий первым выскочил в туннель. Кто-то из еще не убежавших стражей преградил ему дорогу, Аркадий повалил его. Ланна с подругой на руках бежал за человеком. Сначала в туннеле было темно — Аркадий два раза больно стукнулся о стену. Потом он осветился наружным светом, стало видно, куда бежать. Асмодей двигался за тремя беглецами и прикрывал их — на него наседали пришедшие в себя солдаты.

Выскочив наружу, Аркадий пошатнулся, ослепленный, — так засверкала в глаза Гаруна Белая. Ланна с подругой пробежал мимо: его глаза привыкли к сиянию обоих солнц.

Асмодей выдвинулся из туннеля. Отбиваясь от хавронов, он закричал:

— Аркадий, торопись! Эти бестии тащат резонансные аппараты, долго я их не задержу.

Аркадий припустил изо всех сил. Слева от пещеры темнел мертвый лес, справа лежало мертвое озеро. Аркадий помнил, что в пещеру отряд хавронов шел вдоль берега озера, сторонясь леса. Ланна уже пропал среди деревьев. Аркадий добежал до леса и обернулся. У пещеры шло сражение. Несколько хавронов с резонансными орудиями — наподобие того, что Асмодей разрезал на четыре части пламенем из шпаги, — вырвались наружу. Одного Асмодей сразил вместе с аппаратом, другой успел нанести удар. Асмодей выбросил из пасти длинный язык огня — второй хаврон закрутился на каменистой почве, сбивая охватившее его пламя. Из лаза выскакивали солдаты.

Аркадию надо было бежать: промедление могло стать непоправимым. Но он все стоял, наблюдая бой. Новая личина Асмодея на открытом месте, в сиянии двух Гарун, уже не казалась такой ужасной, как в пещере: и пламя не ослепляло, и молнии не так сверкали, и рев, вырывавшийся из пасти, не оглушал, а клубы дыма быстро рассеивались в воздухе. Да и туловище дракона не выглядело устрашающим: он был лишь немногим крупнее рослого хаврона, а их навалилось с десяток.

Асмодей сражался так яростно, с таким боевым изяществом, что Аркадия охватило восхищение. На него нападали, и он нападал. В него стреляли из резонаторов — от одного он ловко уворачивался, другой уничтожал до того, как попадал ему в фокус. И он не забывал, что за ним человек и двое дилонов. Кто-то из хавронов, оставив Асмодея, припустил за беглецами, киборг приобернулся — длинный луч прошел преследователя. Еще один солдат, выскочив из лаза, бросился за беглецами, но не добежал и до убитого собрата. Асмодей обещал стать боевым арьергардом их небольшой армии, а стал несокрушимым заслоном.

Клаппа, выскочивший из пещеры, понял, что, пока не ликвидирован киборг, преследовать беглецов опасно. Солдаты больше не нападали на Асмодея, а разбегались, замыкая его в неширокое кольцо: ни молнии, ни струи огня уже

не доставали до них. Картина боя переменялась. Один резонансный выстрел угодил в цель: Асмодей закричал, подпрыгнул, завертелся, но устоял. Второе попадание опрокинуло киборга. Асмодей упал, забил в воздухе лапами, мощный гребень, венчающий спину, разорвался и улетел, жиденькое пламя струилось из ноздрей...

Аркадий побежал в лес.

Это было такое же скопище мертвых деревьев, как и те, что встречались раньше. Аркадий смутно удивился: почему хавроны так боялись этого унылого, но вовсе не грозного леса? Чаща, лишенная кустов, травы и листьев — сплошные голые стволы, даже без веток, — просматривалась насквозь, но Ланна нигде не было. Аркадий закричал — ни один звук не донесся в ответ, только где-то хрустнула упавшая ветка — даже треск падения был мертвым. Аркадий снова закричал — отклика не было. Аркадий растерянно оглянулся. Неужели Ланна пошел в другом направлении? Нет, он не мог ошибиться. Обе Гаруны стояли у полюса, они должны были оставаться за спиной, если идти точно на юг.

— Иновременник, я здесь! — донесся до Аркадия слабый крик.

Аркадий остановился. Откуда Ланна его позвал? Если бы это были слова, а не мысли, он бы знал, куда бежать. Но зов был телепатирован в сознание, он не имел направления и был очень слаб. Аркадий снова громко закричал. В этом странном прозрачном лесу не умевшие говорить дилоны могли так легко потеряться... «Хоть бы научился кричать «ау!», — подумал Аркадий.

— Иди, как шел, — донесся тихий ответ дилона.

Аркадий повернулся спиной к обеим Гарунам — единственно верному ориентиру — и побежал.

Ланна с Саланой лежали за большим камнем, прикрывавшим их с севера. Салана прижималась к другу обезображенной правой стороной. Аркадий раньше не слышал, как дилоны дышат, воздух здесь был гораздо плотней, чем на Земле и на Латоне, — одного вдоха хватало надолго. Сей-

час он на расстоянии услышал тяжелое дыхание. Ланна, измученный, не повернул к Аркадию головы, только скосил глаза. Аркадий восхищенно сказал, прикинув путь, который дилон прошел с Саланой на руках:

— Ты молодец, Ланна: бежал так, что я еле вас догнал. И хорошо, что присел отдохнуть. Но надо двигаться, уверен, что хавроны уже преследуют нас.

— Где Асмодей?

— Последнее, что я видел, — Асмодей упал. Его расстреливали из резонаторов.

— Значит, погиб. Надо идти. Я понесу Салану.

— Будем нести Салану по очереди. Сейчас мой черед. Но, может быть, она хоть немного пройдет сама?

Ланна покачал головой.

— Иновременник! Ее правая нога так одряхлела, что Салана и ступить на нее не сможет.

Аркадий поднял девушку, прижал ее к себе обезображенной правой половиной. Салана была не тяжелее контейнера с едой и хроногенератора, которые он носил на себе. Она прижалась правой щекой к груди хрононавигатора, молодой глаз глядел умоляюще и благодарно. Она что-то тихонько провизжала — нежный визг наверняка сопровождал мысли и чувства, но она не знала, как перевести их на человеческий язык.

— Она благодарит тебя за доброту, — объяснил Ланна, но Аркадий и без перевода понял, что хотела сказать девушка.

Он шел быстро, не заботясь о Ланне. Одно было важно: поскорей оторваться от преследователей. Хавроны боялись леса, но приказание поймать беглецов могло пересилить страх. Ланна старался держаться рядом с подругой — вытягивал здоровую руку, дотрагивался до Саланы, гладил ее плечо, что-то мысленно говорил, тихонько повизгивая. Ему становилось все труднее не отставать от хронавта. Он не просил отдыха, но Аркадий чувствовал, что силы Ланны на исходе.

На крохотной полянке, окруженной мертвыми кустиками — хоть какое-то укрытие, — Аркадий скомандовал:

— Привал! Набираемся сил на новый переход.

Ланна поспешно сел. Аркадий передал ему Салану, девушка все тем же движением — чтобы поскорее спрятать обезображенную половину — прижалась к дилону правой щекой. Аркадий долго всматривался в северную часть леса. Оттуда не доносилось ни звука, чаща была неподвижна и прозрачна. Неужели хавроны смирились с их бегством? Это было странно, явно не хватало каких-то фактов, чтобы понять, чтобы происходит. Аркадий обратился к Ланне:

— Почему хавроны не преследуют нас, Ланна?

— Они боятся безумного леса.

— Но я не вижу безумия. Лес как лес. Мертвый, как и все здесь. Но и только.

— Мне надо подумать. Поразмышляю и отвечу.

И Ланна погрузился в размышление. Аркадий поел, выбросил пустой контейнер, потом, подумав, снова прикрепил его к поясу, рядом с хрономоторчиком — если хавроны сюда доберутся, не стоит оставлять им никаких следов. Теперь можно было идти дальше. Посмотрев на задумавшегося Ланну и его подругу, Аркадий решил дать им еще несколько минут отдыха. Салана не изменилась — она была такой же, какой он ее увидел. Правая нога была похожа на палку, а не на ногу, правая рука висела плетью, а голова не поворачивалась: шея, такая гибкая у всех дилонов, справа окаменела, она больше не удлинялась и не изгибалась. Зато левая, здоровая половина тела даже посвежела, в ней возродилась жизнь. «Ожила оттого, что уже не чувствует себя такой безысходно одинокой», — подумал Аркадий.

А вот Ланна сдал. Поврежденная рука выглядела лишь немногим лучше, чем у Саланы. Дилон иногда пытался удлинить ее, повернуть, но даже крохотное движение давалось трудно — Ланна страдальчески разевал зубастый рот. И правая рука, которой он прижимал к себе подругу, уже не так свободно вытягивалась и сгибалась, и гибкая шея потеряла какую-то долю подвижности. Поднимать голову вверх Ланна еще мог, но поворачивать назад уже не был способен. Аркадий подумал, что если дилоны и вправду живут тыся-

чу земных лет, то юный Сын Конструкторов Различий за считанные земные часы постарел на доброе четырехсотлетие. И если бы ему пришлось снова докладывать совету Старейшин, то даже глаза самого острого Различника не нашли бы значительной разницы в возрасте между ним и величественными старцами в разноцветных мантиях.

— Додумал, Ланна? — спросил Аркадий.

— Додумал. Безумие впереди. Мы до него не дошли.

— Негусто. Но все же ориентир. Итак, торопимся к безумию, потому что, сколько понимаю, только область неведомого нам сумасшествия может стать надежным барьером между нами и хавронами. Нет, Салану понесу я.

Теперь Ланне было уже не по силам держаться вровень с человеком. Он так отставал, что Аркадий несколько раз останавливался и поджидал его. Дилон по-прежнему не просил отдыха, но Аркадий сделал новый привал раньше, чем хотел вначале. Он выбрал ложбинку: ее пологие стены надежно укрывали беглецов.

— Мне кажется, лес оживает, — сказал Аркадий. — Он меняется. Ты не находишь?

Ланна еле протелепатировал, что изменений не видит. Но Аркадий уловил то, что не заметил дилон. Перемены были несущественные: мертвый лес оставался мертвым, окаменевшие ветви не двигались, было по-прежнему тихо. Но их было больше, этих окаменевших веток, — а не одни голые стволы. Здесь даже кроны попадались — безлистные, неширокие, сплошные сучья, и все-таки... «Не оживает, конечно, я, пожалуй, преувеличил, — подумал Аркадий, всматриваясь в деревья, — но и не добит до полного распада».

— Вставай, дружище! — сказал он дилону. — Знаю, что не отдохнул, но времени на хороший отдых пока нет. Ты сказал, что безумие ожидает нас впереди. Мне кажется, мы к нему приближаемся.

Чем дальше они шли, тем гуще раскидывались на деревьях костяшки сухих крон. А внизу было все больше кустов — десятки безлиственных палок, цеплявшихся за одеж-

ду. Лес перестал быть прозрачным, здесь уже можно было спрятаться. Аркадий сбавил шаг. Было чудом, что хавроны их до сих пор не догнали. «Пройдем вон до тех деревьев, на которых даже сухие листья сохранились, — подумал Аркадий, повеселев, — и остановимся на долгий отдых, там даже треклятые Гаруны не будут припекать спину — сучья с сухими листьями сойдут за навес».

Что-то схватило Аркадия и дернуло назад. Он вскрикнул и едва не уронил Салану. За одежду, за шею, за руки цеплялись ветви дерева, под мертвой кроной которого он пробирался. Аркадий издали прикинул, что костлявая шапка расположена гораздо выше его головы, сучьев он не заденет. Но крона вдруг оказалась много ниже, Аркадий очутился в гуще мертвых, искривленных веток — они перекрыли путь. Аркадий окликнул дилона:

— Иди сюда. Да наклонись, а то сам запутаешься. Бери Салану, а я расчищу дорогу.

Ланна, пробираясь к Салане, так согнулся, что не коснулся ни одной ветки. Аркадий отодрал сучья, вцепившиеся в девушку, и положил ее на правую руку дилона. Ланна, обняв Салану, опустил на почву. Аркадий начал расчищать путь. Каменно омертвевшие, усыпанные крупными колючками ветки не отпускали одежды. Он стал их ломать. Скоро около него образовался ворох сухих сучьев.

— Если бы дерево было живым, я бы зачислил его в отряд хищных растений, — сказал он дилону. — В нашем космосе на некоторых планетах попадаются такие разбойники. Одно так и названо — «вампир-дерево». Не дай бог животному пробежать под его кроной! Ветви вдруг падают, впиваются в жертву присосками и не отпускают, пока не высосут. Я сам попал под такое дерево и спасся лишь благодаря бластеру-огнемету. Огня вампиры не переносят.

Приближаясь к следующему дереву с растрепанной голой кроной, Аркадий увидел, что ветки его медленно опускаются. Аркадий остановился. Дерево было сухим, но не мертвым. Оно словно застыло перед нападением — как истин-

ный хищник. И крона, приготовившаяся схватить беглецов, была и гуще, и массивней, чем у прежнего дерева.

— Безумия пока не вижу, но разбой несомненен, — констатировал Аркадий. — Остался бы у меня мой походный бластер, я бы поборолся с этим сухим бандитом. Но переносной хроногенератор, да еще не вполне исправный, для таких операций не годится. Поищем обход.

Обойти опасное дерево удалось, но впереди были другие деревья, они стояли гуще, приходилось заранее высматривать проход между ними, чтобы не оказаться в рискованной близости сразу к двум хищникам. Стали мешать и кусты. Их становилось все больше, они хватали за ноги, цеплялись за одежду. Салана раза три тоненько взвизгнула и застонала. Постаревшая половина ее тела, плотно прижатая к Аркадию, была защищена, но в наружную, юную, колючки впились часто. Аркадий осмотрел одну ветку. Ни присосок, способных пить кровь, ни даже длинных шипов, пронзающих одежду и кожу, на ней не было. Аркадий отломил одну колючку и кольнул свою руку — жжения и боли не было. Колючка была как колючка: цеплялась и кололась — и только. Яда на ней было, высасывать кровь она не могла.

— Странные растения: мертвые и живые одновременно, — сказал Аркадий. — Нападают, чтобы помешать идти. Вроде бы хищники, но ран не наносят. Если бы я не знал, что хавроны сами их побаиваются, я бы решил, что они верно служат этим обезьянообразным: задерживают нас, чтобы поймать было легче. Ты слышишь шум, Ланна? Нет, определенно — лес оживает!

Ланна ничего не слышал. Ланна стоял рядом с Аркадием, прислонив голову к голове Саланы, лежавшей на руках хрононавигатора. Они молча переговаривались, разговор был печальный: в левом, юном глазу девушки светилась жалоба и покорность судьбе, во взгляде Ланны было отчаяние — он плакал, крупные слезы катились по его щекам. Аркадий не понимал их мысленного разговора, но догадывался, о чем он.

— Положение плохое, но не отчаянное. Ты преждевременно оплакиваешь Салану. Если дойдем до рангунов, ее удастся спасти: они враги, но ведь не палачи. — Аркадий говорил так откровенно, зная, что смысл слов до нее не дойдет, а Ланна переводить не станет.

Хрононавигатор старался идти так, чтобы их не задевали ни сухие кроны, ни ветки кустарника. А Ланна спотыкался на ровных местах, дважды беспричинно падал. Когда он упал в третий раз, Аркадий вернулся, чтобы помочь ему подняться. Поставив Ланну перед собой — Салану он держал одной рукой, — Аркадий сильно встряхнул дилона:

— Ланна! Ты двигаешься как во сне. Вот уж не думал, что на дилона способна напасть сонная одурь!

— Дилоны не спят, — невнятно протелепатировал Ланна. — Мы не знаем одури. Я очень устал, иновременник.

Обе Гаруны освещали Ланну. Недавно юный Различник показался Аркадию почти ровесником Отцов Старейшин. Теперь он не просто казался — он реально стал стариком. На Аркадия глядело незнакомое существо: морщинистое собаковидное лицо с глубоко запавшими щеками, тусклые глаза, одеревеневшая шея, одеревеневшие руки, ноги, не гнущиеся от бессилия...

— Хорошо, — сказал Аркадий. — Значит, долгий отдых! На всю ночь. Хоть в этих местах, где два солнца не сходят с неба, ночи и не бывает.

Он выбрал удобное место — прогалину среди рослых стволов с мощными кронами. Прежде чем положить Салану, Аркадий прикинул, не смогут ли опустившиеся ветви накрыть его и дилонов. Кроны, как бы низко они ни падали, достать беглецов не могли. Аркадий помог дилону улечься рядом с Саланой, потом лег сам.

— Теперь бы поспать, — сказал он вслух. — На «Гермесе» можно принять радиационный душ, чтобы отделаться от сонливости. Здесь душевых нет. Ох, и лихо же я посплю!

Но сон не шел. Аркадий разбирался в ситуации. Хавронов теперь можно не бояться, они вряд ли сюда доберутся.

Если хронавта в его гладкой одежде так цепляет всякое когтистое сучье, то лохматым в такую чащу не пролезть. Но что это за отдаленный шум? В мертвом лесу не должно быть шума. Всю долгую дорогу от пещеры до последнего привала стояла тишина. И когда они летели над мертвыми полями, неподвижными озерами, окостеневшими лесами — всюду каменело безмолвие. Тишина давила, терзала тело и душу. Кто-то из древних поэтов сказал: «Тишина, ты лучшее из всего, что слышал». Тот человек слушал не эту тишину. Он слушал безмолвие отдыхающей, погруженной в саму себя жизни, то была тишина бытия — временное успокоение, отдых. А здесь стыло небытие, безгласие абсолютной неподвижности: тишина-пытка, а не тишина-спокойствие. И вот в лесу, все таком же окостеневшем, возник шум — мертвый шум мертвого леса! К чему бы это?

Шум доносился издалека, вблизи не раздавалось никаких звуков. Аркадий стал прикидывать, на что похож этот отдаленный гул. Грохот боя? Нет, конечно. Шум прибоя? Похож, но не очень. Буря, забушевавшая в чаще? Тоже не это. Голоса? Вопли, стоны, рык и свист, тысячеголосо слившиеся в единое звучание? Маловероятно: откуда здесь столько живых существ, чтобы породить такой хаос звуков?

Шум накатывался из той части леса, куда шли беглецы. Все вокруг было неподвижно и безмолвно, но вдруг Аркадий увидел, что кроны деревьев, обступивших прогалину, зашевелились. Ветви и раньше опускались, пытаясь схватить дилонов и человека, это выглядело странно и дико — такая подвижность мертвых растений, но что было, то было, повторение раздражает, но не поражает — поражает неожиданное. Всматриваясь в зашевелившиеся кроны и уговаривая себя ничему не удивляться, Аркадий удивился. Сухие ветки двигались по-другому. В воздухе не чувствовалось и легкого дуновения, он был такой же каменный, как и все в этом окаменевшем мире, — а кроны заметались, как от урагана. И заголосили. Тот шум, что слышался издалека, теперь гремел вокруг. Ветки со свистом полосовали неподвижный

воздух. Не внешняя буря, а какой-то внутренний шквал, вырвавшийся из стволов наружу, бешено взметал кроны.

А вскоре Аркадий увидел, что два ближайших деревагнулись одно к другому, их кроны смешались. Аркадий вскрикнул. Деревья дрались! Ветви одного из них хватали ветви другого, скручивали и ломали их, осатанело вырывая из ствола. На Аркадия посыпались сучья, превращенная в пыль кора, остатки листьев. Аркадий окликнул дилона. Ланна, не отпуская подругу, приподнялся. Судя по всему, и он, и Салана никогда не видели драки деревьев, они были испуганы, а потом оба обернулись к Аркадию. Ланна что-то провизжал. Самоуверенность, похоже, покинула дилона: он уже не считал, что достаточно глубоким размышлением сможет раскрыть все тайны мира. Аркадий прочитал в его запавших глазах немой вопрос.

— Не знаю, — сказал Аркадий. — Наверно, то безумие, которого боялись хавроны. Пока нам ничего не грозит. Но не уверен, что обойдется без беды.

Теперь дрался весь лес. Куда Аркадий ни оборачивался, дерево схватывалось с деревом. Стволы хищно гнулись, кроны схлестывались, снова выпрямлялись, отдирая ухваченные своими ветвями ветки соседа. От бешеного их метания появился ветер. Сучья и крупные обломки коры рушились на почву, остатки листьев метались в воздухе. Хронавта оглушал свист и грохот, визг раздираемого сухого корья, треск и глухое уханье стволов, тонкие всхлипы рвущихся веток — почти живогоголосый вопль. Тот тревожный шум, что недавно слышался издалека, теперь, тысячекратно усиленный, грохотал вокруг.

Аркадий, согнувшись, старался не шевелиться, чтобы не попасть под удар свирепо качающихся ветвей. И если раньше бредовый пейзаж сражающегося леса его только удивил, то сейчас все вытеснил страх за себя и дилонов. Он выбрал это место потому, что сюда не могли достать ветви соседних деревьев, как бы они ни сгибались. Но в этом проклятом лесу гнулись и стволы! Если они, прекратив сражение, нахло-

няться к беглецам, их кроны перекроют всех троих чудовищной сетью — и выбираться будет некуда.

— Слушай меня, Ланна, — сказал Аркадий. — Вижу новую опасность. Взбесившиеся деревья могут переключиться на нас. Сражаться с мертвыми бестиями, наделенными отнюдь не мертвой хваткой, нам не под силу. Единственная защита — хроноэкрэн. Мой хроногенератор поврежден, но небольшую фазу он обеспечит. На какие-то секунды мы ускользнем из местного времени. Но мы должны двигаться, чтобы за несколько выигранных секунд выиграть и несколько метров. Ты бежать не можешь, Салана тоже. Я понесу вас обоих, а вы хватайтесь за меня покрепче и старайтесь мне не мешать. Вам понятно, друзья мои?

— Нам понятно, — ответил за обоих Ланна.

Аркадий проверил хроногенератор. Небольшое поле он создавал. Шум ослабевал, сражение утихало. Стволы выпрямлялись, кроны замирали. Лес снова изменился: теперь, ободраный, покоренный, он мало чем отличался от того голого и прозрачного леса, куда они вступили. Аркадий не отрывал глаз от ближних стволов, чтобы не пропустить грозного мгновения. Он точно уловил его: деревья шевельнулись и стали медленно изгибаться к центру полянки. Их ободранные ветви хищно потянулись к троице беглецам. Аркадий вскочил.

— Пора! Бежим!

9

Аркадий прижимал дилонов к своей груди: правой рукой — девушку, левой — Ланну. Салана припала к Аркадию молодой щекой, больная рука дилона висела плетью, да и здоровая так обессилела, что он не сумел ухватиться за шею человека — только слабо цеплялся за пояс. Аркадий чувствовал, что, если споткнется, Салана с трудом, но удержится, а Ланна свалится. И когда кроны изогнувшихся деревьев не просто опустились, а всей массой упали на них, он изо всей силы притиснул к себе дилона.

Опережение времени, которое мог обеспечить поврежденный генератор, составляло около четырех секунд — Аркадий знал, что на большее прибор не способен. И, готовясь к прорыву сквозь деревья, окружившие прогалину, рассчитал, что за эти четыре секунды с двумя дилонами на руках сумеет одолеть не более двадцати метров. Но и пятнадцати хватало, чтобы вырваться из опасного кольца. Любому космонавту приходилось в годы учения бегать с грузом на груди и в руках по пересеченной местности — и Аркадий в последних никогда не числился. Но еще ни разу ему не случилось разогнаться так, как он это сделал сейчас.

И, прорвавшись за цепь взбесившихся деревьев на свободное место, он остановился и оглянулся. Деревья плотно сомкнулись кронами, тысячи сучьев и веток шарили по грунту, пытаясь ухватить то, что по времени этого ошалевшего мирка еще находилось тут, но по времени самого Аркадия отстояло ровно на четыре секунды — и на двадцать метров дальше. На лекциях в Институте Времени хронантам часто говорили, что даже секундного расхождения бывает достаточно, чтобы успеть покинуть опасное место, если соединить временной сдвиг с быстрым движением в пространстве. И сейчас, остановившись и оглянувшись, Аркадий до дрожи в ногах чувствовал, что спасли их от гибели именно эти ничтожные секунды. Упал он, просто замешкайся на бегу — их всех накрыла бы беснующаяся гора ветвей: вон они снуют там — уже полная минута прошла, а все копошатся, все впиваются колючками в почву, все пытаются выхватить одна у другой ускользнувшую добычу.

— Первый раз проскочили, — сказал Аркадий трясущемуся от страха Ланне. — И во второй раз проскочим!

— Иновременник, я непрерывно размышляю, — слабо протелепатировал Ланна. — И прихожу к выводу, что у всех деревьев нарушена синхронность, оттого они такие агрессивные, хотя и безжизненные. От этой несинхронности они в конце концов распадутся.

— Этот конец концов будет в очень далеком будущем. Раньше они полностью окаменеют.

— Камни от внутренней несинхронности тоже распадаются.

— Да, через миллионы лет, ибо что для камня несинхронность в какое-то тысячелетие? Меня это не устраивает. Я не смогу так долго дожидаться их распада. Секунды мне сейчас важнее миллионолетий.

Теперь надо было избегать скоплений деревьев — там четырех секунд опережения могло и не хватить. Аркадий выбирал дорогу, пробираясь мимо отдельных стволов там, где расстояние в двадцать метров гарантировало свободный пробег. Вторично ускользнуть от падающих ветвей удалось легко, таким же легким было и третье бегство. Аркадий повеселел. Он не сражался с удивительным противником, а обманывал его — это была захватывающая, хотя и опасная игра. Лес поредел. Здесь уже можно было идти на таком расстоянии от деревьев, что, как бы они ни гнулись, им не удалось бы зацепить человека и дилонов.

И на безопасном месте между двумя деревьями — проскочить между ними можно было всего за две секунды опережения, десять метров бега — случилась беда. Он ее предвидел — и не сумел предотвратить.

Здесь везде были понатыканы скелеты кустов, за один Аркадий запнулся, уже бросившись в бег. Он устоял, у него был запас в четыре секунды, а потерял он только одну. Но левая, неподвижная рука Ланны зацепилась за куст, Аркадий дернул ее, но безуспешно — и все запасные мгновения были потрачены на то, чтобы освободить Ланну. На них обрушились ветви, и Аркадий упал, подмяв под себя обоих дилонов.

В школе Аркадий как-то смотрел стереофильм об освоении Семелы, неплохой планетки в системе Денеба. Один астронавт, безрассудный парень, вступил в единоборство с араном — многоногим чудищем, похожим на паука, только размером с земного бегемота, — а товарищ его спокойно

фиксировал их схватку. Затея вышла из неудачных: аран так прижал человека, что стал лопаться прочнейший скафандр, даже гравитатор не смог заставить чудище разжать мохнатые ноги. И если бы товарищ не бросил свой стереоаппарат и сам не схватился за бластер, забава могла бы окончиться трагически.

И теперь Аркадию почудилось, что повторяется ситуация из того стереофильма: хищные ветви будут рвать и ломать его так же яростно, как это делали ноги арана. И разница будет лишь в том, что у арана всего восемь ног, а у дерева сотни ветвей и веток. Он уже ощущал, как в тело впиваются колючки, но это было ложное чувство. Его опутывали, не давали подняться, но не рвали на части, не впивались мертвыми остриями в живое тело. Его поймали в сеть — странную сеть, шевелящуюся, ползущую, хватающую, но не терзающую. С минуту он остро боялся, что его и дилоннов куда-то потащат, но тащить дальше самого дерева было некуда. Их даже похитить не стремились: лишали движения, вдавливали в почву — и только!

И когда до Аркадия дошло, что физический разрыв тела им не грозит, он понял и другую, страшную истину. Все деревья в этом безумном лесу были вампирами. Это предположение было первым — и оно оказалось правильным. Но здесь — и во время схваток между собой, и сейчас, опутывая и сжимая три тела, — сучья пили не кровь, не соки организма, а его физическое время. Если он немедленно чего-нибудь не придумает, то не пройдет и десятка минут, как и он, и оба диллона превратятся во вневременные окаменелости, которым безразлично, сейчас ли, или на тысячу лет в прошлом, или на тысячу в будущем. Ибо из его крови, из его костей, из самого его мозга по секундам и по минутам вытекает самое животворящее, самое важное, чем он обладает, — физическое время бытия. Оно считается как кровь... Вот чего так боялись лохматые обезьяноподобные хавроны, старательно обходившие этот лес: здешние деревья и кусты, утратившие собственное жизненное время, уже почти вне-

временные, иступленно, яростно вырывали у всего, что пока было во времени, остатки живых секунд, минут и часов.

Вместе с пониманием пришло и решение. До сих пор он стремился вперед, выискивая секунды опережения, чтобы пробежать мимо древесных вампиров в их близком будущем, а не в прошлом. Но в будущее он не проскользнул, он схвачен в настоящем. И если снова выиграет еще недавно столь спасительные четыре секунды, то для них не хватит свободного пространства — он и за четыре минуты не выберется из путаницы навалившихся, ползающих по его телу, жадно прилипающих ветвей. И почти нечеловеческим усилием выдернув руку из перехлеста веток, Аркадий переключил хроногенератор на обратный ход.

Теперь он уходил в прошлое — и не на секунды, а на минуты, точного счета он не знал, но в минутах не сомневался. И быстро почувствовал перемену. Только что все тело ломило, из него что-то уходило — настойчиво и беспощадно: ветви не кололи кожу, не рвали мышцы, но словно сливались с ним, становились им самим — так язва, губящая организм, всегда его часть, а не внешняя сила. И вот сразу оборвалась смертельная связь. Ветви скользили по телу, ища и не находя контакта. Для них он был словно смазан жиром, не дающим зацепиться. Ибо они существовали в настоящем, а он был в прошлом, они хватали его теперешнего, а он отстоял от теперешнего на несколько минут назад, его сейчас еще не было, хотя реально он уже был — но не для них.

Аркадий понимал, что от быстрой гибели ускользнул, но от угрозы смерти в близком будущем отнюдь не избавился. Он продолжал жить, его время шло — и с каждой пройденной секундой прошлое приближалось к настоящему, он не мог вечно пребывать в былом — на это не хватило бы энергии тысяч карманных хрономоторчиков. Одни могучие генераторы «Гермеса» могли бы обеспечить полную отстраненность от настоящего. Но где он, «Гермес»? Аркадию не понадобилось вспоминать инструкции хрононавигаторов, они всегда стояли в памяти, и среди них одна, единственная

в этот миг важная: «Сдвиг времени не дает гарантий ухода из опасного места, если не сочетать его с перемещением в пространстве». Аркадий рванулся вперед. Он еще оставался в прошлом, но устремился в будущее, не оставляя врагу ни одного мгновения настоящего.

Он хотел подняться, но не смог. Он полз, вытаскивая за собой Салану и дилона, — извивался, отталкивался от неровностей почвы, цеплялся ногами и телом за каждый бугорок. Шапка накрывших их ветвей становилась все реже, в ней виднелись просветы. Он исступленно тянулся к просветам, а когда оказался на открытом месте — не остановился, не отдохнул, не встал, а продолжал ползти, таща обоих дилонов.

И только увидев себя на поляне, лишенной деревьев и кустов, он замер, и, закрыв от бессилия глаза, стал судорожно и жадно дышать, пытаясь восстановить силы. И, еще не надышавшись, потерял сознание. А когда сознание вернулось, оно было спутанным и неполным: мутные ощущения, такие же мутные мысли, неопределенные желания — Аркадий никак не мог сообразить, чего же он хотел. Одно он понял раньше остального: надо встать, надо убедиться, что не надвигается новая беда. Руки приподняли туловище, но ноги его не удержали. Он снова упал, набираясь сил и как-то безучастно удивляясь, что силы не приходят. Он прошептал вслух — ему казалось, что он говорит очень громко:

— Ну, не высосали же они из меня всю мою жизненную энергию? Дудки! Отдохну еще минутку, и хватит.

В ответ он услышал тихий визг Саланы. Девушка лежала головой на груди Ланны и плакала. Наверное, она еще что-то говорила мыслями, но мысли до него не доходили, а плач ее, очень похожий на человеческий, хватал за душу. Аркадий подполз к дилону. Он плохо видел, неожиданная картина не входила в сознание — смутное видение из другого мира. Перед ним лежал опавший всем телом, иссохший, маленький старичок. Ланна должен был постареть от тяжелых испытаний, он и раньше уже был похож на Старейшин,

а не на молодого Сына Различников. У него пострадала одна рука, она не могла удлиниться, но другая была здоровой. А старик, лежащий на каменистой почве, раскинул две одинаково сухие крохотные ручки, он весь был крохотный — вовсе не тот дилон, которого звали Ланной. И мордочка, у Ланны такая живая и выразительная, у этого была уродлива и много меньше. Но тем же смутным сознанием Аркадий понял, что перед ним именно его добрый товарищ, юный мыслитель, внезапно катастрофически одряхлевший, уходящий из бытия, если уже не ушедший.

— Добрались они до тебя, Ланна! — горько сказал Аркадий. — И я не смог защитить! Все твое жизненное время высосали. Нет тебя больше, Ланна!

В неподвижной мордочке крохотного старца что-то дрогнуло: он раскрыл глубоко запавшие глаза, медленно скопил их на Салану, так же медленно посмотрел на Аркадия. В глазах не было ни мысли, ни чувства, они были безучастны к окружающему, они, отрешенные, уже ничего не выражали. Но Ланна три раза — все медленнее, все с бóльшим усилием — переводил взгляд с Аркадия на Салану. И Аркадий понял, что хотел передать этим последним в своей жизни движением уже потерявший способность генерировать мысли дилон.

— Да! — сказал Аркадий. — Я не оставлю Салану. Или сам с ней погибну в этом проклятом лесу, как погиб ты, или мы выберемся вдвоем.

Он говорил с Ланной, как с мертвым, он знал, что тот уже не может слышать. На груди недвижимого Ланны тихо плакала его подруга. Аркадий лег рядом с ними, вытянул ноги, закрыл глаза. Позади, уже осязаемо ниже зенита, две недобрые звезды, Голубая и Белая, очень медленно — им некуда было торопиться, они пребывали в вечности — преследовали одна другую. Аркадий набирался сил. Силы возвращались медленно, но он уже ощущал их слабый прилив.

Почувствовав, что сможет устоять на ногах, Аркадий поднялся, положил Салану в сторонке на обезображенный пра-

вый бок, чтобы она могла видеть умершего друга, и стал собирать камни. Он клал их вокруг мертвого тела и на него, пока не возник холмик. Потом подошел к Салане и наклонился над ней.

Она глядела на него здоровым левым глазом и что-то почти неслышно визжала. Аркадий услышал в ее тихом визге такую мольбу, увидел в ее незамутненном глазе такой страх и такую надежду одновременно, что его волной охватило еще не испытанное чувство — горячая нежность к слабому существу, которое просит о помощи.

— Девочка, я не покину тебя, — сказал он. — Правда, ты не понимаешь моих слов. Но это неважно. Я без тебя не уйду. Сейчас я подниму тебя и крепко обниму, а ты тоже крепко обними меня, и мы пойдем вместе. До полного спасения вместе! Верь в это так же, как я сам в это верю. Нет — не верю, Салана, ибо верят в то, чего не знают, — а я знаю, я твердо знаю: скорее умру, чем оставлю тебя!

Она вслушивалась в его слова, они как-то доходили до нее и успокаивали. Страх в здоровом глазу пропал. Он поднял ее, обнял, она обхватила левой рукой его шею, уткнулась правой щекой в плечо. Он чувствовал, как расслабилось ее тело: она доверилась его воле — маленькое создание свернулось на груди защитника.

Он еще раз оглянулся по сторонам. Позади сияли два зловещих солнца и чернел погибший лес — опасный лес, еще не ушедший во вневременность и в последней судороге существования пытающийся оживить себя крохами чужого жизненного времени. Впереди виднелись разбросанные стволы бывших деревьев — их теперь можно было не опасаться. Он шел к ним, осторожно переставляя ноги, чтобы не наткнуться на бугорок или яму.

Отчетливое сознание еще не вернулось. Глаза порой затягивало туманом. Мысли не вспыхивали, а медленно вырисовывались: он не постигал уже родившуюся мысль обычным мгновенным знанием, а как бы всматривался со стороны в какие-то возникавшие в сознании надписи, и

лишь после этого они становились ясными. И ноги потеряли устойчивость — он не был уверен в их крепости. Ему все казалось, что если он сильно топнет ногой, то она согнется, как резиновая, или переломится, как высохшая тростинка. Надо было проверить, так ли это, — без проверки он не мог доверять ногам долго нести их с Саланой. Но он не смел рисковать такой опасной проверкой, она могла стать роковой.

Смутно соображая, что страшно не только ему, но и Салане, он заговорил вслух. Она не могла понять его слов, да это было и лучше: он говорил о том, что ей не нужно было знать, о том, что могло ее скорее огорчить, чем успокоить. Но она успокаивалась от его голоса — он старался, чтобы в голосе звучала ласка и доброта.

— Бедная моя девочка, теперь я понимаю, отчего погиб твой друг, — говорил он, медленно передвигаясь. — Мне он сказал: «Она будет жить, пока я живу». Я тогда не понял. Вот, думал я, выпренность, человеческие словесные фиоритуры, а не глубокое рассуждение дилона. Вот так я думал, поверхностно — ты права, но не от пренебрежения к нему, он ведь — ты знаешь — достоин восхищения. «Я такой», — как любил говорить о себе наш добрый Асмодей; он тоже погиб, хороший был парень, настоящий человек, хотя и не человек. Я о Ланне, я о твоём друге — ты не сердись, от меня ускользает мысль, я ловлю ее. Ланна погиб от любви к тебе, и это такая прекрасная смерть, девочка!.. Он нес тебя и вливал в тебя свое собственное жизненное время, он не давал тебе состариться, как ты уже начала, ты даже помолодела постаревшей половиной, а другой, юной, так молода, так прекрасно молода, что мне хочется плакать: ну почему свалилось на тебя эта чудовищное раздвоение — разрыв связи времен в едином теле. Он отдавал тебе свое живое время, а сам старел, нес тебя и непрерывно старел. Вот так он любил тебя, девочка, так чудесно, так скорбно тебя любил. А я не смогу передать тебе свое жизненное время — я человек, Салана, люди живут много меньше дилонов, но не в этом дело.

Я отдал бы тебе свое маленькое время, если бы оно могло влиться в тебя, но я не знаю, как это сделать. Вы умеете не только открывать, но и опровергать законы природы, а я не научен — прости меня за это. Вот мы идем и идем, а Ланны нет, а без Ланны вдруг опять ускорится твое старение, что нам тогда делать? Я же не умею, как он, а мы идем и идем, и я так боюсь за тебя, бедная моя девочка!..

Аркадий помолчал и снова заговорил:

— Итак, я о Ланне, о моем добром друге Ланне, о твоём друге Ланне... Он умер, ты видела, как он умирал, ты плакала на его груди. Он упал под тем деревом уже постаревший, а я не защитил его — я не знал, что моего хрономоторчика не хватит на троих; тебя защитил, а его не сумел, вот так это получилось. И проклятый вампир высосал из него остатки его физического времени, которое он предназначал для тебя, для тебя одной, Салана. Боже мой, как он внезапно одряхлел, каким стал древним стариком, я не узнал его, но ты плакала на его груди, он, уже незнакомый для меня, оставался для тебя все тем же близким, самым дорогим — и это так печально и хорошо, что ты не отшатнулась от страшного старика, что ты плакала о нем на его груди... И мы идем, Салана, мы идем, только не знаю куда — к спасению или к гибели.

Аркадий снова остановился. Салана плакала. Маленькое тельце содрогалось от рыданий. Аркадий прижал ее покрепче, погладил растрепавшиеся волосы, поцеловал в голову. Она, поплакав еще немного, затихла. Аркадий пошел дальше, продолжая разговаривать с ней:

— Я человек, Салана; ты не человек, а другое существо — разумное, милое и страдающее. Мы разные, мы такие ужасно разные! Не нужно быть специалистом по конструированию различий, каким был твой друг Ланна, чтобы разглядеть ту бездну, что нас разделяет. И внешность, и все прочее — да, очень, очень многое, ты права, я согласен. Но в тысячу, в безмерную бездну раз больше единства — я этого раньше не знал, теперь знаю. Мы непохожи, мы радуемся по-разному,

но страдаем одинаково, твое маленькое сердце так же болит, когда у тебя беда, как и мое в мою беду. И у тебя есть свое добро и свое зло, и у меня свое добро и свое зло, мы не вне их. Кто может быть по ту сторону добра и зла? Так когда-то у нас писали высокомерные глупцы, а это была ерунда: та сторона, за которой нет добра и зла, вне нашей Вселенной, вне любого разума и любой жизни. А мы с тобой живые и разумные, разве не так?

Он еще помолчал, набирая побольше дыхания.

— Салана, я обрадую тебя. Лес уже другой! Не мертвые стволы, а настоящие деревья. Вот погляди, я чуть-чуть поверну тебя, чтобы ты могла увидеть своим здоровым глазом, видишь — живые листья, такие же голубые, как и на всех живых деревьях на вашей планете. И трава под ногами живая, такая ярко-оранжевая. Ты ведь видишь, правда? Это — спасение! Мы возвращаемся в мир нормального времени, мы возвращаемся в жизнь, хорошая моя девочка! Правда, там рангуны, там ваши враги, но ты не бойся, я не дам тебя в обиду, пусть лучше меня разорвут на клочья, чем я позволю тебя обидеть. Не дам, слышите, вы, не дам!

Аркадий выкрикнул эти слова с гневом и угрозой. Он вдруг ощутил, что в нем самом что-то изменилось — очень важное. Он больше не был веселым юнцом-хронавтом, в такие молодые годы наделенным высоким званием хроноштурмана, — он стал суровым мужчиной, какого показывало Зеркало Сущности в зале Предварения. И на руках у него было слабое существо, почти ребенок, доверчиво к нему прижавшееся. Он должен был ее защитить, он хотел ее защищать — это была его священная обязанность, его радостный долг взрослого, собственным телом заслоняющего ребенка от опасности, высочайшая обязанность мужчины, собственной жизнью спасающего женщину. Он вдруг стал всеми отцами мира, людьми и нелюдьми, оберегающими своих детей. Он ощутил себя всеми мужчинами Вселенной — охранителем и надеждой всех женщин мира!

— Я спасу тебя, Салана, спасу, мы уже вышли в хорошее место, — бормотал он и вдруг замолчал.

Он остановился, взгляделся в девушку. Она холодела. Она преображалась. Левая, здоровая половина тела теряла свое резкое отличие от одряхлевшей правой. Обе половинки сливались, в них восстанавливалась целостность. Салана вновь обрела единое время существования — не жизненное, не ровное, а постоянное, вечное время смерти. На руках у Аркадия лежала маленькая, почти лишенная веса старушка. Аркадий, положив Салану на траву, молча смотрел на нее.

— Не донес, — сказал он горько. — Прости, не донес тебя.

Потом он собрал камни и, как перед тем хоронил Ланну, похоронил и его подругу. Когда вознесшийся холмик полнотью закрыл маленькое тело, Аркадий сел рядом с могилой. Надо было идти, спасение было недалеко. В нарядном голубом лесу уже не грозили разрывы времени, хроновороты и хронобои: еще тысяча шагов — и кончатся его страдания. Но у него не было сил сделать эту тысячу шагов. И не было желания спастись — такой непреодолимо трудной стала дорога.

Все же он заставил себя встать и пойти. Но он не шел, а плелся: тело стало тяжелым для ног, в глазах все расплывалось и мелькало. Споткнувшись о бугорок, он упал.

Теперь ему было хорошо. Он смотрел на серое небо: где-то вверху одна безжалостная Гаруна преследовала другую; он не видел их, они были вне обзора. Тихо шумела голубая листва деревьев, тонко пела оранжевая трава. Он закрыл глаза. Надо было заснуть, надолго заснуть.

До него донеслись голоса, кто-то с силой схватил его за плечи и потряс, кто-то целовал его щеки, плакал и твердил:

— Сын мой, родной мой! Мальчик мой, скажи что-нибудь!

Он с усилием поднял веки. Около него на коленях стояла Мария Вильсон-Ясуко — она тормозила его, по лицу ее текли слезы. Он не поверил, что это Мария, ее не мог-

ло здесь быть. Он не хотел отвечать на ее слова, на ответ не было сил. Он перевел взгляд в сторону. Вокруг Марии толпились какие-то фигуры, он не узнавал их. Только одна показалась отдаленно знакомой: она чем-то напоминала Асмодея. На ней был такой же камзол средневекового аристократа, та же сломанная шпага, рожки, высовывавшиеся из кудлатой головы. Но это не мог быть киборг: тот был строен и элегантен, этот изодран, согнут, изможден — развалина, а не изящный кавалер.

Аркадий перевел взгляд дальше. Справа от Марии стояло незнакомое высокое существо — нечто очень похожее на человека и очень нечеловеческое. Львиной головой и гривой он напоминал Старейшину Старейшин Гуннар Гунну, но был много моложе, у него не было таких длинных рук и хвоста. Он был высок, этот незнакомец, рост гармонировал с величавой осанкой.

Мария встала с колен и сказала царственному незнакомцу:

— Ватута, прикажи положить Аркадия на носилки. Он плох, его надо срочно доставить на «Гермес».

Незнакомец церемонно поклонился настоящим человеческим поклоном и громко ответил на хорошем человеческом языке:

— Будет исполнено, повелительница!

Часть III

МЕРТВОЕ ВЕССМЕРТИЕ

Михаил Петер Вах

1

Михаил Петер Вах, знаменитый на Земле археолог, академик и знаток населенных и пустынных планет ближнего к Солнцу космоса, человек, не раз сталкивавшийся с опасностью и неизменно выходящий сухим из воды, выпадая из разваливающегося шара, ни минуты не сомневался, что смерть и на этот раз не близко. Его выбросило наружу, но не разбило; его непреодолимо тащило куда-то, но тащило мягко; он вполне мог разнести свой череп о любой крупный камень, но камни к нему не подпускали. Он понял, что это неслучайно. «Меня похищают», — подумал он и перестал сопротивляться уносящей его силе.

И он не удивился, когда вдруг почувствовал, что его тело уже не катится, а летит над почвой. «Подняли антигравитационным полем, — хладнокровно решил он, — а зачем подняли? Что-то новое, подождем». Новое предстало в образе такого же шара, как и тот, из которого его выбросило, но значительно крупнее. Шар подлетел вплотную, в нем открылся люк, из люка высунулась рука, схватила человека и втянула внутрь. Вах упал на пол, с усилием приподнялся. У пульты сидели трое аборигенов, весьма похожих на людей. Лишь у того, кто втянул его, руки были по-дилоньи гибки; у двух других они, более короткие, явно не удлинились, а хвостов не было ни у кого. И лица у всех были скорее обе-

зьяноподобными, а не собаководными, как у дилонов; на теле — густая шерсть, губы выпячены. Все трое повернулись к Баху спиной, как только он поднялся с пола, — похоже, он их больше не интересовал. Один что-то сказал другому, тот что-то ответил — они разговаривали звуковой речью, слова были непонятны, но это были слова, а не однообразный визг дилонов, лишь сопровождающий передачу мыслей. Это приободрило Баха: акустической речью, как она ни сложна, все же легче овладеть, чем телепатированием неизвестно как закодированных мыслей.

Он обратился к аборигенам, стараясь говорить медленно и членораздельно, чтобы они если и не поймут сразу, то хоть запомнили слова:

— Вы рангуны? Не откажите в любезности сообщить, куда меня волочете? В смысле: для чего похищаете?

Все трое разом обернулись. Один сказал гортанно, как бы не произнося, а выплевывая каждое слово поодиночке:

— Хаврон. Бедла.

— Хаврон. Кадла, — подхватил второй.

Третий закончил:

— Хаврон. Рудла.

И все трое опять повернулись спинами к Баху.

— Понятно. Хавроны, — сказал Бах в спину троим. — Воины рангунов. Не знаю, будет ли приятным наше знакомство, но все же познакомимся. Я — человек, Михаил Петер Бах, археолог. Впрочем, вряд ли вы поймете, что такое археолог. Да и вообще сомнительно, чтобы вы хоть словечко мое понимали. Но все же: куда вы меня тащите?

Хавроны, уловив вопросительную интонацию, обернулись.

— Хаврон. Бедла, — выплюнул первый.

— Хаврон. Кадла, — дополнил второй.

— Хаврон. Рудла, — закончил третий.

Бах помолчал. Долго молчать он не мог. Его распирало от мыслей и чувств. В далеких походах он привык общаться со словоохотливым и умным собеседником — самим собой. Он заговорил вслух:

— Итак, хавроны. Дилоны ненавидят хавронов (все они обезьянолики или только эти три молодца?), пожалуй, больше, чем рангунов. Это-то, впрочем, объяснимо. Слуга врага всегда отвратительнее самого врага. И тащат меня эти слуги, естественно, не по своей прихоти, а по велению господина. Возможно, по приказу Верховного Злодея рангунов, как его назвал Старейшина Старейшин, тот милый старец, который сейчас ломает свою высокоумную голову над мучительной загадкой, сколько ангелов можно разместить на острие иголки. Как его зовут, Верховного Злодея? Да, вспомнил — Ватута!

Трое хавронов поспешно вскочили, услышав громко произнесенное имя, разом обернулись, разом склонили мохнатые головы.

— Хаврон. Бедла, — почтительно сказал первый.

— Хаврон. Кадла, — угодливо добавил второй.

— Хаврон. Рудла, — торжественно завершил третий.

— Заткнитесь, лохматые! — раздраженно попросил Бах. — Мне ваши церемонные самопредставления надоели. Одно важно: кому и зачем я нужен, а этого вы не скажете, даже если бы знали, а наверное, и не знаете. Поэтому помолчим. Сидите ко мне спинами. Спины у вас еще невыразительнее лиц. Один древний писатель по выражению спин определял характер людей точнее, чем по их лицам. Вы его не читали, естественно. Интересно, умеют ли в вашей стране читать? У дилонов, считающих себя воплощениями Высшего Разума, книг нет, но разум есть, хотя, по-моему, не высший. Впрочем, это мое частное мнение. Поэтому и о дилонах помолчим. В вашем летательном аппарате все стены изнутри прозрачны, это хорошо. Конечно, смотреть на ваши Гаруны — и томную Голубую, и разъяренную Белую — равно нерадостно, зато можно полюбоваться планетой. Хорошая планета Дилона, одно плохо — враждуете, воюете, а зачем? Причины войны позабыли — значит, и прекратить войну не можете, ибо без устранения позабытых причин... В общем, неважная ситуация, лохматые. Вы не находите?

Хавроны уловили не только вопросительную интонацию, но и некоторое уныние в голосе Баха. Все трое одновременно обернулись.

- Хаврон. Бедла, — печально сказал один.
- Хаврон. Кадла, — грустно добавил второй.
- Хаврон. Рудла, — скорбно вымолвил третий.

2

Шар сделал круг над столицей дилонов. У охранной башни — они пролетали вблизи — ярко вспыхнула верхушка, донесся грохот взрыва. Шар уклонился от удара резонансных орудий, отделавшись лишь кратковременной вибрацией, сделал круг и вернулся к той же башне, чтобы ловко сманеврировать при новом ударе. Полет походил на игру, но игру опасную. Бах помнил, как вспыхнул и превратился в раскаленную пыль аэроразведчик с «Гермеса», — и не хотел такой же участи для себя. Надо было сказать об этом хавронам, но ведь они в ответ только обернутся и сообщат, кто они. И тут Бах сообразил, почему они неустанно рекомендуются, — он обращался сразу ко всем, никого не называя особо.

— Бедла! — сказал он громко. Обернулся один Бедла, двое других деловито выворачивали шар на третью петлю вокруг башни. — Бедла, мне не нравится ваша игра с башнями. Во всяком случае, пока я в шаре. Ты не знаешь моего языка, но уверен, что ты меня понял.

Бедла махнул лохмами, изобразил подобие улыбки и так же гортанно, как свое имя, выплюнул одно слово, зато настоящее человеческое.

— Понял! — И, помолчав и вторично обернувшись, добавил так же гортанно, скорее звериным рыком, чем речью: — Улетаю.

Шар отвернул от башни и унесся за город. Вскоре он пролетел над местом, где напали на авиетку «Гермеса» и шары

дилонов. Внизу лежали остатки одного из шаров, но авиетки не было. «Гермес» пригрунтовывался где-то неподалеку, с высоты открывался большой обзор, но и следов корабля не было.

Бах тихонько — чтобы не привлекать внимания хавронов — разговаривал сам с собой:

— Четыре возможности. Первая: погиб. Чушь! В ответ на нападение «Гермес» может разнести все боевые установки на планете, но погибнуть? Исключено! Вторая: улетел. И обсуждать не буду — вздор! Товарищей не оставляют. Третья: заэкранирован. Возможно, но сомнительно. Кнудсен будет нас вызволять, а не экранироваться. Последняя: сменил место стоянки. Зачем? И куда он перелетел? Не знаю, может быть, толковому Различнику под силу авторазмышлением обнаружить, где он сейчас, но мне — нет. И все же «Гермес» где-то в другом месте!

Шар увеличивал скорость. Внизу проплывала странная планета: бесконечные леса, сквозь которые проступали острия скал. Где-то на другой ее стороне примостилась гористая страна рангунов. Горы уже проступили, но Рангунии все не было. На вершинах что-то посверкивало — жгучее сияние Гаруны Белой мешало разглядеть детали. «Вероятно, резонансные батареи», — подумал Бах. Они его не интересовали — эта техника была ближе Кнудсену и Аркадию. Он поглядывал на хавронов. Согнутые спины трех похитителей свидетельствовали о сосредоточенности. «Нахмуренные спины», — сказал себе Бах. Он любил выразительные словечки, они улучшали настроение при неудачах. Нахмуренные спины, угрюмые затылки, невеселые локти рук — или лап? — варьировал эпитеты академик.

Потом показалось населенное место, разорвавшее лес, — равнина, утыканная зданиями и сооружениями, похожими на промышленные. А вокруг — во все стороны — простирались бесконечные леса, уходившие за далекий горизонт.

Шар стал снижаться. Бах увидел толпу на крохотной площадке. Шар опустился, в стене распахнулся люк. Бедла по-

казал на него мохнатой рукой. Бах вышел и остановился, оглушенный. Из города несся такой грохот, что заложило уши. Из шара вылезли трое хавронов. Бедла лапой подтолкнул Баха к стоявшей поодаль толпе встречающих. Толпа складывалась из таких же хвостатых собаколиких дилонов, каких Бах встречал в Дилонии, даже хавронов не было, кроме троих пилотов шара. «Где же чертовы рангуны?» — с удивлением спросил себя Бах, но не стал придумывать ответа. Бедла подталкивал — надо было идти.

Толпа раздвинулась, вперед выступили три существа. Бах понял: рангуны! Эти трое не были похожи ни на дилонов, ни на хавронов — в их облике было много человеческого, но и нечеловеческого хватало: две ноги, две руки, два глаза, два уха, мощная шевелюра, зато голова скорее львиная, да и бочкообразное туловище сразу выдавало нечеловечность. Издали Баху показалось, что приближаются три вертикальные цистерны с руками, ногами и пышноволосыми головами. На рисунках одного детского художника он видел много таких фигур — эти трое словно спрыгнули с тех красочных страниц.

Рангуны встали в ряд перед Бахом: правый — самый высокий, средний — пониже, третий — самый низенький и очень юный.

Правый выдвинулся на шаг вперед и сообщил на неплохом человеческом языке, только со скрипом в голосе — будто одна сухая доска терлась о другую:

— Бессмертный номер двадцать девять. Кагула.

За ним выступил вперед средний, в его голосе звучал металл:

— Бессмертный номер сорок четыре. Варана.

Юный рангун прозвенел тонким голоском:

— Бессмертный номер одиннадцать. Казана.

Бах постарался не показать, что его поразило и человекоподобие рангунов, и то, что они, не встретив до него ни одного человека, все же знают человеческий язык. Он вежливо отрекомендовался:

— Михаил Петер Бах, археолог, хронавт.

— Знаем, — благожелательно сказал Кагула, Бессмертный № 29. — Путешественники по искривленному времени, хронолет «Гермес», родина — планета Земля, место отправления — планета Латона, другой поток времени. Верно?

— Верно. Откуда вы все это узнали?

— От вас. Вы о себе рассказали дилонам, все рассказали... Мы знаем все, что делается у дилонов, что делается... Они отлично раскодировали ваш язык, они это могут, но говорить по-вашему неспособны. Для нас это просто, для нас...

Кагула по-человечески наслаждался удивлением Баха. Он добавил, что рангуны могли похитить людей и раньше, но решили дать дилонам досконально изучить пришельцев, а потом изъять их.

— Похищен я один? А мои товарищи?

Рангун любезно объяснил:

— Пока один. Твои товарищи, некто Аркадий и некто Асмодей Киборг или Киборг Асмодей, его точное имя пока не установлено, попали в хроноворот, попали... Мы велели найти и вызволить их. Будь спокоен, они не минуют плена, они не минуют...

— А наш корабль?

Рангун нахмурился.

— Исчез. Но мы его разыщем. Иди рядом со мной. Нас ждут в городе, все нас ждут... Это близко.

Впереди шли три хаврона — Бедла, Кадла и Рудла, потом Бессмертный № 29 и Бах, за ними — Бессмертные № 44 и № 11, а замыкали церемонное шествие — уже беспорядочной толпой — дилоны, составлявшие, сообразил Бах, почетную свиту.

Город рангунов был похож скорее на промышленный поселок и грохотал, как древний котельный цех на Земле. Здесь были и здания, и улицы, но все окутывала пыль, в пылевом тумане посверкивали искры. Бах, скинувший было шлем, пожалел, что поторопился открыть голову. Можно было натянуть его снова, но трое Бессмертных шли с непо-

крытыми головами. Бах ограничился тем, что натужно закашлялся.

— Много пылят в вашем городе, — сказал Бах Бессмертному № 29.

— Стараются! Вот этот дом, — Кагула показал на облако пыли, в нем что-то смутно темнело, — должны были разрушить только завтра, а начали разрушать вчера, начали... А это прекрасное здание, — он показал на другое облако пыли, в нем можно было разглядеть еще меньше, — должны были завершить только через неделю, но строители передадут его разрушителям для уничтожения на четыре дня раньше срока, раньше передадут... Великолепная работа, не правда ли?

— Не понял. Разрешите, я повторю: строители завершают сооружение прекрасного здания, чтобы немедленно пустить его на слом?

— Правильно. Ведь нельзя разрушить то, что еще не построено, ведь нельзя...

— Да, уничтожить можно лишь то, что предварительно создано.

— Рад, что понимаешь это. Мы уверены, что быстрее найдем общий язык с людьми, чем глубокомысленные глупцы дилоны, которых вы почему-то предпочли нам, вы предпочли. Мы сразу поняли: пришельцы — существа такого же разума, как и мы, такого же... Это облегчит взаимопонимание.

— В порядке взаимопонимания... — Бах закашлялся от удушливой пыли. — Ты сказал, что нас ждут. А где? В одном из тех прекрасных зданий, которые немедленно идут на слом, едва их построят?

— Нет, мы идем в пещеру. Иногда и наши боевые операторы могут переусердствовать, а порой они возмутительно плохо сдерживают и дилонов-Опровергателей... Бессмертный № 3, Великий Ватута, не любит, чтобы при важных обсуждениях валилась крыша или судорога сводила пол. В глубоких пещерах такие неудобства исключены, такие неудобства...

— Вы меня ведете к Ватуте?

— К Великому Ватуте, так точнее. К Великому!

— А зачем?

— Как зачем? Надо дружески обсудить, какой тебя удостоить казни, какой удостоить. Где это торжественнее совершить, как не на синклите Бессмертных под председательством самого Ватуты.

Бах споткнулся на ровном месте.

— Удостоить казни, ты сказал? А зачем меня казнить?

— Казнь — лучшее, что тебе можно предложить. А что еще с тобой делать?

— Я не считаю ваше решение лучшим. Тем более в порядке взаимопонимания... Буду протестовать!

— Непременно протестуй! Протест удостоенного казни входит в ритуал, входит... Если бы казнимые не протестовали, их было бы неинтересно казнить. Дружески информирую тебя, что после того, как ты объявишь Бессмертным свой протест, который они, естественно, отклонят, ты сможешь выбрать самую приятную для тебя форму перехода в небытие, сможешь выбрать...

— И на самую приятную форму перехода в небытие не согласен, — твердо сказал Бах.

3

Ошеломленный дружеским сообщением Кагулы, Бах все же сохранил наблюдательность. Беспokoйный исследователь незнакомых планет не раз попадал в отчаянные положения — и никогда не впадал в отчаяние. Минуту-другую он присматривался: нельзя ли сбежать из-под конвоя? Сбежать, наверное, было не так уж трудно: рванул в ближайшее облако пыли — и все! В удушливом полусумраке теряются целые здания, кто его там быстро отыщет? Быстро не отыщут, но найдут непременно! Бегство — не выход, надо придумать другой. И тут он вспомнил простодушный ответ

рангуна на свой возмущенный вопрос. «А что еще с тобой делать?» — сказал рангун. Есть выход! Надо самому придумать, что с ним делать. Он должен стать нужен для еще чего-то, кроме казни. Вон сколько у них дилонов, а ведь это враги. А он, Миша Бах, никому не враг — ни дилонам, ни рангунам. Местные собакоголовые им чем-то полезны. Хорошо, он станет полезным проклятым бессмертным!

Пока эти мысли торопливо пронеслись в голове Баха, он продолжал набираться впечатлений. Бах любил ощущать себя не только исследователем, но и уличным зевакой. И хотя грохот, доносившийся из облаков пыли, мешал что-либо отчетливо слышать, а пыль не давала что-либо отчетливо рассмотреть, Бах быстро установил, что работают на стройках и разрушении чаще всего дилоны, но попадают и хавроны, а переноска тяжестей совершается так: груз — иногда и громоздкий, и по виду тяжелый — сам плывет над землей, а рабочий только подталкивает его ногой или поворачивает рукой. И еще Бах разглядел, что главные инструменты — резонаторы, небольшие аппараты, которые здесь все носят с собой: ими, при слабой вибрации, утрамбовывают и закрепляют, ими же, давая большую нагрузку, валят и разрушают. Грохот и пыль, терзавшие уши и горло, свидетельствовали, что резонаторы работают исправно и эффективно.

— Интересный у вас способ переноса тяжестей, — сказал Бах Бессмертному № 29.

— Очень простой, — любезно откликнулся Кагула. — Я рад, что ты это заметил, я рад.

— Не мог бы ты обстоятельнее проинформировать меня о ваших обычаях? — осторожно продолжал Бах, не зная, как относятся рангуны к чрезмерному любопытству.

Рангуны, в отличие от дилонов, видимо, не считали зазорным задавать вопросы и требовать ответа. С охотой, граничащей с энтузиазмом, Кагула объяснил, что их общество совершенно, ибо гармонично. А вот общество дилонов уродливо, у них отсутствует гармония, они страдают от несинхронности своего физического времени и, стало быть,

смертны. И так углубляются в саморазмышления по любому поводу, что забывают о реальностях бытия. Они...

В этом месте Бах счел возможным прервать Бессмертного № 29:

— Я спрашивал тебя не о дилонах, а о цели вашего строительства и разрушения, ибо мне показалось, вы не различаете эти понятия и строить у вас то же, что разрушать.

Кагула, однако, считал, что отвечает именно на заданный вопрос. Итак, дилоны. Дилоны знают, но не умеют. Дилоны способны многое постичь продолжительным размышлением, но не в состоянии реально использовать знания. Думать для них важнее, чем применять. Зато рангуны знают и умеют. Знают, может, и меньше, зато умеют больше. Уловил ли пришелец Михаил Петер Бах, чем отличаются рангуны от своих вечных противников?

— М-м-м, да... Очень интересно, — неопределенно прокомментировал Бах.

Рангун так же воодушевленно продолжал. До вибрации и резонанса додумались дилоны. Их Конструкторы установили, что при помощи резонанса можно разрушить любой предмет, любую конструкцию, живую и мертвую. Их Опровергатели доказали, что он способен и созидать, превращая конгломераты частиц в прочные предметы. Ну и что? Какие практические выводы сделали дилоны из своего великого открытия? Да никаких! Зато рангуны базируются на резонансе все свое строительство, все свои разрушения. Наши аппараты при помощи вибраций превращают в осколки самые прочные конструкции. Потом из этих же осколков и пыли, теми же аппаратами воссоздаются прежние величественные строения. Разве это не великолепно?

— Как ваши резонансные орудия превращают в прах летательные шары дилонов и наши авиетки, я испытал на себе, — заметил Бах.

— Вот именно: испытал на себе! Это же восхитительно — испытать на себе действие мощного резонатора. Чтобы все

клетки в теле тряслись и стонали! Чтобы собственный вопль распадался на тысячи разобщенных звуков и в них звучала все та же непреодолимая вибрация. Все основано на резонансе! Мы резонируем даже мыслями, ибо они одни у всех, они — всеобщий резонанс от главного резонатора. Он и создает ту замечательную, ту захватывающую, ту таинственную вибрацию в голове, которая называется мыслью. Все Бессмертные сообща вибрируют одними и теми же размышлениями. А у людей имеются всеобщие идеи, творимые нашим резонансом?

— Всеобщие идеи у нас есть, например, хорошие идеи добра, справедливости, дружбы, любви, совершенствования, ну, и много других. Но они создаются не вибрацией какого-то резонатора, а всей нашей жизнью — воспитанием, чтением, бытом...

— Несовершенный способ, — установил Кагула. — Вы могли бы у нас поучиться, у нас... Жалко, что из-за казни ты не успеешь перенять наши достижения.

— Ради этого можно бы и несколько повременить с казнью, как по-твоему?

— Это решит ассамблея Бессмертных, это решит.

— Но ты мог подсказать бы... С одним поговорить, с другим...

— Какое это имеет значение? — удивился Кагула. — Идея сохранить тебе жизнь должна одновременно прорезонировать во всех головах.

— Тогда провибрируй во все головы эту мысль!

— А если Ватута провибрирует приказ о твоей казни? Его вибрация так сильна! Ее резонанс забьет любую мою вибрацию, забьет...

Процессия миновала два дома — один строился, другой разрушался. От обоих одинаково несло густой пылью, а грохота каждый производил столько, что Бах невольно ускорил шаг. Кагула придержал его.

— Полюбуйся, пришелец! Сколько энергии! Уверен, что у вас нет ничего похожего.

— Почему же? — возразил археолог. — И на Земле иногда совершаются подобные операции. Их называют переливанием из пустого в порожнее.

— Звучит неплохо: переливание из пустого в порожнее! — одобрил Бессмертный № 29. — Но согласись: создавать, чтобы разрушать, — еще сильнее! Выразительнейшая формулировка. Самодумы дилоны, определенные на нашу службу, установили, что эта мысль прорезонирует на всю Вселенную.

— Старайтесь, старайтесь! — хмуро ответил Бах.

Пока хронавт разговаривал с Кагулой, двое других Бессмертных молчали, и, как показалось Баху, не просто, а почтительно. «Наверно, и у рангунов табель есть о рангах — как у дилонов», — подумал академик. Значит, все решают высшие в иерархии. Кагула сказал о Ватуте, что тот командует, а остальные вибрируют под него, то есть ответно резонируют... в общем, подчиняются.

Поселок быстро закончился. За ним высилась гора — безлесная и островершинная. В горе зияло отверстие. Вход охраняли два рослых хаврона — голова Баха не доставала каждому до плеча. За входом начинался туннель — обычные самосветящиеся стены, уклоны и повороты. И на Земле, и на других планетах Бах повидал множество пещер — естественных и искусственных, обитаемых и безжизненных, грандиозных и крохотных. Эта была из средних — не брала ни красотой минералов, ни обширностью пустот. «В этом логове рангунов не придется ничему удивляться, кроме них самих», — невесело подумал Бах.

Но когда его ввели в большой естественный зал, он удивился. Удивительное предстало в форме светящегося пятна на потолке. Какое-то природное вкрапление в массивный камень разбрасывало вокруг такие яркие лучи, что свет ненамного уступал дневному, хотя, конечно, здесь все-таки было более сумрачно. Бах быстро прикинул природу светящегося пятна. Разумеется, какая-то смесь радиоактивного минерала с минералом, способным выбрасывать фотоны

при облучении нейтронами и протонами. Модель естественной ядерной бомбы, только тлеющего, а не взрывного типа. Но ведь этот естественный светореактор не только дарит свет, но и убивает своим излучением! Неужели радиоактивность не действует на рангунов и их прислужников?

Зал заполняли рангуны. Один направился к Баху — он был на голову выше всех. Короткие руки едва доставали до бедер, зато ноги были длинные и массивные. А на массивных ногах покоилось цилиндрическое туловище, и грудь не выпирала бочкой, как у других. «Величественно уродлив», — оценил его Бах. И больше похож на человека, чем остальные рангуны, не говоря уже о хавронах и дилонах.

Величавый рангун неторопливо проговорил на хорошем человеческом языке — скрип в голосе был слабее, чем у Кагулы:

— Бессмертный № 3. Ватута. Дилоны зовут меня Верховным Злодеем. Горжусь этим званием. Дилоны чтут меня.

— Ваш гость. Человек, археолог, хронавт и академик Михаил Петер Бах, — отрекомендовался Бах. — Друзья обычно зовут меня Мишей.

— Пленник, а не гость, — ласково поправил Ватута. — Пленник.

— Гость, — повторил Бах. — Пленные — продукт войны. А мы с вами не воюем, брать нас в плен вы не можете.

— Но мы взяли тебя в плен. Ты не будешь этого отрицать?

— Буду. Вы пригласили меня в гости, только для приглашения выбрали не самый лучший способ.

— Ты гость дилонов, ты друг наших врагов. Мы взяли тебя в плен как врага. Ты и против этого будешь возражать?

Бах быстро заметил, что Бессмертному № 3, с гордостью носившему титул Верховного Злодея, нравится их спор. Он улыбался, глаза лучезарно сияли, слова — отнюдь не дружеские — произносились весьма дружелюбно. На этом можно было сыграть.

— У меня тысяча возражений против плена, и все — убедительные! Но прежде хотел бы спросить тебя... как величать столь высокую особу. Не Верховным же Злодеем?

— Можно и Верховным Злодеем, это правдиво и величественно. Можно и Ватутой. Оба эти звания говорят о моей исключительности. Ибо у рангунов только один Верховный Злодей и только один Ватута.

— Понял. Именовать тебя просто Бессмертным № 3 не годится, ибо Бессмертных у вас, наверное, много.

— Годится и Бессмертный № 3. Впрочем, это плохо выражает мою особость: Бессмертных сейчас девяносто восемь. О чем же ты хотел спросить меня? Об ожидающей тебя казни?

— И об этом. Люди в древности казнили только больших преступников за очень большие проступки. Но я перед вами не провинился. Почему бы вам не перенять благородные обычаи древних людей?

Ватута заулыбался еще шире и благодушной.

— Мне не нравятся ваши порядки, человек. Ты назвал их благородными? Это звучит нехорошо. Кто из Бессмертных согласится все бессмертие пребывать в благородстве? Таких глупцов не найти.

— И все-таки: почему меня надо казнить?

— А почему бы не казнить? Или ты считаешь, что должен жить? И то, и другое возможно. Из двух равнозначных возможностей я выбираю ту, что приятнее. А мне приятнее посмотреть на твою казнь, чем постоянно видеть тебя. Казнь врага — радостное зрелище, а какая радость в тебе самом?

— Я могу быть вам полезен, Ватута.

— Не смейся! Смертному нужна польза, чтобы продлить свое кратковременное существование. А какой прок в ней Бессмертному? Можешь ли ты удлинить мою жизнь? Она и так безгранична. Мне не нужны твои услуги, тем более что ты и сам не знаешь, что можешь мне предложить. Бессмертные ненавидят полезное. Ты заметил, что мы одновременно строим и разрушаем построенное?

— Заметил.

— И сказал при этом, что на вашей далекой родине подобные действия называют переливанием из пустого в по-

рожнее. Мой министр Прогнозов и Ведовства, дилон Кун Канна — в своей стране он был величайшим из Конструкторов Различий, — додумался глубоким саморазмышлением, что переливание из пустого в порожнее равнозначно творению бесполезного и ненужного. Вот единственная операция, роднящая людей и рангунов: с энтузиазмом переливать из пустого в порожнее! Именно с энтузиазмом, ибо без него такие совершенные операции невозможны. Редкими случаями бесполезности вы расцветчиваете свое скудное существование — оно немислимо без непрерывно творимой пользы. Вы все делаете по необходимости. А мы, не нуждающиеся ни в чем, заполняем свое бессмертие только бесполезным. И чем выше степень красивой бесцельности, чем больше накал великолепной ненужности, тем лучше. Вот если бы ты сказал: могу сделать нечто такое, что никогда, нигде, никоим образом и ни для какой цели не сможет вами быть использовано, еще можно было бы сохранить тебе жизнь. Но разве ты, раб полезного, можешь сотворить что-нибудь прекрасное и абсолютно ненужное?

— Могу, — хладнокровно объявил Бах.

Пока Ватута разглагольствовал, Бах увидел путь к спасению. В студенческие годы друзья называли его острословом и софистом. Создатель хронистики, науки о трансформации физического времени, Чарльз Гриценко, тоже мастер парадоксов, с уважением говорил о молодом ученом: «Миша Бах способен убедительно доказать, что «да» — это «нет», а после, еще убедительнее, что «нет» — это «да». И сообразив, как воздействовать на Верховного Злодея, Бах быстро переориентировался. Но, уже уверенный в успехе, он позволил себе раньше поиздеваться над Ватутой, а уж потом увлечь его абсолютной бесполезностью задуманного плана.

— Мой отец был из немцев, — начал он, — а мать гречанка. Теперь все народы на Земле сильно перемешались, но в древности немцы и греки существовали особо. И каждый народ отличался от другого. Считаю, что от отца-немца я унаследовал трудолюбие, глубину мысли и основательность,

а от матери-гречанки — любовь все оспаривать и неверие в незыблемость истин.

— В самовосхвалении тебе не отказать, — одобрил Ватута.

— И, в порядке побочного замечания, — продолжал Бах, игнорируя реплику Ватуты, — я сейчас докажу, что, казнив меня, ты совершишь полезный для себя поступок. — Бах почувствовал удовольствие, увидев, что Ватута удивился. — Ведь оставив меня в живых, ты обязан заботиться обо мне, кормить, искать мне дело без переливания из пустого в порожнее — я не из мастеров такого искусства. Тысяча хлопот! А казнив, избавишься от беспокойства, то есть совершишь нечто полезное для себя. Ты не смеешь меня убить, поскольку этот поступок тебе полезен и, стало быть, противоречит сущности вашего абсолютно бесполезного бессмертия.

— Интересно, я подумаю, — с уважением сказал Ватута. — Но ты хотел предложить что-то, а не только оспорить свою казнь.

— Именно предложить. Слушай, Ватута.

И Бах сообщил, что за свою не такую уж короткую жизнь он совершил немало путешествий по ближнему к их солнцу космосу, прежде чем записался в хрононавигаторы. На сотнях планет он открыл столько форм жизни, был участником столько событий, свидетелем столько катастроф, что одно только их перечисление заняло бы месяцы местного времени. И главным из его открытий была недавняя по их земному времени находка в Северной Скандинавии — есть на Земле такая малообитаемая местность. Она поколебала все устоявшиеся представления о жизни во Вселенной. Именно для ее проверки и снарядили «Гермес», первый хронокорабль, не только путешествующий в прямом времени космоса, но свободно вторгающийся во времена фазовые — под углом к прямому.

— Так вот, Ватута, я согласен рассказать обо всем пережитом и обнаруженном и ручаюсь, что рассказ мой,

во-первых, будет захватывающе интересным и, во-вторых, ничто из услышанного вы никогда, нигде, никоим образом и ни для какой цели не сможете использовать. Для вас это будет абсолютно и всеохватно ненужным!

Ватута задумался.

— А если что-либо из твоей информации будет неинтересно или, что хуже, полезно для нас? Тогда тебе придется немедленно расстаться со своим краткосрочным существованием.

— Кое-какие мелочи моей жизни могут быть вам малоинтересны, — согласился Бах. — Но я не буду ими злоупотреблять. Зато собственной головой гарантирую бесполезность интереснейшей информации.

— Гарантируешь собственной головой — это внушительно! Принимаю твое предложение. Немедленно приступим к извлечению из тебя всего интересного и ненужного, что ты успел накопить за жизнь.

Бах быстро сказал:

— Предупреждаю: рассказ займет не один день, ведь перевести в слова все события моей жизни...

Ватута презрительно прервал его:

— Переводить всю свою жизнь в слова? Даже у нас, имеющих в запасе бессмертие, не хватит терпения слушать. Мы не услышим, а увидим твою жизнь. — Ватута повысил голос: — Где Кун Канна, министр Прогнозов и Ведовства? Пусть он говорит так, чтобы его понял и пришелец. Почему я не вижу Кун Канны?

Уже не речью, а телепатированной мыслью до Баха донеслось:

— Повелитель, я всегда рядом. Прости, что не осмеливаюсь попадаться на глаза, твое величие ослепляет меня.

— Прощаю. Выдвинись.

К властителю засеменил дилон — ноги у него были худые, хвост облезлый. Он удлинил обе руки, сплел все двадцать пальцев вместе и коснулся ими, сплетенными, ног Ватуты («Вероятно, высший знак покорности и послушания», — подумал Бах).

Ватута недавно назвал Кун Канну величайшим из Конструкторов Различий, но на Старейшин министр Прогнозов и Ведовства походил лишь отдаленно: те, хоть и немолодые, были еще в теле — этот выглядел иссохшим стариком; те держались величественно — этот униженно горбился; те транслировали свои размышления с важной неспешностью — у этого даже мысли (во всяком случае — так показалось Баху) суетливо заплетались. Хронавт на секунду закрыл глаза от сострадания к жалкому пленнику, словно в насмешку наделенному высоким званием министра.

— Кун Канна, доложи, как ведет себя старый глупец Гуннар Гунна, — приказал Ватута.

В мозгу Баха зачастили ответы министра Прогнозов и Ведовства. У дилонов по-прежнему ошеломлены. Старейшина Старейшин Вещий Старец Гуннар Гунна все еще страдает после недавнего удара по Столице. Новые разрушения ввергли его в полуомертвелость. Ни мыслей, ни приказов он не генерирует. На башнях растерянность и тишина. Окончательный прогноз: дилоны ответных атак не предпримут, на это у них нет сил.

— Очень хорошо. Отмечаю перед всеми, что ты постарался провести последний бой на высоком уровне. Теперь скажи, Кун Канна, ты слышал мой разговор с пришельцем?

— Внимал каждому слову и каждой мысли, Повелитель.

— Объясни пришельцу, что ты с ним сделаешь. Повернись к нему лицом, Кун Канна.

Кун Канна повернулся к Баху не лицом, а боком — похоже, побаивался встать спиной к Бессмертному № 3. Теперь дилон телепатировал свои мысли без спешки. У каждого непрерывно накапливаются воспоминания о разных событиях жизни. Любое воспоминание имеет свой потенциал сохранения. Большие события высокопотенциальны: прочно внедряются в память, легко возобновляются, иногда самопроизвольно возникают в сознании, когда вспоминать о них вовсе не хочется. Мелкие происшествия стираются легко, но и они полностью не выветриваются. Особым облучени-

ем можно восстановить в мозгу любое событие, даже если оно кажется прочно забытым. Но многое так стерто, что для воспоминания о нем нужно облучение большой мощности, а это не всегда безопасно. В общем, легче возобновляются важные события, а не пустяки. В министерстве Прогнозов и Ведовства имеются резонаторы любого калибра — от слабоимпульсных, восстанавливающих лишь сильные воспоминания, до мощных, возобновляющих мелочи.

— Восстановленные воспоминания записываются, и ты, пришелец, сможешь собственными глазами увидеть и себя, и все пережитое тобой, собственными ушами услышать свой голос и голоса своих собеседников, — объяснил Кун Канна.

Бах сказал, что это напоминает прозеркаливание в зале Предварения. Кун Канна возразил, что там анализировали его характер — каков он был в прошлом и каким, вероятнее всего, станет в будущем, а здесь — только восстанавливают произошедшие события: характер человека и его жизнь — вещи неодинаковые.

Ватута встал.

— Тебе ясно, пришелец? В рассказе ты мог что-то приукрасить и что-то выдумать. Но воспоминание, сохранившееся в мозгу, не знает лжи. Оно может фиксировать ошибочное понимание, но не лукавое вранье. По прогнозу враждебные действия дилонов нам пока не грозят. Приказываю для рассмотрения жизни пришельца перебазироваться из пещеры Безопасности в рабочий зал.

4

Они опять двигались по городу, сотрясаемому строительством и разрушением, и вскоре подошли к зданию, по виду вполне законченному, но еще не разрушаемому. Ватута первый вошел внутрь.

Огромный рабочий зал, залитый теплым сиянием самосветящихся стен и потолка, был роскошен, как парадные

хоромы королей. Для каждого Бессмертного было предусмотрено кресло, похожее на трон. У стен высились постаменты, на них лежали разноцветные камни. Бах узнал старых знакомых: кусок мрамора (на Земле эту белую глыбу не сочли бы достойной экспонирования, но здесь, видимо, мрамор был в чести), и — у Баха даже дух захватило — бесценный зеленый нептуниан размером с футбольный мяч, и алмаз такой величины, что на Земле его посчитали бы невозможным.

И куда археолог ни кидал взгляд, всюду на постаментах, как статуи, высились образцы минералов и каменных пород. Ватута воззвал к Баху:

— Садись, пришелец! — И показал на трон рядом с собой.

Бах сел и подумал, что хорошо бы получить снимки своего как бы восшествия на престол — вот бы посмеялись в Академии наук! Трон Ватуты стоял в первом ряду, остальные Бессмертные расположились сзади. По левую руку от Верховного Злодея, на простом стуле, перед столом с аппаратурой уселся министр Прогнозов и Ведовства. Кун Канна обхватил двадцатью гибкими пальцами какие-то приборчики и обернулся к Ватуте. Вероятно, он что-то протелепатировал Властителю, но без трансляции для Баха, а на Баха даже не посмотрел.

— Начинай, — разрешил Ватута и обратился к Баху: — Интересно, ты узнаешь себя в молодости? Многим это не удается, потому что они вообразали себя другими.

Кун Канна протелепатировал:

— Изображаю детство пришельца, возобновляю воспоминания на самом малом резонансе — только для крупных событий.

Передняя стена зала исчезла. На ее месте возникло изображение какой-то комнаты. На плите кипела кастрюля, из нее вкусно пахло — Бах отчетливо услышал аромат супа, — а из-под крышки высовывался красный тряпичный колпачок игрушечного гномика. Женщина в халате с возмущени-

ем выговаривала рыдающему мальчику, который натягивал штанишки на голый задок:

— Михель, ты получил по заслугам! Разве это хорошо — в суп из свежей косули бросать грязную куклу? Хорошо? Отвечай мне!

— Хорошо! — сквозь слезы упрямо ответил мальчик. — Пусть и Ганс немного поварится. Он любит горячее — ты сама говорила, что гномы опускаются в вулканы и без пара и дыма не живут.

А в стороне стоял рыжебородый мужчина с ремнем в руке и не то злился, не то смеялся. Женщина обратилась к нему:

— Петер, придется заново варить обед. Ты подождешь?

— Не надо, — сказал мужчина. — Жидкое слей, а косуля, приправленная поркой Михеля, будет еще вкусней. — Он захохотал и весело потрепал мальчишку по плечу, словно не наказывал, а одобрял.

Картина исчезла. Теперь хохотал Ватута — рангуны чувствуют смешное, отметил про себя смущенный неожиданным воспоминанием Бах.

— Интересная, но бесполезная сценка — это хорошо, — сказал Ватута. — Мне нравится твой отец, человек.

— Лучшего отца и не надо было, — ответил Бах.

— Продолжай, — велел Ватута министру Прогнозов и Ведовства.

Во втором ожившем воспоминании был тот же мальчишка, бредущий по лесу. Он впервые в жизни отправился в дальнее путешествие. Он знал, что отец работает на краю света, — так тот сам говорил. Мальчик понимал, что край света сразу за лесом. Но, наверное, он прошел далеко за этот край: отца нигде не было, попадались только группки туристов. Мальчик выбрался на берег. Над ним высилась угрюмая громада горы Бастай — отец рассказывал много сказок и о ней, и о соседних горах. Внизу — от страшной глубины кружилась голова — серебряной лентой струилась Эльба. Все вокруг было так хорошо, что стало трудно дышать. Мальчик, очарованный до неподвижности, вбирал глазами

все, из чего складывался этот великолепный мир: поросшую лесом гору, крутые берега, сияющую, как небо, реку внизу... Позади раздался сердитый голос отца:

— Вот он где, негодник! Три часа расспрашиваю всех туристов, не видели ли они моего сорванца. А он на обрыве — и поплеывает с высоты в Эльбу. Мне кажется, ты вполне заслужил новую порку, Михель. Как ты к этому отнесешься, хотел бы я знать?

Мальчик показал на реку и сказал:

— Папа, как красиво!

Мужчина присел рядом с мальчиком, помолчал и сказал:

— Да, очень красиво, ты хорошо это увидел, Михель.

Мальчик горячо сказал:

— Когда вырасту, я буду лазать по горам, переплывать реки, проходить сквозь леса... Всю Землю увижу и узнаю!

— Это еще нескоро, Михель. Пока пойдем домой, мама тревожится. Ты не устал? Обними меня за шею, я тебя понесу.

И это изображение погасло. И его тотчас заменило новое. По прекрасному городу Дрездену шагал юноша — невысокий, быстрый, веселый. Сидя в кресле, похожем на трон, Бах понял, что это он сам, но не узнал себя в юноше. Ватута точно сказал: Бах был незнаком себе. Проходя мимо музея Цвингер, юноша напевал песенку. Он торопился, ему надо было в другое место, а не в музей, он отлично знал все, что было в музее. Из картинной галереи вышла девушка — и юноша замер. Он потряс головой, чтобы сбросить наваждение. На него шла святая Инесса с картины Хосе де Риберы, висевшей в галерее. Сколько раз он всматривался в это прекрасное лицо, сколько восхищался удивительными волосами, закрывшими коленапреклоненное тело! Это была она, точно она, его юная святая Инесса — только не нагая, а в нарядном платье, и волосы у нее не лились потоком по всему телу, а двумя струями стекали по спине.

Юноша повернул за девушкой. Он уже не помнил, куда шел. Во всем мире теперь существовала только она одна и было только одно дело — идти и идти за ней.

Девушка обернулась.

— Что вам надо от меня? — спросила она гневно. У нее был звучный голос, низкое контральто.

— Мне нужно смотреть на вас! — Он сам ужаснулся глупости своего ответа.

— Не терплю, когда на меня бессмысленно глазеют! — Она тряхнула волосами и пошла быстрее.

Он тоже прибавил шаг — она побежала. Бежать за ней по улице он не осмелился. Вдалеке пропадал тонкий силуэт незнакомой девушки, так удивительно похожей на юную страдальицу Инессу с картины великого испанца Хосе Марии Риберы.

— Важная информация, — насмешливо прокомментировал картину Ватута. — Неплохо бы посмотреть, во что эта девица потом превратилась.

И словно отвечая Ватуте, на экране показалась та же женщина — уже не юная, а представительная дама со светлой косой, дважды обернутой вокруг головы. Она сидела в первом ряду академической аудитории и слушала лекцию профессора Михаила Петера Баха об открытых им поселениях в Месопотамии, построенных почти шесть тысяч лет назад. Она слушала, а он — впервые в жизни — путался в словах. Он сразу узнал ее, хотя с их единственной случайной встречи прошло почти двадцать лет. Он смотрел на нее, думал о ней и мысленно одергивал себя, чтобы не сбиться. После лекции она собралась уходить, он перехватил ее у двери и глупо спросил — он не придумал вопроса умнее:

— Зачем вы пришли сюда?

Она спокойно ответила:

— Чтобы услышать вашу лекцию, разумеется.

Он все больше волновался.

— Как вас зовут? Я хочу поговорить с вами.

В ее голосе зазвучал металл:

— Мне кажется, я сказала очень ясно: я пришла слушать вашу лекцию, а не беседовать с вами, профессор.

Картина погасла.

— Это все воспоминания с высоким потенциалом сохранения, Властитель, — донеслось до Баха объяснение министра Прогнозов и Ведовства. — Зато сейчас...

Бах сердито прервал Кун Канну:

— Протестую, Ватута! Ваш резонатор чудовищно искажает мою жизнь. Ту женщину я видел всего два раза, не знаю даже ее имени. А в промежутке между этими встречами я влюбился в чудесную девушку Ирмагд Вебер, она стала моей женой, у нас трое детей, я люблю их, я люблю мою Ирмагд — каждый день их вспоминаю! Никакой объективности! Так вы ничего важного в моей жизни не обнаружите.

Пленный министр смиренно возразил, что задал наименьший уровень резонанса. Воспоминания о незнакомой женщине возникли сразу: у них очень высокий, он скажет резче — высочайший потенциал! Для возбуждения памяти о семье нужны импульсы сильнее. Конечно, пришелец может внутренним усилием — собственным резонансным импульсом — быстро возобновить в себе любые семейные картины. Но одно — субъективные желания, другое — объективная реальность. Наверное, пришелец запрещал себе думать о незнакомке, вот ему и казалось, что она выпала из памяти. Объективно же воспоминание о той девушке куда глубже прочих — потому сразу возникло при самом малом резонансе, а семейные не проявились даже силуэтно.

— Дай потенциал помощнее, — приказал Ватута.

Теперь на экране появилось то, что Бах считал своим семейным счастьем: добрая жена Ирмагд, здоровые дети, веселые разговоры и игры, когда он возвращался из поездок. Бах узнавал себя... «Счастливчик Миша Бах», — говорили о нем. Все удавалось: работа, семья, друзья. Но вот память плохо сохраняла картины лучшего в жизни: счастье и удачи не сделали на ней глубоких зарубок. Низкий потенциал сохранения — так это сформулировал пленный дилон, возведенный в сан министра-раба. Всегдашнее и лучшее забывается, мимолетное и неудачное хранится вечно. Для чего он помнит ту женщину? Она пришла на его лекцию — тоже думала о нем, тоже

помнила его. Почему? Какая бессмысленная трата энергии памяти! А если не бессмысленная? Тогда что в ней? Или это сумрачный мост, переброшенный от островка достигнутого через бездну неосуществимого на широкие просторы желанного? А может, только ценой такой траты энергии на воспоминания о неосуществленном и сохраняется вечный призыв к тому, чего нет, — в иной мир, в иные края? Бах припомнил стихи Эмиля Верхарна: он часто в детстве читал про себя эти древние радостные и горькие строки, не понимая, чем они его покоряют. Он снова мысленно повторил их:

Жили-были на свете юный принц и царевна,
Но поток разлучал их, грохочущий гневно,
И моста не бывало — разве тонкая жердь
Где-то там, где с землею сливается твердь.
Но любили друг друга юный принц и царевна
Потому ль, что стремнина угрожала им гневно?
Иль им снилась над бездной повисшая жердь
Где-то там, где с землею сливается твердь?

До Баха донесся резкий голос Ватуты:

— Скучная жизнь. Поищи воспоминаний поярче, Кун Канна.

Покорный голос министра Прогнозов и Ведовства — даже выраженный одними бесстрастными мыслями, он сохранял униженность — ответил:

— Переключаю на самый малый резонанс. Фиксирую яркое воспоминание о какой-то раскопке.

Бах выпрямился в роскошном, но неудобном кресле. Сейчас он увидит со стороны главное дело своей жизни.

5

— Чудовишно! Невероятно! — энергично сказал Бах, вылезая из котлована. — То самое, что не может быть, но есть! У кого имеются соображения?

Группа археологов, окруживших своего руководителя, растерянно молчала. Ни у кого не было соображений, хоть

отдаленно отвечающих парадоксальности находки. Лишь один неуверенно пробормотал:

— По-моему, это женщина. Хорошо сохранившийся труп древней женщины.

— Конечно, женщина — вы правы, коллега! И достаточно древняя — трупу три с половиной миллиарда лет. Здесь нет ни одного камешка, который был бы хоть на крохотную сотню миллионов лет моложе.

Бах широким жестом обвел окрестности. Во все стороны простиралась полярная тундра. Зеленые болотца сменяли покрытые серым ягелем полянки, сверкали сталью озера. Синеватый камень сопки испятнили бурые пятна мхов. Невысокое солнце заливало холодным светом сугробики снега, уплотнившегося во впадинах и на северных склонах. Мир был уныл до боли в сердце.

Тундра потускнела, ее сменила комната, заполненная книгами и фигурками из разных раскопок, — рабочий кабинет Баха в Академии наук. Он с нетерпением смотрел на дверь: кого-то ждал. Дверь открылась, вошли двое мужчин. Бах заторопился навстречу.

Один из вошедших — немолодой, широкоплечий, длинноногий, крупноголовый, с темным лицом, тонущем в могучей волнистой бороде, с такой же могучей копной лохматых волос — шагал неторопливо и мощно, как запущенный на прямой ход диковинный механизм: по всему, он был не из тех, кто уступает дорогу другим, таких почтительно обходят.

А его безбородый спутник — пониже на полголовы, тонкий, светлицый, золотоглазый, тоже длинноволосый, но в ярко-оранжевых кудряшках — спешил за товарищем, поминутно сбиваясь с шага. Они являли собой впечатляющий контраст, эти двое: сумрачный могучий мужчина и его ангелоподобный спутник. И голоса соответствовали внешности: у одного — колокольные гуды, у другого — флейта; один как бы гремел, другой вроде бы пел.

— Миша, дорогой, как видишь, отозвались на зов! — прогудел мужчина. — Только с Латоны — и сразу у тебя!

— Сто лет не виделись! — воскликнул Бах. — Конечно, знал, что откликнешься, но все же нервничал, ибо без тебя... В общем, невозможно без тебя, Анатолий! Такие новости! Садитесь, друзья.

— Знакомьтесь, — сказал мужчина. — Собственно, только ты, Миша, знакомься, тебя не нужно представлять — Михаил Бах всемирно знаменит. Но Аркадий тебе незнаком. Итак, официально: Аркадий Никитин, сперва мой ученик в хронолаборатории, потом мой помощник, блестяще сдал полный курс хронистики — мне сдал, а это, Миша, кое-что значит, — теперь хрононавигатор, хроноштурман «Гермеса», первого трансвременного корабля. Больше о нем ничего не скажу, хотя и мог бы. Говори ты.

— Вы, друзья, наверное, знаете об удивительной скандинавской находке? — начал Бах.

— Только то, что находка удивительна. Не возражаю, если прочтешь нам лекцию о своих изысканиях. Всегда любил твои лекции, Миша.

— Тогда слушайте.

Первыми на место находки явились геологи, рассказывал Бах. В Северной Швеции первозданный каменный щит — древние кристаллические породы Земли — образовался еще на раскаленной поверхности и выстоял, не разрушаясь, до нашего времени. Три с лишком миллиарда лет — таков возраст здешних пород. А когда заложили шурф в глубину, чтобы извлечь пробы минералов, геологи наткнулись в недрах гранитов на следы человеческого захоронения и вызвали археологов. «Я сам поспешил туда», — сказал академик. В граните обнаружили человеческое тело. Это не было захоронением в обычном смысле: останки неразделимо слились с гранитной массой. Тело было — и его не было, оно стало из тела камнем. Можно допустить, что расплавленные первозданные породы, застывая, образовали подобие человека, но в камне нашли все химические элементы, из которых состоят люди, — причем именно в тех сочетаниях, в которых они существуют в каждом из нас. К тому же было видно, что погребенная — женщина.

А вокруг нее, продолжал Бах, обнаружили что-то вроде сгущения растворенных в камне посторонних образований. Их тоже проанализировали. И себе не поверили, когда узнали, что по составу это — искусственные изделия, немислимые в естественных гранитах. В некоторых случаях они почти с абсолютной точностью повторяли сверхпрочные стали, в других соответствовали элементам пластмасс, в третьих копировали составы одежных тканей современного производства. И во всех пробах комбинации элементов свидетельствовали о жароупорном выполнении. Вывод был один: необычайные вещества не были расплавлены в толще гранита, ибо могли сохраниться и при температурах более высоких — ведь гранит плавится при 700–800 градусах. И это значит, что они растворились в камне в результате постепенной диффузии. А на это требовалось чудовищное время.

— Проблема возраста находок превратилась в главную, — все больше воодушевлялся Бах. — И оказалось, что возраст окаменевшего женского тела и вещей, уложенных в могилу, сравним с возрастом замуровавших могилу гранитов. Нет ни одного признака, ни одного показателя, опровергающего такой вывод. До сих пор считалось, что человек появился на Земле около трех миллионов лет назад. Я утверждаю, что уже три миллиарда лет назад человек впервые ступил на поверхность нашей планеты — и это была не полуобезьяна, не питекантроп, а «гомо сапиенс», человек разумный.

— Нет, температура нормальная, — произнес Кнудсен, дотрагиваясь до руки академика. — И глаза не вовсе безумные.

Бах наслаждался произведенным впечатлением.

— Итак, рисуется такая картина, — снова заговорил он. — Примерно три миллиарда лет назад, когда наша Земля была молодой планетой, снедаемой внутренним жаром, изуродованной чирьями тысяч вулканов, где-то на островах раскаленной суши высадилась экспедиция разумных существ, подобных современным людям. Один из членов экс-

педиции, по всему — женщина, скончалась. Ее не увезли с собой, а похоронили на Земле. Она была укутана в жаропрочные ткани, около трупа оставили ненужные изделия из жаропрочных пластмасс. В течение последующих тысячелетий на могилу, погребая захоронение, изливалась лава. А затем потянулись уже не тысячелетия, а миллиарды лет. Застывшая лава кристаллизовалась в граниты, и под страшным давлением наваленных на могилу масс произошла взаимодиффузия костей и камня, искусственных изделий и естественных пород. Вот такую гипотезу я представил на суд Академии наук.

— И каков результат, Миша?

Бах выразительно пожал покатыми плечами.

— Никакого! Никто не принял моей гипотезы. Никто не представил убедительных возражений. Никто не предложил другой идеи, объясняющей парадоксы находки. Проблема остается открытой.

Кнудсен размышлял, поджав губы и наклонив голову, — мощные кудри соскользнули с плеч на грудь. Юный хроноштурман переводил взгляд с одного на другого. Кнудсен сказал:

— Миша, а можно ли утверждать, что твоя скандинавская находка — единственная? Что на Земле не сохранилось никаких следов человека тех далеких миллиардолетий? Не пришельца, а именно человека, нашего земного предка?

— Да, можно! Миллиарды лет Земля не знала людей. Человеку всего около пяти миллионов годков. И он, появившись, был мало похож современных людей. Низкорослый, сутулый, длиннорукий, весь в шерсти, с покатым лбом, с глубоко посаженными глазами, с вытянутыми губами — скорее пастью, чем ртом... В общем, полуживотное — телесно и интеллектуально.

Великое чудо, что эта полуобезьяна так стремительно пробежала все стадии своего физического и интеллектуального совершенствования. Уродливый дикарь превратился в Аполлона и Афродиту. Таков уникальный исторический

бег человека. Ни одно другое существо не смогло так преобразоваться — даже за несравненно бóльшие сроки. Будешь возражать, Анатолий?

— Не буду. Но хочу поразмыслить. Итак, не человек, а инопланетянин открыт тобой в скандинавской тундре. Об инопланетянах твердят уже пять столетий. Следы их ищут повсюду — и пока не находят. А ты нашел! Разрешил мучительную загадку: одни ли мы во Вселенной или не одни? Но разрешил ее, создав такой парадокс, что он, мне кажется, полностью опровергает всю концепцию инопланетной экспедиции.

— В чем парадокс находки, опровергающий ее существование?

— В ее возрасте, Миша. В возрасте! Три миллиарда лет. Да это же черт знает что такое! Вдумайся, Миша! Ведь если ты прав, то уже многие миллиарды лет во Вселенной существует могущественная цивилизация подобных нам существ. Они посещали Землю, посещали, несомненно, и другие планеты. И если эта сверхмогущественная цивилизация людей давно погибла, то не могли же исчезнуть ее следы, не менее впечатляющие, чем окаменелый труп твоей скандинавки. А их нет, Миша. Их нет — ни могущественной цивилизации, ни оставленных ею следов.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно! Я в этом убежден. Конечно, я не могу сказать, что мы изучили всю Вселенную, — это просто невозможно. Но наши корабли, аннигилирующие пространство, углубились в космос на тысячи светолет. Наши астронавты видели миллионы звезд, высаживались на сотнях планет. Мы познакомились с бесчисленными формами жизни. Но нигде не встречали цивилизаций, равных нам технологически и интеллектуально. Вселенная, в общем, однородна. Знаток, чтобы определить качество вина, нацеживает себе один стакан — ему незачем выпивать всю бочку. Можно обоснованно утверждать, что и в дальнем космосе мы не найдем того, чего не нашли в ближнем. Хочу тебя огорчить, Миша: думаю,

что во Вселенной никогда не существовало цивилизации, так удивительно похожей на современное человечество.

По лицу Баха казалось, что возражения Кнудсена не только не огорчают его, но, напротив, радуют. Бах улыбался и одобрительно кивал. Когда Кнудсен закончил, Бах чуть ли не с ликованием воскликнул:

— Именно то, чего я ожидал. Великолепный анализ! Согласен с каждым твоим словом! Ты абсолютно прав.

— Но если я прав, то ты...

— Тоже прав. И сейчас это докажу. Для этого я и попросил вызвать тебя с Латоны. Ты единственный, кто может — и гораздо лучше меня! — доказать мою гипотезу.

— Воля твоя, Михаил...

— Не перебивай! Формулирую. Ни на Земле, ни в космосе не обнаружено и намек на мощную человекоподобную цивилизацию, тем более возникшую миллиарды лет назад. Но открытие в Скандинавии доказывает, что такая цивилизация существовала и ее представители посещали Землю. В общем, было то, чего не могло быть. И нужно решить непростую задачу: как может быть то, чего не может быть? От имени Академии наук поручаю это решение тебе!

— Ты хочешь, чтобы я нашел то, чего не может быть? Не слишком ли много взваливаешь на мои слабые плечи?

— Ровно в меру твоих возможностей. Есть еще один человек, который думает о тебе так же, как я.

— Кто же этот человек, которого ты выставляешь против меня?

— Это ты, Анатолий.

— Ты серьезно?

— Вполне. Ибо ты уже нашел решение проблемы. Правда, пока только гипотетически, а не практически. Но от слов к делу перейти не так уж сложно.

Кнудсен начал сердиться.

— Миша, я не такой любитель парадоксов, как ты. Выпусти свои соображения вторым изданием со списком опечаток.

— Никаких опечаток! Ты говорил, что существа, оставившие тело своего представителя на Земле, не могли быть из нашего космоса. Значит, они были из другой вселенной. Вот ты и нашел решение проблемы.

Кнудсен медленно проговорил:

— Начинаю понимать. Они из миров с иным течением времени?

— Наконец-то на тебя снизошло! Ты стал тугодумом, Анатолий. Еще до того, как ты пустился в иновременность на опытном хронолете «Протей», меня стала мучить проблема иных вселенных: невидимые черные дыры, звезды из антивещества, схлопнувшиеся галактики... А после возвращения «Протея» стало ясно, что вселенные с иным течением времени существуют реально. И во время раскопок в Скандинавии я уже подумывал об этом. Раз человекоподобных могущественных цивилизаций не существует в мирах прямого времени, а они все-таки существуют, поскольку побывали на Земле, то, значит, они пришли из миров, где время течет иначе. Неотразимое рассуждение, не так ли?

Кнудсен усмехнулся:

— Уж не хочешь ли ты послать нас с Аркадием в миры с иным течением времени — на поиски человекоподобных цивилизаций?

— Именно, Анатолий! Академия наук постановила использовать новый хронолет «Гермес» для рейса в иновременные вселенные. Таким образом, проверка моей гипотезы станет одним из пунктов вашей рейсовой программы. Будут и другие, но они вне моих интересов.

— Понятно. Теперь скажи: ты вызвал меня, чтобы получить мое согласие на рейс в иновременность?

Бах вдруг смутился:

— Не только. Хочу просить... Возьми меня в члены экипажа!..

— Да ведь ты не хронавт, Миша.

— Изучу. Сам проэкзаменуешь меня. Поблажки не прошу.

Кнудсен пожал плечами:

— Нужно решение Академии, чтобы включить тебя в экипаж. Конечно, ты его получишь. Что еще скажешь?

— Только о том, что тебе предложат взять еще одного человека. Эту кандидатуру назвал не я, но я горячо поддержал ее, хотя лично кандидата не знаю — только читал работы, знаю о научных успехах.

— Кто же этот кандидат, которого ты не знаешь, но горячо рекомендуешь?

— Мария Вильсон-Ясуко, директор геноструктурной лаборатории на Урании. Она создала такие удивительные искусственные организмы! Выдающийся геноинженер Вильсон-Ясуко, так считают в Академии наук, будет незаменима, когда мы повстречаем новые формы жизни.

По лицу Кнудсена пробежало темное облачко.

— Не уверен, что хотел бы видеть Марию в своем экипаже. Но для удачи рейса это несущественно. В своей области она, конечно, незаменима. Вы с ней уже говорили?

— Мы не могли вести с ней переговоры до твоего согласия.

— И вы уверены, что она бросит создание новых типов животных ради участия в экспедиции, цели которой очень далеки от ее специальности?

— Надеемся, что она посчитается с просьбой Академии наук. Пока важно одно: нет ли у тебя возражений против ее участия?

Кнудсен ответил ровным голосом:

— У меня возражения нет.

Эта картина погасла, и сейчас же вспыхнула другая: Бах и Кнудсен вдвоем шли по улице и разговаривали...

Бах с возмущением сказал Ватуте:

— Повторяю снова: ваш резонатор показывает на экране далеко не самые важные события моей жизни. Против встречи с Кнудсеном и Никитиным не возражаю, она была важна, решалось, быть или не быть хроноэкспедиции в мире искривленного времени. Но ведь происходили события

и не менее важные, а где они? Например, мой доклад Академии наук о скандинавской находке, дискуссии в связи с моей гипотезой, разработка проекта экспедиции, штудирование хронистики, очень сложной науки, — я в математике не силен, а там такая математика! Совещания, заседания, встречи, вызовы, лекции!.. Ничего этого нет и в помине. А взамен вот эта прогулка в музей, которую Кун Канна восстановил на экране. Разговоры о личных взаимоотношениях...

Министр Прогнозов и Ведовства поспешно погасил экран и смиренно протелепатировал:

— При низком уровне резонанса восстанавливаются воспоминания с сильной сохранностью. Но если прикажешь, Властитель, я увеличу потенциал, и тогда оживут события, которые человек считает более важными, но которые сохранились в его памяти гораздо слабей.

— Работай при низком потенциале, — сказал Ватута. — Возобновляй только сильные воспоминания. А почему наш пленник прочнее запоминал пустяки, а не важное — это его личное дело.

Бах больше не протестовал. Он удивлялся себе. Он всегда думал, что хорошо помнит свою личную жизнь. Порой он оглядывал пережитое словно с большой высоты: ровные долины повседневности, высокие пики успехов, темные болота неудач, уходящий за горизонт океан непознанного... Пейзаж, называвшийся «жизнь», был ярок и впечатляющ, его можно было восстановить практически без всяких усилий. Но вот пленный министр возобновляет жизнь Михаила Баха, фиксируя только сильные воспоминания, — и он плохо узнает себя. Он тот же и не тот — пропала гармония событий. Пейзаж стал другим: долины и реки затянуло туманом, над ним вздымаются отдельные пики, между ними нет связи, нет переходов — картина дикая и неожиданная...

На экране Бах и Кнудсен шли по улице города.

— Заседание в Академии прошло удачно, — говорил Бах. — Все важное утвердили, против состава экипажа не возражали.

- Опасался, что тебя отведут?
- Сомнения были. А ты за своего Никитина не опасался?
- Почему я должен за него опасаться?
- Не должен, а мог бы. Уж очень вы непохожи!
- В чем ты увидел непохожесть?
- Ну, не я один... Во-первых, внешность. Ты — огромен,

хмур, лохмат, грозен; в общем — зверь из бездны, так называл похожих на тебя один старый писатель. Он — ангелоподобен, кудряв, румян, нежен, женообразен до неприличия. Скажешь, внешность несущественна? Оставим внешность, присмотримся к сути. Ты — любимый ученик создателя хронистики, продолжатель гениального Чарльза Гриценко, его преемник, создатель «Протея», первого трансмирового корабля, главный конструктор трансвременного «Гермеса». Короче — сотни выдающихся научных работ, десятки первоклассных изобретений. Вот он — ты! Прославленный Анатолий Паоло Кнудсен! А он? Ни одной работой о себе не заявил — ни в теории, ни в эксперименте. Ну, участвовал в одной экспедиции — и что? Нет, не подумай, что отговариваю брать его. Твое решение — закон! Но почему он? Сотни напрашивались тебе в помощники, в стажеры, в лаборанты. Ты выбрал его.

Кнудсен добродушно посмеивался.

— На простой вопрос — почему? — ответить очень не просто. Начну издалека. Я прилетел на Уранию много лет назад, уже взрослым человеком. За моими плечами были экспедиции в космос. Мне было под сорок — поздновато для начала, но уж так сложилось. Чарльз Гриценко только приступал к основным хроноэкспериментам. Да и кто тогда разбирался в хронистике? Пожимали плечами, говорили неопределенно: «Да, новая наука, много, много в ней загадочного». А я мечтал о ней. И вот вошел в его лабораторию, остановился на пороге — перехватило дыхание! А Чарльз взглянул на меня, улыбнулся и сказал: «Наконец-то вы пришли! Давайте направление, стажер!» Так он открыл меня. Это незабываемо, Миша.

— Отличная лирико-психологическая сценка. Гриценко любил поражать. Но какое это имеет отношение к Аркадию Никитину?

— Прямое, Миша. Их было десятка два, кандидатов в первую хроноэкспедицию, — каждый предъявлял труды, инженерные или теоретические, каждый мог похвалиться успешной стажировкой. Аркадий бледнел на их ярком фоне. И он знал, что его физическая красота — недостаток, а не достоинство, с красотой обычно связывают легкомыслие и самолюбование. И собственная молодость угнетала его, она свидетельствовала об отсутствии опыта. А я взглянул на него и понял: единственный, кто нужен! И отвергнутые мне нравились, но Аркадий не просто понравился — покорила. Так когда-то Чарльз выбрал меня среди многих стажеров лаборатории, так теперь я выбрал Никитина. Гриценко не пришлось раскаиваться в своем выборе, я пока тоже не разочаровываюсь. Я сразу понял, что ангелоподобность Аркадия мало отвечает его характеру. Он решителен и крут, настойчив и вспыльчив, чертовски требователен — не правда ли, это плохо вяжется с кудряшками и румяными щечками? Посмотрел бы ты на него во время монтажа «Протея». Своими придирами он доводил кого до слез, кого до ярости, кого до ухода. Лишь на ходовых испытаниях выяснилось, что не было придинок, было обоснованное требование совершенства, без этого еще не виданный корабль не сумел бы уйти в еще не слуханный рейс.

— Буду рад, если он такой, как ты описываешь. Но раз уж мы заговорили о личных отношениях, то разреши задать еще один вопрос.

— Задавай.

— Ты сказал при встрече, что не слишком хочешь видеть Марию Вильсон-Ясуко в составе экипажа. Почему, Анатолий? Такой геноконструктор, такой знаток всех форм земной и неземной жизни... Тебе неприятен этот вопрос?

— Задумался, что отвечать. Отвечу в Музее Космоса.

— Он сегодня закрыт.

— Не для меня. Ты забыл, что до того, как я стал хрононавигатором, я имел звание астронавта первого класса — оно открывает двери всех залов музея. Но мы с тобой пойдем не в главные помещения, а на окраину музейного городка, в домик планет, уже потерявших интерес для звездопроходцев.

Они свернули на боковую улицу, подошли к группе зданий, обнесенных оградой. Над входом светилась надпись: «Музей Космоса». Кнудсен углубился в улочку между двумя высокими корпусами, остановился перед двухэтажным домом, вынул металлическую карточку астронавта, вложил ее в щель автоматического контроля, и дверь открылась. Кнудсен прошел два первых зала. Над входом в третий была надпись: «Созвездие Лиры. Звезда № 6. Планета Гефест».

— Смотри внимательнее, Миша, — сказал Кнудсен. — Это важно.

Бах смотрел во все глаза — и не видел ничего важного. Гефест, небольшая планетка, был в струпьях гор, в пламенных опухолях вулканов — его затягивали дым и пар, сотрясали взрывы. На одной серии стереоснимков массивная гора отрывалась от тела планеты и уносилась вверх, там рассыпалась на миллионы раскаленных обломков — и огненный дождь иссекал поверхность. Местечко было жуткое, но страшных планет в космосе и без Гефеста хватало.

— Прежде всего, интересна лава, — сказал Кнудсен. — Она слабо радиоактивна. Воды на Гефесте немного, но в лужицах найдены живые клетки, не организмы, но все же... Все здесь благоприятствовало возникновению жизни — теплота, влажность и радиоактивность. Ты помнишь, конечно, геохимика Владимира Вернадского, он ближе к твоей профессии, чем к моей. Вернадский, я читал, относил слабую радиоактивность к синтезаторам жизни, а радиоактивность сильную — к ее губителям. Гефест открыли два века назад, но что это такое горнило непрерывно возникающей и непрерывно гибнущей жизни, узнали недавно. Пятнадцать лет назад сюда послали экспедицию в составе вулканолога Хидаки Ясуко, его сына Алексея и руководителя, которого

пока не назову. Хидаки было сорок лет, Алексею — шестнадцать, руководителю тридцать семь. Хидаки был мужем Марии Вильсон, Алексей — ее сыном. Во время одного из вулканических выбросов Хидаки и его сын погибли, руководитель даже ранения не получил. Он видел, как мальчика взметнуло вверх огненным факелом. И мальчик кричал, все кричал из пламени! Что до отца, то он сразу провалился в кратер. Расследование показало, что огнеупорные костюмы вулканологов были недостаточно надежны — их конструкцию пришлось перерабатывать.

Бах в негодовании воскликнул:

— Как потом руководитель экспедиции мог смотреть в глаза жене Ясуко?

Кнудсен спокойно сказал:

— Ты прав, он не мог смотреть ей в глаза. Он был так страшно, так непросто виноват перед ней!

Бах вдруг сообразил, зачем Кнудсен привел его в музей.

— Руководителем экспедиции был ты?

Кнудсен продолжал:

— Я должен кое-что добавить к обстоятельствам трагедии. Руководитель был с детства дружен с Марией, а в юношеские годы дружба превратилась в любовь. Односторонне превратилась, только у него. Мария и слышать не хотела о других отношениях, кроме дружеских. А затем появился Хидаки Ясуко — обаятельный человек, умница, талант. Женщины в него влюблялись, мужчины считали радостью общение с ним. Это была удивительная пара — Мария и Хидаки! Семнадцать лет они прожили вместе — и каждый день был днем внимания и любви.

— Руководителем экспедиции был ты? — повторил Бах.

— Руководителем был я, Миша. Так захотели в Совете Космоса — я считался хорошим астронавтом и геофизиком. Я обрадовался назначению, после долгих лет отдаления от Марии мне хотелось хотя бы служебно приблизиться к ее семье. Прежней любви уже не было, ничто не могло помешать нашей дружбе.

— Мария верила, что ты преодолел прежнюю любовь к ней?

— У нее не было оснований думать, что я лгу. Перед нашим отлетом на Гефест она сказала: «Анатолий, я вручаю судьбу моего сына и моего мужа в надежные руки».

— Что ты сделал после возвращения с Гефеста?

— Что я мог сделать? Она уже знала о трагедии. Следственная комиссия установила, что моей вины в катастрофе нет — неожиданный взрыв вулкана произошел в неактивном месте Гефеста, приборы прогнозировали здесь длительное спокойствие.

— У тебя был разговор с Марией после возвращения на Землю?

— Я ее не видел. Она улетала на Латону, оттуда на Уранию: ей предложили заменить Глесстона — директора геоструктурной лаборатории, тот ставил слишком жестокие эксперименты. В общем, никаких объяснений в связи с трагедией на Гефесте у нас не было.

— Но ведь ты сам вскоре прилетел на Уранию. Ты не мог не встретиться с Марией. Надо было объяснить ей свою невиновность!

— Выводы комиссии она читала. Повторять их своими словами? И я не сразу полетел на Уранию, я больше года провел на Земле. Геофизика мне опротивела. Об экспедициях на планеты, охваченные вулканическим жаром, я и думать не мог. На Землю прилетел Чарльз Гриценко. Он читал лекции о своих экспериментах с фазовым временем в атомных процессах. Ты его знал — он истинный златоуст! И я понял: надо проситься в ученики к творцу науки о трансформациях физического времени. И улетел к нему. Чарльз, как и ты, Миша, был любителем поэзии. Когда я завершил стажировку, он приветствовал мое превращение из геофизика в хрониста прекрасными словами древнего поэта:

...Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новые тайны,
Глубокие, пленительные тайны,

Не бросил ли я все, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним,
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?

— Так ты очутился на Урании?

— Так я очутился на Урании. Не знаю, что думала Мария о моем появлении у Гриценко, но встретиться со мной она не пожелала. Мы иногда виделись в столовой, на учебных советах... Пятнадцать лет прошло с катастрофы на Гефесте, пятнадцать лет мы живем с Марией на одной планете, но не помню случая, чтобы мы перекинулись больше чем двумя-тремя равнодушными словами: «Здравствуй, Мария!» — «Добрый день, Анатолий!»

— Она относится к тебе так враждебно?

— Враждебности нет. Она безразлична ко мне. Она смотрит не на, а сквозь меня. Ей нужно усилие, чтобы меня заметить.

— Может, она и с другими ведет себя так же?

— С другими она другая. Она строга, но приветлива. Я один обладаю грустной привилегией не существовать для нее.

— Анатолий, зачем ты привел меня в этот зал? Печальную историю о Гефесте я мог услышать и в другом месте.

— Не мог. Я не сказал тебе, что приборы, фиксировавшие уголок Гефеста, я установил на вершине одного из холмов. Сейчас ты сам увидишь катастрофу. Пойдем в демонстрационную.

В демонстрационной Кнудсен включил экран. На нем вспыхнул пейзаж Гефеста. Планета гудела и погромыживала, огнеточила из кратеров, похожих на открытые раны. Две фигуры карабкались на холм, помогая себе присасывающимися жезлами, на спинах висело походное снаряжение.

— Хидаки и Алексей, — бесстрастно сказал Кнудсен. — Меня не видно, я заполнял дневник рядом с регистрационными приборами.

Ничто не предупреждало о возможности катастрофы. Вдруг почва разверзлась, и вверх рванулся исполинский столб багрового пламени. Хидаки пропал сразу, а юношу взметнуло. Секунду его темная фигурка поднималась в диком выбросе извержения, потом тело стало факелом, и огненный факел был ярче возносившегося потока газа и камней. Из него вынесся протяжный, пронзительный вопль: «А-а-а!» — и иссяк, а тело, ставшее огнем, распалось на куски, и куски на лету обращались в пар и дым.

Кнудсен выключил экран. Бах в ужасе смотрел на друга. Кнудсен был смертельно бледен.

— Этот крик будет вечно звучать в моих ушах! — воскликнул Бах.

— Этот крик вечно звучит во мне! — глухо сказал Кнудсен. — Выйдем. Я должен показать тебе еще одну картину.

Кнудсен повел Баха к другому стенду. На нем висели две стереографии. С одной глядели трое — высокий, широкоплечий, тогда безбородый, коротковолосый Кнудсен, Хидаки Ясуко, мужчина пониже и постарше, с умными, улыбочивыми глазами, а между ними юноша — красивый, радостно смеющийся. На второй стереографии к трем мужчинам добавилась Мария Вильсон. Высокая, статная, серьезная, она обнимала левой рукой мужа, правой Кнудсена; сбоку к Кнудсену доверчиво прижимался Алексей, и Кнудсен, словно охраняя мальчика, обхватывал его плечи рукой.

— Послушай, но ведь Алексей удивительно похож на Аркадия, — сказал Бах. — Если бы я не знал, что это разные люди, я бы подумал, что вижу портрет Аркадия, только помоложе.

Кнудсен кивнул:

— Ты правильно разглядел — очень похожи. Сходство странное, у них нет кровного родства. Вот еще одна причина, почему я заколебался приглашать ли Марию в экспедицию. Она еще не видела Аркадия...

— Ну что ж — увидит, удивится и расстроится, наверное, но примирится с тем, что Аркадий так похож на ее сына!

Столько лет прошло — любые душевные раны за этот срок затягиваются.

— У нее не затянулись. И потом — я думал, что она не примет приглашения на «Гермес», чтобы не видеть меня.

Они вышли из музея и зашагали по улице. Бах сказал:

— Знаешь, я уже видел Марию, не просто видел, а долго рассматривал. Даже любовался ею.

— Ты же никогда не бывал ни на Латоне, ни на Урании, а Мария с той катастрофы не прилетала на Землю.

— Верно! Я не мог ее видеть, а все-таки видел. И знаешь где? В музее.

— В том, где мы были? В Музее Космоса?

— Нет, в музее живописи. Во всех городах я посещаю художественные собрания. В столичном музее меня числят за всегдатаем. Там я часто стоял перед одной картиной старого русского художника Врубеля. «Валькирия» — так она называется. Ты знаешь, кто такие валькирии? Девы-воительницы северных саг — полубогини-полуженщины, на полях сражений летают на крылатых лошадях, оказывают помощь раненым. Не то боевые помощницы, не то прототип позднейшей сестры милосердия. Врубель изобразил величественную женщину — одной рукой она держит уздечку коня. Удивительное лицо, удивительная фигура. Так вот, Мария Вильсон-Ясуко похожа на ту валькирию. Правда, на стереографии Мария помоложе и покрасивее врубелевской девы.

— Очень возможно, — рассеянно отозвался Кнудсен; он думал о чем-то своем.

6

Министр Прогнозов и Ведовства, дилон Кун Кана сделал перерыв в материализации воспоминаний Баха. Ватута зевнул человеческим зевком: широко распахнул рот, долго вбирал воздух, долго выдыхал его, даже — тоже по-человечески — чуть-чуть подвыл, выдыхая.

— Странный народ — люди, — сказал он после зевка. — Самые сильные воспоминания у вас не о делах, которые вы считаете главными в жизни, а о том, что чувствуете, о чем думаете, как общаетесь. Беспреданное выяснение отношений. Если, конечно, все люди — как ты.

— Все люди, в общем, как я, — заверил Бах. — Мы существа общественные, взаимные контакты для нас очень важны.

— Ты сказал, что ты ученый-археолог и что вся жизнь твоя — служение науке. По воспоминаниям, которые прочней всего, такой вывод не сделаешь.

— Дай потенциал посильнее, тогда увидишь, чем была заполнена моя жизнь. Память капризна...

— Много еще воспоминаний на малом резонансе ты прогнозируешь? — спросил Ватута министра.

Тот сверился с аппаратурой.

— Две-три картинка, Властитель.

— Две-три картинка вытерплю.

На экране появилась небольшая комнатка: стол, три кресла, диван. На диване сидели Кнудсен и Аркадий. Бах у окна любовался пейзажем.

— Замечательная планетка эта Латона, — сказал Бах. — Идеальное место для отдыха и научных экспериментов, которые нельзя проводить поблизости от Земли. Но для чего обустроили Уранию — та ведь хуже?

— Хуже для отдыха, лучше для работы, — возразил Кнудсен. — Если бы заводы и лаборатории Урании были размещены на Латоне, ты не говорил бы, что Латона — идеальное место для отдыха. На Урании сосредоточены предприятия, которые опасно размещать в окрестностях Земли.

— В том числе и твоя хронолаборатория? А чем она опасна?

— Ничем, пока исследования идут нормально.

— Опасно только то, что ненормально... Так?

— Не так, Миша. На Урании однажды произошел взрыв двух миллионов тонн сгущенной воды. Случись он на Латоне, добрая треть планеты лежала бы в развалинах. Урания защищена путаницей гор — пострадали лишь несколько

зданий. И если хронотрансформаторы на Урании выйдут из строя... Конечно, и там радости не будет, но соседи уцелеют — горы вокруг Института Гриценко послужат щитом от катаклизмов времени. Камню безразличны скачки в тысячу лет назад или вперед, а люди не выдерживают больших хроноперебросов. Между прочим, еще в мое стажерство один из хронистов лаборатории погиб от разрыва в организме внутреннего времени. Гриценко тогда очень усилил защиту, не столько нашу собственную, сколько соседей — от нас.

— Почему ты посматриваешь на дверь, Анатолий?

— Мария должна была быть уже десять минут назад.

— Женщины не отличаются пунктуальностью, разве ты этого не знаешь?

— Только не Мария. Она женщина, но точнее тебя.

— Может, ты перестал ее понимать? Ты думал, что она откажется от экспедиции, а она сразу согласилась.

В комнату вошла женщина. Она остановилась на пороге, оглядела троих мужчин. На ее лице возникло удивление, когда она увидела Аркадия. Бах и Кнудсен обменялись быстрыми взглядами. Если женщину что и поразило, то справилась она быстро.

— Здравствуйте, друзья! — Она обратилась к Баху: — Знаменитый Бах, автор открытия, которое скоро бросит всех нас в океан иновременности? Столько раз видела твои стереопортреты, что узнала бы при встрече на улице. А юноша — Аркадий Никитин? О тебе я ничего не знаю, но рада видеть. — Только теперь она повернулась к молчаливому Кнудсену, на лице ее высветилась улыбка. — Ты не меняешься, Анатолий. Такой же могучий, серьезный, лохматый. Говорят, что ты скопировал внешность с Зевса, но, думаю, твоим прототипом был его отец, бог времени Хронос, — он тебе больше походит, и по своей узкой божественной специальности в том числе.

Кнудсен ответил без улыбки:

— Учту, Мария, наше сходство с Хроносом. Непременно раздобуду его изображение. Жалко, что древние греки не

удосужились фотографировать своих богов. Большое упущение, по-моему.

Мария Вильсон-Ясуко опустилась в кресло. Высокая, широкоплечая, худая, с нервным и резким лицом, — одевшись в мужское, она могла сойти за мужчину, лишь красные губы на бледном лице да очень женские глаза выдали бы ее. Голос у нее был звучный и сильный.

— Ты, наверно, сердился, что я опаздываю, Анатолий, — сказала она, все так же дружески улыбаясь. — Помню, ты выходил из себя, если кто-нибудь задерживался на минуту. Не сомневаюсь, что ты сохранил вызывающую привычку быть педантично точным.

— Просто точным, Мария, без вызова.

— Так вот — ради точности... Хочу предупредить, друзья, что в нашей встрече примет участие мой друг и помощник. Он явится точно в двадцать один час. У него есть хорошее имя, внесенное в паспорт астронавта, но он охотно откликается на дружеское прозвище Асмодей. Я бы хотела взять Асмодея в нашу хроноэкспедицию. Он будет полезен и вам, а я просто не представляю себя без него.

Бах и Аркадий посмотрели на Кнудсена. Кнудсен нахмурился.

— Ты ставишь предварительное условие своего участия?

— Нет. Если не возьмешь моего друга, я от экспедиции не откажусь. И можешь дать ответ после того, как посмотришь на Асмодея. Уверена, что он вам всем понравится. Теперь задавайте вопросы.

— Пока один. Давая согласие на участие в экспедиции, ты, естественно, ознакомилась с ее задачами?

— В самых общих чертах, Анатолий. Знаю о находке в Скандинавии и о гипотезе, что высокоразвитые антропиды посещали Землю уже три миллиарда лет назад. И о том, что в нашей Вселенной не обнаружено и следов такой цивилизации. И что вы надумали искать ее во вселенной с иным течением времени. И что для этого снаряжен хронолет «Гермес», в члены экипажа которого пригласили и меня. Эти-

ми скудными сведениями и ограничивается мое знание программы хронорейса.

— Но ведь это самое существенное! — воскликнул Бах. — Что-либо добавить не берусь.

— Ты не берешься, другие возьмутся, — сказал Кнудсен. — Не знаю, будет ли добавка верна, но что существенна — ручаюсь.

— Надумали менять программу рейса? — удивился Бах.

— Не я, а наш общий друг Никитин, — и Кнудсен с улыбкой показал на покрасневшего Аркадия.

— Лучше в другой раз, я не подготовился, — попросил Аркадий.

— Рассказывай как придет в голову. А чтобы помочь тебе, я изложу вкратце твою концепцию — доказательства представишь сам. Так вот, друзья, Аркадий считает, что наша основная цель — отыскать в иных мирах человекообразную цивилизацию, представители которой миллиарды лет назад посетили Землю, — в принципе своем ошибочна, ибо такая цивилизация невозможна и потому не существует. Я правильно излагаю, Аркадий?

— Правильно. Но это...

— Понимаю. Только вступление к идее, а не сама идея. А вот и идея. Человек — не естественное создание природы, а искусственная конструкция, продукт какого-то эксперимента. Поэтому надо искать не другую антропоидную цивилизацию, а того экспериментатора, который пустил человека в биологическое существование... Но где гарантии, что он конструировал людей по своему образу и подобию? Тот неизвестный конструктор разрабатывал не только человека, но и все биологические формы. Какая — его подобие? Амеба, рыба, бык, обезьяна?

— Новый вариант Высшего Разума? Чепуха! — воскликнул Бах.

Аркадий, вспыхнув, с обидой сказал:

— Не мешало бы раньше выслушать мои аргументы, а потом говорить, чепуха или не чепуха.

— Для чего? Идея, что человек — искусственник, отнюдь не нова. Почти во всех религиях людей создают субъекты, именуемые богами, то есть существа со сверхъестественной мощью и волшебной способностью не считаться с законами природы. Правда, говорится не о конструировании, термин более туманный — творение. Но уже в библейской легенде о сотворении первой женщины утверждается, что тело Евы нарастили на ребре, вынутом из тела Адама. Иначе говоря, предлагается ясный метод конструирования с применением исходного материала — ребра. Твоя концепция об искусственном производстве биосуществ основана, случаем, не на религиозных сказаниях?

— Религиозные сказания мне и в голову не приходили. Я слишком мало знаю историю религий. Я исхожу из научных данных.

— В частности, из работ твоей геноструктурной лаборатории, — обратился Кнудсен к Марии. — Когда пришло твое согласие на участие в хронорейсе, Аркадий проштудировал все, что опубликовано тобой и твоими сотрудниками.

Мария ласково посмотрела на Аркадия. Ее доброжелательная улыбка воодушевила его.

Воинственный Бах спросил с вежливостью, которой одаривал только тех противников, которые заслуживали не опровержения, а уничтожения:

— Какой же из блестящих экспериментов нашего друга Марии Вильсон-Ясуко породил в тебе, друг мой Аркадий, идею о Высшем Разуме? Или лучше говорить о Высшем Существе, а не о Высшем Разуме?

— Можешь говорить как заблагорассудится: термины Высший Разум и Высшее Существо принадлежат не мне, а тебе, — сдержанно возразил Аркадий. — Я бы сказал иначе: высококвалифицированный геноинженер. И докажу, что этот термин соответствует реальности.

— Подождем Асмодея, он появится через десять секунд, — сказала Мария. — Ему тоже полезно ознакомиться с темой спора.

Асмодей уже открывал дверь, когда Мария заканчивала фразу. Он на мгновение задержался на пороге: высокий мужчина лет тридцати пяти, стройный, жилистый, крупноголовый, с худым, быстро меняющимся лицом — сейчас оно приветливо улыбалось. И он был наряднее всех присутствующих (кроме Марии) — та же одежда сидела на нем изящнее.

— Общий привет, друзья! — Асмодей поклонился. У него был высокий веселый басок с металлическим звоном. — Я не опоздал?

— Не опоздал! — Мария показала на кресло рядом с собой. — Садись и слушай. Нам предстоит познакомиться с интересными идеями. — Она кивнула Аркадию. — Итак, мы слушаем.

Аркадий начал с того, что еще недавно и не думал о происхождении человека. Изготовление аппаратов для навигации в разных потоках мирового времени представлялось ему операцией куда более сложной, чем сотворение людей. Ибо производство хроноштурманских механизмов совершалось впервые в человеческой истории, чего нельзя сказать о создании человека. Знакомство с геноструктурными исследованиями открыло ему новый мир. Нет, он и раньше знал, что биоэкспериментаторы способны переконструировать маленькую ящерицу в огромного дракона, наделить двурогого барана лесом рогов, вырастить у коровы крылья. Он не слишком удивился бы, если бы к нему привели говорящего козла и тот скромно попросил просветить его в интегральном исчислении. В принципе он спокойно приемлет любую новизну: раз искусственная конструкция практически осуществима, она уже не искусственна, а естественна. Его удивило не новаторство, а, наоборот, консерватизм биоконструкторов.

— Консерватизм! — не удержался Бах.

Кнудсен тихо радовался, что помощнику удалось поразить академика. Мария слушала со спокойным любопытством. Бах сверкал глазами: его тянуло в схватку.

— Да, консерватизм, — продолжал Аркадий. — Какая бездна неизменного, давно отработанного сохраняется в каждой новой конструкции! Только потому и удается переконструировать животных. Основные жизненные отправления у всех одни и те же. И тогда я задумался о человеке. И понял, что человек — биологический автомат. Все основные жизненные процессы в организме человека совершаются сами собой, не требуют осознания и осмысления. Люди автоматически дышат, переваривают пищу, засыпают и просыпаются, рождаются и умирают, автоматически вырастают из зародыша в ребенка, из ребенка во взрослого, автоматически приобретают способность создавать потомство. И сознание, и воля могут лишь крохотно замедлить или ускорить эти процессы, но бессильны взять их под свой контроль. Еще ни один человек не отменил неизбежности старения и смерти, хотя многие этого хотели. Просто приказать своему желудку не выделять соки для пищеварения — человек не способен даже к такому пустячному воздействию на свои жизненные процессы.

— Автоматизм жизненных функций свойствен и животным, — заметил Бах.

— Да, и животным! Им даже больше: человек способен осознать, что он автомат, а животные лишены такого самопостижения. Вот этот автоматизм и лежит в основе конструирования новых форм. Геноинженер меняет у подопытных существ один автоматический процесс на другой, такой же автоматический. Модификация генонабора — и вот на голове барана частокол рогов, а на боках коровы крылья. И ни сам геноконструктор, ни тем более баран с коровой уже не способны остановить развитие абсолютно ненужных им отростков. Создание новых пород животных становится проще творения новых механизмов.

— Хлестко, хлестко! — сказал Бах, и не понять было, осуждает он Аркадия или одобряет.

— Но если возможно переконструировать живые организмы, то неизбежна мысль: а не искусственно ли они соз-

даны? Конечно, курица возникает из яйца, а дуб из желудя; живую курицу не собрать из ее анатомических частей. Но самый-самый первый цыпленок — не участвовал ли в его создании чей-то расчет? Завтра можно будет ввести в питательный раствор определенный набор генов и потом увидеть, как из бассейна тяжело карабкается наружу лохматый бычок. А через сто лет? А через тысячу? Никто не сможет запретить такие эксперименты! И я подумал: а вот если бы творцом геноструктур был я, как бы я сам решал проблему создания жизни? И тогда вся история жизни на Земле предстала в форме исполинского эксперимента. Традицией стало описывать великую эволюцию как постепенное движение от первичной клетки в питательном бульоне древнего океана до высших организмов, включая человека. Но можно рассматривать эволюцию как стадии методического эксперимента. Я, хроноштурман Аркадий Никитин, став жизнеконструктором, начал бы с создания живой клетки — и Земля начинала с творения триллионы раз нарождавшихся и погибавших клеток. Если бы этот первый опыт удался, я перешел бы ко второй стадии: наделил клетку генным аппаратом, заставляющим ее соединяться с другими в определенном соподчинении — создал модель организма. Разве не так шла эволюция? Следующий этап: наделить коллектив клеток специальными функциями — инстинктом, чувствами, зачатком рассудка. Кстати, именно на этой стадии возникает соблазн определить, какие организмы наиболее жизнестойки. Но ведь и биологическая эволюция не удержалась от такой любознательности, создавая — одновременно с вирусами — китов и динозавров, слонов и птиц, мхи и деревья. Следующая ступень: сформировать популяции — стаи, стада, сообщества. Экспериментально проверить типы жизни, немыслимые вне коллектива, сделать индивидуальное существование функцией коллективного бытия. Существенное усложнение, не правда ли? И последнее — создать разум. Для этой цели и сконструирован человек. Он — завершение эксперимента, во всяком случае — на современ-

ном этапе. Вас не удивляет, что все биологические функции и у животных, и у людей существуют в достаточно узких пределах, не сильно отличаясь от средних величин, — скажем, максимум десятикратно? Не пробежать в десять раз быстрее обычного шага, не съесть вдесятеро больше нормы, не прожить в десять раз дольше среднего бытия. Все живое спроектировано с большой экономией жизненного потенциала. И только одна жизненная функция и только у человека дана воистину безгранично — разум. Только разуму вы не положите десятикратного верхнего предела. Ни в еде, ни в ходьбе, ни в физической силе, ни в росте мы и двукратно не превзошли нашего предка питекантропа. А в разуме? Тысячекратно! И продолжаем наращивать наш интеллектуальный потенциал!

Аркадий чувствовал себя победителем. Бах сказал с одобрением:

— Отличная речь, Аркадий. Весьма горячая, весьма! Но ты не ответил на главный вопрос. Раз обнаружены искусственные конструкции, да еще в таком количестве, то должен существовать и искусник конструктор. Мы не возвращаемся к идее бога, но все же творец, разработавший безграничный, как ты утверждаешь, потенциал человеческого разума, должен сам обладать разумом не меньше нашего, а пожалуй, больше. Где же он, этот Высший Разум? Как его найти? Как вступить с ним в контакт?

— Предлагаю такую гипотезу. Вообразим человечество, ушедшее на тысячу лет вперед. И пусть на новой Урании новая Мария Вильсон геноконструирует организмы. Она, наверное, будет не просто менять их — она станет создавать нечто новое, неслыханное, необыкновенное. Какому-нибудь дикарю, нашему предку, та грядущая Мария покажется творящим божеством — ее инженерное умение он расценит как божественное.

— Божественность как инженерное умение! Неплохо! Но как связать все эти твои рассуждения со скандинавской находкой?

— Вижу две возможности. Либо сами представители Высшего инженерного Разума посетили молодую Землю, но потеряли здесь одного из своих. Либо — особенно если они сами не человекообразны — начали оснащение Земли всеми биоконструкциями, включая и человека, но потерпели фиаско, ибо еще не было условий для высших организмов.

— То есть, иначе говоря, Высшему Разуму не хватило разумного понимания обстановки? Но послушай, Аркадий: даже если эксперимент жизни осознан, а не стихийен, почему его не может произвести сама природа? Напомню тебе об одном старом философе, Фридрихе Энгельсе. Он писал, что природа одарена внутренней потребностью познавать себя. Создание мыслящего человека — один из способов ее самопознания. Но человечество появилось и может исчезнуть, а потребность самопознания в природе остается, поскольку остается сама природа. И вот Энгельс утверждал, что с той же неизбежностью, с какой природа в какое-то время в каком-то месте уничтожает свое высшее создание — мыслящий разум, она возродит его в другом месте и, возможно, в другой форме.

— Но ведь это не противоречит моей гипотезе! — воскликнул Аркадий. — Вижу подтверждение, а не опровержение.

Кнудсен обратился к Марии, весело смотревшей то на одного, то на другого, но не проронившей ни одного слова:

— Спор интересен, не правда ли? Твое мнение?

Она ответила:

— Мне понравилась дискуссия. Благодарю тебя, Аркадий, за доброе упоминание работ моей геноструктурной лаборатории.

Он спросил с вызовом:

— Тебе понравился только хороший отзыв о геноструктурщиках?

— Не только.

— Что же еще?

— Многое. И что тебя с академиком одолевают не совсем стандартные идеи. И что оба вы захвачены силой своих до-

казательств. Мне приятно, что буду работать с людьми, умеющими мыслить и увлекаться.

— Это значит, Мария, что ты согласна с моей гипотезой?

Она ответила спокойно:

— Нет, конечно.

Он удивленно сказал:

— Не понимаю! Так блестяще использовать разумное начало в трансформировании животных — и отрицать разумность жизни!

— Не разумность, а только то, что в ее создании и эволюции участвовал некий Высший Разум.

— По-твоему, Высшего Разума нет?

— Ты меня не так понял. Я хочу сказать другое: если твой гипотетический Высший Разум и существует, то он неразумен. Если он надумал конструировать жизнь, то такая попытка ему не удалась.

Бах в восторге воскликнул:

— Черт возьми! Я думал, что спор закончен, а он снова начинается — и по-другому! Друзья мои, спорьте, спорьте! Я весь обратился в слух, как выражались в старину.

— Попытка не удалась? — переспросил Аркадий. — Как же не удалась, если жизнь реально существует?

— Существует, но без предварительного инженерного расчета. Ты ведь не будешь отрицать, что расчет есть основа разумного решения. Я не нахожу его в эволюции. Жизнь не несет на себе печати разумности. Если живые существа — искусственные конструкции, то генеральный конструктор — посредственность. Слово «искусственное» происходит от слова «искусство», не так ли? Твой Высший Разум не искусен, если живой организм — его творение.

— И это можно доказать?

— Уверена, что смогу это сделать.

Аркадий в замешательстве посмотрел на Кнудсена. Тот вмешаться в дискуссию не захотел. Бах, ухмыляясь, наслаждался стычкой. Изящный Асмодей словно в рот воды на-

брал. Мария сидела невозмутимая, легкая улыбка смягчала серьезность ее лица.

— Я слушаю, — сказал Аркадий.

Все, знакомившиеся с земными организмами, отмечали в них целесообразность строения и функций, говорила Мария. Но что содержится в этой прославленной целесообразности? Только то, что организмы существуют не погибая. Возможно, нарождались и миллионы тварей, меньше отвечающих целям своего существования, — такие погибали быстро. Целесообразность — набор того минимума приспособлений и умений, без которого не прожить самому, не породить потомства. Но где же здесь разум?

Разум проявился бы и здесь, если бы в строении и функциях организма были найдены оптимальные решения. Ибо разумное творчество изобретает лучшие варианты. Но такого стремления к совершенству в природе и в помине нет. Она немедленно удовлетворяется, едва найдет первое, самое примитивное решение, она конструирует тяп-ляп, лишь бы пустить свое создание в мир. Поиск узких щелей существования — такова творческая работа природы. Она создает организмы для жизни в границах десяти-сорока градусов тепла. Попробуй брось их в нулевую температуру, в стоградусную жару! Сконструированы легкие — и всю жизнь непрерывно дыши, остановишься на несколько минут — погиб! А рабская прикованность к еде? Вечная трагедия безостановочного поиска пищи? А разве нельзя найти решение, при котором пища создается в самом организме либо откладывается в длительный запас, чтобы высвободить физические силы и мозг для иных дел? Таких недоделок и скороспелостей в труде природы — тысячи! Даже обычный мыслящий разум не может примириться с ними — а ты еще говоришь о каком-то Высшем! Некогда поэт Владимир Маяковский требовал жить «не на подножном корму, не с мордой, опущенной вниз». Это было требование истинного разума, возмущенного слепой неряшливостью природы.

— Но ведь та великая целесообразность... — попробовал вставить слово Аркадий.

Мария оборвала его властным жестом. Она спорила иначе, чем Бах. Тот наслаждался нанизыванием аргументов, мог восхититься искусством противника доказывать идеи, с которыми он не соглашался. Для этой женщины, так похожей на древнюю полубогиню-воительницу, красота слов и стройность фраз значения не имела, у нее был один божок — истинность. Спор с Бахом закончился вничью — и это устроило обоих: они предоставили решение грядущему опыту. Здесь решение вырисовывалось ясно — и оно опрокидывало концепции Аркадия.

Она продолжала:

— Вот что такое целесообразность природы! Она казалась оптимальной, пока человек не проверил ее собственным экспериментальным искусством. Разработка новых геноструктур утвердила тебя, Аркадий, в мысли, что в животворчестве природы есть разумное начало, а должна была убедить в обратном: миллиардолетнее творение жизни на Земле — это только игра слепых сил. Ведь в своей геноструктурной работе мы стремимся прежде всего избежать недоработок природы, мы поправляем ее, выискиваем оптимальные решения. И только теперь, только с высоты наших успехов, только на фоне нашей геноструктурной работы мы начали доказательно понимать, как далеко от разумного поиска шла природа. Метод проб и ошибок, выхватывание удачного случая — вот ее труд.

Аркадий попытался еще возразить:

— Но автоматизм жизненных функций — разве он не свидетельство искусственного конструирования?

Широким движением руки Мария словно отогнала подлетевшую пушинку. Нет, тысячекратно — нет! Автоматизм — продукт слепой эволюции, а не творение разума. Мыслящий творец все же добавил бы сознания и воли в жизненные функции. Для этого ему нужно бы построить их в оптимальном варианте — природа таких вариантов не

нашла или, скажем так, до них не дошла. В этих условиях только автоматизм может обеспечить жизнеспособность организма. Дай сознанию и воле, обычным атрибутам разума, командовать всеми функциями, разыграется такая дикая вакханалия, что в ней погибнет сама жизнь.

— Итак, Мария, ты отрицаешь разум в жизнетворчестве?

— Сомневаюсь в нем. Я сегодня могу конструировать организмы, которые совершеннее природных. И мне для этого не требуются миллионы лет. А ведь я не представитель Высшего Разума, а только человек.

Аркадий не удержался от упрека:

— Хотел бы я посмотреть, как геноструктурщики превзошли природу. У тебя тоже гипотезы — насчет надежности, резервов, лучших решений...

— Не только гипотезы! — Она повернулась к Асмодею. — Продемонстрируй себя, друг.

Асмодей вскочил, снял пиджак, бросил его в кресло, туда же полетела рубашка, обнажив волосатую грудь. Нарочито медленным движением руки Асмодей провел от горла до живота — и грудь распахнулась. В ее глубине раскрылось переплетение проводов и механизмов.

— Объясняй! — приказала Мария.

— Прежде всего — питание, — заговорил Асмодей. — Если я в человеческом облике, как сейчас, то могу и питаться как человек: еда утилизируется в желудке. Но основная жизненная энергия — от ядерных аккумуляторов, отличные аппараты последней модели! Их хватает на два года, это время могу прожить без пищи. Вместо легких — пластины, адсорбирующие кислород. Без воздуха могу прожить восемь месяцев, передам часть своего кислорода задыхающемуся человеку. Обычное дыхание тоже есть, но идет лишь на пополнение запасов. Конструкторы ввели в меня генератор крови и насосик типа сердца. При драке могу истечь кровью, но не погибну, только обману противника. Запускаю кровогенератор и для того, чтобы снабдить кровью челове-

ка. Что до мозга, то это компьютер. Он работает от желудка... в смысле — от ядерных аккумуляторов. Конструкция моя — комбинация органических тканей и искусственных приспособлений. Типичный облик — человек. Но способен модифицироваться — всего двадцать моделей. Имею набор человеческих чувств, кроме шестого — любви к существу другого пола, ибо сам внеполой. Способен на дружбу и преданность. Имею дар гипноза, генерирую электромагнитные и гравитационные поля. Могу стрельнуть взглядом, как пулей. Список моих умений и возможностей описан в паспорте «Кибернетический организм на живых тканях и механизмах», к которому вас отсылаю. Все. Одеваюсь.

Асмодей захлопнул грудь, надел рубашку и пиджак. Конструкторы не лишили его и такого человеческого чувства, как самолюбование. Он завершил объяснение гулким, не совсем человеческим смехом.

Бах с восхищением сказал:

— Мария, поздравляю! Какое инженерное умение, какое изящество проекта! Конечно, это не тот киборг или кибер, которых так размусливали древние фантасты. В Асмодее превалирует искусственное, а не естественное начало: электроника, ядерные реакции, полупроводники, генераторы различных полей. Однако, дорогой друг, твой ответ Аркадию не совсем корректен.

— Ты тоже считаешь, что в творениях природы виден Высший Разум? — с удивлением спросила Мария. — Но ведь ты доказывал другое.

— Я не доказывал ничего другого, я только проверял прочность аргументов нашего молодого друга. Опровергала их ты — и лично меня убедила. Но разве этот восхитительный молодец, этот очаровательный парень с сатанинским именем Асмодей, — разве он может быть доказательным аргументом? Ты обвинила Аркадия в софистике, но сама же софистически противопоставила живому организму внежизненную модель. Именно внежизненную, а не безжизненную! И если в лабораторной модели найдены самые

оптимальные решения, то это еще не порочит долгий труд природы.

Приунывший было Аркадий воспрянул духом.

— И не доказывает, что в природе нет разума, — продолжал Бах. — Твои геноконструкторы талантливы, но почему считать глупцами всех остальных? Доверим решение спора нашему хронопоходу.

Мария засмеялась.

— Доверим, доверим!.. Теперь скажите, друзья, принимаете Асмодея?

— Принимаем, — сказал Кнудсен.

— Принимаем, — эхом отозвались Бах и Аркадий.

— Как видите, мои предварительные условия необременительны, — весело продолжала Мария. — Надеюсь, вы не будете возражать против еще одного. И я, и наш теперь общий друг Асмодей беремся выполнять любые обязанности. Но у меня есть свои интересы. Хочу брать генопробы всех форм инновременной жизни. И если познакомимся с представителями Высшего Разума, — она лукаво поглядела на покрасневшего Аркадия, — то постараюсь разжиться и его генофондом. А на Урании разберемся, разумность какого разума выше: Высшего или обычного человеческого, в чем я заранее уверена.

Аркадий молча пожал плечами.

7

— Хватит! — Ватута снова по-человечески, с подвыванием, зевнул. — Скучные вы, люди. Все разговариваете, разговариваете...

— Не только разговариваем, — возразил Бах. — Еще построили трансмировой корабль «Гермес», прилетели на Дилону.

— На Рангуну, — поправил Властитель. — Но в твоих воспоминаниях больше разговоров, чем дела.

— Ты просто не все перевел на экран. А если я лучше запомнил наши споры, чем наши великие дела, то это значит, что наши мысли шире и глубже, а великие дела — обыденность.

Властитель опять зевнул. Другие Бессмертные последовали его примеру — зевота вдруг стала всеобщей. Отзевавшись, Ватута сообщил:

— Люди как дилоны — те тоже обожают думать. Все смертные размышляют. Мы Бессмертные, нам незачем это делать. Мне нравится тот парень — Асмодей. Он сейчас мчится на самодельном автолете в разнотык времен. Если уцелеет в хроновороте, его перехватят мои хавроны. Я сделаю его главным министром. Твою судьбу, человек, решим позже. Кагула, обеспечить охрану пленника.

Ватута встал. Бессмертные задвигались. Ватута пошел к выходу, за ним потянулись рангуны. Бессмертный № 29 позвал троих хавронов.

— Хаврон. Бедла, — преданно сказал первый и встал во фронт.

— Хаврон. Кадла, — почтительно сказал второй и тоже вытянулся.

— Хаврон. Рудла! — восторженно выплюнул третий и от усердия стал выше на целую голову.

— Слушайте меня, Бедла, Кадла и Рудла, слушайте меня, — Кагула говорил на человеческом языке — очевидно, чтобы пленник знал его распоряжения. И Бах с уважением отметил, что Кагула говорит много лучше, чем при встрече за городом, даже скрипы в голосе почти не слышались — так быстро он перенял произношение и интонации, когда ожили на экране воспоминания Баха. — Будете охранять пришельца по имени Академик, по возрасту — археолог, по рангу — Бах.

Бах хотел было поправить рангуна — тот все же путал смысл хорошо выговариваемых слов, но удержался.

— Ваши три головы отвечают за его одну, ваши головы... Понятно?

— Понятно, Бессмертный! — одинаково лихо отрапортовали хавроны.

Кагула, удаляясь, дружески помахал Баху рукой — наверное, и этот жест он заимствовал из воспоминаний.

Бах расположился в кресле, похожем на древний трон, и не без внутренней усмешки подумал, что спать на нем древние властители не умели — только красовались, а он найдет этому предмету царственной мебелировки новое применение. Но, бросив взгляд на Кун Канну, Бах выпрямился. Министр Прогнозов и Ведовства, весь сеанс воспоминаний смиренно просидевший за пультом, теперь, преображенный, стоял лицом к хавронам — важный, хмурый, на груди его сияла изумрудная звезда — видимо, знак министерского сана. Он мысленно заговорил со стражей, телепатируя Баху свои слова:

— Видите, кто я?

Министр показал когтистой десятипалой лапой на сановный знак.

— Вам ясно мое значение?

Трое хавронов склонили головы, что-то ответили. Кун Канна продолжал — даже визг, сопровождавший, как у всех дилонов, его мысли, был властным:

— Мне нужно провести тайный допрос пленника. Выйдите и охраняйте дверь. Никого не пускать, кроме Бессмертных. Идите!

Было ясно, что приказ министра Прогнозов и Ведовства показался охране странным. Трое хавронов переглянулись. Визг министра зазвучал еще повелительнее — он повторил приказ.

Бедла повернулся к Баху, с колебанием произнес:

— Хаврон. Бедла.

И первый пошел к двери — так медленно, словно его толкали в спину и только потому он двигался.

— Хаврон. Кадла, — покорно сказал второй и последовал за Бедлой.

— Хаврон. Рудла, — угодливо воскликнул третий и поспешил за товарищами.

Кун Канна сделал знак, во всех мирах имеющий одно значение: «Молчи!» — и неслышно подобрался к двери. Там он постоял, потом вернулся и во все четыре ряда зубов улыбнулся Баху. Бах показал на дверь.

— Что там происходит?

— Телепатня, — непринужденно ответил пленный министр.

— Телепатня?

— Ну, болтовня, говорильня, трепотня — так на вашем языке? Я боялся, что они поднимут тревогу. Но они не осмелились нарушить покой Бессмертных. И убеждают один другого, что, вероятно, допрос раскроет большие тайны, раз я не разрешил им присутствовать. Впрочем, в данном случае они не ошиблись, иновременник.

— Так меня называл погибший Рина Ронна, твой земляк, — грустно сказал Бах.

— Я видел его в твоих последних воспоминаниях, которые не подал на экран, когда ты говорил с презренным Ватутой.

— Ты сказал?.. Я не ослышался?

— Ты правильно услышал. Презренный Ватута, Верховный Злодей Рангунии. Впрочем, он гордится своим мерзким прозвищем. Ватута собирается тебя казнить.

— Кагула говорил, что меня обрекут на казнь, если коллегия Бессмертных захочет этого.

— Бессмертные захотят всего, чего захочет Ватута.

— А зачем Ватуте казнить меня?

— Незачем.

— Но если незачем...

— Пришелец, ты рассуждаешь слишком по-человечески. У вас для всего должны быть причины. Нет причины для действия — нет и действия — вот ваше понимание.

— Сколько знаю, у дилонов понимание такое же.

— Нет, иное. Чтобы проверить силу причины, мы противопоставляем ей первопричину. И только если причина выдержит опровержение, мы ее принимаем.

— Знаю, вы пытаетесь опровергать даже законы природы.

— И опровергаем! Вы мыслите точно, мы мыслим широко, рангуны не мыслят вообще. У них страсть к действию, а не к пониманию. И они не любят обоснованных поступков. Любая обоснованность кажется им принуждением. Для них беспричинные действия — единственно приятные.

— Ватута говорил, что ему хочется делать бесполезное, а не полезное. А я доказал, что моя казнь ему будет полезна и потому он не должен меня казнить.

— Я слышал твой ответ. Ты нашел отличный способ избежать смерти, я порадовался за тебя. Но обстановка переменилась. Я составил прогноз его поведения. Он нехороший. Вы, люди, к чему-то стремитесь, вам всегда чего-то не хватает, вы ставите себе цели, вы меняете все вокруг ради их достижения. Это опасно. Вы можете внести полезную цель в бессмысленное бессмертие рангунов. Это смертный приговор тебе.

— Какая странная логика в их бессмертии!

— Бессмертие и логика несовместимы. Бессмертие алогично. Завтра тебе предстоит доказать, что информация из твоих воспоминаний абсолютно бесполезна рангунам. Но тебя опровергнут. Твой план защиты развалится, как дом на песке.

— Кто меня опровергнет? Ты сам говоришь, что логикой рангуны не владеют.

— Опровержение Ватута поручит мне, — сумрачно сказал дилон. — Я докажу, что в твоих воспоминаниях много полезного для Бессмертных.

— Значит, выхода нет? — Бах побледнел. В разговоре с Кагулой и Ватутой угроза казни казалась чуть ли не шуткой, он не мог воспринять ее серьезно: игра слов, причуды обращения. Мрачное предсказание министра Прогнозов и Ведовства рисовало иную перспективу.

— Выход есть. Он опасен, но не больше, чем грозящая тебе смерть. И если удастся — это будет реальное спасение. Хотя тебе многое придется пережить, прежде чем вырвешься на свободу.

— Смерть — единственное, чего я не переживу, — невесело пошутил Бах. — Все остальное — трудности. С трудностями справлюсь. В чем выход?

— Защищайся оружием, а не словами.

— У меня нет оружия, Кун Канна.

— Я даю его тебе.

Пленный министр Прогнозов и Ведовства извлек из кармана приборчик, похожий на пистолет. Бах с удивлением смотрел на дилона. Кун Канна стал выше ростом, смирение сменилось уверенностью, визг, сопровождавший мысли, стал громче и резче — но еще поразительней был его взгляд. Из глубоко посаженных темных глаз лился красный свет — воодушевление и ярость. «Пылают», — сказал себе Бах.

— Бери, бери! — требовал Кун Канна, всовывая в руку Баха оружие. — Этот резонатор безотказен. Рангуны бессмертны, ибо их жизнь точно совпала с фазами двух светил. Но они разрушаемы. Удар извне для каждого может стать гибельным. Убей Ватуту!

— Ты уверен, что это гарантирует мне жизнь и свободу?

— Гарантии не дам, но возможность есть. Ватута испугается, когда увидит резонатор. А если ты убьешь его, перепугаются все Бессмертные.

Бах долго смотрел на возбужденного дилона.

— Кун Канна, почему ты стараешься мне помочь? Ведь это опасно и для тебя: Бессмертные узнают, кто дал мне оружие...

— Не узнают, если не скажешь. Я пленный. У пленных резонаторов быть не может.

— Ты его украл?

— Я его изготовил. В их пустые головы не придет, что я могу это сделать. Они решат, что ты украл оружие у хавронов.

— Ты не ответил, Кун Канна, почему помогаешь мне.

— Ненавижу рангунов, разве не ясно? — Визг в голосе дилона стал еще резче и громче. — Посмотри на меня, пришелец. Неужели тебя не удивило, что министр Властителя

такой униженный, такой покорный, такой угодливый? Разве ваши министры тоже так жалки?

— Твой внешний облик и твой ранг плохо вяжутся...

— Вот-вот, не вяжутся! Оскорбление и издевательство! Мой высокий ранг — это моя голова, мои знания, мое достижение событий. Рангуны кичатся, что их бессмертие ни в чем не испытывает нужды. Но я им нужен — за это они ненавидят меня. На пленнике легко выместить ненависть!

— Значит, это они предписывают тебе быть покорным и угодливым?

— Я сам предписал себе быть таким. Иным я бы не выжил. Уже не один дилон попадал к ним в плен — где они? Не хочу увеличивать список погибших.

— У тебя нет надежды на освобождение, Кун Канна?

— Какая надежда? Уж кого-кого, а меня Ватута не выпустит. Он знает: среди своих я значил побольше, чем министр у рангунов! В моем нынешнем жалком облике ты не разглядишь того, кем я был в своей стране, — сперва самого выдающегося из Различников, потом самого глубокого из Стирателей. Я получил чин Отца Стирателя Различий, когда по возрасту еще во Внуки не годился. Великий Гуннар Гунна объявил, что передаст мне звание Старейшины Старейшин, вот каким я был! Подлые хавроны похитили меня сразу после его заявления. Ватута знал, что на таком посту я не потерпел бы их вечных нападений. Он презирает пользу, но опасается вреда — помни об этом!

— Никакой надежды на освобождение!..

— Никакой! Вечный пленник.

— Тяжело тебе жить, Кун Канна!

— Зато у меня есть одно животворящее чувство, одна одушевляющая мысль. Ненавижу рангунов! Ненавижу их бессмысленное бессмертие! Ненавижу их никчемную жизнь! Ненавижу за отсутствие целей, желаний, просто мыслей, наконец! И особо — за то, что они заставили меня причинять зло моей стране. Сколько бед я принес дилонам... Сколько несчастий и бед!

Он помолчал, взволнованный. Помолчал и Бах, потом спросил:

— Ты считаешь всех рангунов глупцами?

— О нет! Они не глупцы. Но их ум — пустота! Мозг ничего не пытается постичь. Воля не стремится к свершениям. Страсть не требует удовлетворения. Да и нет у них страсти — ни к чему, ни к кому! Какое пустое существование... Какая чудовищная кража бытия у тех, кому так не хватает жизни!

Бах сказал задумчиво:

— У людей слово и дело, чувство и поступок неразделимы. А у вас? Почему при такой ненависти к рангунам ты верно им служишь? Разве ты не мог бы сам воспользоваться резонатором? У тебя, ты сказал, нет надежды, но есть ненависть. Но если ненависть не порождает поступков, она бессильна. Твоя живая ненависть столь же пуста, как неживое бессмертие рангунов.

Министр Прогнозов и Ведовства опустил голову. Его визг стал надрывным.

— Иновременник, я боюсь хавронов. Я никогда не подниму руку на моих мучителей. Я боюсь!

8

Кун Канна ушел, и тотчас вошли трое стражей. Они стояли у двери — высокие, лохматые, молчаливые. Бах обошел помещение, присмотрелся к красочным камням на пьедесталах, приблизился к хавронам — они не шевелились, только не спускали с него глаз. Бах нерадостно засмеялся: ему вдруг показалось, что он пытается вырваться наружу. Что они сейчас скажут? В нормальном мире беглецам грозят: убью, разорву на куски, не смей убежать! А эти, хватая шерстистыми лапами, Наверное, вежливо отрекомендуются: «Бедла! Кадла! Рудла!» Вышколили лакеев.

Соблазн проверить вежливость охраны был велик, но Бах не стал искушать судьбу. Погрузившись в похожее на трон

кресло, он задумался. Оружие у него теперь есть, это хорошо, но зачем ему оружие? Уничтожать других, чтобы вызволить себя, — нет, это не метод! Разве для того они впятером пустились в иные миры, чтобы размахивать оружием? Познавать, а не завоевывать — вот их задача. Они ученые, а не конкистадоры. Миссия познания не отменяется, даже если наталкивается на вооруженный отпор. Но и умирать не хотелось.

И Бах стал думать: далека ли их цель? Продвинулись ли они к ней? Что важного узнали? Сколько информации добыли? Негусто, с грустью подумал Бах. Углубились в миры с другим течением времени, услышали о хронобоях и хроноворотах — астрофизики обрадуются, им будет интересно. Познакомились с сообществом дилонов — странных мыслителей, радующихся мысли просто как мысли, а не как способу достичь практических результатов. С каким воодушевлением несчастный Рина Ронна доказывал, что познание состоит из двух стадий: сперва открыть закон природы, потом опровергнуть его. Размышление о природе, а не овладение ею — в эту сторону направлена глубокая мысль дилонов. Переплетение противоборствующих рассуждений, ожесточенные бури на интеллектуальном мелководье — где Высший Разум, открытие которого запрограммировано в рейсовом задании хронолета «Гермес»? А ведь дилоны считают себя его воплощениями! Интеллектуальное самокопание — вот их Высший Разум! Мозг грызет сам себя, он самоедствует. Какое жалкое зрелище!

Но, может быть, дилонов превзошли их вечные враги рангуны? Черта с два, а то — и с три! Один важный признак высших существ у рангунов, правда, есть — биологическое бессмертие. Но какое бессмысленное и уродливое! И оно не полное, оно одностороннее. Рангуны не умирают по внутренней потребности организма, или, скажем так, по внутренней необходимости. Их тело так же разрушаемо, как и любое другое, но только под действием внешних сил — смерть грозит им извне. Стало быть, они, получив

бессмертие, внесмертия не обрели. Они не только просто смертны, как мы, они смертны хуже нас, смертны трагично — вот формула их бессмертия. Нет, ведь только вдуматься! Для смертного смерть — это неизбежность самой жизни. Ее можно отдалить, но нельзя отменить. А для бессмертного рангуна она — чудовищная случайность, роковая неудача. Нет, как же они должны страшиться смерти, эти Бессмертные! «И не этим ли объясняется бессмысленность их жизни? — думал Бах. — Они превозносят одно бесполезное: никакой пользы нам не нужно — надменно провозглашает Ватута. Я было подумал: словоблудие, глупое хвастовство. Нет, Ватута прав: полезное им не только не нужно, оно опасно. Ибо что такое польза? Приобретение того, чего нет, но что необходимо. Польза, которая не нужна, — не польза. Но если что-то необходимо — значит, чего-то не хватает, значит, нет полноты существования. А неполнота требует восполнения — выхода за первичное бытие. Но всякий выход из границ окостеневшего бессмертия грозит случайностями, а случайности опасны бессмертию. Внесмертия нет, любое углубление во «вне» опасно — а что новое не лежит во «вне»?»

А желание действия — величайшее свойство живого — остается. И у бессмертного, освобожденного от «подножного корма, от морды, опущенной вниз», это желание стократно усилено. Так возникает энергичное переливание из пустого в порожнее — недаром эта хлесткая формулировка так восхитила Ватуту. Строить — чтобы тут же разрушать; разрушать — чтобы тут же строить. Воевать с дилонами, ни в коей мере не стремясь к победе, ибо победа создает новую ситуацию, а новизна опасна. И войну не прекращать, ибо война — деятельность, а без деятельности не пробессмертствовать все бытие. Война без желания победить, бесполезная война — как раз то, что нужно! Ах черт, опять парадокс — нужно то, что не нужно. Не выбраться из железного круга понятий и дел, очерченных великим настоящим: надо!

— Что же делать? — вслух спросил себя Бах. — Каким волшебным доказательством пронять их души, чтобы не убили мое тело?

Трое сторожей, услышав голос Баха, направились к нему. Он понял, что сейчас они будут кланяться и отрекомендовываться.

— Кыш! Я вас не звал! — Бах с досадой замахал на них.

Сообразив, что они не нужны, хавроны, пятась, вернулись к двери. Но церемонии избежать не удалось.

— Хаврон. Бедла, — доверительно сообщил один, низко кланяясь.

— Хаврон. Рудла, — радушно добавил второй и склонился еще ниже.

— Хаврон. Кадла, — угодливо проговорил третий и, опустив голову в поклоне, не поднял ее, пока не уперся спиной в запертую дверь.

Баху явилась новая мысль — и показалась спасительной. Он не будет беседовать с рангунами на языке физических понятий и социальных категорий. Строй их жизни не изменить, психологию не переделать. Он поговорит с Ватутой на языке морали, самом общепонятном языке всех народов Вселенной. Не может же быть, чтобы рангунам были вовсе чужды концепции добра и зла!

9

Баха разбудил веселый призыв Бессмертного № 29.

— Археолог по имени Академик, по званию — Бах, по ученой степени — человек, вставай, нас ждут. Ужасно вы, Бахи и человеки, медлительны. Рангуны не переносят медлительных, не переносят...

Кагула так забавно путал имена и звания, что Бах не удержался от смеха, хотя ситуация не веселила. В зале, кроме Баха, Кагулы и трех хавронов, истово вытянувшихся у двери, никого не было. Радостный Кагула объяснил, что все

уже в Главной пещере, только их двоих не хватает, чтобы приступить к восхитительной операции приговора. Он так и сказал: «восхитительной операции». Бах сердито заметил, что для приговоров, какие бы они ни были, люди применяют совсем иные оценки, чем восхищение, и вообще — чем собирается восхищаться Кагула? Бессмертный № 29 сперва вытарасил шарообразные глаза, потом, подумав, сказал:

— Разве тебя не восхищает, что услышишь великого Ва-туту?

— Послушаю, что он скажет, тогда решу — стоит ли восхищаться.

В третий раз Бах шел по улице, оглушаемый грохотом и удушаемый пылью. Теперь он заметил известный порядок в лихорадочной деятельности рангунов. Дома строились и разрушались по системе: справа строились, слева разрушались. На правой стороне не было той пыли, что неслась слева, зато грохота у строителей было больше, чем у разрушителей. Бах сказал об этом Кагуле, тот с уважением посмотрел на археолога.

— Ты нашел наше слабое место. Ломают быстрее, чем строят. Строители не успевают вовремя сдать свои здания на разрушение, у разрушителей — частые простои, у разрушителей... Боремся за ритмичную работу, но разрушители постоянно опережают. Как по-твоему, это не оттого, что в разрушители стремятся лучшие работники?

— Именно поэтому. У людей раньше говорили: ломать — не строить, душа не болит. И вообще — дурное дело не хитрое. К вам подходит.

После хорошо освещенного зала и улицы, залитой сиянием двух светил, пещера, как и в прошлый раз, показалась сумрачной. В дальнем углу возвышались два самосветящихся валуна. На одном стоял Кун Канна, обвив себя в полный обхват гибкими руками, на другой возвели Баха. Стоять было неудобно: камень был покатым и скользкий — Бах потоптался и сел, свесив ноги вниз. «В ногах правды нет», — хладнокровно объяснил он Бессмертному № 29. Тот

беспомощно оглянулся на Ватуту, сидевшего перед валуном. Ватута махнул рукой — добродушный жест, видимо, означал: ладно, пусть сидит. Кагула мигом успокоился и встал рядом с камнем. Позади выстроилась охрана пленника — Бедла, Кадла и Рудла.

Пещера мерно гудела от перешептываний Бессмертных — каждый звук усиливался, отражаясь от стен. Ватута милостиво изрек — громкий голос гулко разнесся по подземелью:

— Пришелец! Доказывай, что жизнь, изображенная в твоих воспоминаниях, абсолютно бесполезна для рангунов и что общение с людьми не принесет нам ни пользы, ни вреда.

Бах сразу отметил, что Ватута говорит не только о пользе, но и о вреде. Раньше он требовал одной бесполезности, теперь добавил и безвредность. Новые условия хронавта не расстроили — скорее порадовали. Бесполезность общения с людьми все же трудней доказывать, чем то, что от них не будет вреда. И Бах перечислил цели хронавтов: узнать законы природы в мирах с иным течением физического времени, познакомиться с народами иномиров, познакомить их с собой; добраться до разумной сверхцивилизации (есть некоторые надежды, что и такая существует где-то во Вселенной) — с ней бы хорошо завязать дружбу. Вот, собственно, и все. Какая от этого может быть польза рангунам? Да никакая! А какой вред? Тоже никакой!

— Кун Канна, — сказал Ватута. — Ты когда-то был нашим злым врагом, а не верным помощником, как теперь, и в те позорные времена своей свободы считался у дилонов великим Конструктором Различий и — одновременно — крупнейшим Опровергателем. Докажи, что твоя прежняя слава верна. Опровергни пришельца!

Бах с надеждой посмотрел на Кун Канну. Неужели и вправду министр Прогнозов и Ведовства, так страстно убеждавший его защищать свою жизнь, рискнувший дать ему оружие, будет его губить? Дилоны не умеют лгать, но ведь

можно и не лгать, только кое-что пропустить, что-нибудь затушевать, что-то, наоборот, акцентировать. «Человеческая, слишком человеческая, — уныло подумал Бах об этой своей надежде, — а ведь дилоны не люди».

И Кун Канна еще не начал своего опровержения, как Бах понял, что пощады ему не ждаты. Дилон нервно шевелил чересчур подвижными руками, сжимал и расжимал все двадцать пальцев, дергался, бил хвостом по гладкому валуну. Его охватил азарт опровержения, он восхищался убедительностью своих мыслей. Он забыл о Бахе, он видел сомнительные утверждения — и вдохновенно уничтожал их.

— Как нет пользы от того, что мы встретились с пришельцем из иных миров? Огромная польза, бесспорная польза! Мы думали, что время всегда раздвоено, что два его течения всегда под углом одно к другому, как времена наших Гарун. Но вот оказывается, что существует и однонаправленное время; и в том времени нет ни хронобоев, ни хроноворотов, ни рассинхронизации, ни попеременного постарения и омоложения, а оно всегда идет вперед, только вперед — от прошлого к будущему. Такое однонаправленное время можно ввести и у себя — дилоны поразмышляют и найдут средства, рангуны сделают. Польза очевидна!

— Тогда потеряете бессмертие, — сказал Бах. Ватута кивнул головой, он услышал. И Бах понял, что его реплика опрометчива, — он хотел показать бесполезность однонаправленного времени, а доказал его вред: в нем циклического бессмертия не сохранить.

Кун Канна продолжал вывязывать убийственные возражения — одно за другим. Сколько бесценных идей можно получить от настоящего Высшего Разума, если он существует. Дилоны всегда считали себя его воплощением, но это не тот разум, которого ждут пришельцы. У того Разума, наряду с всепроницательностью, есть еще и всемогущество. Дилоны одарены озарением и провидением, но всемогущества у них нет. Именно поэтому сам он, знаменитый Кун Канна,

попал в позорный плен... Он хотел, конечно, сказать: в почетный плен! Нет, какая польза, какая великая польза будет от знакомства со всемогущим Высшим Разумом — особенно если удастся перенять хоть чуточку его всемогущества...

И Кун Канна с воодушевлением протелепатировал:

— Я закончил, Властитель!

Ватута наморщил лоб, сжал губы. В пещере установилась густая тишина. Ватута заговорил:

— Итак, пришелец, тебе не удалось доказать безвредность и бесполезность твоего прилета. Установлено, что общение с людьми способно принести рангунам одновременно и пользу, и вред. Ты уяснил, чем это тебе грозит?

— Уверен, что твое решение будет милостивым.

— Самым милостивым, пришелец. Предоставлю тебе самому выбрать способ своей казни. Наиболее простой — распад тела под действием резонатора. Быстро, но мучительно, и казнь тебе не по рангу — так мы справляемся с провинившимися хавронами, в этой смерти нет почета. Гораздо возвышеннее замуравывание с похоронами.

— Замуравывание с похоронами? — Бах не мог отделаться от чувства, что видит плохой сон, — хотелось разобраться в жутковатых подробностях сновидения.

— Да, замуравывание с последующими похоронами. Отличная казнь, только для особо чтимых. Тебя сперва закладывают в строящееся здание, возводят на твоём теле стены и даже колонны — это уже высшее отличие, но ты можешь просить и о нём, мы не откажем тебе в красивой колонне. Оконченное здание быстро разбивают, тело извлекают и с почетом хоронят. Все Бессмертные при похоронах говорят хорошие речи о прекрасном казненном. Но, может, тебе хочется ещё большего отличия? Есть и такое. Казнь, которую совершают не рабочие и не воины, а одни Бессмертные. Тебя приводят в тот зал, где мы любовались твоими воспоминаниями, каждый Бессмертный берет с пьедестала один из священных камней, говорит в твою честь похвальную речь и бьёт тебя камнем. Обычно пятидесяти уда-

ров хватает. Бессмертных около ста, так что не тревожься: смерть обеспечена. Какую ты выбираешь форму преодоления жизни?

— Никакую! Считаю смерть абсолютно излишней.

— В принципе — правильно, — одобрил Ватута. — Мы тоже не признаем смерти. Но мы Бессмертные. А ты? Разве тебе даровано бессмертие?

— Послушай меня, Ватута, и вы, Бессмертные, — с волнением сказал Бах. — Во всех мирах, где мы побывали, все разумные существа различают категории добра и зла. И если они воистину разумны, они защищают добро против зла.

— Добро и зло? — спросил Ватута. — Никогда не слышал! Расскажи подробнее, что такое добро и что такое зло.

Меньше всего Бах предполагал, что способен объяснить кому-нибудь природу добра и зла. Он всю жизнь пребывал в уверенности, что эти категории понятны каждому без объяснений и обоснований. Но Ватута не издевался, а спрашивал серьезно. Бах сокрушенно подумал, что университетский профессор философии накидал бы ему много обидных слов о расплывчатости формулировок. И, утешив себя мыслью, что сейчас нужна не точность тысячекратно проверенных определений, а самое грубое толкование, он с отчаянной решимостью бросился в омут этических оценок.

Он начал с того, что добро и зло — одновременно и самые общие категории жизни, ибо вбирают в себя все ее неудачи и успехи, и самые конкретные, ибо сопровождают любого со дня его рождения до дня смерти. И всю историю человечества эти два понятия противостоят друг другу. Но побеждает добро, оно главная двигательная сила истории. Когда человек жил одной собственной семьей, добрым было все, что шло на ее укрепление, а злым — то, что мешало ее благополучию. Это были самые примитивные формы этих общих категорий. А когда люди объединились в роды, племена, в общество, добро стало шире и благороднее, а зло коварнее и опаснее. Главной целью добра стала охрана благополучия и совершенствование человеческих обществ, а зло, наобо-

рот, превратилось в силу, им вредящую. И добро для себя уступило место более высокому понятию — добра для всех. Взаимная дружба и уважение, взаимная поддержка — вот простые выражения общего добра. Не делай другому того, чего не хочешь для себя! Но шло время, и наступила эпоха еще более высокого обобщения. Человек понял, что живет среди других существ — на Земле и в других мирах, что он — часть природы. И злом стало все, что вредит и человечеству, и иным формам жизни, и благополучию самого мироздания. Человек стал другом всего живого и разумного, он не ищет себе добра в том, чтобы причинить кому-то зло. И если вы, рангуны, явитесь когда-нибудь на наши планеты, вы будете там дорогими гостями, а не пленниками. И никто вам не причинит зла, ибо это означало бы отступить от великих принципов добра. И я уверен, что во имя высочайших требований морали вы и мне не причините губительного зла.

Ватуга задумался. Баху показалось, что он убедил Властителя.

Ватуга сказал:

— Я понял тебя, человек: добро у вас — это то, что приносит пользу, а от зла ждут вреда. Техника безопасности — вот ваше добро и зло. Но зачем это нам? Никакая польза не продлит нашего бесконечного существования. Для вашей короткой жизни добро важно, оно удлиняет жизнь, делает ее прочней. Но ваша мораль не для нас. Мы не знаем ни добра, ни зла. Все эти выдуманнные смертными понятия годятся лишь для них самих. Ты меня не убедил. Скажи теперь, какой способ смерти тебе приятней?

— Они все омерзительны! — с отвращением воскликнул Бах.

— Решаю за тебя. Тебя казнят с почетом. Начинается закладка нового строения. Твое тело станет опорой главной колонны. Бедла, Кадла и Рудла, связать пленника!

Охранники подбежали к камню, на котором сидел Бах, и хотели стащить его. Бах отчаянным ударом ноги опрокинул

Бедлу, вслед за Бедлой рухнул и Кадла. Рудла, дико заверещав, напал не сзади, а сбоку — Бах воткнул ногу в его лохматую морду. Рудле досталось больше, чем товарищам, он катался по полу и визжал от боли. Бедла и Кадла, вскочив, снова бросились на Баха, и он снова их свалил. В мозгу Баха зазвучал исступленный призыв Кун Канны:

— Достань резонатор и убей их!

Отбрасывая хавронов, Бах мельком взглянул на пленного министра Прогнозов и Ведовства. Кун Канна дергался и прыгал на валуне — то удлинял руки и размахивал ими в воздухе, то резко сокращал и прижимал к груди, словно хотел удержать там свое выпрыгивающее наружу сердце. И он все снова и снова телепатировал Баху, все снова и снова телепатировал!.. Хавроны стали одолевать: стащили Баха с валуна, бросили на пол. Кадла наступил ногой ему на грудь, Бедла начал связывать.

И, лежа на каменном полу, Бах увидел, как Кун Канна сорвался со своего места и побежал к ним. Еще на бегу, безмерно удлинив обе руки, он схватил Кадлу за горло, приподнял и далеко отшвырнул. Бедла отшатнулся от удара. Кун Канна наклонился над связанным Бахом, лихорадочно ощупывая его одежду, в мозгу Баха гремело:

— Где резонатор? Где резонатор?

Бах услышал крик Ватуты. Хавроны, неподвижно стоявшие вдоль стены, бросились к дерущимся. Кун Канна с резонатором в руках вскочил на валун, на дилону ринулся Бедла: раздался визг, и хаврон развалился на две части — голова направо, туловище налево. Кадла успел вскочить, но Кун Канна повернул на него резонатор — и Кадла рухнул. Остальные хавроны в смятии попятились, ни один не осмелился подставить себя под удар. И тогда министр Прогнозов и Ведовства с торжествующим визгом, усиленным стенами пещеры, наставил резонатор на Ватуту.

Ватута успел вскочить, но не устоял на трясущихся ногах. Кун Канна прицеливался всего мгновение, но и мига хватило Рудле, чтобы заслонить своим телом ошеломленного

властителя. И еще увидел лежащий со связанными руками Бах, как смертоносный луч прошелся по груди хаврона — мучительный вопль Рудлы еще отражался от стен, когда сам он кучей праха рассыпался у ног шатающегося Ватуты. Кун Канна не успел вторично включить резонатор. Подобравшийся со спины Кагула вскочил на плечи дилона; тот, круто повернувшись, отшвырнул его, но, падая, Бессмертный № 29 выхватил из его рук резонатор. И когда Кун Канна наклонился над Кагулой, чтобы вырвать оружие, убийственный луч полоснул его самого — дилон, уже мертвый, упал на рангуна, и только тогда Кагула выпустил резонатор из рук.

Несколько минут пещера гремела, пищала, визжала, звенела на сотни голосов. Ватута поднял руку, но и повелительный жест Властителя не сразу восстановил тишину. Ватута подошел к мертвому дилону, долго смотрел на него.

— Он казался таким смирным и угодливым! Как же он должен был ненавидеть нас, чтобы решиться на бунт.

Ватута повернулся к Баху. Лицо Властителя перекосила ярость.

— Самая мучительная смерть — вот теперь твой удел, пришелец!

— Прикажи поднять меня! — попросил Бах.

— Лежащий ты мне больше нравишься. Лежи!

— Жаль. Я хотел плюнуть тебе в лицо. И перед всеми твоими Бессмертными громко сказать: будь ты проклят навеки, на все твое отвратительное бессмертие!

— За это тебе!.. — гневно произнес Ватута и вдруг замолчал.

В сумрачной пещере, освещенной лишь призрачным сиянием самоцветов, вдруг вспыхнул факел. Все Бессмертные и хавроны отшатнулись к стенам. Факел медленно угасал и превращался в силуэты двух человеческих фигур. Призраки материализовались. Бах увидел Марию в боевом скафандре астроразведчика и рядом с ней Асмодея. Мария протянула

руку, из которой струился свет. Все, на кого падало сияние, цепенели. Мария направила луч на Ватуту. Властитель задрожал и сделал шаг к Марии. Она погасила сияние, и он остановился.

— Асмодей, развяжи Баха, — приказала Мария. Низкий сильный голос колокольно прозвучал в пещере. — Вы все здесь облучены, не вздумайте сопротивляться. Ватута, будешь передавать мои приказания своим подданным.

— Буду передавать, — почти беззвучно прошептал Ватута.

Мария подошла к Баху:

— Миша, я так боялась, что хроногенератор проскочит ваше местное время и затормозится где-нибудь в прошлом или будущем. Асмодей сделал почти невозможное, и мы прибыли вовремя.

— Лучше бы вы все-таки явились на час раньше, — с горечью сказал Бах и показал на мертвого Кун Канну.

Отвращение исказило лицо Марии:

— Не хочу на него смотреть. Ты будешь презирать его, когда узнаешь, что этот предатель сотворил в своей родной Дилонии!

Часть IV

МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И ГИБЕЛЬЮ

1

Крик Марии был похож на стон:

— Анатолий! Я простила тебе гибель сына — смерти Аркадия не прошу.

На экране распадался транспортный шар, из него падали Рина Ронна и Бах; дилона ударило о землю, он лежал неподвижно, коротышку Баха несло как пушинку на ветру в глубину голубого леса. Авиетку трясло. Асмодей, сидевший у пульта, пытался поднять ее, но ее снова бросало на почву. Кнудсен видел две картины одновременно: ту, что показывали датчики хронолета (они отчетливо высвечивали полянку), и ту, что передавали изнутри авиетки ее приборы. Обе картины были безрадостны: нападение было слишком внезапным и мощным.

— Ответь мне! — закричала Мария. — Ответь, я требую! Кнудсен не отрывал глаз от экрана.

— Подожди! Сейчас меня нельзя отвлекать.

Спустя минуту он обернулся к ней. Полянка на экране погасла. На сером фоне мчалась авиетка, серая и расплывчатая, — скорей привидение, чем реальное тело.

— Чего ты хочешь? Спрашивай побыстрее!

Мария показала на экран.

— Куда их несет? И что с Мишей?

— Ни того, ни другого не знаю. Я вижу не больше, чем ты.

— Ты видишь столько же, но знаешь больше. Объясни, что случилось? И почему не поднимаешь хронолет им на помощь?

Он опять повернулся к экрану. Похожая на привидение авиетка теряла даже подобие предметности. Кнудсен знал гораздо больше Марии — и потому не спешил с ответом. Она продолжала:

— Ты закричал Аркадию: «Ко мне!» Отчего к тебе, а не ты к ним? Почему мы теряем драгоценные минуты, когда им еще можно помочь?

— Мы ничего не теряем, — сказал он. — Нельзя потерять то, чего нет. Мы заблокированы. У нас отказали двигатели.

— Но ты кричал: «Ко мне!» Ты звал их к себе, ты требовал, чтобы они бежали сюда, а сам не спешил на выручку! Ведь так? Почему ты трусил, вот что я хочу знать!

Она стояла перед ним разгневанная и преображенная. Она и в молодости не была красивой, но, сердясь, хорошела. Сейчас она показалась ему такой зловеще прекрасной, что сжалось сердце. Она ненавидела его — нужен был сильный толчок, чтобы так долго сдерживаемая ненависть вырвалась наружу. «Сильный толчок? — подумал он с горькой иронией. — Трагедия, а не толчок! Возьми себя в руки! — мысленно приказал он себе. — Хронолет не уничтожен. Не такой корабль «Гермес», чтобы его можно было превратить в груды обломков с первого удара».

— Не молчи, Анатолий! — гневно крикнула Мария. — Я должна знать все!

Да, она должна знать все, что знает он. Да, он кричал: «Ко мне!», а не «Иду к вам, держитесь!» Но не потому, что трусил. На хронолет и на десантный отряд напали одновременно. Но хронолет только заблокировали и обездвигили, а десантный отряд разметали. Бах, возможно, погиб. Авиетку с Аркадием, Асмодеем и Уве Ланной гонят в плен или на гибель. Она закатывается в невидимость, а что в той невидимости? Связи нет — их передатчики повреждены, приемники «Гермеса» бездействуют.

Блокада «Гермеса» усиливается. Вокруг хронолета дико выкручиваются физические поля. Гравитационные удары, резонансная судорога...

— Но я не чувствую нападения, Анатолий! Мы экранированы?

— Конечно. Сниму на минутку оптический экран, чтобы ты увидела, что снаружи.

Мария, ослепленная, закрыла глаза, но бушевание света проникало и сквозь веки. Мир пылал и содрогался. Огромные деревья — еще недавно величественные стволы с голубыми кронами — метались, раскалывались и рушились белокапильными факелами. Земля стала подобием воды — по ней мчались волны песка и камней, она вспухала и опадала, взбрызгивалась фонтанчиками, взлетала облачками валунов и осколков, земляные волны оторачивало, как пеной, пылью. Небо валилось на землю. Мимо хронолета ошалело пронеслась одна из Гарун. Мария вскрикнула: звезда чудовишным болидом врезалась в планету. Гаруну взметнуло ввысь, она пропала в пылающем лесу.

Кнудсен погасил внешний мир. Только на дисплее расплывалось пятнышко — авиетка пропадала где-то вдали, в еще не возмущенном месте. Светопреставление было поставлено только в окрестностях корабля.

— Анатолий, это ужасно! Ты уверен, что экраны выдержат?

Он ответил с мрачным спокойствием:

— Какое-то время — да. Постараюсь провести контрманевр до того, как они откажут.

Она спросила с надеждой:

— Ответим на их нападение контрударом?

Он покачал головой:

— Они держат «Гермес» на прицеле и бьют по кораблю. А по какой цели бить нам? Хочу выскользнуть в фазовое время. Но хрономоторы от неожиданной вибрации, которую автоматы сразу не погасили, разрегулированы. Если не будешь меня отвлекать...

— Я не буду!

И, чтобы не попадаться ему на глаза, она села позади. Кнудсен склонился над пультом, пальцы его бегали по кноп-

кам — как по клавишам рояля в бурном фортепианном пассаже. Мария видела его спину — какая хмурая спина, какие суровые плечи! А в лакированной панели мнемосхемы отражалось его лицо. Лицо было незнакомым. А казалось бы: старый друг, каждая черточка, каждая морщинка — так она всегда думала — изучены абсолютно. Внешне все такое же: те же морщинки, те же глаза, те же волосы, но все вместе — другое.

Она помнила Анатолия — доброго паренька, так смешно смущавшегося, когда над его неуклюжестью подшучивали друзья; помнила мужчину, подавленного их общим великим несчастьем — гибелью ее сына и мужа; знала и знаменитого хроноконструктора, создателя первых кораблей времени, — спокойного, невозмутимого при осложнениях, равнодушного к своей славе и почестям... Этого, собранного и натянутого, сурового, почти жестокого, она еще не знала. Таким, наверное, был древний бог Хронос — недаром Кнудсен повесил в корабле его изображение.

Он понял, что она смотрит на него, ответил рассеянным взглядом и тут же забыл о ней. На панели вспыхивали и гасли красные и зеленые огоньки, они вытягивались в линии, складывались в запутанные рисунки — схемы взаимодействия аппаратов. В их метании ощущался хаос, пальцы Кнудсена нажимали на кнопки — красные и зеленые вспышки была ответом на приказы с пульта. Пальцы нервничали и сердились, они чего-то добивались, у них что-то не выходило. Правая рука бегала по всему пульта, левая была в одних и тех же точках — словно вызывая что-то из небытия. И вскоре у Марии сложилась ясная картина: правая обеспечивала координацию, она создавала общий фон, она трудилась сосредоточенно и хладнокровно. А левая зывала — каждый палец, нажимая на свои кнопки, чего-то настойчиво требовал и раздражался, что требование не исполняется. Марию захватила живая речь левой руки, она хотела проникнуть в скрытое ее значение, но смысл оставался вне ее понимания. Мария не выдержала и очень тихо сказала:

— Не получается...

Кнудсен услышал и сердито ответил — он сердился не на нее, а на разлаженные автоматы, она это поняла:

— Получится!

Он продолжал с той же быстротой и настойчивостью манипулировать с клавиатурой, и она вскоре определила, что вспышки приобретают упорядоченность. Зеленые и красные огоньки складывались в правильные сочетания, стали повторяться одни и те же рисунки. Они, видимо, образовали схему, которой добивался Кнудсен. Его пальцы успокаивались — уже не раздраженные, просто властные, они приказывали, а не зывали. Из рук исчезало живое чувство, так поразившее Марию: только что они были самостоятельными личностями, со своими мыслями и знаниями, теперь снова стали только руками — работали, исполняя волю хозяина.

Кнудсен хмуро сказал:

— Выскользнули в фазу. Теперь буду определяться, где мы, и когда мы в этом «где», и что нас ждет.

Она спросила:

— Опасаешься нового нападения?

— Вряд ли они нападут еще раз. У рангунов нет хронопреобразователей. Мы в другом времени и в другом месте — стало быть, как цель недоступны.

Она знала, что любой отход от пути в будущее или в прошлое невозможен без смены места в пространстве. Таков кардинальный закон хронистики — начатки ее она усвоила. Но тот же закон утверждал, что и малый выход в хронофазу иногда сопровождается несоразмерным броском в пространстве. Как далеко от прежнего места это их новое «где»? Не столкнутся ли они при перемещении с крупным материальным телом? Не унесло ли хронолет с Дилоны? Может быть, они снова в межзвездном пространстве? И словно отвечая на ее молчаливые вопросы, Кнудсен сказал:

— Далеко не унесет. И автоматы следят, чтобы перемещение в пространстве было такое же незначительное, как и во времени. Снимаю оптический экран.

Стены корабля стали прозрачными. Хронолет лежал на голой скале. Вокруг высились горы.

— Мы по-прежнему на Дилоне, это главное. Сейчас выйдем и определимся. Но перед этим я должен кое-что сказать тебе. Не время для выяснения отношений, но ты сама звала меня на это.

— Слушаю, Анатолий.

Он глядел строго и печально.

— Ты сказала, Мария, что простила мне гибель сына, но гибели Аркадия не простишь. Я хочу, чтобы ты знала: сам я смерти Алексея себе никогда не прощал. А товарищей мы спасем, если они еще живы. И горе тем, кто будет нам мешать!

Она молча смотрела на него. И все больше убеждалась, что он иной, чем она всегда думала.

2

Если это и была Дилона, то неизвестный ее уголок. Дилонны обитали на лесных равнинах, рангуны укрывались в лесистых горах. Здесь тоже вздымались горы, но один голый камень — и травинки не росло на склонах. Мария читала в отчетах астронавтов, что на всех планетах, где есть воздух, вода и тепло, трава и деревья заполняют все свободные места. Здесь этот закон нарушался. На Дилоне было вдоволь воздуха, воды и тепла — и в этом мертвом уголке тоже; на Дилоне — не так уж далеко отсюда — шумели величественные леса, везде гнездилась жизнь.

Правда, кое-где эту жизнь уничтожали хроновороты, но она возобновлялась, чтобы снова быть уничтоженной. А здесь и намек на нее не было — существующую или погибшую, какая-то абсолютная внежизненность. Мария вытаскила «индикатор жизни» — маленький приборчик, с которым не расставалась. Он не показывал не то что высокоорганизованных клеток — даже бактерий.

— Ты знаешь, почему здесь так голо? — спросила Мария.

— Знаю, — ответил Кнудсен.

— Результат хроноворотов, о которых Старейшина Старейшин рассказывал Мише?

— Не думаю. Здесь не кладбище погибшей жизни, а начальное ее отсутствие. Ничто живое здесь не возникает и сюда не добирается.

— Но почему?

— Погляди на свой наручный передатчик.

На ручном передатчике ярко светилась красная точка — индикатор опасных излучений. Кнудсен сказал, что хронолет, выскользнув по фазовому времени, попал в район интенсивного распада атомных ядер. Здесь все пронизано альфа- и гамма-лучами, здесь свирепствуют нейтронные бури — природа тут казнит саму себя, так можно определить это невеселое место. И, по всему, характер этого страшного уголка сложился таким задолго до того, как на Дилоне зародилась жизнь.

— Значит, хронолет вышвырнуло в жерло природного ядерного реактора, так?

— Не в жерло, а на поверхность. Но нам это самодурство природы не опасно. Конструкторы скафандров постарались, чтобы мы оставались в живых не только в раю, но и в аду.

— Я не поклонница рая, но хотела бы поскорей убраться из ада.

— Тогда возвращаемся на корабль.

— Я постою здесь еще несколько минут, если не возражаешь.

Мария осматривала горы, никогда не знавшие жизни, и думала, что если Аркадий прав и где-то существуют могущественные геноинженеры, то и всего их разума не хватит, чтобы устроить полигон жизнерождения в таких вот гибельных местечках. «А почему бы и нет? — думала она. — Надо лишь создать живую ткань, так же противостоящую смертоносному излучению, как наши скафандры. Вот еще аргу-

мент против Аркадия: существуй такие высшие геноинженеры, они бы сконструировали жизнь защищеннее, чем она реально вышла. Природа, слепая природа — и без Высшего Разума в себе!»

Мария вспомнила, что новых аргументов Аркадию не узнать, ибо, возможно, Аркадия уже нет. Анатолий обещает вызволить товарищей, если они живы. А если нет? Будет мстить за них?

— Обратная синхронизация с временем, в котором мы находились в момент нападения, прошла хорошо, — сказал Кнудсен, когда Мария возвратилась на корабль. — Сдвиг был всего в одно или два столетия вперед, пустяк для наших хронотрансформаторов.

— Будем возвращаться на прежнюю стоянку?

— Поищу другое местечко. Прежняя стоянка под прицелом рангунов.

«Гермес» пронесся над крутогорьем, превратившимся в природный ядерный реактор, и вскоре оказался над лесом. Кнудсен высмотрел извилистую долинку среди крутых холмов. От прицельного обстрела место было защищено надежней, чем прежняя стоянка, а нападения с зенита корабельная защита отражала автоматически. Кнудсен сказал:

— Вывожу на поиск планетолет.

— Авиетка для поиска удобней, Анатолий.

— Но защищена хуже. Планетолет — боевой корабль.

— Ты допускаешь, что на нас опять могут напасть?

— Я этого не исключаю.

Планетолет, ракета на ядерных аккумуляторах, взмыл над лесом. Спустя короткое время Кнудсен приземлился на полянке, где недавно стояли авиетка и два разведочных шара дилонов.

— Вот здесь выпали Рина Ронна и Миша Бах, — Кнудсен показал на примятую траву полянки.

Мария наклонилась над темным пятном, широко разлившимся по оранжевой траве. Кровь, куски одежды, раздробленные кости, клочья кожи и тканей... Несчастливого дило-

на не разбило о почву при падении с высоты, а разорвало и разбросало.

— Какая ужасная сила в резонансной вибрации! — Мария обернула к Кнудсену побледневшее лицо.

— Во всяком случае, много больше той, какую способно вынести незащищенное тело.

— А следов расправы с Бахом не видно, — сказала Мария.

— Поищем дальше.

Осмотр окрестностей полянки нового не принес.

— Миша не погиб, — сказал Кнудсен. — Вспомни: он цеплялся за прутья развалившегося шара, потом вывалился, но не упал на землю, а пронесся над ней, словно его несло вихрем, и пропал в лесу. В лесу его нет, вихря не было — ни один кустик не поврежден. Миша в плену у рангунов.

— Будем искать авиетку, Анатолий?

Кнудсен ответил не сразу.

— Нет, Мария. Что авиетка сразу не погибла, мы знаем. Знаем и то, что ее унесло на север. Я хочу раньше посоветоваться с дилонами.

Хронавты воротились на планетолет. Кнудсен направил корабль к столице дилонов. Внизу показался город. Кнудсен сделал над ним несколько кругов.

Люди смотрели вниз с тяжелым чувством. Города не было. Еще не так давно они вглядывались в высокие цилиндры жилых зданий, удивлялись, что ни на одном не видно окон, веранд и балконов. А потом наблюдали на своем экране, как эти здания противостояли искусственному недротрясению — раскачивались, сгибались, но ни одно не обрушилось, на стенах даже трещин не появилось. А сейчас, сколько хватало взгляда, были одни руины: улица, забитая обломками, неусмиряемая пыль, тонким туманом, как куполом, накрывшая столицу.

Планетолет медленно проплывал над развалинами. Теперь люди увидели дилонов: и неподвижные тела на камнях, и живых, которые подбирали убитых и раненых, и транс-

портные шары, куда складывали тех, кого поднимали. Шары, полные тел, уходили за пределы города.

— Ужасно! — Мария вздрогнула. — Сколько дилонов погибло! Половина зданий разрушена.

— Да, многое погибло! — с какой-то нарочитой бесстрастностью отозвался Кнудсен: еще никогда она не слышала у него такого голоса. Впрочем, никогда ни ему, ни ей не приходилось видеть таких варварских разрушений. Она понимала, что он лишь с великим трудом сдерживает ярость.

Планетолет опустился перед Ратушей. Правая половина прекрасного здания превратилась в развалины, на левой слетела крыша и на стенах змеились трещины. Но главный вход сохранился, около него стояла охрана. Людям преградили путь два рослых дилона. В отличие от быстро раскодировавших человеческую речь Рина Ронны и Уве Ланны эти двое телепатировали что-то невнятное. Но злой оскал на их лицах и угрожающие жесты были недвусмысленны. Несколько дилонов встали поодаль, жестикулируя и повизгивая, — по-видимому, готовились помочь охране.

— Дай мне поговорить с ними, — сказала Мария. — Код их мысленных передач я подучила на «Гермесе». Возможно, они поймут меня.

Не было сомнений, что и охрана, и прохожие хорошо разобрались в том, что протелепатировала Мария при помощи наручного передатчика. Но враждебная встреча не преобразовалась в дружественную. Кнудсен шагнул вперед, схватил обоих стражей за плечи и отодвинул их.

— Проходи, я за тобой, — сказал он, не отпуская вырывающихся охранников.

Она вошла в туннель, по которому недавно двигались Бах, Аркадий и Асмодей. И намек не было на торжественность той процессии! Позади топотала, возмущенно повизгивая, охрана; у зала Проникновения с десятков дилонов попытались остановить людей. Они, казалось, не знали, как повести себя с неожиданными посетителями: одни показыва-

ли назад, в туннель, а двое захотели усадить их в кресло перед проникновенным зеркалом — и кресло, и зеркало, неповрежденные, стояли на том же месте, где их видели на экране оба хронавта. Кнудсен, не тратя времени на объяснения, размеренно шагал дальше — и все, которые хотели его задержать, быстро уступали силе человека: ему хватало даже легкого толчка, чтобы убрать с дороги любого.

— Ты уверен, что идешь верно? — спросила Мария, стараясь поспеть за широким шагом капитана хронолета.

— Уверен, — ответил он, не оборачиваясь.

— Но здесь может не быть Гуннар Гунны.

— Тогда зачем охрана у входа, зачем нас — уже в здании — стараются не пустить дальше? Нет, все Старейшины здесь. Совершились чрезвычайные события — где еще быть руководителям, как не на общем сборе?

После зала Предварения людям перестали мешать. Дилонны, толпившиеся на дороге, дружно убежали вперед — в самосветящемся туннеле виднелись только спины и хвосты.

— Торопятся предупредить Старейшин, что нашего визита не избежать, — проворчал Кнудсен.

Тем же размеренным широким шагом он вошел в зал. В трех секторах в строгом порядке — отдельно Различники, отдельно Стиратели и, компактной кучкой, Дешифраторы и Опровергатели — сидели правители страны. Пустовал только четвертый сектор — тот, в котором не так давно разместились Бах и Аркадий. Но Старейшин сейчас было много меньше.

Катастрофа внесла сумятицу в ритуал торжественных заседаний: присутствовали пять Отцов Конструкторов Различий в малиновых плащах, всего три фиолетовых Отца Стирателя, два зеленых Дешифратора и два желтых Опровергателя. В первом ряду амфитеатра, среди Отцов Стирателей, выделялся одинокий и печальный Старейшина Старейшин Гуннар Гунна. И, не обращая внимания на остальных, Кнудсен направился к Вещему Старцу, готовясь произнести заранее продуманную фразу:

— Ты пригласил нас двоих прийти на радостное знакомство с вами. Хотя в знакомстве теперь будет мало радости, но мы пришли.

Но еще до того как он произнес первое слово, в мозгу обоих хронавтов прозвучало горестное восклицание Старейшины Старейшин:

— Пришельцы! Чем мы заслужили несчастье, принесенное вами?

Кнудсен знал, что каждое его слово преобразуется в мысль, понятную всем дилонам, — надо следить, чтобы оно было недвусмысленно точным.

— Мы не считаем себя, Гунна, причиной вашего горя.

— До вашего появления не было таких разрушений!

— И до нашего появления дилоны воевали с рангунами. Или рангуны воевали с дилонами — так, наверное, точнее.

— Да, не мы воевали с ними, а они с нами: мы только давали отпор. Огромная разница в этих двух понятиях — нападение и отпор; неплохо, что ты ее постиг. Но до вашего посещения Дилоны война шла иначе. В том, что она так страшно переменилась, виноваты вы. Столько разрушений, столько смертей! Никакой враг не сделал нам столько зла, сколько сделали вы, назвавшие себя друзьями! Не будешь же ты возражать против очевидности?

— Буду, — твердо сказал Кнудсен. — Взываю к твоей проницательности, надеюсь на твою глубокую мысль, уверен в твоей выдающейся способности постичь даже непостижимое, хотя буду говорить о простом и понятном... Прошу меня выслушать, Гуннар Гунна.

— Говори, — разрешил Вещий Старец. — И если даже от простого и понятного ты уклонишься в глубины непостижимого, не смущайся: любой из нас, как ты справедливо заметил, постигает и непостижимое.

Хронавты еще на площади, вступив в перепалку с наружной охраной, поняли, что отношение дилонов к людям изменилось и причина этого — в варварской жестокости рангунов. Даже не видя Гуннар Гунны, Кнудсен знал, что Отец

Стиратель во всем обвинит людей. Но одновременно Кнудсен не сомневался, что переубедит Старейшин, если использует их любовь к рассуждениям, их привычку докапываться до отдаленных причин любого события, не останавливаясь и перед уходом в далекие абстракции.

— Ты не будешь возражать, Великий Провидец, — так начал Кнудсен, — что рангунам надо было заранее хорошо подготовиться, чтобы нанести такой мощный удар? Подразумеваю материальные средства — орудия, боевую службу...

— Не буду возражать, — сказал Вещий Старец.

— И что для такой подготовки требуется время? И немаленькое! Простым нахрапом, с бухты-барахты... я хотел сказать: без умелой мобилизации всех ресурсов, без длительного их накопления, без сохранения подготовки в тайне...

— Ты и прав, и неправ, пришелец, — сказал Вещий Старец. — Конечно, накопление ресурсов, использование резервов... Тут твоя мысль пронизательна — даже удивительно, что человек способен на такое непростое рассуждение. Но тайны для нас не было.

На мгновение Кнудсен растерялся.

— Вы знали, что совершится такое страшное нападение?

— Вот ты и показал несовершенство человеческого понимания по сравнению с нашим, — не то упрекнул, не то просто установил печальный факт человеческой интеллектуальной отсталости Старейшина Старейшин. — Ты не ощущаешь неодинаковости двух разных понятий: возможности свершения и реального свершения. У дилонов даже дети не путают так грубо эти категории.

— У нас тоже стараются их не путать, — попытался оправдаться Кнудсен. — Но мы ведь не представители Высшего Разума.

— До Высшего Разума вам далеко, — согласился Гуннар Гунна. — Поэтому мы и предлагали вам использовать наши великие успехи и возможности. Но сейчас...

— Сейчас мы должны исправить то, что еще поддается исправлению. Итак, тайны в подготовке рангунов к решающему удару не было?

— Тайны не было, я уже объяснил. Но почему ты назвал ужасный удар рангунов решающим? Он ничего не мог решить.

— Как не мог? А победа в затянувшейся войне — разве не решение? Они могли подумать, что такой удар принесет им долгожданную победу.

— Нет, — с грустью сказал Старейшина Старейшин. — Вашей слабой мысли не проникнуть в глубины наших взаимоотношений с рангунами. Вы не сосредоточиваетесь и мыслите — ты очень красиво это назвал — нахрапом, с бухты-барахты, так? Очень выразительная формула! Иногда у вас такие прекрасные и благородные выражения! Такие глубокие проблемы... Например, тот мучительный вопрос, о котором так красноречиво повествовал пришелец Бах, — сколько ангелов...

— Черт возьми! — не удержался Кнудсен. Он испугался, что воспоминания уведут Вещего Старца далеко от темы. Он поспешно поправился: — В данном случае «черт возьми» означает вопрос: как вы проникли в тайну подготовки рангунов к большому наступлению?

— Понял, пришелец. Итак, «черт возьми» — в смысле постижения великой тайны подготовки рангунов к большому наступлению... Но ведь среди них много дилонов. Один из них — глубокий Кун Канна, великий мыслитель Кун Канна — я прочил его в свои преемники. Этот выдающийся стратег Кун Канна с момента его похищения хавронами трагически раздвоился: душой он по-прежнему с нами, а искусные руки и мудрая голова верой и правдой служат рангунам. Он вел подготовку того наступления, которое ты неправильно назвал решающим и которое тем не менее ужасно и губительно, и, естественно, сообщал нам по секрету, что делает.

— Но ударил по дилонам, конечно, не он?

— Конечно, он — кто же еще? Неужели ты думаешь, что рангуны сами могли провести такую операцию? Разве хоть одного Бессмертного можно сравнить с самым неудачным из дилонов? Понимаешь меня, пришелец?

— Стараюсь, но мне трудно. Позволь возвратиться к термину «решающий удар». Значит, рангуны не стремятся к победе?

— Рад, что до тебя дошла эта простая истина. Они воюют ради войны, а не ради победы. Что им делать, если они победят? Тем более — если уничтожат нас? Чем тогда они заполнят свое бессмертие?

— Но если так, им было не нужно наносить такой удар.

— Совершенно не нужно. Подготовка к удару — это деятельность; а рангуны деятельны. Но удар, уничтожающий нас, прекратит их военную хлопотню — так, кажется, это называется на вашем языке? И они нанесли этот бессмысленный удар лишь потому, что на планете появились вы. Вот почему мы утверждаем, что вы принесли нам великое горе.

— Бессмысленный, ты сказал? Позволю себе не согласиться. Смысл в нападении был. Они решили расправиться с нами и не посчитались с тем, что погибнет и множество дилонов. Это ведь уже третье нападение на нас. Они обстреливали наш корабль при посадке, хотели уничтожить нашу авиетку при помощи искусственного недротрясения, а теперь применили средства помомшней. Мы тоже можем сказать: дружба с вами сделала людей объектом мести рангунов. Мы потеряли трех наших товарищей.

Кнудсен не сомневался, что его контраргументы вызовут растерянность среди дилонов. У этого странного народа рассуждение, которое нельзя опровергнуть, по одной этой причине возводилось в истину. Они не изучали школьной логики, как люди. Они и не подозревали, что об очень многом можно высказать противоположные мнения и ни одно не опровергнуть, потому что в каждом будет истина. Такая словесная диалектика им чужда, хотя в реальной диалектике дилоны сильнее: каждый практически опровергает незыбле-

мые законы природы — то есть находит условия, при каких закон лишается действенности.

Но в следующую минуту Кнудсен убедился, что недооценивает Вещего Старца. Гуннар Гунна, поразмыслив, опроверг Кнудсена — и таким опровержением, которое было радостнее согласия, дороже признания в дружбе. Старейшина Старейшин протелепатировал:

— Очень сильное соображение, пришелец, очень сильное: проклятые рангуны нападали на людей, а не на дилонов, а дилоны погибали от случайного соприсутствия при ударе, направленном против вас.

— Именно это я и утверждаю. Хотели уничтожить людей.

— Но ведь все было по-другому, — продолжал Старейшина Старейшин. — Погибали мы, а вы невредимы.

Кнудсен не сдержал возмущения:

— Если ты считаешь гибель трех хронавтов...

Вещий Старец не дал ему договорить:

— Почему гибель? Все трое живы. В плену, но живы.

У Кнудсена на миг перехватило дыхание. У Марии засияли глаза. Кнудсен медленно проговорил:

— Твои сведения верны?..

— Дилоны не лгут, — с достоинством отвечивал Гуннар Гунна. — Мы ненавидим неправду.

— Такое радостное для нас известие!.. Вы узнали, что наши товарищи живы, глубоким усилием мысли? Или есть иные доказательства?

— Мы видели их в плену. Конечно, изображение примитивней рассуждения. Мысль можно тысячекратно проверить, рассуждение сто раз повторить, а картину достаточно один раз подделать... Понимаю твои сомнения, пришелец. Будут ли для тебя доказательными изображения твоих друзей после атаки рангунов?

— Будут, будут! — поспешно заверил Старца Кнудсен.

Гуннар Гунна повернул львиную голову к сектору, где восседали зеленые Дешифраторы и желтые Опровергатели. Один Дешифратор поднялся. Гуннар Гунна что-то повелел

ему, не перетранслировав приказ в человеческие слова. Зато ответ Дешифратора ясно донесся до людей:

— Канал на Клаппу, командира отряда хавронов. Связь через Уве Ланну. Нечеткость передачи вызвана болезненным состоянием Сына Конструкторов Различий высокочтимого Уве Ланны.

Стена позади Дешифраторов вспыхнула. На ней замелькали тени и силуэты. Кнудсен и Мария разглядели Аркадия, с трудом спускавшегося с какой-то платформы. Аркадия поддерживал Асмодей. В стороне хаврон могучего телосложения показывал мохнатой рукой на темное отверстие в скале: туда один за другим входили вооруженные хавроны, туда же вели ослабевшего Аркадия.

— Расшифруй! — дошло до людей повеление Вещего Старца.

Дешифратор свободно вносил в их сознание свои пояснения. Хронавтов и дилона Уве Ланну забросили в хронovorот аппараты рангунов. Пришельцы выскользнули из губительного хронovorота. Их взял в плен отряд хаврона Клаппы. На Клаппу сфокусирован разведывательный луч, связь с ним тайно создана Уве Ланной. И пленные, и охрана скрылись в пещере от нового хронovorота. Из пещеры связь не действует.

— Теперь канал на бедного Кун Канну, — велел Гуннар Гунна.

На экране появилась новая картина. По улице какого-то городка, окутанной пылью и сотрясаемой грохотом, под конвоем вели Баха. Коротышку хронавта сопровождал, умеряя широкий журавлиный шаг, бочкообразный рангун. Человек и рангун беседовали.

— Бессмертный № 29, Кагула, любимец Ватуты, — бесстрастно докладывал Дешифратор. — Ватута хочет казнить пришельца. Основание для казни такое — никаких оснований. Вполне в обычае Ватуты, передает Кун Канна. Созывается ассамблея Бессмертных, там согласятся с Ватутой, что пришельца хорошо бы умертвить. Казнь совершится в полдень следующего дня. Ватута предложит пришельцу само-

му выбрать форму своего умерщвления — в знак уважения и высокого почета. У Кун Канны нет возможности освободить пленника. Почетных казней у рангунов еще не совершалось. Ватута гордится, что первым из Властителей Рангунни совершит такой выдающийся акт.

Картина на экране погасла.

Кнудсен обратился к Старейшине Старейшин. Дилоны мудры и справедливы. Великим упреком будет, если они оставят своего гостя в беде. Нужно не допустить беспричинной и преступной казни! Что бы ни предприняли дилоны для вызволения хронавта, они — капитан хронолета Кнудсен и геноинженер Вильсон-Ясуко — тоже будут в этом участвовать. Дилоны могут рассчитывать на всю мощь механизмов «Гермеса».

Гуннар Гунна, поразмыслив, заверил хронавтов, что дилоны сделают все возможное, чтобы спасти пленника. И, не дав порадоваться, с печалью констатировал, что никаких возможностей нет и поэтому спасение нереально.

Кнудсен настаивал: у дилонов могущественная защита — разве нельзя превратить ее в орудие нападения? Охранные башни — это ведь мощные крепости. Ударить из них по берлогам рангунов! Собрать смельчаков — он сам возглавит такой отряд, вооружение найдется — и напасть на город Ватуты! А если и это невозможно, то вступить в переговоры с Верховным Злодеем, пообещать ему золотые горы и хрустальные замки — не может быть, чтобы не существовало чего-то такого, что было бы для рангуна ценнее, чем наслаждение от бессмысленной казни человека, не сделавшего ему вреда!

Гуннар Гунна, впадая в кратковременные размышления, поочередно отвергал все планы человека. Защитные орудия дилонов не способны поразить другую сторону планеты, зона действия охранных маяков тоже невелика. И ни один дилон не согласится войти в отряд для нападения на рангунов — агрессия принципиально чужда дилонам. И переговоры с Ватутой неосуществимы: он твердит, что ему ничего не нужно, ибо он презирает всякую пользу, — а какие мо-

гут быть переговоры без того, чтобы выговорить что-то полезное? Дилоны, так страшно пострадавшие от гибели своих близких, всей душой разделяют страдания пришельцев, у которых должен завтра погибнуть друг, но, кроме сочувствия, им нечего предложить.

— Постарайтесь сами спасти своего товарища, — закончил Вещий Старец.

Нахмуренный, злой капитан хронолета размышлял еще дольше, чем дилон, впадающий в трудную сосредоточенность.

— Хорошо, принимаю — собственными усилиями, — снова заговорил Кнудсен. — Совет глубокий и дельный. Но нашего друга казнят завтра. Для серьезной подготовки мало времени.

— Завтра — это очень скоро, — высказал очередную глубокую мысль Гуннар Гунна. — Времени для спасения товарища, ты верно это определил, решительно не хватит.

— Послушай меня, великий Гуннар Гунна, — продолжал Кнудсен. — Вы народ глубоких мыслителей. Вы знаете свою планету, знаете все ее законы и свойства, все ее особенности и процессы. На что нам нужно воздействовать, какой местный закон опровергнуть, чтобы хоть немного задержать казнь? Без подготовки, требующей времени, мы не сумеем спасти нашего друга.

— Подожди, пока мы поищем ответ на твой очень непростой вопрос, — сказал Гуннар Гунна.

На этот раз Вещий Старец со Старейшинами пребывал в молчаливом раздумье так долго, что Мария успела перекинуться с Кнудсеном несколькими фразами.

— Анатолий, у тебя не появился план спасения Миши?

— Даже отдаленно не представляю себе, что можно сделать.

— Неужели отказываешься выручать его?

— Отвечу в стиле дилонов. Ты путаешь разные понятия, Мария. Хотеть — хочу! Что сделать, чтобы исполнить желание, — пока не знаю.

В мозгу людей зазвучали слова Вещего Старца:

— Мы рассмотрели все физические процессы на планете и не нашли ни одного, воздействие на который помогло бы вам спасти вашего товарища. Конечно, если бы в Рангунии могли остановить течение времени... Но задача эта самой природе непосильна. Пришелец, мы не сможем тебе подсказать никакого решения.

— Немного мы от них услышали, — грустно сказала Мария.

— «Немного» — все же лучше, чем «ничего», — возразил Кнудсен. — Теперь скорей на корабль, Мария!

— Ты же сказал, что у тебя нет плана спасения Миши.

— Уже есть. Скорей, Мария, скорей!

3

В планетолете Кнудсен объяснил свой новый план. Почему он твердил Старейшине, что нет времени для спасения Баха? «Гермес» не только еще невиданный корабль, свободно плывущий в разных потоках мирового времени, но и могучая крепость, надежно защищенная от атак извне. Но он сконструирован для миссии мира, а не для завоеваний. Конечно, и на нем можно напасть на рангунов и заставить их выдать пленника — и времени на подготовку такого рейда не потребуется. Но сколько тогда погибнет рангунов и хавронов? Ватута не выдаст Баха без сопротивления. В рейсовом задании не предусмотрены войны с другими народами — тем более их, этих народов, уничтожение.

— Все это я знаю сама, — прервала его Мария. — К чему ты клонишь? Ты сказал, что обдумываешь план спасения Баха. Пока я вижу, что надежного плана не существует.

— Нет, план есть — и вполне надежный! И выполнишь его ты, Мария. Миша когда-то сказал, что ты похожа валькирию, деву-воительницу из северных мифов. Пришло время проверить, ограничивается ли это сходство только

внешностью. Те девы отважно сражались на поле боя и вызволяли своих воинов из беды. Ты придешь к рангунам и выручишь Мишу. Но чтобы подготовиться, нужно время — то самое, которого у нас нет. Понятно?

— Конечно, нет! — сказала Мария. — Можешь не сомневаться, я согласна на все, что ты предложишь. Но в чем она, эта подготовка? Где и как ты будешь добывать время, которого нет?

— Совместим дальнейшее объяснение с освоением аппаратуры.

Они прилетели в долинку, где Кнудсен укрыл хронолет. Ничто не показывало, что рангуны обнаружили корабль. Кнудсен ввел планетолет внутрь.

— Пройдем в хроногенераторную, Мария.

Итак, нужно время, чтобы подготовиться к вторжению в царство Ватуты, а времени нет, сказал Кнудсен, подойдя к хроногенераторам. Вещий Старец посоветовал затормозить его бег — он был твердо убежден, что нет в мире сил, способных это сделать. Но такие силы есть. Вот они — здесь, в этих механизмах!

Его план таков. Он переводит хронолет поближе к убежищам рангунов, запускает на полную мощность хроногенераторы — и замедляет бег внешнего времени. Больше чем вдвое не получится: там, где рангунам покажется, что они прожили всего одни сутки, реально пройдет около двух. Выигрыша должно хватить, чтобы подготовить Марию. Еще одно: почему она, а не он?

— Об этом не спрашиваю! Я горжусь, что ты доверил мне освободить Мишу, независимо от того, какие мотивы...

Кнудсен спокойно остановил ее. Им командуют не мотивы, а причины. Он должен их объяснить. Форсирование генераторов произведут автоматы, но присутствие капитана при этом необходимо. Такова строгая инструкция, он сам ее составлял — и не разрешит себе ее нарушить. И последнее: они пока идут на выручку Баху, а не Аркадию, потому что положение Миши серьезней. Аркадию грозят новые

хроновороты, а не расправа — к тому же от хроноворотов он укрыт в пещере. После спасения археолога настанет черед вызволять Аркадия с Асмодеем и Ланной.

— Готовь меня в поход, — нетерпеливо сказала Мария.

4

Кнудсен высмотрел потайное местечко неподалеку от пещеры, куда Бессмертные собирались на отдых. Приближалась ночь, когда он запустил хроногенераторы. Дежурные хавроны и пленные дилоны не засекали хронолета и не подняли тревоги. Ночь была как ночь: обе Гаруны ушли чуть-чуть за горизонт, небо на севере светилось кроваво-красным. Торможение времени сперва шло слабо, потом все сильнее и сильнее. Когда одна минута за бортом хронолета сравнялась с двумя на корабле, Кнудсен остановил растяжение и пошел посмотреть, как Мария осваивает боевую экипировку.

— По нашим часам, до полного дня остались целые сутки, — сказал он. — Рангуны и не подозревают, что спят уже не по своему естественному времени, а по тому, которое мы им диктуем. Демонстрируй теперь свою подготовку.

Мария успела облачиться в форму десантника, выходящего на задание высшей сложности — разведку, диверсию, боевые действия, если без них не обойтись. В училищах астронавтов снаряжение и методы такой операции завершали курс — и всегда считались тем орешком, который трудно разгрызть. Мария начала с боевой аппаратуры: бластеров, стреляющих крохотными шаровыми молниями и лазерными лучами; гранат, создающих при взрыве кратковременные потери сознания; ручных парализаторов, лишаящих воли к сопротивлению, и — в качестве крайней меры — резонаторов, вызывающих распад живой ткани — правда, только при прямом попадании. Мария раскраснелась, глаза блестели: ей нравилось превращение из ученого-геноконструктора, творца новых форм жизни, в воительницу.

Кнудсен не одобрил увлеченности Марии.

— Нет! Нет, Мария! Это не для хронавтов — ослепить, ослабить, обезоружить, а при большом отпоре и уничтожить. Примитивная война наших предков.

— Захват и казнь пленных тоже весьма примитивны. Одно стоит другого. Не понимаю твоего недовольства.

Она должна понять: он и не подумал бы тормозить внешнее время, если бы планировал победу в прямом сражении. Для этого не нужна длительной подготовки. Умение сражаться заложено в природе человека, за каждым из нас — опыт предков; бессмысленно отрицать силу этого генетического наследства.

Мария рассмеялась, хоть ситуация вовсе не располагала к веселью.

— Генетическое наследство, ты сказал? В двадцатом веке один ученый псих уверял, что существуют особые гены храбрости и трусости, гомосексуализма и платонизма, религиозного экстаза и атеизма, щедрости и скупости. Я всю жизнь экспериментирую с генами, создавая новые формы животных. Но ни разу не открывала и сама не создавала ни одного из тех, которые были описаны тем ученым — моим однофамильцем Чарльзом Вильсоном.

Кнудсен понял, что увлекся.

— Не хочу знать древних Вильсонов! Хорошо, пусть не генетическое, а социальное наследство. Покажи, как ты справляешься с хроноэкраном. Как тайно проскользнешь в пещеру к рангунам?

Мария думала, что и эту часть операции она усвоила хорошо. Она должна пробраться в пещеру не в том времени, в котором пребывают находящиеся там Бессмертные. Она появится из близкого будущего. Ее индивидуальные хрономоторчики обеспечивают выход из будущего в настоящее так же свободно, как из прошлого — она промелькнет мимо всех встречных невидимкой, в крайнем случае — привидением и материализуется именно там и именно тогда, где и когда нужно.

Но Кнудсена она не успокоила.

— Делаем хронобросок. Я засекаю время на уход в будущее и возврат в настоящее. Даю на две эти операции одну минуту.

Но Марии понадобилась минута только на то, чтобы исчезнуть. И исчезла она не сразу, а постепенно: сперва расплылись очертания, тело превратилось в силуэт, силуэт стал призраком, призрак потускнел и стерся. Еще медленнее она возвратилась из будущего: сначала такой же призрак, после силуэт и лишь потом полная материализация.

— Нет, нет и еще раз нет, Мария! Тебя успеют трижды убить, прежде чем ты выполнишь один хронобросок.

— Если я дам по себе стрелять! Я ведь могу и защищаться.

— Сейчас я покажу тебе, что защита неэффективна. Берем демонстрационные пистолеты. Исчезай!

До того как Мария полностью ушла в близкое будущее, Кнудсен пять раз разрядил в нее пистолет. От двух выстрелов она увернулась, три попадания были удачны. Сама она, стираясь в невещественность, два раза поразила капитана корабля. Последний удачный выстрел был сделан из пистолета, которого Кнудсен уже не увидел: лишь легкая полоска тумана качнулась перед ним, когда вылетела демонстрационная пуля.

При обратном хроноброске повторилась та же картина: он успел выстрелить пять раз, три пули угодили в Марию. И сама она дважды поражала Кнудсена.

— Плохо, даже очень плохо, — невесело констатировал капитан корабля. — Ты была шесть раз убита. Хронобросок не удался.

— Но и я ровно четыре раза тебя убила!

— Да, четверых ты убьешь. А если их будет семь? Или семнадцать? Или тысяча? Твоя боевая операция будет удачной в одном случае: если обойдется без боя! Здесь нужно искусство, которое повыше первобытного умения убивать. Повторим хронобросок еще раз.

И вторая, и третья репетиции Кнудсена не порадовали. Мария по-прежнему растворялась в будущем слишком медленно. Она оправдывалась:

— Ты настаиваешь: уход только в близкое будущее. Но если я слишком быстро дематериализуюсь в настоящем, я слишком далеко унесусь в будущее. Разве это хорошо?

— Нехорошо. Но все же лучше медленного исчезновения. В будущем тебе не грозят сражения с реальными врагами. Будем повторять хроноброски, пока не отработаешь мгновности.

Только на третьем десятке повторений Кнудсен расщедрился на похвалу, но продолжал репетиции с прежней настойчивостью.

— Мария, — сказал он на пятидесятой репетиции, — ты выдающийся геноинженер. Но если бы ты ушла в хронавты, то и тут не осталась бы в середнячках. Еще два-три десятка хронобросков — и можно выпускать тебя без больших опасений.

Настал момент, когда он объявил:

— Хватит! Технику исчезновения и материализации ты освоила. Воздействие на противника отработала. Датчики, посланные мной еще до репетиций с хронобросками, проникли в пещеру рангунов и показывают, что суд над Мишей начался. Больше нельзя терять ни минуты!

Она упрекнула его:

— Ты ничего не говорил о датчиках! Что они собой представляют и когда ты их выслал?

— Не хотел говорить, чтобы ты не нервничала, узнав, что судилище уже идет. А датчики похожи на обычные камни, которых в пещере множество. Вряд ли кто определит их истинное назначение.

Мария подумала.

— Ты не можешь превратить их в оружие?

— Могу. Но что толку, если мы выведем из строя какое-то количество рангунов? Все равно надо проникать в пещеру, чтобы вывести Баха. Теперь исчезай!

Она пропала столь стремительно, что он не успел махнуть рукой на прощанье. Кнудсен подсел к экрану и включил датчики, высланные в пещеру. Один показал вход и хав-

ронов, замерших на страже, — этот датчик лежал на земле. Кто-то из хавронов, проходя мимо, задел его ногой — картина сместилась. Второй датчик валялся в туннеле: он показывал тускло освещенный вход, мимо него то и дело проходили хавроны. Третий высвечивал саму пещеру — Кнудсен сосредоточился на нем.

В пещере творилось что-то странное: действие мало напоминало суд, каким он представлялся Кнудсену. Ему показалось, что он присутствует на философском диспуте о природе добра и зла. Бах профессорским голосом излагал концепции добра на разных стадиях развития человечества; вероятно, так же размеренно он объяснял своим студентам азбучные археологические истины. Ватута, зло кривя лицо в улыбке, устанавливал, что в основе добра лежит потребность в пользе, а им, Бессмертным, польза ни к чему, они ни в чем не нуждаются. И, стало быть, добро — понятие чисто человеческое, рангуны же вне добра и зла — и поэтому он не видит препятствий к тому, чтобы казнить пришельца по имени Бах, по природе человека, по званию Академика, самой почетной казнью, которую тот сам себе выберет, — и это будет знаком высокого уважения к нему.

Теоретические споры никогда не интересовали Кнудсена, если, конечно, они не затрагивали хронистики. В этой созданной Чарльзом Гриценко и разрабатываемой самим Кнудсенем молодой науке было так много необъясненного и непонятного... И, быстро утратив интерес к предмету пиратств человека и рангуна, Кнудсен стал осматривать пещеру. Датчик угнездился в углублении под потолком и хорошо высвечивал два валуна (на одном сидел Бах, на другом стоял немолодой смиренный дилон) и разбросанные вокруг камни, на которых разместились Бессмертные. Впереди, особо, — Ватута, позади, беспорядочной кучкой, — остальные. Охранников Кнудсен видел отчетливее, чем рангунов. Охранниками были хавроны — рослые обезьяны с могучими мышцами и свирепыми мордами, каждый сжимал в мохнатых лапах резонатор. Кнудсен всматривался в них и пони-

мал, что от таких не приходится ждать ни пощады, ни раздумий: Властитель кивнет — и вся эта вооруженная орава ринется хватать, вязать, впиваться когтями, рвать клыками. Кнудсен передернул плечами — ему стало нехорошо. Пора бы уже Марии появиться! Прошло достаточно времени, чтобы успеть совершить хронобросок в близкое будущее и возвратиться в настоящее. На репетиции уход и возврат совершались быстрее.

Теоретический диспут в пещере вдруг превратился в битву. На Баха набросились хавроны. Он поразбросал их отчаянными ударами. Кнудсен с волнением и гордостью смотрел, как коротенький полный человечек отражает натиск лохматых гигантов. Баха повалили, один хаврон наступил ему ногой на грудь, другой вязал руки. «Где Мария? — думал Кнудсен. — Почему она задерживается? Нет, почему она задерживается?»

В пещерном сражении возник неожиданный поворот. Пленный дилон, долгое время одиноко горбившийся на валу не рядом с Бахом, — уродливая фигурка, до того смиренная и жалкая, что один взгляд на нее вызывал у Кнудсена смутное недоброжелательство, — вдруг разразился диким визгом и кинулся к сражающимся. Кнудсен увидел, как он выхватил из кармана упавшего Баха резонатор и резко повернул его на хавронов. Один из нападавших сразу распался надвое, другой рухнул, залитый кровью, остальные в страхе попятились, хотя каждый был вооружен. «Боятся применять оружие, чтобы не угодить во Властителя, — этот чертов Ватута слишком близко к сражающимся, — понял Кнудсен. — Что с Марией? Она недопустимо опаздывает!»

В это время взбунтовавшийся дилон с радостным визгом направил резонатор на Ватуту. Властитель Бессмертных — Кнудсен хорошо это видел — затрясся и попытался убежать, однако ноги его не держали. Но Ватуту заслонил своим телом какой-то хаврон; резонатор полоснул по нему, хаврон рухнул, уже разваливаясь и все еще вопя запоздавшим воплем, а на дилона со спины набросился один из Бессмерт-

ных — единственный, кто в этой кучке жалко потерявшихся рангунов нашел в себе смелость вмешаться в сражение. Марии все не было, Мария непоправимо запаздывала!

Схватка дилона и Бессмертного закончилась быстро — рангун был много массивнее. Сраженный бунтарь рухнул, на Баха снова набросились и опять стали вязать. К человеку подошел Ватута. Ярость и жажда мщения искажали львиное лицо Властителя Бессмертных. А Марии все не было, Мария затерялась где-то в просторах грядущего — она, наверное, не сумела найти пути для быстрого возвращения из какого-то слишком далекого «потом» в это так нуждавшееся в ней «сейчас». Кнудсен остро пожалел, что растянул внешнее время только вдвое. Нужно было притормозить его втрое; ему не удалось надежно подготовить Марию к спасательной операции. Кнудсен положил руку на пульт, нащупал две кнопки — особые кнопки — это было средство на крайний случай. «Ultima ratio regis», последний аргумент короля, — так называли бы эту новую операцию древние. Он ничего не говорил о ней Марии, ей не следовало знать, что есть еще один способ спасения товарища — он был слишком жесток. Но если она так и не появится, в момент, когда слуги Ватуты кинутся убивать Баха, один из датчиков — тот, что обычным камешком валяется сейчас в углублении на стене, — вырвется наружу пламенем и ядерными частицами. И верная гибель ждет все живое, кроме человека, защищенного, как все хронавты, от излучения распавшихся ядер. Это еще не будет спасением — связанный пленник сам наружу не выберется, но и немедленной смерти не случится.

Ватута грозно заговорил:

— За это тебе!..

И Кнудсен понял, что, когда Властитель Бессмертных закончит свою фразу, наступит миг лихорадочно выстукивать на обеих кнопках шифр взрыва.

Ватута не закончил приговора, Ватута в ужасе окаменел. В сумрачной пещере вдруг вспыхнул факел. И с радостным удивлением Кнудсен увидел, что в нем материализуются

не одна, а две фигуры. С Марией был Асмодей — жалкий, оборванный, но, как всегда, быстрый и исполнительный. Сквозь дыры на его одежде проглядывали металлические детали и пластмассовые пластинки, а не розоватое подобие человеческой кожи. Всего ждал Кнудсен, когда выяснилось, что Мария сильно опаздывает, но что она отыщет киборга и явится с ним — и отдаленно не мог вообразить.

Мария быстро поворачивалась, из ее руки вырывался конус фиолетового света — все, на кого падало сияние, замирали. Асмодей поспешно развязывал Баха, помогал ему встать на ноги. До Кнудсена донеслось громкое предупреждение Марии: все в пещере облучены, малейшее сопротивление равносильно гибели! Ватута покорно склонил большую голову, он не сопротивлялся. Мария подошла к Баху, перекинулась с ним несколькими словами. Только после этого она обернулась к выходу из пещеры — она знала, что в эту минуту, вероятно, именно с этой стороны невидимый капитан хронолета взволнованно наблюдает за ними.

— Анатолий, высылай планетолет!

5

Бах кинулся в объятия Кнудсена. У сдержанного капитана хронолета дрожали губы и влажно сияли глаза. Он сказал:

— Знаешь, я сегодня узнал, что страшнее всего!

Бах с улыбкой посмотрел на друга: он догадывался, что речь пойдет о том, как за него боялись. Но Кнудсен сказал не это.

— Самое страшное, когда видишь, как гибнет близкий человек, и знаешь, что можешь спасти его, но ценой гибели тех, кого вовсе не хочешь уничтожать.

— Погибли Кун Канна и трое хавронов, правда, ребята они были хорошие, я успел к ним привязаться, — сокрушенно сказал Бах.

— Упрек адресован мне? — спросила Мария.

— Тебе, — ответил Кнудсен, — и не только в гибели четверых живых существ. Если бы ты задержалась еще на минуту, умерли бы все, кто находился в пещере, — кроме Миши, естественно.

— Ты сам виноват, что я запоздала, — сказала Мария. — Ты снабдил меня хронодетектором. Благодаря ему я нашла Асмодея. Поставь мне в заслугу хотя бы это.

И она рассказала, что уже собиралась выбираться назад из скачка в будущее, когда хронодетектор обнаружил какой-то непорядок в близком времени. Неподалеку свивался небольшой хроноворот, в кольце замкнувшегося на себя времени металось материальное тело. Она догадалась, что естественные хроновороты так далеко от полюсов не возникают — он мог быть только искусственным. И когда ударом из своего хроногенератора разорвала хронокольцо, из него вывалился Асмодей. Подробности он расскажет сам.

— Это произошло, когда Аркадий с двумя дилонами бежали в мертвый лес, которого страшно боятся все хавроны, а я остался прикрывать их бегство, — рассказывал Асмодей. — Я был в личине № 3, вы ее еще не видели — настоящий стереозавр с полным набором зубов, к тому же огнедышащий. Подлинное страшилище, вы в этом сами убедитесь, когда подремонтируюсь. Хавроны стали меня одолевать. Хронотрансформатор был на издыхании, но вынес меня в иное время, зато отказал при возвращении. И я запутался в новом времени, только не знаю — каком, все так повторялось, что звенели контакты в мозгу. Если бы не Мария, мне была бы крышка, хотя никакой крышки над собой я не видел — и не совсем понимаю, почему вы, люди, так любите это словечко. Но главное не во мне, главное в том, что я увидел в будущем — я такое увидел! Не поверите! Сейчас я все расскажу...

— Ты расскажешь потом. Аркадий, значит, спасся в каком-то лесу? — спросил Кнудсен.

— Он побегал в обезумевший лес, так его называют хавроны, они его ужасно боятся. Они его не преследовали, да и я бы не пустил. А что с ним теперь — не знаю.

Кнудсен распорядился:

— Будем искать Аркадия и его спутников. Мария, поручаю это тебе. Возьми Асмодея.

— Одного Асмодея может не хватить. Разреши взять в помощники десяток хавронов и двух-трех Бессмертных. Уверена, что они будут вести себя смирно.

— Бери кого хочешь, хотя в смирении рангунов я не уверен.

Мария повторила, что убеждена в покорности Бессмертных, но какая-то капля сомнения оставалась и у нее. Она вспоминала древние книги о покорении одних народов другими: в них ярко описывались восстания против покорителей и угнетателей. Что хрононавигаторы не угнетатели, рангуны убедятся быстро, но покорителями они остаются в любом случае. И, направляясь из салона планетолета в трюм, где разместили Бессмертных, Мария тихо твердила про себя строчку из романа о приключениях людей на прекрасной планете, населенной высокоразвитыми гуманоидами. За несколько столетий после выхода романа в свет реальные астронавты так и не обнаружили ни столь прекрасной планеты, ни совершенных гуманоидов — ни в ближнем, ни в дальнем космосе. «Мы покорители сердец, мы завоеватели душ!» — говорил герой жителям удивительного мира, и добросердечные аборигены — волей автора — немедленно раскрыли души и отдали сердца покорившим их людям. Мария утешила себя еще одной древней цитатой из кодекса завоевателей и покорителей — она звучала не так красиво, зато внушительно: «Пусть не любят, лишь бы вели себя смирно».

Рангуны вели себя смирно. Предоставленный им пустой трюм был достаточно обширен — сюда могло вместиться и побольше пленников. При появлении Марии все рангуны поспешно выстроились. Ватута церемонно наклонил голову и чуть отвел назад руки. Асмодей, вошедший вместе с Марией, немедленно повторил приветствие Верховного Злодея — ему понравилась красивая поза: наклоненная голова, отброшенные назад руки — и уважение, и непринужден-

ность, отлично подойдет к личине № 17. Мария ограничилась тем, что впервые внимательно присмотрелась к Вату-те — в пылу вторжения в пещеру было не до того, чтобы любоваться ошеломленным противником. Властитель Бес-смертных был импозантен: рослый, крупноголовый, с ци-линдрическим туловищем, лишенным бочкообразности, отличавшей почти всех рангунов, с пропорциональными ногами. Он вполне мог быть статуей самого себя, на Зем-ле она смеха не вызвала бы — в отличие от бочек на журав-линых ногах, какими скульптор должен был бы изобразить остальных Бессмертных.

— Ватута, попрошу тебя об одной услуге, — дипломатич-но начала Мария.

Он явно не поддавался на дипломатические приемы.

— Твое дело повелевать, мое — исполнять, — сказал он на приличном человеческом языке: общение с Бахом дало свои плоды.

Мария решила, что еще не время перевоспитывать Бес-смертных. Хорошо — повеление, а не просьба. Надо спасти хрононавигатора Аркадия Никитина и двух его спутников-дилонов, бежавших от хавронов в какой-то мертвый лес. Она хочет, чтобы Ватута сопровождал ее со своими помощ-никами, которых сам отберет.

Асмодей не преминул поспешно объявить:

— Отряд поведу я. Я хорошо помню пещеру, где задержал хавронов, когда они хотели помешать нашему бегству.

Ватута снова наклонил голову — на этот раз такой жест можно было истолковать как знак согласия.

— Пусть ведет блистательный Асмодей, он отважно сра-жался против моих солдат. Удивляюсь только, что он остал-ся в живых: в последнем донесении Клаппы сообщалось, что Асмодей погиб в битве, а трое других беглецов, несо-мненно, погибли, ибо скрылись в безумных лесах, где все противодействует жизни. Даже мы, Бессмертные, избегаем их. Впрочем, я пойду в любое место, куда поведешь ты, По-вельительница!

— Ты уверен, что наши друзья погибли? — спросила Мария, обеспокоенная легкой иронией в ответе Ватуты.

Он выразительно показал на киборга:

— Я был уверен в его гибели, а он жив. Вы умело творите чудеса. Не буду поражен, если в гуще леса повстречаем твоих друзей, веселых и здоровых. После того как ты, внезапно появившись из небытия, взяла нас всех в плен, о чем бестолковые дилоны даже подумать не осмеливались... В общем — я теперь допускаю и недопустимое!

Мария отметила, что общение с Бахом принесло еще один результата: Властитель Бессмертных не просто хорошо объяснялся по-человечески — он приобрел навыки земного оратора. В данной ситуации он мог бы разглагольствовать и не так напыщенно — и Мария постаралась показать, что лучше бы ему держаться иначе.

— Три минуты на сборы! Все, кто не в поход, переходят из планетолета в «Гермес». Асмодей, быстро!

Планетолет с пассажирами стартовал на север. В рубке у пульта села Мария, рядом разместился Асмодей, позади обоих — невозмутимый Ватута. Сначала потянулись дремучие леса, такие же, как в Дилонии, только гуще — исполинские голубые деревья с пышными кронами. В глаза сверкала Гаруна Белая, был ее час на небосклоне. Сбоку сияла Гаруна Голубая. По мере углубления на север Белая Звезда смещалась вбок, прямо по курсу легла Голубая. Деревья теряли свою высоту и яркость, чаща перебивалась кустарниковыми зарослями, появлялись пустоши, их становилось все больше.

Пейзаж все сильней омертвлялся: сухие деревья, голые холмы, тускло поблескивающие озера... Подал голос до сих пор молчавший Ватута:

— Повелительница, веди корабль осторожнее. Впереди пещера, где хавроны держат нашу последнюю заставу.

Мария посадила планетолет около одного из холмов. Неширокий лаз вел в пещеру. Площадка перед ней сохранила следы недавней битвы: здесь валялись трупы хавронов, ору-

жие, остатки боевой личины Асмодея. Киборг поднял обломки зубастой головы.

— Все поломано, Мария. А какой был зверь! Нет, какой зверь! Глаза — факелы, рот — пылающее горнило, каждый зуб — раскаленный металл! А шерсть? Не шерстинки — электрические разряды. Ты бы посмотрела, Мария, как шарахнулись от меня хавроны.

Мария велела идти в пещеру. Асмодей ручным фонарем осветил картину побоища. Всюду лежали мертвые тела — перекорезанные, раздробленные, расчлененные; труп возле трупа, труп на трупе. Тяжкое безмолвие нависло над могилой. Асмодей прислушался — и его обостренный слух не уловил ни вздоха, ни стоны.

— Мой храбрый Клаппа, — спокойно проговорил Ватута, показывая на растянувшегося во весь рост хаврона. — Лучший солдат моей армии. Его одного хроноворот не разорвал на части.

Планетолет снова поплыл над лесом. Индикаторы обшаривали каменные деревья. Минута шла за минутой, час за часом — беглецов не было. Мария повернула к Ватуте побледневшее лицо:

— Неужели Аркадий погиб?

Рангун вежливо сказал:

— Радуйся, что никого не видишь. Мертвые деревья отбирают жизнь, но тела оставляют. Раз нет трупов беглецов — значит, им удалось пробраться сквозь чащу. Хавронам этого еще не удавалось.

— А Бессмертные эти места не посещают?

— Бессмертные эти места не посещают, — бесстрастно ответил Бессмертный № 3.

Лес стал меняться, появились живые стволы, их становилось больше. Индикатор показал, что вдали движется человеческая фигура. Мария впиалась глазами в экран. Это мог быть только Никитин, но бредущий в лесу человек — пошатывающийся, старчески согнутый — мало напоминал того юного Аркадия, которого она знала. Человек упал, с уси-

лием повернулся на спину и замер, обратив неподвижные глаза к тусклому небу. Мария посадила планетолет прямо на кроны деревьев — они посыпались в стороны, стволы затрещали — и первой выскочила наружу.

Она упала возле Аркадия, схватила его, затормозила, стала целовать.

— Сын мой, родной мой! Мальчик мой, скажи что-нибудь... Мы нашли тебя, мы спасли тебя!

Он глядел на нее большими, серьезными, лишенными мысли глазами.

6

Кнудсен оглядел салон. Все пятеро снова были вместе: он сам, сидевший под изображением так странно похожего на него бога Хроноса; Мария, свободно откинув голову на спинку кресла, — ей шла эта непринужденная, не лишенная какой-то значительности поза; Бах, с ногами забравшийся в свое кресло, — он любил, усаживаясь, превращать себя в подобие комка; Аркадий, бессильно распростершийся на диване, и Асмодей, отремонтированный, вычищенный, в своей любимой личине № 17 — для нее в его багаже оказался полный дубликат деталей.

— Были несчастья — преодолели, — сказал Кнудсен. — Что дальше?

Бах откликнулся незамедлительно:

— Одно из двух: либо улепетываем восвояси с этой негостеприимной планетки, либо задерживаемся на ней. Но для чего?

Мария поморщилась:

— Мне не нравится слово «улепетывать». И где расположено это твое «восвояси»? Вернуться на Землю? Выискивать новые негостеприимные планеты? Возвращаю тебе твой вопрос: для чего?

Бах, обожавший научные дискуссии, рванулся в спор.

— Очень даже для чего! Вспомни рейсовое задание. Открывать неизвестные цивилизации в мирах с иным физическим временем, поскольку в космосе таких уже нет. И среди них обнаружить ту сверхцивилизацию, тех воплощений Высшего Разума, которые три миллиарда лет назад высаживались на Землю и так удивительно походили на современных людей. Прекраснодушные дилоны причисляют себя к воплощениям Высшего Разума, но, думаю, не только Высший, но и обычный разум у них не всегда можно найти. Я не говорю уже о дубоватых рангунах, числящих себя вне добра и зла. И те, и другие к тому же нечеловекоподобны. В общем, на Дилоне задание выполнить нельзя. Так в чем же дело? Искать в иных мирах!

— Ты ясен, — сказал Кнудсен. — Аркадий?

Аркадий с усилием приподнялся. Исхудавшее, побледневшее лицо кривилось — не то от боли, не то от слабости. Он отдыхал после каждого двух-трех слов, произнесенных слабым голосом:

— Да, не находим... Но дилоны, наши друзья... попали в беду... Предательство — оставить их...

Потратив три минуты на несколько фраз, Аркадий снова откинулся на диван. Мария с нежностью поправила накинутый на него плед.

— Ты, Мария? — спросил Кнудсен.

— Остаться, — твердо сказала она.

— Итак, тебя никто не поддерживает, Миша, — резюмировал Кнудсен. — Я тоже против того, чтобы покинуть Дилону сейчас.

— Ты приписываешь мне то, чего я не желаю, — хладнокровно парировал Бах. — Я и не думал предлагать бегство.

— Если я правильно понял тебя, Миша...

— Ты неправильно понял! Я сказал, что есть две возможности: уходить или оставаться. И каждую можно доказательно обосновать. И я показал, что бегство вполне укладывается в задание рейса. Но я вовсе не стремлюсь бежать с Дилоны. Наоборот, намерен уговорить вас на радикальные

меры оздоровления планеты. В корне переменить существование рангунов и дилонов — вот моя идея!

— В наше рейсовое задание не вписано вмешательство в жизнь народов, которые мы встречаем, — напомнил Кнудсен. — Людям только в исключительных случаях разрешено менять образ жизни инопланетян.

Бах ожидал такого возражения. Основа для серьезной дискуссии была создана. Она привскочил на кресле.

— Утверждаю, что на Дилоне исключительная ситуация, требующая нашего вмешательства. Совражество дилонов и рангунов социально бессмысленно и морально нетерпимо. Нужно покончить с их противостоянием. Вижу только один эффективный способ. Вы спрашиваете — какой?

— Еще не спросили, но спросим.

— Покончить с бессмертием рангунов — вот единственный способ ликвидировать междоусобицы на Дилоне! — торжественно возгласил Бах.

Он наслаждался эффектом. Мария не сдержала возгласа негодования. Аркадий ничего не сказал, но было видно, как жестоко задела его слова академика. Один Кнудсен сохранил спокойствие, он даже иронически улыбнулся — молчаливая улыбка отвечала какой-то собственной мысли.

— Ты хочешь уничтожить рангунов, чтобы ликвидировать их вражду с дилонами? — спросила Мария. — Радикально, конечно...

Бах энергично прервал ее:

— Но глупо — во-первых и преступно — во-вторых, ты это хочешь сказать? Полностью согласен: преступно и глупо! Друзья мои, я и в мыслях не держу уничтожить рангунов — это было бы чудовишно. Нет, надо просто превратить рангунов из бессмертных в смертных. Пусть живут долго, но бессмертие — ликвидировать! Ибо бессмертие аморально, а любая аморальность неизбежно становится преступлением. Хотите обоснований?

— Обосновывай! — разрешил Кнудсен. — Послушаем, как археолог превращается в философа.

Бах махнул рукой. Нет, в философа он не превратится, он из тех сверчков, что знают свой шесток. Но есть изначальные понятия, свойственные каждому, — он будет говорить о них. Итак, бессмертие. В принципе, в бессмертии нет зла, оно даже кажется высшим благом бытия — люди всегда о нем мечтали. Но, к счастью, значительно продлив жизнь, бессмертными так и не стали. Ибо что такое бессмертие? Отмена пределов жизни, иначе — превращение необходимости во вседозволенность. Ватута, доложу вам, не дурак, он сразу сообразил, что наши понятия добра и зла связаны с бранным бытием человека. Он издевательски обозвал человеческую мораль техникой безопасности нашего существования — и многое тут верно, не буду отрицать.

— Но посмотрите, — с увлечением ораторствовал Бах, — что следует из их удивительной философии, отвергающей великую формулу «надо», издевающейся над понятием «польза». В существовании исчезает разум, отыскивающий самый полезный и справедливый путь в голой необходимости жизни, — и оно само становится бессмысленным. Для чего им бессмертие? А ни для чего! Ибо не содержит в себе цели, просто есть и не требует никаких усилий. Но существование без деятельности невозможно — потребность что-нибудь совершать свойственна всему живому. Они деятельны, но бессмысленно. Строить, чтобы разрушать, воевать ради войны. Даже жизнь свою не украшать, не улучшать, не совершенствовать! Зачем это делать? Улучшение вызывается необходимостью, а им ничего не нужно.

— Что лихорадочная деятельность рангунов превращается в пустую суету, мы знаем и без твоей лекции, Миша, — заметил Кнудсен.

— Нет! — воскликнул Бах. — Нет, Анатолий, не суета, а трагедия. Хлопотливое строительство превращается в разрушение, деятельная война порождает уничтожение противника. Война на Дилоне не просто длится, она усиливается, она не может не усиливаться. И окончится она лишь взаимным истреблением дилонов и рангунов. Это неизбежно,

друзья мои! Бессмертие неспособно вечно сосуществовать со смертной жизнью. Такое сосуществование взрывает само себя. И мы должны совершить гуманную операцию: ликвидировать бессмысленное бессмертие рангунов.

— Гуманную, ты сказал? — переспросила Мария. — Я иначе представляла себе гуманность.

— Гуманную! — повторил Бах. — И это не парадокс. Настоящая жизнь у рангунов начнется только тогда, когда они покончат со своим бессмертием.

— Когда мы покончим с их бессмертием... — спокойно поправил Кнудсен.

— Да, мы! Сами они на это не пойдут, ибо не представляют себе нормальной жизни. Какие возможности интеллекта открывает жизнь, лишённая тупой бесконечности! Оберегать ее — и разрабатывать тысячи средств обережения! Превращать из короткой в долгую — и еще больше усиливать свой разум! Украшать существование, превращать его из только биологического в эстетическое. Заботиться о потомстве, которого бессмертным не нужно, испытывать нежность и страсть — всего этого они сейчас лишены. Наполнить жизнь любовью и красотой! Рангуны способны возводить дворцы, но прозябают в пещерах — такова цена их бессмертия. И когда они увидят, что конец жизни неизбежен, то постараются не только отдалить его, но и облагородить все, из чего складывается существование. Тогда и возникнут те законы справедливости и добра, которых так не хватает им сегодня.

— Какой гимн смерти! — сказала Мария, качая головой. — Вот уж не ожидала, что твоя любовь к парадоксам заходит так далеко.

— Гимн жизни, а не смерти! Мария, ты геноконструктор, ты творец жизненных форм, ты лучше нас должна понимать, что бессмертие незачично, что только нормальная жизнь прекрасна. Ты ведь ни разу не создавала бессмертных животных.

— Просто я не умею их конструировать. Не знаю, как бы я поступила, если бы умела.

— Зато я знаю. Отвергла бы бессмертных животных как объекты, лишенные стимула к усовершенствованию.

Бах с торжеством оглядел друзей. В том, что переубедил всех, он уверен не был, но что неотвергаемых возражений не встретит, не сомневался.

— Очень хорошо, — сказал Кнудсен. — Допустим, мы приняли твою концепцию аморальности бессмертия. И, допустим, твое красноречие покорит и Ватуту, и всех его Бессмертных. Но как тогда внедрить у них это смертное существование со всеми его прелестями — любовью, заботой о продлении рода, украшениями быта? Имеешь конкретные идеи по этой части?

— Об этом пока не думал.

— Напрасно. У меня подозрение, что если рангуны и примут твои идеи об осмысленном существовании, то не согласятся со средствами, какие ты придумашь.

— Я еще ничего не придумал.

— Зато я думал за тебя.

— Ты знал, что я хочу предложить?

— Догадывался, скажем так.

— Как ты мог догадываться?

— Думал о том же, о чем думал ты!

— И пришел к тем же выводам?

— Не пришел — меня привели. Я разговаривал с природой.

— У тебя есть способ непосредственного общения со всей природой?

— Не со всей природой, а с ее полномочным представителем.

— Кто же этот полномочный представитель?

— Можешь посмотреть на него.

Кнудсен указал на Асмодея. Радость и смущение — для человекоподобия — были порознь внедрены в Асмодея. Но радостное смущение не было запрограммировано, он дошел до него собственными усилиями. И ухмылку на его лице можно было назвать только радостно-смущенной. В от-

личие от киборга, капитан хронолета выглядел серьезным и хмурым. Бах воскликнул:

— Ожидая чрезвычайных известий! Верно, Анатолий?

— Верно, Миша. Те сведения, которые добыл Асмодей, убегая от хавронов, иначе как чрезвычайными не назвать. Спасаясь от них, он не ускользнул в фазовое время, что было бы проще, а унырнул в будущее. И по запарке оказался в далеком «потом». Что он там увидел, я переведу на экран. Асмодей, садись в демонстрационное кресло. Сосредоточься на выдаче картин, а комментировать буду я.

7

Демонстрационное кресло помещалось в нише салона. Кнудсен выкатил его на середину.

— Первая картина на экране, — сказал Кнудсен.

Это было сражение киборга с хавронами. В сторонке, в поле бокового зрения Асмодея, промелькнул Аркадий с Саланой на руках, рядом торопился Уве Ланна. На Асмодея наседали хавроны, он отбивался — экран полосовали выбросы пламени изо рта ящера; падали, воя и извиваясь, лохматые солдаты. Потом взметнулся сорванный резонатором спинной гребень и, дрожа в остаточной вибрации, покатился по земле. За гребнем посыпались другие фрагменты личины № 3. Пламя и дым ослабели. На экран вырвалась свирепая морда Клаппы — осатаневший хаврон пошел на киборга в одиночку. Все затянуло туманом, в тумане снова ли темные силуэты.

Кнудсен прокомментировал первую картину:

— Асмодей понял, что хавронов не одолеть, что Аркадий с дилонами успел убежать далеко в лес и что надо теперь бежать самому. Обычный побег в пространстве исключался. Асмодей включил хрономоторчик и дал максимальную мощность, но выскользнул, как я уже говорил, не в боковое время, а напрямиком в грядущее. Посмотрите, что он там увидел.

Асмодей удирал не только во времени, но и в пространстве — мир на экране пустился в ошалелый пространственно-временной танец. Леса вырастали и рушились, в них бежали, как живые, реки — они бросались то вправо, то влево, вдруг пересыхали, вдруг набухали сверх берегов. Одна гора, оставаясь на своем месте, внезапно побежала за другой горой, та тоже стояла на месте и тоже бежала. Горы были невысокие, остроголовые — скорее крупные скалы; некогда их выдавило из недр, они стояли крепко и уверенно — и вместе с тем непостижимо неслись по экрану вместе с державшей их почвой. Одна скала догнала другую, рухнула на нее — взрыва не было, грохота тоже, только мириады камней заполнили весь экран. Мария отшатнулась, в лицо ей метнулась глыба, но, не долетев, пропала. Мир путался в самом себе, расшвыривал и судорожно захватывал все, чем был: леса, горы, небо, реки, даже светила — одна Гаруна бледнела и терялась, падая за горизонт, другая увеличивалась и накалялась — с экрана повеяло жаром. Мария прикрыла рукой лицо, Аркадий что-то пробормотал, Бах вскрикнул.

— Тысячи лет истории планеты, сконцентрированные в минуты хронобега Асмодея, — прокомментировал Кнудсен. — Сейчас Асмодей впадает в ужас, что забрался слишком далеко, и пытается затормозить бег времени. Картина третья. Полюбуйтесь, что ждет Дилону через два или три тысячелетия.

Теперь мир менялся не во времени, а в пространстве. Асмодей несся над городом дилонов. Груда обломков чернела там, где когда-то стояли дома. Ни одного дилона не было среди обломков, только в сторонке от бывшего города темнела какая-то свалка. Асмодей устремился к ней — гора мертвецов, трупы, одни трупы. Собрание мертвых тел унеслось в сторону — киборг бежал из страны дилонов.

— Картина четвертая: рангуны, — сказал Кнудсен.

Рангунов тоже не было. Не было и города с попеременно возводимыми и разрушаемыми зданиями — такая же груда развалин, что и у дилонов. В восемь глаз всматривались хро-

навты в мертвую площадку в горах, где в прошлом так шумно сновали лохматые обезьяноподобные хавроны, смиренно плелись пленные работяги-дилоны, важно вышагивали на журавлиных ногах бочкообразные рангуны. В стороне от погибшего города мелькнул какой-то силуэт, Асмодей устремился к нему. У голубого дерева сидел рангун, он скорбно смотрел на киборга. Такого рангуна не могло быть, он был очень стар — люди не видели таких среди Бессмертных. Все запертые сейчас в хронолете были в цветущем возрасте: кто просто юн, кто уже в зрелой поре — ни одного младенца, ни одного старика. У ног рангуна, на земле, высветились две фигурки — ребенок, раскинувший ручки, и второй старец, много дряхлее первого. Оба были еще живы, они еще слабо шевелились, но смерть уже вцепилась в них — и ребенок, и старец умирали. А первый, живой старик плакал, трясая седой головой.

— Как похож этот ребенок на Ватуту! — воскликнула Мария.

— А плачущий старик — копия Кагулы, Бессмертного № 29, моего, смею думать, доброго друга, — сказал Бах. — Но как он чертовски постарел! Просто безмерно стар! А кто третий? Во время суда надо мной присутствовали все Бессмертные — ни один не похож на умирающего старца. И на тех, кто сейчас на корабле, не похож.

— Возможно, мы захватили не всех Бессмертных, — отозвалась Мария. — Но неужели через два тысячелетия останутся только эти трое умирающих? Асмодей, можешь мне ответить?

— Только трое, Мария. Я несколько раз облетел всю Рангунию, никого больше не было.

— Картина пятая, — объявил Кнудсен. — Присмотритесь теперь к светилам: в них перемены, предвещающие важные события.

На экране появились сильно увеличившаяся Гаруна Голубая и столь же сильно потускневшая Белая. Мария повернулась к иллюминатору, чтобы поглядеть, что снаружи, — но

там свирепо сверкала Гаруна Белая, томно светила Гаруна Голубая, ее скромное сияние терялось в неистовом излучении Белой сестры. А на экране Голубая звезда забивала Белую. Бах задумчиво сказал:

— Впечатление, будто Гаруна Голубая перетянула Дилону поближе к себе. Но как это возможно?

— Впечатление правдивое, — сказал Кнудсен. — Я выключаю экран, остальные картины не так интересны и не так важны. Асмодей, ты свободен.

Асмодей выскочил из тесного кресла и, страшно довольный, что произвел впечатление, пристроился у стены. Для него не были разработаны разные улыбки, он был оснащен лишь ухмылкой, но умел сам разнообразить ее — сейчас она изображала почти торжество. Картины грядущего были трагичны, торжествовать было не ко времени, но Асмодей радовался, что свое дело — добыть важные известия — проделал отлично.

— Я не астрофизик и не хронист, — сказал Бах. — Мария в хронистике смыслит не больше моего. Объясни нам, Анатолий, возможно ли зримо зафиксировать грядущее? Ведь будущего еще нет, оно только будет, — как же можно снимать то, чего нет? По-моему, видения Асмодее — обычные футурологические прогнозы, облеченные в живописные картины.

Кнудсен ответил:

— Нет! Картины Асмодее не гипотезы, а изображение реальной действительности. И хоть это действительность далекого завтра, от этого она не становится менее реальной.

— Значит, и города дилонов, и города рангунов, и сами дилоны, а с ними рангуны с хавронами в скором будущем реально погибнут?

— В нескором будущем, но непременно погибнут.

— Тогда повторю свой вопрос. Как заранее снять то, чего еще нет? Никогда не слышал об этом!

— И этим показываешь, как далек от астрофизики. Уже шесть веков назад астрофизики знали, что реально суще-

ствуует та удивительная возможность, которую ты и сегодня отказываешься признать: будущее действительно можно увидеть. Именно тогда они обнаружили необычайные звезды и выразительно наименовали их черными дырами. При некоторых условиях обычная звезда вдруг схлопывается, превращается из огромного космического тела в небольшой шарик с невообразимой плотностью — в миллиарды раз плотнее воды. Все частицы, все кванты света, пролетая мимо такой звезды, поглощаются ею, словно проваливаясь в дыру. Для постороннего наблюдателя звезда выпадает из времени, погружается в вечность. А если бы наблюдатель был на ней, то для него, наоборот, все окружающее время стремительно сжалось бы, превратилось из необозримо длинной линии в точку. И этот наблюдатель воочию увидел бы все будущее Вселенной — вплоть до последнего мига ее существования. И — будь у него стереоаппарат — зафиксировал бы бесконечное грядущее как сиюминутную реальную картину. Вот что знали астрофизики двадцатого столетия и чего ты, Миша, не знаешь в столетии двадцать шестом.

— Принимаю упрек в невежестве. Но почему Дилону ожидает такое трагическое будущее? Можешь объяснить это так, чтобы я понял?

Кнудсен видел трагедию Дилоны в том, что она обретается в сфере притяжения двух звезд. В местном космосе Гаруна Голубая чужеродна. Эту звезду когда-то вышвырнуло из мира антивещества. В пространственном «недалеке», очевидно, имеется галактика из таких же звезд, как она. Для местного космоса та галактика невидима, она схлопнулась в точку, закуклилась в самой себе — тот самый «фридмон», закрытый наглухо звездный мир, о котором немало писали еще в двадцатом веке, но который пять последующих веков так и не удалось обнаружить. Так вот, выброшенную из фридмона Гаруну Голубую снова втягивает туда, она неотвратимо тащит за собой и прихваченную планету. В настоящем на Дилоне действуют оба времени — прямое и об-

ратное. Этим и объясняется рассинхронизация в телах дилонов, единственная их болезнь.

— По-твоему, и они, и их города погибли в будущем... извини, погибнут в будущем от усиливающейся рассинхронизации?

— Они погибнут раньше! Усилится их вечная война с рангунами — вот отчего погибнут дилоны. А рангуны потеряют свое биологическое бессмертие.

— Тогда новый вопрос: почему они его потеряют?

Кнудсен пожал плечами, Мария сказала:

— Мне кажется, это лучше объяснить мне. Я все думаю о том умирающем младенце с лицом Ватуты.

И Мария объяснила, что бессмертие рангунов циклично, а не линейно. Вспомните, как люди рисовали себе бессмертное существо. Бытие тянется вечно, все вокруг стареет и уничтожается, а бессмертный — например, божество — пребывает в неизменности. «Дурная бесконечность» — так презрительно называл когда-то подобную повторяемость философ Гегель. А писатель Свифт поиздевался над бессмертием, навечно законсервировав не молодость, не зрелость, а немощь и дряхлость. У него некие струльдбруги обретают бессмертие, лишь достигая старости, — жалкое, безрадостное, полное мелких свар и лишений. Так вот, бессмертие рангунов совсем иное. В нем гармонически соперничают два потока времени — прямой и обратный.

В этом месте Бах прервал Марию:

— Я доказал вам, что бессмертие рангунов аморально, а ты заговорила о гармонии в зле и бессмысленности? Гармония — это красота! Аморальность — уродство!

Мария с улыбкой возразила:

— Не переходи границу, Миша! В отличие от человека, природа не признает прямых линий и дурных бесконечностей — даже свет искривляется в поле тяготения. Гармония в природе одинакова и в том, что мы называем злом, и в том, что считаем добром. А биологическое бессмертие рангунов создано природой.

Противоборство времен, продолжала Мария, почти не меняет процессов в мертвой природе. Живая ткань чувствительней. Деревья умирают, когда в них возникает разновременность, дилоны заболевают рассинхронизацией, а рангуны ее избежали, переходя из одного тока времени в другой. Так создалось циклическое бессмертие: Гаруны сменяют одна другую, и каждый рангун попеременно стареет и молодеет. Амплитуда пока не очень велика, сами рангуны, возможно, не ощущают изменения. Но видения Асмодея показывают, что в будущем она превысит жизненные пределы. Цикл расширит свои границы. Рангуны просто не смогут дожить до спасительной смены времен. Одни будут умирать от дряхлости, ибо за дряхлостью нет продолжения жизни, а другие от прогрессирующего младенчества, ибо за ним жизнь еще не началась. Так прекратится циклическое бессмертие рангунов.

Некоторое время в салоне стояла тишина. Капитан хронолета прервал затянувшееся молчание:

— Итак, перспектива ясна: никакой перспективы! Не говорю о будущей катастрофе, но и сейчас все скверно. Вещий Старец обвиняет нас в том, что мы спровоцировали обострение войны...

— Ты хочешь вмешаться в их борьбу?

— Мы уже вмешались, Миша. Мы силой освободили тебя, взяли в плен Бессмертных — правда, не всех. Останавливаться на этом нельзя. Я хочу прекратить войну рангунов с дилонами.

Бах высоко поднял брови.

— Прекратить войну, которую ведем не мы? Но как? Воспретить ее специальным приказом? Провести среди противников красноречивую агитацию?

— И это, не смейся! Для агитации используем твое красноречие, Миша. Я уничтожу все боевые арсеналы на Дилоне. Сделаю войну невыполнимой — вот мой план. Ликвидирую все виды оружия, все технические возможности войны. «Гермес» не уйдет с Дилоны, пока не выполнит этой первоочередной задачи.

С дивана раздался слабый голос Аркадия. Штурман хронолета все обсуждение промолчал, а сейчас, с усилием приподняв голову, вступил в разговор:

— Анатолий, ты сказал «первоочередная задача». Значит, есть задачи второй и третьей очереди? Асмодей показал, что жизнь на Дилоне должна погибнуть. Она уже и сейчас гибнет, омертвление распространяется... Если бы вы блуждали в том лесу... Равнодушно покинуть планету перед катастрофой!.. Такие оснащенные, такие могущественные!.. Бездействовать перед свирепым своеволием природы!..

Он снова откинулся на диван. Увлекающийся Бах энергично хлопнул себя по коленям.

— А что? Идея! Побороться не с рангунами и хавронами, а с самой природой! Те же дилоны... Кое в чем они превосходят нас, но куда больше отстают; а ведь ставят перед каждым задачу — опровергнуть хоть один закон природы. Чем мы хуже? Давайте опровергнем безобразия, которое устраивает астрофизика с Дилоной!

— Что ты предлагаешь?

— То самое, что требуется! Увести Дилону от Голубой Гауруны. Вернуть в родное время, чтобы больше не было ни хроноворотов, ни рассинхронизаций, ни чертова циклического бессмертия. А средства — ваше дело, астрофизики!

Снова подал голос Аркадий:

— Анатолий, астроинженеры меняют орбиты планет. Та же Урания... Ее ведь отвели от Латоны незадолго до твоего прилета.

Кнудсен размышлял вслух:

— Это произошло, когда Гриценко налаживал свою первую хронолабораторию. Использовали вулканическую потенцию Урании: одни вулканы притушили, другим поддали жару. А отдача от их взрывов превратилась в космическую двигательную силу. Урания умчалась в направлении, противоположном тому, куда происходили извержения. Были и тормозные вулканы, остановившие ее бег в заданное время.

— Короче, превратили Уранию в ракету, а потом затормозили в нужном месте, — сказал Бах. — Вот и решение. Разожжем на Дилоне вулканы и отгоним от Гаруны Голубой на орбиту Гаруны Белой.

Кнудсен покачал головой:

— Миша, Дилона — планета, где легко вызвать недротрясения. Но вулканизма она лишена. В ней отсутствует раскаленное ядро.

— Не имела, так будет иметь! Заразим ее недра искусственным жаром! Используем для этого естественный атомный реактор, открытый вами в какой-то долинке.

Кнудсен задумался.

— Превратить ослабевший ядерный реактор в искусственный вулкан? Можно попробовать... Кстати, на Земле естественные атомные взрывы уже происходили. В Африке, в Нигерии, нашли остатки ядерного реактора, образовавшегося путем слияния жидких урановых руд в критическую массу. Правда, это было полтора миллиарда лет назад, и ядерный взрыв был несильным... Хлопок в атмосферу, а не вулкан.

— Об открытии в Нигерии я тоже знаю. Но на Дилоне мы разожжем пожар, которому позавидует сам огненный работа Гефест или его римский тезка Вулкан. Между прочим, у римлян Вулкан обладал великой привилегией на десять лет отсрочивать любой приговор судьбы. Даже Юпитер не имел таких прав, а бог огня противостоял року. Вот какое уважение он заслужил — можно сказать, был первым опровергателем законов мироздания. Слепая судьба гонит Дилону на гибель в какую-то черную яму...

— Черную дыру, — спокойно поправил Кнудсен.

— Я так и говорю: черную дыру схлопнувшегося звездного мирка. А мы не дадим судьбе своевольничать — у нас вулкан не на десять лет, а навсегда избавит Дилону от уготованного ей скорбного жребия!

— А что станет с рангунами? — неожиданно спросил Аркадий. — С теми, которых возвращение к Гаруне Белой за-

станет на пути в детство? Остальные будут спокойно стареть — но эти... Неужели все они должны погибнуть от впадения в младенчество?

— На Дилоне не так много Бессмертных, — задумчиво сказал Кнудсен. — И далеко не все из них будут в тот момент молодеть. Механизмы «Гермеса» могут менять направление времени... Думаю, это чисто техническая задача, к тому же не очень сложная. — И Кнудсен заговорил тоном командира, принявшего окончательное решение и отдающего приказы исполнителям:

— Вулканом займешься ты, Миша. Помощником твоим назначаю Асмодея. Тебе, Мария, ставлю задачу дипломатическую. Ватута именует тебя Повелительницей. Но искренно ли его смирение? Если ты убедишь рангунов, что можно спасти Дилону, немалая часть затруднений будет преодолена. Нужно получить согласие и от дилонов. У Миши еще при первой встрече завязалась дружба со Старейшинами — воспользуемся этим. А я буду отыскивать и уничтожать технические средства войны. Поможет мне Аркадий. Он еще слаб, но выздоровление наступит скоро.

Кнудсен посмотрел на молодого хроноштурмана, лежащего на диване. Лицо капитана «Гермеса» осветилось улыбкой.

8

Мария часто посещала помещение, отведенное пленным рангунам, — и Бессмертные встречали ее с такой приветливостью, что она казалась радушием. Уже не один Ватута, но и остальные Бессмертные показывали, что видят в Марии истинную Повелительницу, — она подозревала, что кое-кто готов причислить ее к обладателям Высшей Силы.

Лишь одно подавляло пленных — и Мария хотела сыграть на этом, как на козырной карте. Уже на второй день, когда несколько утихло смятение от неожиданного поворота судьбы, Ватута сокрушенно признался Марии:

— Все хорошо, Повелительница, но, видишь ли, нам нужно дело. Мы принципиальные враги безделья. Кагула, Бессмертный № 29, горюет, что строительство и разрушение в городе лишено надзора, он у нас Верховный Строитель-Разрушитель. Ленивые дилоны способны лишь на длительные размышления о пустяках, а хавроны нерадивы...

Тогда Мария строго оборвала Властителя Бессмертных:

— У людей создалось нехорошее впечатление о вашей сущности. — Она сознательно употребила презрительную оценку Баха. — И мы постараемся подыскать вам занятие поэффективней.

— Полезное, да? Коротышка археолог, он же Бах, поведал нам, что люди признают единственное божество — пользу. Он не преувеличивал? — В очень вежливом, почти смиренном вопросе Ватуты Мария уловила иронию. Возможно, чтобы скрыть ее, Ватута склонился в почтительном поклоне. — Повелительница, мы будем работать на вашу пользу.

— На свою пользу, Ватута! Для себя, а не для нас.

Ватута снова поклонился. Мария могла бы поручиться, что кланяется он только для того, чтобы скрыть насмешку, которая светится в его глазах.

И отправившись выполнять задание капитана хронолета, Мария приготовилась напомнить Ватуте о его просьбе приобщить их к делу. Рангуны повскакали с мест и поспешили навстречу Марии. Радостно ухмылявшийся Кагула протиснулся ближе всех — этот веселый Бессмертный всегда старался стать рядом с ней. Мария дружески положила руку на его плечо, Кагула счастливо осклабился. К нему пробилось еще двое Бессмертных, Кадана и Варана: один выглядел немного постарше Кагулы, другой был юн. Возле Кагулы всегда находились эти двое — не то закадычные друзья, не то верные помощники Верховного Строителя-Разрушителя.

В стороне от всех в уже привычной смиренной позе стоял Ватута — даже в его нарочитой покорности ощущалась величественность, он уже одним этим выделялся среди Бессмертных. Мария направилась к нему, ее сопровождали

Кагула и два его спутника. Говорить надо было со всеми, а обращаться — к Властителю: речь должна прозвучать как слово истинной Повелительницы — значительно и категорично.

— Друзья мои! — Мария встала против Ватуты и подчеркнула голосом обращение, еще ни разу не слышанное пленными. Все Бессмертные уже хорошо владели человеческим языком, особенно Ватута и Кагула, — на них это не могло не произвести впечатления. — Друзья мои! Мы узнали, что ждет в скором будущем вашу планету. Перспективы нерадостные. Понадобятся совместные усилия людей и рангунов, чтобы избежать больших несчастий.

В помещение вошли Асмодей и Бах. Мария, показав на Асмодеея, рассказала, как он ускользнул от хавронов, как унесся в будущее и что там обнаружил.

— Сейчас вы и сами увидите, что видел наш друг.

Асмодей развернул на стене экран, поставил перед ним демонстрационное кресло. Бах тихо заговорил с Марией:

— Мы с Асмодеем вернулись из радиоактивной долинки. Облетели ее, взяли пробы пород, индикаторами просветили недра. Обнаружена жила с повышенным содержанием легкого урана. Идеально делящийся материал! И если ее растворить в воде — а она растворима — и слить урановый ручеек в обширную пещеру, то образуется тот самый объем урана, который ядерщики именуют критическим. Пустоты тоже найдены — природа сама заготовила помещение для горна.

— В общем, на Дилоне созданы все условия для своего Кракатау, — с улыбкой сказала Мария.

— Не Кракатау — в сотни раз мощнее! Ведь тот знаменитый Кракатау — что? Побушевал в августе 1883 года, погубил сорок тысяч человек и иссяк. Мы создадим вулкан непрерывного действия, к тому же нарастающего — другой не годится. Нужна твоя помощь, Мария. Нужны рабочие — хавроны, дилоны, рангуны. В общем, все черти с дьяволами. И ангелы в роли прорабов.

— Позабочусь, — пообещала Мария, и Бах ушел.

Большой экран в помещении для пленных давал изображение и крупнее, и отчетливее показанного в салоне — Мария повторно всматривалась в видения киборга, открывая в них новые детали. И комментировала картины грядущего обстоятельнее, чем Кнудсен: бочкообразные Бессмертные и понятия не имели о том, что было естественным для хронавтов.

— Теперь вы знаете, что ждет вашу планету, — закончила Мария.

Рангуны взволнованно переговаривались — и человеческими голосами, и непонятными Марии рыком и клетотом: в отличие от дилонов, Бессмертные свободно пользовались звуковой речью. Кагула громко прокричал Ватуте человеческими словами:

— Это был ты, Ватута, я увидел хорошо, я увидел! Но почему ты превратился в младенца, почему ты превратился, Ватута?

— Это был я, — мрачно согласился Ватута. — Я не знаю, Кагула, почему я превратился в ребенка. Я никогда не был ребенком. Я не мог стать ребенком. А тот плачущий старик — ты, Кагула. Ты был стариком, Кагула.

— Я был стариком, я был, — печально подтвердил Кагула. — Я видел себя стариком, Ватута. А то тело, что лежало у моих ног, это же Дилай, Хранитель Энергии, он лежал у моих ног, он лежал!.. Ватута, скажи свое великое решение, скажи. Этого же не может быть, чтобы Дилай умер, Бессмертный № 1, твой предшественник, Ватута. Скажи решение, Ватута, скажи!

— Право решения принадлежит Повелительнице! — Ватута зло показал на Марию.

Она слушала их восклицания, всматривалась в их возбужденные лица — и ей показалось, что она не на космическом корабле, среди врагов, а в каком-то детском саду, среди детей, которые играют в Бессмертных. Что было бы с рядовыми людьми, не экипажем хронолета, узнай они, что в скором

будущем на Земле погибнет все живое? Мария усмехнулась, столь разительно иной представилась их реакция на грозное известие. Дети, большие дети — странная цивилизация, достигшая технических высот, но не вышедшая из интеллектуального младенчества. От этого, от законсервированного младенчества, и ребяческое их самолюбие, и неосознанная жестокость, и стремление все превращать в игру — детское влечение строить, чтобы тут же разрушать. Все окружающее — набор игрушек! «Дети, — думала она, — сообщество вечных детей, так и не приблизившихся к взрослости, — вот причина их поведения; она вовсе не в порочности их бессмертия, как выдумал Бах. Сегодня же докажу ему, что люди, стань и они бессмертными, отнюдь не выйдут из мира морали, отнюдь не окажутся по ту сторону добра и зла, и деятельность их, по-прежнему разумная и полезная, отнюдь не превратится в подобие детской хлопотни, как он зло именует младенческую игру в бессмертие».

Ватута впервые изменил предписанному себе смирению.

— Ты улыбаешься, Повелительница! — закричал он. — Пригрозила великими несчастьями — и улыбаешься! Ты радуешься, Повелительница!

— Я улыбаюсь своим мыслям. И ты верно понял — радуюсь.

— Тому, что планете угрожает беда?

— Нет, тому, что это так взволновало вас. Вижу в этом хороший знак. Я ведь предупредила, что лишь соединенные усилия всех — рангунов, дилонов, хавронов — могут предотвратить надвигающуюся беду.

— Дилоны — наши вечные враги, Повелительница. Они ненавидят нас. Мой министр Прогнозов и Ведовства Кун Канна... Мы захватили его в плен, вознесли на такую высоту, а он? Вдруг восстал и погиб, пытаясь наброситься на меня. Все дилоны такие.

— Пусть тебя не беспокоит отношение к вам дилонов. Важно ваше отношение к ним. Хочу устроить твою встречу с Гуннар Гунной. Будешь возражать?

Ватута, видимо, решил, что не следует перебирать в противоборстве. Он покорно склонил голову.

— Твоя воля, Повелительница! Будут еще приказы?

— Будут, Ватута. Войну рангунов с дилонами запрещаю. Строительство и разрушение прекращаются. Освободившиеся жители: вы, ваши солдаты хавроны, ваши пленники дилоны — в общем, все население направляется на строительство важного объекта, которым руководит твой бывший пленник, твой — уверена — будущий друг.

Ватута кивнул Кагуле:

— Ты слышал приказ Повелительницы, Кагула?

— Я жду твоего решения, я жду...

— Будешь командовать всеми строителями объекта Баха.

— Понял. Большое строительство вдалеке от города. Наши мерзкие враги дилоны, наверное, нападут на строителей, Ватута? У них такие резонансные орудия, такие орудия!

Ватута выразительно скривил львиное лицо:

— Повелительница запретила войну.

— Дилоны не нападут, — твердо сказала Мария.

— Будем строить, — радостно сообщил Кагула. — Выстроим и сразу разрушим. Наш бывший пленник будет доволен, он будет...

Мария не сдержала новой улыбки. Представление о рангунах как о народе взрослых младенцев укреплялось. Кагула огорчился, услышав, что строительство разрешается, и самого высокого класса, а разрушение запрещено. Бессмертный № 29, в отличие от Властителя, и не собирался демонстрировать покорность. Он удивился: зачем же строить, если потом нельзя разрушить? Мария растолковала, что таковы человеческие обычаи: люди, построив, не разрушают, а долго сохраняют возведенное.

— Повелительница, — сказал Ватута, — разреши заметить, что, находясь на корабле, мы не сможем выполнить твои приказы. Значит ли это, что ты освобождаешь всех пленных?

Мария не колебалась.

— Все освобождаются, Ватута. Вы нам не враги, а добрые знакомые и в будущем, я надеюсь на это, — друзья.

Спустя короткое время, уже в салоне хронолета, она повторила капитану корабля и Аркадию, о чем говорила с Бессмертными.

— Против освобождения рангунов у меня возражений нет, — сказал Кнудсен. — Твои решения одобряю.

— Тебе что-то не нравится? — Мария видела, что он чем-то недоволен.

— Не то чтобы не нравилось... Тревожусь.

— Что тебя тревожит?

Кнудсена тревожило многое. Хватит ли на всех радиозащитных костюмов, если Кагула ретиво погонит на площадку все население Рангунии? Рангуны узнали, что в будущем им грозит гибель, но дошло ли до них, что и в случае спасения они лишаются своего нынешнего бессмертия? Что вечная повторяемость жизненного цикла прекратится? И что нынешнее их преимущество перед дилонами исчезнет — все будут одинаково смертны.

— Я на этом внимания не концентрировала.

— Вот-вот, не концентрировала! Как нынешние Бессмертные поведут себя, когда поймут, что бессмертию пришел конец? И как воспримут известие, что все оружие уничтожается?

— Я объявила, что запрещаю войну. Они подчинятся.

— Но о ликвидации оружия ты не говорила?

— Об этом не говорила.

Кнудсен покачал головой:

— Это не одно и то же: не воевать — и не иметь оружия. Они могут возмутиться, узнав, что их лишают вооружения.

— Не думаю. Ватута хорошо запомнил, как я единственным излучателем в руке парализовала их волю к сопротивлению. Вряд ли он осмелится испытать еще раз наши средства обороны.

— Ты считаешь их чем-то вроде больших детей. Детские поступки не всегда предсказуемы. Но оставим эту пробле-

му на будущее. Пока ты вела переговоры, я задействовал наши датчики и анализаторы. Имею схему всех батарей, всех мастерских, где собираются боевые аппараты. Работают дилоны, охраняют хавроны, руководят рангуны. Четырех рангунов тебе не удалось захватить в пещере. Вот их имена — Урана, Китата, Хрон, Парача. Те самые Бессмертные, которые даже торжественные собрания не посещают — без перерыва дежурят на боевых постах. Они подчиняются приказам Ватуты, а командовал ими погибший Кун Канна. Нужно, чтобы они сдали оружие.

— Ватута им прикажет.

— Если захочет, — с сомнением проговорил капитан хронолета. — Я не так уверен в его покорности, как ты. Еще одно: как они назвали того старичка, который умрет у ног постаревшего Кагулы?

— Дилай, Бессмертный № 1. И титул у него немаловажный — Хранитель Энергии.

— Номер один... наверное, неслучайно! И такое звание — Хранитель Энергии! Очень интересно...

— Чем он так привлек твое внимание?

— Тем, что его нет. Наши приемники настроены на специфическое излучение рангунов. Аппараты точно фиксируют каждого, где бы он ни находился и как бы ни был укрыт. Бессмертного № 1 они не регистрируют. Он есть, но его нет. Нигде нет, Мария!

9

Бах с увлечением докладывал капитану хронолета, что строительство искусственного вулкана в Долине гибели — так называют это место и рангуны, и дилоны — идет успешнее, чем он рассчитывал. На большой глубине обнаружена вместительная пустота; хавроны с бывшими пленными дилонами пробивают туда спуск. «Отличный инструмент для раздробления пород», — похвалил резонаторы Бах. Они превращают руду в порошок, а нагнетаемая в жилу вода его рас-

творяет. Скоро высокоактивная жидкая смесь ринется в подготовленную пещеру — и возникнет искусственный вулкан.

— Надеюсь, без большого недротрясения? — осведомился Аркадий. Он уже ходил и начал помогать Кнудсену в поисках арсеналов. — После вибраций, которые роняли нас с тобой на землю, я не очень люблю тряску.

Бах заверил, что вулкан начнет работать постепенно. Ведь недротрясения рангунов — это что? Взрыв и волна от взрыва, еще взрыв — и еще волна. Они с Асмодеем устроят нарастающее извержение из огнедышащего горнила, а не взрыв. Разница!

Узнав, что Мария подготавливает свидание Гуннар Гунны и Ватуты, Бах пожелал участвовать в этой встрече. Он, можно сказать, приятель Вешего Старца, столько переговорено на разные темы — очень интересно снова повидаться. И с Ватутой надо побеседовать: Властитель Бессмертных хоть и приговорил его к казни, но приговор вынес без злобы — это нельзя не ценить. В общем, он считает свое участие в переговорах необходимым!

Планетолет — его вел Аркадий — опустился на Ратушной площади, окруженной руинами зданий. Ватуту сопровождал его любимец Кагула. Людей и рангунов встретил один из Старейшин. Бах с Аркадием были в залах Проникновения и Предварения, Мария видела их на экране в салоне хронолета, но Бессмертным он был внове: Ватута, чтобы не ронять своего достоинства, не показывал живого интереса, но Кагула жадно осматривался, даже останавливался, чтобы получше все разглядеть. Мария с удивлением обнаружила, что Ватута нервничает: львиное лицо покраснело, руки подрагивали. А Бах отметил, что тяжелые события последнего времени внесли перемены в ритуал шествия: никто не подумал усаживать их перед зеркалом Проникновения, никто не задерживал в зале Предварения для вопросов и ответов. И еще больше поразило Баха, когда он вошел с Аркадием к Старейшинам, то, что помещение был полупустым. «Какое малодилонство!» — переиначив слово «малолюдство», сказал себе Бах.

Старейшины поднялись со своих мест, когда вошли люди с рангунами. На этот раз дилоны не размещались по разным секторам, сообразно функциям и чинам, а сконцентрировались в одном, предоставив противоположный сектор рангунам. Люди встали между двумя группами недавних врагов. Мария торжественно начала:

— Вы хорошо знали друг друга, но еще никогда не виделись. Я рада, что устраиваю вашу встречу в час примирения. Отныне прекрасную вашу планету, столь долго сжигаемую пламенем беспощадной вражды, осенит вечный мир. Большая беда угрожает Дилоне, если этого вечного мира не наступит.

Она сделала Ватуте знак приблизиться. Ватута не шел, а вышагивал. Теперь не только Мария, но и Бах, и дилоны, впервые увидевшие Властителя Бессмертных, могли разглядеть, как сильно Ватута волнуется. И Марии, увлеченной идеей, что бочкообразные рангуны — популяция детей в облике взрослых, показалось, что нашаливший мальчишка ждет выговора за озорство. Ватута так потерялся, что, приблизившись к Гуннар Гунне, молча стоял перед ним, не поднимая головы. А Старейшина Старейшин скорбно смотрел на Властителя рангунов как на нашкодившего сорванца, явившегося с повинной. И еще Мария заметила, что оба они — короткорукый, цилиндрический, рослый рангун, пышущий здоровьем и силой, и согнутый, длиннорукий, хвостатый старец-дилон, — несмотря на все их различие, в чем-то более важном, чем внешнее несходство, очень близки. «Это оттого, что у них почти одинаковые львиноликие головы», — подумала она.

Вещий Старец, не разжимая рта (даже обычного слабого визга не слышалось) протелепатировал Ватуте — Дешифраторы ввели в сознание людей его слова:

— Столько лет мы знали тебя как нашего злого врага, великий Ватута. Столько лет ты гордился титулом Верховного Злодея. И вот ты явился послем дружбы. Можно ли в это поверить?

Видимо, Властителю рангунов нужно было услышать Старейшину Старейшин, чтобы быстро отделаться от смуще-

ния. Он принял обычную надменную позу и громко ответил на человеческом языке, демонстрируя уважение к людям:

— А почему бы и не поверить, Гуннар Гунна? Разве вы не опровергаете законов природы? Опровергнуть законы природы куда труднее, чем изменить себя. Я ведь меньше природы, не так ли?

— Резон в этом есть, — согласился Вещий Старец. — Ты незначительная часть природы и потому меньше, чем вся она. Но надо поразмыслить, что труднее: преодолеть частный закон природы или преодолеть самого себя? Ибо для себя каждый не часть, а всеобъемлющее целое, и потому...

Ватута прервал его с поспешностью, показывающей, что он знает о способности дилонов отдаваться глубоким размышлениям и побаивается, что размышление будет чересчур продолжительным.

— Я не сам переделывал себя, Гуннар Гунна. Мне велели восстать против себя. Нами командует Высшая Сила — вот она! — Он показал на Марию и добавил, не скрывая злорадства: — Вы, дилоны, тысячекратно объявляли себя воплощениями Высшего Разума. Теперь вам предстоит убедиться, что Высший Разум вынужден покоряться Высшей Силе.

Старейшина Старейшин с сомнением смотрел на Марию. Бах, стоявший рядом с Гуннар Гунной, вдруг почувствовал, что не может отвести от Марии глаз. «Она прекрасна! — с восхищением сказал себе академик. — Не Афродита, конечно, но прекрасна!»

Мария, захваченная врасплох неожиданным обращением Ватуты, только переводила глаза с рангуна на дилона. Раскрасневшаяся, она ждала какого-то выпада против себя и готовилась дать отпор. «Нет, гораздо красивее валькирии с той картины, — думал Бах, — но эти хвостатые и бесхвостые, смертные и бессмертные ничего не понимают в человеческой красоте!» Он впервые видел Марию такой — стройной, решительной, вдохновенной, — и ему стало жаль, что потеряно столько времени: ни разу не любовался ею, только разговаривал и спорил.

Гуннар Гунна снова повернулся к Ватуте:

— Ты сказал, Ватута, Высший Разум должен покориться Высшей Силе? Стало быть, ты отделяешь Разум от Силы? Я должен поразмыслить, верно ли твое утверждение.

Ватута сказал с торжеством:

— Пусть глубокий анализ разъяснит тебе, почему вы, воплощатели Высшего Разума, всегда отступали перед нами, которым отказываете не только в Высшем, но даже в простом уме. И почему ни один рангун не сдавался вам в плен, а у меня твоих дилонов, Вещий Гуннар Гунна, больше, чем у тебя, под твоей рукой.

Мария властно прервала их — Аркадий сделал знак, что передача подготовлена:

— Теперь смотрите на экран!

Пока на экране возникали видения Асмодея и потом, во время объяснений Марии, Бах украдкой присматривался к зрителям: дилоны держались намного сдержаннее, чем люди в такой обстановке. Мария объявила короткий перерыв для раздумья. Бах заговорил с Гуннар Гунной. Старейшина Старейшин охотно откликнулся на призыв к беседе.

— Я очень рад снова видеть тебя, пришелец, — протелепатировал он. — Не скрою, еще недавно вы были мне неприятны, я так и сказал вашему капитану Кнудсену. Ибо ваше появление вызвало обострение войны с проклятыми рангунами. Какие разрушения, какие потери! Ты видел наш прекрасный город, пришелец. Что осталось, спрошу тебя? Что сохранилось в нашей любимой столице?

— В городе много развалин...

— А наши замечательные дилоны! — скорбно продолжал Вещий Старец. — Пришелец, помнишь ли ты великолепного Сына Стирателей Различий Рина Ронну? Как он открывал сходство у самых несхожих понятий! В том, что мы приняли вас так гостеприимно, его огромная заслуга. Такой Стиратель погиб! А юноша Уве Ланна, глубочайший мыслитель, будущее светило Высшего Разума, он так проникновенно постиг ваши души и ваши цели! Помнишь его блистательный доклад о вас в этом зале?

— Наш друг Аркадий Никитин пытался спасти бедного Уве Ланну, но не смог. И его подругу Салану — они ее нашли — тоже спасти не удалось.

— Уве Ланну убила любовь к Салане, — грустно объявил Вещий Старец. — Я знаю об ужасном переходе двух дилонов и пришельца Аркадия Никитина через мертвый лес. Еще ни одно живое существо не пересекало то гибельное место. Великая участь была суждена глубокому Уве Ланне, высокая честь — погибнуть самому, отдавая всю свою жизненную силу подруге. А нам осталось скорбеть о нем.

Бах посчитал, что настал момент выяснить впечатления Вещего Старца от увиденного на экране.

— Вспомни нашу первую встречу в этом зале, — потребовал Гуннар Гунна. — Вспомни, что я тебе тогда говорил. Ты спрашивал, почему я печален? Я разъяснил, что печален, ибо провижу будущее. Я говорил, что губительные хроновороты расширяются и что их могут поставить под свою власть ненавидистые рангуны и наслать их на нас — и тогда великому народу дилонов конец. И вот теперь на экране мы увидели то, что я узнал в результате длительного размышления и что уже и тогда терзало мою душу. Пришелец! Дилоны никогда не ошибаются в своих прогнозах. Осуществилось, что я предсказывал. Хроновороты захватили всю планету и погубили все живое, не только нас, но и рангунов. Это расплата за их злодеяния.

Бах понял, что мысль Вещего Старца пошла в нежелательном направлении и способна породить ненужные выводы. Он энергично внес поправки в рассуждения Старейшины Старейшин.

— Грядущую катастрофу вызовут не рангуны, а слепая стихия природы. Гибель Дилоне несет Гаруна Голубая. Несчастный Рина Ронна говорил мне, что время Гаруны Белой — ложное, Гаруны Голубой — истинное.

— Да, теперь мы узнали, что Голубой звезды нужно опасаться больше, чем Белой, — с чувством сказал Гуннар Гунна. — Вы открыли нам горестную истину, что все рассинхронизации создаются ею. Отныне мы ненавидим Голубую

звезду — вот такие важные перемены совершили ваши открытия, пришелец.

Бах деликатно объяснил, что его мало интересуют астрономические эмоции дилонов, — ему важно знать, поддерживают ли Старейшины планы людей. На это Вещий Старец ответил вдохновенной речью. Он всецело за проекты людей. Его покоряет, что увод планеты от злотворной Голубой Гаруны остановит рассинхронизацию дилонов. Его восхищает, что прекратится наконец возмутительное бесмертие рангунов, пусть они станут смертны, как все живые, — лишь тогда возникнет между их двумя враждующими народами настоящая дружба. А то, что люди уничтожат все орудия войны, переполняет его горячей благодарностью. Рангуны безмерно вооружены — это нетерпимо. Конечно, охранные маяки следовало бы сохранить, ведь доверять рангунам опасно. Но он пойдет на демонтаж последнего маяка, если враги искренно разоружатся. Пусть пришельцы не сомневаются: дилоны завтра же присоединятся к тем, кто вышел на строительство первого вулкана в Долине гибели.

— Не только первого, но и последнего, Гуннар Гунна. Очень рад твоему благоразумию. Впрочем, от воплощений Высшего Разума иных поступков, кроме разумных, мы и не ожидали.

— Подожди еще минутку, — попросил Вещий Старец. — В прошлую встречу ты поставил передо мной мучающую людей важную задачу и я пообещал, поразмыслив, дать на нее скорый и точный ответ. Но несчастья этих дней, разрушение города... У меня не было возможности сосредоточиться. Попрошу тебя еще подождать, пока я сумею свободно углубиться в столь трудную проблему. Ты, разумеется, понял, что я говорю о том, сколько можно разместить ангелов на острие иглы.

— Дело не к спеху, я подожду, — пообещал академик.

Пока Бах беседовал со Старейшиной Старейшин, Ватута, еще сильнее волнуясь, чем при встрече с Гуннар Гунной, заговорил с Марией:

— Повелительница, сегодня ты сообщила нам много нового. Выходит, при уходе от Гаруны Голубой на орбиту Гаруны Белой рангуны теряют свое бессмертие? Это неизбежно?

— Вам нужно выбирать между гибелью всех рангунов и смертным существованием, которое вы сможете продлевать на долгий срок. Долгая жизнь не так уж отличается от бессмертия.

Ватута мрачно усмехнулся. Это был первый случай, когда он разрешил себе улыбнуться в присутствии Марии.

— Выбирать между гибелью и смертью, Повелительница? Еще одно. Ты не только запретила войну, но и хочешь уничтожить все наши боевые средства, все запасы оружия?

— Уже уничтожаем, — сказала она спокойно.

Он долго не отрывал от нее хмурого взгляда.

— Разве недостаток, что не будет войны? Зачем лишать нас средств защиты?

— Ватута, отсутствие оружия есть лучшая гарантия мира.

— Я-то понимаю, — сказал он холодно, — но не уверен, что дилоны, при их неистощимой изобретательности...

— Оружия не должно быть ни у кого. Мы за этим будем следить.

Он опять усмехнулся.

— Да, пока вы здесь. А когда улетите? Последний вопрос: вы говорите, что везде появляетесь с миссией мира, но зачем тогда сами так вооружены? Вы подавили нас силой, а не добрым словом. Разве могущественное оружие равнозначно слову дружбы?

На его обвинения можно было ответить исчерпывающе и неотразимо. Но она не захотела спора, которого не слушают другие. Она сказала с подчеркнутой холодностью:

— Поставь свои вопросы перед всеми. И выскажи свое несогласие.

Он сделал шаг назад, склонил голову, широко разбросил в сторону руки — уже знакомый ей знак покорности.

— Какие несогласия, Повелительница? Рангуны выполнят все твои повеления. Не уверен, что Гуннар Гунна смо-

жет поступить так же без предварительного размышления, а оно у него длится так долго...

Гуннар Гунна, словно угадав насмешку Ватуты, высказался коротко. Дилоны поддерживают пришельцев. Дилоны завтра же выйдут на строительство вулкана. Мария с тревогой ждала речи Ватуты. Но, как и обещал, он не сказал о своих возражениях. Успокоенная Мария предложила разойтись.

— Я так устала, Аркадий, — пожаловалась она в планетовете. — Столько страха перед последним выступлением Ватуты...

Кнудсен в салоне всматривался в мнемосхему. С момента нападения на Аркадия и Баха Мария не видела у капитана хронолета таких злых глаз.

— Что у вас? — спросил он Марию и Аркадия.

— Встреча бывших врагов прошла отлично, — ответила она. — Возражений не было. Наш план принят. Рангуны улетели к себе, дилоны собирают собратьев. Завтра строительная армия увеличится. Что у тебя?

Он показал на огоньки, вспыхивающие на мнемосхеме.

— Взрываем арсеналы рангунов. Сейчас не это главное.

— Тебя что-то тревожит, Анатолий?

— Да, тревожит. Ватута сразу после вашего совещания поднял восстание. Его поддержали все рангуны, много хавронов. Самые крупные арсеналы заблокированы, уничтожить их дистанционно я не могу — нужна прямая атака. Объявился таинственный Дилай, он снабжает восставших оружием. Очень сожалею, что он умрет лишь в будущем и, лишенный бессмертия, все же доживет до глубокой старости. Нужно покинуть хронолет. Охрану его доверим автоматам. Аркадий, грузи в планетолет оружие.

Мария быстро встала, Аркадий выбежал.

— Я готова, — сказала Мария. — Куда идем, Анатолий?

— На стройплощадку. Ее яростно атакует Ватута. Будем выручать Мишу и Асмодея.

— Оружие погружено, — прокричал Аркадий, появившись на миг в салоне.

На подлете к стройплощадке стало видно облако пыли. Мария подумала было, что вулкан начал действовать. Кнудсен ответил, что пыль от извержения будет другой. Еще в воздухе планетолет затрясся. Кнудсен направил его на вершину единственной скалы в центре Долины гибели, здесь размещалось руководство стройки. Все вокруг содрогалось и вибрировало. Аркадий первым выбежал наружу и после нескольких неуверенных шагов свалился, поднялся и снова рухнул — он, еще не окрепший, не мог устоять на сотрясаемой почве. Кнудсен помог ему встать и с минуту поддерживал, пока Аркадий не обрел равновесия. На капитана корабля тряска почти не действовала — он только раскачивался, широко расставив ноги. И подав Марии руку, когда она спускалась на землю, он посоветовал:

— Не пытайся противостоять качанию почвы, на это не хватит сил. Покачивайся, как качает, лишь бы не свалиться.

Откуда-то издалека прибежал Бах. Коротенький археолог даже не пошатывался — сказалась многолетняя привычка таскаться по руинам, где все потеряло устойчивость.

— Где Асмодей? — спросил Кнудсен.

— Защищает колодец, куда под давлением подается вода.

— Ему нужна помощь?

— Думаю, рангуны скоро потеснят его и передвинутся поближе к этой скале.

— Доложи обстановку подробней, Миша.

Бах считал, что на стройке имеются две опасные точки. Первая, где сражается сейчас Асмодей, — колодец в рудную жилу, в него нагнетается вода, растворяющая руду. Если выведут из строя насосы, прекратится подача раствора в подземную пустоту и станет невозможным создание критической массы. Восставшие отлично понимают значение этого места и обрушили на него удары своих резонансных орудий. Асмодей энергично отбивается, используя и захваченные резонаторы рангунов, и наши корабельные, настроенные на противофа-

зу: они либо полностью поглощают залпы вражеских орудий, либо сокращают амплитуду резонансных колебаний.

— Что не мешает, однако, почве трястись как в лихорадке — в стороне от сражения, — заметил капитан хронолета.

— Почва тут только трясется, Анатолий! А если бы Асмодей не гасил резонанс, все бы здесь металось и падало, камни взлетали бы до неба, а скалы рушились в преисподнюю.

— Очевидно, преисподняя находится неподалеку, — пошутила Мария.

— Мария, ты и не догадываешься, как права! — весело воскликнул Бах. — Преисподняя точно под нами!

И он объяснил, что под скалой, на которой они стоят, на глубине в несколько километров обнаружена та обширная пуста, куда сейчас стекает активный раствор. Заполнение пещеры, предназначенной стать ядром вулкана, совершается по узкой естественной расщелине. И это самое уязвимое место всей стройки! Резонансный удар по расщелине, любое недротрясение, проникшее на глубину, способно полностью разрушить сток. И если этого еще не произошло, то лишь потому, что у рангунов в обиходе орудия для поверхностных сейсмических волн — они ведь направлены против дилонов, а те даже на такую маленькую глубину, как рангуны в пещерах, никогда не забираются. Но бывшие пленные, ныне солдаты Асмодея, говорят, что несколько таких глубинных орудий сконструированы и есть опасение, что Ватута доставит их к месту боя.

Кнудсен обратился к помощнику:

— Аркадий, назначаю тебя комендантом «преисподней». Все дилоны, направляемые Вещим Старцем, в твоём распоряжении.

Аркадий попросил еще хавронов. В плену он присмотрелся к эти лохматым бестиям — народ работающий и исполнительный, а по физической силе один хаврон превосходит двух дилонов. И они, как и рангуны, быстро усваивают человеческую речь, чего дилоны не умеют. Кнудсен пообещал отдать всех хавронов, которые встанут на сторону людей.

Автоматы быстро выгружали из планетолета оружие. Аркадий показывал, как размещать его на скале, вознесшейся над «преисподней». В Долину гибели выдвинулся отряд дилонов во главе с самим Гуннар Гунной. Вещего Старца сопровождали три Старейшины: Конструктор Различий, Стиратель Различий и Брат Дешифратор. Два первых шествовали поодаль, Брат Дешифратор держался рядом со Старейшиной Старейшин. Хронавтов удивило, что Верховный Провидец бледен, растерянно оглядывается, шагает неуверенно. Импульсивный Бах решил, что надо подбодрить главу дилонов и сделать это должен он, больше всех людей дружески беседовавший с Вещим Старцем. Он подбежал к Старейшинам.

— Друг Гуннар Гунна! Почему ты так склонил свою могучую голову? Узнал о восстании Ватуты? Неужели тебя испугал безрассудный поступок этого авантюриста? Ты сам называешь его Верховным Злодеем, он оправдывает сейчас это свое позорное звание. Или ты сомневаешься в нашей скорой победе над восставшими?

Брат Дешифратор трудился изо всех сил, переводя быструю речь академика в понятные дилонам мозговые волны. Кнудсен посоветовал Баху настроить свой ручной передатчик на телепатический язык дилонов, корабельный компьютер наконец выдал код перевода слов в волны мозга. Вот здесь на экране стоит индекс З-П, это код для общения с дилонами. В это время Вещий Старец, выслушав телепатический перевод Брата Дешифратора, выдал ответную передачу:

— Пришелец, мне известно о восстании Ватуты. И я знал об этом еще до того, как он восстал. Он покинул нас, а я впал в глубокое размышление и скоро постиг, что он вышел из зала Совещаний не для мира, а для войны. И когда Братья Дешифраторы доставили мне горестное известие о восстании, в нем не было ничего мне неизвестного. Снова и снова твержу вам, иновременники: рангунам нельзя верить, на их обещания нельзя полагаться. Но пугает меня не новая война. Я провижу грядущую победу, хотя под ногами у нас сотрясается почва. Нет, не война страшит меня, а другое.

— Поделись своими страхами.

Вещий Старец вытянул правую руку и, не поворачиваясь, обвел ею вокруг себя. Удлинившаяся рука, пройдя спину, вышла с другой стороны и уткнулась в плечо дилона. Четверо хронавтов с уважением отметили, что даже безвременно погибший Рина Ронна не вытягивал так свободно руки, хотя и мастерски пользовался этим эффектным жестом.

— Меня удивляет и пугает, пришельцы, — неторопливо протелепатировал Старейшина Старейшин, — что вы выбрали для спасительной стройки самое убийственное место на планете. В области хронovorотов гибнет все живое.

— Все верно, в этом месте жизнь не может появиться — слишком велика радиоактивность, — подтвердил Бах. — И любое существо, пришедшее со стороны, должно здесь погибнуть, если не имеет защиты от грозных ядерных излучений. Но у нас есть такая защита. А выбрали это место потому, что только здесь можно устроить спасительный вулкан. Нет, от стихийных сил природы мы защищены надежно! Единственная опасность — нападение рангунов.

Прибодрившийся Верховный Провидец известил людей, что не боится рангунов. Он по-прежнему не верит этому коварному народу, но глубокое размышление убедило его, что пришельцы, именующие себя людьми или хронавтами, гораздо сильнее рангунов. И хоть те используют подвластных им хавронов и многочисленных пленных дилонов...

В этом месте Бах довольно бесцеремонно прервал неторопливое размышление Вещего Старца:

— Ты прав, великий Гуннар Гунна, мы, объединенные, мощнее ваших заклятых врагов. Но надо срочно обрушить нашу мощь на атакующих. Идем на выручку нашему другу Асмодею. Не хочешь ли сопровождать нас?

Гуннар Гунна после непродолжительного раздумья согласился. Трое хронавтов с Гунной и его свитой вошли в частично разгруженный планетолет. Корабль взлетел.

Место сражения с армией Ватуты угадывалось издали не только по густой туче пыли, но и по лихорадочному треску

резонаторов. К хронавтам и Старейшинам метнулся запыленный Асмодей и радостно крикнул:

— Пока держимся! Немного отступили, но основные позиции сохраняем.

Кнудсен сурово сказал:

— Чему ты радуешься? Отступление — не повод для восторга.

Замешательство не было свойственно киборгу.

— Смотри какое отступление, капитан. Это маневр для того, чтобы успокоить врагов. Я снял с обороны две трети моих солдат. Пусть Миша объяснит, а мне некогда. Скорей давайте новые резонаторы, они дьявольски нужны.

Асмодей побежал командовать выгрузкой оружия. Бах объяснил, что одного не успел рассказать, когда докладывал обстановку. В окружающих Долину гибели горах, на высоте, в глубокой воронке, образовалось озеро. Если пробить из него канал в радиоактивный котлован, то и насосов не понадобится: вода под собственным давлением пойдет по всей рудоносной жиле. Сделать это раньше, чем рангуны доберутся до насосов, — и первая фаза боя выиграна: новообразованный бассейн рангунам не вычерпать. Асмодей отправил лишних солдат в тыл, чтобы форсировать сооружение канала.

К хронавтам снова подбежал Асмодей:

— Я на линию боя. Кто со мной?

Он умчался, не дожидаясь ответа. Дилоны ташили с планетолета оружие. Люди пошли за ними. Немного подумав, трое Старейшин с Верховным Главой неторопливо последовали за людьми.

Линия обороны проходила по склону двух гор, замыкавших Долину гибели. Кнудсен недовольно сказал Баху:

— Военной тактике ты не обучен. Позиции нападающих гораздо сильнее наших: они на склоне, а мы в низине.

Академик пожал пухлыми плечами:

— Военного искусства не знаю, верно. Впрочем, как и ты. Ты забываешь, что восстание началось внезапно. Сол-

даты Ватуты уже подбирались к нам, а мы и не подозревали, что они готовятся напасть.

Мария сказала с волнением:

— Безумцы! Ватута гонит своих солдат на верную смерть! У нас есть защита от ядерных излучений. А на что надеются рангуны? Если хавроны и победят, ворвавшись сюда, то вскоре после победы погибнут.

— Возможно, они не знают об опасности ядерных излучений.

— А кто назвал это местечко Долиной гибели? Нет, Ватута намеренно жертвует своими солдатами.

— Не только ими, но и собой. — Бах показал на дальний склон голой горы. В отличие от Марии и Кнудсена, академик обладал таким острым зрением, что не нуждался в оптике.

Мария долго вглядывалась, потом сказала:

— Он и другие Бессмертные. Анатолий, разреши мне прогнать всю эту свору с горы.

— Чтобы спасти от убийственного излучения? — спокойно поинтересовался капитан корабля.

— Чтобы угрозой немедленной гибели спасти от гибели не столь близкой.

— Тогда готовься! Снаряжение уже выгружено.

Вскоре вернулся убежавший на передовую позицию Асмодей. Оружие было доставлено в самый критический момент, хавроны нажимали. Натиск преодолен, но в двух местах отступили. Рангуны готовят решающий штурм, подтягивают новые резонансные орудия. Они встретят отпор, но новое отступление не исключено. Кнудсен сердито сказал:

— Наотступаемся, пока не отдадим насосов. На человеческом языке это будет называться поражением, Асмодей!

Впервые киборг выглядел растерянным.

— Сделаем что сможем...

— У нас имеются и другие боевые средства, — сказал Бах. — Почему бы не использовать артиллерию хронолета: ядерные курдины, например. Они вмиг разнесут в пыль и прах все позиции противника.

— Разнесут, — с горечью сказал Кнудсен. — Но вместе с теми, кто залег на позиции, — рангунами, хавронами, пленными дилонами. Хороша миссия мира — истреблять сопротивляющихся! Хороший план спасения планеты: сейчас уничтожить тех, кого планируем спасти от гибели в дальнейшем! Запомни, Миша: что бы тут ни случилось, корабельная артиллерия не будет задействована!

— Но наши резонаторы!.. — пробормотал смущенный Бах.

— Они убийственны только для тех, кто сунется под прямой удар. У остальных они вызывают болезненные потрясения, выводят из строя, но не превращают их в пламя и пепел. Разница, Миша!

К ним подошла Мария. Киборг удивленно глядел на свою создательницу — она была в боевой форме. Мария сказала:

— Анатолий, все исправно: гравитатор обеспечит полет, силовая защита предохранит от вибраций, а излучатель однажды уже парализовал психику рангунов и хавронов — и сейчас подействует не хуже.

Асмодей радостно ослабил:

— Капитан, позволь и мне в набег! Давно хочется врукопашную, в смысле — с огнем из глаз и пальбой из бластера... С того боя у пещеры, где я один против целой шайки...

У него прожекторно вспыхнули глаза. Кнудсен прервал отрядные воспоминания киборга:

— Летите вместе!

С места, где стояли хронавты, был хорошо виден полет Марии и Асмодея на склон горы, где затаились нападающие. Гравитаторы не обеспечивали ни высокого подъема, ни большой скорости, но оба приближались к противнику достаточно быстро. Кнудсен не отрывался от бинокля. Бах и без бинокля разглядел, как шарахнулись от Марии выскокившие из укрытий рангуны.

— Воительница! — восторженно орал Бах. — Нет, какая воительница! Все перед ней падают. Анатолий, смотри, как она атакует!

Кнудсен опустил бинокль и холодно проговорил:

— Напрасно ликуешь, Миша. Рангуны падают, а не замирают. Вспомни пещеру, где она спасла тебя. Сегодня нападение не удалось. Ватута понял, что излучатель — короткофокусный, далеко не достанет.

Теперь и Бах разглядел, что сражение не такое радужное, как показалось сначала. Враги разбежались от Марии, а не цепенели, парализованные облучателем. Она настигала то одного, то другого, настигнутый падал и снова поднимался, когда она бросалась к следующему. В пещере рангунам некуда было бежать, здесь они умело рассредоточивались. И те, что оказывались позади Марии или Асмодея, вдогонку направляли на них резонаторы. Ватута скрылся — ни Бах своим невооруженным глазом, ни Кнудсен в бинокль не разглядели его среди сражающихся.

— Нет, но почему облученные сразу поднимаются? — вдруг вознегодовал Бах. — Они же парализованы! Асмодей проверял все облучатели, ни один не отказывал.

Кнудсен усмехнулся.

— Недооценили Ватуту. Он не сомневался, что мы применим парализаторы. Присмотрись: и рангуны, и хавроны надели на головы металлические сетки, чтобы ослабить излучение.

— Тогда надо скорей выводить обоих из боя, пока их не убили, — сказал обеспокоенный археолог.

— Я уже послал приказ возвращаться.

Возле Кнудсена и Баха опустились Мария и Асмодей. Асмодей ухмылялся: ему понравилось, что противники бросались врассыпную.

— Трусые! — презрительно сказал он. — Никто не принял честного боя один на один.

Мария оценила вылазку иначе:

— Полная неудача! Я и подумать раньше не могла, что нападение с таким оружием, как парализаторы, не даст никакого эффекта.

— Эффект есть, но не тот, какого мы ожидали, Мария. — Кнудсен говорил как всегда спокойно и неторопли-

во. — Ватута знает, что мы не собираемся уничтожить рангунов, только отбрасываем их, и принял свои меры. Посмотри вправо, куда только что умчался Асмодей. Там скоро прорвут нашу оборону.

На правом крыле по-прежнему клубилась пыль, оттуда доносился режущий визг резонаторов, распарывающих гранит. Дилоны, оборонявшие подступы к насосам, сражались молча, телепатируя один другому команды Асмодее. Неподалеку тонкая струйка воды стекала в небольшой приямок. Три компрессора, высасывая оттуда воду, вгоняли ее в колодец. Из пыли вырвался Асмодей.

— Прорвали? — спросил капитан хронолета.

— Прорвали! Остановил их на последней линии. Люди, спасайтесь! Скоро хавроны Ватуты перенесут свои резонаторы и прицельно ударят по насосам. Я приказал убираться всем, кто прокладывает канал с горы в долинку. Побегу обезвреживать заряды, заложенные по склону. Ими хочет завладеть Ватута. Я ему этой радости не дам!

С горы спускались рабочие. Асмодей приказал им идти к Аркадию — укрепить «преисподнюю».

— Курдины бы сюда, Анатолий! — чуть не простонал Бах. — Хоть бы одну! Пойми, колодец уступать нельзя.

— Не смей и упоминать о них! — отрезал Кнудсен. — Асмодей! Не надо извлекать заряды. Надо взорвать их. Сможешь?

— Конечно, смогу, но для чего? Их слишком мало, чтобы образовался канал. Пустая трата взрывчатки.

— Не пустая, нет! — Кнудсен осматривал вершину горы. — На Дилоне не было вулканов, но планета по структуре сейсмоактивна. Те недротрясения, что учиняют рангуны, были бы немыслимы, будь она иной. Взрыв на склонах горы может пробудить дремлющие силы. Взрывай заряды, Асмодей!

Асмодей умчался. Позади молчаливой группой стояли Старейшины. Кнудсен подошел к Гуннар Гунне.

— Друзья мои! — взволнованно сказал капитан хронолета. — Нужна ваша помощь. Сюда прорвутся передовые от-

ряды Ватуты. Конечно, мы могли бы физически уничтожить всех рангунов...

Гуннар Гунна с несвойственной ему поспешностью прервал Кнудсена:

— Так сделай это! Если рангуны не сдаются, почему бы их не уничтожить? Разве не ясно, пришелец, что в борьбе двух противников уничтожение одного из них — лучший способ прекратить борьбу?

— Это не наш способ, Гуннар Гунна. У людей своя мораль. Слушай мою просьбу. Вы умеете в длительных размышлениях находить опровержения законов природы. Я поставлю тебе задачу попроще: поразмысли и найди такой способ, чтобы мы могли разоружить рангунов, никого не истребляя. У нас могущественные боевые средства, но единственное безвредное оружие — временно парализующие излучатели — решительно отказало, а всякое другое — уничтожает.

— Ты правильно поступил, что обратился к нам за помощью, — величаво одобрил Вещий Старец. — Ибо вы, пришельцы, просто разумны, а мы — воплоители Высшего Разума. Я сделаю все, чего ты требуешь.

И он немедленно впал в такую сосредоточенность, что при очередном толчке почвы не устоял на ногах. Два других Старейшины — Различник и Стиратель — едва успели подхватить его под руки. Они так и застыли: двое поддерживали Вещего Старца, а он, опустив величественную голову, не выходил из глубокого размышления.

Кнудсен отошел к своим. Мария и Бах молчаливо следили за бегущим вдалеке Асмодеем. Хавроны, захватившие главную линию обороны, обстреливали киборга: то спереди, то по бокам, то позади Асмодеея взлетали фонтанчики пыли. Асмодей вдруг упал — не то добежал до нужного места, не то свалился, сраженный.

— Не поднимается! — глухо произнесла Мария.

И, словно отвечая ей, над склонами горы поднялся огненный столб. До людей донесся грохот взрывов, снизу вверх

по горе промчался смерч из пламени и камней. Огромные глыбы взлетали и рушились. Асмодей все не поднимался.

— К нему! — Мария побежала наверх, за ней поспешил археолог.

Кнудсен нагнал друзей, когда они стояли над местом, где упал Асмодей. Киборг успел выйти к цепи зарядов, успел включить взрывную машину, но спастись от падающих глыб не смог. Вокруг валялись разрозненные части того, что еще несколько минут назад было прекрасной фигурой и совершенным механизмом: сорванная с шеи голова с рожками, торчащими из кудрей, разmozженное туловище, изломанные руки, развалившиеся на сочленения ноги. Мария остановившимися глазами смотрела на груды обломков, оставшуюся от ее детища. Бах увидел моторчик индивидуальной силовой защиты и с негодованием пнул его: защита надежно предохраняла от ручных резонаторов, но против рушащихся глыб была бессильна.

Кнудсен прервал горестное молчание Марии и Баха:

— Друзья, соберите останки Асмодеев, похороним их, как похоронили бы отважного человека. Он выполнил свою боевую задачу и погиб. Посмотри на гору. Нам больше не нужно защищать насосы.

С горы рушился водопад. Тысячи тонн воды, грохоча и пенясь, устремились в Долину гибели. Бах, отведя взгляд от новосотворенного водопада, с болью проговорил:

— Я просил... Один залп курдины — и наш друг был бы цел!

Кнудсен резко повернулся и пошел назад. Мария позвала его — капитан хронолета не ответил и не обернулся.

11

Аркадий знал, что времени на подготовку обороны «преисподней» в обрез: сразу после падения защитной линии у колодца наступит его черед отражать атаку всей армии Ватуты. Кнудсен передал, что Мария с Асмодеем напали на атакующих и что вылазка была неудачна. Аркадий должен торопиться.

Аркадий не торопился — он был готов.

А затем донесся грохот взрывов на склоне горы, запиравшей Долину гибели, и он увидел водопад, ошалело ринувшийся из верхнего озера в котлован. Вода с ревом заполняла долинку. На единственном возвышении — скале, нависшей над «преисподней», — скапливались беглецы. Аркадий всматривался в далекую линию обороны — там оставались друзья, они все еще не появились.

Первым прибыл Гуннар Гунна со своей свитой, за ними Кнудсен. Аркадий кинулся к капитану хронолета с вопросом, где остальные.

— Асмодей погиб, Мария и Миша скоро появятся, они собирают его останки. У тебя все в порядке?

— Пусть Ватута приходит — его солдатам не поздоровится.

Кнудсен стоял спиной к новой оборонительной линии, лицом к котловану Долины гибели. Уровень воды поднимался, она уже доходила до колен последних защитников первой линии, торопившихся к спасительной «преисподней». Ни Марии, ни Баха не было видно.

— Скоро Ватута не подойдет, — сказал Кнудсен. — Новое озеро над бывшим колодцем спутало его планы — надо преодолевать воду. Он найдет средство для переправы, но на это ему понадобится время.

— Марии и Миши еще нет, — с тревогой сказал Аркадий.

— Уже идут, — ответил Кнудсен и отошел к Старейшинам.

Мария и Бах брели по пояс в воде. Аркадий спустился со скалы и помог им выбраться наверх. Бах сложил в кучку останки киборга.

— Вот и весь Асмодей тут, — произнес археолог. — Я так привязался к нему!

— Мария сконструирует нового Асмодея, — сказал Аркадий.

Мария грустно покачала головой.

— Если вернемся на Латону. Но это будет уже другой Асмодей. Может быть, и лучше, но другой.

Кнудсен беседовал со Старейшиной Старейшин.

— Пришелец, я выполнил твою просьбу, — торжественно протелепатировал Великий Провидец. — Воплотители Высшего Разума, как тебе известно, свободно решают самые сложные задачи. Я подверг всестороннему изучению твою проблему и окончательно постиг, что нет никаких известных нам средств, способных усмирить проклятых рангунов без физического уничтожения. Я уже объяснял тебе, что этот коварный народ...

— Немного же ты постиг, Верховный Воплотитель Высшего Разума, — с горечью проговорил капитан. — Я и без твоего глубокого размышления знал, что у меня нет никаких средств...

Дилоны, похоже, кое-что переняли от людей — Старейшина Старейшин совсем по-человечески прервал Кнудсена:

— Ты не понял меня, иновременник! Нет известных средств, но есть неизвестные. При опровержении законов природы, нашем, как ты знаешь, любимом занятии и непременном долге каждого дилона... В общем, природа для своих законов применяет известные всем средства, а чтобы их опровергнуть, мы конструируем нечто ей неизвестное...

Кнудсен с загоревшимися глазами ждал продолжения.

— Иновременник, единственная тяжкая болезнь дилонов — рассинхронизация организма. В отличие от нас, рангуны избежали разрыва времени в своих телах, ибо освоили свободный поворот своего целостного времени на обратный ход; на этом, как тебе известно, основано их бессмертие. Так вот — опровергни целостность их жизненного времени! Порази их рассинхронизацией головы и тела, желаний и поступков. У вас такие аппараты, такие хроновозможности!.. Спутай время в рангунах!

Старейшина Старейшин еще не окончил, а у Кнудсена уже возник план действий.

— Понял. Благодарю!

Он быстро направился к помощникам. Давно они не видели своего хмурого капитана таким оживленным, почти радостным — состояние отнюдь не по объективной ситуации.

— Друзья, Вещий Старец подсказал мне прекрасный новый план, но надо продумать, как его выполнить, — сказал он, предваряя вопросы. — Обсудим возможности сообща. Сделаем это в хронолете.

Аркадий оглядел подготовленные для обороны позиции.

— Мне тоже покинуть «преисподнюю»? А если нападение произойдет раньше, чем ты ожидаешь?

— Оставайся. Потом сообщим тебе детали нового плана. Остальные — в планетолет.

Бах задержал капитана:

— Анатолий! Я знаю, ты рассердился на мой упрек... Я о курдинах... Случайно вырвалось, прости!

Кнудсен мгновенно стал холодным, почти враждебным:

— Прощаю, но с условием: никогда больше ни случайно, ни преднамеренно не советуй мне применять такие средства!

Он первым вошел в планетолет и молчал, пока не ввел небольшой корабль в трюм хронокрейсера.

В салоне, усевшись на привычное свое место под изображением лохматого бога Хроноса, капитан хронолета начал обсуждение нового плана неожиданными словами:

— Мне стыдно, что идею рассинхронизации рангунов предложил Вещий Старец, ничего не смыслящий в хронистике, а мы, хронисты и хрононавигаторы, даже отдаленно не подошли к этой великолепной мысли!

После такого энергичного вступления Кнудсен изложил саму идею. Бах мгновенно загорелся.

— Я не хронист, хотя и хронавт, то есть путешественник во времени. Я археолог и мало смыслю в хрономоторах, хроногенераторах и хронотрансформаторах. Но мне кажется, что аппаратура, в которой я мало смыслю, вполне пригодна для рассинхронизации наших врагов.

Мария согласилась с Бахом. Она тоже немного смыслит в аппаратуре и тоже уверена, что механизмы отлично спутают в рангунах их жизненное время. Кнудсен вскочил:

— И вы не ошибаетесь в своей уверенности! Идемте на склад резервных механизмов.

На складе, у стеллажей, заполненных приборами, Кнудсен показал на громоздкие стационарные хроногенераторы.

— Приглядитесь к ним! У каждого из нас на скафандре хрономоторчик такого же типа, как этот, но слабей. И вы знаете, что, пользуясь им, можете менять свое собственное время — убыстрять и замедлять, создавать фазу к основному течению. Такой хрономоторчик, даже частично разлаженный, выручил Аркадия в лесу хроновампиров. А эти громоздкие аппараты — хроноорудия. Они — для нападения, а не для защиты. Обстрел хроноимпульсами выводит неприятеля из его сиюсекундности, выбрасывает в иное время. Выбрасывать рангунов в прошлое и будущее бесполезно: с ними придется сражаться и там — правда, уже не сейчас. Вещий Старец подсказал иное использование орудий. В них ведь можно менять и скорость, и фазу хроноимпульса.

— Я поняла, Анатолий! — сказала Мария. — Скорость времени меняется по-разному в разных частях организма — вот и рассинхронизация. А вывод в фазу рассогласовывает совместные действия рангунов, ибо каждый уходит в фазу неодинаково с соседом.

Кнудсен хохотал. Бах, тоже обрадованный, поглядывал на него с удивлением — академик и не подозревал, что его старый друг способен на бурное выражения чувств. Отхохотавшись, капитан сказал:

— Теперь грузим два хроногенератора и — к Аркадию!

Аркадий встретил друзей с облегчением. На противоположном берегу новосотворенного озера рангуны собрали громоздкое сооружение — не то плот, обнесенный металлическими щитами, не то широкопалубную лодку, и установили на палубе массивные орудия-резонаторы, которые Ватута готовил для уничтожения колодца и которыми намерен теперь закупорить подземную щель из озера в пещеру.

Кнудсен наблюдал в бинокль возню на другом берегу.

— Отлично придумано! Ватута не глупец, но он думает, что у нас только два вида оружия — парализаторы и резонаторы. От парализаторов он надежно защитился — и сетками

на головах, и металлическими щитами на плоту. Резонаторы смертельны только при прямом попадании. Но мы приготовили ему сюрприз. Аркадий, сколько времени понадобится рангунам, чтобы пересечь озеро?

— Через час они будут у «преисподней».

— Часа нам хватит.

Кнудсен объяснил идею нового сражения. Аркадий, гораздо лучше разбиравшийся в аппаратуре, чем Бах и Мария, пришел в восторг.

— Прошу доверить расправу с противниками коменданту «преисподней», — сказал он весело. — Искривление времени однажды уже спасло меня, теперь оно выручит нас всех.

Но Мария тоже захотела участвовать в хроносражении.

— Вы называете меня воительницей. Какая же я воительница, если не воюю? Аркадию хочется повторить свой успех в манипуляциях со временем, а мне, выражаясь языком древних воинов, нужно смыть позор неудачной вылазки. Что морально весомее — повторение успеха или преодоление неудачи?

— Сражение начинает Мария, — решил Кнудсен. — Мне поручаю второе орудие. Он немедленно вступает в бой, если Марию постигнет неудача.

Мария и Бах заняли свои посты. Плот рангунов отчалил от берега. Он быстро двигался по озеру — хавроны энергично работали веслами. Группа вооруженных солдат сгрудилась на носу, чтобы ринуться на скалу, когда плот сядет на береговое дно. За их рослыми фигурами не было видно рангунов: то ли ни один не пошел в атаку, то ли они прятались за солдатами. Капитан «Гермеса» залюбовался порядком на плоту: весельники дружно — с синхронностью до миллисекунд — вздымали и опускали весла, воины смыкались плечами, плот покачивался и покачивал весь отряд как единое целое, ни один солдат не разрешал себе индивидуального движения. Внешний порядок выражал внутреннюю собранность и дисциплину. Ватута посылал в атаку отборных солдат.

— Начинаю! — доложила Мария.

Кнудсен скосил на нее глаза. Она проворно переключала хроногенератор с фазы на фазу, со скорости на скорость. Волны пульсирующего и разрывающегося времени обрушились на вражеский десант. Плот приближался с той же быстротой, гребцы так же синхронно работали веслами, воины каменели в той же предписанной боевой неподвижности. Перемены начались с помутнения обзора. Кнудсен проверил стекла бинокля — не наслеза ли пыль — и лишь потом сообразил, что дело не в пыли, а в хронообстреле. Хавроны, стоявшие на носу, ближе всех к скале, вдруг потеряли резкие очертания и яркие краски, их словно замазало однотонной серой грязью. В неподвижном строю возникла толчея. Один хаврон поворачивался к другому. Какой-то солдат вырвался из строя вперед, двое других отпрянули от борта, словно спасались от падения в бездну. Кто-то замедлил взмахи весла, кто-то их убыстрил. Плот по инерции еще надвигался на скалу, но гребцы — так громко, что люди их слышали, — спорили и ссорились, вероятно упрекая друг друга в нарушении ритма. Самый вспыльчивый вдруг кинул весло и бросился на соседа — мохнатым кулаком учить трудиться. А сосед, так и не выпустивший весла, внезапно стал терять очертания и непрозрачность — на скамье сидело привидение, а не прежний массивный гребец. Сквозь его тело просвечивали другие хавроны, а в руке призрака неумоимо двигалось массивное, отнюдь не призрачное весло — только двигалось не в том ритме, как у других гребцов. Драчун, увидев, что сосед превратился в силуэт, издал вопль и ринулся за борт — вода сомкнулась над его головой, но он тут же вынырнул и широкими взмахами рук потянул к берегу.

Плот толкнулся в скалу, солдаты и гребцы попрыгали за борт. Из толпы вырвался бочкообразный рангун, Дешифратор донес его истошный крик: «Вперед! Вперед!» И тут же, словно не поняв собственного приказа, он бросился назад и, остановившись уже по колена в воде, стал растерянно оглядываться, словно допрашивая себя, как его сюда занесло.

Мария, непрерывно меняя фазы и силу импульсов, ведя аппаратом по всей разбросанной линии атакующих, быстро путала в каждом единство движений. Рангун, командовавший отрядом, снова выбирался из воды на берег, снова орал: «Вперед!» — и сам же, вместо броска на защитников, вдруг начинал вертеться — словно собака, преследующая собственный хвост. И его солдаты тоже вертелись кто вправо, кто влево, у каждого неумолимо трудилась одна нога, другая отказывала — он бежал послушной ногой вокруг второй, окаменевшей. Наступающий отряд превратился в скопище живых волчков, вращающихся в разные стороны, толкающихся плечами, сшибающих один другого и падающих.

— Какой прекрасный приступ массового безумия! Какой роскошный концерт массовой эпилепсии! — восторженно закричал Бах. Он понял, что Марии помощь не понадобится, и, не отходя от своего хроноорудия, весь отдался смакованию разгрома неприятелей.

Командир отряда чудовищным напряжением воли заставил свои ноги слушаться и заковылял, спотыкаясь на ровной почве, к передовому хроногенератору. Ручной резонатор, покачиваясь в нетвердых руках, угрожающе нацеливался на Марию. Мария хладнокровно повернула оружие на подходившего Бессмертного. Предводитель отряда вразнобой замахал руками, выронил резонатор и стал стираться. Он еще был, и его уже не было — почти вплотную перед хроногенератором пошатывался призрак рангуна, а не рангун. Затем он упал и замер. Бах подбежал к нему: на земле лежало живое, слабо шевелящееся привидение — сквозь полупрозрачное бочкообразное туловище смутно проступали камни.

— Забери резонатор и сними сетку у него с головы! — крикнула Мария.

Бах с трофеем в руках убрался к своему оружию.

Борьба с командиром отряда отвлекла Марию от нейтрализации остальных. В отряде восстановилось подобие порядка. Уже несколько обезьяноликих солдат лезли на оружие, безошибочно установив, что в них основа обороны.

Нападающие были слишком близко, чтобы ограничиться слабыми хроноимпульсами. И люди, и Старейшины, и рядовые дилоны увидели картину, которая могла померещиться лишь в малярийном бреде. У нападающих в телах разорвалось единство времени. Вдруг появились одни свирепо оскаленные морды, морды орали и мчались, а шей, их несущих, не было, и туловищ не было, и ноги отсутствовали. А на другом краю отряда бежали одни ноги без тел и голов и чуть повыше их раскачивались и самостоятельно прицеливались несущиеся сами собой резонаторы. И где-то перли одни лохматые туловища без голов, без ног и без рук.

Атака оборвалась. Нападающие падали один за другим. Все пространство перед двумя хроноорудиями было усеяно телами хавронов. Мария выключила хроногенератор. Единство времени медленно восстанавливалось — безногие и безрукие туловища обретали конечности, у безголовых обрисовывались головы.

— Неплохо, — буднично оценил обстановку Кнудсен. — Теперь разоружаем лохматых, пока к ним не вернулись силы.

Трое хронавтов снимали с хавронов защитные металлические сетки и собирали брошенные резонаторы. Бах наклонился над сраженным рангуном. Это был его старый знакомый Варана, Бессмертный № 44, вместе с Кагулой, Бессмертным № 29, встречавший пленного Баха в городе рангунов. Варана приходил в себя; он еще не мог подняться, но в глазах возрождалось сознание.

— Привет тебе, Варана, вельможа кровопийцы и Верховного Злодея Ватуты! — обратился Бах к пленному. — Теперь наши роли переменились, не так ли? Но в отличие от вас, обрекших меня на казнь, я не собираюсь насильственно превращать в смерть ваше бессмертие. На короткий срок мы привили тебе любимую болезнь дилонов, маленькую рассинхронизацию организма, — и все. Как себя чувствуешь, дружок Варана?

Варана с усилием приподнял голову, оперся руками о скалу. Ответ — на хорошем человеческом языке — прозвучал стоном:

— Спутаны времена мои. Ах, как спутаны времена мои!

К Баху, услышав его разговор с рангуном, подошли Мария и Кнудсен. Аркадий с дилонами относил в тыл отобранное оружие. Бах продолжал допрашивать пленного:

— А что мой добрый друг Кагула? Все ходит на задних ножках перед Верховным Злодеем? Что так смотришь? Не узнаешь меня?

У Вараны уже хватило сил на обстоятельный ответ:

— Я узнал тебя, пришелец. Ты Бах, археолог, академик и человек, что, как ты сам объяснил, означает одно существо. С твоим другом Кагулой плохо. Ватута арестовал Кагулу.

— Арестовал своего любимца? Своего спасителя в битве с Кун Канной? Я не ослышался?

— Ты не ослышался, человек и Бах. Кагула отказался воевать с вами. Кагула сказал, что он вам друг, а не враг. Сейчас Кагула в цепях у ног Ватуты. Властитель грозит, что так будет с каждым, кто ослушается. Никто не ослушался, но многие колеблются.

Варана показал, что хочет подняться. Бах помог ему встать на ноги. В разговор вступила Мария:

— Ты не колебался, верно? Я три раза поражала тебя, пока спутала твое жизненное время. Ты зашатался лишь после второго хроноподания.

Бессмертный № 44 бесстрастно возразил:

— Я колебался. Но в душе, а не на ногах. Кагула своим непослушанием поразил мою душу, ты поразила мои ноги.

— Колебался в душе, но всем телом бросился на нас! И вел на нас озверевших хавронов!

— Повелительница! Хавроны выполняли мой приказ, я выполнял приказ Властителя.

— Ты назвал меня Повелительницей? — Мария внимательно всматривалась в рангуна. — Значит ли это, что ты выполнишь мое повеление? Ты отрекаешься от Ватуты?

— Я в твоём плену и в твоей власти. Приказывай, Повелительница, — так тебя назвал сам Ватута. Так тебя называем мы все.

— Очень хорошо! Анатолий, разреши мне действовать! — Кнудсен молча кивнул. — Варана, мы пойдем на приступ позиций Ватуты. Мы хотим выручить нашего друга Кагулу. Повелеваю тебе принять командование над хавронами, которых ты отберешь. С нами пойдут, конечно, не все.

Варана поднял голову:

— Пойдут все, Повелительница. Еще не было случая, чтобы хавроны ослушались моих приказов. Я командую гвардией Ватуты. — И он добавил с радостью: — Спасем Кагулу! Спасем Кагулу!

Кнудсен распорядился:

— Собирайте хавронов. Плот в порядке — отправимся на нем. Миша, погрузи один хроногенератор. Идем мы трое, Аркадий остается. Поторопимся. Ватута, наверное, нервничает, что долго нет победных реляций, и может сообразить, что это означает поражение.

Кнудсен направился к группе стоявших поодаль Старейшин.

— Друг мой Гуннар Гунна! — сказал он с чувством. — Твоя замечательная идея осуществлена, мы породили в рангунах и хавронах жуткую рассинхронизацию, они из воинского отряда превратились в обезумевшее стадо. Спасибо тебе, Верховный Провидец!

Вещий Старец величественно протелепатировал:

— Рад, пришелец, что ты убедился в могучей силе Высшего Разума, свободно опровергающего незыблемые законы природы. А мы убеждаемся, что вы, люди и хронавты, что, впрочем, как мы твердо установили, одно и то же, могли бы стать добрыми помощниками воплотителей Высшего Разума. Наше проникновение в любые проблемы, ваши мобильность и энергия так дополняют одно другое, что слияние их породит новую всемирную силу. Я знаю, вы не любите и неспособны всем в себе отдаваться вдохновенному

размышлению. Но если ты преодолеешь это, впрочем, извинительное для людей нежелание всецело сосредоточиваться на мысли, то непременно поймешь, сколь благотворен будет союз Высшего Разума и Физического Динамизма.

Кнудсен поспешно сказал:

— Непременно поразмыслию о твоём великолепном совете. Но не сейчас. Снаряжается плот для десанта на тот берег. Не хотите ли сопроводить в последний бой людей и перешедших к нам рангунов?

На лице Верховного Провидца проступило замешательство:

— Мне нужно поразмыслить, иновременник. Столько важных аргументов за твоё удивительно красивое предложение — и столько убедительных доводов против. Я должен выяснить разумное соотношение тех и других. Позволь мне не торопиться с ответом.

Он впал в очередную сосредоточенность. Кнудсен больше не вмешивался. Он понял: дело сделано, — и пошел к плоту.

12

Хавроны, как и обещал Варана, не выказали ни замешательства, ни сопротивления, когда узнали, что отныне они солдаты людей и будут воевать против своих господ. Гарантией, что новая борьба законна, было уже то, что их неизменный предводитель Варана, потерпев неудачу при высадке, сразу перешел на сторону пришельцев. Они даже не вполне верили, что то была их военная неудача, а не временное помрачение умов и непонятный упадок сил, — впрочем, от грозной Долины гибели можно было ожидать любой беды, а загадочных и необъяснимых происшествий — тем более.

Варана вернул солдатам отобранное оружие, они повеселели и с новым приливом мужества ожидали приказа к сражению.

— Мне сдается, им безразлично, против кого и за кого сражаться, — заметил Бах, с любопытством разглядывая ряды хавронов. — Отличные, в общем, ребята! С тремя я даже по-

дружился. Их звали Бедла, Кадла и Рудла, они непрерывно называли свои имена и демонстрировали мне всяческое почтение. Их всех убил министр Прогнозов и Ведовства, робкий по натуре Кун Канна, когда так отважно бросился меня защищать.

— Кун Канна был, конечно, предателем, но довольно странным предателем, — задумчиво сказал Кнудсен. — Из страха перед Ватутой обрушил на своих собратьев ужасные бедствия, а сразу после этого напал на Ватуту, зная, что ничто, кроме гибели, его не ждет.

Около Марии, не отходившей от хроногенератора, встал Варана. С ним подошли четверо рослых солдат.

— Повелительница, командовать сражением будешь ты?

— Старший у нас капитан Кнудсен. Но в бой поведу вас я.

— Я выделил для твоей охраны двух солдат. Двое других помогут передвигать орудие. Сам я с десятком хавронов пойду прямо на Ватуту. К счастью, он не догадывается, что я теперь с вами.

— Ты уверен в этом?

— Он ожидает депеши, что мы захватили скалу. Я депеши не послал. Он подумает, что я сам хочу доложить о победе. Когда он выйдет ко мне, бей сразу, не ожидая, что он скажет мне и что отвечу я.

— Почему же сразу? Узнав, что ты у нас и что мы используем новое оружие, он покорится. Он уже покорялся.

— Теперь он не покорится. Он взял у Дилая те страшные резонаторы, которые погубили столицу дилонов. Когда я отплывал, пленные дилоны заканчивали их монтировать.

— Мой хроногенератор не даст применить резонаторы — ни ручные, ни стационарные.

Варана презрительно усмехнулся. Лица у рангунов были подвижные, выражения на них менялись быстро. Варана выглядел серьезней своих соплеменников, и, когда на его лице появилась усмешка, оно казалось еще выразительней.

— Повелительница, ты преувеличиваешь свои возможности. Я видел, как ты умело стреляешь. Но если почва затрясется, если сама ты упадешь на камни, а орудие твое понесет-

ся вскачь от тебя, обстрел не удастся. Ты должна справиться с Ватутой до того, как он применит большие резонаторы.

Мария с минуту раздумывала.

— Ты понимаешь, что попадешь в зону обстрела?

— Да. Но раз я на вашей стороне, я хочу обеспечить вашу победу. И еще одно, Повелительница. И ты, и твои друзья не должны показываться, пока я не встану рядом с Ватутой. Охранники прикроют тебя, а остальные люди пусть затаятся.

Все было разумно в плане Вараны — и очень рискованно. Мария подошла к Кнудсену и Баху посоветоваться. Кнудсен спросил: верит ли она сама в преданность нового союзника? Мария верила. Тогда, решил капитан хронолета, послушаемся его совета. Если даже Варана изменник, он все равно не успеет предупредить Ватуту до того, как Мария начнет обстрел.

— Мы согласны, Варана, — сказала Мария, возвращаясь к хроногенератору — его было почти совсем не видно за охранниками, стоявшими к нему вплотную.

Сдержанный Бессмертный № 44 — Бах успел сообщить, что в плену, во время его долгой беседы с Кагулой, Варана не обмолвился ни единым словом, — и на этот раз только молча наклонил голову.

Плот медленно подплывал к берегу. Из воды торчали крыши палаток и оборонительные щиты — хлынувшая с гор вода затопила все, что было ниже. Поодаль — в линию — стояли летательные шары, на них рангуны со своими солдатами прибыли в Долину гибели. Двойная цепь вооруженных хавронов выстроилась на пологом склоне. Между ними сновали рангуны, несколько Бессмертных выбежали навстречу плоту. Ватуты не было.

Уткнувшись в щит, плот остановился. Варана, сделав своим солдатам знак оставаться, сошел на берег. К нему метнулись рангуны. У Марии сильно забило сердце. Если Варана изменник, он придумал отличное средство победить людей — в самый раз рангунам наносить упреждающий удар! Но толпа расступилась, Варана пошел дальше один, остальные лишь сопровождали его на отдалении.

На склоне горы показался Ватута. Он сделал с десяток шагов и остановился. Две Гаруны, преследовавшие одна другую, заливали косым сиянием мощную фигуру Властителя. Он не просто стоял, а красовался — видный и своему войску, и хавронам на плоту, и людям, которые прятались за широкими спинами лохматых солдат. Варана приближался к Властителю. И не дойдя двух-трех шагов, повернул голову назад. Это был условный знак, и Мария не потеряла ни секунды.

Охранники, заслонявшие хроногенератор, расступились. Ватута зашатался, завертелся, замахал руками, упал на камни, судорожно дернулся и замер. Рядом рухнул Варана. Долгую минуту Мария ожесточенно осыпала два неподвижных тела хроноимпульсами — массивная фигура Властителя стала терять очертания и стерлась. То же произошло и с Вараной — обоих выбросило в какое-то иное время, не то прошлое, не то будущее, — Мария не знала.

И лишь убедившись, что с Властителем рангунов покончено, она повернула оружие на его солдат и офицеров, нестройно карабкавшихся на гору, чтобы помочь Ватуте. Несколько импульсов хватило, чтобы внести в их толпу смятение и разброд; три шара взлетели над горой — два Мария сшибла. Настал черед войска, сгрудившегося у воды. Многоголосый вопль ответил на хроноудар. Мария оставила хроногенератор и велела хавронам, каменно стоявшим на плоту, сойти на берег и собрать оружие.

— А мы пойдем спасать Кагулу и брать Ватуту в плен, если он успел восстановиться в нашем времени, — сказала Мария Кнудсену и Баху.

— Оставишь плот без охраны? — спросил Кнудсен.

Мария пренебрежительно махнула рукой. Оставлять или не оставлять оружие без охраны — дело капитана, а не ее. Он командир и стратег, она — воин. Сама она не сомневается, что никто и не подступится к хроногенератору. Да и кто о нем знает, кроме Вараны, а он наш, и он лежит вон там, с трудом возвращаясь в свое время.

— Ты права. Поторопимся найти Кагулу.

Три человека с трудом пробирались между толкающимися, орущими хавронами, между бессмысленно слоняющимися рангунами. Все были живы, ни у одного не было телесных повреждений — и ни один не понимал, где он и что с ним. Берег превратился в шумное сборище потерявших себя безумцев. Какой-то бегущий рангун едва не свалил Баха, тот сердито крикнул: «Смотри, куда идешь!» Рангун остановился, посмотрел на хронавта, не увидел его и снова двинулся вперед, словно собираясь пройти сквозь человека, — Бах еле увернулся. Два хаврона, стоя один против другого, сосредоточенно толкали друг друга: оба хотели идти, но ни один не давал другому дороги, а что препятствие можно обойти, они не соображали. Между потерявшими ориентировку противниками деловито сновали хавроны с плота, отбирая оружие.

— Такое впечатление, будто скопом выпустили на прогулку обитателей сумасшедшего дома, — хмыкнул Бах.

— И ведь никто, держа оружие, не пускает его в ход, — задумчиво сказал Кнудсен. — Страшное было бы зрелище, если бы они стали обстреливать окружающих. Какая дисциплина! Даже потеряв себя, они сохранили понимание, что оружие не должно применяться без приказа.

— Инстинкт, а не понимание! — проворчал Бах.

Варана, уже восстановившийся, приподнялся, увидев людей. Бах помог ему встать на ноги. Кнудсен искал Ватуту. Ни вблизи, ни поодаль Ватуты не было.

— Потом разберемся, куда мы его забросили — в будущее или в прошлое, — сейчас нужно спасти Кагулу. Варана, ты не знаешь, где он?

— Знаю. Немного выше пещера, где был Ватута. Он держал Кагулу около себя.

В пещере — небольшом логове, тускло освещенном самосветящимися стенами, — лежал связанный Кагула. Варана стал развязывать его, Мария помогала. Бах торжественно произнес:

— Привет тебе, мой добрый друг, Бессмертный № 29! Мы явились вовремя, чтобы спасти тебя от смерти.

Кагула потопал ногами, чтобы восстановить кровообращение.

— Я знал, что вы явитесь, я знал. Жаль, что Ватута ускользнул!

— Как это понимать — ускользнул? Ватута где-то в будущем. Впрочем, возможно, что и в прошлом. В общем, в нашем времени встреча с ним не грозит.

— Ты ошибаешься, пришелец. Он не в прошлом и не в будущем, а у Дилая. Он быстро пришел в себя после вашего нападения и хотел утащить меня с собой, но не смог развязать, не смог... Он улетел на шаре. Я покажу вам склады Дилая, я покажу...

Люди разочарованно переглядывались. Мария вспомнила, что над горой взмыли три шара; два она сбила, третий улетел — именно в нем, видимо, был Ватута. Кнудсен вызвал Аркадия. На ручных экранчиках появился улыбающийся хроноштурман и заговорил первым:

— Поздравляю, друзья, с удачей! Мне хорошо видно, как мечутся воины Ватуты. Анатолий, не пора ли убираться со скалы? Расщепляющийся материал заполняет «преисподнюю», она и впрямь превращается в настоящее пекло, там уже такое выделение тепла, что становится жарко. Наши добрые Старейшины что-то часто перебирают ногами. Жду указаний и распоряжений.

Кнудсен разрешил эвакуацию «преисподней» — теперь нападение на нее было исключено. Аркадий должен позаботиться о срочной передислокации разоруженной армии Ватуты куда-нибудь в страну дилонов. Они трое — Миша, Мария и он — отправляются на поиски сбежавшего Ватуты, их сопровождают рангуны Кагула и Варана и несколько верных хавронов. Пусть Аркадий доставит три авиетки с боевым снаряжением.

В каждой из трех авиеток за пульт сел человек. К себе Кнудсен взял Кагулу и Варану. Варана не знал, где убежище Хранителя Энергии Дилая, оно держалось в большой тайне. Но Кагула, руководивший Строительствами и Разрушениями, бывал там часто — он уверенно показывал путь.

— Здесь! — сказал Кагула, ткнув рукой в лесистые горы внизу. Кнудсен с удивлением посмотрел на рангуна: у молодого Бессмертного дрогнул голос — местечко, видимо, было из священных, и Кагулу приводила в смятение мысль, что он явился сюда с оружием в руках. Возможно, все было и не так, как показалось капитану хронолета, но он не стал доискиваться правды длительным размышлением, а выбрав место, посадил авиетку.

Рядом опустились остальные. Варана приказал хавронам выгружать снаряжение. Кнудсен предложил Баху и Марии оборудовать боевую позицию — не исключено, что убежище Ватуты и Дилая придется брать силой. Сам он с Кагулой отправится на последние переговоры с Ватутой. Мария потребовала, чтобы взяли и ее: Ватута еще недавно прислушивался к ее словам, она надеется, что и сейчас сумеет воздействовать на него.

Хранилище Энергии, как и все убежища рангунов, представляло собой пещеру в горе, вход в нее закрывали кусты. Кагула, очень бледный, только показывал направление, но идти впереди не осмелился — первым шагал Кнудсен. То ли от слабости, то ли от страха Кагула, замедлив шаг, стал пошатываться. Не пройдя и сотни шагов в гору, он испуганно воскликнул:

— Ватута! Дилай!

Кнудсен остановился. Впереди никого не было. Капитан хронолета уже решил, что рангуну от волнения померещилось, но в эту минуту кусты раздвинулись. Навстречу людям вышел Ватута и с ним маленький рангун с непропорционально большой головой. Оба встали на крутом склоне, метров на десять выше подходивших хронавтов и Кагулы.

— Ни шагу дальше! — приказал Ватута. — Приветствую тебя, Повелительница. Ты отлично управляешься с орудиями, я бы взял тебя в начальницы моих резонаторов дальнего действия. И тебя приветствую, капитан Кнудсен, ты гораздо лучше командуешь своим войском, чем Варана моей гвардией, — недаром он так легко переметнулся к тебе. А тебя,

Кагула, презираю — ты изменник! Ты отказался слушаться меня.

Видимо, Кагулу нужно было оскорбить, чтобы он смог отделаться от страха. В его ответе не слышалось ни робости, ни смирения:

— Скажу тебе то же, что говорил раньше, Великий Ватута: я слушаюсь разума, а ты впал в безумие, ты впал... Твое восстание бессмысленно — сам видишь это, сам видишь.

— Вижу, что мой бывший любимец Кагула попал под влияние дилонов, сдружившихся с людьми. Я давно подозревал в тебе это пагубное перерождение. Недаром ты так охотно беседовал с тем бешеным трусом Кун Канной, моим министром Прогнозов и Ведовства.

— Я спас тебя от нападения Кун Канны, я спас, — с достоинством напомнил Кагула. — Если бы не я, твоя голова и твои руки отлетели бы от туловища.

— Ты только исполнил свой долг, Кагула. Ты ясен, с тобой толковать не о чем. Пусть люди скажут, чего хотят.

— Мы пришли за тобой, Ватута, — сказал Кнудсен.

— Вот как — пришли за мной... А вы уверены, что сумеете уйти отсюда?

— Восстание не удалось, пора прекращать войну.

— Восстание не удалось, война продолжается.

— Ватута, не безумствуй! — воскликнула Мария. — У тебя такая светлая голова, ты не можешь не понимать!..

Ватута страстно прервал ее:

— Перестань, Повелительница! Я честно подчинялся твоей воле, пока вы не решили все переменить на планете.

— Не мы, Ватута! Сама природа уготовила вам гибель, мы спасаем вас!

— Природа со мной не разговаривала, со мной разговаривали вы. Почему я должен вам верить? И от чего вы нас спасаете? Вы лишаете нас бессмертия, разве не так?

— Ты погибнешь, отстаивая свое мнимое бессмертие!

— Умереть, защищая бессмертие, — разве это плохая судьба, Повелительница? Покорюсь я или нет, все равно ме-

ня ждет участь жалкого смертного. Так хоть поборюсь. Бес-
смертие стоит смерти — тебе не нравится такая формула,
Повелительница?

— Мне не нравится твое упрямство, Ватута, — сказала
она с горечью.

Кнудсен решил подвести итог спору:

— Слушай меня, Ватута. Внизу установлен хроногенератор. Прицельные фазы сдвинуты на разные углы. Надеюсь, ты прекрасно понимаешь, что это значит. Когда мы начнем обстрел вашего логова, вас поразит тяжелая болезнь дилонов — рассинхронизация. И тысячекратно более сильная! После этого мы возьмем вас голыми руками. Даю полчаса на раздумье.

— На подготовку ответа получаса мне вполне хватит, — насмешливо бросил Ватута.

Великий Властитель и Хранитель Энергии скрылись в кустах. Кнудсен быстро пошел вниз.

— Скорее, скорее! — крикнул он. — Ватута задумал что-то скверное. Нужно до исхода получаса приготовиться к неожиданностям.

Кнудсен приказал людям приготовить защитные хрономоторчики. Рангуны и хавроны тесно обступят Марию и Баха — они будут находиться под защитой людей. Аркадия в безумном лесу спасло, что он на несколько минут отпрянул в прошлое. Возможно, и сейчас придется уходить из настоящего минут на десять.

— Я дам знак, когда нужно будет уйти в прошлое, — тогда действуйте мгновенно! Я буду рядом с хроногенератором.

Когда подготовку к защите закончили, Кнудсен с беспокойством посмотрел на гору и произнес — скорее для себя, чем для товарищей, тесно сгрудившихся неподалеку:

— Прошло пятнадцать минут. Вряд ли Ватута...

Над горой взвилось огненное облако. Кнудсен дал знак уходить. Мария и Бах включили защитные хрономоторы. На людей обрушилась туча камней — они их не увидели. Грохот взрыва потряс окрестности — они его не услышали. А когда спустя несколько минут Мария и Бах синхро-

низировались в настоящем, они не узнали окружающего мира. Взорванная гора тяжело оседала, по склонам рушились вырванные из почвы деревья, груды камней завалили площадку, где недавно размещалась боевая позиция. Мария кинулась к хроногенератору — он валялся изуродованный, холодный и ни на что больше не годный. Окровавленный Кнудсен пытался встать на ноги.

— Ты ранен, Анатолий? — спрашивала Мария, вытирая кровь с лица капитана хронолета. — Где ранен? Ответь!

Он сделал попытку улыбнуться.

— Немного ранен. Запоздал с уходом в прошлое. Еще повезло, что вовсе не остался в настоящем...

— Повезло! — говорила она, все более волнуясь. И это было страшно на нее непохоже. — Хорошо везение: весь в крови, весь в ссадинах, голова разбита...

К ним подбежали Бах и Кагула, Бах подхватил Кнудсена под мышки. Опираясь на друга, Кнудсен сказал:

— Погребен навеки!.. Тысячи тонн над Ватутой! Устроил себе могилу...

Они молча глядели на взорванную, осевшую гору — густое облако пыли медленно, лениво, словно сознавая ничемность всякой спешки, клубилось над бывшей вершиной. Внезапно землю свела судорога. Затем донесся грохот дальнего взрыва. Взрыв повторился и стал непрерывным тяжелым гулом, разносившимся по всей планете.

— «Преисподняя» превратилась в вулкан! — радостно воскликнул Кнудсен. — Друзья мои, друзья! Мы полностью выполнили свою миссию!

13

У койки раненого капитана хронолета сидели Мария и Бах и разговаривали о событиях на Дилоне.

— Хочу немного пофилософствовать, — сказал академик. — Думаю о том, что мы совершили на планете, — и многого не понимаю. Надеюсь, ты мне поможешь.

Кнудсен улыбнулся.

— Я не философ, а астрофизик и хронист. Попробуем понять вместе. Начиная с главного.

— Начну со странных видений Асмодея, забросившего себя в будущее. Они содержат объективную истину?

— Конечно. Почему ты сомневаешься?

— Потому, что не будет того будущего, которое он увидел. Будущее, которого не будет, — вот парадокс! Предложить бы Вещему Старцу его разрешить — он же Великий Провидец...

— Обойдемся без старцев и провидцев. Мы хоть и не воплощения Высшего Разума, но достаточно разумны, чтобы разобраться в простой проблеме.

— Простой проблеме?

— Да, Миша. То будущее, которое Асмодей увидел, должно было объективно наступить, если бы нас с тобой не было. Оно естественно вытекало из закономерностей природы — и потому Асмодей его увидел. Оно реально в том смысле, что иным быть не могло. Но появились мы, и будущее будет иным — и столь же реальным, как было бы то, в котором очутился Асмодей.

— Итак, мы — та высшая сила, которая меняет объективное развитие?

— Мы просто одна из сил природы — сила разума, столь же естественная, как и слепые ее силы. Вспомни, что наши предки в эпохи общественной разобщенности составляли прогнозы, но поскольку сами творили свою историю, то, пугаясь неблагоприятного будущего, меняли настоящее — и будущее получалось не по предсказанию. Раньше люди трансформировали свое «завтра», теперь мы доросли до преобразования «завтра» природы, то есть природа меняет саму себя, используя свою высшую силу — наш разум. По-моему, ясно.

— Как в подземелье в глухую полночь. Ладно, буду думать. В каюту вошел Аркадий:

— Дилоны и рангуны пришли прощаться.

Первым вошел Гуннар Гунна, за ним Кагула. Кнудсен показал гостям на диван.

Вещий Старец торжественно поблагодарил хронавтов за помощь. Главное — на планете успешно восстановлен мир. Дилоны и рангуны отныне в сладостном плену друг у друга. Рангуны приняли в почетный плен Высокий Разум дилонов, дилоны взяли в радостный и плодотворный плен Энергию и Деловитость рангунов. Это необыкновенное слияние разума и силы сулит прекрасное будущее. Он уже не говорит о том, что борьба двух светил утихает, вскоре восстановится единое время и сами собой отомрут злая болезнь рассинхронизации у дилонов и тягостное пустое бессмертие у рангунов.

Вещий Старец разглагольствовал так долго, что у Кнудсе-на сами собой стали опускаться веки. Кагула коротко согласился со всем, о чем повествовал Гуннар Гунна, Воплотитель Высшего Разума, и в заключение вполне по-человечески пожал людям руки.

Бах и Аркадий пошли провожать гостей. Кнудсен с улыбкой сказал Марии:

— Вот и завершилась экспедиция на Дилону. И, как принято в старинных романах, конец у нее счастливый.

Через некоторое время Аркадий вошел с новым докладом:

— Анатолий, по твоему приказанию на время твоей болезни я принял на себя командование хронолетом «Гермес». Корабль взлетел с Дилоны и лег на новый курс.

— Покажи курс, Аркадий.

В каюте капитана висела рейсограмма. Аркадий указал на ярко засветившуюся на карте Гаруну Голубую. Они идут на нее, непрерывно меняя фазу рейсового времени. Где-то за Гаруной находится еще не видная точка — космическая черная дыра, царство схлопнувшейся галактики, исчезнувшей из местного космоса. Когда физическое время на «Гермесе» полностью преобразуется, черная дыра распахнется на всю ширь неба миллиардами своих звезд. Их курс — на те неведомые звезды обратного времени.

**Дороги, которые
нас выбирают**

ЧУДОТВОРЕЦ ИЗ ВШИВОГО ТУПИКА

1

Уже за сто метров сержант Беренс разглядел, что новобранец Эриксен — дурак.

Он слишком часто и слишком по-доброму улыбался. И у него были очень ясные не то серовато-голубые, не то голубовато-серые глаза, большие и грустные, к тому же такие круглые и с такими фарфоровыми белками, что казались блюдцами, а не глазами. Индикатор Подспудности записал в призывной карточке Эриксена невероятную характеристику: этот верзила говорил лишь то, что думал, и даже в глухих тайниках его души пронзительный луч индикатора не обнаружил ни черного налета злобы, ни скользкой плесени лживости, ни мутных осадков недоброжелательства, ни электрических потенциалов изортавырывательства, ни молекулярных цепочек заглазаочернительства, притаившихся в маскировочном тумане влицопресмыкательства. О магнитных импульсах карьерного роста и гравитационной тяге к теплым местам и говорить не приходилось. Эриксен был элементарен, как новорожденный, и бесхитроsten, как водонапорная башня. Таких людей на Марсе давно уже не водилось.

— Вы, малютка! — сказал толстый сержант Беренс, снизу вверх, но свысока оглядывая двухметрового Эриксена. Сержант Беренс — рост сто шестьдесят два, вес девяносто четыре, карьеризм семьдесят восемь процентов, лживость в границах нормы, свирепость несколько повышенная, ум не выше ноль сорока семи, тупость в пределах среднего экстремума, общая оценка: исполнительный до дубинности опти-

мист — держался с подчиненными высокомерно. Он умел ставить на место даже тех, кто был на своем месте. — Я не понял: из какого сумасшедшего дома вы бежали?

Эриксен спокойно сказал:

— С вашего разрешения, сержант, я в сумасшедшем доме не бывал.

Беренс с сомнением раскручивал ленту магнитного папорта.

— Но где-то вы жили до того, как вас призвали в армию?

— Я жил в городе номер пятнадцать, восемнадцатый район, сорок пятая улица, второй тупик.

— С ума слезть, — проговорил сержант. — На всех линиях, где у нормальных людей раковые опухоли нездоровых влечений, у этого недотепы сплошные нули и бледные черточки. По-моему, он безнадежен. Что вы сказали, Эриксен? Город номер пятнадцать? Знаю. Сороковой градус широты, сто двадцать восьмой меридиан, островок на пересечении пустого восемнадцатого канала с двадцать четвертой высохшей рекой. Сорок три тысячи жителей, половина — стандартные глупцы, около сорока процентов — глупцы нестандартные, остальные социального значения не имеют.

— Так точно, сержант.

— Мы одиннадцать раз уничтожали этот город, — мечтательно сообщил Беренс. — В последней атаке полковнику Флиту удалось испепелить все дома и разложить на молекулы всех людей и животных. Лишь в одном из подвалов (от флуктуационного непопадания — чудо, так сказал генерал Бреде) уцелел младенец, мы с полчаса слышали его плач. Флит ударил по нему из Суперъядерной-3 — это мегатонный усилитель взгляда. Вы даже представить себе не можете, как сверкали глаза полковника, когда он погружал взгляд в творило орудия. Этот проклятый младенец обошелся нам в два миллиона восемнадцать тысяч двести двенадцать золотых марсов... Боже мой, вообразить только — два миллиона!.. — Беренс посмотрел на Эриксена и добавил: — Это

были кибернетические маневры. Атаки разыгрывались на стереозкране.

— Так точно, — сказал Эриксен.

— Постойте! — воскликнул сержант, пораженный. — Вы сказали: второй тупик? Вы знаете, как он называется по-другому?

Эриксен опустил голову:

— Уверяю вас, сержант, все правила марсианской гигиены...

— Он называется Вшивым, вот как он называется, — строго напомнил сержант. — И не смейте врать правду, что давно уже ни одной... Название дано по людям, а не по насекомым. Там у вас наблюдались чудовищные выпадения из стандартности, разве не так? Это было гнездовье последних эмигрантов с Земли, самый скверный закоулок на Марсе.

Эриксен молчал. Беренс поднялся. В ширину он был протяженней, чем в высоту, и так как шагал он быстро, то казалось, что он не бежит, а катится. Он бросил Эриксену:

— Следуйте за мной. Первые занятия просты: нейроноволновая промывка психики на ракетных полигонах.

2

По равнинам Марса грохотал ветер. Утром он налетал с востока, в полдень дул с севера, ночью рвался с юга. В первые годы колонизации Марса направления воздушных потоков были упорядоченней, но пятьдесят лет назад Властитель Номер Тринадцать, сразу после вступления на Пульт-Престол, приказал ветрам дуть лишь на север, чтобы завалить пылью города Северной Демократии. Коварная Северная Демократия мобилизовала для отпора электрическую мощность почти в пятьдесят альбертов, то есть пятьдесят миллиардов киловатт (по терминологии того времени). В результате разгоревшейся пылевой войны прежняя упорядоченность ураганов пропала, ярость их увеличилась, а пыли везде стало больше. Нынешний Властитель-19, четвер-

тый год со славой диспетчеризировавший южную половину планеты, чтобы добиться перелома в затянувшейся борьбе, призвал под антенны своих полков больше трети населения государства. Назревала большая война — и на первый план выступала уже не пыль, а вода и кровь.

Первое занятие показалось Эриксену невыносимо тяжелым. «Болван, отдавайтесь полностью и безраздельно! — гремел в его мозгу голос Беренса. — Аккуратней и веселей! Всем существом, ясно?» Отдаваться весело и всем существом Эриксен не умел, но старался проделывать это аккуратно, полностью и безраздельно. Он уже не чувствовал ни рук, ни ног, ни туловища, все слилось в одно грохочущее, ползущее, бегущее, крадущееся целое с органами машины: живой автомат — в нем сам Эриксен был не больше чем маленькой частью, — маневрировал в пылевом полусумраке рядом с сотней таких же одушевленных боевых машин. «Яростней взгляд, пентюх! — надрывался в мозгу Беренс. — Сосредоточьте взгляд, иначе вас опрокинут, тупица!» Эриксен сосредоточивал взгляд, вызывал в себе ярость, но его легко опрокидывал презрительным оком каждый мчавшийся навстречу солдат. За первый час занятий Эриксен раз десять валился в пыль, задирая двигатели вверх, и только ругань сержанта заставляла его с усилием переворачиваться обратно.

Беренс скомандовал отдых.

— Если бы вы находились не в учебной, а в боевой обстановке, слюнтяй, вас дюжину раз разложили бы сегодня на атомы, — объявил он. Эриксен промолчал.

— Здесь усиление взгляда всего в пятьдесят тысяч раз, и крепче, чем оплеуху, вам не заработать! — негодовал Беренс. — А в бою усиления дойдут до ста миллионов — что тогда будет, я хочу знать? Отвечайте, олух, когда вас спрашивает начальник!

— Я стараюсь, — пробормотал Эриксен.

— Вы стараетесь? Вы издеваетесь, а не стараетесь, пустомя. Вы должны мне отдаться, а вы увиливаете от отдачи, подонок, вот что вы делаете. Я не ощущаю вашего мозга,

шизоид! Где ваши мозговые извилины, пустобрех? Я не могу ни за одну из них уцепиться! Ваш мозг гладок, как арбуз, остолоп этакий!

Эриксен и сам понимал, что солдат он неважный. В лучшем случае, его мозг безучастно замирал, когда руки и ноги послушно исполняли команды сержанта.

— Что будет с армией, если расплодятся такие, как вы, обормоты? — орал сержант, размахивая кулаком перед носом Эриксена. — Наша непобедимость основана на духовной синхронизации сверху донизу. Подумали вы об этом, балбес? Уяснили себе, дегенерат, что одного такого обрыва интеллектуальной непрерывности, какой устраиваете вы, будет достаточно, чтоб сделать нас добычей грязных северян? Я вас спрашиваю, головешка с мозгами, вы собираетесь отвечать или нет?

— Так точно! — сказал Эриксен. — Будет сделано.

Беренс метнул в него возмущенный взгляд. Взгляд сержанта не был усилен механизмами, и Эриксен снес его, не пошатнувшись. Снова начались маневры.

Эриксен скоро почувствовал, что мозг его понемногу настраивается на волну сержанта. Команды уже не гремели в сознании голосом Беренса, они стали приглушенной, превращались из внешних толчков во внутренние импульсы. Эриксен знал, что полная синхронизация его мозга с верховным мозгом армии наступит в момент, когда приказы извне станут собственным его влечением, собственной внезапно возникшей страстью. И тогда он, как и другие однополчане, глухо вскрикивая, будет иступленно напрягать мышцы тела и силы души, чтобы немедленно осуществить заплывшее в нем желание... До такой степени синхронизации было пока далеко.

Эриксен честно отдавался воле сержанта, но дело опять застопорилось. В голове Эриксена не хватало каких-то клепок. В висках застучало, боль разрывала клетки мозга, жаркий пот заструился по телу. Эриксен схватился руками за грудь. Негромко рычащие двигатели стали разворачивать его на месте. Эриксен судорожно завращался по кругу, и все, на

кого падал взгляд его смятенных глаз, взлетали как пушинки, перекувыркивались в воздухе или с грохотом уносились по неровному грунту, надрывно ревя двигателями.

— Стоп! — заорал своим голосом Беренс. — Стоп, дьяволы!

Синхронизация Эриксена продвинулась так далеко, что яростный крик Беренса оглушил его. О других солдатах и говорить не приходилось: уже многие недели Беренс разговаривал с ними лишь их голосами. На полигоне быстро установилась тишина, прерываемая только шумом ветра, поворачивавшего с юга на восток. Беренс выбрался из обочонки и рывкнул:

— Рядовой Эриксен, идите-ка сюда, дубина стоеросовая!

Эриксен вытянулся перед сержантом.

— Нет, поглядите на это чучело гороховое! — негодовал Беренс. — Вы, оказывается, и юродивый в придачу! То этот лодырь не может легонько стрельнуть глазом в ближнего, то бьет зрачками крепче трехдюймового лазера. Что вы устались на меня, чурбан? Вы своим бешеным взглядом чуть не покалечили целый взвод, чурка с глазами! Или вы позабыли, что у нас учения, а не битва? Ответьте что-нибудь членораздельное, лопух!

Эриксен отрапортовал:

— Так точно. Стараюсь. Можете положиться на меня.

— Так точно. Стараюсь. Можете положиться на меня, — сказал Беренс не своим голосом и окаменел. Полминуты он ошалело глядел на Эриксена, потом завизжал: — Передразниваете, параноик? А о последствиях подумали, чушка безмозглая? Знаете, тюфяк с клопами, чем солдату грозит противодействие?

Эриксен опустил голову. Ум его заходил за разум. Он мог бы поклясться, что не он передразнивал Беренса, а тот его.

— Перерыв на час, хлюпики! — скомандовал сержант. — На вечерних занятиях будем отрабатывать самопожертвование по свободному решению сердца, предписанному свыше.

Уходя, он зарычал на Эриксена:

— Выродок!

Он укатился в канцелярию, а Эриксен улегся на грунт. Рядом с ним опустился пожилой рыжий солдат.

— Хлестко ругается сержант, — с уважением сказал пожилой. — Он обрушил на вас не меньше ста отборных словечек.

— Всего двадцать восемь, — устало сказал Эриксен. — Я считал их. Дегенерат, болван, балбес, чурбан, лопух, пен-тюх, дурак, олух, остолоп, тупица, недотепа, юродивый, параноик, пустобрех, обормот, слюнтяй, пустомеля, лодырь, хлюпик, подонок, головешка с мозгами, дубина стоеросовая, чучело гороховое, чурка с глазами, чушка безмозглая, тюфяк с клопами. Ну и, разумеется, выродок. Я сам берусь добавить еще с десятков ругательств не слабее этих.

— Сержант их без вас добавит, — уверил рыжий. — Кстати, познакомимся. Джим Проктор, сорок четыре года, рост сто семьдесят восемь, вес шестьдесят девять, лживость средняя, коварство пониженное, сообразительность ниже ноль шести, нездоровые влечения в пределах государственно допустимых, лень и чревоугодие на грани тревожного, все остальное не подлежит преследованию закона...

Эриксен пожал его руку:

— Сожалею, что не могу отрекомендоваться с той же обстоятельностью. Во всех важных отделах психики у меня нули. Я в умственном отношении, видите ли... не совсем...

— Это ничего. И с нулями можно просуществовать, если беречься. У нас был солдат Биргер с полной кругляшкой в области лживости и эгоизма и всего ноль двумя самовлюбленности. И что вы думаете? Он отлично чувствовал себя в казарме. Временами он даже что-то мурлыкал себе под нос.

— Он в нашем взводе?

— Его распылили на учении. Он сослепу сунулся под взгляд генерала Бреде, когда тот скомандовал наступление. Ну и сами понимаете... Квантовые множители генерала не чета солдатским. Бедный Биргер запылал, как тряпка, вымоченная в бензине. Если не возражаете, я вздремну около вас.

— Спице, пожалуйста.

Проктор тут же захрапел. Эриксен печально осматривал равнину.

Над холмами ревел ураган, гоня красноватую взвесь. С того года, когда энергетические станции спустили с цепей ураганы, воздуха в атмосфере стало меньше, чем пыли, — было трудно дышать, уже в ста метрах предметы расплывались. Солнце холодным оранжевым шариком едва пробивалось сквозь пылевое марево.

Эриксен думал о том, что с детства не видел звезд. О звездах не приходилось и думать. Ураганы пыльной войны день и ночь гремели над планетой, они лишь меняли направления, обегая за сутки все румбы света и тьмы. Люди вставали и засыпали, работали и отдыхали под вечный, непрерывный, наполняющий уши, раздирающий тело грохот.

Планета была отполирована ветрами, красноватый грунт сверкал как металл, он был металлически тверд и гладок, а все, что можно было извлечь из него, давно было извлечено и, не оседая, вечно моталось в воздухе. Оранжевый шарик солнца светил так тускло, что казался не оранжевым, а серым. «Серое солнце, — с тоской думал Эриксен. — Холодное серое солнце. А спутников Марса вовсе уже не видно!»

Еще он думал о том, что на далекой Земле, покинутой его предками, никогда не бывает пыльных бурь, и люди там могут разговаривать без приборов и без приборов слушать, не рискуя быть оглушенными. Эриксен опасливо одернул себя. Думать о Земле было запрещено. Она была навеки закрыта для глаз и разговоров. И Северная Демократия, и Южная Диктатура, враждовавшие между собой на Марсе, одинаково запрещали вспоминать Землю, жестоко наказывая ослушников. Эриксен порой нарушал запрет. Но то, что сходило с рук дома, могло выйти боком в казарме.

— Еще попаду под удар гамма-карателей, — пробормотал Эриксен. — Только этого недоставало — гамма-казни!

Из канцелярии выкатился Беренс.

— Строиться, ленивцы! — прогремел Беренс, заглушая вой урагана. — Напяливой боевую оболочку, разгильдяи!

Проктор, пробудившись, сладко зевнул.

— Чего-то я ему пожелал бы, только не знаю — чего.

— А я пожелал бы, чтоб он уткнулся носом в грунт, а потом погнал нас в казарму на отдых, — сказал Эриксен, наблюдая, как сержант расталкивает спящих солдат.

Эриксен еще не закончил, как Беренс свалился на бок — с грохотом, отдавшимся во всех ушах.

Вскочив, он заревел:

— Чего вылупили лазерные гляделки, гады? Живо запускайте моторы, скоты, и марш в казармы на отдых!

Солдаты кинулись к оболочкам. Взвыли воздушные двигатели. Взвод, человек за человеком, поворачивался в сторону казармы.

Сержант Беренс, раздувая горловой микрофон, завопил еще иступленнее:

— Куда, мерзавцы? Отставить отдых! Стой, кому говорю!

Взвод торопливо выворачивался от казарм на сержанта. Беренс, катясь вдоль строя, неистовствовал:

— Какой недоносок скомандовал моим голосом возвращение? Я сам слышал, что голос мой, меня не проведете, пройдохи! Я спрашиваю, бандиты, кто кричал моим голосом?..

Беренс докатился до Проктора и яростно заклекотал:

— Это вы, негодяй? Вы, обжора? Вы, проходимец?

Он ткнул кулаком в Проктора. Затрепетав, Проктор гаркнул:

— Никак нет, не я. Так точно, не я.

— Это ваша работа, Эриксен! — надрывался сержант. — Вот они где сказались, ваши психические нули, идиот! Я с самого начала знал, что от такого столба с перекладиной взамен рук хорошего ждать не приходится... Я спрашиваю вас, прохвост, почему вы кричите моим голосом?.. Вы меня слышите, растяпа?

Эриксен, бледный, сдержанно отрапортовал:

— Так точно, слышу. Никак нет, вашим голосом я не кричал! Я не умею говорить чужим голосом.

Беренс еще побушевал и начал учения. Эриксену и Проктору выпало наступать в переднем ряду. Проктор обалдело скосил на Эриксена оптические усилители и с уважением прошептал:

— А вы, оказывается, чудотворец!

3

В день, когда у сержанта Беренса начались нелады с новобранцем Эриксенем, неподалеку от них, в Верховной Канцелярии, на Центральном Государственном Пульте — сокращенно ЦГП, дежурил командующий Квантовозглядобойными войсками — сокращенно КВВ, известный всему Марсу лихой полковник Флит, еще ни разу не побежденный во время маневров. Он прохаживался вдоль щита с Автоматическими Руководителями — так недавно стали называться регуляторы общественной структуры — и, всматриваясь в диаграммы самописцев, мурлыкал популярную детскую песенку: «Будешь, подружка, дразнить меня, разложу тебя вмиг на атомы». Дежурство проходило отлично. Диспетчеризация государства шла на высоком уровне.

Внезапно Флит нахмурился. Кривая одного из руководителей показывала, что на ЦГП идет начальник Флита генерал Бреде. Флит недолюбливал генерала Бреде, хотя в официальных записях нейтринных соглядатаев они числились приятелями. Дело было не только в том, что генералу Бреде как первому заместителю Властителя-19 было положено не три, как Флиту, а восемь процентов сомнения и не два, как прочим Верховным Начальникам, а пять процентов иронии и что сам Бреде, по часто повторяющимся импульсным донесениям приборов Особой Секретности, временами перебирал отпущенный ему Законом лимит сомнения и иронии, а это Флит считал отвратительным. В конце кон-

цов, Флит мог примириться с некоторой нестандартностью своего начальника, дело было не такое уж катастрофическое. Но он не мог согласиться с тем, что Бреде начальствует над ним. По личным статьям Флит был выше Бреде (это не относилось к росту, но не рост в армии определяет высоту). Генерал Бреде выглядел анахронизмом в государственной иерархии Южной Диктатуры. Это был обломок древней ракетно-ядерной эпохи. Он мыслил изжитыми категориями всеобщего механического разрушения и энергетического распада. Испепеленная, превращенная в радиоактивную пыль планета — таковы были его примитивные концепции будущей войны. Правда, Бреде не высказывал таких взглядов открыто — не только люди, но и самописцы высмеяли бы отсталость его стратегических построений, — но Флит не сомневался, что в глубине души Бреде от них не отделался.

Не один Флит замечал, что Бреде недооценивает последние открытия в военной технике. Когда стало ясно, что человеческий взгляд, усиленный лазерными устройствами, обладает большей эффективностью, чем термоядерная бомба, отличаясь от последней легкостью перестройки на любую мощность, именно в это время, когда уже не было места сомнению, Бреде усомнился: он принимал Квантово-взглядобойные войска в качестве одной из частей армии, но упрямо отказывался признать их главной ударной силой.

К тому же личная оптика генерала была не на высоте. Командующий армией Южной Диктатуры был до отвращения синеглазым. Невооруженным зрачком он не смог бы убить даже мухи, не говоря уже о том, чтобы сразить человека или поджечь дом. У подчиненных, на которых Бреде кидал взгляд, почти никогда не подгибались ноги. Даже рост генерала — семь сантиметров выше уровня для Сановников — Флит считал непозволительным нарушением авторитета. Черноглазый, стандартной фигуры, стандартностремительный Флит являлся, наоборот, живым воплощением воинственности. В его пылающих очах — меньше всего их

можно было назвать отжившим невыразительным словечком «глаза» — сконцентрировались достижения оптической селекции четырех поколений профессиональных военных. У самого Властителя-19 не всегда можно было узреть такой пронзительный взгляд, каким гордился Флит. Без светофильтров беседовать с ним считалось опасным. С женщинами он разговаривал лишь в темноте, чтобы неосторожно не поранить их жаром своей природной оптики. Его первая жена погибла в ночь свадьбы, и, хотя с тех пор прошло десять лет, Флит не переставал горевать о ней.

Собственно, ночь, как показала запись контрольно-супружеских автоматов, протекала со стандартной бурностью, но на рассвете Флит, забывший задернуть шторы на окнах, испепелил свою бедную возлюбленную отраженным в его зрачках светом далекого солнца.

Бреде кивнул Флиту, уселся в кресло и задумчиво положил ноги на Государственный Пульт.

— Что-то не нравится мне сегодня Земля, — промямлил он. — Доложите земную обстановку, полковник.

С Землей ничего необычного не происходило. На суше строились семьдесят четыре новых города, осушались три мелководных залива, разливались сорок семь новых пресноводных морей, вырубались дикие тропические леса и насаждались тропические парки. С космодромов Земли за часы дежурства Флита стартовали за пределы Солнечной системы два звездолета, в межпланетном пространстве находится в космическом полете сорок один экспресс. Запущены еще несколько термоядерных станций — интеграторы фиксируют ежесекундный уровень потребления энергии около одного эрга на десять с двадцатью пятью нулями, то есть около миллиона альбертов мощности.

— Почти в тысячу раз больше, чем у нас, — сказал Бреде. — Высокого же уровня добились проклятые земляне.

— Не вижу здесь страшного, генерал. Вы забываете о концентрированности нашего супертоталитарного строя. У нас не существует низменной потребности сделать рай-

ским существование каждого человека. Каждый наш эрг в сотни раз боеспособнее земного эрга.

— Это, пожалуй, правильно. Перейдем к Марсу. Что у малопочтенных северян?

В Северной Демократии тоже не произошло ничего нового, если не считать речи Второго Олигарха, прокарканной по внутренним каналам Общественного сознания. Олигарх с обычной своей демагогией нашептывал в подчиненные ему мозги, что только у них настоящая свобода, а на юге, где господствует один человек, нет места индивидуальной независимости и частной инициативе. И еще он прокаркал, что пока монархическое государство на Марсе не уничтожено, до тех пор существует вечная угроза свободе. «Долой единоличного диктатора, — пролаял он в заключение, — да здравствует свободная демократия Рассредоточенных Олигархов и частная инициатива под нашим квалифицированным руководством!»

— Чует стервец Второй, что мы собираемся их всех слопать, — сказал Бреде. — Обратимся к нашим внутренним делам. Как наш главный государственный показатель — косинус пси?

— В пределах ноль девяноста трех, — ответил Флит. — Считаю синхронизацию Властителя-19 с нашим общественным строем идеальной.

— Идеальность — это сто процентов, — заметил Бреде.

— Сто процентов теоретически невозможны, генерал. Существуют конструктивные погрешности приборов. Об индивидуальных отклонениях психики подданных от психики Властителя не говорю, ибо это несущественно.

— Наоборот, весьма существенно, полковник. Если бы индивидуальные отклонения психики не имели места, то зачем синхронизировать солдат на полигонах?

— Осмелюсь заметить: требования к солдатам строже, чем к подданным, — естественно, тут показатели хуже. Тангенс тэта, символизирующий ваше личное единение с армией, еще никогда не поднимался выше девяноста. Наше

общество теснее объединено вокруг Властителя-19, чем армия вокруг вас.

— Та-та-та! — сказал Бреде. — Десять процентов моего расхождения с армией тревожат меня в сто раз меньше, чем один процент несинхронности Властителя с народом.

Флит сказал, накалив взгляд до нестерпимости:

— Вы говорите удивительные вещи, генерал.

Командующий армией даже не пошевелил ногой на Государственном Пульте.

— Удивительность их не выходит за границы моих штатных прав сомнения и иронии. Добавлю, что такой же высокий косинус пси мы имели в правление Властителя-13, но и семи процентов несинхронности оказалось тогда достаточно, чтобы наша общественная система впала в тяжелейшие автоколебания, едва не закончившиеся революцией.

— Безвременно погибший Властитель-13 был гений, — торжественно сказал Флит. — Если человек гений, его поступки, конечно, не укладываются в общепринятые формы понимания.

— Властитель-13 был дурак, — хладнокровно поправил генерал. — А когда дурак занимает высокий пост, его глупость, естественно, кажется гениальностью.

У Флита перехватило дыхание. Он сказал, заикаясь:

— Если я правильно... вы сейчас несколько превысили...

Бреде убрал ноги с Государственного Пульта и рванул дверцу приборов Особой Секретности. Самописец командующего армией чертил благожелательную кривую. Флит, уничтоженный, опустил голову. Взгляд синих глаз генерала был черноглазо тяжек.

— Не судите обо мне по своей мерке, полковник. Вам не приличествует то, что положено мне. Если бы вы так же высказались о каком-либо из прошедших властителей, я не говорю о благополучно синхронизирующем нас нынче, вас следовало бы атомизировать. Кажется, уже двенадцать часов? Идемте, нас вызывает Властитель.

К Центральному Государственному Пульту примыкало помещение Пульт-Престола — сокращенно ПП, где постоянно обитал Верховный Синхронизатор Государства Властитель-19. Его предшественники иногда выбирались за стены своей крохотной резиденции. Он себе этого не разрешал.

Он не разрешал себе даже сойти с Пульт-Престола. Он постоянно восседал или возлежал на ПП. И ел, и пил, и спал, а в дни государственных кризисов совершал на ПП и такие отправления, которые по природе своей требовали некоторого уединения. Происходило это не из боязни Властителя лишиться Пульт-Престола, а по более высоким соображениям.

Дело было в том, что влияние Властителя-19 на государственные дела падало обратно пропорционально квадрату отдаления от ПП. Проклятый закон квадратичной зависимости от расстояния, легкомысленно установленный в незапамятные времена физиком Ньютоном, грозной глыбой нависал над каждым неосторожным шагом Верховного Синхронизатора. Один из его предшественников, знаменитый в истории Марса Властитель-13, в какой-то из своих вдохновенных дней объявил об отмене зловредного физического закона, но, как вскоре выяснилось, закон не согласился на свою отмену. Такая же неудача постигла и другое великое начинание Властителя-13: приказ женщинам государства прекратить рожать детей, а дело воспроизводства марсианского человечества полностью передоверить мужчинам — как объектам, лучше поддающимся стандартизации.

Женщины, разумеется, с радостью отказались от вековой обузы беременности, но мужчины, как ни старались, технологию родов не осилили — пришлось возвратиться к примитивным методам производства людей.

Властитель-19, большой любитель истории, держал в памяти ошибки предшественников. Его девизом было: «Ни на

сантиметр от государственного руководства». Он объявил себя величайшим из властителей Марса. Он приказал вынести из помещения Пульт-Престола портреты своих предшественников — как недостойные быть рядом с ним. Исключение было сделано лишь для портрета Гитлера. «Конечно, этот древний земной неудачник мало чего добился, — с чувством говорил Властитель о Гитлере, — но он был пламенным провозвестником того общественного строя, который успешно установили мы». Важнейшим из государственных решений Властителя-19 было переименование властительных указов (именовавшихся также инвективами) в Диспетчерективы.

Генерал Бреде и полковник Флит по этикету сначала приветствовали портрет Гитлера, потом поклонились Верховному Синхронизатору. Тот жестом пригласил их присаживаться в кресла, расставленные вокруг ПП. Здесь же сидели другие сановники, управляющие внешними делами, психикой и бытом подданных и энергосоциальной структурой общества.

Сам Властитель-19 восседал на Пульт-Престоле в парадной форме: высокий цилиндр с султаном, черный мундир с орденами, голубые трусики, а ниже — голые волосатые ноги. Единственное развлечение, которое разрешал себе Властитель во время приемов, было шевеление узловатыми пальцами ног — это почти не ослабляло силы его воздействия на государственные дела. В безбрючности и босоногости Властителя-19 таился глубокий общественный смысл. Опыт многих поколений Властителей установил, что исходящая из них эманация государственности канализируется главным образом в нижних конечностях, одежда же экранировала их от приемников ПП, и потому чем меньше было одежды на ногах Властителя, тем лучше шли дела в государстве. Было даже предложение назвать государственное руководство Государственным Ноговодством, но проект этот не привился, автора же его, подумав, вскорости распылили.

Лицом и фигурой Властитель-19 походил на свои руководящие ноги — худой, волосатый, с неистовыми глазами, язык его двигался так же безостановочно, как и пальцы ног, хотя движение языка не имело такого значения, как подергивание пальцев. Во время речей Властитель-19, забываясь, усердно почесывался под мышками, на груди и в других местах: мыться на ПП было неудобно, а удаляться в ванну, так далеко от государственных забот, он побаивался. В эти минуты на него старались не смотреть, а в остальное время он вел себя с достоинством и был почти приятен.

— Я пригласил вас, господа, чтобы объявить свое окончательное решение проблемы Северной Демократии, — объявил Властитель-19. — Я буду максимально краток.

Приглашенные удобнее устраивались в креслах. Когда Властитель-19 хотел быть кратким, он укладывался часа в два.

Он начал с обзора трех больших общественных сил, действующих ныне в Солнечной системе. Первая из них — земное общество. С Землей получилось плохо, недоглядели Землю — такова единственно точная формула. На Земле получила распространение противоестественная философия всеобщего благоденствия. Глубокие различия цвета кожи, глаз, волос, роста, формы головы, национальности, образования, материального достатка и предков — на все это на сегодняшней Земле наплевали. Нынче там каждый самостоятельно выбирает свою жизненную дорогу: один стремится в музыканты, другой в космонавты, третий в кораблестроители — ни один не подумает испросить государственного разрешения на личные влечения! Каждый мужчина любит свою женщину, каждая женщина — своего мужчину, вместе они любят своих детей, а еще все вместе они любят всех вместе. Взаимная необоснованная любовь, хаотическое взаимное уважение, ничем не прикрываемая взаимная дружба — таков тот отвратительный цемент, что соединяет разнородных людей, населяющих нынешнюю Землю. В довершение там осуществлено чудовищное равноправие: все земляне равно-

властны. И вся эта неразбериха обильно питается могучими энергетическими ресурсами, настолько огромными, что, к сожалению, сейчас нельзя и речи вести об отвоевании нашей прапланеты и наведении на ней порядка. Землю пока надо оставить в покое. Время взять ее в руки (Властитель зашевелил ногами) не пришло.

Но если от захвата Земли он с глубоким сокрушением временно отказывается, то нет причин не расправиться с государственным убудком, именующим себя Великой Северной Демократией.

Медлить дольше нельзя. Сегодня один из Олигархов Севера нахально кричал о непобедимости их общества Частной Инициативы. Наглых Олигархов Демократии нужно покорить.

Реальная мощь на Марсе сосредоточена лишь в их Южной Диктатуре, тотально задиспетчеризованной его, Властителя, руководящей волей. Он утверждает с полной ответственностью: еще не существовало столь совершенного государства. Единство сограждан достигло у них высочайшей формы централизации — односушности. Прежняя формула единства — «Все — за одного, один — за всех» — стала попросту жалкой, ибо нет у них разных «всех», а есть лишь Один в миллионах экземпляров. Если на Земле ублажают личные прихоти — «развивают человеческие способности», как говорят там, — если Северная Демократия пытается контролировать влечения своих сограждан, то они, он и Властители, его предшественники, полностью отменили все личное. Они освободили подданных от собственных жизненных целей, от тяжести индивидуальных помыслов и причуд, от хаоса необщих мыслей. Человек чувствует себя несвободным, когда хочет многого, ибо несвобода — в неосуществимости желаний. В Южной Диктатуре люди ничего не хотят и ни к чему особо не стремятся, а следовательно, не испытывают горечи неудовлетворенности и трагедии неудач. Они желают лишь того, чего желает он, их...

Властитель-19 вдруг запнулся, лицо его странно перекошилось, он завершал не своим голосом:

— Чего вылупили лазерные гляделки, гады? Живо запускайте моторы, скоты, и марш в казармы на отдых!

Его истошный крик потонул в общем вопле. Сановники, сорвавшись с кресел, надрывались такими же не своими голосами:

— ...Марш в казармы на отдых!

— Отставить, мерзавцы! — завопил Властитель. Приближенные диким эхом повторили его команду.

На губах Властителя-19 появилась пена. Он подергивался на Пульт-Престоле, отчаянно бил о его бока заскоружлыми Руководящими Пятками. Проглатывая слова, он яростно бормотал:

— Проходимцы!.. Подлые растяпы!.. Недоноски!..

Потом наступила могильная тишина. Властитель-19 свирепо оглядывал сановников. Ноги его были плотно прижаты к ПП. Цилиндр с султаном сместился на ухо. Неожиданное смятение, возникшее в недрах государственного строя, было с успехом ликвидировано.

— Я хочу знать, что это было? — заговорил Властитель. — Генерал Бреде, отвечайте: что это было?

Генерал, приподнявшись, мрачно отрапортовал:

— Ваше Бессмертие, вы отдали неожиданную команду. А почему вы это сделали, мы не понимаем.

Все собравшиеся поддержали его дружным криком:

— Мы не понимаем, Ваша Удивительность!

Властитель-19 снова дернулся. Он секунд пять раздумывал, прикрыв тяжелыми веками бешеные глаза.

— Вам не понять сокровенной глубины моих поступков. Я пошутил. Итак, через неделю начинаем войну против Демократических Олигархов. Теперь марш по местам!

Он с трудом удержался от того, чтобы последнюю диспетчерективу не прокричать тем же не своим голосом, каким недавно кричал непонятные слова.

Флит возвратился на ЦГП.

Под утро туда же пришел генерал. Бреде не уселся за Государственный Пульт и не положил на него ноги, как лю-

бил, — он прохаживался вдоль щитов с Автоматическими Руководителями и почему-то хмурился.

— Косинус пси отличный, — заметил полковник. — Единение Властителя-19 и народа достигло степени тотального слияния в одно целое. Ваш личный тангенс тэта тоже превосходит, хотя по-прежнему хуже косинуса.

— Меня смущает полнота слияния Властителя с народом, — неожиданно сказал Бреде, повернув к полковнику насупленное лицо.

Флит искренне удивился:

— Вас смущает совершенство централизации? Все достоинства нашего государства, в частности — его боеспособность, держатся на этом фундаменте.

— Дорогой мой полковник, самые грозные недостатки часто являются оборотной стороной достоинств. Если с обожаемым Властителем что-нибудь произойдет...

— Абсолютно исключено. Синхронизация общества и Властителя совершается автоматически.

— Это тоже меня беспокоит — автоматизм тоталитарности.

Полковнику показалось, что он наконец поймал своего начальника на ереси.

— Выскажитесь определенной, генерал!

Командующий армией за долгую службу у Властителей 17, 18 и 19 уже не одного деятеля вроде Флита подвергал распылу на лазерных полигонах. Флит был слишком маленьким противником, чтобы тратить на него силы. Бреде лишь передернул плечами:

— Мне отпущено много сомнения, но и мои лимиты не безграничны. Лучше поговорим о вещах более безопасных. Вам не показался знакомым голос, каким неожиданно закричал?..

Флит шлепнул себя по лбу:

— Удивительно знакомый голос! И будь я проклят, если это не голос сержанта Беренса, самого лихого вояки и самого отпетого пройдохи в наших... — Флит, ошеломленный, с

ужасом посмотрел на Бреде. Бреде значительно поджал губы. Флит заорал на весь ЦГП: — Послушайте! Неужели вы хотите сказать, что вшивка Беренс пытается захватить Верховную Синхронизацию?

Бреде холодно возразил:

— По-моему, о Беренсе заговорили вы. Я лишь обратил ваше внимание на странное изменение голоса Властителя. Замечу попутно, что вы превысили свои скудные пределы, полковник.

Он показал на приборы Особой Секретности. Кривая благонадежности Флита была повреждена резким всплеском в Недопустимость, граничащую со зловещей красной полосой Обреченности. Флит нервно отпрянул от грозного пика на кривой. Он лишь на три миллиметра не дотянул до предела, за которым безжалостные гамма-каратели автоматически обрывают жизнь провинившегося. Бреде спокойно подошел к автоматам Энергетического Баланса Государства. Здесь что-то настолько поразило генерала, что он несколько минут не отрывался от приборов.

Флит еще не оправился от ужаса, вызванного образом чуть не надвинувшейся на него гамма-смерти, когда до него донесся размеренный голос:

— Полковник, какова первая акция нашей стратегической подготовки к войне?

Флит не понял, зачем генералу понадобилось экзаменовывать его по столь элементарным пунктам стратегического развертывания, но ответил:

— Мобилизация водных ресурсов, разумеется.

— Как идет эта мобилизация?

— Конечно, отлично! Нам удалось вызвать всеобщее скрытое испарение и сконцентрировать облака на южном полюсе. Мы прихватили солидную толику водных ресурсов северян, пока эти ротозеи не спохватились, что их грабят. Уже вчера на полюсе было скомпрессовано четырнадцать миллиардов тонн воды, то есть сорок процентов водных возможностей планеты.

— А когда мы должны привести эти облачные массы в движение?

— Что за вопрос, генерал! В момент объявления войны, разумеется!

— Войну мы еще не объявили?

— Я отказываюсь вас понимать! Вы же сами слышали диспетчерективу! Война начинается через неделю. Тучи будут сгущаться еще семь дней, а затем мы мощным ударом превратим пылевую войну в грязевую — и центры сосредоточения войск противника потонут в болотах.

— В таком случае, должен вам сообщить, полковник, — бесстрастно сказал Бреде, — что облачные массы на полюсе пришли в движение и в данный момент бурно несутся на нас.

Флит, вскрикнув, кинулся к энергетическому щиту. Тут он увидел нечто еще более страшное. Основной показатель государства, косинус пси, катился вниз. Флит метнулся к щиту, где вычерчивался тангенс тэта. Тангенс тэта стоял на девяноста.

— Генерал! — простонал Флит, обернув к Бреде искаженное страхом лицо. — Армия пока в ваших руках, но государство разваливается. Синхронизация общества летит ко всем...

Бреде подскочил к Флиту и схватил его за шиворот.

— Идиот! — прошипел генерал. — Ваше счастье, что с государством что-то случилось, иначе гамма-каратели... Включайте аварийную сигнализацию по всем каналам!

Флит бросился к щитам. Бреде наклонился над Пультом. Не прошло и секунды, как страна была оповещена, что государственный строй Южной Диктатуры свела непонятная внутренняя судорога. Бреде потащил Флита к дверям Пульта-Престола.

— Еще не все потеряно, — сказал генерал. Он говорил с обычной внешней невозмутимостью. — Пусть Властитель срочно налаживает свою развалившуюся синхронизацию. По-моему, произошло чудо.

— Это революция, — бормотал вконец ослабевший Флит. — К нам проникли земляне. Боже, теперь всем нам крышка! Как думаете, не запросить ли помощи у Олигархов Демократии?

— Кретин! — только и ответил ему генерал.

5

Причиной катаклизма, потрясшего государственный строй Южной Диктатуры, был, разумеется, Эриксен.

Сержант Беренс доказал солдатам, что вырвавшиеся у него слова об отдыхе не имеют ничего общего с его истинными намерениями. После учений взвод не шел, а полз в казармы. Солдаты были так измучены, что половина их отказалась от ужина. Эриксен со стоном упал на койку. Ему было хуже, чем другим: сержант вымещал на нем злобу. Казарма давно храпела, а обессиленный Эриксен все не спал. К нему подобрался Проктор.

— Слушай, парень, — сказал Проктор, переходя на «ты», что в Южной Диктатуре считалось одним из самых серьезных проступков. — Ты все-таки чудотворец.

— Чудотворцев не существует, — вяло возразил Эриксен.

Проктор жарко зашептал:

— Не говори так, парень. Это раньше, когда жизнь была неразвита, чудес не существовало. Конечно, пока человек не овладел природой, все совершалось по естественным причинам, как Бог положил. Чудеса были технически неосуществимы, вот и все. А сейчас, когда так высоко... понимаешь? Без чудес нынче невозможно. Мы же не дикари, чтоб обходиться без чудес.

Не дождавшись ответа, Проктор продолжал:

— Как я услышал, что сержант орет твоим голосом твои слова, я тут же смекнул, что произошло чудо.

— Обыкновенная телепатия, — устало сказал Эриксен. — Гипноз на расстоянии. Я внушил Беренсу, что ему говорить, — только и всего.

— Не телепатия, а чудо, — стоял на своем Проктор. — И не гипноз, частное дело двух человек, а энергетическая эманация, нарушившая всю структуру государства, — вот что ты сделал, парень.

— Не понимаю вас, Проктор.

— А чего не понимать? Это же не Беренс кричит на нас, а полковник Флит орет нам голосом Беренса. А в полковнике гремит генерал Бреде, а генералом командует Его Бессмертие. Разве ты этого не проходил в школе? Во всех нас мыслит, чувствует и распоряжается Властитель-19, а если нам кажется, будто это наши мысли, наши чувства и наши голоса, так на это у нас есть свобода воображать, что мы... Ты не голос Беренса заглушил, нет. Ты заглушил в Беренсе голос Флита, то есть голос Бреде, то есть голос... ты понимаешь? И вот я спрашиваю тебя: разве это не чудо?

— Что вы хотите от меня? — спросил Эриксен, всматриваясь в возбужденное лицо Проктора.

Проктор зашептал еще жарче:

— Сотвори новое чудо! Раз ты сержанта Беренса так ловко... Это же одна цепочка, пойми! Одним винтиком завладеть — вся машина в руках. Слушай меня. На полюсе концентрируют тучи для атаки на северян. Двинь эти тучи на нас. Небольшого бы дождя, понял?

— А зачем вам нужен дождик?

— Во-первых, северян не зальет, их механизмы не потонут — соваться туда будет рискованно. А во-вторых, у нас все раскиснет — обратно не с чем соваться... И вместо войны — пшик!

— Вы не хотите войны?

— Я хочу домой... И чтоб все эти централизации и тотализации!.. Понял?

Эриксен слышал, как жарко дышит пожилой солдат. На провокатора он не был похож. Но все, что он говорил, отдавало государственной изменой. Эриксену и в голову раньше не приходило, что в казармах, невредимые, могут существовать люди, подобные Проктору.

— А вы не боитесь нейтринных соглядатаев и гамма-карателей? — спросил после некоторого молчания Эриксен. — По-моему, этим приборам не придется долго раздувать, если они хоть раз к вам прислушаются.

— Чепуха! — нетерпеливо воскликнул Проктор. — В душу мою им не влезть. Да и не один я здесь такой, всех нас не уничтожить. Эх, Эриксен, если бы ты знал, сколько раз мы между собой... Ты только зацепись, вставь палку в колеса чертовой машине, а мы все как один... Чуда, Эриксен, умелого чуда! И потом жить, не оглядываясь на соседа, и делать, что по душе, только бы это не мешало другим, и чтобы никаких войн! Сердце замирает — такая простота жизни!

Эриксен снова взгляделся в рыжего Проктора. В полусумраке казармы цвет волос неразличим, зато ясно было видно, как пылает его лицо и как сверкают глаза. Он уже не шептал, а кричал тихим криком. Эриксен с полминуты молчал, потом сказал:

— Вы знаете, что так живут на Земле?

— Да, знаю, — ответил Проктор прямо. — А теперь скажи по-честному: сделаешь чудо?

Эриксен откинулся на подушку, закрыл глаза. Всю жизнь он мечтал о запретной Земле. И всю свою жизнь боялся сказать об этом вслух.

И те, кто окружал его, были такие же: мечтали и молчали, Проктор первый заговорил открыто. Эриксену нечего было ответить. Против машины синхронизации реальных средств борьбы не было, а в чудеса он не верил.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал он потом. И снова с отчаянием ощутил, как ничтожны его силы.

Проктор убрался на свою койку. Стены казарм дрожали под давлением осатаневшего ветра. С равнины доносился такой грохот, что ныли уши, а в глазах вспыхивали глумливые искорки. Тонкая пылевая взвесь проникала сквозь щели в стенках.

Эриксен лежал с открытыми глазами, но видел не казарму, а то, что было вне ее, — огромную, неласковую планету:

воздух, напоенный красноватой пылью, безжизненные равнины, отполированные сухими ураганами до металлического блеска — ни деревца, ни озерка, ни травинки. Как забросило сюда его предков? Почему они остались здесь? Почему?

Нет, почему они из людей превратились в бездушные механизмы?

Эриксен ворочался, снова и снова думал о том, о чем на Марсе думать было запрещено. Он видел Проктора и Властителя-19, Беренса и генерала Бреде, тучи пыли, вольно несущиеся над планетой, облака высосанной из нее воды, хищно накапливаемые сейчас у полюса...

И вдруг Эриксен вскрикнул — такая боль свела мозг. Он вскочил, хотел позвать на помощь, протянул руку, чтобы разбудить соседа, но боль стала затихать. Голова отяжелела, Эриксену показалось, что это не голова, а каменный шар — тяжелый, он не держался на хилой шее и покачивался вправо и влево, вперед и назад. Эриксен поспешно лег, чтобы не повалиться всем телом вперед, за непостижимо заменившим голову шаром.

Стало легче, но в мозгу творился сумбур: Эриксен слышал стоны и визги, поскрипывания и потрескивания, что-то бормотало бесстрастным голосом прибора: «Косинус пси — девяносто девять и пять десятых, полная синхронизация! Косинус пси — девяносто девять и пять!..» Эриксен напряженно, без мыслей, вслушивался в шумы мозга, пытаясь разобраться в них, но разобраться в них было невозможно, их можно было лишь слушать. Тогда он стал думать сам, но думать он тоже не мог, он утратил способность к размышлению. Мысли так медленно тащились по неровным извилинам мозга, так запинались на каждой мозговой выбоине и колдобине, словно каждая тянула за собой непомерный груз.

«Тучи! — трудно думал Эриксен. — Ах, да... тучи... Нет, что же?.. Тучи... Вот оно что — тучи!.. Ах, нет — синхронизация... Нет, куда же я? Что... что со мной?..» Он вяло, будто в сумрачном полусне-полубреду, удивлялся себе: он переменялся в эту ночь и ему не нравилась перемена. Раньше

он мыслил легко и свободно, мысли вспыхивали, как огни, пронеслись стремительно, как тени, что же, нет, что же произошло? «Тучи, — все снова думал Эриксен, упрямо выстраивая мысль. — Все... тучи... сюда... и маленький дождь... с полюса сюда... хочу!»

И когда ему удалось не додумать, а доделать эту тяжелую мысль, он, измученный, провалился в сон, как в пропасть.

Его разбудил шум в казарме. Солдаты вскакивали с коек, раздетые кидались к двери.

— Дождь! Дождь! — кричали солдаты. Эриксен тоже протиснулся к дверям. Лишь в древних преданиях и бабушкиных сказках он слышал о чем-то похожем на то, что сейчас разворачивалось перед ним. И, охваченный таким же восторгом, как и другие солдаты, он ликующе вопил:

— Дождь! Дождь!

Мир стал непостижимо прозрачен. Марсианская равнина проглядывалась во все стороны на многие километры. Вода осадила плотные взвеси красноватой пыли, вечно заполнявшие атмосферу, осадило водой. Постоянно ревушие ветры смолкли, и мерный шум падающей воды был так слаб по сравнению с их надрывным грохотаньем, что казалось, будто в мире установилась ликующая тишина.

А вверху неслись темные, плотные тучи, из них рушились сверкающие капельки воды, змейки воды, сияющие водяные стрелы — настоящий дождь, первый дождь в жизни! И как — не переставая — лил дождь, так же — не переставая — орали солдаты:

— Дождь! Дождь!

Рыжий Проктор взобрался на стол и завопил во всю мощь горлового микрофона:

— Слушайте меня, солдаты! Это чудо! Чудо сотворил солдат Эриксен! Я ночью молил Эриксена о дожде, и он пообещал дождь. Славьте чудотворца Эриксена!

Истощенный призыв Проктора потонул в исступленном реве солдатских глоток:

— Славьте чудотворца Эриксена!

Десятки рук схватили Эриксена и подняли над толпой. Солдаты, ликуя, вынесли его под дождь, а Проктор все кричал:

— Молите чудотворца Эриксена о свободе! Пусть он отправит нас по домам! Пусть разрешит жить своей жизнью! Чуда, Эриксен!

И солдаты заглушали просьбу Проктора дружным ревом:

— На волю, Эриксен! Отпусти нас в нашу жизнь, Эриксен!

Эриксен, промокший и счастливый, оглядывал таких же мокрых и счастливых, восторженно орущих солдат и был готов пообещать все, что они требовали.

— Вы пойдете домой! — прокричал он. — Отпускаю вас в ваши жизни!

И вдруг он понял, что дождь заканчивается. Тучи медленно поползли назад. Только что они неслись с полюса, как сорвавшиеся с цепи разъяренные псы, а сейчас какая-то мощная сила загоняла их обратно, как побитых собак в коуру. Солдаты, замолчав, тоже следили за попятным движением туч. Эриксен попытался соскользнуть на почву, но солдаты его не пустили — он по-прежнему возвышался над всеми. И он первый разглядел катящегося к ним Беренса.

— Назад в казармы, бездельники! — издали вопил сержант. — Бунтуете, падаль! Слезайте немедленно, образина! — зарычал он на Эриксена. — Это вы, мятежник, покусились на синхронизацию государства? Сейчас я покажу вам, чудотворец-недоделыш, истинное чудо!

Он страшно сверкнул на Эриксена лазерными биноклями, но очнувшиеся от оцепенения солдаты взметнули оптические щиты, и убийственный взгляд Беренса погас в броне. Новый взрыв ругательств Беренса заглушил пронзительный выкрик Проктора:

— Чуда, Эриксен! Чуда!

Солдаты разразились воплем: «Чуда, Эриксен!» — и Эриксена охватило отчаяние. Короткое опьянение мнимой мощью мигом прошло, когда он увидел Беренса. Чуда не было. Что-то случайно нарушилось в государственном механиз-

ме, выпал из гнезда какой-то винтик, образовалась зияющая энергетическая отдушина — и тучи с полюса хлынули в эту прореху. А сейчас авария исправлена, винтик вставлен, и тысячи марсианских термоядерных станций, синхронизованные в едином порыве, гонят назад миллиарды тонн вырвавшейся на волю воды. Он не имеет к этому отношения, все возникло и ликвидировано помимо его воли.

И только чтобы успокоить неистовствовавших солдат, а не потому, что он поверил в себя, он вскинул вверх руки и прокричал:

— Все тучи ко мне! Да погибнет все, что мешает!

И тут, потрясенный, он узрел сотворенное им чудо. Тучи, отброшенные на юг, неслись обратно. Вокруг быстро сгушалась тьма. Прямо над головами солдат, где бешено противоборствовали сталкивающиеся облачные фронты, сверкнули молнии. Спустя минуту они вспыхивали непрерывно, пересекая одна другую, стремясь друг дружке в хвост. Гром в разреженной марсианской атмосфере был несилен, но вспышки ослепляли, как взгляды, усиленные умножителями, — солдаты опускали на глаза квантовые забрала.

Сержант Беренс в это время молчаливо и яростно врубался в гущу людей, чтобы расправиться с Эриксом врукопашную. Проктор предостерегающе прокричал:

— Осторожнее, Эриксен! Уничтожь его молнией!

Эриксен едва успел скомандовать, когда к нему протянулись хищные руки сержанта:

— Прочь! Будь уничтожен!

Сержант взлетел высоко в воздух. И он еще не успел коснуться грунта, как с бешеного неба на него низверглась река огня, а вслед устремились новые огненные реки. Сержант Беренс, превращенный в плазму, уже разметал свои атомы по равнине, а молнии все били и били в то место, где он находился в последний миг жизни.

И тогда Эриксен, охваченный страхом перед тем, что он сделал, прокричал тучам:

— Разойдись! Все по местам!

И, очевидно, в их тотально запрограммированном государстве каждой тучке было отведено особое место, потому что напиравшие фронтами облачные массы стали вдруг распадаться. А еще через некоторое время в разрывах облаков засверкало чистое небо с дневными неяркими звездами и далеким неярким Солнцем.

— Свершилось! — сказал кто-то среди всеобщего восхищенного молчания.

Эриксен, по-прежнему возвышавшийся над солдатами, увидел, что из Государственной Канцелярии, находившейся неподалеку от казарм, к ним идут высшие военные чины государства — генерал Бреде и полковник Флит.

6

Когда Бреде с Флитом ворвались на Пульт-Престол, Властитель-19 сидел на ПП, как на лошади, потерянно сжимая волосатыми босыми ногами бока верховного государственного механизма. Бреде, впрочем, Властитель показался похожим не на мужественного всадника, отлично управляющегося с конем, а на огромную, вспучившуюся, до полусмерти перепуганную жабу. Умный генерал утаил, какие непозволительные ассоциации являются ему на ум.

— Что случилось? — хрипло прокаркал Властитель. — Ужас что такое!

— Заговор землян, Ваша Удивительность, — доложил Флит (начинать должен был младший по чину).

— Чудо, — мрачно установил Бреде.

— Чудес не бывает, — с испугом возразил Властитель-19. У него жалко исказилось лицо.

Бреде непочтительно пожал плечами. Еще час назад он был бы мгновенно распылен за открытое неуважение к Высшему Синхронизатору Государства, но сейчас, когда нейтринные соглядатаи вышли из строя, а гамма-каратели разладились, он мог позволить себе и эту вольность.

— Вы забываете о достижениях науки, Ваше Бессмертие. Мы развились до уровня, когда любое чудо стало технически возможным.

Бреде, разумеется, не знал, что повторяет мысль солдата Проктора.

— Нет, это ужасно, — сказал Властитель, все больше бледнея. — Мои ноги не ощущают государства. С ума сойти, такая небывалость!

— Косинус пси ниже ноль сорока, — сказал Флит. — И он катится вниз. Энергетические станции отбились от ваших рук. — Он посмотрел на властительные ноги девятнадцатого Синхронизатора. — Мы гибнем, Ваше Бессмертие.

— Срочно доложите: что делать? — приказал Властитель-19 генералу. — Неслыханно, такая удивительность!

Бреде прошелся вдоль щита с важнейшими государственными приборами, распахнул окно. Тучи, ринувшиеся с полюса, сгустились над резиденцией Властителя. Лил преступный дождь, путавший стройную схему стратегического развертывания южан. Бреде минуту вслушивался в шум антигосударственного дождя, затем, не отвечая Властителю, обратился к Флиту:

— Вот вам те недостатки, полковник, которые являются оборотными сторонами наших достоинств — вы недавно настаивали, чтобы я их вам объяснил... Автоматическая синхронизация государства на личность одного человека привела к тому, что общественному механизму стало безразлично, кто его централизует. Какой-то пройдоха легче вписался в нашу общественную систему, чем вы, Ваше Бессмертие, и автоматы перевели синхронизацию на него. Самописцы показывают, что очаг смуты где-то в казармах Беренса.

Флит воскликнул, направляясь к командным аппаратам Квантово-взглядобойной армии:

— Сейчас я скажу проклятому сержанту пару словечек!.. Властитель-19 жалобно повторил:

— Что мне делать, господа? Какую выдать диспетчерскую?

— Сосредоточьтесь на управлении, — посоветовал Бреде. — Автоматической синхронизации вашей особы с государством больше не существует — добейтесь ее силой воли. Боритесь же за власть, черт подери!

Неистовые, глубоко запавшие глаза Властителя побелели от страха. Он яростно ударил ногами в бока Пульт-Престола.

— Я попытаюсь... Вы сказали — черт подери? Итак, черт подери! Я верну себе власть!

Он на глазах раздувался от напряжения. Вскоре он радостно вскрикнул, ощутив утраченный было контакт с государством.

В эту минуту сержант Беренс катился к взбунтовавшимся солдатам. Бреде молчаливо наблюдал, как замедляется яростный бег летящих с полюса туч и как стихает разрушительный дождь. Властитель-19 был дурак, но хорошо дрался за Верховную Синхронизацию. Флит, обаянный восторгом, не то танцевал, не то маршировал вдоль Пульт-Престола.

— Косинус пси растет! Семьдесят четыре! Восемьдесят два! Восемьдесят пять! Ура, Ваша Удивительность!

— Ура! — завершал Властитель, подпрыгивая на ПП. — Моя берет!

Бреде с сомнением покачал головой. В голосе Властителя-19 угадывались чужие нотки.

Настоящая борьба только начиналась. Бреде чувствовал, что неизвестный узурпатор, захвативший ночью управление государством, бросит всю свою волю в пылающее горнило Синхронизации. Даже отталкивая чужака концентрированным ударом, Властитель не мог отделаться от резонанса его могучего голоса.

И когда Властитель, вскрикнув, вдруг стал сползать с Пульт-Престола, Бреде кинулся ему на подмогу.

— Все тучи ко мне! — бормотал Властитель уже несомненно чужим голосом. — Да погибнет все, что...

— Замолчите! — отчаянно крикнул Бреде. — Безумец, вы контрастируете поведение вашего противни...

Он не успел окончить фразы, не успел поддержать рухнувшего Синхронизатора. На месте, где только что находился Властитель-19, взвился столб дымного пламени. Впервые за многие десятилетия Пульт-Престол был пуст. Бреде вовремя остановился, а Флит со страхом отшатнулся от мрачной туши пустого Пульт-Престола.

— Беренс тоже распылен, — доложил Флит, взглянув на приборы. — Государство погигло. Нам остается пустить себе в лоб отраженный в зеркале собственный смертоносный взгляд. Боже мой, какой конец!

— До конца далеко! — энергично возразил Бреде. — Вызовите автоматы Охраны. То, что не удалось плохо вооруженному Беренсу, должно удаться нам.

— Правильно! — закричал Флит, лихорадочно отдавая команды приборам. — Лично расправлюсь с этим узурпатором, будьте покойны! От Флита еще никто не уходил живым.

Когда они вышли из канцелярии, тучи по команде Эрик-сена, восседавшего на руках солдат, возвращались на свои места. До генерала и полковника донеслись ликующие крики толпы.

— Значит, как условились, — зашептал Флит. — Подберемся на дистанцию прицельного попадания, и я с одного взгляда распыляю этого...

Флит исчез, не успев даже вскрикнуть. Рядом с Бреде кружился смерч оранжевой плазмы. Смердная пыль сыпалась на генерала. Автоматы Безопасности отнесли Бреде подальше от места гибели Флита. Минуту генерал ошеломленно глядел на то, во что превратился его недоброжелательный, но верный помощник.

— Так-так! — сказал Бреде. — Гамма-каратели снова действуют!

Он подошел к толпе. Эриксен сделал знак, чтобы его опустили на грунт. Солдаты стояли вокруг него двумя стенами. Бреде опустился на колени.

— Да здравствует Властитель-20! — провозгласил он. — Рапортую, Ваше Бессмертие: еще ни разу наше государство

не было так тотально синхронизировано, как это сумели сделать вы, Ваша Удивительность! Слава Властителю-20!

Бледный Эриксен смотрел на Бреде круглыми глазами. Солдаты безмолвствовали. Бреде, не поднимаясь, закричал:

— На колени, болваны! Слава Властителю-20!

Один за другим солдаты опускались на колени. Сперва нестройно, потом все громче загремело «ура!». Временно колебавшийся государственный механизм снова исправно функционировал. Эриксен обернулся к Проктору. У Проктора сверкали глаза и дрожали руки, он так выгнулся вперед, словно собирался броситься на генерала.

— Разрешите, Ваше Бессмертие, возвести вас на Пульт-Престол, — сказал Бреде, вставая с колен. — Я познакомлю вас с тайнами управления нашей несокрушимой Южной Диктатуры.

Эриксен безвольно сделал шаг вперед. Он услышал шепот Проктора, но не остановился.

— Я думал, ты чудотворец, а ты — Властитель, — горько сказал Проктор вслед Эриксену.

Лишь на ступеньках Государственной Канцелярии Эриксен еще раз обернулся. Солдаты молчаливо расходились. Проктора Эриксен не разглядел. Проктора больше не существовало.

После осмотра аппаратуры Централизации Общественной Жизни Эриксен присел на Пульт-Престол. Вокруг ПП теснились высшие чины Южной Диктатуры, явившиеся на поклон к новому владыке.

— Итак, вы утверждаете: переворот сошел отлично? — спросил Эриксен Бреде.

— Превосходно, Ваша Удивительность! Погибло несколько дураков и нахалов, но государство вышло из кризиса крепче, чем было до него. И то, что оно само отыскало вас и сделало центром Тотальной Синхронизации, делает государству честь. Отныне уроженец Бриллиантового тупика...

— Тупик, где я родился, называется Вшивым, — поправил Эриксен.

— Полчаса назад он переименован в Бриллиантовый. А в данный момент в нем уже устанавливают вашу серебряную статую. Итак, я осмелюсь утверждать...

— Я хочу попросить разъяснения, — прервал Эриксен. — Вы, конечно, понимаете, что меня, как новичка в управлении, больше всего интересует, достаточно ли прочен тот государственный организм, нервным центром которого я... так сказать... избран... Откуда ждать опасностей? Не может ли какой-нибудь проходимец?.. Вы меня понимаете, Бреде?

Генерал доложил с военной четкостью:

— Только четыре причины могут разрушить Тотальную Синхронизацию: удар извне, восстание подданных, бонапартистский переворот и технологический распад системы.

— Мне кажется, этих разрушительных причин многовато, чтобы быть спокойным...

— Удар извне, — сказал Бреде. — Его может нанести либо Земля, либо Олигархия Демократов. Земля кичится, что общество их живет лишь для счастья своих сограждан и что во внутренние дела других планет они не вмешиваются. Агрессивной войны Земля не начнет. Что до Северных Олигархов, то военный их потенциал ниже нашего. Думаю, о восстании подданных в нашем обществе тоже говорить не приходится. Что же касается... гм... вашего особого случая, то ожидать повторения... Нужно, так сказать, обладать вашей гениальностью, и даже высшей, чем ваша, ибо вы уже... А это, понимаете...

— Справедливо. И последняя причина — технологическая.

— Она наименее вероятна. Наша государственная система развалится, если автоматы управления начнут уничтожать друг друга и самодемонтироваться. Пока мозг Верховного Синхронизатора концентрирует управление в себе, этой опасности нет. Ну а приказывать саморазвал, то есть вызывать почти мгновенный чудовищный взрыв, никакой Властитель не станет, ибо это равносильно самоубийству.

— Что ж, и это логично. Проктор был бы доволен.

— Проктор? Я не совсем понял, что вы хотите сказать, Ваша Удивительность...

— Я хочу сказать, что Властитель-20 начинает свою эру Синхронизации.

И прежде чем ошеломленные сановники успели вмешаться, Эриксен, вскочив на Пульт-Престол, широко раскинул руки. О том, что произошло вслед за этим, никто из них не сумел поведать миру, ибо их уже не было. Самому же Эриксену какую-то миллионную долю секунды казалось, что он в сияющих одеждах и в славе возносится в заоблачные высоты. А еще через доли секунды миллиарды молекул его тела, разлетевшись на элементарные частицы, сияющим плазменным облачком разнеслись по освобожденной планете.

ТРИДЦАТЬ ДВА ОВЛИЧЬЯ ПРОФЕССОРА КРЕНА

К начальнику полиции вошел следователь. Начальник, энергичный старичок с провалившимися щеками и злыми глазками, недовольно повернулся к нему. Тот походил скорее на тренера команды тяжеловесов, чем на юриста. Начальнику не нравилась в помощнике слишком оптимистическая внешность и доверие к людям. За три года работы в полиции этот самодовольный боров довел до смертного приговора всего четверых и не добился для других своих подопечных полных ста лет тюремного заключения. Начальник не одобрял методов следователя. Тяжелый кулак был веским аргументом не всегда. «Вину из обвиняемого лучше не выдавливать, а выдалбливать, — говорил начальник. — А невинные если и существуют, то лишь в ближайшем окружении господ бога, да и то потому, что туда не добраться». Начальник не позволял себе чертыхаться, но господ бога вспоминал часто и с благоговением.

— Я вас не звал, Симкинс, — заметил начальник.

— Совершенно точно, господин полковник, — ответил следователь, кланяясь. — Я, с вашего разрешения, в связи с загадочным вопросом профессора Крена...

— Вы олух, Симкинс, — почти вежливо сказал худой начальник. — Никаких загадочных вопросов в деле Крена не существует. Как этот прохвост Крен?

— Бредит. Третий день не приходит в себя. Врачи ни за что не ручаются.

— Никто бы не дал врачам медной монеты, если бы они за что-нибудь поручились. Врач в самом простом случае должен сомнительно качать головой — этим он повышает себе цену. Зато я поручусь, что меньше двадцати пяти пропойца Крен не отхватит. Если, конечно, вы не испортите заварившуюся кашу своим всепрощением.

— Постараюсь, господин полковник. Сделаю все возможное. Между прочим, Крен не пьет. Никогда не пил!

— Вы оглохли, Симкинс? В сотый раз спрашиваю, что вам надо?

— Если позволите... Обгоревший дневник Крена восстановлен почти полностью, много интересного... В парламенте выступал Поппер, я отчеркнул в газете важнейшие места.

— Давайте Поппера! Так-так. Ага, вот: «Я лично осматривал эти великолепные заводы, — произнес оратор в своей речи, — и убежден, что с божьей помощью и дополнительными капиталовложениями их можно переоборудовать для выпуска военной продукции. Что же до мошеннических проектов нынешних акционеров, то от них приходится отказаться как от беспардонного блефа».

Начальник поднял голову и осмотрел своего помощника с головы до ног.

— Вы слишком плотно ужинаете, Симкинс. К сорока годам у вас будет свыше ста килограммов. Жир вреден, ибо развивает добродушие. У хорошего человека злость сидит в костях, а не в жире. Сколько их было, этих искусственников? Тридцать два, вы сказали?

— Сорок восемь. Крен говорит о тридцати двух, потому что они ему всех ближе. Но всего их было сорок восемь. Ни один пока не пойман.

— Оставьте дневник и можете идти.

Когда следователь осторожно закрыл за собой дверь, начальник пододвинул обгоревшую тетрадь. От первых страниц ничего не осталось, многое отсутствовало и на следующих, но середина и конец составляли почти связный текст. Начальник читал с интересом, временами качал головой и — не то удивленно, не то восхищенно — бормотал про себя: «Прохвост же! Ну и прохвост! Двадцать пять — и ни года меньше!»

...потрясенный. Я стремился лишь к этому восемь мучительно трудных лет — нет, я не мог поверить! Это было слишком хорошо, невысказанно хорошо! Я заметался по комнате, чуть не плакал; думаю, взгляни кто со стороны, решил бы, что я сошел с ума, — так я был рад! Потом я сказал: возьми себя в руки, он настал наконец, час твоего торжества, — весь мир вскоре падет к твоим ногам! Я прикрикнул на себя: и на меньшее чем мир не соглашайся, руки у тебя достаточно сильны, чтобы поиграть этим шариком; нет, говорю тебе, нет, ты не напрасно потрудились, человечество отметит тебя среди величайших благодетелей! После этого я приблизился к аппарату. Колени у меня дрожали. Шарик жил, пульсировал, расчле...

...пошел на убыль: четыре дня реального существования после восьми лет горячечных мечтаний и математических расчетов! Здесь важен факт: не удалось материализовать мысли, остальное — детали; детали можно переделывать и дорабатывать. Я почувствовал усталость: четверо суток без сна — даже для меня это многовато. Я в последний раз любовался рассасывающимся в растворе комочком. Я знал, что, когда проснусь, комочка не будет. Он был — лишь это имело значение! Я повалился на диван...

— ...Черт! — сказал он. — Счет электрической компании за этот месяц чудовищный! Вы не жуете эти проклятые киловатты, профессор Крен?

— Не понимаю, чего вы хотите, доктор Паркер? — сказал я, стискивая под столом кулаки. Я не хотел, чтобы он заметил, что я волнуюсь.

— Отлично понимаете! То, что легко разрешают себе частные компании, нам недоступно. Налогоплательщики раскошеляются на полицию, а не на науку.

— Вычтите из моего жалованья за лекции. Хоть за три года вперед!

Он фыркнул. У него была рожа самодовольной жабы. Он растянул до ушей синеватые губы. В его выпуклых глазах мерцали зеленые огоньки. Я его ненавидел.

— Вы нахал, Крен! Может, вы припомните, когда в последнем семестре вы видели кого-нибудь из своих студентов?

Я молчал. В эту зиму я не прочитал ни одной лекции. Я ссылался на нездоровье, на неполадки с аппаратами, находил тысячи других причин, чтобы не появляться в аудитории. Меня корчило от мысли, что придется забросить эксперименты хоть на час. Изредка встречая студентов во дворе колледжа, я отворачивался и торопился пройти мимо.

— Вы израсходовали свое жалованье за десять лет вперед, — продолжал Паркер. — Два таких профессора, как вы, выпустят в трубу любой университет...

...миллиарды лет! Я содрогнулся, представив себе безмерный однообразный бег столетий, начавшийся с момента, как первый комочек протоплазмы стал развиваться в мыслящую субстанцию. Продолжительность человеческой жизни рядом с продолжительностью процесса, создавшего ее, — песчинка у подножия Монблана! Что сложнее? Быть готовой песчинкой или нагромождать гору, порождающую песчинку? Я задал себе этот вопрос и ужаснулся: ответ был иным, чем я ожидал. Ровно три миллиарда лет понадобилось природе, чтобы даровать женщине умение за девять месяцев создавать новую жизнь. Труд женщины и природы несоизмерим. «Монблан и песчинка!» — твердил я себе, шагая по лаборатории из угла в угол.

Да, конечно, я совершил открытие. Я нашел способ сжать в недели и дни миллиарды лет, потраченные природой. Я уверен: мне поставят памятники во всех городах ми-

ра, каждое слово, набросанное мной на листке, будут изучать под микроскопом. «Он был в волнении, когда писал эту букву «а», в ней чувствуется нервозность», — скажут знаменитые историки. «Нет, — станут доказывать другие, — буква «а» спокойна, но взгляните на «б»! Мы берем на себя смелость утверждать, что в момент, когда Крен чертил эту букву, его полоснула ослепительная идея, может, та величайшая его мысль — об искусственно созданном усовершенствованном человеке. Макушка буквы «б» набросана с гениальной свободой и широтой!» Все это будет, не сомневаюсь.

Ничего этого не будет! Рожденное мной детище беспомощно. Я — одинокая мать, вышедшая из больницы во враждебный мир. Я сижу на камне с ребенком на руках, у меня нет денег, нет еды, льет дождь. Ребенок корчится и тихо плачет. Что мне делать? Нет, что же мне...

— ...Мак-Клой! — сказал он, пожимая руку. — Я представлял вас другим. Я думал, что вы черный, как паровозная труба. У вас вполне приемлемое лицо, док, уверяю вас.

— И мускулы боксера! — пискнул второй, очень маленький и юркий, с мышинным личиком, желтозубый и редковолосый. Он хихикнул и поправил галстук-бабочку. Рука его была покрыта красноватой шерстью. — Я — О'Брайен. Вы не выступали на ринге, профессор? Я хорошо помню, как некий Рудольф Крен нокаутировал любимца публики Джойса во втором раунде. Судья сделал все, что мог, но что он мог сделать, если Джойс пришел в себя лишь на другой день? Нет, вспоминаю, того парня звали Карпер. Он вам не родственник?

— Садитесь, Крен! — проговорил третий. Этот не протянул руки, лишь указал на кресло. Мне показалось, что он у них главный. Он был худ и угрюм. Я еще не видел таких колючих глаз: он не смотрел, а вбивал гвозди. Кстати, и цвет у них был как у гвоздей. — Моя фамилия Гопкинс. Я читал ваш меморандум. Вам не кажется, что это может плохо кончиться?

Я сразу понял, что с ними нельзя быть искренним. И великан Мак-Клой, и карлик О'Брайен, и железный сухарь Гопкинс были одинаково мне чужды. Их возмутила бы, ес-

ли не рассмешила, великая страсть, поддерживающая меня восемь тяжелых лет. Высокие мотивы моей работы могли им показаться подозрительными, а результаты ее — ниспровержением основ. Я внутренне съезжился, когда Гопкинс кольнул меня страшными глазами, и еле удержался, чтобы не убежать. Я крикнул на себя в душе: «Помни, это твой последний шанс! Ты, кажется, считаешь их плохими людьми? Тебе остается приподлиться к уровню их подлости — проделай это с достоинством!»

Я сел в кресло и закинул ногу за ногу.

— Скажите, джентльмены, — сказал я, — кто из вас Эдельвейс, а кто — братья?

Мак-Клой и О'Брайен разом ответили:

— Эдельвейс — это я.

Гопкинс хмуро добавил:

— А братья — я. Почему вас это интересует?

— Как бы вам объяснить? М-м!.. Я предпочитаю иметь дело с солидными людьми. Фирма «Эдельвейс и братья», конечно, всемирно... Короче, я не желал бы, чтобы мое открытие попало в плохие руки.

Я значительно сжал губы и холодно посмотрел на них. Мак-Клой ударил кулаком по столу и захохотал:

— Вот мошенник! Он подозревает, что мы жулики. Признайтесь, док, такого проходимца, как вы, еще не существовало со времен потопа! Как по-вашему, ребята, он сукин сын?

— Очень, очень стоящий человек! — прохихикал О'Брайен, сморщив серое личико. — Говорю вам, он не хуже своего родственника Карпера смог бы нокаутировать великого Джойса. Думаю, мы сработаемся.

— Я могу удовлетворить ваше любопытство, — проговорил ледяным тоном Гопкинс. — Старый дурак Эдельвейс закончил свою грешную жизнь под забором Не думайте, что мы что-либо имеем против него: он был волк как волк, пожалуй, даже зубастей других. Состояние его поделили Мак-Клой и О'Брайен. Что до братьев, то Джим повесился на сорок четвертой минуте биржевой паники 28 сентя-

бря 1995 года, а Джек пустил себе пулю в лоб часом позже. Их акции достались мне. Мы решили не менять название нашей заслуженной фирмы.

— Отлично! — объявил я, закуривая сигарету. — Можете держать себя свободно. Вижу, что не ошибся, считая вас серьезными дельцами. Нам остается договориться о пустяках — сколько миллиардов вы вложите в наше...

— ...Четыре миллиона киловатт? — ужаснулся Мак-Клой. — В жизни не слышал большей чепухи! Вы послушайте его, ребята! Он требует миллионы киловатт на обслуживание одного автомата.

— И химический завод площадью в две тысячи гектаров, — добавил я. — Не забывайте, что мой аппарат займется производством людей.

Мак-Клой энергично выругался.

— Я тоже занимался производством людей — и не без успеха, поверьте: две черноглазые дочки и четыре голубоглазых сына — вот мое сальдо за девятнадцать лет супружеской жизни. Но мне не понадобилась для этого постель в две тысячи гектаров. И потребности в электроэнергии я не ощущал, скорее — наоборот: ни разу не забывал выключить лампочку!

Я со скукой пожал плечами:

— Не собираюсь подвергать сомнению качество ваших детей. Но между вашими и моими, машинными, есть разница. Я буду выпускать людей в массовом масштабе, на конвейере, и притом с заранее заданными свойствами. Надеюсь, вы не собираетесь оспаривать, что ваше крохотное семейное производство не больше чем работа вслепую. Вы заранее не знаете даже, кто получится, мальчик или девочка, не говоря уж о таких важнейших элементах, как цвет волос и глаз, влечения и рост, приспособленность к жизни, политические взгляды и прочее. Средневековая кустарщина, Мак-Клой, просто не понимаю, как в наш век поточного машинного производства вы, признанный мастер современ-

ной индустрии, осмеливаетесь хвастаться жалкой ручной работой. И вообще: я обращаю ваше внимание, джентльмены, на то, что мои машинные создания представляют собой материализованную мысль, получившую на заводе человекоподобное оформление. В наш век материалистического безбожия это тоже кое-чего стоит.

— Стоит! Стоит! — любовно поскрипывал О'Брайен, не отрывая от меня восхищенных глаз. От него исходил сладковатый запах восторга. — Это кощунство, Мак-Клой, сравнивать своих неудачных личных деток с конвейерными созданиями нашей компании. Даже Джон, самый сильный из ваших сыновей, не простоял бы и двух раундов против Джойса. Что до меня, то я требую, чтобы профессор Крен придал человекоподобным свое личное подобие. Вы меня понимаете, Гопкинс? А вы, Мак-Клой? Хи-хи-хе! По десяти в ряд Крены шагают из ворот завода — один к одному красавцы и силачи. Огромная колонна, не иссякающая ни днем ни ночью, — и все на ринг, на ринг! Вот это будет зрелище, говорю вам! Такого кулачного боя человечество не видывало.

Я посмотрел на Гопкинса. Решение зависело от него. Гопкинс уперся гвоздями глаз в стол. Мне показалось, что дерево прогибается под его взглядом: Гопкинс передвигал мысли с усилием, как рычаги. Если бы у меня нашелся радиоскоп, я различил бы в его голове их скрип. Наконец он заговорил:

— Предложение заманчивое, конечно. Но откуда взять такую уйму денег? Мы трое со всеми потрохами не стоим и половины того, что вы запросили для одного себя.

О'Брайен вскочил и, махая ручонками, быстро заверещал:

— Не так, Гопкинс! Как вы все близоруки, джентльмены! Выпустим две тонны акций, пусть их раскупают рабочие нашей компании — вот вам и денежки!

— Нет, тут требуется что-нибудь посолиднее. Я вижу лишь одну возможность — военное министерство.

— Военное?.. — пискнул О'Брайен. — А ведь в самом деле, Гопкинс, великолепная мысль!

— Сногшибательно! — захохотал Мак-Клой. — Такого проныры, как вы, Гопкинс, мир не видывал! Я настаиваю, чтобы док в своих человекоподобных оподобил вас.

— Поручите это дело мне, — сказал Гопкинс, вставая. — Я имею в виду переговоры с военными. Их, конечно, интересует конвейерная армия солдат с заранее заданными свойствами. Сейчас я из своего кабинета кое с кем потолкую в столице.

Пока Гопкинс вызывал столицу, мы мирно покуривали. Я старался не показать волнения. Я непрерывно волнуюсь с того дня, как понял, что у меня нет иного выхода, кроме как завязать опасную игру с этими двуногими. Пока я сидел у них на спине — а не в пасти, это было уже хорошо. Я усмехнулся, вспомнив, как они запротестовали, когда я объявил, что меньше чем на половине доходов не примирюсь. Мак-Клой подскочил до потолка: «Вы бандит, док, зачем вам такая прорва денег?» Я отрезал: «Собираюсь скупить фирму «Эдельвейс и братья». Я отвлек их от существа проблемы. Только так и надо с ними держаться. Пусть они займутся вырыванием денег у меня из глотки — у них не останется времени совать носы в технологию. Я буду проводить эту линию неукоснительно — заставлю их с боем добиваться того, что мне абсолютно не нужно. Я гордился своим коварством — с такими людьми иначе нельзя.

— Долго же он там! — пропищал О'Брайен. — Поверьте, я никогда так не волновался.

— Дышите глубже и разводите руками в такт вдоха, — строго сказал я. — Приседайте, когда одолевает волнение.

— Вы невероятный человек, Крен! — сказал он восторженно. — В жизни не встречал такой выдержки! Неужели вас не тревожит...

— Меня тревожит одно: успеем ли мы сегодня оформить финансовое соглашение? Драгоценные минуты тратятся на телефонную болтовню, в то время как мы могли...

Мак-Клой поспешил успокоить меня:

— Сейчас мы позовем Пьера Роуба, и он так быстро приведет вас в форму, что вы и ахнуть не успеете. В мире еще не существовало мерзавцев, равных Роубу.

— Пьером мы гордимся, — подтвердил О'Брайен. — Ни одна из конкурирующих фирм пока не сумела обзавестись таким сотрудником.

— Роуб — ваш адвокат?

— Нет, наш доносчик. Главный клеветник нашей фирмы.

— Я понятия не имел, что подобные должности введены официально.

Мак-Клой поглядел на меня и захохотал. О'Брайен тоненько дребезжал.

Я все же овладел собой.

— Люблю специалистов своего дела, — сказал я. — Так вы утверждаете, этот Роуб...

— Да, утверждаю! — радостно закричал Мак-Клой. — Вы будете целовать его руки, док, когда узнаете старину Пьера поближе. Он и на вас напишет поклеп, не сомневайтесь. У этого человека фантастические способности. Покажите ему молча язык, и он докажет, что вы собираетесь взорвать Дом правительства. Достаточно поглядеть на Роуба, чтобы коленки у вас затряслись и мучительно захотелось признаться в чем-нибудь страшном. Сейчас вы это испытаете! — Он снял трубку телефона и распорядился: — Роуба — поскорее!

— Роуба мы нашли не сразу, — продолжал О'Брайен. — Когда мы прибрали к рукам наследие папаши Эдельвейса, встал вопрос: кого из сотрудников приставят... вы понимаете, Крен? И вот тут мы услышали, что некоего Роуба прогоняют с десятого места за доносы и полную неспособность к чему-либо иному. «Стоп! — сказал Гопкинс. — Уверен, что это нужный нам парень!» Ровно через неделю после появления у нас Роуб донес куда следует, что мы продались врагам нашего государства и расширяем производство, чтобы неизбежная в последующем безработица стала безысходной. С этой минуты участь Пьера Роуба была решена. Мы удво-

или ему жалование и приблизили к себе. В мире теперь нет сил, которые принудили бы нас расстаться с Пьером.

— А не благоразумней ли наоборот — прогнать Роуба ко всем...

О'Брайен ужаснулся:

— Какая наивность, Крен! Это ведь свой доносчик. На него надо молиться как на святого!

— Что значит — свой? Он ведь доносит на вас!

— Ну и что? Кто-нибудь обязательно будет доносить, без этого нельзя. От каждой фирмы должно исходить установленное количество порочащей информации — таков закон. А так неудобно, если не знаешь, кто из твоих ребят и что именно доносит! Роуб же один заменяет целый полк информаторов. Из него изливается столь мощный поток порочащих сведений, что в других клеветниках больше нет нужды. Любимое его изречение о себе: «Роуб шерстью чувствует врага». И в самом деле, когда он видит незнакомого, у него встают дыбом волосы.

— Можно подумать, что вы описываете работу кибернетической машины! — заметил я.

— А что вы думаете? — загремел Мак-Клой. — Наука навета нуждается в автоматизации. Я узнал, что Министерство дознаний недавно заказало двенадцать электронных мозгов повышенной скорости — каждый для обработки пяти миллионов доносов в час! Масштаб, не правда ли, док?

В комнату, раздувая ноздри широкого, как мастерок, носа, вошел Роуб. Я собирался возражать Мак-Клою, но запнулся, ошеломленный. Роуб бросил настороженный взгляд в пустой угол комнаты, поглядел налево и лишь потом обернулся ко мне. Впоследствии я узнал, что его волнует пустота. «То, чего нет, подозрительней того, что есть» — эту мысль я слышал от него не раз. Но в тот момент меня поразила не философия Роуба, а его облик. В его морщинистом лице, сработанном из синеватого воска, не было ничего живого. Он уперся в меня мутными, как холодец, гляделками и зашевелил оттопыренными ушами. Больше всего он напоми-

нал огромную взъерошенную летучую мышь. Но это впечатление исчезло, когда он раскрывал рот. Он не говорил, а блял. К тому же он так торопливо выбрасывал из себя слова, что они, сшибаясь, создавали невразумительный гул.

— Я вас слушаю, джентльмены! — быстро-быстро заблеял он. — Я готов к услугам, джентльмены, понимаете, какая штука.

— Поглядите на посетителя, Роуб, — приказал Мак-Клой. — Что вы открываете в его лице?

Роуб так жадно впился в меня, словно хотел сожрать живьем.

— Ничего сногшибательного! Десять процентов невразумительного, сорок процентов инфантильности, остальное — нормальная тупость пополам с пижонством, понимаете, такая... Стандартное лицо. В последнее время за такие лица уже не арестовывают.

Мак-Клой шумно ликовал:

— Нет, каково, док? С одного взгляда понял, что вы гениальны. Слушайте, Роуб, вас нужно четвертовать.

— Стараюсь, шеф! — Роуб поклонился. — Вы преувеличиваете мои скромные способности, такая штука.

— Роуб, — запищал О'Брайен, — заготовьте проект соглашения о вступлении профессора Крена в совет директоров компании «Эдельвейс и братья». Он будет одним из братьев.

— Оговорить долю участия, джентльмены?

Мак-Клой и О'Брайен поспешно сказали одинаковыми голосами:

— Долю участия пока не оговаривайте!

Появившийся в дверях Гопкинс знаком приказал Роубу убираться. На сером лице Гопкинса подрагивало что-то отдаленно напоминающее улыбку, глаза посветлели. Он торжественно положил ноги на стол.

— Все в порядке, ребята! Парни из Военного министерства страшно заинтересовались нашими живыми игрушками. В расходах рекомендуется не жаться и времени зря не терять. Теперь о сути. Ваши претензии, профессор,

больше чем неисполнимы — они недопустимы. Наши окончательные условия: вы входите в компанию на правах некоторой части старика Эдельвейса и получаете...

...совершенной автоматике. Тысяча двести сорок чанов, каждый размером с трехэтажный дом, обслуживает одна кибернетическая машина. В чанах первичная зародышевая клеточка, произведенная Электронным Создателем, проходит все стадии эмбрионального роста, пока в конце химического конвейера белковое образование из нескольких молекул не превратится во взрослого живого человека. В последнем чане новосотворенный человек очищается от технологической грязи, посторонних белковых включений и заусениц, затем неторопливо двигается к выходу, бреется или завивается в парикмахерской и получает одежду, соответствующую классу технологической обработки. В одной из серий питательных чанов человекоподобное новообразование подвергается действию психических стимуляторов. Именно здесь наши искусственные люди приобретают все навыки, знания и стремления, необходимые для функционирования в обществе.

При полностью освоенном производственном процессе от записи генетической формулы до выхода из ворот завода искусственного парня с сигаретой во рту или кокетливой девушки с модной сумкой пройдет не более пятнадцати часов. Завод спроектирован из расчета, что в каждом чане находится не более одного изготавливаемого существа, то есть на производство одновременно тысячи двухсот сорока людей. Грубо говоря, мы рассчитываем вырабатывать около полумиллиона людей в год. Возможно, однако, запустить в чан сразу двух существ. Природа показывает нам пример, временами радуя родителей близнецами и тройняшками. Если чаны перевести на выработку близнецов, то производительность завода поднимется до миллиона человекоголов в год. Впрочем, я увлекся. Это уже дело инженеров с политиками, а не ученого.

На Электронном Создателе я должен остановиться подробней. Он — суть изобретения. Сказать о нем, что это искус-

ственный мозг неслыханной мощности, — значит ничего не сказать. Он, конечно, мозг, ибо может молниеносно решать задачи любой трудности. В этом он не отличается от любой другой логической машины. Но Создатель — еще и творец зародышевых клеток. На вводе он перерабатывает полученную информацию в генетическую формулу заданного существа, подбирает нужную комбинацию нуклеиновых кислот и сплавляет их в микроскопическую живую клеточку, готовую для развития в чанах. Для создания новой жизни природа не придумала ничего лучшего, чем непосредственное воздействие одной родительской клетки на другую. Мой Электронный Создатель не нуждается в телесном слиянии с партнером, не требует ласковых слов, страстных объяснений, нежных взглядов. Он ограничивается связью по радио. Все совершается в полном молчании: пакет электромагнитных волн — готово, ваша генетическая формула воспроизведена, начинается копирование родителей. Да, копирование, а не дележка свойств — от отца серые глаза, от матери остренький носик... Как часто отец, не находя ничего своего в ребенке, обвиняет жену в измене. От детей, произведенный Электронным Создателем, не отречется ни один из отцов. Зеркало, самооживляющееся появившееся в нем изображение, — вот что такое мой аппарат. И он будет копировать только лучшее: умниц и красавцев, гениев разума и доброты — вот его назначение! Люди, великолепные, как боги, — на меньшем я не помирюсь, нет!

Он возвышается надо мною. Он огромен, как небоскреб. В его недрах клокочут миллионы киловатт — он в три раза мощнее всех остальных цехов завода, вместе взятых. Моя лаборатория — лишь ввод в его электронное нутро. Высокая решетка справа от стола — замаскированный фильтр приема. И когда посетитель садится в кресло, я незаметно нажимаю кнопку...

— ...заболеете! Вам нужно перекусить перед сном. Вы вторые сутки почти не едите.

Я оттолкнул поднос с едой:

— Убирайтесь к дьяволу, Мартин! Я сегодня вкусно пообедал. Салат, кровавый бифштекс, сосиски... Великолепный обед! Вы мне мешаете, Мартин.

— Сосиски были вчера, а бифштекс вы ели на прошлой неделе, профессор. Вся ваша сегодняшняя еда — черный кофе из термоса.

— Ваше счастье, Мартин, что я вам не жена. Без кочерги в руках с вами невозможно разговаривать. Поставьте поднос на стол и исчезните.

Он примостил поднос на свободное от бумаг местечко и отошел в сторону. Я грозно посмотрел на него:

— Вы оглохли, Мартин? Я сказал: исчезните!

— Будет исполнено. Вам нужно раньше освободить поднос.

Я понял, что споры с ним займут больше времени, чем еда. Этот человек упрям, как столб. Из двух зол я всегда выбираю меньшее. Если мне не удастся сразу прогнать Мартина, я делаю то, на чем он настаивает. Я мог бы уволить Мартина за непослушание, но новые слуги вряд ли будут лучше. Мне со слугами не везет. Те, до Мартина, тоже ни во что меня не ставили. У него к тому же есть неоценимые достоинства: он немолод, одинок, искренне считает меня научным гением и видит свое счастье в обережении меня от всего, что может помешать моей работе. Правда, дальше хозяйственных дел его забота не идет.

— Пирожки необыкновенно сочные, а бутерброды выше всех похвал, — сказал я, заканчивая еду. — Я, кажется, и вправду проголодался. Теперь вы исполните мою просьбу, дорогой Мартин, и удалитесь?

— Непременно, профессор. В час ночи зайду, профессор.

— Зачем?

— Напомнить, что пора спать.

— Вы считаете меня ребенком, Мартин?

— Нет, профессор. Дети многое умеют делать без подсказки.

Я видел, что и на этот раз его переспорить не удастся.

— Позвоните по телефону, Мартин. Я лягу сейчас же, как вы напомним, что пришло время.

Он с сомнением посмотрел на меня. Просто удивительно, как он не верит в мою самостоятельность.

— Хорошо, — сказал он. — Я позвоню.

Это прозвучало угрожающе. Не обычное вежливое: «Слушаюсь!», а что-то вроде: «Ладно-ладно. Не думайте, что это у вас пройдет гладко!» Мне сегодня предстояли слишком важные дела, чтобы ввязываться в спор из-за пустяков.

Когда Мартин убрался, я опять включил телевизор конвейерной линии. Фигурка уже не походила на зародыш — это было вполне человекоподобное существо. Оно бултыхалось в семьсот тринадцатом чане в почти непрозрачной белковой массе, и я плохо различал его: что-то с головой, четырьмя конечностями, плотненьким туловищем. В чане бурлил питательный раствор, и человек то забавно взмывал вверх, отбрасывая конечности, как крылья, то, складывая их, скользил вниз. Я долго любовался моим созданием. У меня сладко щемило сердце. Человек был больше чем мой ребенок. Он был — я сам.

Я погасил экран и снова, снова, в бесконечный раз вспоминал, как мне явилась прекрасная мысль воспроизвести себя, удвоить себя в энергичном молодом существе. Это буду я — со всеми моими знаниями и способностями, со всем моим жизненным опытом, но без груза моих сорока восьми лет; я — нынешний, но двадцатилетний, юный и умудренный, с порывистой душой и сильным разумом; я — совмещающий в себе все преимущества молодости и все достижения старости. У меня дрожали руки, когда я набирал нужный шифр. На экране главного телевизора вспыхнуло светлое пятно — три миллиона киловатт, собранные в пронзительные электронные пучки, просвечивали самые темные уголки моего мозга, жадно усиливали его излучение. А затем пятно погасло, и его сменили пляшущие черточки и точки — я был записан, из бездны данных выбиралось

то, что необходимо для моей генетической формулы. Черточки и точки на экране загорались и тускнели, замирали и вновь начинали метаться. Мне показалось, что я рассматриваю картину известного художника под названием не то «Улыбка любимой», не то «Взрыв в угольной шахте»: хаос световых вспышек, можешь думать о них что угодно — они все равно ни на что не похожи. Но я знал, что это я сам — математический шифр моего тела и моей души: генетическая формула того существа, какое называется всего двумя словами — «профессор Крен», ибо общество не способно постичь меня глубже этих двух слов. Оно, познавая меня, скользит по моей поверхности, а Электронный Создатель изучает и бесконечно усложненную мою суть, и примитивно простую внешнюю мою форму.

Это было три дня назад, всего три дня назад! Генетическая формула минут десять сияла у меня перед глазами — черточки и стрелки, точки и тире, густо заполнившие весь экран. Электронный Создатель творил меня из ничего, создавал первую мою зародышевую клетку. Три дня прошло с того часа, всего три дня! Зародышевая клетка прошла за это время сотни реакционных чанов, две трети утробного конвейера — новый человек, мой двойник, собирается твердой ногой вступить в мир!

Я снова включил технологическую линию. Мой двойник барахтался в чане. При самом энергичном просвечивании нельзя было разобрать ничего, кроме неясного силуэта. Надо набраться терпения. Я ждал восемь лет, придется подождать еще часок! Я передал распоряжение двойнику — сейчас же после рождения явиться ко мне — и откинулся на спинку кресла. Я мечтал. Неторопливые, радужно сияющие мысли сменялись в моем мозгу. Вероятно, я задремал.

Меня разбудил неуверенный стук в дверь. Я вздрогнул и поднял голову. Часы били полночь. Стук повторился — резкий, нетерпеливый, как бы захлебывающийся. Я вспомнил, что скоро придет мой двойник, и выругался. Посторонние могли испортить радость первого свидания с собой.

— Да! — крикнул я и добавил потише: — Черт бы вам сломал ногу!

На пороге появился мальчик лет двенадцати. Я с изумлением посмотрел на него. Я его где-то встречал, но не мог припомнить где.

— Вам не мешало быть повежливее! — проворчал мальчик. — Вы откликнулись лишь на второй стук. Выкладывайте, чего вам надо, я тороплюсь.

— Вы ошибаетесь, я вас не звал, — сказал я.

— Я не из тех, кто ошибается, вы эти штучки бросьте! Гениальней меня еще не существовало человека. Отойдите, я посижу в вашем кресле.

Усевшись, мальчик закинул ножки на стол и опрокинул экран. Я успел подхватить его на лету. Мальчик даже не шевельнулся: приборы его не интересовали. Я определенно знал когда-то этого скверного мальчишку.

— Прежде всего я хочу услышать: кто вы такой? — проговорил я почти спокойно. — И на каком основании вы ворвались ко мне?

— Разуйте глаза, — посоветовал мальчишка. — Вы или слепы, или тупы, а вернее, и то и другое. Я — вершина человеческих достижений и Монблан научной мысли. Каждое слово, написанное мной, фотографируют под микроскопом. Даже буквы в моих записных книжках сверхъестественны, так пишут мои биографы. Во всех городах мира мне поставлены памятники. Что вы так вытаращились на меня? Я этого не люблю!

Это была нечеловеческая схватка с собой, но я не дал бешенству вырваться наружу.

— Не знаю, что удерживает меня от того, чтоб выпороть вас. Но если вы через минуту не вылетите в дверь, вам не поздоровится.

Он поспешно вскочил. Ужас искажил его наглое, некрасивое лицо.

— Не смейте, я вас боюсь! — захныкал он. — Что вам от меня нужно? Вычтите мое жалованье за лекции хоть за три

года вперед, но не трогайте. Я предпочитаю иметь дело с солидными людьми.

Я шел на него с расставленными руками, как на забывшегося в угол зверька. Никого я так не ненавидел, как это дрянное существо. Он полетел на пол после первой же пощечины. Я добавил пинок ногой.

— Вставай и уходи! Нет, стой! Признавайся, не то вытрясу душу! — Я бешено мотал его из стороны в сторону. — Тебя подослал Роуб? Неужели этот идиот сумел так проникнуть!.. Будешь отвечать?

— Вы меня задушите! — пищал мальчишка. — Дайте глотнуть воздуха! Восемь лет я одиноко работаю над усовершенствованием людей, а люди меня ненавидят. Что я вам сделал плохого?

Я швырнул его на ковер. Мальчишка скорчился и тихо плакал. У меня тяжело стучало сердце. Я начал понимать, что попал в скверную историю.

— Я думал, настал час моего торжества! — по-стариковски причитал мальчик. — Мне так хотелось поиграть земным шариком, побросать его из руки в руку-у-у!

Я не отрывал от него глаз. Все сходилось в одну страшную точку. У меня оглушительно звенело в ушах.

— Прекрати плакать! Я тебя больше и пальцем не трону, хоть ты заслуживаешь и не такой взбучки.

К нему моментально возвратилась наглость. Он подбежал к столу и взгромоздился на него, сбросив на пол мои записи.

— Отлично, профессор! — сказал он. — Можете держать себя свободно. Дышите глубже и размахивайте руками в ритм вдоха. Вижу, что не ошибся, считая вас двуногой акулой. Пока я сижу у вас на спине, а не в пасти.

У меня оставался один шанс, только один шанс! Я в смятении зажмурился и лишь потом заговорил:

— Ты упомянул о восьми годах работы? По виду не скажешь, что ты изнурен. Мне кажется, тебе больше знакомы игры, чем труд.

Он поглядел на меня с презрением:

— Я не собираюсь подвергать сомнению ваши интеллектуальные способности. Вряд ли существовал более тупой осел, чем вы. Даже слепая летучая мышь увидела бы, что я только что появился на свет.

— Из чана? — спросил я глухо.

— Откуда же еще?

— Зачем же ты говорил о годах работы?

— Без коварства с такими, как вы, нельзя. Вас интересуют пустяки. Сто лет я работал или ни единой минуты — какое это имеет значение?

Я так глубоко задумался, что не слышал телефонного звонка.

— Возьмите трубку, — сказал мальчик. — И пошлите к черту того, кто мешает нам разговаривать.

Это был Мартин.

— Час ночи, профессор. Напоминаю, что пора спать.

— Я уже сплю, — сказал я. — И вижу страшный сон, Мартин.

— Лучше видеть плохие сны, чем проводить ночи без сна, — заметил Мартин. Он любил изрекать максимы, почерпнутые из романов мисс Вудворт.

Я повернулся к мальчику. Надменно закинув крохотную голову, он смотрел на меня свысока. Это был, конечно, я — вот отчего он показался мне знакомым. Этот отвратительный уродец был собран из моих черт, нашпигован моими мыслями, озвучен моими словами. Я не мог его принять, это было слишком чудовишно!

— Скажете ли вы наконец, что вам нужно? — сварливо поинтересовался мальчик. — Я ведь уже объяснял, что спешу.

Я закурил сигару, мне надо было успокоиться.

— Вы оглохли, профессор?

— Нет, я хорошо слышу. Вы куда-то спешите. Я хотел бы знать — куда?

На этот раз он, кажется, искренне удивился.

— Как — куда? Наружу! Если вы не глухой, то слышали, чего мне надо. Я поиграю земным шаром, потом брошу его

себе под ноги. Надеюсь, он далеко не откатится. И я намерен полюбоваться своими памятниками. Вы имеете возражения?

— Только одно: сейчас ночь, а земной шар не везде освещен. Вам придется переночевать в нашей гостинице.

Он грозно нахмурился. Мне кажется, он колебался: не ударить ли меня ногой.

— Что за тон, профессор? Придется! Это мне, что ли, придется? Поняли вы наконец, с кем разговариваете?

Теперь я крепко держал себя в руках.

— Простите, я не хотел вас оскорблять. Я очень бы попросил вас соскочить со стола и пройти за мною...

— Я пойду впереди вас, — сказал он высокомерно. — Показывайте, куда идти.

Из лаборатории в гостиницу можно попасть по коридору. Гостиница — небольшая, на полсотни номеров — была роскошна. Обслуживающим персоналом в ней были автоматы: электронные швейцары охраняли здание, электронные горничные убрали, электронные официанты подавали еду и вина. Она предназначалась для наших гостей — акционеров, военных экспертов, членов парламента. Но мне больше некуда было девать мальчишку.

— Ваш номер — первый! — сказал я. — Три личных комнаты, ванная, гостиная на двадцать человек. Карточка занумерованных вин и блюд на столе, номер набирайте на клавиатуре.

— Здесь неплохо, — сказал мальчик, задирая голову. — До утра побыть можно. Этот ковер ручной работы? Не забудьте положить ключ на столик.

— Спокойной ночи! — сказал я и поклонился. Он повернулся ко мне спиной.

Я возвратился в лабораторию и в изнеможении упал в кресло.

Голова моя шла кругом. Я, кажется, заплакал.

Потом я сказал себе: слезами горю не поможешь, и заходил по лаборатории. Мне лучше думается, когда я хожу. В ту ночь я не ходил, а бегал. За стеной мерно гудел Электрон-

ный Создатель, осуществлявший на холостом ходу самопроверку и регулировку. Это единственная в мире машина, не нуждающаяся в постороннем наладчике: она сама налаживает и исправляет себя. В бешенстве я пригрозил Создателю кулаком. Он налаживал себя, чтоб выдать злую карикатуру, исправлял для искажения. Все его миллионы киловатт работали на беспардонное, бесцеремонное вранье! Я топал ногами, обзывал его последними словами. Устав, я прилег на диван. Мне было до того плохо, что пришлось принимать лекарство.

— Ладно, — сказал я себе, глотая таблетки. — Ты откричался, пора и порассуждать. Он, конечно, исказил тебя. Но почему? Неверная запись генетической формулы или неправильная материализация записанного? А может, что-нибудь третье?

Нет, третьего быть не могло. В реакторных чанах человеческий зародыш развивается, а не создается. Они не могут прибавить ему ни одной существенной черты, отсутствующей в зародышевой клетке, — простая столовая, удовлетворяющая потребность эмбриона в пище. Конвейерная линия чанов к искажению моего образа отношения не имела. Карикатуру на меня сотворил Электронный Создатель. Он один отвечает за этого отвратительного мальчишку.

Мысль о неправильной материализации генетической формулы я тоже не мог принять. В конце концов, это техническая операция — подобрать по расчету нуклеиновые кислоты. Любой школяр, не задумываясь, подставит в алгебраическое выражение численные значения величин — это задача для начальных классов, а не для Электронного Создателя. Зародыш монтируется правильно, в этом нет сомнений. Если бы Создатель совершал такие грубейшие ошибки, как неправильная сборка зародышевой клетки, то грош бы ему была цена, а заодно и мне.

Дело тоньше, дело гораздо тоньше!

Остается одно: генетическая формула записана с ошибками. Электронный Создатель не разобрался в моих мыслях,

неправильно прочитал биотоки мозга, все дальнейшее было лишь развитием этого первоначального искажения. Но что помешало произвести правильную запись? Почему он так обидно изобразил меня двенадцатилетним мальчишкой? Не мог же Создатель прочесть в моем мозгу, что я карликового роста, — у меня метр семьдесят семь, откуда же взялись эти проклятые метр сорок? И вообще — случайны ли эти искажения или закономерны? Несовершенства первого воспроизводства человека — или особенности схемы воспроизводящего аппарата? Повторятся ли они в следующем акте творения моего двойника или бесследно исчезнут?

«Надо проверить, — сказал я себе. — Стань под облучатель — и через три дня ты узнаешь, таков ли твой новый двойник, как первый».

Я с содроганием отбросил эту мысль. Я заспорил с собой. А если ошибка Электронного Создателя повторится? Один такой мальчишка способен уложить меня в гроб, двоих я не вынесу! Нет, этот путь не для меня.

«Не дури! — сказал я себе. — Ты ученый. Ты должен со всем научным тщанием...»

«Глупости! — крикнул я на себя. — Я прежде человек, а потом ученый. Если я еще раз увижу это мерзкое создание, я стану убийцей. Ты хочешь, чтобы я гонялся за ним с ножом в руках?»

«Я хочу, чтобы ты успокоился, — возразил я себе, пожимая плечами. — Что за дурацкая манера — орать на самого себя! Пойми, у тебя нет никаких других возможностей проверки».

«Чепуха. Я вижу тысячи иных вариантов. Разве я не могу воспроизвести кого-нибудь другого, хотя бы того же Мартина или Пьера, и посмотреть, соответствует ли их образ оригиналу?»

«Можешь, конечно, — согласился я с собой. — Но если Мартин будет воспроизведен точно, это не решит загадку, почему Электронный Создатель наврал, воспроизводя тебя. Нет, дружок, нужно еще раз повторить на себе, а потом, найдя причину искажений, перемотировать Создатель».

У докторов принято новые лекарства испытывать на себе. Наука без жертв не движется, дорогой!»

«Ненавижу жертвы! Слушай мой новый план. Создатель воспроизводил меня по моим мыслям о себе. Сотни людей тоже думают обо мне. Почему мне этим не воспользоваться? Я приглашу знакомого человека, наведу его на мысль обо мне, а Создатель запишет».

«Пожалуй, можно и так. Решено: записываем первого, кто появится завтра в лаборатории».

Я рухнул на диван и, измученный разочарованиями этой ночи, быстро уснул.

Первым появился О'Брайен. Восторженный карлик часто навещал меня. Он хотел знать, как идет дело, обещавшее солидный куш, и как чувствую себя я. Приходя, он совал свою рожицу в бумаги и книги, чертежи механизмов и образцы питательных сред из чанов. Дурно пахнущие коллоидные растворы восхищали его не меньше, чем гигантские размеры Электронного Создателя.

— Здравствуйте, Крен! — пропищал он, хватая своими лапками мою руку. — Всю ночь думал о вас. Это счастье для нашей фирмы, что вы живете на свете.

С О'Брайеном я церемонился еще меньше, чем с остальными директорами компании.

— В чем же ваше счастье, дорогой О'Брайен?

— Как в чем? Вы делаете нам золото, профессор. Чем вы заняты, Крен?

— Собираю схему. Не обращайтесь внимания, сидите спокойно. Думайте обо мне.

— Думать о вас истинное наслаждение для каждого из нас!

— Поговорим о золоте, О'Брайен. Зачем оно вам нужно? Лучше одеваться, сытней питаться?

— Вы смеетесь, профессор. Пятнадцатый год я питаюсь одними сухарями. Увы, хорошая еда для меня — несбыточная мечта! Крен, а вы? Я имею в виду разные пикантные блюда — первое, второе, десерт... Хи-хи-хе, по глазам вижу, по глазам — вы лютый чревоугодник, Крен!

— Отпираться не буду — иногда обжираюсь. У вас много наследников, О'Брайен?

— Ни одного, дорогой Крен, ни одного. У меня не было времени ухаживать за женщинами. Я растил не наследников, а деньги.

— Для чего?

— Удивительный вопрос, Крен. Для денег! Деньги порождают деньги, других детей у них нет, разве вы не знали? Что вы крутите на столе?

— Сейчас окончу, и вы сможете побегать... то есть осмотреть аппаратуру лаборатории, дорогой О'Брайен. Продолжайте думать обо мне.

Вошел Мартин с подносом. Я молча показал на стол и на дверь. Он молча поставил поднос, но не ушел. Я молча топнул ногой. Он нерешительно поглядел на меня, на О'Брайена и, все так же не открывая рта, медленно направился к двери. Мартин знал, что, когда я вожусь с пусковой клавиатурой Электронного Создателя, со мной лучше не разговаривать.

— Не очень вежливый у вас слуга, — сказал О'Брайен, когда Мартин убрался к себе.

— Нахал. Если бы вы знали, что он иногда себе позволяет!

— Нокаутируйте его, — посоветовал О'Брайен. — Не понимаю, почему вам нужно сдерживать благородные порывы души? Ваш брат Карпер ни одной бы минуты не колебался. Карпер ведь приходится вам братом?

— Да, кажется. Или я ему, или он мне — точно не помню. Можете встать, О'Брайен.

На экране главного телевизора сияла моя генетическая формула — хаотическое переплетение стрелок, тире и пятен, линий и мазков, нечто вздыбленное и перепутанное, похожее на развалины небоскреба после атомного взрыва. Это была та же формула, что я видел несколько дней назад, я ощущал их схожесть. Вместе с тем, она была другой, я чувствовал: что-то в ней изменилось, я не знал лишь — существенное или пустяки.

— Боже, как красиво! — пискнул О'Брайен. — У меня дома висит шедевр Джексона Поллока — очень, очень похоже. У вас даже лучше, Крен. Скажите, как вы это получаете?

— Почему вы не спрашиваете, что это означает? — заинтересовался я.

— Я не такой наивный, Крен. Это ничего не означает. Вернее, это означает как раз то, на что оно несколько не похоже. Должен вам сказать, что среди друзей меня считают знатоком современной живописи.

Я посмотрел на него, возможно, слишком внимательно. Другой человек счел бы такое разглядывание нахальным. Мне захотелось разобраться в характере карлика. Это было важно не только для понимания его самого, но еще больше для понимания моего второго двойника, создаваемого сейчас Электронным Создателем: О'Брайен, несомненно, видел во мне не то, что видел в себе я сам, второй двойник не мог повторить первого.

— Дышите глубже, О'Брайен! Не суетитесь, не размахивайте руками! — сказал я строго. — Сейчас я задам вам несколько трудных вопросов, а вы ответите на них честно и исчерпывающе. Протокола пока заполнять не будем.

— Вы титан, профессор! — пропищал он восторженно. — Я готов для вас на все. Вы подозреваете меня в уголовных преступлениях? Я и не догадывался, что вы еще и криминалист!

— Я философ — это гораздо опасней, чем криминалист. И подозреваю вас в философской извращенности. Обвинение грозное, я не отрицаю.

Впервые на его личике появилось что-то похожее на смущение. Он стал заикаться.

— Профессор, уверяю вас... Нет, я никогда... В общем, никаких половых извращений... Я не эротоман, можете мне поверить.

— Повторяю: речь идет о вечных загадках философии, а не о насущных проблемах эротомании. Итак, соберитесь с духом. Сложите ручки на коленях. Возвращаемся к злове-

шей тайне, которую уже мельком затрагивали. Итак, зачем вам деньги?

Он поглядел на меня с искренним удивлением:

— Как зачем? Я же ответил: деньги нужны для денег. Одна монета растит десять. Разве это непонятно?

— Темно как в могиле. Глухой тропический лес в полночь. Для чего вам десять монет, если вы неспособны потратить и одну? У вас нет наследников, вы не поклонник женщин, желудок ваш не переносит изысканных блюд, вы не тратитесь на драгоценности, на наряды, на выезды, на слуг, на дворцы... На свете есть тысячи прекрасных вещей и дел, отношение к которым у вас исчерпывается единственной короткой фразой: «Не нужно», даже еще сильнее — «Не хочу!» Для чего же, черт подери, вам непрерывно, неустанно, непомерно разбухающее состояние?

Он слушал меня с таким напряжением, что у него отвисла нижняя губа. Видимо, я задел его больное место, у него внутри все заклокотало — на углах рта вдруг появилась припадочная пена, тусклые глазки засверкали. И отвечал он с жаром, какого я и ожидать не мог.

— Все правильно, профессор! Не нужно или не хочу! Воистину божественно точная формула, ваш могучий ум сразу проник в нее. Но и всей вашей несравненной проницательности не хватило, чтобы довершить эту формулу главной ее частью: могу! Не нужно, не хочу, но могу! Понимаете, профессор, — могу!

— Что вы можете? Что? Даже поесть нормального обеда...

— Все могу! Нет того, чего бы я не достиг и не получил, если бы захотел истратить хоть часть своего состояния! Одной трети его хватит, чтобы стать президентом этой страны! Пятьдесят миллионов — депутатам парламента, сто миллионов — газетам, двести на избирательную кампанию — и готово, я президент. Могу, но не хочу. А вы можете? Сколько бы ни хотели, не сможете! Женщины, вы сказали, эротомания? Мне доступны любые красотки, у меня хватит золота, чтобы все они попадали передо мной на колени! Тысячи красавиц у мо-

их ног, молоденькие, голенькие, расфуфыренные — все, все мои! Как часто я вижу, закрыв глаза, такую картину! Но не хочу, ни одной не хочу. Могу, но не нужно. А вы, профессор, можете ли вы получить любую женщину, на которую падет ваш взыскующий взгляд? Обеды, ужины, банкеты! Да понимаете ли вы, что я могу на главной площади столицы расставить сотни столов, а на каждый стол водрузить сотни изысканных, сотни вкуснейших блюд, вдохновенная фантазия лучших поваров мира к моим услугам!.. Любая еда — любая может быть моей, я могу ее заказать и получить, но не хочу. А вы смогли бы, как бы сильно ни захотели? Вот что дают мне мои монеты, те самые, которые вы варите для меня в ваших чанах. Всевозможность, вседоступность, всемогущество!

Он впал в неистовство. Он не говорил, а кричал. Он прыгал на стуле от возбуждения. Я попытался расхолодить его:

— Что значит пустое слово «могу»? Реально вы не лезете в президенты, не завели ни одной любовницы, не устроили ни одного банкета, боитесь прикоснуться вилкой к куску мяса!

— Да, да, да! — закричал он в испуге. — Никаких реальностей, ибо каждая реальность осуществляет лишь одну возможность, а мне подвластны они все, и я хочу их всех! Я упиваюсь сознанием, что я все могу, все, профессор! С меня этого достаточно. Я не хочу обкрадывать себя, не хочу себя обеднять, довольствуясь малой частью того, что мне доступно полностью.

— Обкрадывать себя? Обеднять? — Признаюсь, я растерялся от его ответа.

Он смотрел на меня почти с презрением. От его недавнего преклонения передо мной ничего не осталось. Уверен, его возмущала моя тупость. Он не мог примириться с тем, что я мыслю иначе, чем он.

— Профессор, меня удивляет ваше отношение... Неужели непонятно, что, взяв что-либо одно, я тем самым отказываюсь от всего остального! Разве, поев ростбифа, я стану тут же смотреть на бекон, на индейку, на черную икру, наконец? Почему мне отказываться от них ради ростбифа? И от рост-

бифа ради них? Насыщение порождает отвращение. Мне хочется попробовать все блюда мира, и я удовлетворяюсь тем, что могу их все попробовать, а чтоб такая возможность существовала, отворачиваюсь от каждого отдельного блюда, иначе вызову в себе отвратительную мелочную сытость. Любовницы? Но если я заведу одну, то пренебрегу всеми другими! Ради блондинки отвернусь от брюнетки, от шатенки, от рыжей, от лиловой, от серой в крапинку, от пестрой в пятнышках... Зачем мне такое обнищание? Я могу иметь их всех — и не откажусь от могущественного всеобладания ради слабенького обладания одной. Реально стать президентом? Мне доступны все государственные должности нашей страны — неужели пренебрегать возможностью иметь их все? Я всемогущ, пока мне все доступно. Практическое удовлетворение любой возможности безвозвратно губит всевозможность. Формула «все могу» неотрываема от формулы «не хочу». Я ответил на ваши вопросы, профессор?

— На все. Честно и исчерпывающе, как я и требовал.

Он умильно заглянул мне в глаза. Он мгновенно стал прежним льстивым, восторженным, смешным карликом. Но я уже не мог относиться к нему по-старому. О'Брайен был не смешон, а страшен. Он не забавлял, а пугал меня.

Я сделал усилие, чтобы держаться непринужденно.

Он поболтал и ушел. Я невесело размышлял у стола, чертил на листке бессмысленные черточки и кружочки — математические эквиваленты моего существа, того неповторимого своеобразного единства души и тела, что называется Креном. Между мною и этими дурацкими значками лежала непроходимая пропасть — удастся ли мне перебраться через нее мостки?

Мои размышления прервал пришедший с обедом Мартин. Я вяло пожевал котлету и выпил стакан апельсинового сока. Генетическая формула на экране телевизора погасла — это означало, что она материализована. Электронный Создатель смонтировал из нуклеиновых кислот и питательной протоплазмы мою зародышевую клетку и отправил ее расти и размножаться. Мой второй двойник был запущен в

эмбриональное развитие в бурно перемешиваемые коллоидные среды первых чанов — он начал жизнь.

— У меня к вам просьба, Мартин, — сказал я. — Посидите в кресле и сосредоточьтесь на мыслях обо мне.

— Нет ничего проще, — ответил он. — Я всегда думаю о вас. Если я не буду думать о вас, профессор, вы о себе не подумаете.

Третья генетическая формула, вспыхнувшая на экране, была похожа на две предыдущие, но что-то подсказывало мне, что внешнее сходство содержит внутренние различия.

Электронный Создатель опять творил что-то иное. Я не знал, исправляет ли он старые ошибки или нагромождает новые. У меня было смутно на душе. Два человека — мои двойники — барахтались в питательных чанах, неуклонно пододвигаясь к рождению. Я ловил себя на мысли, что боюсь знакомства с ними.

Двойник, порожденный неистовым воображением О'Брайена, появился в лаборатории на третий день после обеда. Как раз перед этим я жестоко поссорился с первым двойником, по-прежнему стремившимся наружу. Тот заявил, что ни одного часа больше не останется в гостинице. Вот уже третьи сутки я держу его взаперти, теперь он пойдет напролом, перегрызет мне горло, но вырвется. У этого уродца упрямства было не меньше, чем сомнений. Мне пришлось схватиться за трость. Он визжал и катался по ковру, когда я запираю дверь. Я возвратился расстроенный и позабыл, что предстоит встреча со вторым двойником.

Второй вошел не постучав. Это был детина метра на два, с кулаками в футбольный мяч, сонным лицом и мутными глазами. Он не сказал «Здравствуйте!», а я был так потрясен, что не успел обидеться. Это был, конечно, я, много больше я, чем тот крохотулька Первый, но я не мог, не хотел поверить, что это я, — так я был издевательски шаржирован.

Второй, прищурившись, осмотрел помещение и сплюнул на ковер. После этого он развалился на диване.

— Алло, парень! — сказал он хриплым голосом. — Значит, ты здесь делаешь монеты?

— Простите, с кем я имею честь? — пролепетал я, не соображая, что говорю, ибо я, разумеется, много лучше его знал, кто он такой.

— Я — Карпер, — сообщил он. — Это я свалил твоего брата Джойса во втором раунде. Между прочим, он был парень что надо. Я не помню: пришел ли он в себя после моего двойного в челюсть? Жалко, что ты на него мало похож! Я спрашиваю: где ты делаешь деньги?

— Э-э... как вам сказать... Есть такое местечко — банк. Они там растут. Увеличиваются, обрастают процентами...

Он довольно мотнул головой:

— Правильно, я слышал о банках. Это вроде грядок, а на грядках монеты, верно? Их надо удобрять навозом, чтобы они быстро росли. Ты, кажется, продаешь людей, парень? Если они все похожи на тебя, то двенадцати таких мозгляков не хватит моему кулаку позавтракать. Как ты на этот счет соображаешь дырявой башкой, а?

Он гулко захохотал. Из осторожности и я посмеялся, хотя мне было не до смеха.

— Я тоже изготавливаю людей, — сказал он потом. — Я изобрел машину, которая их печет. Я наготовлю их миллион, а на выручку заведу денежный огород. Я с большой охотой разбил бы всех людей всмятку, но приходится сдерживаться. Я собираюсь купить фирму «Эдельвейс». Ты слышал о ней?

— Да, конечно... Нет, не слышал.

— Просто удивительно, как ты глуп. Твой брат Джойс, до того как я выбил из него мозговые извилины, соображал быстрее.

На лице его вдруг появилось недоверие. Он поднял голову и посмотрел на потолок. Он словно к чему-то принюхивался.

— Врет, конечно, — бормотал он. — Не может быть, чтобы он выращивал их в другом месте.

Он встал и направился к столу. Я непроизвольно преградил ему путь. Он хладнокровно надавал мне коленом, и

я отлетел метра на два. Лежа на полу, я глядел, как он управляется с бумагами и приборами. Но когда, покончив со столом, он повернулся к стальной дверце Главного Щита, я вскочил. За дверкой была клавиатура технологических шифров. Нажимая на кнопки, можно было менять процессы в чанах, смешивать растворы в новых пропорциях, переделывать коммутацию и схемы Электронного Создателя. Но среди множества возможных комбинаций цифр имелась одна запрещенная: набери ее — растворы в чанах смешаются, а Электронный Создатель займется демонтажем своей схемы. Я придумал эту комбинацию на случай, если не полажу с акционерами — лишь я буду эксплуатировать свое изобретение.

— Стойте, Карпер! Сейчас вы получите деньги.

Его лицо светилось. Он хлопнул меня по плечу:

— Рад, что берешься за ум. Давай их сюда!

Он протянул ладонь, похожую на лопату для угля.

— Я немедленно отправлюсь в банк. Кое-что у меня там есть, для начала вам хватит.

Он вынул из кармана нож («Откуда у него нож? — подумал я. — Не в чане же он его нашел?») и сунул мне.

— Возьми мой, он режет как бритва. Руби монеты под корень и не трать времени на очистку, я займусь этим сам. Где я могу потрескать? Я иногда обжираюсь — первое, второе, третье... до десятого, понимаешь?

— У нас имеется гостиница. Вот ключ от второго номера. Там вы сможете пообедать и подождать моего возвращения.

Я открыл дверь в коридор. Второй двойник шагнул на порог, секунду постоял в раздумье, обернулся и ткнул меня кулаком в челюсть. Я мгновенно потерял сознание.

Когда я пришел в себя, около меня стоял печальный человек средних лет. Я не сразу сообразил, что это мой третий двойник. Я смотрел на него и думал, почему он плачет. Потом я застонал и дотронулся до головы. Голова разваливалась на части.

Третий утер слезы и радостно улыбнулся.

— Боже, как я счастлив! — сказал он благодарно. — Я полчаса стою около вас. Я боялся, что вы умрете, не приходя в сознание.

Я сел на полу и ощупал челюсть. Кость была цела.

— Могли бы вызвать врача, — сказал я. — Никто бы вам не сделал выговора, если бы вы позвонили по телефону в ближайшую больницу.

Он смутился, весь как-то увял.

— Я не догадался... Теперь вижу, что вполне мог бы, а тогда как-то... Я очень огорчился, что вы в таком состоянии, и ни о чем больше не мог думать.

— Что же вы стоите? Садитесь. Пойдите, дайте мне раньше руку. Благодарю.

Я осмотрел его с головы до ног. Он, пожалуй, ближе всех воспроизводил мой внешний облик. Впрочем, он был худ и бледен, а я скорее отношусь к разряду здоровяков. И у него были такие парикмахерски-мечтательные глаза, что, не будь я подавлен неудачами, я бы поиздевался над их неземным сиянием.

— Садитесь, — повторил я. — Сколько раз вам нужно долбить одно и то же, пока вы поймете, чего от вас хотят?

Он покорно сел.

— Теперь ответьте, знаете ли вы, кто вы такой?

Он обнаружил слабые признаки оживления:

— О, конечно! Я ученый. Это когда... Вы представляете себе?

— Немного представляю. Итак, вы — ученый. В какой области вы учены?

Он был, казалось, в затруднении:

— Как вам сказать... Вопрос такой неожиданный, я не очень подготовился... Я занимаюсь изготовлением чего-то... И что-то изобрел!

— Вот как — изобрели? Выходит, даже вы на что-то годитесь?

После неудачной встречи со вторым двойником челюсть моя ныла, и я не мог вести светский разговор. Мне надо было выплеснуть свое возмущение.

Третий двойник увядал на глазах.

— Я изобрел машину, — лепетал он. — Таковую, знаете... очень большую. Даже — очень-очень... Она дает много денег, и я завел слуг. Они все делают за меня, а я сам... Мне надо говорить, когда есть, когда спать, что надеть. Счастливей меня нет на свете, потому что у меня слуги. Человек, у которого слуга, счастливый и великий человек.

— Сейчас вы пройдете в гостиницу, мистер счастливый остолоп. Держите, это ключ от третьего номера. Там вы поужинаете. Это делается так: верхняя челюсть на месте, нижняя — вниз и вверх, вниз и вверх. Потом вы уляжетесь в постель и уснете. Подушку под голову, ручку под щечку. И будете ждать моих дальнейших указаний.

— Очень вам благодарен, — проговорил он, сияя. — Просто не могу выразить, как я счастлив, что у меня такой расторопный слуга. Обещаю слушаться вас во всем.

Я вывел его в коридор гостиницы.

— Еще одно, — сказал я. — Не шляйтесь по соседям. Во втором номере поселился громила. Этот тип мечтает разбить всех людей всмятку. Как бы он не начал с вас. У меня ощущение, что для этой цели вы пригодны больше других.

Мне пришлось втолкнуть его в номер и захлопнуть за ним дверь. Я слышал, как, запертый, он все бормочет слова благодарности. Тихо, чтобы не потревожить остальных двойников, я возвратился назад. Электронный Создатель мерно гудел, проверяя и регулируя себя на холостом ходу. В ярости я погрозил ему кулаком. Густая тьма, окутывавшая его работу, прояснялась. Это была нерадостная ясность. Но я не дал усталости и смятению овладеть мной. Для больших выводов фактов было еще мало. Я не мог отказаться от дела всей моей жизни после трех неудач, хоть и понимал уже, что неудачи неслучайны.

— В гостинице пятьдесят номеров, — сказал я себе. — Заполни их своими двойниками. Используй для копирования всех посетителей. Не верю, чтоб хоть один из них не увидел в тебе настоящего человека. Только один — и изобретение твое оправданно!

Директора компании настаивали на пуске завода. Их подпирала контракты: недели через две мы должны были выдать армии первую тысячу искусственных новобранцев. Они и понятия не имели, что я собирался улучшать человечество, а не поставлять идиотам в погонах эшелоны пушечного мяса. Я ссылался на необходимость наладки каждого технологического узла в отдельности, но компаньоны не хотели ничего слушать. О'Брайен, расстроенный моими отговорками, съел за обедом три печенья вместо двух и свалился от жестокого несварения желудка. Гопкинс и Мак-Клой пришли ко мне — лично подбить итоги.

— Вы шарлатан, док! — гремел Мак-Клой. — Признайтесь по-честному: такого лжеца, как вы, мир не выдывал с того часу, как дьявол бросил обдуривать нашу прабабушку Еву. Я восхищаюсь вами, но не кажется ли вам, что это уже слишком?

Гопкинс методично вбивал в меня гвозди своих металлических глаз.

— Контракт есть контракт, Крен! — бубнил он с неумолимостью автомата. — Если ваш Универсальный Создатель...

— Электронный Создатель, — поправил я.

— ...Универсальный Создатель, — повторил он железным голосом, — не может разработать простого человеческого зародыша, то плюхнитесь сами в чан, Крен, и размножайтесь, черт побери! Мы собрались здесь для того, чтобы делать деньги, а не для наладки технологических узлов.

— Монеты надо рубить под корень, тогда они хороши, — сказал я. — Успокойтесь, джентльмены. Я люблю эти чудные фрукты не меньше вашего. Мы еще насладимся ими!

Я нажал кнопку. На экране вспыхнули два новых варианта моей генетической формулы.

— Мы вынуждены пересмотреть соглашение с вами, Крен, — забил последний гвоздь Гопкинс. — Вы заграбастали слишком большую долю. Вам придется потесниться, Крен, дальше так не пойдет.

Я закурил сигару и забросил ноги на столик, за которым сидели директора. Гопкинс даже не повел носом, когда перед лицом у него возникла подошва моего ботинка. Он был готов на все.

— Что вы мне отрубили в деле папаши Эдельвейса? — пропыхтел я сквозь сигарный дым. — Кусочек плеча и левую руку. Можете снять еще пару пальцев в свою пользу, джентльмены.

Моя податливость примирила их с неполадками в технологической схеме. У Гопкинса глаза из стальных стали алюминиевыми — это был его способ улыбаться.

— Я пришлю Роуба с новым соглашением, — сказал он. — На той неделе наш завод посетят высокие гости: военная комиссия парламента. Господа из правительства хотят видеть, во что они вогнали миллиарды налогоплательщиков. Объяснение будете давать вы.

— Не сомневаюсь, что вы им задурите головы, док, — добавил Мак-Клой и расхохотался. — Что ни говори, а вы сейчас на земле лучший мастер по засорению мозгов.

— Правительство останется довольным, — пообещал я.

В этот день лабораторию посетили Паркер и Роуб.

Паркер потребовал уплаты моего долга университету. Он разговаривал со мной совсем иначе, чем в дни совместной работы. Я слушал его и не уставал удивляться: он был почти вежлив.

— Вы знаете, Крен, я никогда не верил в ваш успех, — признался он. — У вас все же чего-то не хватает, чтоб пробраться в нобелевские лауреаты. Но против очевидности я не иду, а очевидность — за вас. Ваша новая лаборатория шикарна. Вам повезло, Крен.

Я помучил Паркера. Я молчал и слушал, не глядя на него. Восемь лет этот человек был моим кошмаром, гонителем всего лучшего во мне. Я не раз подумывал бросить науку и заняться чисткой сапог — и все потому, что на свете существовал Ральф Фридрих Паркер. Один взгляд этого человека испепелял душу, одно слово убивало любую свежую идею.

Сейчас, оглядываясь, я удивляюсь, как мне удалось восемь лет ходить в здание, где на всех комнатах лежала зловещая тень этой сварливой жабы — Паркера. И когда он снисходил до визита в подвал, где рядом с угольным бункером помещалась моя тогдашняя крохотная лабораторийка, у меня от страха перехватывало горло. Я опускал голову, молча выслушивал его выговоры. Он почему-то решил, что молчание мое от гордыни. Но сейчас я не достаивал его словом именно от этого, от торжества, что больше он надо мной не властен, — я изводил и стегал его молчанием злее, чем руганью.

— Вы мало переменялись, Крен, — заметил он, силясь улыбнуться. — Возвышение не сделало вас мягче. Как же мы поступим с тем должком?

В этот момент в лаборатории возник Роуб. Он влетел, неслышный и темный, растопырив похожие на крылья, заросшие волосами уши, раздувая синеватый широкий нос. У него радостно запылали глаза, когда он посмотрел на Паркера. Летучие мыши всегда остолбеневают в воздухе, когда видят жаб.

— Вам придется подождать, пока я закончу с этим господином, — сказал я Паркеру. — А вы, Роуб, присаживайтесь вот сюда. Я вижу, у вас в руках новое соглашение? Давайте-ка его, Роуб.

Я положил соглашение на стол и принялся настраивать Электронный Создатель на мысли Роуба обо мне. Но проклятый согладатай не отрывался от Паркера и думал лишь о нем.

— Роуб, вы смотрите не туда и думаете не о том, — сказал я строго. — Вы написали какую-то чепуху, а не договор, Роуб.

Ему пришлось поневоле повернуться в мою сторону. За время работы в фирме «Эдельвейс и братья» я уже привык к его лицу, но голос, так не походивший на его облик старого лохматого нетопыря, всегда меня поражал. Роуб заблеял, что соглашение составлено по форме, а про себя подумал обо мне что-то яростное. Генетическая формула, за-

писанная Электронным Создателем на основе его мыслей, даже на экране выглядела чудовищной.

— Вот вам чек, Паркер, — сказал я. — Надеюсь, наши взаимные расчеты завершены? А вы, Роуб, держите подписанное соглашение.

Паркер удалился, а Роуб вскочил. Он блеял так быстро, что последующие слова в воздухе перегоняли предыдущие и предложение становилось похожим на:

— Профессор человек за что? Пришел вам к он зачем?

Я это расшифровал так: «Что это за человек? Зачем он к вам пришел?»

— Разные люди ходят ко мне, — сказал я веско. — И по разным причинам, Роуб.

Он блеял все так же энергично и даже еще непонятней, а я переводил его выкрики на человеческий язык. На этот раз получилось более длинно:

— У него что-то подрывное в лице! Вы заметили, как он нехорошо улыбается? К этому человеку нужно присмотреться, понимаете, такая штука.

— Присмотреться к нему не мешает, — согласился я.

Роуб, еще шире растопырив похожие на крылья волосатые уши, торопливо унесся за Паркером, а я через полчаса отправил в питательные чаны две только что синтезированные зародышевые клетки моих новых двойников.

Вечером этого же дня я принимал у себя четвертого и пятого двойников. Они вошли вдвоем. Четвертый, от Мак-Клоя, был невысокий, быстренький хохотун; пятый, от Гопкинса, — замедленный, недоверчивый мужчина из тех, что себе на уме.

— Привет, привет! — еще на пороге развязно закричал Четвертый. — Здравствуйте, как поживаете? У меня великолепный план, профессор, пустяки, миллиончиков на двадцать, на больший кусок я не собираюсь вас облапоши... предложить вам участвовать.

— И напрасно, — упрекнул я его, пожимая руку. — Большого прохвоста, шарлатана и лжеца, чем вы, в мире не существовало со времен археоптериксов и цератозавров.

— Ага, вы уже слышали обо мне! — сказал он бодро. — Тем лучше, тем лучше. Так вот, мы разворачиваем производство искусственных живых...

Я знаком остановил его и обратился к пятому двойнику. Тот ходил, осматриваясь, по лаборатории. Перед вводом Электронного Создателя он стоял, задрал голову, больше минуты.

— Вас, кажется, что-то заинтересовало? — спросил я. — Не могу ли быть вам полезным?

Он недоброжелательно поглядел на меня.

— Я должен раньше убедиться, что вы солидный человек, — проворчал он. — Терпеть не могу несолидных людей. Я знал ловкача Эдельвейса, старый хрыч был крупнейшей фигурой, но и он подох на улице. Где гарантии, что вы крепче его?

— Вот что, друзья, — предложил я. — Сейчас я проведу вас в гостиницу, вы помоеетесь, подкрепитесь, отдохнете после рождения, а там настанет время поговорить: с вами — о планах, а с вами — о гарантиях моей солидности.

Из гостиничного коридора до нас донеслась дикая брань, детский визг и старческий плач. Второй двойник, от О'Брайена, избивал двух других. Новые двойники остановились на пороге.

— Шагайте смелее! — подбодрил я их. — Ничего особенного — несколько паучков в банке. Уверен, вам здесь придется по душе. А к утру я подброшу вам для компании еще пару неплохих экземплярчиков.

Двойники от Паркера и Роуба народились на рассвете и явились ко мне один за другим. Паркеровское создание вошло задрал нос, не ответило на поклон и молча село у столика. Это был мужчина, похожий на статую римского императора. Он двигался как гипсовый.

Для интереса я спросил, как его зовут и зачем он пришел.

— Уберите ноги! — процедил двойник от Паркера. — И помолчите. Не люблю, когда много болтают.

Затянувшееся наше молчание прервал седьмой двойник. Он подозрительно поглядел на нас с Шестым и кивнул на стену:

— Электронный Пускатель?

— Создатель, — поправил я.

— Значит, так, — возбужденно зашептал Седьмой, присаживаясь ко мне. — Это дело легко организовать. До сих пор интриговали против отдельных государств и правительств, но мы с вами не станем кусочничать. У меня имеется небольшой, хорошо скатанный заговорчик против земного шара, сообразили? Мы выбираем тихий вечерок, нажимаем кнопку этого Пускателя и пускаем мир под откос. Бум, бах, трах — здорово, правда?

Я прибавил этих двух к пятерым прежним...

... посетили меня во вторник. В просторной лаборатории стало тесно от сборища важных господ. Я усадил их в кресла и прочитал лекцию о целях и методах нашего производства. Я хорошо подготовился к встрече — Электронный Создатель был налажен на одновременную запись двадцати схем. На этот раз я фиксировал все их мысли: и то, что им взбрело в голову, когда они смотрели на меня, и то, что они думали о себе. Мне надоело воспроизводить их шаржи на меня. Я хотел проверить: себя они воспринимают так же карикатурно, как и меня, — или нет?

На голубом экране одна за другой вспыхивали генетические формулы — все такие же яркие, переплетенные, заораживающая цветовая симфония линий и пятен. Я не дал этой радужной картинке обмануть себя. Я знал, что за красивым видом скрывается неприглядная сущность. Я не торопясь обводил взглядом лица моих слушателей — вежливые, грубые, миловидные, уродливые, молодые, старые, замкнутые, надменные, веселые. Лица были как лица — разные. Но глаза у всех были одинаковы — холодно внимательные, отстраняющие, недобрые. Я понимал, что думают обо мне посетители. Они думали обо мне скверно. С этим ничего нельзя было поделаться. Но я не был уверен, нет, я не был уверен, что и к себе они относятся лучше! Если они и не ненавидели себя, то понимали свою истинную цену — теперь я знал, что

она невысока: много за себя они не дадут. А я еще хотел при помощи их мыслей о себе улучшить все человечество!

Боже, как я был слеп...

Когда погасла последняя генетическая формула и Электронный Создатель приступил к следующей операции — монтаживанию зародышевых клеток, я прервал лекцию.

— Теперь пройдемся по цеху, господа. Познакомимся на месте с условиями выращивания людей.

В суматохе ко мне пробрались директора компании. Они ликовали.

— Док, я растерялся! — рявкнул громовым шепотом МакКлой. — Я не подберу для вас эпитета. Боже, как вы их провели! Вы им продали флакон испорченного воздуха за водородную бомбу! Даже старик Эдельвейс этого не умел.

— Вам надо поставить при жизни памятник! — ликовал О'Брайен. — Я завтра же открою подписку на вашу конную статую. Вы будете в тоге, с саблей на боку и пулеметом в руках — шедевр скульптуры, говорю вам!

— Продолжайте засорять их мозги перспективами нашего производства, но не заикайтесь о сроке выпуска первой партии искусственных людей, — посоветовал Гопкинс. — Будущее поражает воображение, а за неисполнение графика отвечают перед судом. Вам понятна разница, Крен?

В одном из коридоров я повстречал Роуба. В лабораторию его не пустили, но он перехватил нас по дороге. Уши его торчали перпендикулярно к голове. Он был в диком возбуждении.

— Профессор, людей круг блестящий такой вас у собрался как? — проблеял он.

Я тут же перевел это на более привычный мне язык: «Как собрался у вас такой блестящий круг людей, профессор?»

— Разве вы не слышали, Роуб? Нам оказала честь специальная комиссия парламента.

У него зашевелились ноздри, уши захлопали по голове. В мутных его глазах запылал зеленый огонек. Он блеял еще торопливей, а я расшифровывал:

— Никогда я не видел столь важных господ! Какие они все разные!

— Да, — сказал я. — Все они разные, Роуб. Одни высокие, другие низенькие. Худой шагает рядом с толстым. Неясно одно: почему они такие разные? По-вашему, это случайно?

Он чуть не задохнулся от открывшихся ему величественных перспектив.

— Вы думаете, Крен?.. Признайтесь: вы думаете?..

Я ответил уклончиво:

— Все мы что-нибудь думаем, Роуб. Человеку свойственно размышлять, хотя в наше время это не совсем безопасно. Но я говорю не о шатких мысленных предположениях, а о твердых, так сказать — физических фактах. Приглядитесь к тем двоим, Роуб. Разве вас не поражает их походка?

Я ткнул пальцем в переднюю пару. Как нарочно, один был высок и массивен, другой худ и изящен. Они шли вдоль линии чанов и мирно беседовали.

— Правильно, сэр! — зашептал Роуб. — Боже, как правильно! Этот огромный вдавливает ботинки в пол, как в тесто. Он не ходит, а попирает ногами землю. Он ненавидит нашу землю — все ясно как дважды два!.. А второй — крадет-ся и перебирает ножками, как пальцами. О, этот еще хуже, в тысячу раз хуже! Я их разоблачил с первого взгляда, такая штука! Нет, ребята, вы сосунки, не вам обмануть Роуба...

Он хотел умчаться, но я задержал его.

— Не слышали, как дела у Паркера? Помните того ученого, с которым я вас познакомил неделю назад?

— Как же, отлично помню: высокий, важный мужчина, тонкие губы, зеленые глаза, один более выпуклый, чем другой... С Паркером все в порядке, профессор. Паркер признался, что подложил две атомные бомбы под систему высшего образования в нашей стране, но не успел взорвать, так как попал в тюрьму. Я забыл сказать, что Паркера вскоре после визита к вам арестовали. Однако я покорнейше прошу меня...

Я присоединился к гостям, и мы около часа провели на заводе, потом прошли в ресторан. За легким обедом на

шесть перемен с девятью сортами вина я сообщил собравшимся радостную новость:

— В конце недели, господа, состоится знакомство с первыми образцами продукции нашей фирмы. Я надеюсь, все, кто сегодня почтил нас присутствием, не откажутся выступить в роли экспертов и ценителей. Вам будут продемонстрированы с полсотни бравых парней самой высокой кондиции.

— Слишком много образцов, Крен, — упрекнул меня один из гостей. — Для конвейерной продукции это не подойдет. Армия заинтересована в одном-двух, не более — но отработанных до пуговицы типах солдата.

Я успокоил его:

— Вы сами отберете понравившиеся вам образцы, а мы запустим их в массовое производство. Думаю, армия останется довольна. Итак, в следующее воскресенье, господа.

Гости мне аплодировали, а после их ухода директора компании устроили скандал. Железный сухарь Гопкинс орал, как перепившийся золотарь. Даже О'Брайен казался подавленным.

— Что такое, Крен? — негодовал Гопкинс. — Вы, оказывается, запустили технологические линии, а мы об этом ничего не знаем. Кем вы нас считаете, профессор? Раньше на этих парней посмотрю я, а потом кто-то другой. Пусть комиссия выбирает, кто ей нужен, но кого им показать — будем решать мы.

— Это буду решать я один, — сказал я. — Не забывайте, что в соглашении есть пункт о том, что технологические вопросы находятся в моей личной компетенции. За продукцию, поставляемую нашим человекопроизводящим конвейером, отвечаю я. Вы занимаетесь представительством, рекламой, финансами, вообще — внешними связями. Вы не забыли этого пункта, джентльмены?

— Мы разорвем соглашение! — бушевал Гопкинс. В этот момент он походил на нормального человека, умеющего раздражаться и огорчаться не хуже других. — Водите за нос

кого угодно, но не нас, Крен! Мы вычеркнем этот пункт, слышите, вы!

Я улыбнулся ему в лицо.

— В договоре есть и второй пункт, — напомнил я. — Если между директорами и изобретателем возникнут непреодолимые разногласия, директора вправе выставить его за дверь, а изобретатель вправе привести в негодность Электронный Создатель. Не кажется ли вам, что пришло время воспользоваться этой важной оговоркой?

Гопкинс, ошеломленный, молча глядел на Мак-Клоя и О'Брайена. Я точно рассчитал удар. Гопкинс, остывая, на глазах осухаривался. Теперь это снова была бесчувственная неторопливая машина для изготовления денег. С ним опять можно было говорить по-деловому.

— Вы ничего не поделаете с этим бессовестным сутягой, Гопкинс! — прогремел Мак-Клой. — Нам понадобилось десять лет, чтобы свалить старину Эдельвейса. Не сомневаюсь, что док прикончил бы его за десять минут.

О'Брайен согласно закивал головой:

— Мы у него в руках, Гопкинс, надо смотреть на вещи здраво. Скажу открыто, профессор, даже с вашим знаменитым противником Джойсом вы расправились не так свирепо, как с нами троими. Я видел Джойса: он пришел в себя на другой день. Когда мы оправимся от вашего нокаута, я даже боюсь загадывать! Нет, вы не довольствуетесь сознанием, что хотя и не все, но многое можете, вам непременно нужно наносить практические удары!

— В воскресенье вы забудете об этом ударе, — утешил я пророка абстрактной всевозможности. — Ручаюсь, вам будет весело.

— Итак, до воскресенья, — сказали они одинаковыми голосами.

О'Брайен, однако, прибежал ко мне на второй день. Он чуть не плакал. Дело было серьезное.

Пьер Роуб потерпел катастрофу. Его разнесло в щепы на пустом месте.

— Вы помните тех двух — высокого и маленького? — то-ропливо пищал О'Брайен. — Они всюду ходили вдвоем и на других смотрели вот так... неужели не помните? Боже мой, Крен, вы не знаете, кто они такие? Маленький — Дик! Да, Дик, единственный Дик, сын президента. Дик председательствует в сорока трех компаниях и держит у себя в кармане еще семьдесят шесть независимых фирм, он стоит больше своего великого отца ровно на четыреста восемьдесят девять миллионов — круглых миллиончиков, сэр! А второй, здоровила, — наклонитесь ближе, Крен! — Джонни Поппер. Да-да, великий Поппер, вы угадали, самый знаменитый из политических деятелей. И на этих достойнейших людей наш безрассудный Роуб... Вот что получается, когда вместо величественной абстрактной всевозможности увлекаются мелочным и пошлым конкретным делом!

— Роуб наката! донос? Ха-ха!

— Не вижу ничего смешного, профессор. Я лично в голом факте... гм... доклада в уважаемое учреждение еще не открываю преступления, нет, Крен, не открываю! Но в чем он их обвинил — вот подлинное безумие! Сегодня за ним пришли двое. Он вырывался и кричал на весь «Эдельвейс»: «Я вам покажу, не на таковского напали! Я притяну Министерство общественного дознания к уголовному суду. Вы у меня заплачете!» У меня сердце разрывалось, я не мог слышать его горестных воплей. Такого сотрудника потерять!

— Вам теперь будет трудно, О'Брайен. Министерство общественного дознания постарается заменить провалившегося Роуба и не доложит вам, кто будет вместо него.

— Роуба заменить невозможно, этот гений клеветы уникален.

— Поставят вместо одного гения десятки талантов — и сойдет.

— Откуда у вас такой цинизм, Крен? Даже мысль о том, что кто-то претендует на место титана, мне глубоко противна. Жить под тайным взглядом лишенных фантазий механизированных сексотов — ужасно, ужасно, Крен!

— А вы сами замените Роуба, — посоветовал я.

Он окаменел с выпученными глазами, потом у него зашевелился кадык — О'Брайен словно пытался проглотить что-то, застрявшее в глотке.

— Вы шутите, Крен?

— Ничуть. Я уверен: у вас неплохо получится. Но надо поторопиться, чтоб не перебежали дорогу. Там теперь такой конкурс претендентов!

Он вскочил. Глаза его блудливо бегали. Только врожденная воспитанность не дала ему опрометью кинуться к двери, размахивая руками и восторженно вопя. У него даже не очень дрожал голос.

— Я подумаю, Крен, над вашим советом, я подумаю. Нет, честное слово, у вас удивительно мощная мысль, железные логические мускулы, профессор!

Он засеменял к двери, потом вдруг вернулся и со слезами на глазах потряс мою руку. Нервы его не выдержали.

— И можете быть спокойны, Крен! — воскликнул он с горячей благодарностью. — На вас я...

— Доноса не напишете — во всяком случае, первого? Благодарю, О'Брайен. Я не сомневался в вашем благородстве.

Приход О'Брайена немного успокоил меня. В последние дни я плохо сплю, живу на лекарствах. Дружеский разговор подействовал на меня лучше душа. Он был неплохим человеком, этот О'Брайен, — наивная, увлекающаяся душа. Я долго смеялся, вспоминая слезы признательности на его глазах. Недавно он потряс меня своей страшной философией абстрактной всевозможности. Он показался мне тогда титаном всеуродства. Он был и остался карликом. Он мигом отказался от формулы «все могу, но не хочу» ради мелкого доносительства. Он станет старательным клеветником, но на большее его не хватит. Даже Пьер Роуб был крупнее.

Я вызвал трех роботов в двадцать киловатт мощности каждый и, когда они появились, отправился в гостиницу.

С некоторых пор без надежной охраны я побаивался ходить в это гнездо скорпионов.

Теперь их было сорок восемь: сорок восемь живых, мыслящих, разгуливающих и скандалящих существ — полсотни бестий в образе человека. Тридцать два копировали меня, остальные шестнадцать воспроизводили гостей из парламента. И хотя они были поразительно не похожи друг на друга, каждая из моих копий напоминала меня, что-то во мне отражала. Я не мог бы назвать их своими детьми. Это были мои двойники, материализованные изображения меня в глазах окружающих и моих собственных, мои фотографические карточки, вынутые не из семейного альбома, а из моего собственного мозга и мозга моих знакомых — и оживленные. Я не уставал удивляться: до чего же я мерзко выгляжу во всех этих копиях! Ни одна из них даже отдаленно не показывала того, что я мечтал увидеть в себе. Единственное, что могло служить мне грустным утешением, было то, что остальные шестнадцать были еще гадостней, чем те тридцать два — мои...

Два робота шагали по бокам, один прикрывал меня сзади. Я сказал механическим телохранителям:

— Сегодня будет жарковато! Следите, чтоб с вас не сбили управляющие антенны.

У входа на меня набросился первый двойник, мой крохотный уродец, не устававший кричать, что гениальнее его на свете человека не существовало. Он вынесся из двери, только я вступил в коридор, и попытался укусить меня в руку. Робот легко отшвырнул его к стенке.

— Вы наглец! — надрывался первый двойник. — Вы троглодит! Вы неконституционны! Никто не дал вам права лишать меня человеческих прав! Отдайте мне земной шар! Я пожалуюсь на ваш деспотизм в Верховный Суд!

Его визг расшевелил остальных. Один за другим они выполняли и выскакивали из номеров. Я прибавил шаг. Даже под защитой трех роботов я не хотел столкнуться со всей их оравой в коридоре. Я шел, а они торопились за мной — огромные и крохотные, широкоплечие и узкогрудые, вымахавшие до двух метров двадцати и не добравшиеся до метра сорока — внешне удивительно разнообразные, а по сути уродливо-одинаковые.

В обширном холле я присел за столик у стены и открыл совещание своих и прочих двойников. Я вежливо попросил их рассестся. Три робота бдительно следили, чтоб никто не приблизился ко мне.

— Итак, джентльмены, начнем! — предложил я. — У вас, кажется, есть ко мне претензии?

— Деньги! — прорычал второй двойник, от О'Брайена. — Вы обещали нарубить монет, профессор. Какого черта вы медлите?

— Здесь так мало слуг! — простонал третий, от Мартина. — Меня водит под руку один робот. Разве это можно вытерпеть? Я хочу, чтоб меня водили под обе руки.

— Внимание, джентльмены, внимание! — надрывался, ерзая в кресле, юркий двойничок от Мак-Клоя, четвертый по счету. — Я сейчас вас всех объею... то есть успокою! Мы создаем компанию на один миллиард долларов под моим председательством и легко вытаскиваем...

Седьмой двойник, от Роуба, не вынес напора ожесточенных страстей и вскочил. Его дикие глаза зловеще фосфоресцировали.

— Я предложу уважаемому собранию изященький заговорчик! — проскрипел он. — Удивительно красивая штука, ее можно носить в кармане. Мы берем государство, продырявливаем его посередине, потом закладываем, понимаете, такая штука...

Все голоса заглушил железный рык верзилы, воспроизводившего одного из гостей.

— Минометы! — заревел он. — Орудия и торпеды! Я хочу поиграть ручной атомной бомбой!

Тут все разом заорали, завопили, завизжали, заскрежетали и заскулили. Я молча разглядывал их разъяренные морды. Меня радовала мысль, что участь их решена. Разумеется, я не показал им, о чем думаю. Я был холоден и невозмутим. Если бы я держался хоть немного по-иному, они разорвали бы меня в клочья, смяв охраняющих роботов. Просто удивительно, до какого жара накалялась злоба, одушевляв-

шая эти конвейерные создания. Они жили лишь ради того, чтобы кого-то кусать, облапошивать, взрывать и валить.

Когда на мгновенье наступила тишина, шестой двойник, от Паркера, надменно проговорил, откидываясь в кресле:

— Какой невероятный шум, профессор! Не могли бы вы повырывать языки у этих весьма уважаемых джентльменов?

Я поднял руку, чтоб притушить хоть немного новую бурю воя, визга и рева.

— Я вполне понимаю ваши благородные желания! — сказал я. — И от души вам сочувствую. Но поверьте, не все зависит от меня. Я не могу своей личной властью выпустить вас в мир. Нужно, чтоб с вами предварительно познакомились ваши духовные отцы, они-то и решат, кто из вас достоин существования и воспроизводства.

— Подавайте нам отцов! — завопил одиннадцатый двойник — не то мой, не то одного из членов комиссии, — я так до конца и не разобрался, кого он копирует. — Ох, и поговорю я со своим папашей!

Я продолжал:

— В это воскресенье состоится ваша встреча с родителями. Вы выскажете им все, что думаете о них и что желаете получить. Советую основательно подумать перед встречей.

— Пулеметы будут? — прогремел Восемнадцатый. — Я категорически настаиваю на пулеметах. Раздайте нам хотя бы по ножу. Без этого встреча не удастся, не тешьте себя напрасными иллюзиями!

— Ах, и подведу же я их под одну штучку! — восторженно заблеял Седьмой. — Легкое нажатие — и все покатится!..

Минуты две они ликовали, топали ногами, аплодировали, орали «ура». Я решил, что, пока не остыл их восторг, самое время уйти. Я шепнул роботам, чтоб они меня прикрыли, и осторожно направился к двери. Первый двойник, увидев, что я пробираюсь к выходу, пронзительно заклекотал:

— Он уходит! Он уходит! Он уходит!

— Бейте его! — крикнул кто-то в задних рядах. — Не пускайте его живым!

На меня ринулся Второй. Он нацелился мне в челюсть, но попал в железный локоть робота. Взвыв от боли, Второй отпрянул назад и наступил на ногу чопорному Шестому. Шестой выругался, и Второй тут же его нокаутировал. Восемнадцатый поспешил на помощь Шестому, но сам попал под кулак Двадцать девятого. Первый, остервенело визжа, вонзил клыки в ногу Третьему, тот, заливаясь слезами, звал на помощь слуг. Ловкач Четвертый прыгнул на спину Седьмому и впился ему в горло, жадно добираясь до артерии. Седьмой заметался по холлу и минуты через три был бы полностью высосан, если бы случайно не ударил развешивающимися ногами Четвертого по колонне. Свирепо облизывая окровавленные губы, Четвертый извивался на полу, стараясь уползти подальше от ног дерущихся. Схватка стала всеобщей.

Два робота, пробивая железными кулаками проход в толпе беснующихся двойников, постепенно продвигались к двери в спасительный коридор. Третий робот методично отбивал ожесточенные атаки со спины. И недалеко от двери произошло то самое, чего я опасался больше всего и от чего предостерегал роботов, но что, как я сейчас понимаю, может быть, по-настоящему и спасло меня.

Яростно нападавший Второй умелым ударом сбил с одного из роботов управляющую антенну, и тот, потеряв связь со мной и координацию движений, превратился в тупую сражающуюся машину. Взревев металлическим голосом, он бешено завертелся на месте, сшибая все, что подворачивалось под его страшные ручные рычаги. Один за другим двойники рушились к его бронированным ногам. Со всех сторон понеслись крики ужаса. Двойники, от страха обретая благоразумие, выскакивали в коридор и разбегались по номерам, наглухо закрывая двери. Не прошло и минуты, как в холле стало пусто. Один взбесившийся робот вертелся волчком и дико размахивал руками. Потом он налетел на колонну и распался, превратившись в груду дымящихся обломков.

Я посмотрел на останки моего защитника и пошел к себе.

— Надо со всем этим кончать! — сказал я себе. — Надо, надо!

Я не спал эту ночь, не спал и следующие. Я заперся в лаборатории, сидел в кресле, уставившись на ковер. Пусть никто не думает, что решение досталось мне легко. Мысли мои были тяжелей ударов кулака — я не щадил себя.

Одно я понимал теперь с окончательной полнотой: великое открытие мое следовало срочно закрыть, оно не удалось. Все остальное пока было в тумане.

Я прорывался сквозь туман, настойчиво освещал его логикой, пронзал неотвергаемыми фактами. И мало-помалу мне становилась ясна грандиозность моей ошибки. Дело не должно ограничиться уничтожением созданных мной человекоподобных тварей — надо идти дальше, значительно дальше.

Я с горечью вспоминал, какие высокие мечты кружили мне голову, когда я сидел над расчетами Электронного Создателя. Я трудился не ради денег и не ради того, чтобы к четырем миллиардам людей, населяющим земной шар, прибавить еще парочку миллиардов. Я хотел вывести нового человека — благородного, умного, доброго, талантливого. Я думал, что Электронный Создатель вполне годится для этой цели. Он превращает в живую плоть мысленное представление людей о себе, мы любим себя за хорошее, гордимся прекрасным в себе — так я наивно считал. Как я ошибся, как непоправимо ошибся! Вот оно, наше материализованное представление о себе, — двуногие волки, беснующиеся сейчас в роскошной гостинице!

Значит ли это, что Электронный Создатель искажает, творя копии, что он всего лишь кривое зеркало? Нет, он работает точно. Только он воспроизводит не людей, а их мнение о себе и других, придает этому мнению человекообразную форму. Он материализовал нечеловеческие, зверские отношения, связывающие нас в нашем насквозь прогнившем обществе. Здоровый эгоизм, конкуренция, индивидуализм — все эти словечки казались стертыми, это была словесная мишура и мертвечина, я не вдумывался в них. А они

жили страшной и тайной жизнью — злокачественные бактерии социальной гнили. Я опрометчиво придал им очеловеченную плоть, и вот они забушевали на свету — грабители, убийцы, стяжатели, всяческие человеконенавистники. А разве я сам не среди этих людей — нет, разве я лучше их? Может, талантливей, но не лучше! Я ненавидел и презирал их, как и они меня, я издевался над ними, боялся их и подличал перед ними, обманывал их — разве не точно воспроизвел мои поступки и мысли двенадцатилетний уродец? В той грязи и подлости, что взметнул со дна наших душ Электронный Создатель, немалая толика моей личной грязи, мне от нее не отречься!

Итак, Электронный Создатель не способен усовершенствовать человека. Больше того, он вреден. Поработай он месяца три на полной мощности — какой смрадный поток ринется в мир, какого нестерпимого накала достигнет глухо тлеющая сейчас в глубине общественная злоба! Может, в другие времена, когда человек станет человеку воистину братом и другом, — возможно, не зарекаюсь, тогда мой Электронный Создатель и пригодится. Но сейчас его надо уничтожить! Я прозреваю. И ненавижу, став зрячим.

Как я ненавижу!

Под утро я задремал. Меня разбудил Мартин.

— Доброе утро, профессор. Не хотите ли погулять? Сегодня воскресенье, сэр.

Я вскочил с дивана:

— Великолепно, Мартин. Воскресенье — день возрождения. Приготовьте завтрак и можете уходить, куда хотите.

Он был так поражен, что пришлось объясниться:

— Видите ли, Мартин, ко мне должны прийти... гм... одна дама. Я уверен в вашей скромности, но дама такая подзрительная. Короче, раньше четырех часов не возвращайтесь.

— Будет исполнено. Я очень рад, что вы... Я боялся, что занятия наукой навсегда отвлекли вас от всего... простите мою откровенность, профессор!

Он, кажется, искренне обрадовался, этот чудак, что во мне обнаружили обычные человеческие чувства. Я выставил его за дверь и позавтракал, потом не торопясь набрал на клавиатуре Главного Щита одиннадцать цифр из двенадцати, составляющих единственную запрещенную комбинацию. Теперь мне остается лишь ткнуть пальцем в последнюю кнопку — и комбинация полностью осуществится, а с ней осуществится то самое, о чем мечтает двойник от Роуба, — бум, бах, трах! И не станет Электронного Создателя, не будет гениальная моя машина, вместо усовершенствованного человека, выплевывать на свет грязь и подлость. И вас не станет, мои уродливые создания! Что мне вас жалеть? Разве вы сами способны пожалеть кого-нибудь?

Я делаю последние записи, потом запроу тетрадь в сейф. В окно мне видно, как к воротам одна за другой подъезжают машины. Высокие гости прибыли. Сейчас я пойду вас встречать и выпущу на вас жильцов гостиницы. Потолкуем, уважаемые джентльмены, с собственными детьми, воспроизводящими открытой человеческой плотью всю нашу внутреннюю, глубоко скрываемую, звериную нечеловечность!

Теперь вы у меня попляшете, голубчики!

Начальник откинулся в кресле, закрыл глаза, сжал в кулачок худое лицо — это была его манера размышлять. Потом он снова пододвинул к себе газету и перечел речь Поппера: «Это было великолепное побоище, — сказал депутат парламента. — Перед тем как выломать двери, орава Крена дала волю кулакам. В основном они тузили друг друга, но и нам кое-что перепало. Ни в высказываниях, ни в поступках этих ребят я не обнаружил ничего нечеловеческого. Лично я предполагаю, что Крен устроил грандиозный шантаж, набрав где-то шайку готовых на все парней, а доверчивым акционерам выдал их за искусственников. Докопаться до истины нелегко, ибо, придя в отчаяние от страха разоблачения, этот ловкий мошенник на наших глазах взор-

вал главный аппарат. Только чудо господне сохранило нас, когда кругом валялись обломки и взвивались языки пламени. Что касается выстроенных предприятий, то я лично осматривал...»

В комнату торопливо вошел взволнованный следователь.

— Полковник! — закричал он с порога. — Похоже, что мы напали на след этих...

Начальник со скукой уставился на своего помощника. В его взгляде было столько откровенного презрения, что следователь загнулся.

— Этих? — промямлил начальник. — Кого «этих», Симкинс?

— Как — кого? — пробормотал помощник. — Я вас не понимаю. Я говорю об искусственниках, проходящих по делу об изобретении Крена.

— Вам надо меньше есть, Симкинс, — строго посоветовал начальник. — У тех, кто объедается, кровь отливает от головы к желудку и в мозгах вечный туман. В сто первый раз объясняю вам, Симкинс, что раз не существует дела об изобретении, то не существует и самих искусственников, проходящих по этому делу. Неужели вам не ясно? Я спрашиваю, вам не ясно?

— Но позвольте! Да, конечно, мне все ясно. Будет исполнено.

— Вот это лучше, Симкинс. Люблю четкость мысли. Кстати, что именно вы собираетесь исполнять?

— Ваше приказание, разумеется. Отменим «напали на след», прекратим преследование...

— Хорошо, — одобрил начальник. — У вас появляется полицейское чутье, Симкинс, я очень рад. Бедные парни ничем не хуже нас с вами, а вы спустили на них ораву сыщиков. Разъясните своим болванам, что полиция стоит на страже спокойствия честных граждан. Еще одно, Симкинс. Этот, как его?..

— Вы имеете в виду профессора Крена?

— Да-да, пройдоху Крена. Узнайте, как у него в личной жизни. Разные преступные увлечения, порочащие знакомства, всякие мошенничества... Это, уверен, много серьезней несуществующего изобретения. Лет на двадцать пять, вы меня понимаете, Симкинс?

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НАС ВЫБИРАЮТ

РАЗВИЛКА

Конрад Подольски подошел к шоссе и присел на камешек. Надо было спокойно обдумать, куда идти и что делать. Позади, под углом к шоссе, кривилась тропка к отцовскому дому. Всего час назад он выбежал оттуда, сгибаясь под тяжестью отцовских проклятий и благословений. Среди проклятий были, несомненно, и пророческие, а среди благословений — полезные. Весь этот бесценный груз Конрад стряхнул уже на первом километре, и было темно, чтобы разглядеть, куда что свалилось. Больше других егозил в душе последний отцовский выкрик: «Все знаю, что сделаешь, хорошего не жду!» Отец имел великое преимущество перед сыном: он знал, что сын будет делать, сам Конрад и понятия об этом не имел. Будущее было темно, как ночь в погребу, но и долго сидеть на камешке не хотелось. Конрад зашагал по шоссе.

Он решил идти в город, хотя и знал, что Анатра охвачена смутой. В ночном сообщении — отец в ярости разбил приемник, чтобы не слушать неприятных вестей, — уже говорилось о баррикадных боях. Сражения на баррикадах Конрада не привлекали, но если уж выбирать между уличными драками и ссорами с неистовым отцом, то уж лучше баррикады.

Не пройдя и километра, Конрад снова остановился. Шоссе на этом месте разветвлялось на три дороги, и указателей, куда какая ведет, не было. Конрад задумался: по какой идти? И тут в нем заговорил Внутренний Голос. Конрад не раз

поступал по его предписаниям и советам — вот и сейчас из дома сбежал после его уговоров. Но раньше Внутренний Голос лишь менял интонации: то был мягким, то гневным, то категоричным, то молящим — но в сущности оставался самим собой. А сейчас он как будто был не один, а разделился на три Голоса. Впрочем, они соблюдали очередность и не насакивали друг на друга, так что их можно было принять и за прежний дружественный Внутренний Голос, только зазвучавший на разные голоса.

— Болван, чего ты остановился? — мощно прогремел первый Внутренний Голос. — Говорю тебе, крой по правой дорожке. Именно она ведет в Анатру. Ибо правое всегда правильно, а что на нашей паршивой планете правильной мерзкого городишки Анатры? Старина, ты ведь всегда мечтал сыграть великую роль, а где и найти такую роль, как не в смуте и раздоре? Правая ведет к могуществу и славе! А что слаще славы и могучей могущества? Соображаешь, старик?

— Иди, дорогой, по средней, — прозвенел второй Внутренний Голос тоненьким голоском, когда утихли громовые раскаты первого. — Среднее не знает крайностей, среднему неведомы жалющие углы, разве не так, милый? Вспомни, как ты хотел прославиться своим умом и добротой, смелостью и благородством! Вспомни, как по ночам ты плакал в подушку от счастья, вообразив себя благодетелем нашей маленькой несчастной планетки! Иди по средней, там ты осуществишь лучшее в себе. Говорю любя тебя — только на средней ждет тебя истинное счастье!

— Иди по левой, иди по левой, — хмуро пробормотал Внутренний Голос в третью свою очередь — красноречие его, видимо, иссякло, и он ничем не сумел расцветить свою последнюю просьбу.

Конрад огляделся. По обе стороны шоссе простиралась каменистая, неплодоносящая равнина. Выходила Моски-та — далекое красное светило, холодная недобрая ночь постепенно превращалась в холодный недобрый день. Все три дороги, ответвлявшиеся от шоссе, вели в такую же камен-

ную пустыню, как и та, что раскинулась вокруг. Конрад зашагал по правой дороге.

— Молодец! — оглушающе рывкнул первый Внутренний Голос. — Не молодец — молоток! Не молоток — кувалда! Теперь одна проблема, старик, — размахнуться пошире, жакнуть покрепче.

ПРАВАЯ ДОРОГА

Конрад Подольски больше часа одиноко шагал по пустынному шоссе. Временами от основной дороги к невидимым за холмами домикам ответвлялись боковые тропки, но и на тропках не встречалось ни людей, ни машин: время было плохое, крестьяне побаивались ехать в город. Красная Москига совершила треть своего унылого небесного пути, когда Конрад, усталый, воззвал к Внутреннему Голосу: правильно ли он все-таки делает, что идет в город, куда, кроме него, никто не стремится? Он не успел, однако, услышать ответа, ибо как раз в эту минуту раздался грохот приближающейся машины: прямо с каменного бездорожья на шоссе вырвался стреломобиль, пролетел несколько метров и с визгом опрокинулся на правое крыло. Из стреломобиля вывалился израненный, окровавленный человек и, судорожно извиваясь всем телом, пополз на обочину. Он, видимо, хотел спрятаться в придорожных камнях. Конрад поспешил к нему и попытался его поднять. Но незнакомец на ногах не стоял, он был страшно бледен, на шее кровоточила открытая рана, глаза непроизвольно закрывались.

Конрад осторожно положил его на клочок травки и стал искать в карманах, чем бы перевязать рану. До Конрада донесся прерывистый шепот:

— Друг, спеши в Анатру... Скажи: Марк Фигерой... Пусть продолжают... Победа близка... Приказываю... Друг, берегись!

Последние слова прозвучали как тихий крик. На шоссе вывалился второй стреломобиль и остановился в трех ша-

гах. Из него вылезли два зверомордых военных с импульсаторами в руках.

— Фигерой и перед смертью вербует слуг в свою шайку, — насмешливо сказал один из них, он был в офицерской форме. — Вот же неугомонная натура! Парень, отойди. Мы с тобой поговорим после, а пока прикончим этого бандита.

Внутренний Голос немедля приказал отойти в сторону от раненого, и Конрад послушался. Лучше всего было бы вообще бежать подальше, но Голос не разрешил бегства, ибо второй военный — по всему, простой солдат — держал имульсатор дулом на Конрада и только ждал команды, чтобы послать в него убийственный резонансный луч. Офицер подошел к Марку Фигерою, тот сделал слабую попытку приподняться, но офицер ткнул его дулом в лицо, и раненый снова бессильно распластался на грунте.

— Итак — конец, великий Марк Фигерой! — с издевкой сказал офицер. — Больше тебе не орать в тавернах, не взбодраживать бешеных ночлежников, не устраивать тайных сборищ в вертепах, не смущать армию в казармах. Думал стоять сотнями собственных статуй на площадях и перекрестках? Нет, будешь лежать и распадаться в грязи, и скоро никто не припомнит, как тебя звали, министр экономики Марк Фигерой!

Офицер нажал на спуск и водил дулом, облучая тело Фигероя резонансными импульсами. И там, куда ударял убийственный луч, вспухала и чернела кожа. Не прошло и минуты — и вместо молодого, довольно красивого, стройного мужчины на грунте громоздилась черная горка, потерявшая всякие человеческие очертания.

Покончив с Фигерою, офицер обернулся к дрожащему Конраду и почти печально сказал:

— Мне очень жаль, парень, ты выглядишь довольно безобидным. Но ты смотрел, как я расправился с подлым бандитом, два года служившим у меня министром. А у него столько сторонников, и они будут так хотеть мести! А моя жизнь — достояние общества, и ее нельзя прерывать без

вреда для хороших людей. Надеюсь, я убедил тебя, что для блага нашей страны ты должен пойти вслед за Марком Фигероем. Я уверен, что ты сам благоразумно и благородно поставишь общее благо выше своего маленького, сопливого личного благополучья. Я не ошибся, парень?

Внутренний Голос панически прокричал в Конраде: «Он убьет тебя, беги!» Конрад прыгнул в сторону в тот миг, когда офицер направил на него дуло импульсатора. Офицер был решителен, но неповоротлив. Он только успел повернуться к Конраду, как тот уже схватил камень и метнул его. Камень ударил офицера в висок, офицер зашатался и выронил импульсатор. Конрад схватил оружие еще до того, как оно упало на грунт, и направил дуло на солдата. Солдат, растерянный, стоял неподвижно, как столб, только переводил глаза с Конрада на тяжело ворочающегося на грунте офицера. Он крепко сжимал обеими руками свой импульсатор, но не собирался пускать его в ход — солдат был из тех, кто без приказа не стреляет.

— Бросай оружие! — приказал Конрад. — И отойди на десять шагов.

Солдат покорно опустил на грунт импульсатор и отошел на предписанное расстояние. Конрад быстро схватил второй ствол.

— Слушай меня, солдат! — сказал Конрад. — Я уйду, а вы оба десять минут не двигайтесь с места. И не смейте меня преследовать, в моих руках импульсаторы излучают без промаха.

— Так не пойдет, господин прохожий! — ответил солдат. — Знаете, кого вы свалили? Перед вами лежит майор Шурудан! Величайший воин и глава правительства, вот на кого вы подняли руку, господин!

— Фердинанд Шурудан! — Конрад с любопытством поглядел на офицера, со стоном старавшегося подняться и снова падавшего. Лицо его было залито кровью, мундир в пыли. В таком жалком виде он и отдаленно не напоминал грозного командира правительственных войск, имя которого по всей стране произносили только шепотом. — Уж не

хочешь ли ты, солдат, чтобы я помог человеку, который собирался убить меня без всякой моей вины?

— Если вы поможете майору Шурудану, он казнит и вас, и меня, — рассудительно возразил солдат. — Вас — за то, что вы ранили его самого, а меня — за то, что я не успел вам помешать. Надо убить моего командира и бежать в Анатру, вы будете там приняты как герой.

— Подойди поближе и облучи Шурудана! — велел Конрад и протянул солдату импульсатор.

Солдат, и шага не сделав, грустно сказал:

— Лучше казните меня, ибо у меня не поднимется рука на моего великого командира майора Фердинанда Шурудана!

Внутренний Голос свирепо заорал в душе Конрада: «Бей сам, остолоп! Бей сам, говорю тебе! И поживей, майор вот-вот оклемается!» Повинуясь велению своего наставника, Конрад быстро провел лучом по лицу и груди офицера. Только увидев, как чернеет безжизненное тело командира, солдат осмелился подойти поближе.

— Дайте мне импульсатор, господин мятежник! — сказал солдат. — Боже мой, как вы с ним разделались! Никто бы в армии не поверил, что с самим господином майором можно так легко!.. Возьмите меня в охранники, господин. Я буду вашим рабом, теперь только в вас моя защита от наказания.

Конрад вернул солдату оружие. Внутренний Голос подсказал, что этому коренастому уродливому крестьянину можно верить. Конрад понимал, что совершилось абсолютно непредвиденное и чрезвычайно опасное событие: он, отнюдь этого не желая, замахнулся на само правительство и так преуспел, что один из влиятельнейших его членов, его военный вождь, превращен в горку мусора. Сбывались мрачные предсказания отца: тот не ждал ничего хорошего от выхода сына в самостоятельность и грозил заранее его покарать собственными узловатыми кулаками за преступления, какие он, несомненно, совершит после ухода из дома. От отцовских кулаков удалось увильнуть, от отцовского предвидения — нет. Конрад два часа шагал по правой дороге наобум

Лазаря, со смутной надеждой чем-нибудь выдвинуться в городской смуте. Как страшно сузилась сейчас дорога, показавшаяся поначалу такой широкой! Она обернулась кривой тропкой в мятеж. И хотя, повинувшись ору Внутреннего Голоса и доброму совету неизвестного солдата, Конрад своевременно, до того, как грозный вождь правительственных войск расправился с ним, разделался с самим Шуруданом, теперь его бил запоздалый страх. Дальнейшая жизнь стала чудовишно необеспеченной. И Конрада успокаивала безмятежная рассудительность, с какой этот немолодой, крестьянского вида правительственный воин рассуждал о переходе в мятеж, сразу причислив самого Конрада к бунтарям и согласившись служить ему верным охранником, будто он уже был крупной фигурой. «Раз так — значит, мятеж!» — отчаянно решил Конрад, и Внутренний Голос одобрительно рывкнул: «Молоток! Что я тебе говорил? Размахивайся пошире! А крепко бить умеешь, это точно!»

— Стреломобиль Фигероя поврежден, господин мятежник! — заговорил солдат. — По приказу господина майора я метнул в него крылатую гранату, и господин майор похвалил меня за удачное попадание. Но наш стреломобиль в исправности, господин мятежник, мы на нем отлично доберемся в Анатру.

— Как тебя зовут, солдат? — поинтересовался Конрад, усаживаясь на второе сиденье стреломобиля и с облегчением вытягивая порядком уставшие на каменистом шоссе ноги.

— Микаэл Убуби, с вашего разрешения, господин мятежник. И не сочтите нескромностью с моей стороны полюбопытствовать, как величать вас и каков ваш высокий чин и ответственный пост в мятеже?

— Зови меня Конрадом Подольски — и не ошибешься. А что до чина, то чинов я еще не удостоен, а посты пока занимал не ответственные, а безответные.

— Ха-ха, господин Конрад, — не ответственные, а безответные, — сдержанно посмеялся солдат Микаэл Убуби и тут же уверенно предсказал: — Такому геройскому мятеж-

нику, как вы, господин Конрад, судьба идти на высоты, я это сразу понял, когда вы так решительно метнули тот решающий камень в господина майора.

— Решающий камень? — переспросил Конрад.

— Так точно — решающий. Ибо он решил не только исход сражения между вами и страшным господином майором Шуруданом, но судьбу мятежа. Правительство без своего военного вождя теряет половину силы.

Разговаривая, солдат Микаэл Убуби что-то набирал на клавиатуре стреломобиля. Стреломобиль сперва неуклюже потоптался на шоссе, переваливаясь с колеса на колесо, потом приподнялся над грунтом, вытянул крылья и взмыл. Микаэл Убуби из осторожности нажал кнопку, сменив рыжий цвет машины на красновато-фиолетовый — под цвет неба. Под крыльями стреломобиля неторопливо пробегали каменистые рыжие сопки, сухие русла бывших ручьев и рек, одинокие крестьянские домики. Конрад мысленно прикидывал, как держаться в Анатре. Главное — не напороться на правительственные отряды, встреча с которыми добром не кончится. Он отыщет подпольную квартиру мятежников и попросит зачислить его в боевую дружину. Он объяснит, что хорошо владеет импульсатором и что после убийства майора Шурудана можно не сомневаться в его верности мятежу. Мятежники смелы, но подозрительны, об этом говорил отец, они часто страдают от измен, но он убедит их, что не предатель. «Как я могу перейти на службу правительству, — скажет он, — когда так провинился перед ним, а ведь законная власть свирепа и беспощадна. Вот так я объяснюсь с вождем мятежа», — закончил Конрад свой монолог, и Внутренний Голос одобрил: «Правильно, старик, что я тебе говорил? Так держать!»

— Правительственные машины! — с тревогой сказал солдат, проворно втянул крылья в бока стреломобиля и снова сменил высотную окраску на защитную рыжую — для бреющего полета: теперь машина мчалась над холмиками и впадинами, держась метрах в двадцати от грунта. Личная боевая машина командира правительственных войск была отмен-

ного качества, но Конрад схватился за поручни: он предпочел бы пассажирский аппарат попроще — тот неспособен так точно держать высоту, зато его не швыряет и не качает так жестоко над неровностями почвы. У Конрада кружилась голова, его тошнило.

— Пронесло! — бодро сказал солдат и стал сбрасывать скорость: показались первые городские здания.

Машина по-прежнему летела стрелой, не выпуская крыльев, но ее больше не трясло. Испугавшие солдата правительственные машины — три маленьких, почти неразличимых пятнышка в сумрачном полудневном небе — исчезли в стороне. Они, по-видимому, патрулировали город сверху, пресекая попытки мятежников завоевать господство в воздухе. Благодаря умелому маневру Микаэла Убуби, убравшего крылья, сменившего цвет машины и быстро снизившегося, патрульные стреломобили их не обнаружили. Теперь опасностей надо было ждать не с воздуха, а с земли, ибо на улицах шло сражение: там бежали люди, слышались хлопки гранат, зудящее пенье больших оружейных импульсаторов. Конрад хотел было приказать своему спутнику не ввязываться с бухты-барахты в уличный бой, но солдат и сам разобрался в обстановке. Он привалил стреломобиль к стене продовольственного склада и ловко пробежался пальцами по клавиатуре: машина приобрела окраску под кирпич, и скоро уже в двадцати шагах нельзя было различить, где стена, а где летательный аппарат.

— Быстрее наружу, господин мятежник! — крикнул солдат и помог Конраду выбраться на улицу, потому что, оставаясь в машине, они демаскировали ее цветом своей одежды.

— Пойдемте искать штаб боевых дружин, — сказал Конрад и двинулся в глубь города. Солдат Микаэл Убуби шел следом, страхуя своего нового начальника от нападения сзади.

Они прошли всего несколько шагов, как из-за угла вывернулась орава вооруженных, разномастных, дико орущих людей. Последний, наставив импульсатор на Конрада, яростно закричал:

— Стой, кто идет? Почему в армейской форме? Солдаты правительства у нас в тылу! К стенке шпионов!

У Конрада от страха перехватило горло. Внутренний Голос не подал голоса — видимо, тоже растерялся. Но солдат Микаэл Убуби смело шагнул вперед и молодежато отрапортовал:

— Я больше не солдат правительства, я личный охранник господина Конрада Подольски. Мой славный командир стоит перед вами, господин предводитель, и ждет знаков почтения, ибо он собственной своей геройской рукой...

— С ума слезть, какое вранье! Еще ни один шпион не уходил живым из могучих рук Франциска Охлопяна! К стенке, говорю вам!

К предводителю подошел высокий, страшно худой человек в одежде летающего монаха и положил руку на его плечо.

— Остановись, Франциск! Надо допросить этих молодцов. Если они из правительственных войск, то они смогут рассказать, по какой дороге нам безопаснее скрыться.

К ярости в голосе Франциска Охлопяна стало примешиваться отчаяние. Он все так же неистово орал, но в его криках слышался уже не только гнев, но и слезы.

— О чем допрашивать? Для чего? Мы окружены! С минуты на минуту прибудет их страшный дракон Фердинанд Шурудан и заглотает нас всех. Солдаты ждут только его прилета, чтобы двинуться в последнее наступление. А Фигероя нет и нет! Пропал наш великий Марк Фигерой! Сгинул, провалился в преисподнюю! Бежим, Антон Пустероде, бежим, пока живы. Вот-вот в небе промчится стреломобиль дракона! Расправимся с этими правительственными ублюдками — и деру!

— Можете не опасаться прилета господина майора Шурудана! — сказал солдат Микаэл Убуби. — Майор импульсирован, а его стреломобиль стоит вон у той стенки, мы на нем прилетели. Я был личным охранником майора Шурудана, а теперь я — верный охранник господина Конрада Подольски, который на моих глазах своей бестрепетной рукой предал майора заслуженной казни.

Франциск Охлопьян впился ошалелыми глазами в Конрада, еще не проронившего ни звука.

Летающий монах проворно подбежал к стреломобилю и радостно крикнул:

— Машина майора, я ее узнаю! Я сам благословлял ее за неделю до мятежа. При благословении я поцарапал дверную ручку, мне за нее так досталось от майора! Не сомневаюсь, что дракон, живой, не дал бы похитить свой личный стреломобиль. Ура, нет дракона! Слава нашему другу Конраду Подольски!

Все это летающий монах говорил и выкрикивал, уже возвращаясь обратно. В толпе мятежников гремело «ура!» в честь гибели майора Шурудана и «слава!» в честь нового отважного друга. Предводитель отряда сменил яростный тон на радостный и бешенство — на почтительность.

— Дорогой друг, почему вы молчите? Так важно, так нужно, так великолепно знать, что проклятого Шурудана больше нет! Ах, почему задерживается наш великий Фигерой? Он бы вас прижал к своей груди!

Конрад молчал, потому что Внутренний Голос во время перепалки твердил, что ему стоит подождать с объяснениями: пусть раньше солдат все растолкует. Но теперь Внутренний Голос, окрепнув, грохотнул: «Твоя взяла, бей, старина, с размаху!» И Конрад сказал с холодной надменностью:

— Я молчал, ибо меня поразила ваша недисциплинированность, Франциск Охлопьян! Вы слишком распускаете нервы! Не ждите Марка Фигероя, он не придет. Великий противник правительства был уже ранен, когда появился майор Шурудан. Я не сумел спасти Фигероя, но отомстил за него. А перед смертью Фигерой поручил мне потребовать, чтобы вы...

Из-за угла показалась кучка мятежников. Они кричали, что солдаты теснят их из квартала в квартал, надо поскорее бежать.

— Приказывайте! — сказал Франциск Конраду. — Теперь вы командир.

Конрад поманил к себе летающего монаха, тот угодливо подбежал. Конрад много слышал об этом удивитель-

ном человеке. Антон Пустероде первым облачился в форму, которая его прославила и породила многочисленные подражания: гибкий панцирь с фонариками на плечах, заменившими доисторические военные погоны, и круглыми пластмассовыми крылышками на спине. Фонарики яркого света не давали, а крылышки в далекий полет не уносили, но мистический эффект обеспечивали. Когда летающий монах возносился над головами прихожан и прохожих, а в сумраке проникновенно сияли его фонарики, высвечивая худое, фанатичное лицо, людьми овладевал экстаз: кто только тихо плакал, кто надрывался в истошном вопле. Антон к тому же умел проповедовать и голосом был одарен мощным — утробно гремящим, зловеще проникновенным.

Конрад приказал летающему монаху:

— Прoberитесь к солдатам и возвестите им свыше, что майора Шурудана, командующего правительственными войсками, больше нет в живых и что восставших поведу в бой я, его убийца. А вы, Франциск, — обратился Конрад к предводителю мятежников, — соберите свой растерявшийся сброд в правильный отряд, поставьте засадой на углу — и, когда солдаты появятся, ударим на них. Думать о бегстве запрещаю! Теперь наша возьмет!

— Теперь наша возьмет! — восторженно повторил Франциск Охлопьян и кинулся строить мятежников.

По улице пронесся натужный рев. Летающий монах, взмыв на недостижимую для импульсаторов высоту, кричал о новых событиях. Голос Антона Пустероде не приближался и не отдалялся — солдаты, услышав его, так растерялись, что позабыли наступать. Летающий монах все снова повторял, что преступный командир правительственной армии казнен могучей рукой нового вождя восставших и что новый вождь готов помиловать всех, кто перейдет на его сторону, а офицеров правительства, сложивших оружие, хорошо награждает. И когда солдаты возобновили натиск, в нем уже не было ни той уверенности, с какой они всего час назад вытеснили мятежников из городских кварталов, ни автомати-

ческой дисциплины боя. Из-за угла выбежали несколько человек в форме, за ними показались остальные — нестройная кучка, охваченная сомнением и беспокойством. Франциск Охлопян мгновенно оценил перемену и громовым криком бросил мятежников в бой. Солдаты побежали, бунтовщики мчались за ними, восторженно импульсируя отстающих.

Конрад, увидев, как легко побеждает его воинство, хотел было и сам ринуться вдогонку, но Внутренний Голос мощно крикнул: «Стой! Справятся без тебя». Личный охранник Конрада, бывший солдат Микаэл Убуби, не подозревая, что его начальник в этот миг прислушивался к своему Внутреннему Голосу, но заметив его колебания, поспешно сказал:

— Господин мятежный вождь, вам лучше оставаться здесь, пока ваши подчиненные не отрапортуют о победе.

Первым вернулся Антон Пустероде. Летающий монах так устал, что не снизошел с высоты, а неуклюже плюхнулся на грунт. Он сиял не только фонариками на плечах, но и всем своим худым неистовым лицом.

— Даже крылья вспотели! — похвастался он, вытирая рукой поникшие пластмассовые кружочки. В отличие от летающих монахов низшего ранга, крылья которых состояли из трех дисков, у Антона Пустероде они были пятидисковыми — он и возносился выше, и летал быстрее. Правда, когда Пустероде примкнул к мятежу, правительство постановило лишить его обоих крыльев, но мятежники не дали унижить знаменитого проповедника. Антон Пустероде самодовольно продолжал:

— Вам понравилась моя вдохновенная речь, господин вождь? Мне кажется, я блестяще раскрыл всем врагам вашу блестящую роль в нашей победе.

— Победы еще нет, не слышу рапорта о ней, — надменно возразил Конрад: Внутренний Голос приказал ему разговаривать только начальственным тоном.

— Победа уже близка, — предсказал летающий монах, и из-за угла выбежал ликующий Франциск Охлопян; за ним торопились другие мятежники.

— Победа! Полная победа! — возгласил предводитель бунтовщиков. — Солдаты сдаются в плен! На нашу сторону перешло восемь офицеров, больше трети вражеских командиров. Мы овладели всем городом! Городские власти, наши воины и бывшие сторонники правительства ждут вас в ратуше. Все хотят знать, какие блага вы нам возвестите.

«Иди и возвещай!» — приказал Внутренний Голос, и Конрад ответил предводителю мятежников:

— Ведите меня. Будут блага, равные блаженству, пусть никто в этом не сомневается.

Конрад шел по городу, окруженный отрядом мятежников, — верный охранник, бывший солдат правительства Микаэл Убуби шагал позади, защищая от коварного удара в спину, — и внутренне терзался. Надо было до появления в ратуше выстроить программу возвещаемых благ и блаженств, но без Внутреннего Голоса такой план не осилить, а он в этот важнейший момент бормотал что-то невразумительное. Чтобы протянуть время, Конрад останавливался у каждого поврежденного здания, спрашивал, из какого орудия импульсировали дом, были ли убитые, или всем удалось скрыться в подвалах.

— Разрушений хватало, — радостно объяснял Франциск Охлопян, — правительство не церемонилось с людьми, в каждом оно видело потенциального врага. И не ошибалось, — с гордостью похвалился руководитель мятежников, — ибо не было дома, где бы нас не прятали, хоть при этом и проклинали, — честно добавил он. — Зато и солдатам досталось, когда они побежали. Вот что значило ваше появление у нас, господин Конрад! Великолепный поворот событий! Мы ждали нашего дорогого вождя Марка Фигероя, но с ним и отдаленно не связывали столь радостных надежд, какие сейчас уже стали не надеждами, а реальностью.

Радостное признание руководителя мятежников пробудило Внутренний Голос. Он мигом набросал программу поведения, широкими мазками высветив обстановку. «Победа мятежа — это твоя, Конрад, личная победа. Не двинься

ты по правой дороге, была бы не победа, а разгром. Отсюда первый вывод: ты достоин высшего почета как единственный спаситель мятежников. Принимай знаки славы и уважения без благодарности, как должное, а не наградное. Как назвал тебя этот психоватый верзила? «Господин Конрад» — так он сказал. Поставить нахала на место! Ты не какой-то их неудачный божок Марк Фигерой, трусливо бежавший от правительственного дракона Фердинанда Шурудана, — пусть до всех дойдет величие твоих дел».

Так говорил — горячо и убедительно — Внутренний Голос, и Конрад Подольски понимал, что и на этот раз, как и всегда, должен вести себя по советам своего верного друга и руководителя. Но в какие конкретные поступки воплотить свое твердое решение взойти на вершину величия?.. «Поступай в зависимости от обстоятельств», — мудро посоветовал Внутренний Голос.

Обстоятельства немедленно указали решение.

— Представлять вас городским сановникам буду я, — сказал летающий монах. — Как бы вы повелели именоваться? Марка Фигероя мы называли просто вождем, иногда более скромно — великим Фигероем. Но ваши заслуги, несомненно, выше и глубже, я бы даже осмелился выразиться, они более пылающие. Вы не находите, что формула «пылающая заслуга» — единственно точная?.. Может быть, государь или император?

— Я человек скромный, и эти выпренные наименования — вождь, великий, император — мне не по душе, — спокойно ответил Конрад. — Вы просите, чтобы я повелел... назвал вам свой чин и ранг? Вот так и зовите меня — Повелителем. И даже без господина. Не господин Повелитель, а просто Повелитель. Скромно и значительно, не так ли?

— Удивительно скромно, необыкновенно значительно! — восторженно заявил Антон Пустероде. — Я бесконечно горд, Повелитель, что моя просьба повелеть нам... что она воодушевила вас возложить на себя сан Повелителя. Повелитель, Повелитель!.. Какое гордое слово, как его радостно произносить! Как почетно будет выполнить повеление Повелителя!

Отряд мятежников двигался по-прежнему медленно, и тусклая Москита уже успела закатиться, когда показалась ратуша — трехэтажное здание на десять окон в каждом этаже. Ратуша мощно возвышалась над одно- и двухэтажными домами великого города — Анатра имела почти километр в длину и больше полукилометра в ширину; все остальные города планеты, вместе взятые, не могли бы сравниться со столицей. Конрад еще в детстве дважды побывал в Анатре и с тех пор не мог забыть ее красоты и богатства. И сейчас он многое бы отдал, чтобы безмятежно пошляться по улицам, любясь изысканностью таверн, роскошью вертепов, удобствами ночных логовищ — он как-то побывал с отцом в одной такой ночлежке. И во рту у него надолго остался восхитительный вкус варева, проданного им на последний отцовский медяк, которое отец уважительно назвал гороховой баландой. Но сегодня Конрад не мог дать себе волю. Он непроизвольно облизнулся при воспоминании о гороховой баланде, но спохватился — и не позволил окружающим догадаться, какие плотские вожделения им овладели. Ибо он теперь был не праздным зевакой с двумя-тремя монетками, позвякивающими в кармане, а Повелителем — и должен был вести себя соответственно сану.

У входа в ратушу его встретили отцы города — три величавых седобородых старика. Конрад прошествовал с ними внутрь, отряд мятежников остался на улице. Со спины Конрада по-прежнему страховал бывший солдат, а ныне верный охранник Микаэл Убуби; с боков, на почтительном отдалении в два шага, двигался предводитель мятежников, могучий рыцарь Франциск Охлопьян и проповедник Антон Пустероде, главный летающий монах планеты, создатель крылатого воинства, насчитывающего, как он с гордостью поведал Повелителю по дороге в ратушу, уже ровно четырнадцать отважных и красивых летунов, не считая его самого. Сановники расселись на парадных сосновых пнях у стены, а Конрад устроился на троне, вывезенном еще с Земли — в качестве богатого трофея, о чем свидетельствовала почтительно сохраненная бирка: «Кресло-кровать. ТУ 22.1-4531789012-010-2108. 2134 год».

Летающий монах вышел вперед и возвестил собранию, что на Марите произошел успешный, досрочный и внеплановый переворот. Успешен он потому, что правительственная армия сложила оружие. А досрочный оттого, что совершился раньше положенного времени. С того незабываемого дня, когда отряд Архидео Марадоны, покинув Землю на захваченном им звездолете, высадился на Марите, прошло ровно 105 лет, и в этот не такой уж огромный исторический интервал вместились ровно 35 государственных переворотов. Иначе говоря, они совершались с точностью астрономического события каждые три года. А этот возник на год раньше, ибо правление военного вождя правительства майора Фердинанда Шурудана стало поистине нестерпимым, и его великий противник, Марк Фигерой, министр экономики, счел нужным поднять народ на досрочный мятеж. А внеплановость бунта в том, что, во-первых, благодаря его досрочности в душах солдат не накопилось достаточно отвращения к правительству и армия поддержала майора Фердинанда Шурудана, хотя не только на улицах, но и в казармах майора и шепотом и громко именовали страшным драконом и он сам, это точно известно, гордился своим несколько нехорошим прозвищем. А во-вторых, ни Шурудан, ни Фигерой не одержали победы — наоборот, оба погибли; а исход мятежа непредвиденно решил новый человек, удивительный человек Конрад Подольски, принявший на себя титул и сан Повелителя. Итак, в связи с вышеизложенным мятеж против ныне не существующего майора Шурудана следует считать не мятежом, а освободительным переворотом, что же до последующего, то пусть сам Повелитель объявит свои повеления.

— Прежде чем высказать повеления, прошу ознакомить меня с обстановкой. Что в Анатре и в других городах?

Отвечал старший из трех отцов города. Анатра покорна своему Повелителю. Обстановка в городе объявлена мирной. Уже открываются бытовые и увеселительные заведения — пивные таверны, танцевальные вертепы, пищевые берлоги, трущобы для командированных, подвалы для по-

ченных гостей, а также казематы для торжественных приемов. Отцы города, конечно, знают, что при государственном перевороте победители требуют благодарственных денег. На этот случай заранее подготовлен особый, неприкасаемый — в мирное время, естественно, — денежный фонд. Но в связи с досрочностью и внеплановостью переворота... Денег меньше, чем, возможно, потребует Повелитель.

— Все деньги передать армии, — повелел Конрад. — И срочно собрать такую же сумму для моих личных государственных нужд. Слушаю дальше.

Франциск Охлопян доложил, что положение в армии стабилизируется. В Анатре правительственные войска побеждены, в других городах они без сопротивления переходят на сторону Повелителя. Он с радостью извещает, что все двадцать три офицера армии высказались за новую власть. Такой ошеломительно быстрой, такой всецело полной победы еще не бывало ни при каких прежних переворотах. В знак особого величия произошедшего надо бы выдать каждому офицеру поощрительную награду или наградное поощрение. Если Повелитель не возражает, для этого можно использовать благодарственный финансовый дар города Анатры.

— Не возражаю. Как настроение крестьянства?

О настроениях крестьянства доложил летающий монах:

— Крестьянство затаилось в своих хижинах. Крестьян гораздо больше, чем горожан — почти шесть тысяч по налоговой переписи, — но они исстари ненавидят всякую власть. Крестьяне на Марите традиционно скупы, и хотя правительство никогда не требовало от них больше половины их доходов, но и эту жалкую мзду без армии не сыскать. А ведь половина доходов крестьянства — тот минимум, без которого власть не может функционировать. И безвременно погибший великий Марк Фигерой, и злой дракон Фердинанд Шурудан в этом единственном пункте были одного мнения. Слушаю повеления относительно крестьянства.

Конрад злорадно вспомнил, как кричал отец, выгоняя его из дому. Отец не был способен понять, что Конрад со-

зрел для великих свершений. Пришло время показать ему, как страшно он ошибался в сыне. Конрад прислушался к Внутреннему Голосу. Тот гремел так мощно, что его могли услышать и со стороны. «Что я тебе обещал, если пойдешь по правой дороге? — разливался Внутренний Голос. — Ты теперь верховная власть, вот ты на какой высоте! Но власть тем выше, чем она властней. Соображаешь? Руби и круши — в том истинное величие властной власти. Пусть отец и жалкие соседи почувствуют твою руку!»

— Как относились крестьяне к правлению Фердинанда Шурудана? — спросил Конрад, хотя и сам знал ответ: его часто произносил отец, сопровождая сказанное жуткими проклятиями.

— Ненавидели! Они-то и прозвали его государственным драконом.

— Значит, крестьяне рады, что мы освободили их от дракона?

— Не сомневаюсь ни единой минуты, Повелитель!

— И они благодарны нам за освобождение?

— Как может быть по-иному, Повелитель?

— Тогда повелеваю: пусть крестьяне в благодарность за освобождение от старой власти вручат новой власти дополнительно к старым налогам, равным половине их доходов, еще одну десятую. Итого шесть десятых. Сбор шестидесятки поручаю офицерам армии, которые получают поощрительную награду. Повеление ясно?

— Вполне ясно, Повелитель, — объявили в один голос бывший предводитель мятежников, а ныне командир правительственных войск Франциск Охлопьян и летающий монах, ныне министр экономики Антон Пустероде. Конрад объявил им о новых должностях, когда они подходили к ратуше, — и оба жаждали функционировать.

Конрад сказал, что хотел бы отдохнуть, ибо день был трудный. Старший из отцов города отвел Повелителя в роскошные апартаменты. Это была обширная комната на два окна с настоящей кроватью, тремя стульями, умывальни-

ком и ковриком у порога — все предметы обстановки были еще с Земли. Конрад подошел к окну и долго всматривался в ратушную площадь. По ней ходили радостные солдаты, то один, то другой возглашал: «Слава Повелителю!» Москита закатилась, и темная звездная ночь нависла над городом. Звезды лихорадочно мигали; раньше Конрад не мог смотреть без содрогания на слишком живое ночное небо, но сегодня оно его не пугало. В Конраде фонтаном било молчаливое ликование. Внутренний Голос не обманул. Правая дорога была верной. Осуществлены самые яркие мечты, самые несбыточные надежды. Никому до этого не известный — кроме злого отца, разумеется, — он теперь всеуслышанно славится на всех улицах великой Анатры, а в ней живет более тысячи маритян. Завтра же вся Марита с восторгом и признательностью будет твердить его имя!

Вместе с Конрадом в его однокомнатные апартаменты вошел и бывший солдат Микаэл Убуби.

— Ты чего? — спросил Конрад.

— Буду лежать на пороге. — Микаэл Убуби показал на роскошный потертый коврик у двери. — Теперь я от вас ни на шаг. И каждого, кто осмелится!.. Можете положиться на меня, Повелитель, расправлюсь не хуже, чем вы с грозным майором Шуруданом.

— Грозному майору досталось, — скромно согласился Конрад.

— Еще как! — восторженно воскликнул бывший солдат. — Боже мой, кто бы мог подумать, что найдется человек, который так смело, так ловко... Простите, Повелитель, но когда вы неподвижно стояли под дулом моего импульсатора и я ждал лишь команды великого майора Шурудана, чтобы импульсировать вас вдоль и поперек... В общем — вы были такой бледный, такой растерянный, что и в голову не могло прийти, что одним прыжком... Голова кружится, когда вспоминаешь! Такая небывалость! Спите спокойно, Повелитель, после такого дня нужно хорошо отдохнуть. Я позабочусь, чтобы сюда никто и носа не сунул.

Бывший солдат, а нынче личный охранник Повелителя растянулся на коврике и спустя минуту смачно захрапел. Для человека, гордящегося своей бдительностью, он мог бы делать это и не так громко. Конрад смотрел на Убуби. Было, конечно, приятно, что тот своевременно подал добрый совет расправиться со страшным майором, а теперь добровольно и восторженно вызвался в личные охранники — Конрад понимал, что без охраны небезопасно. Но он предпочел бы, чтобы ему не напоминали, каким бледным и растерянным он выглядел в исторический момент. Внутренний Голос проворчал: «Поставь ты этого болтуна на место, иначе он наворотит!» Конрад еще раз посмотрел на Убуби, обдумывая, как поставить его на место: верный охранник не стоял, а лежал, заливисто храпя. И он был на своем месте — на полу, у ног Повелителя.

За два дня в Анатре восстановился порядок. Как и пообещали отцы города, открылись все пивные таверны, танцевальные вертепы, пищевые берлоги, гостиничные ночлежки, подвалы для больших пиров и казематы для торжественных приемов. Из других городов приходили добрые вести: везде признавали власть Повелителя, везде торжествовали по случаю гибели майора Шурудана. Летающий монах порадовал Конрада, что в одном городишке из самых заплеванных некий горожанин публично высказался так: «Хрен редьки не слаще!» — и странная эта фраза, по письменному объяснению сказавшего, немедленно от него затребованному, означает высшую степень одобрения. Сам Антон Пустероде был склонен именно к такому толкованию, хотя и не знал, что такое хрен и что такое редька, и в толковом словаре языка Мариты тоже не нашел значения этих слов.

Зато сообщения из деревень не радовали. Скупые крестьяне, и раньше не жаловавшие пятидесятипроцентное изъятие доходов, услышав о шестидесятке, поголовно как с цепи сорвались. Кое-где дополнительные десять процентов приходилось изымать под дулами импульсаторов. На исходе недели летающий монах, ныне министр экономики, до-

ложил о возмутительном происшествии, случившемся неподалеку от Анатры на маленьком хуторе.

— Хозяин того хутора схватил дубину и кинулся на предводителя отряда. Еле-еле удалось его усмирить. А когда ему благожелательно разъяснили, что дополнительное изъятие совершается по вашему личному указанию, он разбушевался еще сильнее. По долгу службы обязан известить вас, что он яростно кричал непотребные слова — вроде: «В гробу я видел вашего Повелителя! Буду дубиной охаживать его повелительную задницу, как не раз охаживал!» И прочее в том же духе. Предводителю отряда пришлось импульсировать старого буяна. А потом он узнал, что старик носил ту же фамилию, что и вы, Повелитель. Он опасается, что казнил вашего родственника.

— Нет, казненный мне не родственник, — спокойно сказал Конрад. — Предводитель поступил правильно. Передайте ему мою благодарность.

Все же спокойствие далось ему нелегко. После ухода министра экономики Конрад заметался: то ли печеночные колики терзали, то ли совесть грызла. Он не любил отца — отец не терпел сына. Но никогда их свары не раскалялись настолько, чтобы он пожелал отцу смерти. И, дерзя и возмущаясь, он сохранял сыновнее почтение. Он и бежал-то для того, чтобы в запале не перейти его границ. А сейчас отец погиб по приказу сына, пусть и не прямому. Он стал косвенной, но все же жертвой сыновних повелений. И Конрад в поисках утешения отчаянно воззвал к Внутреннему Голосу. Внутренний Голос отозвался без промедления. «Старик, я тебя понимаю! — горько сказал он. — Боже, как я тебе сочувствую! Такое горе нелегко пережить, но пережить надо. Страна нуждается в твоём ясном уме, в твоей твердой воле, в твоём безмятежном спокойствии, и потом, между нами говоря, больно уж шепутной он был, твой безвременно погибший отец. Он единственный не верил в твоё величие и делал все, чтобы оно не осуществилось. Он был тебе не только отцом, но и врагом, так это нехорошо получает-

ся. И нет сомнения, что он бы не ограничился руганью, после того как узнал, что ты — Повелитель. Он такую бы на тебя покати́л телегу! Попросту не дал бы достичь той великой цели, которую тебе предназначала судьба. Сколько бы людей погибло, разожги он восстание, а он бы перед этим не остановился. Так что его маленькая личная смерть спасет от общественных потрясений, от сотен других смертей. С государственной точки зрения надо одобрить его гибель. Вот так оно очень непросто и очень закономерно получается, старина! Возьми себя в руки и успокойся!»

Аргументы Внутреннего Голоса были объективны и убедительны. Конрад взял себя в руки и успокоился.

Вскоре, однако, возник новый повод для угрызений. Командующий войсками Повелителя, майор — он теперь стал майором — Франциск Охлопьян, информировал Конрада, что его верный охранник Микаэл Убуби повел себя плохо. Бывший солдат свергнутого правительства собирает молодых воинов и рассказывает, как импульсировали великого Фигероя и презренного Шурудана. И так расписывает, каким растерянным и жалким выглядел тогда Повелитель, что солдаты удивляются.

— Байки такого рода подрывают основы государственного строя, — высказал твердое убеждение майор Охлопьян.

— Что вы предлагаете, майор?

— Прикажете своему охраннику держать язык за зубами, Повелитель.

Конрад промолчал. Внутренний Голос орал, заглушая все мысли: «Гнать его, пса! Вот же гад! Такую клевету на тебя!» Но, стараясь не выдать, как яростно голосит в нем Внутренний Голос, Конрад холодно произнес:

— Сомневаюсь, чтобы такой запрет был эффективен. Прошу вас прислать другого охранника. Человек, который не может защитить мою честь, не способен охранять мою жизнь.

— Как прикажете поступить с государственным изменником Микаэлом Убуби?

— Сделайте так, чтобы у него больше не было возможности совершать государственные измены.

— Понимаю, Повелитель.

Теперь на коврике у двери спал другой охранник — молодой, статный, молчаливый. Конрад немного поогорчился, что понадобилось убрать словоохотливого Микаэла Убуи: тот все же был хоть и некрасив до уродливости, но добродушен и незлобен. И он первый поверил в величие Конрада. Внутренний же Голос запальчиво твердил, что человек, безответственной болтовней бросающий тень на светлый лик Повелителя, заслуживает самого жестокого наказания и что даже вспоминать его нечего, ибо не следует загружать свою память теми, кого уже нет на свете.

Новые доклады министра экономики окончательно отвлекли Повелителя от тяжелых воспоминаний.

— Я пролетел по всей Марите. Везде славят ваше имя, Повелитель! — восторженно делился новостями летающий монах. — В вашем восшествии в повелительность многие видят чудо, считая, что без божественного участия не обошлось. Я слышал, как один говорил о вас: «Послал же его Бог нам на голову!» — а другой высказался еще определенной: «Ну и шутку вытворил Господь!» Некая божественность присваивается вашей личности как ее важный государственный признак. Этим великим историческим фактом надо воспользоваться.

— Как это понимать, министр? — милостиво заинтересовался Конрад. Лишь большим усилием воли он не разрешил себе запрыгнуть в кресле. Внутренний Голос побрякивал от удовольствия.

— Шестидесятка идет плохо, — откровенно сказал министр. — Солдат бесит неразумное сопротивление крестьян. Уже в трех деревнях применялись импульсаторы. Если бы назвать ваши приказы велениями свыше...

Предложение летающего монаха было хорошее, но недостаточное. Внутренний Голос перестал восхищенно побрякивать и заговорил по-деловому: «Не кусочничай, не ме-

лочись! Размахивайся пошире! Сколько раз повторять, что тебе нужны величайшие посты в этом мире. А какой пост — величайший? Усек, болван?»

— Почему бы не объявить себя богом? — спросил Конрад. — Повелитель и Господь Конрад Подольски... Звучит внушительно и просто. Скромное титулование: «Ваша божественность» вместо «Ваше величество», тем более — «Ваша повелительность». А вам присвоим ранг летающего ангела.

Летающий монах впал в тихое обалдение и так вытаращил глаза на Конрада, словно увидел у носа змею. И поперхнулся ответом, будто проглотил лягушку.

— Да, конечно. Господь Бог Конрад Подольски... Все очень, очень просто... Но, видите ли...

— Не вижу, — строго ответил Конрад. — Объясните определенней.

Летающий монах кое-как справился с растерянностью.

— Отличнейшая идея, хотел я сказать. Ваша удивительная голова рождает ошеломительные проекты... Однако любое божество отличается от смертного тем, что способно сотворить чудо. К сожалению, ваши уникальные способности не простираются до творения чудес, Повелитель.

— Вы сами сказали, что многие видят чудо в моем вступлении в повелительность.

Было ясно, что министр экономики дошел в своем преклонении до предела, и дальше идти не осмеливается.

— Чудо совершено, так сказать, с вами, а не вами. Вы появились чудом, но сами Марите чудес не явили.

— Я предвидел такое возражение, — спокойно сказал Конрад. — И я его опровергну. В пещере Альдонса хранится звездолет, на котором наши предки 105 лет назад прилетели с Земли. При посадке он получил большие повреждения, его не могли восстановить целое столетие. Но сейчас он способен к новому полету. И это совершил механик Бартоломей Хапи, большой друг моего отца. Отец говорил, что Хапи в своем деле способен творить чудеса. Чудо в наше время, министр, — научно-техническая проблема, не так ли? Я ве-

лю Бартоломею Хапи разработать аппаратуру для чудотворения. Когда она будет в наших руках, ничто не помешает провозгласить меня Богом, а вас — летающим ангелом.

— Слушаюсь, Повелитель. Но если Бартоломей Хапи...

— Мы летим в Альдонсу. Пусть командующий войсками подготовит правительственный стреломобиль. Майор Охлопян полетит с нами.

Пещера Альдонса была огромной. В глубине ее хранился звездолет «Гермес». Его столетие восстанавливали три поколения механиков. Только четвертый мастер из рода Хапи сумел добиться успеха. Правда, он честно предупреждал, что не уверен в длительности полета — о возвращении на Землю пока и не мечтать.

Бартоломей Хапи, хмурый, рослый мужчина, так посмотрел на прибывших вельмож, что это могло сойти за вызов. А официальное «Слава Повелителю!» скорей напоминало: «Убирайтесь к чертовой матери!»

— Вам ясна ваша задача, Бартоломей Хапи? — осведомился Конрад, изложив причины приезда.

— Мне ясно, что это не моя задача, — грубо отпарировал механик.

— Не понял. Изложите вторично и доходчивей.

— Вторично и доходчивей будет так: никакой аппаратуры для творения чудес не получите. Даже не мечтайте об этом.

— Да вы понимаете, механик, с кем говорите? — закричал командующий армией майор Охлопян. — Повелитель Мариты заставит вас склонить колени.

Только этого окрика не хватало, чтобы механик Бартоломей Хапи окончательно съехал с глузду.

— Повелитель? — заорал он, размахивая рукой перед лицом побледневшего Конрада. — Отцеубийца, а не повелитель! Моего лучшего друга, своего родного отца подставил под дуло импульсатора! Тиран и кровопийца, вот ты кто! И помочь тебе еще сильнее зверствовать?

— Да вы мятежник! — воскликнул майор. — Бунт против законного Повелителя!

— Сегодня еще не мятежник. Но завтра им буду! А сейчас проваливайте, пока я не сжег вас огнем двигателей звездолета.

Конрад поспешно отошел от разъяренного механика. Внутренний Голос приказал: «Этот урод способен на все, а твоя жизнь нужна государству!» Командующий армией и министр экономики шли за Повелителем, как побитые собаки. Бартоломей Хапи прокричал им вслед несколько прощальных проклятий. Конрад вскочил в стреломобиль. В воздухе Внутренний Голос обрел временно утраченную смелость и сменил страх на гнев. «Грош тебе цена, если простишь оскорбление», — прорычал он. Конрад обратился к своим помощникам:

— Мне кажется, этот мерзкий тип, механик Бартоломей Хапи, — государственный изменник. Как по-вашему?

— Очень опасный изменник, — мрачно подтвердил майор Франциск Охлопян.

А министр экономики добавил:

— Ходят слухи, что этот негодяй со своими сообщниками вынашивает планы бегства на Землю на восстановленном звездолете.

— Значит так, майор, — сказал Конрад. — Завтра он намерен поднять бунт, вы сами слышали это. Повелеваю сегодня ночью выслать в Альдонсу вооруженный отряд и импульсировать Бартоломея Хапи и всех, кто встанет на его защиту.

— Через час отряд вылетит. И никакое чудо не спасет мятежного механика. Утром я доложу вам о его заслуженной казни.

Утром перед Конрадом появились оба его помощника. По их взволнованным лицам Конрад понял, что надо ждать нехороших вестей. Чудо все-таки произошло. Механик Бартоломей Хапи не только взбунтовался сам, но и подговорил солдат, что пришли его импульсировать. Мятежный отряд движется на столицу. Надо противопоставить бунтовщикам верное войско.

— Какие есть возможности, майор? — спросил Конрад.

— Одна, но хорошая. У восставших нет вождя. Бартоломей Хапи может ремонтировать звездолеты, но не способен командовать армией. А у верных вам солдат, Повелитель, имеюсь я. Я поведу армию на подавление мятежа и ровно через час восстановлю государственное спокойствие.

Майор Франциск Охлопьян ушел, а Конрад продолжал обсуждать с министром экономики, как завершить взимание шестидесятки. Прошел час, но майор не возвратился. Через два его тоже не было. Внутренний Голос приказал Конраду встревожиться. Конрад, встревожась, велел летающему монаху узнать, что с командующим армией. Антон Пустероде ушел, но скоро вернулся и с порога закричал:

— Измена! Майор возглавил мятежников. Армия взбунтовалась. Только охрана вашей резиденции еще верна.

Внутренний Голос так растерялся, что не проронил ни слова. Летающий монах продолжал:

— Я сам возглавлю верных вам солдат, Повелитель. Я полечу во главе их навстречу мятежникам. Я заклею измену гневным словом, испепелю мятеж огненным проклятием. Даю вам торжественное обещание: через час армия снова склонится перед вашим величием.

Министр экономики, летающий монах, будущий летающий ангел Антон Пустероде убежал, а Внутренний Голос, обретший дар речи, закричал: «Беги, не то погибнешь! В глухой заначке тот стреломобиль, на котором ты прилетел с несчастным Микаэлом Убуби. Спасайся, пока машину не захватили мятежники!»

— За мной! — велел Конрад молодому охраннику и побежал на улицу.

Стреломобиль стоял в том же укрытии у продовольственного склада, где его спрятали Конрад с Убуби. Чтобы добраться туда, нужно было пробежать половину города. К счастью, улицы были пусты, никто не задержал Конрада с его охранником. На каком-то повороте охранник отстал. «Сбежал, предатель!» — мрачно констатировал Внутренний Голос. Конрад один прокрался к стрело-

мобилю. Влезая на сиденье, Конрад услышал глас с небес. Над продовольственным складом пронесся летающий монах, натужно ревя: «Солдаты, все на штурм ратуши! Смерть кровопийце Повелителю!» Голос его затих вдали — Антон Пустероде не разглядел с высоты, куда спрятался кровопийца. Конрад быстро вывел стреломобиль на улицу и взмыл в воздух. Управление машины было простым, но Конрад не сумел проворно сложить крылья и пролетел над городом не стрелой, а стрекозой. Воздушная охрана засекала его побег, за стреломобилем ринулась погоня. Крылья наконец втянулись, но погоня вошла в стреловидность раньше и поэтому догоняла. За Конрадом гнались три машины. Он различил в передней Франциска Охлопяна с импульсатором на коленях и Антона Пустероде с импульсатором в руках. Конрад резко вывернул стреломобиль на посадку. Внизу тянулись заросли колючего кустарника, они давали надежду на спасение. Конрад выскочил из машины и ринулся в дебри. Стреломобиль врагов, не приземляясь, пронесся над ним, и оба — майор Охлопян и летающий монах, так и не ставший летающим ангелом, — разом полоснули из импульсаторов. Мучительная боль свела все клетки тела Конрада.

Он упал лицом в колючий кустарник — и очнулся.

ЛЕВАЯ ДОРОГА

Конрад сидел на камне у развилки дорог. Тусклая красноватая Москита выплывала из-за горизонта. Мир был уныл и невыразителен. От долгого сидения на холоде свело тело. Конрад встал и потянулся.

— Я, кажется, заснул, и мне приснился отвратительный сон, — сказал он себе. — Вроде бы я пошел по правой дороге, и там со мной произошло что-то ужасное.

Что сон был плох, Конрад понимал отчетливо, но никак не мог вспомнить, что в нем было плохого. Это случалось и раньше: в мозгу разворачивались удивительные видения, а потом оставалось лишь смутное ощущение необычайно-

сти — и ни единой ясной картины. Впрочем, сегодня хороших снов можно было не ожидать. Безобразная ссора с отцом не стимулировала радужные фантазии. Зато физически Конрад ощущал себя словно подкрепившимся. Домашняя свара порядком взвинтила нервы — сон дал им отдых.

— Так по какой дороге все же идти? — спросил себя Конрад, и тут заговорил Внутренний Голос:

— Милок! — сказал Внутренний Голос очень недовольно. — Твой сон вещий, хоть ты его и не запомнил. Опасайся, дорогой, правых дорог, они неправильны. Шагай подальше от них. Послушай — и не расскаешься.

Конрад зашагал по левой дороге.

Поначалу левая дорога мало отличалась от главного шоссе — такая же широкая, прямая, утрамбованная красной щебенкой. А дальше она сузилась, искривилась, ушла вбок и запетляла между холмами, поросшими колючим серо-зеленым кустарником. Конрад взобрался на небольшую высотку и огляделся. Вокруг лежал неприветливый, однообразный мир: скудная растительность на каменистом грунте, тусклое и пустынное — ни единой тучки — небо и торопливо скользящая по нему холодная Москита, лишь слегка освещающая, но не животворящая. И чем дальше уходила левая дорога, тем скудней становился пейзаж — от него начинало сводить скулы и ныли зубы. Впереди не виделось ни хорошего, ни плохого.

— Занес меня черт на эту дурацкую левую дорогу, — с укором сказал Конрад своему настойчивому Внутреннему Голосу.

Внутренний Голос хмуро, но без твердой уверенности проворчал: «Иди, иди! Шагай, раз начал шагать!»

Конрад выругался, но послушался. На каком-то обходе одного из бесчисленных холмов щебенка кончилась, дальше дорога была непроезжей. Впрочем, Конрад двигался пешком, его мало тревожили рытвины, колдобины и выбоины, вздутия и валуны. Однако ноги все же уставали быстрее. Он присел на придорожный камешек и с минуту отдыхал. Внезапно из кустов он услышал приглушенный стон. Стон

повторился и перешел в тихий плач. Плакал ребенок и, по всему, плакал так, чтобы не привлечь ничьего внимания. Конрад раздвинул кусты и пробрался вглубь. В гуще кустарника притаился мальчик лет двенадцати. Лицо его было измазано грязью, залито слезами. Он с таким страхом посмотрел на Конрада, словно боялся, что тот его убьет. Конрад улыбнулся, присел рядом. Страх у мальчика не проходил. Он полулежал, обхватив обеими руками правое колено, — видимо, оно болело.

— Ушибся? — спросил Конрад.

Мальчик ответил не сразу.

— Ушибся. — И сквозь слезы пояснил: — Бежал и упал на камень.

— Всегда вы, ребята, несетесь, не глядя куда. Дай я посмотрю, что у тебя.

Мальчик отшатнулся с таким ужасом, будто Конрад хотел не полечить, а оторвать больную ногу.

— Не надо, прошу вас! Уже почти не болит. Вот совсем уже не болит. Я сейчас встану, вы сами увидите.

Мальчик и вправду сделал попытку встать, но тотчас со стоном повалился на землю. Конрад ласково погладил его по голове.

— Да лежи, чудак. Не хочешь, чтобы я лечил твою ногу, — и не надо. Впервые встречаю трусишку, который так трясется при виде врача.

Мальчик, похоже, почувствовал себя обиженным.

— А вы разве врач? Вы, наверное, солдат.

— Нет, не врач, — сказал Конрад с сожалением. — Был бы врачом, я не посчитался бы с твоими протестами, а вылечил насильно. И не солдат тоже. Так от кого ты так сильно бежал, что с размаху налетел на камень? Подрался с товарищами?

— Я бежал от солдат, — сказал мальчик. Он глядел исподлобья: он не знал, как отреагирует Конрад на его признание.

— А как ты относишься к солдатам?

— Они начали драться на дороге, я испугался и побежал.

— Мог бы и не пугаться. Солдаты воюют не против тебя. Кстати, что это были за солдаты? Хотя откуда тебе знать...

— Я знаю. Мятежные солдаты Марка Фигероя напали на законных солдат Фердинанда Шурудана. У них произошел ужасный бой.

— Если ты так хорошо знаешь, кто за кого воюет, то, наверное, знаешь, кто кого победил?

— Победил Марк Фигерой. Мятежники погнались за солдатами Шурудана. А вы за кого?

— Я ни за кого. Я за себя. Кстати, меня зовут Конрад Подольски, а тебя?

— Меня — Кристиан Кренстон. Я сын Джозефа Кренстона, помощника Бартоломея Хапи, механика при звездолете.

— Слышал такую фамилию — Хапи. О твоём отце не слышал ничего. Что ты думаешь делать дальше, Крис?

— Помогите мне добраться до дома, господин Конрад. Мы живем неподалеку. Мой отец поблагодарит вас, вы отдохнете. Моя сестра сейчас дома, отец тоже, наверное, вернулся, он сегодня работал ночью.

— Видишь ли, Крис, — сказал Конрад, колеблясь. — Я тороплюсь в Анатру. В столице меня ждут важные дела. Можно сказать — важнейшие. Я должен тебя покинуть, дружок.

Мальчик явно боялся остаться в одиночестве:

— В столице сегодня ужасно воюют, господин Конрад. Я оттуда, там отовсюду стреляют, ни один житель не высывает носа на улицу. Вы не сможете там сделать никаких дел. Очень прошу вас, господин Конрад!

Внутренний Голос помог мальчику. «Пожалуй, он прав: нет смысла идти в столицу, если там стреляют, — внезапно став говорливым, убеждал Конрада Внутренний Голос. — Отведешь Крису домой, отдохнешь, перекусишь, познакомишься с отцом и сестрой. Взгляни, какой он хорошенький, этот сорванец, а сестра, наверное, просто красавица — с такой невредно и сойтись поближе. И вспомни: ты ведь всегда мечтал совершить что-то выдающееся,

вот тебе отличное первое деяние — помочь мальчонке: без твоей помощи он не доберется к своим!»

— Навязался ты на мою голову! — с досадой сказал Конрад не столько мальчику, сколько Внутреннему Голосу, а мальчику приказал: — Ухватись за меня и вставай!

Встать Крис сумел, но, ступив на больную ногу, вскрикнул, застонал и так побледнел от боли, что пришлось его подхватить. Мальчик, стоя на одной ноге и тяжело дыша, прижался к Конраду.

— Придется тебя нести, — сказал Конрад. — Вынесу на дорогу, а там оставлю и пойду за твоим отцом. Пусть он сам решает, что с тобой делать.

— Оставьте меня здесь, господин Конрад, — прошептал мальчик. — Я боюсь один лежать на дороге: там меня увидят солдаты. Вы не сердитесь на меня, я и вправду не могу идти сам.

— Дались тебе солдаты, Крис. Будто у них нет другого дела, как гоняться за тобой. Я понесу тебя. Держись крепче за мою шею.

Мальчик не был тяжелым, но дорога попалась из тех, по которым и без ноши шагать нелегко. Конрад минут десять нес Кристиана, потом усадил его на придорожный камень и опустился рядом. Кристиан, измученный, закрыл глаза. Он и вправду был красив: черные длинные кудряшки обрамляли худенькое лицо, а большие глаза подходили скорей девочке, чем пареньку. Конрад почувствовал нежность к робкому мальчишке, который сначала так испугался незнакомого мужчины, а потом настолько искренне доверился ему. «Навязался ты на мою голову», — тихо повторил Конрад.

— Отдохнул, Крис? Может, пойдем?

— Я не устал, это вы устали, господин Конрад. Я только ходить не могу. Я такая обуза для вас, господин Конрад.

— Пустяки! Неудобно, конечно, но не больше.

В какой-то момент Кристиан сказал, что скоро появится высокий холм, около него надо повернуть на боковую тропку — она приведет к его дому. У холма Конрад сделал при-

вал. Он хотел было присесть на обочине, но мальчик попросил его пройти чуть подальше, чтобы их не увидели с дороги: по ней часто ходят солдаты.

— Меня все-таки удивляет, Крис, твой страх перед солдатами, — Конрад сел рядом с мальчиком. — Что тебе до того, кто с кем воюет? Ты ведь не мятежник и не защитник правительства, ты слишком мал для этого. Или твой отец замешан в этой сваре? Ты что-то скрываешь от меня, а напрасно: я тебе не враг.

Кристиан старался не смотреть в глаза Конраду. Он действительно что-то скрывал.

— Не хочешь — не говори. В конце концов, твои тайны меня не касаются.

— Я скажу вам, господин Конрад, — прошептал мальчик, решившись. — Мой отец — конструктор больших стреломобилей.

— Ты сказал, что он — помощник главного механика пещеры Альдонса Бартоломея Хапи, — напомнил Конрад.

— Да, он помощник Хапи. Но он сконструировал два стреломобиля. Очень большие, на тридцать солдат каждый.

— Понятия не имел, что существуют такие гиганты. Где же они?

— Один в казармах у майора Шурудана, другим завладели мятежники Фигероя. Стреломобили повреждены, без отца их в воздух не поднять. И Шурудан, и Фигерой разыскивают отца, чтобы он им помог.

— Кому же помогает твой отец?

— Никому. Фигерой пригрозил отцу смертью, если он придет на выручку Шурудану. А Шурудан поклялся казнить нас всех, если отец поможет мятежникам.

— Положеньице! Как все-таки поступил твой отец?

— Он скрылся. Никто не знает, где наш дом: отец его недавно построил. А я побежал в город, чтобы передать в Альдонсу, что отца не будет в пещере, пока идет война. Мятежники Фигероя узнали меня, когда я подходил к городской квартире Бартоломея Хапи (я хотел передать новости через

жену главного механика). Меня задержали, но я вырвался из рук солдат и убежал.

Конрад покачал головой:

— Оказывается, опасно быть знакомым с тобой. Теперь я понимаю, почему ты боишься и тех, и других. Но ты уверен, что твоего отца не найдут?

Мальчик повторил, что никто не знает об их новом доме, кроме самого Хапи, а главный механик не выдаст своего помощника. Господину Конраду не нужно тащить его до самого дома. Господин Конрад может донести его только до маленького лесного озера, откуда они, он и сестра, берут воду. Он полежит там на берегу в кустах, а утром окликнет сестру, когда она придет за водой. Господин Конрад может спокойно уйти, когда положит его возле озера, и тогда никто на свете не узнает, что господин Конрад помогал сыну человека, которого стремятся захватить обе враждующие стороны.

— Навязался ты на мою голову, Крис! — с чувством повторил Конрад. — Но как же я на ночь глядя брошу тебя в кустарнике? Нет, уж я вызову твоего отца и сдам тебя с рук на руки. Или вручу сестре, если твой отец так спрятался, что и на голоса наши не отзовется.

— Сестра отзовется, если мы покричим ее, господин Конрад.

— Вот и отлично. Сестра старше тебя, Крис?

— На пять лет старше. Ей скоро семнадцать.

— Она добрая? Как ее зовут?

— Катарина. Она лучше всех на свете.

— Лучше всех на свете? Значит, и красивая?

— Самая красивая на Марите. Я слышал, как механик Бартоломей Хапи называл ее первой красавицей планеты.

— Вот видишь, красавица и вообще лучше всех. Я не могу оставить без присмотра раненого брата такой сестры. Обхвати мою шею крепче, Крис.

Конрад опять нес мальчика, с удовольствием прислушиваясь к Внутреннему Голосу. Внутренний Голос уверял, что благородство всегда было важнейшей чертой конрадовского

характера, только на этом попроще — в помощи всем, кто просит помощи — и найдет себя Конрад Подольски, прекраснейший из граждан Мариты, юноша высокого духа и выдающейся личной смелости. «Не понимал тебя твой хмурый вспыльчивый отец, когда уверял, что ты беспринципен и потому равно способен и на предательство, и на самопожертвование, — нет, и отдаленно не понимал он тебя, — горячо доказывал Внутренний Голос. — А вот посмотрел бы он, как ты несешь этого мальчонку и как он доверчиво прижимается к тебе; нет, поглядел бы только — и наверняка попросил бы прощения, ибо не дано ему постичь твою натуру, да и сам ты еще не полностью понимаешь, каких наград достоин».

Под сладкий шепот Внутреннего Голоса Конрад спрятал Кристиана под кустом и затаился сам. В небе пронесся стреломобиль, спустя минуту пролетели еще два. Низко над дорогой пронесся какой-то летающий монах — трубный рев донесся до обоих притаившихся путников и заглох в отдалении. Конраду показалось, что он узнает голос Антона Пустероде, самого известного из летунов. Впрочем, Конрад еще не видел его вблизи, только изредка слышал. Расстояние искажало голос, было неясно, за кого монах агитирует: то ли призывает к мятежу, то ли славит правительство. Увидев, что в небе больше нет ни грозных стреломобилей, ни опасных летающих монахов, Конрад двинулся дальше со своей живой ношей.

Он подошел к озерку, прошел по его берегу, пересек заросли кустарников и углубился в густой низкорослый лесок.

— Мы у дома, — сказал мальчик. — Поднимите меня повыше, я покричу. — Конрад приподнял его над своей головой, мальчик закричал: — Отец! Катарина! Это я, идите ко мне.

Он два раза звал родных, но из леса никто не откликнулся. Конрад потянул носом воздух — пахло гарью.

— Что-то случилось у вас дома, Крис. Пойдем посмотрим.

Гарью тянуло все сильнее, между деревьями поплыли струйки дыма. Конрад вышел на поляну и увидел охвачен-

ный пламенем домик. Мальчик заплакал и закричал, но никто не отозвался.

— Отец, Катарина, где вы? — плакал мальчик. — Где вы, отзовитесь!

— Полежи здесь на траве, — сказал Конрад, осторожно опуская Кристиана. — Я обойду домик и поищу. Вероятно, отец и сестра убежали от пожара. Но ты не двигайся, тебе нельзя напрягать больную ногу.

— Я буду лежать неподвижно, господин Конрад, — пообещал мальчик, давясь слезами. — А вы сами позовите их — они, наверное, недалеко.

Пройдя всего с десяток шагов, Конрад понял, что звать хозяев домика не нужно. У стены, противоположной от места, откуда они с мальчиком вышли, лежал пожилой мужчина, пересеченный по груди и по ногам лучом импульсатора. Он глядел в красноватое небо широко распахнутыми незрячими глазами. Был полдень, тусклая Москита стояла точно над мертвецом. А неподалеку лежала мертвая девушка. Возможно, при жизни она была красивей всех на планете, но разряд импульсатора изуродовал ее. Конрад оглянулся на мальчика. Крис не мог увидеть, что заставило Конрада остановиться и на что он сейчас смотрел. Мальчику нельзя было сообщать, какое несчастье случилось с его родными. Конрад очень громко и раздельно прокричал во все стороны:

— Джозеф Кренстон, Катарина! Отзовитесь! Идите скорей сюда! Вас ждет Кристиан.

После каждого выкрика он делал вид, что прислушивается, нет ли ответа. Внезапно кто-то ответил: из кустарника донесся тихий стон. Конрад быстро шагнул на голос. Шагах в двадцати от горящего домика лежал раненый солдат, рядом валялся импульсатор. Солдат устало взглянул на Конрада, с усилием прошептал:

— Ты кто, приятель? Подлый мятежник или наш?

— Не ваш и не их, — ответил Конрад. — Я сам по себе. Но я постараюсь вам помочь. Куда вы ранены?

— Не старайся, мне жить до вечера. Погляди, — солдат показал на правую ногу, и Конрад увидел широкую полосу от резанувшего по ней луча. — Кто получит такой импульс, тому крышка. Жаль, что ты не наш. Хоть бы отомстил бандитам Фигероя.

— Что здесь случилось? Почему горит дом? Кто убил старика и девушку? Если я не могу помочь вам, то хоть объясните, кому я должен мстить за гибель механика Кренстона и его дочери. Такое преступление не может остаться безнаказанным!

— Не было преступления, парень. Был приказ — и только! — Солдат говорил с трудом, но вполне членораздельно. — Нашли, где старик скрылся, и пришли брать. Сам майор велел его доставить. Он сопротивлялся, а ведьма девка вцепилась: «Отец! Отец! Не отдам!» Вырывала у меня импульсатор... Я ее полоснул. А тут мятежники Фигероя. Кто-то старика резанул, потом меня... Наши побежали, бандиты за ними. Я отполз. Буду здесь умирать. Жаль, что ты не наш, отплатил бы за меня. Возьми импульсатор, передай нашим.

Конрад поднял оружие и долго смотрел в лицо солдату. Потом сказал:

— Хорошо, что тебя уже импульсировали, я бы добавил.

— Так я и знал: мятежник, — равнодушно сказал солдат и устало закрыл глаза. Он был длинный, рыжий, ширококоротый, узколиций, на груди красовалась ленточка «За примерную службу». Он умирал бесстрашно. Он привык к чужим смертям и давно знал, что и сам умрет вот так: перерезанный смертоносным лучом, постепенно охватываемый окостенением. Не было причин относиться к своей гибели как чему-то чрезвычайному.

Конрад быстро отошел от него.

Мальчик посмотрел на него с таким страхом, что Конрад был вынужден улыбнуться — почти весело.

— Там в кустах лежит умирающий солдат. Он сказал, что они явились сюда, чтобы забрать твоего отца, но не нашли ни его, ни сестры. Очевидно, твои родные, узнав об их приближении, убежали. А потом нагрянули мятежники и напали на

солдат. Мятежники победили и сейчас преследуют удравших. Скоро они придут, чтобы схватить твоего отца. Но отец не вернется; он понимает, что, раз его убежище раскрыто, ему здесь больше не жить. Мы с тобой тоже уберемся: не хочется встречаться ни с воинами Шурудана, ни с мятежниками Фигероя.

— Вы уходите, а я останусь, господин Конрад, — тихо сказал Крис.

— И думать об этом не смей! Нужно тебе сталкиваться с разъяренной солдатней!

— Я не могу идти, а вам тяжело нести меня, господин Конрад.

— Это будет недолго: ты еще побежишь быстрее меня.

— У меня немеет нога, — пожаловался мальчик. — Я уже не чувствую ее. Даже перестала болеть.

— Покажи рану. Что ты стесняешься, как девочка? Лежи спокойно, я посмотрю сам, что можно сделать с твоей раной.

Мальчик запрокинул голову и закрыл глаза, приготовившись к боли. Конрад быстро стащил с мальчишки брюки. Ошеломленный, он молча глядел на черную полосу, наискосок протянувшуюся по ноге. Не было никакого ушиба — и никакой надежды. Кристиан попал под разряд импульсатора. Резонансный импульс, опалив одежду, убил живые ткани. Омертвление неотвратимо распространялось дальше — уже вся нога начинала чернеть. Время жизни Кристиана исчислялось теперь часами.

— Почему ты мне этого не сказал, Крис? — горестно воскликнул Конрад.

— Я боялся, — грустно ответил мальчик, снова открывая глаза. — Вы могли испугаться, что солдаты стреляли в меня. Как вы думаете, я умру, господин Конрад? Мне бы хотелось перед смертью повидаться с отцом и сестрой. Но, может быть, рана заживет! Я очень хотел бы, чтобы она зажила, господин Конрад!

— Ты встретишься с родными, я уверен в этом. А теперь — быстрее бежать, пока не вернулись солдаты или мятежники. Руки у тебя крепкие, не разнимай их.

Конрад торопился так, словно погоня была уже за плечами. У высокого холма, где тропка сливалась с левой дорогой, он положил мальчика на землю и осторожно выглянул из-за кустов, росших на крутом склоне. Дорога была пуста — в самый раз зашагать по ней, пока не появились солдаты или мятежники. Конрад, измученный, свалился около Кристиана. Мальчик был плох. Окостенение поднялось уже выше колена. Бледный, с запекшимися губами, он тревожно следил за каждым движением Конрада. Он понимал, что приближается час, когда случайно появившийся друг захочет оставить его, чтобы самому не попасть в беду. Конрад с отчаянием спросил себя: что делать? Внутренний Голос, вот уже два часа молчавший — видимо, от растерянности, — наконец внятно заговорил. «Навязался тебе на голову этот паренек с большими, как у девчонки, глазами, — пожаловался Внутренний Голос, — но как теперь от него отделаться? Он, конечно, умрет, но ведь пока живой! Всего благоразумней оставить его у холма, сказать, что идешь искать его родных, и скрыться. Но ты этого не сделаешь, я тебя знаю, дорогой, ты не покинешь беззащитного и еще не верящего, что он умрет. Хоть бы скорее он умер, раз уж ему не жить. Но все же он еще живой, он живой, этот несчастный мальчик, пойми меня, Конрад, мальчик еще живой! И у него нет другого защитника, кроме тебя!»

Из кустарника вдруг показался солдат и заорал:

— Сюда! Сюда! Мальчишка здесь!

Конрад схватил Кристиана и побежал по склону холма. Неожиданно он споткнулся и свалился в яму. Он хотел было снова вскочить и бежать дальше, но из кустарника появились новые солдаты. Впереди быстро шагал их предводитель. Конрад узнал Марка Фигероя, недавнего министра экономики, теперь вождя мятежников: портреты этого красивого рослого человека вместе с обещанием крупной премии каждому, кто доставит его живым или мертвым, были расклеены повсюду. Конрад скрючился в яме, прижимая к себе Крису, и выставил наружу импульсатор. Фигерой остановился в отдалении и закричал:

— Слушай, парень, ты кто — наш или враг?

— Не знаю, — ответил Конрад. — Еще не думал, кто я.

— Значит, будешь нашим. Опустим импульсатор, это не игрушка. Слушай меня внимательно. Мы видели, что ты тащил мальчишку, сына казненного нами механика. Механик перешел на сторону Шурудана — его уводили правительственные солдаты. В общем — он не достался ни нашим, ни вашим, ты меня понял, парень? Нам нужен мальчик. Он покажет, где отец спрятал чертежи большого стреломобиля, без чертежей не разобраться, как поднять машину в воздух. Да убери импульсатор, говорят тебе. Сейчас мы подойдем, и ты выдашь нам мальчишку.

Конрад обернулся к мальчику. Кристиан лежал с закрытыми глазами. Он потерял сознание, услышав, что его отца казнили. Конрад крикнул:

— Мальчик не может вам помочь. Он тяжело ранен и к тому же без сознания.

— Это не твоя забота, парень, в каком он состоянии. У меня есть добрый человек, который может заставить говорить даже мертвых. Да опустишь ли ты наконец импульсатор?

Конрад наставил ствол на медленно подходящего Фигероя:

— Стойте на месте! Я не отдам вам мальчика.

Фигерой остановился, сделал знак рукой — и с разных сторон на холм ринулись мятежники. Конрад услышал противное жужжание резонансных разрядов, визг взметнувшихся вокруг него мелких камешков и нажал на кнопку. Фигерой согнулся, переломился и покатился вниз по холму. Импульсатор был последней модели, со страшной убойной силой, к тому же сразу включен на полную мощность: резонансный луч так перерезал тело вождя мятежников, что обе ноги отвалились сразу, за ними с плеч слетела голова.

Солдаты погибшего Фигероя с воплями помчались вниз и пропали в кустарнике. Минуты две-три Конрад тешил себя надеждой, что, потеряв начальника, они уберутся восвояси. Но металл, поблескивавший то тут, то там среди рыжих веток, свидетельствовал: враги замаскировались и ждут лишь

ночи, чтобы взять приступом рытвину, где оборонялся Конрад. Он с тоской посмотрел на небо. Тусклая Москита теряла и ту жалкую яркость, с которой пробиралась по небу днем. Наступал вечер — вероятно, последний в жизни. Конрад в отчаянии и бешенстве воззвал к Внутреннему Голосу — что делать? Но Внутренний Голос потерянно молчал: он не знал — что. Мальчик по-прежнему лежал с закрытыми глазами, без памяти, по бледным щекам катились капельки пота, он тоже не мог ничего посоветовать. «Навязался ты на мою голову, — с грустной нежностью подумал Конрад. — И тебя не спасу, и сам погибну». Он посмотрел вверх. О том, чтобы искать спасения внизу, не приходилось и думать: там были разъяренные солдаты. Но, может, удастся прокрасться наверх с мальчиком на руках? Не найдется ли там неожиданного пути к спасению?

И тут Конрад услышал тонкое пение стреломобиля. Он летел на полной скорости — со втянутыми крыльями. Это была обычная боевая машина на двоих: Конрад увидел в кабине водителя и стрелка с импульсатором. Стреломобиль пролетел и мигом пропал вдаль. Видимо, пассажиры что-то заметили: машина повернула назад, выбросила крылья и зависла над холмом, как стрекоза. «Будет меня обстреливать», — со страхом подумал Конрад, но с холма по машине ударили импульсы — и стрелок в стреломобиле провел по кустам резонансным лучом. Конрад услышал крики: теперь в машину били уже с десятков лучей, отчетливо видных в красноватом сумраке вечера. Затем из-за холма вынырнули еще два стреломобиля и выбросили наружу крылья. Сумрак сгущался, и лучи с земли и на землю становились все отчетливей. Конрад весь сжался, чтобы сражавшиеся его не заметили. Если бы удалось продержаться до полного захода Москиты, можно было надеяться, что в пылу сражения мятежники его потеряют, а солдаты не заметят. Но издалека донесся трубный рев: над холмами показался летающий монах и сделал два круга в вышине. Обе стороны старались по нему не импульсировать: он только криком, а не оружием участвовал в сражении. Отец — Конрад это хорошо запомнил, — однако, часто

говаривал: «Больше всего боюсь этих крылатых бестий, ибо они все до одного — порождение Сатаны».

Вскоре Конрад понял, что кружащий над ним монах — знаменитый Антон Пустероде. Только у него на плечах так мрачно сияли фонарики погон, только ему могли принадлежать пятикружковые могучие крылья. Антон Пустероде, видимо, служил в правительственных войсках, ибо, заметив труп Фигероя, он радостным ревом оповестил своих, что предводитель мятежников сражен. Конрад еще плотней приник к грунту. Если нашли тело Фигероя, то должны искать того, кто убил бывшего министра экономики. Внутренний Голос пискнул было, что правительство хорошо наградит убийцу своего главного врага и что поэтому больше не надо прятаться. Но Конрад не послушался его — и точно: в следующую минуту он убедился, что Внутренний Голос злостно ошибся. Летающий монах разглядел Конрада и дико завопил, что сын механика обнаружен и его надо хватать. Из двух стреломобилей, зависших над холмом, вывалились солдаты и кинулись к яме, где прятался Конрад. Антон Пустероде, низко кружа над холмом, работал наводчиком. Конрад повернулся к Кристиану. Мальчик открыл и снова закрыл глаза, что-то шепнул. Он умирал — это было ясно. Конрад встал во весь рост.

— Будь ты проклят, летающий дьявол! — крикнул он Антону Пустероде и выдал полный импульс.

И последним, что отпечаталось в мозгу Конрада Подольски — беспутного юноши, бежавшего от недоброго отца, — была картина вечернего сражения на высоком каменистом холме: вспыхивающие длинными нитями смертоносные лучи с земли и на землю, рушащийся с пронзительным клеточным импульсированным летающий монах Антон Пустероде и два бегущих солдата, которые не успели спасти своего крылатого соглядатая, но прибыли как раз вовремя, чтобы расправиться с самим Конрадом.

Конрад упал на скорчившегося на дне ямы мертвого мальчика — и проснулся.

СРЕДНЯЯ ДОРОГА

Конрад сидел на камне у развилки дорог. Тусклая красноватая Москита выплывала из-за горизонта. Мир был уныл. От долгого сидения на холодном камне свело тело. Конрад потянулся.

— Опять дурной сон, — сказал он с возмущением. — Словно бред внутри бреда. Но разве бывает так, чтобы во сне приснилось, что видишь сон?

Очевидно, бывает, раз с ним это случилось. Конрад не стал ломать голову над законами сновидений. Конрад злился: он видел два нехороших сна, возможно, даже один сон в другом, — но что в них происходило, вспомнить не мог. Да, приключения, да, удивительные события — но какие, черт побери? Было плохо, даже очень плохо — вот и все, что он помнил о них.

Конрад посмотрел на развилку. Все три дороги казались одинаковыми, но на двух случилось несчастье. Теперь он не мог даже приблизиться к ним. Правда, несчастья с Конрадом произошли во сне, а не наяву, но ведь сны бывают вещими. Надо было идти, его ждало яркое будущее, но на пустой развилке будущего не встретишь — это просто скучное, пустое, ничего не выражающее и ничего не сулящее местечко. Для уверенности он обратился к своему неизменному наставнику — Внутреннему Голосу. Правильно ли он поступит, выбрав среднюю дорогу? Внутренний Голос был из породы агитаторов, он не просто советовал и наставлял, а требовал, настаивал, горячо убеждал — Конрад знал его лишь таким. Но сейчас Голос только безапелляционно заявил: «Средняя — это воистину твоя счастливая дорога».

И Конрад зашагал по единственной не испытанной ни во снах, ни наяву дороге — средней.

Он шел неторопливо, предчувствуя, что ничего хорошего не случится. Дорога явно шла не в Анатру, а в сторону от города. Ни на дальнем, ни на близком расстоянии от столицы не было ничего привлекательного: ни крупных горо-

дов, хоть отдаленно напоминающих Анатру с ее огромным населением почти в тысячу человек, ни больших заводов. Все промышленные предприятия — отец почему-то называл их кустарными мастерскими; название, по всему, выражало особенное уважение — располагались в Анатре. Правда, была еще долина Альдонсы с ее обширной пещерой, где уже больше ста лет возились с поврежденным при посадке звездолетом, и Альдонса была как раз где-то там, куда шел Конрад. Но к пещере и близко не подпускали, да и что делать у звездолета человеку, ничего не понимающему в древней космической технике, — в ней, так говорил отец, теперь и сами механики не разбираются.

Над дорогой пролетели два стреломобиля. Они выбросили крылья и покружились над Конрадом, потом, словно взяв его в тиски, сели на дорогу — один впереди, другой позади. Из передней машины вышел высокий, красивый мужчина, Конрад сразу узнал его: портреты этого человека, Марка Фигероя, были развешаны на дорогах, правительство сулило почти состояние за доставку его живым или мертвым. Из второй машины выбрался вооруженный импульсатором солдат и бравый офицер, и его Конрад тоже узнал: за этого человека, Франциска Охлопяна, друга и правую руку вождя мятежников, тоже обещали солидный куш.

— Прохожий, ты наш или не наш? — строго спросил Марк Фигерой.

У Конрада перехватило дыхание — он не смог ничего сказать. За него ответил приблизившийся Франциск Охлопян:

— Господин Фигерой, даже слепой безошибочно увидит, что перед нами презренный солдат правительства, закамуфлированный под мирного прохожего. Если позволишь мне дать ему разок-другой по уху, он мигом признается, что шпионит в пользу проклятого майора Шурудана.

Конрад наконец обрел способность говорить:

— Нет-нет, господин министр экономики, я не шпион! Я никогда не служил в войсках правительства. Я не люблю правительство.

— Ты, парень, я вижу, знаешь меня, — сказал Фигерой, смягчившись. — Но я уже не министр экономики. Подлый интриган майор Шурудан, которого мы все — и ты, надеюсь, тоже — дружно ненавидим, возмутительно и незаконно выставил меня из правительства. За это он поплатится своей головой. Беру тебя, парень, к себе. Господин Охлопян, выдайте ему запасной импульсатор. Ты умеешь пользоваться оружием? Отлично. Полетишь в моем стреломобиле, будешь охранять меня от нападения в воздухе.

— Я бы все-таки поставил тебя к стенке, парень, — с сожалением сказал Франциск Охлопян, вручая Конраду импульсатор. — Тебе не кажется, что так было бы надежней?

— Нет, не кажется, господин Охлопян! — отрезал Конрад и на всякий случай поспешно отошел от человека, которого называли правой рукой вождя мятежников.

В мутном багровом воздухе показались светящиеся точки. К маленькой группке Фигероя прибыло подкрепление — три летающих монаха. Впереди мощно махал крыльями широкоплечий верзила с такими яркими фонариками на плечах, что их можно было разглядеть и за километр. И крылья у него выделялись: из пяти, а не из трех пластмассовых дисков каждое, да и диски покрупней. Два других летающих монаха были щупленькие, узкоплечие, со слабенько светящимися погонами, с трехдисковыми маломощными крылышками.

— Что случилось, почтенный Антон Пустероде? — спросил Фигерой крылатого верзилу. — Почему ты так мчишься, будто за тобой гонится проклятый Шурудан?

— Я спешу доложить, что Шурудан неподалеку и что его можно взять голыми руками, господин Фигерой. Отряд, им возглавляемый, в данную минуту взимает пятидесятку на соседнем хуторке. Солдаты так увлеклись грабежом, который они называют получением законных налогов, что их можно всех проимпульсировать, прежде чем они схватятся за оружие.

— Отлично. Сейчас мы нападём на них. Господин Франциск Охлопян, лети за нашим пешим отрядом и поведи его

в хутор. Я отправлюсь вперед выбрать позицию для внезапного удара.

Взгляд Антона Пустероде упал на скромно стоящего в сторонке Конрада. Летающий монах безмерно удивился:

— Посторонний? И с оружием в руках? Тебя еще не расстреляли, парень?

— Как видите, господин Пустероде, — хмуро ответил Конрад.

— Расстрел от тебя не уйдет, — успокоил его летающий монах. — Как тебя зовут? Конрад Подольски? Никогда не слыхал такого малозначащего имени и такой невыразительной фамилии. Впрочем, в списках казненных у меня хватает и недостойных имен, и возмутительных фамилий: ты будешь среди приличествующих тебе мертвецов.

— Надеюсь, что нет! — Конрад повернулся спиной к рыгочущему от удовольствия крылатому шпиону.

Марк Фигерой велел Конраду садиться рядом с собой. Второй стреломобиль и летающие монахи умчались. Конрад, как ему было приказано, бдительно всматривался в проплывающую внизу равнину. Впереди все было пусто и уныло. Позади, среди красноватых кустарников и невысоких рыжих холмов, двигался отряд мятежников, над ним стрекозой висел стреломобиль и реяли три летающих монаха. Марк Фигерой направил свою машину вниз и посадил на поляне, окруженной кустарником.

— Будем ждать прихода наших здесь, — сказал предводитель мятежников. — Проклятая солдатня проклятого Шурудана уже недалеко. Смотри, чтобы с той стороны к нам кто-нибудь не подобрался. Увидишь — не спрашивай кто, а сразу импульсируй: в той стороне наших нет.

— Лучше бы мне пролезть немного дальше, я бы охранял вас спереди, — несмело предложил Конрад.

Фигерой с подозрением посмотрел на него, подумал и разрешил. Конрад крадучись зашел за холм и прислушался. В кустарнике стояла неживая тишина: ни звука впереди, где, по донесению крылатого разведчика, злобствова-

ли правительственные солдаты, ни шороха позади, откуда пробирался отряд мятежников. Конрад в унынии запросил Внутренний Голос — что делать? Внутренний Голос высказался нерешительно: «Жди, что еще?» Ждать пришлось недолго. В кустах послышался шорох — мимо крался солдат правительства. Конрад осторожно попятился назад и доложил вождю мятежников:

— Господин Фигерой, в наше расположение проник солдат Шурудана.

— Далеко не уйдет, с той стороны идут наши, — ответил Фигерой. — Главное, чтоб они не двинулись всей армией, пока мы неожиданно не напали на них, ибо неожиданность — залог удачи.

Прошло еще несколько времени, и подошел отряд Франциска Охлопяна. Охлопян вел за ворот пойманного шпиона: жалкий коротышка солдат опасливо оглядывался — он знал, что его ожидает.

— Зачем ты пробрался в наше расположение? — строго спросил Марк Фигерой.

Шпион пробормотал, что его послал сам майор Шурудан — разведать, далеко ли мятежники. Он был из недотеп, которые со страху сразу во всем признаются и заранее покорно смиряются с горькой судьбой. Марк Фигерой заинтересовался, сколько солдат сейчас у майора Шурудана. Ответ шпиона Фигерою не понравился: отряд Шурудана был слишком велик, чтобы возникло хорошее настроение и можно было пожалеть пленника. Фигерой кивнул Конраду.

— Кончай его, парень, двумя хорошими импульсами крест-накрест, а мы посмотрим, как ты владеешь оружием.

Франциск Охлопян зловеще улыбнулся и наставил свой импульсатор на Конрада. Тотчас подоспел со своим оружием и летающий монах, — эта крылатая бестия, по всему, от души хотела прошить Конрада резонансным лучом.

— Прости, друг! — тихо сказал Конрад безнадежно застывшему пленнику и нажал кнопку пуска.

— Теперь ты наш, — удовлетворенно сказал Марк Фигерой. — Выброси в кусты эту падаль и отдохни, мы скоро выступаем.

Конрад повалился на землю. Его душило горе, но он не мог — и не смел плакать на глазах у мятежников. Неподалеку лежал убитый им человек — отныне он будет вечным упреком. Конрад заговорил со своим Внутренним Голосом. «Я отправился за славой, независимостью и богатством, — горько упрекнул он Внутренний Голос, — и ты посоветовал мне пойти по средней дороге. Я послушался — и куда пришел?» — «Еще не все потеряно, еще будет удача и слава, — пообещал Внутренний Голос без уверенности. — Ты можешь бежать: смотри, все лежат на земле — даже глаза закрыли, набираясь сил перед боем. Беги, и тебя ждет успех!»

Конрад сорвался с места и ринулся в кусты. Кто-то закричал, один мятежник погнался за беглецом. Конрад бежал изо всех сил, но преследователь догонял его.

Внезапно из кустов раздался властный возглас:

— Стойте оба! Немедленно остановитесь!

Обоих — Конрада и мятежника — окружила толпа солдат. Впереди бронированной башней возвышался сам грозный глава правительства майор Фердинанд Шурудан.

— Ты куда бежал? — спросил Конрада Шурудан. — А ты зачем гнался за ним? — обратился он к преследователю.

— Я бежал от мятежников, потому что они захватили меня. Я не воин, я простой крестьянин, — ответил Конрад.

— Я бежал за ним, потому что он бежал от нас, решив изменить нашему вождю Марку Фигерою, — честно признался мятежник.

— Один из вас враг, другой может стать другом, — постановил майор Шурудан. — Ты, парень, — сказал майор Конраду, — должен доказать, что тебе можно доверять. Импульсируй нашего врага, который едва не догнал и не импульсировал тебя самого.

Вокруг Конрада выстроились солдаты и направили на него оружие. Куда он ни поворачивался, на него смотрели

смертоносные дула. Никто не думал расправляться с мятежником, но Конрада, сделай он неверное движение, немедленно прошил бы десяток лучей. Конрад нажал на спуск, пленник зашатался и упал.

— Мятежники! — крикнул из кустов дозорный, и на поляну, где совершался допрос и расправа, вырвался отряд Фигероя. Майор Шурудан скомандовал отступление, и солдаты, отбиваясь лучами, в полном порядке отошли в глубь кустарника. Конрада глава правительства держал около себя. Охрана командующего страховала Шурудана позади и с боков. Вскоре показался какой-то хутор. Солдаты ввалились в дом и сараи. Майор Шурудан торжественно возгласил:

— Нас надежно защищают стены, а если мятежники сунутся на приступ, мы переимпульсируем всех как куропаток.

Марк Фигерой не хуже Шурудана понимал, что положение правительственных войск лучше, чем положение мятежников. Для поддержания духа бунтовщики исполосовали лучами стены дома и сараев, но на мертвый камень резонансные импульсы не действовали. Потом все вдруг затихло и в воздух взмыл летающий монах Антон Пустероде с белым флагом в руках.

— Переговоры! Переговоры! — трубно гремел Антон Пустероде. — Переговоры! Не импульсируйте!

Он сделал два круга над убежищем майора Шурудана, плавно опустил крылья, притушил светящиеся погоны и ловко юркнул в домик. Переговоры начались с дикого ора — его сквозь стену слышали все: майор Шурудан зло грохотал, Антон Пустероде зычно ревел, затем голоса стали тише, потом и вовсе смолкли. На поляну вышли майор Шурудан с летающим монахом, и Антон Пустероде во всю мощь заголосил:

— Вечный мир! Вечный мир! Великий майор Шурудан, глава правительства и главнокомандующий, жаждет братски прижать к сердцу своего лучшего друга и любимого министра великого Марка Фигероя. Вечный мир! Вечный мир!

Из дома и сараев выскакивали солдаты, из кустов выбежали давешние мятежники, а теперь верные слуги правитель-

ства. Все радостно орали: «Вечный мир! Вечный мир!» Майор Шурудан трижды торжественно облобызался с Марком Фигерою. В честь примирения недавние враги радостно проимпульсировали багровое небо резонансными лучами. Взгляд Марка Фигерою упал на Конрада, тоже выбежавшего из дома, но из осторожности не совавшегося вперед.

— Это ты, негодяй! — гневно воскликнул Марк Фигерою. — Знаешь, мой друг, этот мерзавец пристал к нам и объявил себя мятежником, — сообщил Фигерою Шурудану.

— Нет, он пристал к нам и объявил себя слугой правительства, — возразил майор Шурудан.

— Чтобы доказать, что он предан мятежу, он собственноручно убил твоего разведчика, дорогой майор.

— Чтобы доказать верность правительству, он собственноручно казнил одного из твоих людей, дорогой Фигерою.

— Ах, предатель! — воскликнули они оба одинаковыми голосами, и Марк Фигерою обратился к майору Шурудану:

— Чтобы закрепить нашу дружбу, прошу тебя, дорогой майор, выдать мне этого негодяя, чтобы я мог его публично казнить.

— Нет, это я прошу тебя в ознаменование нашего вечного мира отдать мне этого двойного изменника на публичную казнь, — ответил майор Шурудан.

— В таком случае — казним его вместе, ибо он предал каждого из нас.

Конрада поставили в центре полянки перед домом, солдаты Шурудана встали справа, воины Фигерою зашли слева. Антон Пустероде сверкал плечевыми фонариками и победно ревел, рея над обреченным Конрадом. Внутренний Голос отчаянно завопил: «Беги, беги, пока жив, не то, говорю тебе, точно казнят!» И Конрад ринулся в кустарник, опрокинув на землю Марка Фигерою и так тяпнув ногой Шурудана, что тот взвыл. Солдаты сперва растерянно попрыгали и потолкались, потом пустились преследовать беглеца. Но Конрад спасал собственную жизнь, а преследователи ничего не спасали и потому не усердствовали. Они вскоре отстали так далеко, что и голосов

уже не было слышно. Конрад, однако, бежал все так же отчаянно и не остановился, пока не выскочил на затерянную в кустарнике полянку, на краю которой стоял домик. Перед домиком была скамейка. Здесь, измученный, он и свалился.

На скамейке сидел жилистый старик и молча глядел на Конрада. В неистовстве бега Конрад примчался к собственному дому, откуда недавно с таким облегчением удрал на широкую волю — отец с хмурым любопытством ждал, как поведет себя Конрад дальше.

— Я вернулся, как видишь, — прошептал Конрад и с трудом встал на ноги.

— Я знал, что ты вернешься, Конрад, — сказал отец. — Я всегда верил, что ты не вовсе потерял совесть, хотя к этому шло. Расскажи теперь, что тебе пришлось пережить за этот день. Судя по тому, как ты рвался сквозь кусты, другая жизнь не принесла тебе радости.

Отец еще не закончил, а Конрад сразу вспомнил, что испытал на трех дорогах. Все восстановилось в памяти с такой яркостью, словно было только что пережито и уже не казалось трижды одолевшим сном, а было как бы трижды повторенной явью. Отец слушал и кивал, потом сказал:

— Не уверен, что реально было, как ты рассказываешь, но что должно было быть именно так, убежден. Потому что в тебе бог смешан с чертом и ты равно годен и на зло, и на добро, и на подвиг, и на позор. И не ты командуешь обстоятельствами, а они — тобой, хотя тебе кажется иначе. А как ты себя поведешь, зависит не так от тебя, как от обстановки, ибо каждая найдет в тебе, что ей нужно. Сколько раз я колотил тебя, но так и не выколотил неопределенности из твоего характера. И еще бы надо подубасить — да бесполезно.

— Отец, ты же не будешь отрицать, что я не инертен, не безучастен, не равнодушен...

— И много других «не». Активен, активен, даже чересчур. На нашей проклятой планете это чаще всего ведет к катастрофе.

— У меня под рукой нет другой планеты, отец.

Отец долго вглядывался в Конрада — крепкий старик, словно вырубленный из плотного узловатого дерева, с густой, как смола, кровью — не жиденькой водицей. Его жесткую руку Конрад хорошо знал, его советами и наставлениями пренебрегал, слушая только свои Внутренние Голоса. Но сейчас Внутренние Голоса молчали, и Конрад был готов выслушать самый жестокий совет — лишь бы он был полезен.

— Есть такая планета, сын. Сто лет назад группа людей улетела с Земли и обосновалась вот на этой скудной, поганой Марите. Здесь мы постепенно вырождаемся, истребляем один другого в бесчисленных мятежах и кратковременных захватах власти. Возвращайся на Землю, сын. Уверен, там не обстоятельства командуют людьми, а люди обстоятельствами. Надо же, чтобы где-нибудь в мире было местечко, где не дорога выбирает тебя, а ты — дорогу. Только не ошибись с выбором: сосредоточься на главном, а не на побочном, реализуй основные, а не второстепенные свои способности. И ты будешь стоять ровно столько, сколько реально стоишь. Не больше — но и не меньше.

— Слышал, слышал: Земля — прародина, утраченный рай, — сказал Конрад с досадой. — Но в знаменитой и затхой пещере в ущелье Альдонса все эти сто лет покоится поврежденный звездолет. И нет надежды, что его восстановят для самостоятельного похода.

— Его уже восстановили, Конрад. Механик Бартоломей Хапи и его опытный помощник Кренстон закончили долгий ремонт. И они тайно подготовили группу людей, мечтающих о прародине. Завтра они улетают. Мне тоже предложили присоединиться, я отказался.

— Почему? Разве ты не мечтаешь о рае?

— Мечтаю, Конрад. Всегда мечтал. Но я слишком стар для такого полета. Другое дело — ты. Ты сможешь еще увидеть зеленую горячую Землю — уверен, уверен, что она именно такая!

— Резон в этом есть, но я устал, отец. Сколько сегодня было событий на этих трех дорогах! Ты говоришь — отле-

тают завтра утром? В таком случае ночь я посплю, а на рассвете ты меня разбуди. Что я должен сказать твоему другу механику Бартоломею Хапи?

— Только то, что ты мой сын и что я послал тебя. Этого будет вполне достаточно для побега на Землю.

— Впервые ты убедил меня, отец. Цени мою покладистость. Теперь не буди меня до утренней Москиты.

Конрад направился к дому, но отец задержал его:

— Боюсь, у тебя не будет ночи для отдыха, Конрад. Прислушайся к шуму в кустах. Вон там, там...

Он показывал в сторону, откуда прибежал Конрад. Из кустов доносился треск далеких шагов, Конраду послышался даже трубный рев Антон Пустероде.

— Это солдаты Шурудана и Фигероя! — воскликнул Конрад. — Они разыскивают меня. Что делать, отец?

— Отдай мне свой импульсатор и беги! На час я их задержу, а за это время ты пробежишь половину пути до пещеры Альдонса. Торопись, Конрад, твои враги приближаются.

Конрад опрометью кинулся бежать. У зарослей он оглянулся. Отец торопливо сложил баррикаду из бревен, залег за ней, направил импульсатор на кусты. Конрад не видел отцовского лица, но не сомневался, что оно светится торжеством. В годы военной службы отец хорошо овладел импульсатором и собирался теперь применить свои знания на пользу делу — он давно об этом мечтал.

ОСТРОВ, НЕ ОТМЕЧЕННЫЙ НА КАРТЕ

Доктор Альфред Сток узнал, что им заинтересовалось учреждение, именуемое НИО, и что он должен представить в тамошний отдел кадров справку о происхождении и список напечатанных работ. Сообщив Альфреду Стоку эту новость, Верховный Скакун акционерного научного това-

рищества «Кони Армагеддона», он же профессор экспериментальной метафизики Норман Ковальский, с воодушевлением добавил:

— Вы знаете, как я вас люблю, доктор Сток. И можете не сомневаться: я сделал все возможное, чтобы обрисовать вас в пронзительно благоприятном свете. Экспертов НИО буквально ошеломило, когда я сказал, что, по вашей собственной оценке, разработанная вами теория острого внутримолекулярного резонанса нигде, никогда, никем, никоим образом и ни для какой цели не может быть применена и что в данном пункте я с вами полностью согласен. Знаменитый Л. Г. Гордон, профессор абстрактной модалистики, радостно воскликнул: «Это как раз то, что нам нужно!» Можете считать, доктор Сток, что ваше научное будущее обеспечено. Но надо постараться, дорогой Альфред, предупреждаю со всей дружеской категоричностью: надо постараться!

Доктор Альфред Сток написал в автобиографии с тонко рассчитанной откровенностью:

«Мой отец был помесью норвежца и эфиопа, мать из древнего испанского рода, но кое-что взяла и от своих индейских предков. Родился я на греческом теплоходе под либерийским флагом, который (теплоход, но также и флаг) в момент моего рождения плыл во французских территориальных водах, что мне кажется весьма существенным. Восприимчивыми у постели матери были капитан-голландец, судовой врач-китаец, акушеркой пригласили посудомойку из эскимосок. Впрочем, это не слишком отразилось на моем генотипе. Признаюсь попутно, что учился в Дюссельдорфе и считаю немецкий своим родным языком. В университете, приняв магометанство, вступил в тайное общество «Мечи ислама», но не ужился с Куртом Попельманом, ведущим мечом товарищества. На последнем курсе я сменил «Мечи ислама» на «Коней Армагеддона» и с тех пор числюсь в этой научной ассоциации Грузовой Лошадью № 6, то есть без предварительной стажировки удостоился весьма высокой ученой степени».

Спустя несколько дней доктора Стока пригласили на собеседование к профессору абстрактной модалистики Л. Г. Гордону, которого Верховный Скакун ассоциации «Кони Армагеддона» считал знаменитым, но о котором сам Альфред Сток до этого не слышал ровным счетом ничего. Л. Г. Гордон сидел в обширном кабинете, носил на плечах генеральские погоны, был молод и важен и слегка смахивал на бульдога. Некоторые слова он не произносил, а вылаивал.

— Весьма удовлетворительная биография. — Генерал-профессор одобрительно похлопал по бумаге, написанной Стоком. — Порода — всекосмополитических кровей. Теперь Армагеддон. Это тоже подходит. Наши консультанты говорят, что Армагеддон, по библейским преданиям, — место последней битвы человечества. Последняя битва еще не скоро, но плацдарм нужно подыскивать заранее. Впрочем, это шутка, доктор Сток. Короче, мы предлагаем вам поработать на НИО. Я имею в виду ИВН, хотя кое-кто его называет ИНВ, что, как вы понимаете, довольно остроумно, но вместе с тем не очень основательно.

Профессора в генеральских погонах Альфред Сток еще не встречал и со свойственной ему осторожной любознательностью пожелал узнать, чем вызвано приглашение в загадочное ИВН, или ИНВ, как выразился эксперт по не менее загадочной модалистике. Генерал, вероятно, считает, что доктору Стоку хорошо известно значение терминов НИО, ИВН и ИНВ, но, к сожалению, это далеко не так.

— Прекрасно, — сказал генерал. — Скажу сильней: было бы очень печально, если бы вам без пояснений стала ясна природа каждого нашего наименования. Это свидетельствовало бы о плохой работе службы камуфляжа, разве не так? НИО — это не термин, а остров в океане. Можно назвать его и Научно-исследовательским Островом, на это мы согласны. Что до ИВН, то это Институт Возможных Невозможностей, а ИНВ, наоборот, Институт Невозможных Возможностей. Теперь вам понятно, что оба наименования в сущности столь различны, что остроуты по этому поводу, с

одной стороны, нетактичны, а с другой стороны и даже со всех других сторон — поверхностны.

— Совершенно верно, поверхностны и нетактичны, — поспешно согласился доктор Сток, судорожно стараясь скрыть, что впадает в тихое обалдение. Обалдение ему удалось не показать, но другие недостатки своего характера, в прошлом причинявшие ему немало огорчений, он преодолеть не сумел и, поколебавшись, бросился в рискованное продолжение: — Но... не кажется ли вам, генерал-профессор, что есть какая-то логическая неувязка в высказывании «невозможная возможность», а равно и в противоположном — «возможная невозможность»?

Генерал-профессор не рассердился, а скорей одобрил, что собеседник решается на скептические замечания. Он так широко осклабился, что на расстоянии, отделявшем его от Стока, это надо было воспринять не как попытку укусить, а как улыбку.

— В школьной логике одинаково невозможны и возможные невозможности и невозможные возможности, доктор Сток. Но на НИО препарируют законы природы без обращения к школьной логике. Природа, как доказал один популярный древний деятель, допускает то, что и не снилось нашим мудрецам. Наш долг воспользоваться ее щедростью. Теперь вы понимаете, какой восторг у всех нас вызвало известие, что вы совершили открытие, которое никто, нигде, никогда, никоим образом и ни для какой цели не сумеет использовать. Остальное узнаете на острове. Вы еще не бывали в так называемом раю? Уверен, наш благословенный НИО превзойдет ваши самые смелые фантазии на эту тему. Кстати, настоящий рай от острова недалеко, за нешироким проливом. Но там такой ералаш и сумятица... Впрочем, это другая проблема. Я больше не задерживаю вас, доктор Сток.

Доктор Альфред Сток не переставал удивляться неожиданному повороту своей жизни, пока отнюдь не радовавшей удачами: до сих пор его в основном поджидали падения, а

не взлеты. А если и встречались прыжки, то лишь через внезапно возникающие провалы на жизненной дороге — и не всегда он прыгал удачно. В самолете, прижавшись лицом к окошку и стараясь разглядеть меняющиеся краски океана, он мысленно выстраивал длинную таблицу своих неудач. Прошлогодний разрыв с женой, которая не захотела жить без денег, числился в этом мартирологе не самым крупным, но одним из самых обидных событий: доктор Сток имел глупость, так он сам определил это для себя, чрезмерно полюбить эту красивую, своенравную женщину. «Каждый умирает в одиночку, — сказала жена на прощанье. — Вся ваша жизнь, Альфред, это непрерывное умирание хороших начинаний. Ведите ее без меня».

Океан был везде одинаковым — и разным. Доктор Сток впервые летел над такой пространной водой, его поразило, как меняется ее цвет с каждым часом полета: на рассвете океан был светлее неба, потом, к полудню, потемнел, стал из желтовато-зеленого зеленовато-синим, просто синим, почти черным и снова, уже к вечеру, высветился. Теперь небо темнело, а вода светлела, она отливала золотом — и показалось, что все в мире поменялось местами: небо уходило вниз, океан раскидывался наверху.

Когда доктор Сток уставал разглядывать океан и небо, он посматривал на пассажиров. Внешний вид соседей не располагал к общению. Их было человек десять, все мужчины, все безукоризненно одетые, но если бы их одели в тряпье, доктор Сток голову дал бы на отсечение, что все они недавно бежали из тюрьмы и в скором времени будут водворены обратно. Интересней других выглядел сосед справа — рослый мужчина с плечами штангиста, руками боксера и лицом потрепанного Мефистофеля: на бычьей шее высилась удлиненная голова с бледным морщинистым лицом, острыми глазами, могучим носом и тонкими, синеватыми, кривыми — легкой синусоидой — губами. Облик завершала выдвинутая копьём борода и седая распатланная шевелюра, пучки жестких волос на висках могли вполне сойти за

рожки. Мефистофель заметил, что доктор Сток нет-нет да и бросит в его сторону взгляд, и заговорил первый.

— Что я хотел сказать вам, доктор?.. — сказал он глуховатым, чугунного звона баском.

— Альфред Сток, — подсказал доктор. — Химическая физика.

— Профессор Арчибальд Боймер, экспериментальная астрология, — представился Мефистофель. — Хотя наши научные интересы далеки один от другого, уверен, вы слышали обо мне.

Об Арчибальде Боймере доктор Сток, конечно, слышал. Верховный Скакун научного товарищества «Кони Армагеддона» Норман Ковальский, друг и начальник Альфреда Стока, отзывался о Боймере кратко и содержательно: «Жуткий болван!» И тут же объяснял свою не так доказательную, как ругательную квалификацию: «Дорогой Альфред, опыт в нашу эпоху завоевывает все позиции. Я создал экспериментальную метафизику, и в этом нет ничего сверхъестественного. Ибо метафизика — это что? Если перевести буквально — нечто за физикой, то есть учение об общих свойствах бытия. А любую форму бытия сегодня можно смоделировать на компьютере, а стало быть, и подвергнуть экспериментальному исследованию. Но астрология!.. Это же учение о влиянии небесных светил на жизнь человека! Экспериментировать с расположением светил? Искусственно отгонять Марс от Юпитера? Приближать Венеру к Меркурию? Чушь, не правда ли?» Доктор Сток вспомнил энергичную научную ругань своего руководителя — и это отразилось на его разговоре с постаревшим Мефистофелем.

— Итак, вы хотели мне что-то сказать, профессор Боймер?

— Хочу сделать маленькое предложение: продайте мне одну имеющуюся у вас вещицу.

Доктор Сток знал, что рискованно крупно шутить с незнакомцами, но не справился со своим дурным характером.

— Вы хотите купить мою душу? А за какую цену?

— У вас есть душа? — холодно поинтересовался специалист по экспериментальной астрологии. — И давно вы это обнаружили?

— Всю жизнь чувствовал, что за душой у меня есть только душа и ничего кроме. И я ее высоко ценю — возможно, за отсутствием более ценного имущества.

— Людям свойственно самообольщаться, — непреклонно установил Мефистофель. — К вопросу о вашей душе мы вернемся позже. Нет, я хотел бы приобрести нечто гораздо более примитивное, к тому же не вполне законно вами захваченное. Я говорю о наполняющем вас ощущении благодности.

— Ощущение благодности? Я вас правильно понял?

— Абсолютно правильно. Открою вам маленький секрет, доктор Сток. Генерал-профессор Лесли Говард Гордон сообщил мне, что моим соседом в полете будете вы, и любезно дал прочитать вашу автобиографию. Несложные вычисления с применением тензорного анализа показали, что вашу судьбу определяет противостояние Венеры и Юпитера, осложняемое бесцеремонным вторжением Марса и диким хаосом проносащегося неподалеку астероидного облака. А ведь от шальных астероидов хорошего ждать не приходится... Короче, эн-мерная матрица вашего бытия засвидетельствовала, что определяющие свойства вашей психики — уныние, подавленность и неверие в свои интеллектуальные способности. Между тем вот уже одиннадцать часов вы пребываете в радужном настроении: у вас радостно блестят глаза, когда вы смотрите в мутную темь океана, будущее, я хорошо это разглядел, предстает вам неправоммерно сияющим. Непорядок, не правда ли? Короткое вычисление на моем карманном компьютере показало, что на вас случайно и незаконно снизошло то, что по расположению светил принадлежит не вам, а вашему будущему начальнику Джону Паолини. Добавлю, что лечу на НИО исключительно для того, чтобы ввести Паолини в принадлежащее ему благорасположение. Но вы...

— Ничего не я! У меня свое настроение, у неизвестного мне Паолини — свое. Ничего не имею против того, чтобы мы оба радовались.

Что ученый астролог, так сильно смахивающий на Мефистофеля, вышел далеко за границы простой логики, Сток понял сразу. Дальнейший разговор только укрепил это убеждение. Астролог пространно доказывал, что количество благоприятных комбинаций светил ограничено, и потому число людей, пребывающих в благодущии, не может превзойти предельную для данного времени норму: соответственно, имеется верхний предел и для людей, коим силой небесных светил суждены на эти часы неудачи, горе и дурное расположение духа. В этих условиях очень нежелательны искусственные перепутывания судеб, а это, к сожалению, случается: человек, предназначенный к вполне обоснованному унынию, вдруг беспричинно впадает в восторг. Он, профессор Арчибалд Боймер, убежден, что доктор Сток понимает неосновательность своего благодущия и, следовательно, столь же отчетливо должен осознавать, что благодущие это, собственно, не его, а чужое, присвоенное — и из-за этого другой человек обделен хорошим настроением.

— Мое хорошее настроение определено личными причинами, — возразил доктор Сток. — Ибо я лечу в место, которое мне охарактеризовали как рай, и буду вести там интереснейшие исследования.

Рожки на висках Мефистофеля встопорщились, чугунные звоны голоса стали глуше.

— Условимся о значении терминов «рай» и «ад». Вам, надеюсь, ясно, что рай для дьявола — это ад для святого. Люди — мешанина из святости и чертовщины. Не откажите в любезности сообщить, как вы относитесь к числу тринадцать?

— Тринадцать для меня счастливое число.

— Значит, черта в вас больше, чем ангела, доктор Сток. Хорошим людям не везет по тринадцатым числам, а плохим все удается.

Доктор Сток сделал попытку обидеться:

— Мы с вами еще как следует не познакомились, а вы уже обзываете меня дурным человеком, профессор Боймер!

— Я знаю вас, — хмуро сказал астролог. — На вас бросил взгляд приближающийся к Венере Марс. У Марса тяжелый взгляд, можете мне поверить. Столько зла ждешь от этой зловредной планеты!

Доктор Сток заметил, что остальные пассажиры самолета не прислушиваются к его странному разговору с ученым астрологом, похожим на Мефистофеля. Все молча сидели в креслах, размышляя или похрапывая. У тех, кто дремал, мышцы расслаблялись — и с лиц сползали предписанные им выражения, после чего они становились еще больше похожими на рожи обитателей тюрем. Доктору Стоку не нравились пассажиры. И если он с внутренним смешком вспоминал забавные разглагольствования профессора Боймера, а сам облик специалиста по экспериментальной астрологии вызывал иронию, то вид остальных пассажиров беспокоил доктора Стока: ему казалось, что он попал в плохую компанию.

Стюардесса объявила, что самолет приблизился к месту посадки, но внизу был все тот же темный, из иллюминатора казавшийся еще и немного выпуклым океан. Доктор Сток спросил Мефистофеля, где же, собственно, остров. Не на воду же им садиться!

— Остров сейчас откроют, — проворчал астролог. Только теперь доктор Сток понял, что они давно уже кружатся над одним местом: солнце быстро перемещалось справа налево, обходило самолет сзади и снова накатывалось с правого бока. Но внизу по-прежнему ничего не было, кроме выпуклой — дном вверх — чаши темной воды. Астролог счел нужным успокоить доктора Стока:

— НИО прикрыт силовым экраном. Установят, что мы — те, кого ждут, и раскроют объятия. Через час будем в гостинице.

Внизу разлился широкий голубоватый свет. Вначале он был просто шаром сияющего тумана — шар взметнулся из недр океана, устремился вверх, достиг самолета, окутал его,

ушел дальше в небо. Под крыльями открылся город — рядные здания и парки. Самолет плавно — как вертолет — сел на желтую гравийную площадку. Пассажиры чинно выходили наружу. К доктору Стоку подошел высокий, средних лет мужчина с приветливым лицом и с такой величавой фигурой, что казался древней статуей, сошедшей с пьедестала.

— Меня зовут Спадавеккия, — проговорил он звучным, торжественным голосом. — Хирон Спадавеккия, если не возражаете, доктор Сток. Вас ждут в гостинице. Вы хотели номер тринадцатый, не правда ли? Мы освободили его.

— Я не высказывал желаний, чтобы для меня освободили занятый номер, — заметил доктор Сток.

— Вы объявили, что тринадцать для вас счастливое число. Такое объяснение равносильно приказу. Наша обязанность создавать всем радость существования на НИО.

Доктор Сток поискал глазами Арчибальда Боймера — сказать о тринадцатом числе мог только он. Но профессор экспериментальной астрологии пропал, словно его и не было. Хирон Спадавеккия усадил Стока в роскошный лимузин, сам сел за руль. Для человека величественного, как античный бог, он был неплохим шофером. Гостиница выглядела королевским дворцом, а не обителью для случайных приезжих. Номер тринадцатый состоял из трех комнат, не считая ванной, — та тоже могла сойти за кабинет: в ней, кроме мраморного бассейна, находились диван, столик и два кресла.

— Вы, мне показалось, искали профессора Боймера, — сказал Хирон Спадавеккия. — Ровно в шестнадцать часов вас пригласят в ресторан. Там вы увидите профессора. В ресторане у каждого свой столик, его номер — одиннадцатый, а ваш...

— Естественно, тринадцатый, — иронически сказал Сток.

— Вы не ошиблись, — торжественно подтвердил Спадавеккия. — На НИО, доктор Сток, ресторан служит не только для принятия пищи, но и для встреч. Он вроде единого для всех клуба.

— Единство для всех? На НИО так мало жителей?

— Когда мы говорим «всех», это означает: всех удостоенных особы. У нас много званых, но мало избранных. Кстати, код вашей особы тоже тринадцатый.

— Я, стало быть, отношусь к избранным?

— Совершенно справедливо, доктор Сток, — величаво ответил Хирон Спадавекия и учтиво поклонился.

До шестнадцати оставалось больше двух часов. Доктор Сток с наслаждением поплескался в бассейне, на полчаса вздремнул. Переодевшись, он направился в ресторан. Ресторан занимал весь нижний этаж. В обеденном зале стояли около двадцати столиков, но около каждого был только один стул — это показывало, что пищу здесь вкушают в одиночестве. Тринадцатый столик размещался у окна. За одиннадцатым, в глубине зала, уже сидел профессор экспериментальной астрологии. Доктор Сток поклонился, Арчибальд Боймер хмуро моргнул — это, вероятно, было эквивалентно поклону. За столик номер двенадцать села мужиковатая дама лет тридцати. Впрочем, лицо ее, составленное из одних крупных деталей, уродливым не было. Доктору Стоку даже понравились темные глаза под широкими мужскими бровями и большой, красивый рот с полными губами какого-то вампирского цвета, не то искусно подкрашенными багрово-красной помадой, не то яркими от природы. Дама не отреагировала на то, что ее разглядывали, и доктор Сток счел нужным обратить на себя внимание иным способом:

— Доктор Альфред Сток, химическая физика, особость — тринадцатая, с вашего разрешения, сударыня.

— Разрешаю, — сказала дама. Приятный, мелодичный голос не очень вязался с грубоватой фигурой и резкими чертами лица. — Протяните мне вашу правую руку, Сток!

Требование было таким неожиданным, что доктор Сток какую-то секунду колебался. Дама наклонилась и, не затрагиваясь до руки Стока, внимательно ее осмотрела. Доктор Сток натужно пошутил:

— Уверяю вас, она чистая.

— Это несущественно. Ваша рука мне подходит, беру ее.

Доктор Сток не принадлежал к тем, кто упускает возможность посмеяться.

— Надеюсь, вместе с сердцем? Вы требуете моей руки и сердца, я так вас понял, сударыня? Сударыня?..

— Агнесса Коростошевская. Зачем мне ваше сердце? У меня отличный набор сердец. А рука хорошая. Давно не видела красивых мужских рук. Именно такую я хотела бы иметь для своего ребенка.

Только большим усилием воли Сток не разрешил себе парировать неожиданное предложение какой-нибудь остротой. Он постарался, чтобы новый вопрос прозвучал серьезно:

— Вы хотите меня в отцы вашего ребенка, Агнесса?

— В частичные отцы. На одни руки. — Она так же внимательно, как разглядывала руку, осмотрела голову доктора Стока. — Лицо у вас заурядное, но голова интересна. Не удлиненная, а шароподобная. Голову, пожалуй, я тоже у вас возьму.

— Если я разрешу, — сказал он со злостью. Его начал раздражать этот разговор.

Агнесса Коростошевская искренно удивилась:

— Вы возражаете? Разве я предлагаю что-либо плохое?

— Во всяком случае — непонятное. К вашему сведению, я уже ровно три часа на острове, но пока еще...

— Ах, вот как! — воскликнула Агнесса и засмеялась. Смеялась она хорошо. Доктор Сток верил, что улыбка — это двери души, а смех — ее выход наружу. У плохих людей не может быть добрых улыбок, у злодеев и смех зловещий, доказывал он на ученых собраниях «Коней Армагеддона». Если это было верно, то профессора Арчибальда Боймера следовало зачислить в плохие люди, а мужиковатую Агнессу — в хорошие. — Ах, вот как! — повторила она уже спокойней. — Вам, стало быть, не объяснили, чем мы здесь занимаемся?

— Меня интересует, чем занимаетесь вы, Агнесса, и почему вам понадобилось лишать меня рук, а заодно и головы?

— И руки и голова останутся при вас и после того, как я их заберу. Моя научная тема — усовершенствование человека. Я создаю Бриарея.

— Бриарей? В детстве я читал легенду о сторуком великане...

— Нет, сто рук — конструктивное излишество. Я — сторонник умеренности. Я остановилась на восьми руках — две передние, четыре боковые, две задние. Ваша рука подойдет в боковые, на них меньше нагрузки, зато эстетические требования к ним больше. Мой ребенок должен быть красив, без этого я его не выпущу в свет.

— Мне льстит, что, так сказать, возглавлять туловище вашего красавца сына будет моя голова.

— Две головы, только одна из них — ваша: Бриарей создается двухголовым. Отсутствие заднего обзора — большая конструктивная недоработка человека, не так ли? К тому же художественное впечатление от одноголовости невелико. Разве вы не согласны, что мы с вами выглядим уродами?

— Благодарю за оценку. Вы сказали, Агнесса, что создаете Бриарей. Если я правильно понял...

— Вы правильно поняли, доктор Сток. Лаборатория номер одиннадцать специализируется на геноусовершенствованиях человека. Инженерные схемы наших аппаратов животворения разработал еще великий Томас Габа, но лишь на НИО, спустя тридцать два года после его безвременной кончины, удалось построить производственную модель. Я, кажется, отвлекаю вас от еды, доктор Сток? Заказывайте блюда, пульт-меню перед вами.

Только сейчас доктор Сток заметил, что на столе лежит красиво оформленная табличка меню — и около каждой надписи кнопочка. Сток нажал на «Суп с гренками», «Баранью отбивную», «Мороженое», «Кофе». Заказанную еду подкатил благообразный робот. Доктор Сток, прожевывая заказ, размышлял об Агнесе Коростовской. Дама с огромными глазами под широкими мужскими бровями, видимо, многих знает на острове, это надо использовать. Доктор Сток оглядел зал. Среди обедающих были и два вчерашних пассажира — из самых зверообразных.

— Вы, насколько я понял, специалист по инженерной генетике, верно? — обратился Сток к Коростошевской.

— Геноконструктор.

— Остальные работники НИО тоже геноинженеры?

— Нет, конечно. На острове полный комплект специальностей. Главные — физики, химики, астрономы, геологи. Из геноинженеров только два, кроме меня, вон те красавцы. — Она кивнула на вчерашних пассажиров, они сидели по соседству один от другого. — Тот, длинноносый, узкощечный, малоинтересен, он не поднялся выше одноклеточных реконструкций. Зато второй, Арнольд Густавссон, заслуживает внимания и опасения. Не знаю более наглого субъекта. Он создает божество.

— Божество?

— Да, господа бога со всеми его обличьями в едином телесном воплощении. И с теми же функциями управления. Только умения создавать что-то из ничего и обращать что-то в ничто божеству Арнольда Густавссона не дано: это чрезмерно усложнило бы модель. Бог среди людей, а не бог во вселенной — так он сформулировал задачу. И с успехом выполняет свой мерзкий замысел!

— В чем, собственно, мерзость его замысла?

— Вы хорошо знаете, доктор Сток, что высшее существо имеет три обличья: Отца-Вседержителя, Сына-Спасителя и Духа Святого. Во всяком случае, так нас учили в школе. И никто не сказал и слова против, когда Арнольд объявил, что сконструирует своего биоробота по числу божественных ипостасей многоголовым. Но у его киборга четыре головы! Вы можете это понять?

— Пока не понимаю.

— Да, четыре. Передняя — седовласый и седобородый отец. Эта голова удалась, она на всех производит хорошее впечатление. Еще лучше сын-спаситель, очень милый юноша с кротким взглядом и доброй улыбкой. Эта голова справа от отца. Левая голова, дух святой, похуже. Правда, льющееся из золотого нимба радиоактивное излучение сделано умело,

оно заставляет самосветиться все, что напротив него. Зато внутри нимба никаких твердых очертаний, даже силуэта... Арнольд говорит, что дух святой бестелесен, просто лучи, а не существо. С этим можно и примириться. Но Густавссон к трем ипостасям божества добавил и четвертую, заднюю. И знаете, что изобразил? Нечто зверомордое, с клыками, с рогами, заросшее шерстью. На ученом совете было столько споров! Арнольд с пеной на губах доказывал, что Сатана и есть четвертая божественная ипостась, три других — парадные, праздничные, а задняя — повседневная, рабочая. «Покажите мне такого бога, у которого не было бы своего черта! — кричал он. — Разве вы не видите глубочайшего смысла в том, что никакой бог без собственного дьявола не существует?» Модель четырехипостасного божества все же приняли, ибо на НИО несуразности котируются. Подробней это растолкует наш директор Джон Паолини, когда он вызовет вас. Подготовьте заранее вопросы.

— За вопросами дело не станет, — сказал Сток.

В этот же день доктор Сток попросил у Хирона Спадаveckкия свидания с директором НИО, уважаемым Джоном Паолини, если, конечно, правомочно называть властителя острова директором. Хирон Спадаveckкия отвечал, что наименование «директор острова» точно отвечает административному значению Джона Паолини, но самого его видеть пока нельзя. Директора могут видеть лишь те, кого захочет увидеть он. А Джон Паолини еще не выразил желания встретиться с доктором Стоком. Время, остающееся до встречи, доктор Сток может использовать для знакомства со своей лабораторией. Неплохо было бы, если бы доктор Сток приступил к постановке самых простых экспериментов. Для предстоящей беседы с директором острова деловое опробование аппаратуры сослужит немалую пользу.

— Можете также продолжить знакомство со своими коллегами, доктор Сток. У нас нет закрытых лабораторий. Остров в целом закрыт, но внутри защитного экрана ни для кого нет тайн.

Доктор Сток на всякий случай поинтересовался, не побаиваются ли руководители НИО, что секреты острова будут разглашены людьми, покидающими это прекрасное место. Сколько он понимает, силовые защитные экраны можно наложить на любой клочок земли, но не на рты! И мысли не заэкранировать. Хирон Спадавеккия благожелательно усмехнулся. Доктор Сток совершает небольшую, впрочем, простительную ошибку. И мысли неплохо экранируются, и на любой неумный рот накладываются прочные замки, только в этом нет нужды. Еще никто из прибывших на НИО не покидал его. Ибо все, что может пожелать для своего творчества ученый, он здесь находит. Ему гарантирована абсолютная свобода мысли и полный произвол в выборе научных тем. Никакого принуждения, никакого попукания, никакого ограничения — таков священный девиз НИО. И здесь вы вправе требовать на выполнение своих научных прихотей все, что вам вздурился... Доктор Сток, глагол «вздуриться» не ругательство, а формула высокого научного уважения, ибо дурь — это способность разума выйти за узкие межи обыденности. Дурь — душа истинной науки. Нет, ни один здравомыслящий человек по собственной воле никогда не покинет НИО, где созданы такие условия для осуществления любой его дури!

Хирон Спадавеккия, видимо, принадлежал к ораторам, он вспыхивал от жара собственных слов. Доктор Сток не захотел спорить. Интеллектуальные скачки в научном товариществе «Кони Армагеддона» приучили его к осторожности. Он знал, что о любое слово можно запнуться сильнее, чем о камень. Ибо камень видно издалека и, перескочив через него, о нем можно забыть. А слово приобретает размер лишь во время произнесения, и произнесенное не обойти, и даже оставленное позади, оно сохраняется, а порой и угрожающе увеличивает свое значение. Поэтому доктор Сток бодро сказал:

— Очень интересно, благодарю вас. Я хочу теперь познакомиться с предоставленной мне лабораторией. Ее номер, конечно, тринадцатый?

— Мы не осмелились бы предложить вам другой номер.

В одном Спадавеккия был полностью прав: лаборатория № 13 была совершенством. В ней имелось все, что доктор Сток мог пожелать для своей научной работы, причем в лучшем исполнении. Лаборатория состояла из одного экспериментального зала и двух подсобных комнат. Хирон Спадавеккия, проведя доктора Стока по всем помещениям, продемонстрировал отличное знание методики предстоящих опытов.

— Биологические растворы приготавливают в заготовительном цехе. Оттуда же получите живые ткани. В качестве материала для опытов используются кролики и мыши. Впрочем, можете требовать других животных, любые требования будут удовлетворены. Единственное исключение — человек. — Хирон Спадавеккия засмеялся, приглашая повеселиться и доктора Стока. — Человека мы не препарируем. Заказы можете набирать на пульте, он стоит на вашем столе. Есть вопросы, доктор Сток?

Вопросов у доктора Стока не было, и Хирон величественно удалился — именно так доктор Сток про себя охарактеризовал его походку. Спадавеккия не ходил, не шагал, не передвигался, не перемещался, а шествовал. Если бы статую античного бога оживили, она, наверное, двигалась бы с такой же неторопливой величавостью. Хирон к тому же был кудряв, как божок, правда, не золотоволос, а черноват. Доктор Сток мысленно съязвил по этому поводу и стал опробовать аппаратуру.

И спустя несколько минут для него больше не существовало ни Хирона Спадавеккия, ни таинственного директора, с которым еще надо было поладить, ни других ученых НИО, ни даже самого острова. Доктор Сток углубился в живую клетку, он лавировал в путанице межмолекулярных связей, испытывал на прочность сложнейшие конструкции из сотен тысяч атомов. Все, о чем в своей жалкой университетской лаборатории он мог только мечтать, здесь всецело осуществилось. Расчеты, которые так покорили специалиста по экспериментальной метафизике Нормана Ковальского, Верховного Скакуна боевого научного товарищества «Кони Армагеддона», эти казав-

шиеся столь смелыми и столь зыбкими выкладки, обрели сейчас силу факта. Теория становилась практикой. «Невозможное стало возможным!» — подумал доктор Сток и сам удивился, что для краткого описания своего научного торжества выбрал формулировку, какой генерал-профессор Лесли Говард Гордон охарактеризовал основное направление исследований на острове. В этом совпадении был некий смысл, но доктор Сток не стал в него углубляться.

Он прекратил опыты и расчеты и, взволнованный, стал ходить по лаборатории. В нем возникали несовместимые мысли. Он радовался и огорчался своему успеху. Радовался потому, что его гипотезы оправдались — и теперь никто, никогда, нигде, никоим образом и ни для какой цели не использует его научного открытия, ставшего экспериментальной реальностью. И огорчался оттого, что первые же эксперименты в новой лаборатории окончательно доказали печальную истину, что все организмы на Земле сконструированы небрежно. Природа имела два миллиарда лет, чтобы довести до совершенства живую материю, выбрав какой-нибудь организм и методически дорабатывая его. Но она торопилась рассеять по Земле бесчисленные формы жизни, повторяя в каждой из них одну и ту же недоработку. Если бы природа была разумным существом, доктор Сток строго прикрикнул бы на нее: «Не халтурь!» — он чувствовал за собой право так резко классифицировать несолидность ее конструкторского творчества. Так просто было сделать любую жизнь бессмертной, если бы природа изначально поставила перед собой такую цель! И как трудно теперь исправить когда-то допущенную небрежность. О бессмертии живой клетки свидетельствует — он выразится сильнее: кричит! — каждый сегодняшний эксперимент. И он же, каждый эксперимент, скорбно утверждает: ничего не изменить! Если, конечно, не приступить заново к работе, которую природа начала двадцать миллионов веков назад, и не сделать ее снова — и по-другому. И не размазывать на миллиардолетия, а сгустить в десяток, ну, в два десятка лет!

Доктор Сток был честным и самокритичным исследователем. И, немного успокоившись, сказал себе: «По-настоящему я еще не экспериментировал, я только опробовал аппаратуру. Первые результаты подтвердили мои ожидания. Но лишь многократно повторенные опыты дадут надежную основу для выводов. Завтра начну систематические исследования».

И чтобы преодолеть соблазн вернуться к рабочему столу, доктор Сток вышел из лаборатории. Он еще не познакомился с НИО, надо прогуляться по нему. Острова — это клочки суши, окруженные водой. Он выйдет на берег и пройдет вдоль океана. Если остров небольшой, он обойдет его кругом. Морским воздухом дышать полезно — он слишком часто забывал совершать полезные поступки.

Но еще не выбравшись на берег (океан синел в конце улицы), доктор Сток забыл, что собирался на полезную для здоровья прогулку. Он остановился перед зданием, похожим на обширный сарай, с вывеской: «Лаборатория № 9. Производство искусственного Божества». Доктор Сток вспомнил, что на НИО нет ничего тайного, и открыл дверь.

Внутри Сток увидел Арнольда Густавссона, вчерашнего самолетного пассажира, так сильно смахивавшего на преступника, отпущенного из тюрьмы в краткосрочный отпуск на волю.

— Любопытствуете, Альфред Сток? — спросил Густавссон хмуро. Он, оказывается, знал доктора Стока. Спустя еще немного времени Сток убедился, что его знают все, кого он встречает на острове.

— Немного есть, — осторожно признался доктор.

— Тогда идите за мной. Не восторгайтесь слишком громко: божество легко раздражается. Эта единственная недоработка не дает возможности выпустить наше уникальное творение в свет.

Арнольд Густавссон, быстро шагая в дальний угол, говорил таким мрачным голосом, словно угрожал, а не давал научные разъяснения. В углу стояла четырехголовая скульптура. Она выглядела точно так, как ее описывала Агнесса Коростошев-

ская. Доктор Сток загляделся на Отца-Вседержителя — он был похож на Зевса. А Сатана ужаснул: воистину в нем было собрано все дьявольское! Густавссон угрюмо любовался своим созданием. Доктор Сток был разочарован:

— Я-то думал, что божество ваше живое, а это мрамор.

— И мрамор на НИО оживает, — зловеще парировал Густавссон и, подняв правую руку, громко щелкнул пальцами.

И статуя вдруг ожила, потянулась, сошла с пьедестала и направилась к доктору Стоку. Шагая, искусственное божество поворачивалось: сначала на доктора благожелательно поглядели темные глаза Отца-Вседержителя, потом ему ласково и грустно улыбнулся сын, а после сына выщерилась клыкастой пастью задняя, сатанинская ипостась. Судя по поведению, божество собиралось не то проглотить, не то разорвать доктора Стока. Он отшатнулся. Арнольд Густавссон позволил своему гостю какое-то время побояться, а потом новым щелчком пальцев вернул божество на прежнее место и в прежнюю неподвижность.

— Каково?

— Неплохо, — сказал доктор Сток, переводя дух. Он побледнел, коленки подрагивали: перспектива неведомо почему угодить в пасть дьяволу ужаснула его. Но в прямом смысле взяв себя в руки (он сжал свои бока руками), он продолжал, ибо никогда не останавливался на полпути: — Но непонятно.

— Что непонятно, доктор Сток?

— Зачем вам понадобилось создавать такое диковинное существо? Для какого оно, так сказать, реального употребления?

Густавссон, пожав плечами, признался, что еще не думал о практической пользе своего замечательного творения. Просто захотелось сконструировать агрегат, аналога которому нет в природе. Ибо что такое божество в его философском понятии? Некий высший стимулятор человеческих действий, не так ли? Нечто толкающее на созидание и разрушение, на добрые и злые поступки. В искусственное бо-

жество встроен электронный блок активности, который и застарелого лежебоку заставит прыгать, а самого спокойно-го вгонит в ярость, вдохновение, воодушевление, ненависть, умиление. Не хочет ли доктор Сток на себе проверить силу излучаемого его созданием стимулятора динамизма?

— Спасибо, доктор Густавссон, на недостаток активности я не жалуясь, — ответил доктор Сток и быстро ушел.

Доктор Сток уже понимал, что разрешение осуществлять любую научную прихоть, о чем поведал величавый Спадавеккия, неминуемо породит разработки, немыслимые в других научных центрах. И он загодя подготовил себя к встрече с невероятным. Ожидание неожиданного было так сильно, что он несколько разочаровался, войдя в следующую лабораторию. В ней слышались собачьи визги и лай, потому что здесь у собак наращивали пятую ногу.

— Посмотрите, какое чудо! — восторженно похвастался руководитель лаборатории, полненький старичок с узкими плечами, розовощекий, подвижный, веселый. И показал на шотландскую овчарку — справа у нее были две естественные ноги, передняя и задняя, а с левого бока еще и средняя, искусственная, по виду неотличимая от своих натуральных соседек.

— По слухам, пятая нога собаке не нужна, — сказал Сток.

— Вот это и надо выяснить! Мы собираемся окончательно установить, сколько правды в поговорке: «Нужна, как собаке пятая нога». Уверен, что предстоят открытия.

— Ваша пятиногая собака будет хромать и скашиваться на тот бок, где сохранилось скудное двоеножие, — заметил доктор Сток, оглядывая рослого красивого пса.

Старичок не ожидал критики и заметно огорчился:

— Вы думаете, что нужна и шестая нога, доктор Сток? — И он знал, кто к нему явился. — Нет, вы серьезно предлагаете шестую ногу?

— Оставлю это на ваше квалифицированное рассмотрение, — уклончиво сказал Сток, поворачиваясь к выходу из лаборатории.

Какое-то время ему казалось, что основные интересы исследователей, собравшихся на НИО, сконцентрированы на конструировании живых уродцев — к ним вполне можно было отнести и восьмирукого, двухголового сынка Агнессы Коростошевской, и массивную божественную конструкцию Арнольда Густавссона, и эту пятиногую собаку, и говорящую кобру, которую он увидел в одной лаборатории, и бычка, питающегося камнями, — попался и такой, и творцы этого чуда уверяли, что хоть стопроцентного переваривания камней достигнуть не удалось, но пятидесятипроцентное усвоение гарантировано. Все это было интересно, но не ошеломляло. Но в лаборатории № 5 у воды создали способность литься не вниз, а вверх, и это на самом деле поражало.

— Задача технически весьма трудная, но выполняемая, — бодро объяснил руководитель лаборатории. — Вот поглядите на этот ручеек. Он вначале просто течет из трубы по земле, но потом, набирая мощь, приподнимается над ложем потока. Нам еще не удалось заставить воду круто взмывать в высоту, но она уже не пресмыкается у наших ног, а свободно пронесится над головой. Сейчас вы в этом убедитесь сами, доктор Сток.

И прежде чем доктор Сток успел хотя бы посторониться, творец летучей воды нажал какую-то кнопку, и прямо на доктора Стока устремился белопенный поток. Вода вполне могла смести со своего пути и не такое препятствие, как довольно тщедушный Сток, но метрах в двух от него взмыла вверх, пронеслась над головой доктора, упала на землю где-то дальше и там загрохотала — беззвучная водяная змея снова превратилась в обыкновенную воду, гремящую на камнях.

— Десять метров полета, пять метров подъема, — констатировал руководитель лаборатории. — А сколько затрачено энергии! Открою вам тайну: проще превратить в жидкость глыбу гранита, чем заставить воду устремиться в полет. Воодушевляющая сложность, не правда ли, доктор Сток?

— Очень воодушевляющая! Неподалеку от вас собаку обогащают пятой ногой, тоже воодушевляет — и замысел, и исполнение.

— Я знаю об этой работе, доктор Сток. И не намерен порочить ее, ибо вдохновенный смысл пятиножия ясен каждому. Но не будете же вы спорить, доктор Сток, что выведение летящей воды...

— Не буду, не буду! — заверил доктор Сток и поскорее убрался из лаборатории, где воде приделывали крылья.

Ему теперь казалось, что остров населен людьми талантливыми, но начисто лишенными того, что называется здравым смыслом. Он прошел мимо двух лабораторий, не заглядывая в них. В них, возможно, выводили лошадей с шипами на спине или конструировали автомобили с сиденьями в форме острозубых клещей, впивающихся в бока пассажиров. Он готов был заранее восхититься остроумием замысла, но на близкое знакомство с подобными творениями не претендовал.

Доктора Стока остановил вынырнувший из одного здания ученый астролог, подозрительно смахивающий на забывшего pereгримироваться Мефистофеля. Профессор экспериментальной астрологии держал в руке ящичек, напоминавший дамскую бонбоньерку.

— Знаю, — изрек Мефистофель. — Вы побывали в дьявольском вертепе, где толкут воду в ступе. Я хотел сказать — в автоклавах. Вижу по вашему лицу, что вы оттуда, доктор Сток.

— Там не толкут, а возносят воду, — возразил Сток. — Делают ее летящей, парящей, уносящейся на высоты.

Отвращение исказило лицо астролога:

— Ничтожные люди! Сколько раз я доказывал им, что только хорошо истолченная вода способна на потерю веса. Чудовищное упрямство!

— Что у вас в руке, профессор Боймер? — поинтересовался Сток.

— Ваша душа, доктор Сток, верней, пока лишь ее астрологически-механическая модель. Я хотел проверить ваше рискованное утверждение, что вы наделены душой. То, что мне удалось построить эту модель, говорит в вашу пользу. Будь вы бездушны, эта конструкция не удалась бы. Теперь мы можем возобновить разговор о цене вашей души.

Помните, я обещал возвратиться к этому вопросу. Итак, я вас слушаю, доктор Сток.

— Раньше я выслушаю вас, профессор. Расскажите, как вам удалось смоделировать мою душу и какое это вообще имеет значение?

Профессор экспериментальной астрологии с секунду колебался — наверное, не хотелось выдавать профессиональные секреты. Но потом его увлекла возможность похвастаться успехами. Вот здесь, в правой стороне ящика, электронно-позитронный блок, имитирующий суммарное влияние небесных светил на нашу жизнь — за исключением влияния солнца, оно слишком огромно, его не воспроизвести в небольшом приборчике. А слева интегральная схема тех способностей, влечений, опасений и ожиданий, которую можно было бы условно назвать душой доктора Стока. Условно — ибо схема рассчитана по одним внешним признакам. Когда доктор Сток согласится предоставить свою душу на экспериментальную проверку и — он не побоится и такой ответственной формулировки — на доработку, все условности расчета станут безусловностями реального факта. Дело за малым...

— Зачем вам нужна моя душа? — бесцеремонно прервал доктор Сток обстоятельное объяснение Арчибалда Боймера.

Астролог, так разительно похожий на Мефистофеля, впал в некоторую растерянность. Плавное изложение вдруг превратилось в меканье. Ну как сказать — зачем? С одной стороны, сугубо теоретический интерес, так сказать, благородная свобода в выборе темы... А с другой стороны и даже со всех других сторон... В общем, владение довольно сложной душой уважаемого доктора Стока, известного каждому как главная Грузовая Лошадь в могучем косяке «Коней Армагеддона»... Ну, и то немаловажное обстоятельство, что экспериментирование даст возможность установить обратную связь, то есть выяснить, как действуют выдающиеся свойства души на движение небесных светил...

— Вы серьезно уверены, профессор Боймер, что на движение Юпитера или Марса может повлиять, с какой ноги я сегодня встал, веселое у меня настроение или поганое?

— Не сомневаюсь! Сомнения в силе влияния вашего душевного настроения на ход Юпитера по небесной орбите незаконны и недопустимы. Существует непреложный астрально-космический смысл в, казалось бы, непритязательном факте, с какой ноги, правой или левой, вам захотелось сегодня сойти с постели. И заранее предвижу, что воздействие вашего настроения на поведение небесных светил в космосе...

— Буду размышлять о вашей любопытной теории, профессор Боймер, — объявил доктор Сток и, удаляясь, приветливо помахал рукой ученому специалисту по экспериментальной астрологии: тот явно был озадачен внезапным бегством собеседника.

Доктор Сток понимал, что надо не только знакомиться с работами других лабораторий острова, но и завоевывать расположение местных ученых. Дружеские отношения не получались. Насмешливая оценка странностей («Проклятый характер, надо всем мне надо издеваться», — упрекал себя доктор Сток) мешала дружбе. Ибо от доктора Стока ожидали восторгов, а не иронии. Только с темноглазой мужиковатой Агнессой Коростошевской он немного сошелся. Ему даже понравился ее Бриарей, исполинский кибернетический организм, прорисованный так гармонично, что и две головы, и восемь рук не выглядели уродством. И он очень походил на свою создательницу, недаром она называла его сыном, а не киборгом, она предупредила доктора Стока, что и ему не разрешает называть свое вдохновенное творение скучным техническим наименованием.

— Именно вдохновенное, — доказывала она. — Вы, как частичный отец моего сына, способны оценить это лучше любого другого. Я уже не говорю о красивых боковых руках, точно скопированных с ваших, и о задней голове, так совершенно повторяющей вашу пленительную шароголовость: к рукам и голове у вас может быть родственное пристрастие,

я это учитываю. Но взгляните в его переднюю голову, нажмите его передние руки, дайте обнять себя задними руками, поговорите с ним о погоде — он ощущает все нюансы нашего климата... Пойдите с ним на прогулку и поглядите, как он карабкается по отвесным скалам!.. Прелестен, разве вы не согласны, доктор Сток?

Чтобы угодить Агнессе Коростошевой, — а ему хотелось ей угодить, — доктор Сток ходил с тяжело шагавшим Бриареем в недалекие прогулки и с удовольствием следил, как тот всеми руками не так даже цепляется за неровности скал, как впивается в них и взбирается на отвесные стены быстрее, чем сам доктор Сток бежит вверх по лестнице; и довольно выслушивал, как точно многорукий гигант определяет хитрые особенности погоды: «Вчера дождь был на шестнадцать с половиной процентов сильнее, чем сегодня утром, зато после обеда солнце светило на треть ярче и на одну десятую жарче», — изрекал медленным голосом Бриарей, быстро производя в мозгу — компьютер, именовавшийся мозгом, помещался в районе живота — все необходимые подсчеты. Только обниматься с сыном Агнессы Коростошевой доктор Сток так и не привык: никак не мог отделаться от мысли, что даже для двухрукого дружеского объятия Бриарей использует лишь одну пятидесятую своей мощности и что если ему явится шальное желание пообняться чуть сильнее, то все кости доктора Стока тут же превратятся в набор обломков.

Та же мужиковатая Агнесса дала понять Стоку, что у него иное положение на острове, чем у других ученых.

— Вас ждет что-то чрезвычайное, Сток. Меня смущает номер вашей особы — тринадцатый. Не верю лукавому Хирону, что вам ее присвоили потому, что тринадцать — счастливое для вас число. Номером тринадцать закодированы не столько ваши личные свойства, сколько отношение к вам администрации. Держите меня в курсе ваших новостей: у меня к вам сильное влечение — научное, естественно.

Сток был благодарен соседке за ее добрые чувства.

Однажды величественный Хирон возвестил, что сегодня после обеда доктора примет директор. Вероятно, ни к одному деловому свиданию Сток не готовился с таким волнением, как к этому. Тем сильнее он был разочарован, когда вошел в кабинет Джона Паолини.

За внушительным столом сидел толстый, краснощекий, лысоватый старичок с крохотными глазками на мясистом лице. Старичок мигом вскочил, когда доктор Сток показался в дверях, и проворно засеменил навстречу, издали протягивая руку. И ноги у него были коротки для массивного туловища, и короткие пальцы крохотной ладошки неправдоподобно толсты и несомкнуты — кисть походила на раскрытый веер. Джон Паолини вяло ответил на почтительное, но твердое рукопожатие доктора Стока и пропищал (вдобавок ко всему — у него был тонкий голосок), что давно жаждал познакомиться с таким знаменитым ученым. Если в мире и существовал человек, внешность которого не внушала никакого почтения, то этого человека звали Джоном Паолини.

А вошедший вместе с доктором Стоком величавый Хирон Спадавеккия внушительно намекнул, чтобы Сток не полагался на первое впечатление.

— Господин директор острова, — заговорил Спадавеккия, — имею честь представить вам доктора Альфреда Стока, единственного в мире специалиста по острому внутримолекулярному резонансу. Доктор Сток готов выслушать ваши указания и выполнить ваши предписания.

— Отлично, отлично! — бодро попискивал директор. — За указаниями дело не станет, хи-хи, не станет, указания будут, можете не тревожиться, дорогой Сток. Но раньше я хотел бы узнать кое-что у вас самого, я хотел бы, хи-хи! Я был бы весьма благодарен, если бы вы объяснили мне самым популярным образом, что это за чертова штука — ваш острый внутримолекулярный резонанс, внутримолекулярный, ха-ха! Я весь превратился в слух, замечательный доктор Сток, я весь превратился, хи-хи-ха!

Доктора Стока немного смутила эта не совсем обычная манера разговаривать — и не столько даже то, что Джон Паолини повторял отдельные слова и части предложений, сколько сопровождавший их смехок, напоминавший и похрюкивание, и короткие всхлипы, которые издают спящие, когда у них закладывает нос. Впрочем, это не помешало доктору Стоку сосредоточиться на теме. В любой молекуле живого вещества каждый атом скреплен со своими соседями, другими атомами, физическими силами стяжения, превращающими их в единую крепкую молекулу. Эти факты были известны и раньше, но только он впервые научился количественно определять крепость этих связей. Дело в том, что они очень похожи на резиновые нити: никогда не бывают в покое, то усиливаются, то ослабляются, атомы то сближаются, то раздвигаются. Он, доктор Сток, при помощи излучения из особого приборчика, он назвал его импульсатором, заставляет межатомные связи молекулы резонировать. При некоторых значениях резонансного импульса связь разрывается. Величина разрывающего импульса — мера крепости связи. В каждой молекуле есть стяжения, которые можно разрушить только, так сказать, орудийным огнем, но есть и нежные скрепления, что разрываются при легком дуновении силового ветерка из импульсатора.

— Очень интересно, доктор Сток, очень интересно! — с воодушевлением воскликнул толстый директор острова. — Ну и какой вы делаете основной вывод, какой вы делаете?

Сток сделал тот вывод, что им раскрыта тайна продолжительности жизни. При разрыве в молекуле любой межатомной связи сама молекула гибнет. Следовательно, жизненный срок определяется наиболее слабыми связями. Некоторые стяжки между атомами могут существовать и тысячу лет, но если соседней связи хватает только на семьдесят, то вот он, потолок существования, — жалкое семидесятилетие. У моряков скорость флота определяется по скорости самого тихоходного корабля, у живой клетки срок бытия определен прочностью самой непрочной внутримолекулярной связи.

— Я слышал, доктор Сток, вы говорили, что ваша теория практически бесперспективна, вы говорили, хи-хи. Не откажите в любезности сообщить — почему? Я хотел бы знать: чем вы гордитесь, чем?

Да, все верно, Сток неоднократно говорил, что его теорией никто, нигде, никогда, ни для какой цели и никоим образом не сможет воспользоваться. Но он говорил это с болью, а не с гордостью. Ибо он открыл секрет бессмертия живой клетки, но бессилён практически создать это бессмертие. Он научился определять крепость любой межатомной связи, но лишен возможности сделать ее более крепкой. Ибо импульсы, генерируемые его резонансным аппаратом, не укрепляют, а разрушают связи. Его теория интересна, но бесполезна — таково мнение автора о своем собственном открытии.

— Нет, доктор Сток, нет! — воскликнул Джон Паолини. — Вы несправедливы к себе, вы несправедливы! Наш великий эксперт, профессор абстрактной модалистики Лесли Говард Гордон, написал мне, что вы создали научный шедевр, написал мне. Вы смотрите на свою теорию только с одной стороны, а надо — всесторонне. Нет лучшего места, чем НИО, чтобы смотреть со всех сторон, нет лучшего места. Вы подошли к живой клетке со стороны ее жизни, вы подошли. Но всякая жизнь есть постепенное умирание, доктор Сток. Подойдем с черного, а не с парадного входа. Изучим, как умирает клетка, и тогда поймем, как она живет, тогда поймем.

И толстый Джон Паолини изложил доктору Стоку свое понимание проблемы. Для начала нужно сосредоточиться на способах разрыва связей. Он предложил бы дополнить интереснейшую таблицу внутримолекулярных прочностей, составленную доктором Стоком, второй таблицей — импульсов, разрушающих стяжки. Ибо как преодолеть смерть, если предварительно не овладеть, так сказать, ее производством? Логично, не правда ли, доктор Сток, хи-ха-хи!

— Некоторая логика есть, — согласился Сток. — Вы сказали, что всесторонность — характерная черта работ

на острове? Как это понимать? Доктор Л. Г. Гордон говорил, что ваше учреждение называется Институтом Возможных Невозможностей, но некоторые остряки называют его Институтом Невозможных Возможностей и что на НИО мне подробно объяснят значение этих терминов. Вам не кажется, что пришло время объяснений?

— Вы их получите немедленно, вы их получите! Слушайте меня внимательно, доктор Сток, слушайте меня.

И Джон Паолини торжественно объяснил, что генерал-профессор Лесли Говард Гордон, — он, впрочем, в ту пору был не генералом и не профессором, а безусым студентом (и некоторые преподаватели подозревали, что у него не все в порядке с мозгами), — так вот, создатель НИО Л. Г. Гордон разработал науку о соотношениях возможного и невозможного и назвал новосотворенную дисциплину абстрактной модалстикой. Он установил, что все возможное и невозможное укладывается в четыре класса соотношений:

Возможная возможность.

Возможная невозможность.

Невозможная возможность.

Невозможная невозможность.

Различия между этими, так сказать, модальностями существования не только принципиальны, но и огромны. Он покажет это на одном примере. Скажем, например: этот человек — мыслитель. Это возможная возможность, ибо мыслительные способности присущи каждому человеку. Теперь скажем так: вон тот человек — божество. С одной стороны, божественность в человеке вполне возможна, с другой — стопроцентный человек никогда еще не был богом, даже самого примитивного образца. Получается, стать божеством — возможная невозможность. Дальнейших объяснений не требуется, не правда ли? Скажем иначе: человек — нечто двухголовое. Это, во-первых, невозможность, ибо двухголовых людей не существует. Однако двухголовость не противоречит природе человека, и при известных условиях у людей можно вырастить две головы. Стало быть, эта невоз-

мжность возможна, но реальность ее осуществления требует высокого уровня науки и техники.

— Бриарей, двухголовый сынок Агнессы Коростошевской, следовательно, относится к разряду невозможных возможностей, — сказал доктор Сток.

— Именно так, Бриарей — существо третьей категории модальности, — подтвердил директор острова. — И наконец выскажем утверждение: вон этот блондин — резиновая га-loша. Или еще сильнее: он — планета Юпитер. Или...

— Навозный жук, — подсказал доктор Сток. Навозного жука Джон Паolini отверг. Человек, ставший навозным жуком, относится ко второй модальности. Именно такую возможную невозможность исследовал в древности писатель по имени Кафка — и читателей доводила до слез мрачная трагедия его героя, превратившегося у себя дома в жука. Но статья резиновой обувью или гигантской планетой вроде Юпитера — это воистину совершенно невозможная невозможность. Без тонкого разграничения четырех модальностей немислимо понять, чем занимаются ученые на НИО. Дело в том, что первая категория относится к задачам обычных наук. То, что в принципе возможно, но пока не реализовано, осуществляют обычные ученые и инженеры. Четвертая модальность — невозможная невозможность — является прерогативой самого господа бога, ибо осуществление невозможной невозможности есть чудо, а самый могучий ученый чуда не сотворит, сколько бы ни твердили, что он чудотворец. Итак, для сотрудников острова остаются две средних модальности. У нас либо преодолевают невозможность возможного, либо реализуют возможности невозможного. Все удивительно просто, не так ли, доктор Сток?

У доктора Стока ум постепенно заходил за разум. Простота объяснений директора острова была из тех, что, по древней пословице, хуже воровства.

Но не в характере доктора Стока было прекращать научную беседу, не прояснив темные пятна недосказанности. Он продолжал спрашивать:

— Вы сказали, что чудо есть прерогатива господ, господин директор, и поэтому на острове чудеса не творят. Но разве двухголовый и восьмирукий человек или искусственное божество в четырех совмещенных в едином туловище ипостасях не...

Джон Паolini прервал доктора Стока категорическим взмахом руки, похожей на распахнутый веер. Нет и тысячу раз нет! В древности чудом считали все, что выходило за границы скудных материальных и духовных возможностей. Выстрел из пистолета в мудрых Афинах тоже отнесли бы к чудесам.

Но мы под этим словом подразумеваем только осуществление невозможной невозможности. Если человек станет галошей или обернется небесной планетой — да, это чудо, здесь присутствует рука господ. Но превратить человека в осла — проблема науки (точнее — ее уровня). Доктору Стоку в ассоциации «Коней Армагеддона», кажется, присвоили почетный разряд Грузовой Лошади. Но там, на материке, ему не приделали двух дополнительных ног и четырех копыт, не вытянули его привлекательное человеческое лицо в лошадиную морду. Однако если доктор испытывает внутреннюю потребность обогатиться еще двумя ногами, четырьмя копытами и приобрести мужественные зубы, уши и череп боевого жеребца, то на острове об этом можно поговорить, ибо подобная трансформация облика относится ко второй модальности, то есть является простой возможной невозможностью. Впрочем, некоторые ученые НИО, наверное, нашли бы в реальном олошадении доктора Стока третью модальную категорию, то есть невозможную возможность. К какой категории, кстати, сам доктор Сток отнес бы свою потребность в лошадеобразии — ко второй или третьей?

— Ни к какой, потому что у меня нет такой потребности. Я вполне доволен своей внешностью, господин директор. Еще один вопрос, если разрешите. Итак, проблема чуда. Поскольку чуда нет, а есть лишь совершенные технические средства...

Директор острова снова прервал доктора Стока взмахом руки:

— Ни один здравомыслящий ученый не станет отрицать чуда, то есть возможности невозможной невозможности. Подобное отрицание свидетельствовало бы о неверии в Высшую силу. Но богу — богово, а человеку — человеческое. По агентурным данным, бог продолжает трудиться на своем производственном полигоне, именуемом в просторечии раем. Кстати, доктор Сток, вы, конечно, не разделяете мещанского представления о рае как о некоем санатории для уставших от земного бытия праведников? По сведениям нашей разведки, а в точности их сомневаться не приходится, рай — грохочущая промышленная площадка и ангелы на ней отнюдь не официанты небесного дома отдыха, а промышленные трудяги: у самых знатных херувимов крылья постоянно черны от пыли и копоти. Ибо там создаются такие комбинации, творятся такие чудеса, что человек в образе резиновой галоши никого из крылатых работяг особенно и не удивил бы. Вам, естественно, ясно, к чему приводит исполинская потенция творить и творить любое из любого, все из всего, не считаясь ни с какой целесообразностью, ни с какими запретами и ограничениями. Да, печально, но нигде нет такого низкого коэффициента полезного действия, как в раю. Из тысячи созданных там комбинаций только одна годится в тиражирование — как способная к самостоятельной жизни. Чудо всегда эффектно, но очень редко бывает эффективным. Недавно на НИО доставили прелюбопытное изображение одного из райских уголков, издалика сфотографированного нашим агентом. Вам ведь сообщали, доктор Сток, что рай от нас весьма близко, всего в нескольких милях по океану. Но никого из нас туда не тянет, ибо разве можно сравнить райский хаос с правильной научной организацией НИО! Поверьте, мы у себя значительно увеличили все райские потенции. Скажу сильнее: волосы встают дыбом при одном взгляде на творимые в раю несообразности (они были хорошо видны на той фотографии).

К сожалению, она быстро выцвела, и сейчас на ней ничего не рассмотреть.

— Таким образом, — продолжал директор острова, — в принципе не отрицая чуда, чудес мы у себя не творим и даже запрещаем это делать. Мы ограничиваемся тем, что дает нам наука и технические средства. Но, конечно, мы несравненно превосходим не только райский, но и земной уровень полезного творчества. Кое-кто из ученых невежд клеветал на нас, что мы нечто вроде филиала рая, так сказать, научный форпост на дороге к райским вратам. Мы с негодованием отвергаем подобные инсинуации! Ибо НИО — продолжение и усовершенствование рая, дорога не к нему, а от него. Иначе говоря, осуществление того разумного и реального, что можно обнаружить на тамошних полигонах. Мы завершаем райские проекты, которые в раю остаются совершенно нереальными, таково наше научное назначение, доктор Сток, наше научное значение, — закончил Паолини.

— Теперь вы понимаете, высокочтимый доктор Сток, как важно переоборудовать ваш импульсатор, определяющий срок существования клетки, в оружие, прерывающее ее жизнь. Ибо смерть есть высшее завершение жизни и без овладения смертью нельзя ни познать, ни усовершенствовать жизнь.

Это произнес величественный Хирон Спадавеккия, и доктор Сток покорно ответил:

— Да, вполне понимаю, — и дотронулся рукой до головы: ему показалось, что она, поскрипывая, медленно вращается на шее.

Доктор Сток жестоко погрешил бы против истины, если бы сказал, что мысли, захватившие его на другой день после беседы с директором острова, сразу же были упорядоченными и взвешенными. Сначала он испытывал только растерянность и беспокойство. Ему не нравилось то, каким образом собираются применять его открытие. Но он не мог бы выдвинуть других доводов, кроме того, что ему жал-

ко расставаться с убеждением в абсолютной бесполезности своей работы. Доктор Сток и сам понимал, что такого рода аргументы, скорей эмоциональные, чем логические, прозвучали бы весьма несолидно.

Он уселся за пульт и механически заиграл на клавиатуре импульсатора. Резонансные импульсы бомбардировали мишень. В мишени — колбочке с биологическим раствором — резвились живые клетки. На счетчике появлялись цифры резонансных напряжений в их молекулах. Доктор Сток усилил импульсы — и слабые внутримолекулярные связи стали рваться. Клетки уже не резвились, а судорожно подергивались в растворе. Он еще усилил импульсы — теперь рвались и более прочные связи. В колбочке прекратилось всякое движение, кроме бессмысленно-механического перемещения клеток. Доктор Сток провел рукой по лбу, стирая легкую испарину. У него возникло ощущение, что он совершил убийство, а не провел научный опыт.

— Сушая же чепуха! — вслух сказал он себе. — Успокойся. Ты и раньше, проверяя резонансные пределы межатомных связей, убивал живые клетки, выясняя, как они устроены. Ничего нового не произошло. Возьми себя в руки!

Взять себя в руки он смог, но успокоиться не сумел. Раньше он убивал, проверяя, сейчас убил, чтобы убить. Это было нечто иное.

Время подошло к шестнадцати, и доктор Сток ушел в ресторан.

Он хмуро ел, не обращая внимания на соседей. Ему показалось, что Арчибальд Боймер вопросительно поглядывает на него и при этом так гримасничает, словно дает знак, что хотел бы пообщаться. Сток повернулся спиной к специалисту по экспериментальной астрологии. И тут до него дошло, что его соседка, мужиковатая, но приятная дама, так же, как и он, пребывает в угрюмой сосредоточенности: она ела, не глядя на еду, хмурилась, ее темные глаза пристально вглядывались в какую-то точку на столе — а там ничего не было. Только собственная подавленность не позволила Стоку по-

нять сразу, что с Агнессой Коростовской нехорошо. Он постарался заглядить свою невнимательность.

— Добрый день, Агнесса! Что у вас случилось?

Ее ответ прозвучал непривычно глухо:

— Почему вы думаете, что у меня что-то случилось?

— Вы непохожи на себя.

Она оглянулась на зал. Большинство сотрудников уже ушли. Но номер одиннадцатый не торопился заканчивать обед. Доктору Стоку показалось, что астролог не столько пережевывает пищу, сколько прислушивается к его разговору с Агнессой. Она, вероятно, тоже подумала об этом, потому что понизила голос.

— Что вы делаете по вечерам, доктор Сток?

— Чаще всего сижу в лаборатории, иногда читаю в гостинице старые книги.

— Вы не любите ночные прогулки по берегу океана?

— Никогда не прогуливался.

— Приглашаю вас погулять со мной сегодня вечером.

— Согласен. Но вы не ответили на мой вопрос.

Что все-таки с вами случилось?

— На прогулке отвечаю. Зайдите за мной перед заходом солнца.

— Вы живете в номере двенадцатом?

— Естественно. Теперь давайте помолчим, чтобы не вызывать ненужного любопытства.

Ровно в восемь часов доктор Сток постучался в соседнюю дверь. Агнесса была уже одета для прогулки. Он хотел заговорить — она приложила палец к губам и показала глазами на стену. Он понял, что она опасается, как бы номер одиннадцатый, профессор Арчибальд Боймер, не стал подслушивать. На улице доктор Сток спросил:

— Наша встреча, я догадываюсь, чем-то для вас опасна, Агнесса?

— Для вас тоже, доктор Сток.

— В номере вы и слово побоялись сказать, но вас совершенно не тревожит, что нас видят прогуливающимися.

— Опасность не в том, что мы вместе, а в том, о чем будем разговаривать. Слово важней прикосновения рук или плеч. Помолчим, пока не выйдем на берег.

Доктор Сток много раз видел океан в конце их улицы, но ни разу к нему не выбирался. И, восхищенный, он несколько молчаливых минут только вглядывался в морской простор и вдыхал морской воздух. Солнце заходило справа, оно стало большим и красным — и золотисто-красным стал весь океан. Озаренный и преображенный, он беспокойно шевелился от берега до горизонта, в нем вздымались и падали широкие волны, и все в нем было игрою золота и огня — ложбины волн сияли темной вишней, склоны валов сверкали красным и желтым, а гребни извивались шарфами дымно-розовой пены. Доктор Сток сказал:

— Волны вспыхивают и гаснут.

— Вы что-то сказали, доктор Сток? — спросила Агнесса. — Пойдемте подальше. Я знаю местечко, где скала нависает и над водой, и над землей. Там хорошо сидеть в одиночестве.

До скалы было с полкилометра. Сток шел за быстро шагавшей Агнессой и спотыкался: берег был усеян валунами, а доктор не мог оторвать глаз от волшебства света, творившегося в океане, и не глядел под ноги. Он молча упрекал себя: почти месяц прожил на острове, мог много раз видеть праздник заката, но ни разу даже не подумал об этом. Зато сегодня жадные глаза с лихвой вбирали в себя красоту, которую он мог видеть и раньше.

Агнесса остановилась у высокого валуна:

— Я пойду впереди, а вы взбирайтесь осторожно: тропка крутая.

На вершине она уселась лицом к городу, а не к океану — хочет видеть, не подбирается ли кто посторонний, догадался доктор Сток. Он уселся так, чтобы видеть и ее лицо, и буйство красок в океане.

— Я вас слушаю, Агнесса.

Она сухо сказала, все так же всматриваясь в оставленную позади линию берега:

— Я хочу стать детоубийцей. Вы должны мне помочь, доктор Сток.

Доктор Сток успел привыкнуть к тому, что на НИО все содержит в себе одновременно два утверждения: «возможно» и «невозможно». И поэтому заранее настроил себя на то, что здесь надо ожидать любых неожиданностей. Но признание Агнессы Коростошевской было из тех, о которых он и подумать не мог.

— Детоубийцей? Я не ослышался, Агнесса?

— Вы не ослышались. Я хочу убить своего сына, свое единственное творение — Бриарей. Без помощи я не справлюсь.

— Объясните, Агнесса: что все-таки случилось?

— Доктор Сток, расскажите, что вы думаете о нашем НИО? Можете говорить откровенно: уже темнеет, а в темноте никто не сможет взобраться на вершину скалы.

Стоку показалось, что небольшая доза иронии и парадругая шуток весьма облегчат столь драматично начавшийся разговор. Он вспомнил, что ему говорили о НИО — и генерал-профессор Лесли Говард Гордон, и специалист по экспериментальной астрологии Арчибальд Боймер, и толстый Джон Паolini, и величественный, как божок, Хирон Спадавеккия, и сама мужиковатая, но милая Агнесса Коростошевская, и все другие научные сотрудники. Что такое остров, так? Это ИВН, то есть Институт Возможных Невозможностей, который иные именуют Институтом Невозможных Возможностей, хотя генерал-профессор Гордон отдает приоритет возможности невозможного перед невозможностью возможного. Здесь любой специалист свободен в выборе темы для исследования — только личная прихоть определяет, кто над чем трудится. Руководители НИО гордятся, что они обеспечили абсолютную свободу творчества, только в раю можно найти еще большую раскованность, зато там, по агентурным сведениям директора острова, вседозволенность любого поиска часто смахивает на мучительное выдумывание уродств. Правда, и здесь хватает конструирования уродов. Он не все может одобрить. Он скорей бы вырастил у

свиньи рога, чем умножал собачьи ноги: рога были бы свиные гораздо полезней, чем пятая нога собаке, — ими можно перекапывать землю. Но он никому не навязывает своих оценок. И, конечно, он не собирается порочить Бриаря, у него и в мыслях не было осуждать творение Агнессы Коростошевской.

— И ваше творение, доктор Сток. Не забывайте, что и вы частичный отец моего сына — в масштабе одной задней головы и четырех боковых рук. Так вот, директор острова уведомил меня, что Бриаря считают законченным, вполне удавшимся и будут тиражировать. Допустить этого я не могу.

— Тиражировать? Как это понимать?

— В буквальном смысле. Воспроизводить точными копиями в большом количестве экземпляров. Из одного сотворенного мной Бриаря сделают сто, двести, тысячу. На западной стороне острова размещается тиражный завод. Все создания, принятые администрацией, направляются в тиражирование. Их очень мало, принятых, но зато из одного оригинала возникает много копий. Тиражированные изделия транспортируют в специальные подземелья: живых существ или полуживых киборгов консервируют в холоде и нейтральном газе, а механизмы просто складировать. Заготовка впрок... Неужели вы об этом не знали, доктор Сток?

— И слыхом не слыхал! Вы не верите мне, Агнесса?

— Верю. У вас очень поверхностное представление о НИО. Вы только что излагали мне те басни об острове, которые вдалбливают в каждого из нас и сам директор, и его лакеи, вроде Хирона Спадавеккия или Арчибальда Боймера. Но я вижу и то, что они стараются скрыть.

— Что именно они скрывают, Агнесса?

— Секретное назначение НИО — вот о чем они не говорят. Здесь готовят оружие будущей войны. Достаточно подумать, чтобы это стало ясно.

— Но как однозначная цель сочетается с неконтролируемостью научных направлений, вакханалией проектов, несоразностями выполнения?

— Полная свобода выбора кружит головы исследователям: для каждого из нас нет ничего привлекательней, чем работать по своей прихоти. И осуществление любых несуразностей обогащает, а не обедняет арсенал замыслов, ибо заранее не всегда предугадаешь, что пригодится, а что нет. Работайте над чем хотите и как хотите, дайте волю фантазии — в тиражирование мы потом направим только то, что нам полезно. Вот такой дьявольский план.

— Теперь я понимаю, зачем здесь понадобился я с моей теорией внутримолекулярного резонанса! — сказал доктор Сток. — Они превратят мой безобидный импульсатор в боевое оружие, сокрушающее все живые клетки! Скажите, Агнесса, вы давно узнали о секретном назначении острова? Раньше вы даже не намекали на это.

— Догадывалась я давно, но откровенничать побаивалась. Мне сразу не понравилось, что моим соседом стал Арчибалд Боймер. Сначала я думала, что он просто шпионит, но теперь мне кажется, что задания у него посерьезней, только не соображу — какие.

Доктор Сток тихо засмеялся. Солнце нижним краем коснулось горизонта, и с океаном совершилось удивительное превращение: он стал светлее неба. Оно потемнело, стало багровым на западе, темным на севере, черным на востоке, а океан сиял последним, проникновенным сиянием. Солнце уходило вниз, сияние тускнело, теперь и он смутно багровел на западе и чернел на севере и востоке. Сток сказал:

— Могу вам объяснить, кто таков этот специалист по экспериментальной астрологии. Возможно, он и астролог, но экспериментирует не с небесными светилами, а с психикой. Мы для него — подопытные объекты... Он предлагал мне купить мою душу и показывал приборчик, по его словам — моделирующий свойства моей души. Уверен, что то был психокомандный аппарат. И если бы я разрешил построить его на мою психику, то Боймер получил бы возможность втихаря управлять мною, диктовать мне мои построения: робость, подавленность, ликование, покорность...

Я стал бы для него таким же подопытным кроликом, какими, вероятно, являются все сотрудники НИО. А разговоры об экспериментальной астрологии, покупке души, даже облик потрепанного Мефистофеля — камуфляж, нагнетание несуразностей и невероятностей. Без них поведение Боймера было бы очень подозрительным. Сумасбродство — неплохая форма обмана.

— Вы не ответили на мою просьбу, — напомнила Агнесса. — Мне непереносима мысль, что мой Бриарей, тиражированный в тысячах экземпляров, станет ударной силой в новой войне. Я совершенствовала его способности не для того, чтобы он истреблял людей. Хорошо бы его взорвать, но где достать взрывчатку? А разобрать его мне попросту не дадут. Да и собрать его снова из деталей не составит труда. Его надо уничтожить целиком, доктор Сток.

— Я помогу вам, Агнесса, — сказал Сток. — Вы обратились по тому единственному адресу, который вам нужен. Ваш Бриарей — киборг, верно? Может ли он существовать без живых клеток?

— Нет, конечно. Живая ткань — главный элемент его конструкции. Механические элементы в нем — вроде арматуры, они лишь скрепляют биологическую ткань в целостную систему.

— Прекрасно, я сконструировал оружие, уничтожающее любую живую клетку. Приводите завтра Бриарея ко мне, и мы превратим ваше совершенное создание в кучу хлама. Я намерен испытать свое изобретение дважды — в первый и в последний раз. Толстый Джон Паолини и генерал-профессор Л. Г. Гордон не получают ни вашего Бриарея, ни моего резонансного импульсатора.

— Пойдемте домой, мне холодно, — печально сказала Агнесса Коростошевская.

— Через час у меня, — сказал доктор Сток за обедом.

— Буду через час, — ответила Агнесса Коростошевская.

Доктор Сток осторожно огляделся. Арчибалд Боймер успел пообедать и уйти, другие посетители ресторана не

прислушивались к разговору у двенадцатого и тринадцатого столиков. Доктор Сток с жалостью посмотрел на свою соседку. Она выглядела больной. Она первой встала из-за стола и ушла, не оглядываясь.

В лаборатории доктор Сток проверил импульсатор еще раз. Все утро он настраивал свой прибор на многоканальное излучение. Теперь это было подлинное оружие уничтожения, а не научный аппарат для тонких исследований. И доктора Стока не беспокоила мощь резонансного излучения: он был уверен в его губительности. Он проверил схему взрыва импульсатора — схема работала безотказно. Достаточно нажать на маленькую красную кнопку в самом конце клавиатуры, и его изобретение мгновенно превратится в горку расплавленного металла. Доктор Сток не грустил и не ощущал себя детоубийцей. Древние римляне были правы. Нельзя плодить чудовищ. Если дитя — урод, значит — на камни Тарпейской скалы его, головой вниз! Что будет с ним самим и Агнессой Коростошевской после уничтожения Бриарея и импульсатора, доктор Сток не загадывал. Собственная их судьба была не столь важна, как судьба их изобретений.

И увидев в окно, что к лаборатории приближается двухголовое, восьмирукое существо, доктор Сток вышел наружу. Агнесса Коростошевская шагала рядом с Бриареем, она, сама высокая, не доставала до плеча исполина.

— Ставьте его посередине, я сфокусировал импульсатор на это место, — сказал доктор Сток.

Агнесса приказала своему двухголовому сыну выйти на середину лаборатории. Бриарей неторопливо передвинулся туда. Фокусировка была безукоризненной. Доктор Сток поглядел на Агнессу Коростошевскую. Она, закрыв глаза, стояла в нескольких шагах от своего создания. Доктор Сток догадался, что она боится его предсмертного крика. Он усмехнулся. Она без колебаний привела Бриарея на смерть и, несомненно, обойдется без истерики, когда он, уже безжизненный, рухнет на землю. Но последнего крика она могла не вынести. Доктор Сток порадовался, что заранее подумал об этом.

— Агнесса, отойдите на два шага. Вот так. И не мучайте себя. Импульс будет такой силы, что Бриарей не успеет крикнуть.

Он еще раз посмотрел на стоявшего неподвижно исполина — тот вывернул на доктора Стока обе свои головы, закрепляя в памяти картину, которую ему не объяснили, хотя раньше Агнесса Коростошевская подробно рассказывала о каждой заданной операции. Сток поднял руку, но не успел нажать кнопку: кто-то с силой толкнул его. Это был внезапно появившийся Арчибальд Боймер. Доктор Сток с яростью возвратил удар. Боймер пошатнулся, но не выпустил плеча Стока и снова не дал ему дотянуться до кнопки. В лабораторию ворвались толстый Джон Паолини и Хирон Спадавеккия. Оба бежали к пультам.

— Включайте, Сток, включайте! — отчаянно закричала Агнесса Коростошевская и кинулась к нему на помощь.

Свирепым ударом ноги в живот Сток отбросил закричавшего от боли Арчибальда Боймера и стукнул кулаком по кнопке пуска. И в то же мгновение с ужасом увидел, что Агнесса Коростошевская, на какую-то долю секунды заслонившая собой Бриарея, даже не крикнув, — как он и предсказывал, — упала на пол. Доктор Сток кинулся к ней, попытался ее поднять и почувствовал, как под его рукой еще теплое тело, всего мгновение назад крепкое и упругое, превращается в какое-то бесформенное тесто. Все соответствовало расчетам: так и должно происходить при попадании в человека резонансного импульса большой мощности.

— Доктора, скорей доктора! — кричал Джон Паолини. — Я не перенесу этого ужаса, я не перенесу! Хирон, что-нибудь сделайте, что-нибудь!

Доктор Сток поднялся с колен и медленно оглядел лабораторию. Посередине нее неподвижно стоял двухголовый исполин и невозмутимо ждал указаний и приказов. На полу лежала мертвая Агнесса Коростошевская, ее лицо расплылось и чернело. Взволнованный толстый директор острова что-то выкрикивал, брызгая слюной и размахивая руками,

кисти которых были похожи на распахнутые веера. Рядом величественно возвышался Хирон Спадавеккия, божок, неизвестно как пришедший из древности. А позади, хватаясь за пульт руками, корчился и стонал от боли Арчибалд Боймер, профессор экспериментальной астрологии, соглядатай администрации и тайный похититель душ. И хотя доктор Сток никогда не верил в реальность своей души, сейчас ему показалось, что она точно есть, ибо он почувствовал, как всю ее сводит от горя и ненависти.

— Врача вызывать бесполезно, — спокойно сказал Сток. — Но почему не попросить палача? Палач — это единственное, что нужно для нас и наших адских изделий, поверьте.

— Это ужасно, говорю вам, это ужасно! Столько несчастий сегодня, столько несчастий!

И ему величаво отвечивал Хирон Спадавеккия:

— Всего лишь два маленьких несчастья. И большой успех — Бриарей и импульсатор не повреждены. Я думаю, дорогой Джон...

Что думает Хирон Спадавеккия, доктор Сток уже не мог услышать.

СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

1

— Кое-что, кажется, расшифровано, — поделился новостями Трезор. — Сегодня мы услышим, как далеко простирается мудрость богов.

— Как глубоко она простиралась, — пролаял педант Дик. — Создавшие нас боги были глубоки, это главное.

— Боги были могущественны, — с тоской прорычал Трезор. — Они все умели. Если бы они не самоумервились, нам не пришлось бы сегодня погибать от голода и холода.

Дик задумчиво почесал нос, вынул из кармана платок и вытер им слезящиеся глаза, потом осмотрел кисть заболевшего хвоста. Поразившая хвост непонятная болезнь началась с того, что он перестал удлиняться (всего-то в два раза и растягивается), а потом занули сочленения: достать платок или постель расстелить — и то трудно. Но все десять пальцев пока сохраняли прежнюю гибкость.

— Тузик, чего ты уставился вверх? — спросил Трезор третьего пса. — Разве ты не видел наших солнц?

— Хочется выть на солнце, особенно на третье, — со вздохом отозвался Тузик. — Ах, до чего же хочется выть!

— Противоестественное желание, — строго заметил Трезор. — Боги, когда напивались куки, выли, но нам, собакам, это не свойственно.

— Тем не менее мне хочется, — еле слышно провизжал Тузик. — Я боюсь того, оранжевого, мне просто надо на него повыть...

— Ночные солнца порождают болезненные иллюзии. Держи морду вниз, так мудрее, — посоветовал Дик.

Три пса помолчали, уставясь глазами в землю. Недавно началась ночь, и стало холодно. Скопившаяся в ложбинках вода превращалась в лед. На черном пологие неба пылали, тускло озаряя планету, ночные звезды — два белых карлика, вращавшиеся вокруг оранжевого светила, мелкая россыпь далеких созвездий. Когда закатывались красные дневные солнца и поднимались ночные — белые и оранжевое, на поверхность планеты опускался космический холод. К утру даже содержащийся в воздухе кислород превращался в иней и ложился поверх льда, только водород не отвердевал — над замершей планетой дико шумели водородные ураганы и смерчи. Но до водородных морозов было далеко — пока еще даже водяной пар не отвердевал.

— Скоро идти под землю, — безнадежно пробасил Дик. Это был рослый говорливый пес, он лаял только о том, что все знали и без него. — После вымерзания воды начнутся

кислородные циклоны. Я не знаю ничего страшнее кислородного дождя: сечет, леденит — бр-р-р!

— Ты просто не попадал в кислородную пургу, — откликнулся Трезор. — Вихри кислородного снега куда страшнее! Я выбирался наружу в кислородную зиму: погодка — р-р-р!

— Тебя посылали наружу боги, — с уважением зарычал Дик. — Ты напялил скафандр и пропадал полвечности, я хорошо помню. А еще в прошлую кислородную зиму нам показалось, что к планете приближается звездолет, ты полез проверять. Но звездолет пролетел мимо, а ты все сторожил его до водородных бурь, когда уже весь кислород вымерз.

Дика прервала выскочившая из подземного лаза Жучка.

Она кокетливо лизнула в нос хмурого Трезора, помахала хвостом Тузику, толкнула плечом Дика и объявила:

— Полкан просит нас в университетскую аудиторию. Открылись жуткие подробности о наших создателях, но лаять во всеуслышание я не буду, не надейтесь.

2

Полкан был самым старым и самым старомодным обитателем планеты. Профессором университета его назначил еще бог Павел Васильев, Полкан с гордостью вспоминал об этом. Он, единственный из ученых собак, носил манишку, он говорил, что ему не пристало выставлять из жилета рыжую грудь, пусть так — с обнаженной шерстью — щеголяют псы-пижоны, потерявшие представление о приличиях, он же блюдет традиции, освященные уже десятью годами и одиннадцатью зимами.

И сейчас он, сдвинув на нос очки, строго оглядел аудиторию — щенки шумно переругивались, рассаживаясь, — откашлялся, высморкался и приступил к докладу.

— Полчаса подремлем, — проворчал Трезор, обращаясь к Жучке. — У тебя не веер в хвосте? Обмахивай меня, когда станет жарко. У нытика Тузика и сегодня, наверное, отка-

жет вентиляция. И не забудь разбудить, когда Полкан доберется до толкования рукописей и таблиц.

— Не храпи, а то искусаю, — предупредила Жучка. — Терпеть не могу, когда мужчины храпят.

Полкан начал с доисторического периода, когда боги Васильев, Робинсон, Шурке, Гейгер и Снорре стали обживать необитаемую планету. Звездолет ударился о камни, но все остальное сохранилось в целости — и автоматы-слуги, и полуфабрикаты создаваемых разумных существ («среди них находился и ваш покорный слуга, правда, еще в эмбриональной форме», — с гордостью объявил Полкан), и химические реактивы, и аварийные продукты питания. Полкан рассказал, как создавались заводы по изготовлению атмосферы, строились подземные склады и жилища, как завершились работы по выведению породы разумных псов и новые создания, быстро размножившись, заселили планету, так умело и верно помогая своим создателям, что бог Васильев ставил их в пример роботам. Зато на ссорах между богами Полкан не задерживался: старому псу были неприятны воспоминания той далекой поры, когда его самого со всех сторон теребили, а он не знал, кого защищать.

— Вы хорошо знаете, как страшно завершилась эта глава нашей истории, — грустно провизжал Полкан. — Атомный взрыв, совершенный богом Робинсоном, уничтожил и богов, и звездолет, и роботов, и всех псов, кроме тех одиннадцати, которых успел выпустить бог Васильев. Замечу в скобках, что среди спасшихся находился и ваш покорный слуга, тогда еще зеленый щенок. А когда мы на другое лето после взрыва выбрались из подземных укрытий, мы обнаружили лишь остатки дневника бога Васильева и поврежденную каменную плиту, которую боги называли «Скрижали завета».

Полкан, четырехкратно удлинив хвост, обвинил им обелиск, прислоненный к университетской трибуне — на камне виднелась полустертая гравировка, — а потом положил все десять пальцев хвоста на стол — рядом с обгоревшей тетрадью.

— Мы долго трудились над расшифровкой дневника и скрижалей, — торжественно продолжал Полкан. — Мы понимали, что в них скрыта мудрость богов. Наше благополучие зависит от того, удастся ли нам овладеть ей — или она навеки останется недоступной. Если мы раскроем тайны богов, создавших нас, то сами станем равны богам и во Вселенной начнет распространяться новая цивилизация — цивилизация божественных собак, или, говоря проще, псов. С великой радостью я объявляю, что этот миг приближается — мы расшифровали и скрижали, и дневник. Кэт, прошу вас, займите мое место на трибуне.

Жучка нежно ударила хвостом по морде Трезора. Он не проснулся, и она куснула его в шею. Трезор открыл мутные глаза и хрипло прорычал:

— Уже начинается? И поспать не дают!

— Я начну с дневника бога Васильева, потом перейду к скрижальям завета, — провизжала с трибуны Кэт, тощая, длинная собачья дева, самая умная среди учеников профессора Полкана.

3

Дневник профессора Павла Георгиевича Васильева.

«...связанный, мог лишь глядеть. Робинсон усмехнулся. И умирая, не забуду этой ухмылки. Он негромко сказал:

— Обещайте не поднимать бузы. Так это, кажется, называется на том языке, который ваш дед потерял, ваш отец постарался забыть, а вам пришлось изучать заново? Без такого обещания не развяжу.

Я взглядом показал ему, что буду послушен. Он вынул кляп из моего рта и освободил ноги.

— Развяжите руки, подлец! — сказал я, пытаюсь подняться, но со связанными руками это было трудно. Он помог мне сесть.

— Каждый плод созревает в свой срок, профессор. Для начала делового разговора я предложу вам поглядеть на экран.

— Включите, — сказал я, откидываясь на спинку дивана. Я был измучен и опустошен. Этот мерзавец теперь даже умереть мне не даст.

На экране вспыхнуло несколько точек. И без вычислений было ясно, что это не астероиды, а преследующие нас крейсера. С тяжелым сердцем я смотрел, как тускнеют их изображения и сами они словно сбегаются в кучку: «Гермес» легко обгонял все другие звездолеты — Робинсон безошибочно рассчитал свой адский план.

— Я в бога, как вы знаете, не верю, — заявил он, удобно усаживаясь в кресло. — Но быстроногий божок Гермес мне нравился с детства. Даже Зевс не сумел бы его нагнать, не говоря об всяких Аресах и Аполлонах.

— Поэтому вы и назвали свою новую конструкцию галактического корабля «Гермесом»? — с ненавистью спросил я.

— Вы проницательны, профессор. Добавлю: конструируя его, я не сомневался, что когда-нибудь мне придется удирать с Земли в неизвестность.

— Вам создали удивительные условия, — сказал я. — Ваша вшивая частная компания и мечтать не могла о размахе, который придала ей передача в государственное управление. Вспомните, ваш «Геракл» дальше Альфы Центавра так и не сунулся. А ваши последующие космические гробы, все эти «Деметры», «Афродиты», «Геры» и «Афины»? «Наши богини возносятся на Галактический Олимп» — такое напыщенное интервью вы дали прессе. Ни одна из этих тихолетных богинь не добралась даже до Сириуса. А сейчас вам дали возможность построить корабль, способный долететь до Альдебарана. Почему такая неблагодарность, Робинсон?

Он смотрел на меня с наслаждением, словно я хвалил, а не разносил его. В жизни мне не приходилось встречать более наглого человека, чем Робинсон.

— Вы точно описываете факты, — согласился он. — Но, кроме фактов, существуют чувства. Вы не пробовали заглянуть мне в душу, профессор?

— Я клоаками не интересуюсь!

— Вам не удастся меня оскорбить, — сказал он и непонятно добавил: — Сейчас моя сверху.

— Развяжите мне руки, — потребовал я.

— Обещайте вести себя смиренно.

— Обещаю, — сказал я. У меня решительно не было выхода.

Он развязал меня и продолжал свою тошнотворную болтовню:

— Итак, мы остановились на моей душе. Моя душа — элизиум теней, как выразился один из ваших поэтов, которого вы, разумеется, не знаете.

— Мой родной язык — английский, — возразил я, уязвленный.

— Об этом я и говорю. Ваш дед бежал от революции в России, ваш отец знал русский, но позабыл его, а вы обучались языку своих предков по школьному курсу. Зато я изучил этот язык. Врагов надо знать.

— Вам это помогло, Робинсон?

— Ровно в той мере, чтобы понять, что я слишком поздно родился на свет. Мои предки с Вильгельмом Завоевателем высадились в Англии. Мне надо было обретаться где-то в тех веках, а я опрометчиво создал компанию по строительству галактических кораблей — причем в стране, где к власти пришло левое правительство. По натуре я — феодал-полубог, но после национализации мне отвели должность старшего конструктора с персональным окладом. Говорю вам, это не по мне. «Гермеса» я строил не для человечества, а для себя. Пока не создадут равноценных кораблей, мы будем пиратствовать в космосе. Робинсон, флибустьер Галактики, — по-моему, звучит неплохо?

— Земля построит корабли совершенней «Гермеса», и вас повесят.

— Это будет не скоро. Моя душа успеет насытиться космическим разбоем. К тому же у нас есть возможность бежать на дальние звезды и там колонизировать подходящую планетку.

— Зачем вы похитили меня?

— Господам нужны слуги — разве вы этого не знаете? На людей я уже не рассчитываю: из них начисто вытравлен благородный дух раболепства. Но создаваемые вами мыслящие собаки для роли слуг подойдут.

— Мыслящее существо не помирится с рабством, рано или поздно оно станет свободным.

— Постараемся, чтоб это было поздно, а не рано. Если ваши псы примирятся с судьбой рабов в течение двух-трех столетий, меня это устроит. Как вы знаете, у меня нет детей. Кстати, мы с вами не одни на корабле. Я похитил еще и Снорре, конструктора заводов, из любой дряни создающих кислород. Шурке, добровольно присоединившийся ко мне, заведует термоядерным арсеналом, а патер Гейгер, тоже доброволец, постарается внедрить в сознание ваших разумных детищ основные начала религии: без бога ни до порога, как говаривали ваши предки, — эта истина должна лежать в фундаменте всякого научно организованного разбоя. Как видите, компания на «Гермесе» отлич...

...милые собачки. Полкан уже понимает меня, Рекс начал разговаривать по-человечески, остальные тоже совершенствуются. Десять гибких пальцев на свободно удлиняющемся хвосте чудесно прижились, теперь хвост из бесполезного рудимента превратился в важнейший рабочий орган. Вместе с тем...

— ...Ты мой кумир! — с восторгом объявил пьяный Шурке. — Прикажи убить — убью! Прикажи ограбить — ограблю! Я с первого взгляда возлюбил тебя, как самого себя. Вели — немедля укокошу профессора!

Все это он высказывал на ужасном африкано-немецком диалекте. Робинсон снисходительно улыбнулся. Не могу сказать, что он поощряет подобное обожание, но он и не запрещает его — Шурке достаточно. Перепугался я, по-честному, ужасно, но постарался этого не показать. Робинсон, однако, разбирается в любом моем состоянии. Вероятно, я был очень бледен.

— Я ценю ваши добрые намерения, Шурке, но профессор нам еще понадобится. Я уверен, что он придет к здравому решению.

— Помогать в нападении на человеческие корабли не буду! — крикнул я. — Можете теперь поручить Шурке укокошить меня.

— Дух ваш по-прежнему стоек, — сказал он почти с одобрением. — Однако я замечаю эволюцию в ваших намерениях. Раньше вы грозились сопротивляться, сейчас только не будете помогать. А вы, Снорре?

— Я тоже устраниюсь, — коротко объявил исландец.

Робинсон пронзил дьявольским взглядом Гейгера. Тот был напуган побольше моего. Он трясся и боялся поднять лицо.

— Не правда ли, Гейгер, — со зловещей мягкостью заговорил Робинсон, — не правда ли, говорю я, вы восхищены, как и я, благородным образом мыслей нашего коллеги Шурке? Вот истинный образец христианских добродетелей, не так ли? Шурке носит бога в сердце своем, и этот бог, естественно, я. Надеюсь, обожание господя, в каком бы образе он ни явился, не противоречит догматам нашей святой религии?

Я отвернулся: мне неприятно было смотреть на это жалкое, растерявшееся существо. Уверен, что Робинсон заставил Гейгера идти с ним на корабль, добровольным решением тут не пахнет, что бы ни говорили Робинсон и сам Гейгер.

— Нет, почему же... — промямлил Гейгер. — По форме, конечно... Но сущность, тем не менее...

— Отлично. Два пленника против, три добровольца — за, — подвел итоги Робинсон. — Мое решение таково: пленников запираем в кормовой камере, а вы, Шурке, готовьтесь к нападению на человеческую эскадру. Сегодня мы покажем тупым землянам, кому принадлежит космос!..

...однако сумел спастись. По скорости «Гермес» пока еще превосходит другие корабли, к сожалению, это надо признать. Робинсон третий день не показывается в салоне, Шурке притих, Гейгер подавлен, а мы со Снорре втихо-

молку ликуем. Спасения мне ждать неоткуда, но мысль, что план Робинсона блокировать человеческие трассы в Галактике сорвался, наполняет меня востор...

...слишком сильный удар. Повреждения более значительны, чем уверял Робинсон. Вряд ли удастся восстановить «Гермес», хотя жить в нем еще можно. Планета — крохотный шарик, лишенный и подобия атмосферы. Два дневных солнца я выдерживаю, но три ночных действуют на нервы. Ночь продолжается около земного года, день такой же длинный. К лету Снорре обещает пустить первый атмосферный завод, и тогда можно будет выходить без скафандра. Робинсон передал ему всех роботов, я вынужден выделить отряд мыслящих собак. Эти чудесные создания, ласковые, умные и умелые, работают так хорошо, что Снорре ими не нахвалится. Тупой кретин Шурке обращается с ними, как египетский надсмотрщик с пленными. Я упрекнул его, он замахнулся на меня кнутом. Я поспешно ушел, но сердце мое обливается кровью. Я убил бы Шурке, если бы мог убивать. Но я умею лишь создавать, я никогда не учился что-либо уничто...

...азал я с возмущением.

— Вы ошибаетесь, — возразил он. — Я член общества охраны животных, а ваши собачки разумные существа, а не животные. Правила защиты бессловесных тварей на них не распространяются.

— Короче, вы не хотите смягчить их трудное существование, Гейгер?

— Единственное, что я могу сделать, — это постараться внести в грубую душу Шурке принципы христианской благодати и всепрощения. Но вы сами понимаете, профессор, Шурке это Шурке!

Я пошел от него. Если Робинсон отказался поддерживать меня в споре с Шурке, то Гейгер и подавно не пойдет против своего господина. Попытка прибегнуть к его заступничеству была бессмысленна. Я дурак, всегда был дураком и другим уже не буду!

Гейгер крикнул мне вслед:

— Подождите, профессор, вот же горячая душа! — Я обернулся. Он сказал — так, словно его обещание могло все изменить: — Сегодня возьму двух роботов и выбью на камне десять христианских заповедей. Шурке ежедневно будет читать скрижаль завета, и это, уверен, окажет благотворное влияние на его душу.

На другой день камень с высеченными заповедями красовался неподалеку от корабля. И эта чепуха — все, чего я доби...

...надо помешать! — твердо сказал Снорре. — Пора вам, профессор, отделаться от ваших вечных колебаний и нерешительности. Или мы их, или они нас — теперь только так!

— Погибнут мои собаки! — запротестовал я. — Исчезнет выведенная мною новая форма разума, которой предстоит великая будущность!

— Нет, тысячу раз нет! — воскликнул Снорре. — Во-первых, останутся те собаки, которых они переселили на корабль для обслуживания их персон. А во-вторых, мы возвратимся сюда с людьми и арестуем эту преступную тройку, а всех, которые находятся сегодня в собачьем лагере, вызволим.

Я опять раздумывал и опять не видел выхода. На что-то надо было решаться, я только не знал — на что.

— Вы уверены, что разобрали их разговор? — спросил я.

— Я не глухой. И они не догадывались, что я спрятался под бочкой. «Оставим их здесь с сотней лишних псов, пусть подыхают вместе с ними, а сами завтра снова вырвемся в космос, — сказал Робинсон. — И будем нападать лишь на отдельные корабли, а не на эскадры». Итак, ваше решение, профессор?

— Согласен! — сказал я. — Но я все-таки выпущу собак из загородки. Оставлять их в жестоких лапах Шурке я не могу. Ждите меня на корабле.

Он зашагал к звездолету, а я поспешил к домику, откуда неслись хохот захмелевшего Робинсона и дикий рев Шурке...

...один час! — крикнул Робинсон. — После этого я взрываю бомбу. Мы, конечно, погибнем тоже, но и ваши тела разлетятся плазменным облачком.

— Он врет! — простонал я. — Нет у них бомбы.

— Он говорит правду, — ответил Снорре. — Думаю, нам не уйти. За час я не подготовлю аппаратуру к полету.

— Я не хочу выходить! — воскликнул я. — Снаружи нас ждет смерть еще более жестокая, чем здесь. Робинсон не простит нам попытки к бегству.

— Он, несомненно, поиздевается над нами.

— Что же делать? Что же делать, боже мой?

Снорре возится с пусковыми приборами, а я пишу. До конца предоставленного нам часа осталось восемь минут. Сейчас я поставлю последнюю точку и запру дневник в сейф. Вот она, последняя точка, — может быть, на всей моей жизни!»

4

Ученая Кэт закончила чтение расшифрованного дневника, и на трибуну опять поднялся Полкан.

— Самое главное еще предстоит услышать! — залаял он с воодушевлением. — В дневнике бога Васильева много неизвестных нам подробностей, но в целом он рисует лишь ту картину божественных взаимоотношений, что сохранилась в памяти собак старшего поколения. Для нашей практической жизни важнее скрижали завета, сохранившиеся, к сожалению, частично, так как многие слова в строках отсутствуют. Кэт, прошу вас.

— Вот что удалось разобрать на Камне Завета, — заговорила Кэт. — Читаю по порядку каждую строку, где сохранились слова:

...сотвори себе кумира.

...возлюби самого себя.

...убей.

...укради.

...лги.

...прелюбодействуй.

...богохульствуй.

— Хотя расшифровано и не все, но основное ясно, — пролаял Полкан с трибуны. — Самым же убедительным доказательством истинности расшифровки является то, что изречения в точности описывают божественное поведение наших создателей. Думаю, это не вызовет дискуссии. Теперь нам остается найти способ внедрить завещанную богами истину в нашу жизнь, и мы сами тогда станем богоподобными и богоравными. Прошу высказываться. Кто просит лая?

Первым попросил лая Трезор.

На трибуне он преобразился: глаза его горели, клыки хищно обнажились, хвост с десятью распяленными пальцами простерся в зал.

— Я принимаю Камень Завета как священную хартию! — загремел он. — Я сотворил себе кумира, и этот кумир — я, ибо я возлюбил самого себя. Призываю остальных добровольно присоединиться к обожанию меня. Жду верноподанных лаев.

Некоторое время в зале царило ошеломление, потом слышались протестующие рыки. Над общим шумом вознесся визг Тузика:

— Наглый захват власти! Не соглашаюсь!

— Подойди к трибуне и пролай во всеуслышание свой протест! — недобро предложил Трезор.

— Не побоюсь! — истошно визжал Тузик. — Пойду и пролаю.

Он вылез из ряда и направился к трибуне. Когда Тузик проходил мимо Трезора, тот впился клыками ему в горло. Тузик упал — мертвый.

— Я осуществил еще одну заповедь: убил! — возгласил Трезор, жадно облизываясь. — Кто теперь будет отрицать мое высшее происхождение? Ты, Полкан? Ты, Рекс? Ты, Кэт? Или, может, ты, Дик?

— Ты действуешь по божественным заветам, Трезор, — покорно подтвердил ученый Полкан, испуганные псы пролаяли свое согласие.

— (Я свой кумир и самовозлюбленец! — ликовал Трезор. — Я буду убивать, лгать, красть, прелюбодействовать. Придите ко мне и поклонитесь, ибо я богоравен, а вы — богоподобны!

ВТОРОЕ «Я» — Я

Дело было не в привязанности к Земле, как полагали друзья. Алексей Ларьян боялся звездных путешествий. Ему предлагали три интересные командировки в Плеяды и созвездие Лиры, а он трижды отказывался. В командировки намечали одновременно его и Анну. На Земле они были друзьями и собирались пожениться, когда придет время. Но мысль, что они окажутся вместе в далеком звездном уголке, пугала его. Он не мог рассказать об истинных причинах своего отказа никому — особенно Анне.

Разгадка же была в том, что его отношение к Анне изменилось. Он не разлюбил ее — он успокоился. Раньше он сдерживался, чтобы не показать, какая в нем бушует буря, сейчас порою подстегивал себя — чтоб Анна не заметила перемены. Он не сомневался, что на Земле сумеет продержаться очень долго: земные машины безопасности пресекают попытки непосредственного чтения мыслей. Если уж он должен скрывать истинное положение дел, то лучше всего это делать на Земле. О том, чтобы признаться Анне, он и думать не хотел. Он скорее убил бы себя, чем огорчил ее.

Но в иных мирах он долго не выдержит. Правда, в звездолетах смонтированы свои машины безопасности, там, как и на Земле, человек может рассказать о своих чувствах только при помощи слов и поступков. Во время длительных рейсов древнее человеческое неумение непосредственно воспринимать мысли и эмоции возведено в ранг закона, потому что прямое чтение мыслей, как показал опыт, часто приводит к трениям в экипаже. Бывали даже случаи — немыслимые на Земле, — когда люди ссорились по пустякам. Но вся эта

блестящая техника отказывала, едва люди покидали корабли. Радиус действия МУМ — малых универсальных машин, которыми были оснащены звездолеты, — не превышал и миллиона километров. За этими пределами людей захватывала примитивная стихия прямого понимания. Алексей в страхе зажмурился, когда представлял, как Анна, потрясенная, внезапно узнает, что он относится к ней не так, как прежде. Не то что он может разрешить себе подумать о ней плохо — этого с ним не случится ни на Земле, ни в звездных мирах. Но все же многое изменилось — хотя он постоянно убеждает ее в обратном.

Но когда комплектовали флот в Южную Корону, Анна неожиданно дала согласие — за себя и за Алексея, не дожидаясь, пока он откажется в четвертый раз.

— Чем мы хуже других? — сказала она. — Елена с Надей налетали восемнадцать тысяч светолет, а мы словно прикованы к солнцу. Ведь никто не поверит: ты не забирался в Галактику дальше Сириуса!

— Мы были на звезде Ван-Маанена, — напомнил он. — Я уже не говорю о туристическом рейсе вокруг Проксимы Центавра.

— Больше я так не могу, — объявила она. — Я начинаю думать, что ты разлюбил меня, если боишься совместных полетов.

Он сдался:

— Хорошо, я согласен. Но вряд ли тебя порадует дальняя экспедиция.

Она была так счастлива, что не поняла предостережения. Он возвратился к себе подавленный. Лететь было невыносимо. Еще невыносимей было не лететь. И тут он вспомнил о недавно организованном Институте Экспериментальной Вездесущности. Там ему могли помочь.

В ИЭВ Алексей поговорил с двумя сотрудниками — они смотрели на него как на рехнувшегося. Правда, они этого не сказали.

— М-м, интересно! — промямлил один. Он был огромен и толст — и отвечал за точное воспроизводство родителей в дубликатах.

— Немыслимо, — сказал второй, низенький и худой, — он руководил отделом жизнеспособности копий. — Никогда не слышал ни о чем подобном. Вот до чего доводит любовь!

— Да, любовь, — отозвался толстый. — Страшная это вещь, если вдуматься. Необъективность и несправедливость! Какой-нибудь малопримечательный человек вдруг становится значительнее всех в мире! А, Леонид?

— Надо подумать, — сказал худой. — Закончим схему копирования прародителей и возьмемся за любовь.

— Я не прошу, чтобы вы разделялись с любовью вообще, — уточнил Алексей. — Наоборот, я хотел бы, чтобы вы помогли удовлетворить частные нужды моей любви.

— Видите ли, дублированием людей мы не занимались, — любезно разъяснил толстый. — Правда, опыты над животными удались, а человек принципиально...

— О, я не считаю себя хуже животного! Никакого животного, включая самое разумное...

— Единственное разумное животное — человек, — строго возразил толстый. — Это явствует из определения человека как существа интеллектуального. К тому же мы в институте на собственном примере... Короче, вся трудность в том, чтобы продублировать ваш мозг. Вы меня понимаете? Ваши влечения, наклонности, привычки...

— Я как раз и не хочу очень точного... У моего дубликата должно быть другое отношение к той особе... Я более или менее стал равнодушен... Ну, немного не так...

— Избирательное воспроизводство оригинала в копии, — сформулировал худой. — Так сказать, дублирование с заранее заданными свойствами. Я давно мечтал о чем-то подобном.

Худой посмотрел на толстого. Толстый сжал губы. Худой кивнул головой. Поколебавшись, толстый сказал:

— Когда-нибудь надо же попробовать! Смех же — вездесущность на животных... А тут такой повод! Продублировать

заказчика в полном объеме, чтобы была настоящая человеческая, а не собачья или там бычья вездесущность.

— Я прошу всего лишь об одной копии. Полной вездесущности мне не требуется, — сказал Алексей.

— Полная вездесущность физически немыслима, — объяснил худой. — Ее придумали древние мистики, а мы ученые. Мы назвали себя Институтом Вездесущности, имея в виду предел, к которому стремимся. Реально мы — многосущники, а не вездесущники. А ваш заказ и того проще — обычная двусущность. С собаками мы это делали сотни раз. В общем, я — за. Не обещаем абсолютного тождества в каждой молекуле, но совпадение внешности и характера...

— Это меня устраивает. И учитывая, что мне скоро в рейс...

— Тянуть не будем, — пообещал толстый. — Итак, повторяю условия: полное копирование внешности и характера за единственным исключением: отношение к этой...

— Да. К ней! Других исключений не требуется...

Знакомство с двойником состоялось спустя неделю.

— Здравствуй, Алексей! — сказал Алексей, обнимая его.

— Здравствуй, Алексей! — сказал он, обнимая Алексея.

Сначала двойник показался Алексею непохожим. Голос был слишком звонким, движения развязными, фигура сутулой, а в лице было что-то чужое. «Брак! — подумал Алексей смятенно. — Первая модель человека, — конечно, они объяснят это отсутствием опыта!»

Но работники Института растолковали ему, что он видел себя лишь в зеркале и на фотографиях, а в жизни он иной, чем на изображениях. И голос свой он слышал лишь изнутри или в записи — то и другое искажает звучание. И он не представляет себе, какова его истинная фигура, походка и жесты.

— Мы создали в вашей копии совершенный образец двусущности, — торжественно сказал толстый. — Берите своего

двойника под руку и погуляйте. Окончательное впечатление изложите потом.

Алексей вышел из института немного растерянный. Ему казалась странной мысль, что он идет не сам собой, а рядом с собой. Двойник глядел на Алексея растроганными добрыми глазами.

— Алексей! — сказал Алексей.

— Что, Алексей? — отозвался двойник.

— Нам надо бы как-то различать друг друга.

Двойник на секунду задумался.

— Для начала мы можем присвоить себе индексы, — предложил он. — Скажем, ты — Алексей А, я — Алексей Б. Потом научимся различать по существу.

— Существо-то у нас одинаковое, — напомнил Алексей.

— Да, одинаковое, я забыл об этом, Алексей.

— Впрочем, на индексы я согласен. Итак, ты Б, а я — А.

Некоторое время они шли молча. Они еще стеснялись друг друга.

— Что мы будем сейчас делать, Алексей Б? — спросил Алексей А. — Я имею в виду — куда пойдём?

— Как куда? — удивился Алексей Б. — К Анне, конечно. Я хочу увидеть ее сегодня. Я должен тебе признаться, Алексей А, что такое глубокое, такое горячее чувство...

— Не можем же мы явиться к ней вдвоем! Что она подумает о нас?

— Да, она растеряется или возмутится. Как ты думаешь, Алексей А, она возмутится? Я очень беспокоюсь.

— Меня это беспокоит не меньше. Идти к ней вдвоем нельзя.

— Погуляем, Алексей А. Мне хочется погулять с тобой. Я чувствую удивительное родство наших душ.

— Тут нет ничего удивительного — мы двойники.

— Да-да, мы двойники! Это многое объясняет, Алексей А.

— Слушай, а не упростить ли нам взаимоотношения? — сказал Алексей А. — К чему эти постоянные Алексеи? Оставим одни индексы и — хватит. Как по-твоему?

— Великолепно. В математике такой прием — исчисление по индексам — применяется часто. Итак, ты — А, я — Б. Очень удобно, ты не находишь, А?

— Очень удобно, Б, — сказал А.

А немного тревожился, что им могут повстречаться знакомые: как объяснить совершившееся с ним раздвоение личности? Он украдкой оглядывался на Б. Он не мог отделаться от ощущения, что они не совсем равны — он, А, оригинал, а тот, Б, копия, правда — великолепно исполненная, мать с отцом не сумели бы сделать таких близнецов, но все же — копия.

Но Б и виду не показывал, что считает себя чьей-то копией. Он лишь из вежливости уступил своему двойнику индекс А, а себе взял Б. В остальном он индивидуален и особ. И если А неразличимо тождествен ему, Б, то это есть свойство самого А, а не личная особенность Б. «Вскоре он будет считать, что я его копия», — с опаской подумал А и порадовался, что строгие земные порядки запрещают прямой обмен мыслями. Ему было не по себе от того, что он угадывает в Б такое понимание их тождества. Еще спустя некоторое время А понял, что непорядочно относится к собственному двойнику, а тем более — к Анне. Не собирался же он подсунуть ей похожее на себя чучело! Он искренне хотел, чтобы с Анной был он сам (в смысле — второй он) и чтоб этот Б лучше относился к Анне. «Произошло то, чего ты хотел, — радуйся!» — сурово сказал он себе и стал радоваться. И вскоре А обнаружил, что еще ни с кем не чувствовал себя так легко, как с Б. И того одолевали похожие чувства.

— Ты замечательный парень, А! — сказал он с восторгом. — Ты заметил, что наши взгляды совпадают?

— Я плохо схожусь с людьми, но общий язык с тобой нашел сразу, — ответил А.

Тут он вспомнил, что завтра утром отлет на Плутон (дальняя звездная экспедиция стартует оттуда), и грустно сказал:

— Мне очень будет не хватать тебя, Б.

— Мне тоже. Но теперь мне надо повидать Анну. Я обещал ей зайти вечером.

— Это я обещал Анне зайти вечером, — сдержанно поправил А.

— Ты? Как это ты? Ну да, ты. Тем самым и я, не так ли? Я не задержусь. Ночуем у меня?

— Да, у меня. Не задерживайся, Б.

Б убрался, А поплелся домой. Ему опять стало не по себе. Было что-то плохое в том, что к Анне пошел Б, а не он. Нужно было поскорее разобраться во всем этом, чтоб ощущение чего-то неладного не превратилось в горе от непоправимого. И, еще не дойдя до дома, А понял, что настроение ему испортила ерунда. Он, А, приревновал Анну к Б. Это было доисторическое, невежественное чувство. Подобные древние уродства прячутся в глухих уголках души, как плесень в сырых подземельях. Чтобы они не отравляли все вокруг сочащимся из них ядом, их надо высвечивать лучом разума. Логика они не переносят. А расправился со своими темными чувствами. Он сказал себе: «Ты приревновал Анну к себе, глупый человек! Не соперник пошел к ней, а ты сам. Тебе непривычна подобная ситуация, но надо приучаться: теперь ты присутствуешь одновременно в двух разных местах. Не двойник и не копия — это грубо, и не един в двух лицах — это попахивает древней мистикой, а просто и ясно: один и тот же человек в двух местах. Ты здесь и одновременно там. Что в этом сложного? Ты — двусушен. Ты мог бы заказать себе и трисушенность и дюжиносушенность — дело пустяковое. А отсюда вывод: смешно ревновать к себе». После такого строгого рассуждения ревность исчезла. А разделся и лег в постель, Б он постелил на диване. Здесь ощущалось какое-то пренебрежение к Б как к двойнику, но А не любил спать на диванах...

Б возвратился поздно ночью.

— Как Анна? — спросил А. Он чуть было не поинтересовался: «Она не догадалась?», но грубый вопрос мог обидеть Б.

— Анна великолепна! — воскликнул Б. — Чем больше я узнаю ее, тем сильнее люблю. Она была очень веселой — и

такой красивой! Мне кажется, сегодня она еще красивей, чем вчера.

А лежал, стиснув зубы. Что бы там Б ни говорил, а какой была Анна вчера, он не мог знать. И, если честно, именно вчера она была красива, как никогда!

— Спать, спать! — весело бормотал Б, уминая подушки на диване. — На рассвете мы улетаем! На рассвете мы улетаем!

А глядел в звездное небо за окном. Ему не хотелось спать.

...А проснулся с ощущением, что случилась беда. Комната была пуста. В окно лилось солнце. Б исчез, предварительно убрав диван.

— Все в порядке! — сказал себе А и опустил голову на подушку, но через минуту заметался по комнате, хватая одежду.

Ничего не было в порядке. В мире воцарился дикий хаос. А, не умываясь, промчался мимо стереофона, потом, уже на улице, вспомнил, что стереофон может помочь скорее, чем самый быстрый бег. Он возвратился и вызвал космодром.

— Да, экипаж экспедиции Ф-44 утром вылетел на Плутон, — сообщила дежурная космодрома, хорошенькая девушка со слишком самоуверенным лицом. — Да, и Ларьян тоже. Что? Ну вот еще — не знаю Ларьяна! Невысокий, белокурый, немного застенчивый — и зовут Алексеем, правильно? Кстати, вы очень на него... Да, экспресс на Плутон отправляется в двадцать три, он прибывает почти одновременно с кораблем, на котором... Записать вас на экспресс? Ларьян? И тоже Алексей?.. Знаете, мне вдруг показалось... Не опаздывайте. Вы записаны сто тридцатым.

Алексей присел на диван. У него дрожали руки. Он снова и снова возвращался к чудовищной ошибке, совершившейся на рассвете.

— Анна! Анна! — шептал он. — Что же теперь будет?

Одно он понимал ясно: он был Б, а не А. Тот А, что отказывался лететь с Анной, рано утром, воспользовавшись тем, что он, Б, спит, уехал к Анне. Та, разумеется, не заметила подмены. Да и что она могла заметить? Они больше чем

двойники, они — один и тот же человек. Он здесь и одновременно там — все очень просто. И в эту кристальную простоту тот, второй, нет, первый, в общем — такой же, но только А, а не Б, внес безобразную, непростительную путаницу, заменив собою, А, его, Б. Одно, только одно отличало их — отношение к Анне. Он, тот другой, нет, первый, А, он был равнодушен к Анне, а этот, я, то есть Б, я же не мыслю себя без нее!.. Какая красивая она была вчера, еще красивей, чем позавчера, я же сказал ей: Анна, я так счастлив, что мы вместе далеко, далеко... Нет, как же теперь? Я все о нем расскажу! Прилечу одновременно с ними и брошу ему в лицо...

Алексей снова забегал по комнате. Он представил себе, как они бурно объясняются, а она молча переводит испуганный взгляд с одного на другого.

— Нельзя, нельзя! — крикнул Алексей. — Как же мы объясним ей, почему нас двое?

Тут ему пришла в голову новая ужасная мысль, и, задохнувшись, он бессильно упал на диван. Путаницы не произошло, мир вовсе не отдан хаосу. Что намечалось, то и осуществилось. Он не Б, он А. Ему надо было остаться — и он остался. Б должен был лететь с Анной — и Б улетел. Произошла лишь одна непоправимая подмена — изменилось его отношение к Анне.

ФОРМУЛА ЧЕЛОВЕКА

1

У меня путаются мысли. Я не мог ошибиться. Тем более нет ошибок в формулах Шефа. После ухода мистера Пайерса я снова и снова гоняю машину. Результат неизменно тот же — в вычислениях все правильно. Я не могу этого принять. Это больше чем катастрофа. Это недопустимо. Я плачу над матрицами и интегралами. Бедный Шеф, великий, несчастный Шеф!

Завтра я проведу опыт на себе. То, что случилось с Шефом, со мной произойти не может. Я обладаю стопроцентной гарантией удачи. На моем столе возвышается горка дисков — уникальнейший документ, исчерпывающая кинолетопись моего детства. Друг отца заснял мое появление на свет, мою первую гримасу, первое подергивание ручек и ножек, первые испачканные пеленки. День за днем он запечатлевал, как из живого комочка я превращаюсь в мыслящее существо. Говорю вам, это потрясающе доказательный материал. В любой тяжбе о наследстве любой суд принял бы мои материалы как неопровержимые. К сожалению, проблема куда сложнее запутанных споров об имуществе. Однако всякую сложность можно свести к конечной сумме простых истин. Я гляжу на стопку дисков и радуюсь, насколько это возможно в моем тяжелом состоянии. Завтра я докажу на собственном примере, что теория Шефа безукоризненна. У меня становится светлее на душе, когда я думаю о том, что произойдет завтра.

И если я пишу эти записки, то не в качестве завещания. Несчастья быть не может, ибо я рожден женщиной. Я десятки раз изучал запись своего существования, кроме первого диска, что лежит сверху. «Этого тебе нельзя смотреть, Ричард, — говорил отец. — Здесь увековечены твои роды — твоя мать в постели, твой выход в мир». Но если мне нельзя смотреть на обнаженную мать, это могут сделать другие. И это полчаса назад уже сделал Пайерс. Он засвидетельствовал, что я рожден нормально, не легче, но и не труднее, чем все мы. Я отвлекаюсь. Смешно доказывать, что я человек, когда никто в этом и не сомневается. Я хотел говорить о другом — о последних днях Шефа.

Шеф заполняет мои мысли и чувства. Я хочу зафиксировать на бумаге его проекты, его изречения, его опасения, его восторги. Я вижу его — грохочущего, задумчивого, подавленного, ликующего. Он ходит около меня. Он разговаривает со мной. «Если не ошибаюсь, вы дурак, Ричард!» — говорит он. Он всегда ругается, когда ему весело. Я люблю

Шефа. Я содрогаюсь от горя, что все так трагически, так необъяснимо трагически закончилось. Шефа нет, есть его теория. Я не хочу оплакивать Шефа. Я буду его возвеличивать!

2

Шеф разработал теорию автоматов. На ее основе он сконструировал машину, определяющую степень искусственности любого объекта. Ничего равноценного его теории и этому аппарату, который мы недавно стали испытывать, еще не существовало. Даже перед золотым крестом господина на Страшном суде я буду настаивать, что Шеф совершил поворот в развитии человечества. Все ученые рядом с шефом — мальчишки возле титана. До него вообще не было ученых. Ибо Шеф... нет, не буду предварять события! У меня путаются мысли, и я тороплюсь... Все это слишком необыкновенно, слишком важно для всех нас. Речь идет о судьбах человечества, я не собираюсь это скрывать.

Я вспоминаю, как Шеф швырнул мне на стол кипу исчерканных бумаг. У меня замерло сердце и подогнулись колени. Бумаги выглядели потрясающе: помятые, запачканные чернилами и маслом. Их вид предвещал переворот, может быть — даже катастрофу. Я не мог оторвать от них глаз. Потом я посмотрел на часы и на Шефа. Стрелки показывали восемь, а Шеф был спокоен. От него исходил аромат чего-то острого и раздражающего, легкий, почти неуловимый, обычные — и необыкновенные — его духи, так мне тогда казалось. Пусть все знают: новая эпоха началась в восемь часов вечера шестого апреля 19... года, а Шеф был спокоен, и от него пахло духами. За окном бушевал закат, небо корчило в безмолвном сиянии — бумаги пылали, как подожженные. А Шеф был почти задумчив в это удивительное мгновение человеческой истории.

— Вы остолоп, Ричард! — заметил он дружески. — Я не встречал большего оболтуса. Ну чего вы так уставились на

стол? Вычисления надо проверить, а не любоваться ими. Введите их в вашу собаку... я хотел сказать — в машину.

Я не мог двинуться. У меня отказал голос.

— Это?.. Это?.. — еле выговорил я.

— Да, это, — сказал он. — Я поражен вашей проницательностью. Если и дальше пойдет так же, лет через десять вы станете почти умным человеком.

Я взял листочки в руки. Я перебирал их, как драгоценные камни. Они были дороже бриллиантов. В них содержалась полная теория биологических автоматов: самонастраивающиеся, самовоспроизводящиеся, саморазвивающиеся системы. Не жалкие механическо-электронные роботы, но разумные искусственные существа. О нет, я не собираюсь приписывать Шефу честь первосинтезатора живых автоматов! Этот научный подвиг совершил профессор Пайерс. Именно Пайерс, а не Шеф, создал первую живую мышь — и она была настолько живой, что реальные мыши приняли искусственницу в свою среду. К сожалению, первое живое существо пока остается и последним. Ни сам Пайерс, ни другие лаборатории мира не сумели повторить его достижения. Синтетическая мышь Пайерса невоспроизводима. Она была таким же плодом эмпирической работы, как и реальные живые мыши — и в такой же мере случайна и нестандартна. Если бы я не опасался быть ложно понятым, я сказал бы, что Пайерс не сконструировал, а родил свою мышь. Он прилежно собирал ее из клеток, самоотверженно склеивал из тканей, а не рассчитывал по формулам — естественно, что он не сумел воспроизвести своего же шедевра. И от гения нельзя требовать большего, чем он может. Пайерс не обладал математическим расчетом мыши. В каждом существе от рождения заложена его формула — неудивительно, что любая пара родителей, не трудя мозгов, печет потомство. Производство детей — устоявшаяся эмпирика быта. Но перво-создание — вдохновенный полет в неизвестное. Оно требует хорошо разработанного проекта. Разработать проект мыши — я уже не говорю о человеке, — а затем наладить мы-

шинное воспроизводство пока может лишь господь. Я верю в высшую силу и благоговейно поручаю ей то, чего сам не могу. Шеф, конечно, не Бог. Но он ближе всех приблизился к божественности. И хоть сам он эмпирическим, так сказать, старанием не сумел бы произвести человека (он не был женат и не интересовался женщинами), но зато он первый после господя разработал математический проект человека.

Я снова отвлекся. В восемь часов вечера шестого апреля 19... года я держал в руках совершенную теорию живых автоматов. Отныне можно было синтезировать не только мышей, но и кошек, волков, собак, слонов, всех известных животных, все неизвестные биологические формы — лишь бы они были математически непротиворечивы. О человеке я тогда не думал. Искусственный человек — для меня это было слишком.

Но для могучего разума Шефа проблема людей-автоматов уже и тогда не таила в себе ничего сверхъестественного и аморального. Для него не существовало этики — лишь математика.

— В ближайшее время я займусь этой задачкой. Вывести n -степенную матрицу зачатия и дополнить ее дифференциальным уравнением внутриутробного развития — заманчиво, а, Ричард? — прогрохотал он.

А потом, поостыв, добавил:

— Синтетические люди будут выше нынешних продуктов кустарной супружеской деятельности. Человек нашего времени меня разочаровывает. Каждый преследует свои особые цели. Мне это надоело.

Я осмелился возразить:

— Но, Шеф, не в вашей власти...

Он оборвал меня:

— Я знаю, что власти у меня меньше, чем желания властвовать. Ах, что бы я сделал, если бы мои руки легли на штурвал государства! Я осуществил бы наконец розовую мечту моего детства. А также голубую — юности...

Я любовался Шефом. Он был мужествен и красив: почти два метра ростом, почти центнер весом, с почти четы-

рехугольным лицом, жесткими черными усиками, мощным ртом, мощным носом, массивным лбом, узкими и сверкающими, как лезвие ножа, глазами. Он врезался, а не вглядывался, пронзал, а не кидал взгляд — таковы были его глаза! Я никогда не понимал, почему женщины отшатываются от Шефа. На их месте я влюблялся бы в него без памяти. В мире не существовало человека, столь достойного поклонения. Но женщины избегают гениальности. Так я думал тогда, ибо не знал еще истинной природы Шефа.

— Вы не говорили, что ваши мечты окрашены в разные цвета, Шеф, — сказал я.

— Вы кретин, Ричард, — великодушно разъяснил Шеф. — Бесцветных мечтаний, как и бесцветных дней, не существует. Или вы не знаете, что цветов в спектре столько же, сколько дней в неделе? Только круглый идиот не видит, что понедельник красный, среда желтая, а суббота синяя. Я классифицирую мысли по окраске. По вторникам я размышляю оранжевыми мыслями, для воскресенья же лучше фиолетовые: ярко-лиловые на рассвете, а к вечеру густопсовые... я хотел сказать — густо-фиолетовые. Ход моих изысканий сверкает радугой. Главная моя сила — в многоцветности мыслей, а вовсе не в их многообразном содержании, как наивно считают...

Я удивился. Шеф увлеченно продолжал:

— Я вам открою одну тайну. Мои мысли пахнут. От теорем веет рокфором, гипотезы отдают селедкой, жаренной на машинном масле, выводы из посылок дышат чесноком. Мой мозг, работая, излучает благовония весеннего луга и хорошо унавоженного огорода. По волне моих ароматов легко узнать, о чем я думаю. Меня можно понять, когда я молчу и стою к вам спиной, — надо лишь поводить носом. Одних людей, чтоб распознать, нужно расспрашивать, других — разглядывать, но меня достаточно разнюхать.

Я наконец понял природу благовония, постоянно распространяемого Шефом. Это пахнут мысли Шефа, а не духи. Не жалкие запахи парфюмерной промышленности, но могучий дух творческих изысканий — вот чем несло от Шефа.

— Вы говорили о розовой мечте детства, — напомнил я. Шеф, увлекаясь, порою чрезмерно разветвлялся. Даже из такого бледного факта, что дважды два четыре, он мог извлечь десяток ослепительных теорий и сотню сногшибательных парадоксов. При нем лучше было не повторять стертых фраз: «Погода хорошая», «Идет дождь», «Я выспался» — на вас тут же обрушивались тысячи неожиданных следствий и выводов.

— Да, розовая, — сказал Шеф. — Я как-то прочитал, что в одном городе все люди ходят в белых брюках. Я скрежетал зубами от ярости. Я ненавидел этих людей, так меня расстраивал тот отвратительный факт, что все они... Я плакал от бессилия. Я придумывал страшные кары белобрючникам, подвергал их пыткам! Ах, детство, золотое детство, сколько в нем непосредственного и наивного — и вместе с тем дьявольски сложного, не правда ли, Ричард?

— А голубая, Шеф?

— Эта была проще. Я возненавидел кипарисы. Опять были бессонные ночи и глухие слезы в подушку. Я про себя издавал указы об истреблении всех кипарисов, собирал отряды палачей-дровосеков. И лишь когда рушилось последнее древесное отродье, я, измученный, упоенно засыпал.

— Но почему вы невзлюбили эти бедные деревья?

— Они не бедные, а мерзкие! Они слишком стройны и нагло лезут вверх. К тому же от них пахнет гуталином. По моему, этого достаточно, чтоб лишить их права на жизнь.

— Несомненно, Шеф. Но я возвращаюсь к синтетическим людям. Вы думаете, они в чем-либо превзойдут нас?

— Не в чем-либо, а во всем. Более примитивного создания, чем так называемый естественный человек, в мире не существует. Знаете, что мне не нравится в людях? У каждого личная программа жизни! Это хаотично. Почему вы стремитесь к одному, а я к другому? Я трясусь от бешенства, когда думаю об этом! Все люди должны хотеть только того, чего хочу я.

— Но согласитесь, Шеф...

— Не соглашусь! Никогда не разрешу!

— Я хотел лишь сказать, что будет трудно добиться такого одноклассничества людей.

— Пустяки! Я математически сформулировал одну программу для всех. Я назвал ее Формулой Человека. Забегая вперед, скажу, что моя Формула Человека — единственный действенный способ навсегда покончить с идеями всеобщего равенства. Нужно лишь заставить всех людей полностью ей подчиниться.

— Шеф, я содрогаюсь от нетерпения!

— Го-го-го! И-ги-ги! — Шеф грохотал от восторга. Мысли его были так необыкновенны, что аромат их стал почти непереносим. — Содрогаетесь от нетерпения! Когда я объявлю Формулу, вы рухнете ничком! Не тарашитесь так жутко. Слушайте спокойно. Я запрограммирую человека лишь с одной жизненной целью: во всем обгонять каждого своего соседа.

Сгоряча Формула Человека не показалась мне оригинальной. Воистину Шеф был прав: я оказался тупицей и кретинком. Сейчас, вспоминая тот разговор, я удивляюсь великодушию Шефа. Он не испепелил меня, не стер в порошок, не затоптал ногами. Он только презрительно посмотрел на меня.

— Вы ничтожество, Ричард, — сказал он скорбно. — Боже, каких ты мне посылаешь учеников! Признайтесь, вы так и не поняли, что человечество вступает на новый путь и причина переворота — моя Формула?

— Нет, почему же, — пробормотал я. — Если по-честному... Конечно, это почти... грандиозно!.. Но с другой стороны...

— Не мешайте! Не терплю слов, пахнущих сладковатой неопределенностью сирени. Я за резкие, как вопль, запахи. Говорите так, чтоб мои ноздри ощущали крепость слова.

— Не понимаю! — выпалил я.

— Пахнет изрядно! — одобрил Шеф. — Сера, аммиак и еще — самую малость — паленая шерсть. Почти пороховой ответ. Теперь внимайте — и не одними ушами, но и глазами, и носом, и языком, если вы способны хоть немного воспринимать блеск, аромат и вкус фундаментальных открытий.

Объяснение Шефа и вправду было ярко и терпко. У меня свело скулы и оборвалось дыхание. Это продолжалось не больше минуты — время, которое требуется для духовного прозрения. Шеф говорил, что с незапамятных времен все люди стремятся к чему-то, что называют удовлетворенностью, благосостоянием, благоденствием, благопристойностью и прочими такими же невыразительно пахнущими, липкими на ощупь, сладенькими на язык словечками. Математическому выражению эти стремления не поддаются: крохотные дифференциалы непохожих влечений невозможно суммировать в едином интеграле.

Именно такой, всеобщий, обязательный, могущественный интеграл представляет собой Формула Человека: быть всегда впереди своего окружения — соседей, знакомых, прохожих, короче — всех людей, о которых ты слышишь или на которых падает твой взгляд. Человек, запрограммированный на подобную цель, способен на чудеса. Перед человечеством открываются невообразимые возможности усовершенствования. У Джона четыре костюма? Всеми средствами добивайся, чтоб у тебя было пять. Романо женился на красивой девушке? Если нет более красивой — отбей у него эту красавицу. Пьер зарабатывает сто в неделю? Расшибись в лепешку, но отхвати сто пять. Сэмюэль съедает три бифштекса зараз? Поднатужься и съешь три с половиной. У Жанны автомобиль последней марки? Заставь мужа купить автомобиль еще новее. А если он не способен на это, брось неудачника: этот жалкий обормот ни на что не годится. Чарльз обошел тебя по службе? Подставь Чарльзу ножку, утопи в болоте, но обгони. Распихивай соседей локтями, топчи ногами, вонзай в них клыки, но вырывайся вперед! Обязательно вырывайся вперед!

— Но, Шеф!.. — возразил я, потрясенный. — Если не ошибаюсь, вы открываете дорогу изменам, подсиживанию, интригам... даже убийствам!

— Вы слюняй! — установил Шеф. — Вы светитесь тускло-голубым, и от вас пахнет ландышевой водой. К сожалению, в нашем несовершенном обществе за убийство

карают. Но если обеспечена гарантия, что наказания не будет, тогда, конечно... Я выразил мысль ясно, Ричард?

— Да, ясно, — пролепетал я.

— И еще одно! — воскликнул Шеф, воодушевляясь. — Люди сегодня испытывают тысячи различных чувств, и все они равноценны. Вы меня поняли, Ричард? Любовь, негодование, симпатия, дружба, доброта, гнев — у кого как... Над всем этим хаосом аморфных эмоций завтра вознесется одно организующее чувство — самообожание. Да, самообожание, это отличное слово, оно пахнет гвоздикой и светится пронзительно-зеленым. И тут я возвращаюсь к тому, с чего начал. Я начинаю новый этап борьбы со всеобщим равенством и братством. Политики свыше ста лет пытаются истребить эту идею словом и палкой, тюрьмой и золотом. И каков результат? Одни поражения! Идея равенства непобедима. Теперь это ясно даже кретинам. Но я объявляю раковой опухоли братства психологическую борьбу! Я заражаю людей спасительной бациллой самообожания — и равенству с братством крышка! Достаточно всем людям беззаветно влюбиться в себя, возлюбить себя, как... как самих себя, Ричард!.. И то, перед чем в страхе отступают беспомощные политики, будет мгновенно повержено. Теперь признавайтесь — каково, а?

Я молчал, ошеломленный. Я думал о том, какое грандиозное ускорение обретет общество, в котором каждый член его запрограммирован на то, чтобы обставить своих соседей. Я вдруг увидел бездны и тьмы людей — современное общество. Люди тупо толкались в тех местах, куда их швырнула жизнь, — серое ковыряние, равнодушная масса, инертно поддерживающая примитивное существование. Внезапно на их головы проливается пронзительный свет Формулы Шефа. Из миллионов глоток вырывается свирепый вопль, миллионы тел бешено устремляются вперед, кто-то отстает, кто-то падает, отстающих не ждут, по трупам упавших бегут — вперед, вперед, хоть на сантиметр, но впереди соседа! У меня покрывалась пупырышками кожа, до того величе-

ственно было зрелище нового общества, сведенного судорогой самообожания. И величественно было простое решение вековой проблемы идей равенства и братства! Я и раньше не сомневался в гениальности Шефа. Но в тот незабываемый вечер впервые ощутил, что его глубина проистекает от чего-то сверхчеловеческого.

— Теперь вы знаете, что надо делать, — закончил Шеф. — Возьмите автоматы и живые существа и проверьте на них формулы. Созвонитесь с Пайерсом, чтоб он тоже... И пусть ваша свинья... я хотел сказать — ваша машина... Короче, пусть она проанализирует, нет ли погрешности в вычислениях.

3

Пайерс прибежал со своей искусственной мышью на следующий день. Собственно, мышь не бежала, а сидела в клетке вместе с тремя другими мышами естественного происхождения. Четыре сереньких зверька были так похожи, что я не сумел узнать среди них искусственницу. Пайерс в восторге бил меня по плечу — так порадовала его моя ошибка. Он, как и Шеф, выражает свои эмоции бурно. Но на этом их сходство кончается. Пайерс — маленький, седенький, быстренький, вечно хохочущий, вечно потирающий лапки человек с помятым личиком. Он похож на свою мышь, только побольше ее. Мне временами кажется, что, если бросить его на пол, он побежит на четвереньках, волоча фалду фрака, как хвостик. И я не удивляюсь, что он первосоздал мышь, а не слона — он подбирал животное по себе. Шеф меньше, чем на буйволе, не помирился бы. Пайерс обожает Шефа и поклоняется ему, как иконе. Если бы Шеф разрешил, Пайерс целовал бы ему руки и становился перед ним на колени.

— Гениально! Гениально! — попискивал Пайерс, пробегая глазами вычисления Шефа. — Ох, знал бы я все это раньше!

В чрево машины ввели трех естественных мышей, и машина объявила, что они живые организмы — это была проверка ее настройки. А когда в ее недра погрузили мышью-искусственницу, на табло засветилась надпись: «Живой автомат». Я ввел в машину также крохотного электронного робота весьма совершенной конструкции, такого подвижного, что он казался живым не меньше, чем искусственница Пайерса. Машина указала точно: «Саморегулирующаяся мертвая система. Робот третьей категории».

Мы строили машину еще до того, как Шеф разработал Формулу Человека. Но его теория живых автоматов была уже создана и использована в анализаторах машины.

Во время этих операций появился Шеф. Он радостно захохотал, здороваясь с Пайерсом.

— Ну, как вам нравится? — сказал Шеф. — Наша машина анализирует форму тела, цвет волос, глаз и кожи, запахи и звуки объекта, электропотенциалы органов, излучения мозга — короче, все! Если она объявит, что существо живое, то можете не сомневаться — полноценная жизнь! А если скажет, что механизм, то и не пытайтесь его камуфлировать под что-то биологическое...

— Потрясающий аппарат, — объявил Пайерс восторженно. — У меня трясутся ноги, когда я смотрю на него. На человеке вы его не испытывали?

— Не было нужды. Искусственных людей пока не существует. — Шеф гулко захохотал. — Но со временем, когда моя теория станет практикой, — с вашей помощью, Пайерс, с вашей помощью! — тогда, конечно, она поможет нам расклассифицировать людей по степени искусственности... Пойдемте в мой кабинет, Пайерс.

Когда они ушли, я некоторое время неподвижно сидел около машины. Я хорошо помню свое состояние в те минуты, когда оба они, Шеф и Пайерс, ушли договариваться о совместной работе. Все во мне ликовало. Я источал запах восторга. Машина работала согласно формулам Шефа, давала разумные ответы — все, стало быть, было разумно в са-

мой теории! Шеф был самым гениальным из людей! Он был сверхгениален!

И тут впервые мне явилась мысль — проверить Шефа. Я рассуждал так. Если машина объявит, что гениальность Шефа выше всех известных в истории, даже враги Шефа уверуют в его величие.

И тогда, заперев дверь на ключ и внутренне содрогаясь, я достал из сейфа сокровеннейший документ, лучшее мое достижение, — магнитный паспорт Шефа. Сто сорок девять дней — почти полгода я трудился над этой пленкой всего в четырнадцать граммов весом, но она вместила в себя столько информации, что для передачи ее словами потребовалась бы целая библиотека. К тому же бесцветные человеческие слова не сумели бы изобразить занесенные на пленку темные влечения, тайные помыслы, сокровенные цели, подавляемые желания, недопустимые мысли. Весь Шеф присутствовал здесь — полностью, целиком: физические данные, химическое строение, умственные способности, психические наклонности. На этой пленке, повторяю, он был полнее, чем в жизни. В жизни, среди нас, Шеф бывал разным — здесь он присутствовал всяким, во всей своей всевозможности и всесодержательности. Здесь он был подлинный и настоящий. И, чтоб паспорт стал еще полнее, я продиктовал последнее, пока не записанное достижение Шефа, — его Формулу Человека.

Трясушимися руками я вложил магнитный паспорт в чрево машины. Лента разматывалась, машина вспыхивала разноцветными лампочками, тихо ворчала, излучала тепло и запахи нагретого металла и пластмассы, все ее десять тысяч киловатт трудились, чтоб вложить в единое предложение безмерность психических богатств Шефа. Но когда на табло засветился ответ, я чуть не потерял сознание. «Живой автомат» — так сформулировала машина свое заключение.

Я не мог в это поверить. Я еще не прозрел. Живых автоматов не существовало, кроме мыши Пайерса. Шеф был сверхчеловек, гений, нечто по ту сторону добра и зла, но не

автомат. Проклятый аппарат не анализировал природу Шефа, а гнусно клеветал на него. Это было адское создание, а не машина, старая баба, а не электронный анализатор!

В ярости я погрозил ей кулаком.

И самое чудовищное, так мне представлялось тогда, было в том, что машину разрабатывал Шеф. Его собственное творение отказало ему в праве называться человеком!

— Демонтирую! — бешено выругался я. — Всю в ключья и винтики демонтирую!

Машина возвышалась надо мной, бесстрастная и высокомерная, разноцветные ее глазки угрюмо вспыхивали и гасли. Она настаивала на своем. «Живой автомат», — утверждала надпись. Она издевалась над моим создателем, а не оценивала его!

Я стер надпись на экране. Я задал машине новую задачу. На этот раз она должна была описать Шефа полнее. Машина работала около минуты — это была самая тяжелая минута моей жизни. Ответ был красноречив и тяжок: «Самонастраивающаяся, саморегулирующаяся мыслящая автоматическая система. Новой Формуле Человека удовлетворяет, но человеком не является».

Я снова стер надпись, спрятал магнитный паспорт в сейф и сел у стола. Мысли прыгали во мне, как играющие шенки, я не мог ухватиться ни за одну. Я был растерян, меня душили страх и отчаяние. Мне хотелось плакать. Машина была создана в качестве нашего ученого слуги, она была квалифицированным рабом — и только. И вот — слуга насмехается над работодателем, раб взбунтовался против хозяина!

В лабораторию вошли Шеф с Пайерсом. Шеф повел в мою сторону носом.

— От вас несет жасмином, Ричард, — определил он, — это запах растерянности. И немного ромашкой — это запах испуга. И вы весь светитесь желтым. Желтое — цвет подавленности. Не знаю, каковы вы на вкус, но думаю, что кислотовато-горький. Кислотовато-горькое свидетельствует о недоумении. Вы у меня першите в горле, Ричард. Я хочу знать: что случилось?

— Ничего важного, — пролепетал я. Я в очередной раз был сражен пронизательностью Шефа. — У меня и впрямь что-то разболелась... Но я принял лекарство.

— Отлично. Прием лекарств не действует на болезни, но укрепляет сознание исполненного долга. Значит так, Ричард. Сегодня оранжевый день. С утра голубого вы с Пайерсом приступите к разработке практических методов синтеза живых существ повышенной сложности. Оценку вашей работы даст наша машина. Для подготовки желтый и зеленый дни.

В уме я перевел указания Шефа на более привычный язык. Сегодня был вторник, работа с Пайерсом начиналась в пятницу, среда и четверг отводились на подготовку.

Они с Пайерсом заговорили о программе на пятницу, а я смотрел на Шефа — и словно впервые видел его. Я будто прозрел.

Шеф и вправду был нечеловечен. Или, точнее, — квази-человечен.

4

Я знал о необычности Шефа. Это была обычная ненормальность выдающегося человека. Она была человечна, эта его отличность от других людей, так мне казалось. Я еще мог допустить, что своеобразие Шефа сверхчеловечно, ибо по уму он был выше всех нас. Я с любовью говорил: необыкновенность Шефа в том, что он обыкновенный сверхчеловек. Все это были метафоры, гиперболы, острые словечки. Даже с приставкой «сверх» он все-таки оставался человеком!

Но он не был человеком. Он и внешне не походил на людей. Он был слишком угловат и массивен, слишком, я бы сказал, геометричен. В человеке формы стертые и округлены, а в Шефе они выпирали острыми гранями. В человеке господствует — и в теле, и в характере — кривая линия, обтекаемость, округность, в Шефе сверкали колючие прямые, он выражался параллелепипедами, а не шарами. А его

грохочущий голос? Его прожекторно и мощно пылающие глаза? Его таранная целеустремленность? Его ненависть к белым брюкам, остервенение против кипарисов? Человеку наплевать, какие деревья растут на земле, в какой одежде ходят жители дальних стран — лишь бы нелюбимых растений не было на его участке, лишь бы в отвратительных костюмах не прогуливались по улицам его города. А Шеф не спал ночей, его терзало даже то, что не имело к нему отношения.

Я сравнивал Шефа и Пайерса. Они разные — во всем. Если Пайерс казался человеком, маленьким, жалким, гениальным, но все же человеком, то Шеф был из иного мира. Сколько раз я говорил себе, что он по ту сторону добра и зла. Но он был вне добра и зла. В его мире не существовало таких затрепанных и невыразительных понятий, как добро и зло.

— Права машина! Нет, права машина! — сказал я вслух.

Они оба повернулись ко мне.

— Ваши запахи усилились, Ричард, — прогремел Шеф. — Теперь вы благоухаете резедой. Это очень решительный аромат, уверяю вас. Думаю, ваши странные колебания кончились. Итак, мы вас слушаем.

— Да, мы вас слушаем! — прошелестел Пайерс. — Говорите, Ричард, не стесняйтесь: в чем же права машина?

— Я не стесняюсь, — сказал я. — Но... все это очень личное...

Пайерс вскоре попрощался, и Шеф, готовясь к приятному разговору со мной, развалился в кресле. Я смотрел на его выпяченные губы и думал, что это скорее глухие балюстрада, а не губы. Уши напоминали раструб кларнета. Я уже не говорю о ногах. Шеф покоился на двух подвижных колоннах, обутых в лакированные туфли. Каждая деталь рассчитывалась отдельно, а потом их собирали в целое, подумал я о Шефе. Мне стало страшно: я кошунствовал!

— Кройте! — разрешил Шеф. — Вы пылаете зеленым пламенем нетерпения.

— Шеф, я думал о вас.

— Люблю, когда обо мне думают, — одобрил он. — Думать обо мне нужно фиолетово-красными тонами. Лучшие дни для этого — воскресенье и понедельник. Вы размышляли обо мне вчера?

— Я думал о вас сегодня. И мысли мои были испепеляюще оранжевыми. Вы не человек, Шеф.

— Это сильно сказано, — заметил он.

— Это верно сказано, — парировал я.

— Объяснитесь, — потребовал он, оглушительно зевнув. Зевок гремел у него под небом, как вопль гремит под сводами пустого храма. Это тоже было нечеловечно.

Я рассказал, как оценила машина его магнитный паспорт. Глаза Шефа заблестели. Он стал ходить по лаборатории. Он размышлял, хмурясь. Теперь и я ощущал, как пахнут его мысли. Они пахли лимоном и корицей. Мысли Шефа были терпки.

— Еще раз вложите паспорт в вашу дохлую кошку, — потребовал он, останавливаясь. — Я хотел сказать — в вашу машину.

Я молча ввел магнитную ленту в чрево машины. Опять на табло засветился ответ «Живой автомат», краткая характеристика дополнилась разъяснениями. Шеф возвратился в кресло. Четырехугольные глаза его нестерпимо сияли. Теперь он пах луком и редькой. Даже без пояснения я понимал, что это очень категорические запахи. Они свидетельствовали, что время взвешиваний кончилось и настал час выводов.

— Забавно! — сказал Шеф. — И знаете, Ричард, довольно убедительно.

Тогда я взвыл:

— Шеф, подумайте, что вы говорите!

— Не вспыхивайте малиновым цветом, — возразил Шеф. — Приведите себя в более спокойный желто-зеленый. И не так ярко, Ричард, не так ярко, вы слепите глаза. Я все обдумал.

Голос у меня дрожал от путаницы мыслей, но я постарался держаться спокойнее. Я притушил себя.

— Рожденный женщиной, — сказал я. — Рожденный женщиной!.. Шеф, что же это получается?

На это он дал неожиданный ответ:

— Я не знаю родившей меня женщины.

— Вы не знаете родившей вас женщины? — закричал я. — Вы не знаете своей матери? Вы никогда не ощущали вкуса грудного молока? Нежные женские руки не пеленали вас? Ласковые губы не касались вашего лобика?

Он утвердительно кивал головой на мои выкрики-вопросы.

— Я подкидыш. Меня нашли на ступеньках крыльца. Меня воспитал холостяк, заменивший мне отца. Что до женского молока, то я его пил только из бутылочек фирмы «Юнивелер» с надписью: «Настоящее синтетическое грудное первороженицы». Но до нынешнего дня я верил, что реальная моя мать, так сказать, в натурально женском ее выражении все-таки существовала.

— А сейчас? Что вы думаете сейчас, Шеф?

Он повел носом и поморщился:

— Не так сильно, Ричард, не так сильно! Говорю вам, мыслите поспокойней. Не вносите в простую проблему такие резкие запахи и такие кричащие краски.

— Боже мой, вы считаете эту проблему простой?

— Абсолютно. Неужели вы серьезно могли подумать, что созданная мною машина могла ошибиться?

— Нет, я этого не думаю, — сказал я, запинаясь. — И если по-честному... Вы, конечно, на человека не похожи... Я имею в виду рядового человека, поверьте... но если даже согласиться с некоторой искусственностью... ведь это страшно сложно, непостижимо сложно!

— Наоборот, кристально просто. Что я не рожден, а изготовлен, по-моему, доказано. Остается дознаться, смонтирован ли я из деталей или синтезирован сразу как целое.

— И кто вас синтезировал или изготовил? — закричал я. — Кто был вашим синтезатором или изготовителем?

— Да, и это интересно, — согласился он. — Я как-то не подумал о своих изготовителях, но они, несомненно, были. Проблема моих творцов еще ждет своего решения. Я бы с удовольствием встретился с этими существами и пожал им руки.

— Эти люди, ваши создатели... — начал я.

— Будем говорить — существа, — поправил он. — У нас нет доказательств, что мои изготовители были людьми.

Спокойствие Шефа казалось мне непостижимым. Он сразу принял то, что для меня было шоком. «Принял» — неподходящее слово. Уверовал, что он искусственник. Ему нравилась его квазичеловечность.

— Вы редкий тупица, — сказал он сердечно. — Как мне не радоваться, если я нашел отличное объяснение многим загадкам своей натуры?

Он говорил долго и прекрасно. Я слушал его не прерывая. Я был захвачен его вдохновенной речью. Он описывал страдания несоответствия, мучившие его с детства. Он был иной, чем окружавшие его люди, желал иного, стремился к иному. Он чувствовал, что превосходит всех, с кем соприкасается. Временами его угнетал груз этого духовного превосходства. Его угнетала собственная ненормальность — или сверхнормальность, он больше любил это словечко. Но теперь все прояснилось. Он нормален, но нечеловеческой нормой. Он нашел себя. Он именно таков, каким должен быть. И если лежит на его плечах тяжесть превосходства над жалким миром естественных людей, то это бремя искусственников — вот как он назовет это новое на земле явление. Груз господства совершенных автоматов над кустарными созданиями, именуемыми людьми. Начинается новая эра, он — ее предтеча. Люди, подчиняющиеся автоматам, — как это воодушевляет! Люди, подражающие автоматам, роботизирующие себя, бешено совершенствующиеся — такова перспектива развития. И то, что он вооружил беспомощно естественных людей могущественной Формулой Человека, тоже логично вытекает из его неожиданно разъясненной природы,

ибо Формула Человека, основанная на безмерном, свирепом самообожании...

— Вы вполне удовлетворяете Формуле Человека, — прервал я его мечтания. — Машина это подтвердила.

Он снова показал, что он в первую очередь — ученый:

— Между прочим, это ничего не доказывает. Естественные люди тоже временами удовлетворяют Формуле Человека, хотя и не так совершенно, как мы, искусственники. Прежде всего нужно исчерпывающе доказать мою нечеловечность.

— Вы сомневаетесь в ней, Шеф? Более квазичеловеческого создания...

— Я не сомневаюсь. Но другие могут усомниться. Ничтожным людям свойственно думать, будто все созданы по их образу и подобию. Что до образа, то внешнее сходство, пожалуй, есть. Но подобие я отрицаю. И я не помирюсь, пока наша разноподобность не станет ясна для последнего человеческого болвана. Короче, введите меня в машину. По мне, живому, пусть она установит мою иножизненность.

Я отшатнулся. Я заикался от испуга. Опытов на людях мы не производили.

— Вы не верите в мою искусственность! — сказал Шеф. — Не возражайте, я чую вас носом.

— Я верю, — сказал я. — Но, Шеф...

— Никаких «но», — установил он. — Слово «но» светится тускло и буровато-зеленым, я не переношу этой комбинации цветов. Все «но» в мире пахнут гнилой капустой.

— Я не осмелюсь, — сказал я. — Во всяком случае, один.

— Хорошо. Вы будете работать с Пайерсом. Две подписи под протоколом — по крайней мере в четыре раза лучше, чем одна. И никаких сомнений, никаких сомнений!

Сомнений у меня не было. Я свято, страстно, абсолютно верил, что Шеф не человек, а необыкновенный, удивительный автомат.

Пайерс пришел в восторг, узнав, что Шеф — автомат. Он сказал, что давно подозревал что-то подобное. Шеф был слишком великолепен для человека. Одно лишь огорчило Пайерса — что не он первосоздатель искусственников. Но и огорчение не отменило ликования. Он горевал радостно.

— Я так был уверен, что моя мышь уникальна, — болтал он, весь светясь. — Но, оказывается, кто-то опередил меня. Создать такую гигантскую сложную махину, как вы, дорогой профессор!.. Ваши творцы воистину гениальные люди!

— Существа, — поправил Шеф. — Будем осторожны в формулировках, Пайерс.

— Существа, — сказал Пайерс восторженно. — Великие, непостижимые существа!

Я подготовил машину к приему Шефа. Она возвышалась над нами, как орган. Я знал, что в расчетах ошибки нет, к тому же машина уже высказала свое мнение о Шефе. Но у меня подгибались колени. Я был несовершенен. Я поддался проклятой человеческой слабости. Невольно я задал машине малую мощность.

Шеф видел меня насквозь.

— От вас пахнет липой, — установил он. — Липа — запах обмана. Добавьте-ка тысячу киловатт.

Шеф был великолепен. Он вошел в машину невозмутимо, как в салон экспресса.

— До скорого свидания, люди! — сказал он, и это были его последние слова на земле.

Я включил машину. Она загрохотала, завизжала, заверещала. Она гремела не своим голосом. Она была настолько вне себя, что ее глазки, вспыхивая, лопались и вылетали наружу брызгами цветного стекла. На световом табло, сменяя одна другую, бешено крутились надписи: «Человек», «Автомат», «Человек», «Автомат». Сквозь грохот взбесившихся механизмов до нас донесся протяжный вопль Шефа. Я иступленно — всем кулаком — ударил по аварийной кнопке.

Я опоздал всего на несколько секунд. Шеф еще дышал, когда мы вытаскивали его из машины. Я вызвал «Скорую помощь». У меня еще теплилась надежда, что нам удастся его спасти.

Пайерс, медик по образованию, лучше меня разобрался в состоянии Шефа.

— Агония, — сказал он печально. — Потеряли мы с вами, Ричард, нашего великого друга.

Приехавшие врачи констатировали смерть и увезли Шефа.

Я сидел у стола, отупевший и безгласный. Ни одной мысли не шевелилось у меня в голове. Пайерс страдал не меньше моего, но лучше держал себя в руках.

— Мальчик мой, не надо так убиваться, — сказал Пайерс. — Этого титана уже не воскресить. Давайте проанализируем несчастье. Как по-вашему, нет ли ошибки в расчетах Шефа?

Я с негодованием отверг это предположение. Шеф никогда не ошибался в вычислениях. К тому же машина подтвердила их правильность. В полном согласии с формулами Шефа, она объявила трех естественных мышей живыми организмами, а одну, синтезированную в лаборатории Пайерса, искусственной.

— В таком случае остается одно, — сказал Пайерс. — В Шефе было что-то человеческое.

— В Шефе не было ничего человеческого, — возразил я. — Вспомните, что машина, анализируя его магнитный паспорт, установила, что Шеф — живой автомат. Я уже не говорю о том, что мы, общавшиеся с ним, остро ощущали его нечеловечность. Мы лишь ошибочно считали ее гениальностью.

— Очевидно, паспорт Шефа был неполон. Что-то человеческое в нем осталось, и на эти остатки человеческого произошло короткое замыкание машины, настроенной на полный автомат.

— Естественным в Шефе были лишь вставные зубы. Они были вынуты из челюсти покойника. Шеф не переносил искусственных заводских зубов.

— А чем вы объясняете, что машина попеременно выбрасывала диагнозы: «Автомат», «Человек»?

— Машина не выдержала могущественных излучений Шефа. Он был ей не по зубам. Я хотел сказать — не по мощности.

Обследование машины вскоре показало, что я не прав. Мощность была использована лишь наполовину. Все схемы работали правильно. Мы поочередно погружали в нее трех естественных мышей, и она сообщала, в соответствии с программой, что в ней организмы. А когда мы опять запустили искусственную мышшь, машина подтвердила, что та — механизм. Для последней проверки мы, сохранив программу искусственницы, еще раз ввели в машину естественницу. Произошло частичное замыкание, и мышшь погибла. Анализ шел безукоризненно.

Пайерс возвратился к мысли, что Шеф в чем-то ошибся. Эта его теория самообожания... Не в ней ли исток нечеловечности Шефа? Не в ней ли причина его ужасной гибели?

Я не мог допустить такого надругательства над памятью покойного. Я стукнул кулаком по столу. Самообожание как способ существования — величайшее из всех открытий Шефа. Самообожание нужно привить каждому человеку, а не сомневаться в человечности этой самой человеческой категории!

— У вас разошлись нервы, — заметил Пайерс.

Я закричал на него:

— Идите вы с вашими нервами! Я докажу, что в теории Шефа верен каждый знак. Говорю вам, человеку свойственно всех ненавидеть и обожать себя. Я всех ненавижу и самозабвенно обожаю себя. А что я человек, я докажу тем, что сам войду в машину.

Пайерс с сомнением смотрел на меня:

— А какую вы зададите программу?

— Разумеется, человека. Или вы сомневаетесь в моей естественности?

— Нет, но... У вас нет этих самых?.. Не самообожания, нет, этого у вас хватает... Вы меня понимаете! Протезов, пластмассовых артерий...

— Единственное искусственное во мне, как то, что у бедного Шефа было единственно натуральным, — зубы. И то не все, а три коренных. На такой ничтожной искусственности машина и не споткнется.

Пайерс заговорил с большой осторожностью:

— Не подумайте, что я подвергаю вас сомнению, но все же... Вы уверены в своем человеческом происхождении? Наш безвременно погибший друг был подкидышем, и, возможно, прискорбный факт, что он не знал своей матери, прикрывал куда более разительный факт, что у него ее вообще не было... А ваши высокие душевные совершенства, столь превосходящие обычные человеческие...

— Я понимаю вас, — сказал я. — И я опровергаю вас. К счастью, у меня сохранились документальные свидетельства моей естественности. Познакомьтесь с ними.

Я извлек из сейфа диски с записями моего детства — те, что горой возвышаются сейчас на столе. Я сидел в кресле, пока Пайерс просматривал их. Он с интересом изучал и ту, которую сам я никогда не видел, — мое появление на свет.

— Доказательства вашей естественности не вызывают сомнений, — сказал он через час. — Думаю, вы можете спокойно отдать себя машине. Завтра утром я приду в вашу лабораторию со своими ассистентами — и начнем опыт.

Он ушел, а я сел за свои записки. Я заканчиваю. Я излил свою скорбь по Шефу. Это загадочное и великолепное существо стоит у меня перед глазами. Я не только вижу, но и слышу, обоняю, осязаю его. Я скорблю о нем. Я не знаю, как мне жить без него. Завтра я воздвигну памятник его научным свершениям. Завтра? — уже сегодня. В окне побелел восток. Шеф, дорогой Шеф, что произошло? Почему вы ушли от нас? Кто трагически ошибся — вы сами, я, маши-

на? Мой мозг раздрают на части нестерпимые мысли. Я то-ну, как в воде, в бушующих чувствах. Шеф, мой дорогой Шеф, я плачу о вас...

Дополнения профессора Пайерса.

Я прочитал записки Ричарда. Он точно изложил и мое участие в трагической кончине Шефа, и обстоятельства, предшествующие моему появлению в их лаборатории. Я не уверен, что мне удастся с такой же обстоятельностью передать ошеломляющий финал эксперимента с Ричардом.

Бедного Ричарда нет на свете. Нет также и грандиозного творения Шефа — универсальной автоматической машины. Машина взорвалась сразу, как ее включили, и вместе с ней на миллионы кусков разлетелся несчастный Ричард. Мы, десять ассистентов и я, находились в отдалении, но и среди нас нет ни одного не пострадавшего. У меня ожоги и перелом ноги, рассечена бровь, выбито восемь зубов — я отделался сравнительно легко. Два ассистента навек останутся калеками, а один, по-видимому, умрет.

Теперь о научном результате эксперимента. Машине была задана программа человека. То, что машина взорвалась, вступив в контакт с Ричардом, можно объяснить лишь одним: контакта не произошло. В Ричарде не оказалось ничего человеческого. Произошло чудовищное короткое замыкание машины на саму себя. Если в Шефе автомат путался с человеком и машина, погубив его, сама уцелела, то в Ричарде наличествовал один автомат, что и привело к гибели машины, а попутно и к его смерти. Таково единственное научное объяснение катастрофы.

Я не хочу лгать: объяснение это мне непонятно. Я знаю, что Ричард появился на свет естественным путем — он рожден женщиной и в муках. Он был хорошо воспитан, благо-разумен, умен и проникателен. С какой стороны на него ни посмотри, он казался человеком. Он говорил как человек. Он ходил как человек. С ним дружили как с человеком. Он аккуратно посещал церковь, он так благопристойно молил-

ся! А галстуки его!.. Никто у нас не умел так вывязывать галстуки, как бедный Ричард!

Правда, его духовные совершенства превосходили обычные человеческие. Он так трогательно презирал всех людей, так сладостно любил лишь себя и Шефа... А его же собственная машина отказала ему в звании человека! Она могла бы открыть в нем выдающиеся человеческие качества, но не найти в нем ничего общего с людьми, объявить его квазичеловечным!.. Это не укладывается в моей голове!

**АКЦИОНЕРНАЯ КОМПАНИЯ
«ЖИЗНЬ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ»**

1

Джон Чарльстон принял меня не вдруг. Его секретарша Дороти Томсон предложила мне посидеть на диване. Я вежливо поинтересовался: имеются ли у директора издательства в данный момент другие посетители? Сегодня Джон — мой лучший друг, и я точно знаю, что ни в тот «данный момент», ни в последующие «данные моменты» у него посетителей не было. К Джону ходят редко. Джон не позволяет к себе ходить. Он по природе добрый человек, а в его деле нельзя быть добрым. «Доброта размягчает», — говорит он печально. Он не способен без слез смотреть на тех, кому возвращает их творения. Он предпочитает иметь дело с рукописями, а не с авторами. И если снисходит до того, чтобы пригласить к себе автора, в процедуру приема входит долгое ожидание. Посетитель должен измучиться, без этого он не годится для разговора. Он должен тревожиться, негодовать: то вскакивать, чтобы уйти, то с трудом заставлять себя сесть. Неплохо, если он швырнет что-нибудь на пол. «Писатель — это товар, который хорош только выдержанный, — доверительно делится со мной Джон. — Писателя, Генри, надо выдер-

жить, пока он не выдержит, — тогда накидывай лассо и вали его на пол».

Он наблюдает за посетителями по телевизору. Возмущение просителя укрепляет нервы Джона...

Повторяю, я узнал все это позже, а в тот день смиренно сидел на диване и бросал унылые взгляды на склонившуюся над машинкой Дороти.

В окне я видел здание Радиоцентра — не все сто тридцать этажей, а что-то от шестидесятого до восьмидесятого. Дороти была миниатюрна и привлекательна, на нее было еще приятней смотреть, чем на величественный небоскреб. Я должен описать ее. В драме, действующим лицом которой я стал, она — личность важная. Внешность этой женщины есть ее сущность. Она меняет характер, когда меняет прическу. И она слишком часто меняет прическу!

Меня охватывает ужас, когда я думаю о том, что скоро она начнет менять цвет и форму глаз — фирма «Компингтон» обещает сделать недорогими такие операции. Не сомневаюсь, что при каждой смене глаз она будет превращаться в совершенно иную женщину.

Я не оговорился — не внешность изменит, а станет другой, просто другой, не Дороти, а Эммой, Лиззи или дьявол ее знает кем. Я второй год имею счастье считать Дороти своей женой и должен признаться, что чертовски неудобно, когда вас обнимает дома незнакомая женщина и томно заверяет, что она ваша любимая супруга и что вы должны ей верно и безропотно прислуживать.

В тот день Дороти была светловолосой, в светлом платье, в светлых туфлях и светлыми пальчиками колотила по белым клавишам. Я загляделся на нее. Она из породы эльфов, так сказал я себе. Если ее выпустить в полдень на лесную полянку, она растворится в солнечных лучах. В мире еще не существовало столь же обворожительной женщины, столь удивительно ни на кого, кроме себя, не похожей. Это я установил уже на второй минуте ожидания в приемной Джона Чарльстона. Драматические ошибки я совершал и раньше...

Дороти взяла со стола резинку, чтобы сделать подчистку, и ее взгляд встретился с моим. Она вздрогнула и воскликнула:

— Почему вы так смотрите, мистер Гаррис? Ваши глаза обжигают!

Я попытался улыбнуться:

— Глаза как у всех, мисс... мисс...

— Дороти Томсон. Совсем не как у всех! — настаивала она. — Вы меня ранили взглядом. У меня чувство, будто я обожжена. Для начинающего писателя очень скверно быть таким безжалостным. У меня хватает средств быть здоровой, но заболеть!.. Нет, это слишком большая роскошь!

Вероятно, в тот первый день нашего знакомства я все-таки сумел бы оправдаться перед Дороти, хотя впоследствии мне это никогда не удавалось. Но прогудел сигнал вызова к шефу, и Дороти с возмущением показала мне на дверь в кабинет Джона.

Я замер на пороге, увидев Джона. Это была незабываемая минута. Джон покоился в кресле. Невыразительное словечко «покоился» не передает позы Джона. Необъятный торс расплылся в кресле, медузообразное тело свисало с подлокотников и сиденья. Джон не упирался ногами в пол, а выливался ими на ковер. А на сумбурной горе мяса футбольным мячом торчала голова с выпуклыми ласковыми глазами. Голос Джона вырывался из тела словно под давлением: он был очень тонким.

— Здравствуйте, Генри! Ведь вас зовут Генри, мистер Гаррис? — пропищал Джон и показал пухлой рукой на кресло. — Сейчас я возьму вашу рукопись. Вот она. Я ее еще не читал. Я посмотрел вашу заявку и приложенный к ней портрет. Ваше лицо удовлетворяет. В ваших глазах что-то есть. Я считаю наше требование, чтобы к рукописям авторы прикладывали и свои фото, важным усовершенствованием литературного процесса. Человек, вид которого не вызывает эмоций, не достигнет успеха. Теперь помолчите, сэр. Я углублюсь в ваше творчество.

Он читал, а я осматривался. Огромный кабинет Джона был цвета крови — красная мебель, красные ковры, крас-

ные панели на стенах, красные плафоны на потолке. И сам Джон хорошо вписывался в цвета своего кабинета. Я говорю не об одежде — он был в темной пиджачной паре, а о багровом мясистом лице и голом черепе (он был еще красней). У меня сжалось сердце. Джон нахмурился. Он зевнул и покачал головой:

— Если у вас тут еще и луна, то вы конченный человек, Гаррис. Я имею в виду литературу, сэр. В продавцы мороженого вас возьмут с охотой. Признавайтесь сами, пока не дочитал.

— У меня есть луна, — сказал я мужественно. — Она выскальзывает из туч в предпоследней главе. Ее живительный свет влил бодрость в робкого Артура Купера, сто восемь страниц не решавшегося штурмовать сердце Минни Грэй. С помощью луны Артур завладел рукой Минни и нефтяными миллионами ее папаши. Без луны любовь не идет. Я понял вас так, что могу отправляться ко всем чертям?

На лице Джона отпечатались неодобрение. Он сказал:

— Чудовищно! Сто восемь страниц колебаний! В жизни не встречался с таким отсутствием вкуса.

Я взял рукопись и повернулся к двери.

— Сядьте! — приказал Джон. — Я не могу ошибаться, сэр. Восьмой компьютер Радиоцентра признает меня энциклопедией литературных знаний. Мой официальный код «Безошибочник номер два». Если я заявляю, что вещь стоящая, то публика будет драться из-за книги. Ваш вид ошеломляет. Нет, вы меня понимаете? При такой внешности вы не можете не покорить читателя. Но надо потрудиться, сэр!

— Работа меня не страшит. Если убедят, что нужны переделки...

Он покачал головой. Глагол «покачал» опять ничего не объясняет. Голова Джона в углублении между плечами покатила сперва вправо, потом влево. Это было так забавно, что я усмехнулся.

— Вы не поняли, сэр. До вас не дошла высокая истина моих высказываний. Дело не в объеме работы, а в смелости. Вы должны быть готовы на все, если хотите захватить публику.

Я постарался исправить свою ошибку:

— Требуйте, мистер Чарльстон.

— Я не требую, а советую, — сказал он. — Литература — самый свободный род деятельности. Никаких принуждений! Вы меня понимаете, Гаррис? Максимальное освобождение! Разные условности морали и прочее... За исключением приличия, сэр. Любое преступление — пожалуйста, но если герой появится на балу без галстука — это слишком!

Глаза у него стали рассеянными. Он забормотал, вяло постукивая толстыми пальцами по столу:

— Даже из вашей макулатуры можно кое-что выжать. Скажем, так... Нет, скажем, иначе! Луну уберем, луна устареела. Впрочем, постойте, луну оставим, стилизуем под старину... Они целуются, а на них падает лист каштана, так? Поцелуи — это пойдет. Он заключает ее в объятия, а с каштана прыгает ее отец и при свете выплывшей из туч луны ловким ударом кинжала... Почему вы смеетесь? Не люблю, когда у меня хохочут. Уверяю вас, другие авторы ведут себя гораздо приличней!

— Простите, мистер Чарльстон! Я вдруг вообразил себе папашу Эдди Грэя, кидающегося с кинжалом на жениха своей единственной дочери. Это невероятно, как огородное пугало, танцующее шейк. В мире не существовало людей добрее этого старика. Ему достался от отца солидный пук нефтяных акций, но сам он истинный Дон Кихот.

— Дон Кихот? — переспросил Джон, хмурясь. — Я слышал об этом парне. Он царствовал в Англии вскоре после рождества Христова и перед смертью завоевал Рим. Дон Кихот не пойдет, монархи — это старомодно. Раз вы не хотите кинжала, уберем луну, луна теперь ни к чему. Короче, она похищает его и, угрожая револьвером, требует, чтобы он стал ее женой, а добряк-отец, хорошо знающий дикий нрав своей дочери, пускается в погоню... Почему вы опять смеетесь?

— Вы странно оговорились... Она требует, чтоб он стал ее женой!

— И не думал оговариваться. Вы лишены воображения, старик. Кого заинтересует, что девушка ищет мужа? Штамп. Но если она ищет себе жену!.. О, это окупится!

— В колледже мы распевали веселую песенку: «Как жила Адама с Евом». Мальчишеское озорство...

— Адама с Евом? Это пойдет. Пришлите автора ко мне. Он еще не добился мировой славы?

— Эту песенку сочинил я. И единственное, чего добился, было исключение из колледжа.

— Я сразу понял, что из вас выйдет толк! — изрек Джон. — Посмотрев на ваше фото, я сказал себе: «Стоп! В этих глазах сверкает потустороннее! Человек с таким взглядом не может не завоевать мир!» Я выписываю пятьсот аванса. Через три дня принесете исправленную рукопись. Она должна удовлетворять всем четырем пунктам нашего фирменного патента на художественное произведение. Она будет шедевром моего знаменитого еженедельника «Голова всмятку».

У меня от природы железная выдержка. Кажется, я даже добродушно помотал головой. Хорошо помню, что я почти спокойно сказал:

— Простите, Чарльстон, я, конечно, слышал о патенте на художественные произведения, составляющем собственность вашей фирмы. Но не могли бы вы разъяснить, где тут зарыта собака...

Чарльстон удивился:

— Разве Дороти не познакомила вас с нашими литературными секретами? Тогда какого черта мы попусту теряем время? Слушайте меня, Гаррис. Лет десять назад я барахтался в тине издательских предрассудков. У меня не было ни на пенс вкуса, ни на цент понимания, ни на грош знаний. Я обожал Шекспира и Марка Твена. Кто нынче читает этих скучных стариков? Покажите мне такого чудака! Вы меня понимаете, Гаррис? Короче, я подобрал компаньонов, каждый внес по сто тысяч долларов, и мы разработали четыре пункта художественного совершенства. Сегодня любой критический недоносок знает, что из открытых нами истин

составлены скрижали современной литературы, но тогда, Генри, это еще не было ясно, нет, не было, компаньоны мои временами падали духом. Все гениальное вначале кажется чудовищным... Мы прежде всего запатентовали наши разработки, чтобы не совать их бесплатно каждому литературному инвалиду. Я сказал акционерам: «Атомная бомба запатентована. На переплетение книг есть тринадцать патентов, а на создание — ни одного. С этим пора кончать». Нам выдали патент — раздел «Технологические нормативы поэтики», номер АВС-717616, заголовок «Вечные законы оригинальности и глубины». И первый, на ком мы испытали действие патента, был юноша Беллингворс! О, этот незабываемый день! Вы слыхали о Чарли Беллингворсе, Генри?

— Конечно! Беллингворса сделала знаменитой повесть «Оранжевый крокодил с салатными зубами проглотил бедного Пью Гарпера в шикарнейшей столовой рококо». Однако... Разве он молод? На портрете он такой...

— В тот день он был зеленым юнцом, а на другой повзрослел до гениальности! Чарльза Беллингворса сделал я. Он сидел в том же кресле, где сейчас сидите вы, а на коленях у него лежала повесть «Папаша Джойс и его дочь Мэри». Вы меня понимаете, Генри? Они не лезли ни в какие ворота — папаша Джойс и его дочка. Такие вещи мог бы написать Диккенс или Толстой, но от современного писателя надо требовать большего. Я молча положил перед Беллингворсом наш патент. От растерянности он первым прочел пункт третий. И мир приобрел величайшего мастера ракетно-ядерной литературы!

Чарльстон вытащил из ящика кожаную папку с золотым тиснением:

— Вот наш патент, Гаррис. Раскрываю его, как Евангелие. Читайте вслух пункт третий, на остальные пока не обращайтесь внимания.

— Пункт третий. Называть произведение так, чтобы название не соответствовало содержанию.

— Вы умеете читать с чувством, Гаррис, — торжественно сказал Джон. — У вас даже не дрожал голос! А как смутил-

ся бедный Беллингворс, когда я приоткрыл ему снежные вершины мастерства. Но он был великолепный ученик, вы меня... В его первой повести нет ни крокодилов, ни Пью Гарпера, ни столовой, действие происходит в диких горах. Беллингворс сперва посмотрел на меня как на прокаженного, а затем, не запинаясь, выдал новое название. Оно было доведено до совершенства сразу, мне не пришлось менять ни единой буквы! А теперь читайте весь патент. Я никогда не устаю слушать эти дивные строки.

— Пункт первый, — читал я. — Пишите о невозможном и — по возможности — невозможно. Лучший возглас читателя — ошеломленное: «Немыслимо!» Пункт второй. Героев надо убивать — это воодушевляет. Нормы происшествий по жанрам. Лирический рассказ — не меньше одного убийства; любовные муки, включая ограбления и насилия, через страницу. Детективная повесть: 50 процентов убийств от числа персонажей; если вначале упомянут дом (банк, корабль, самолет, квартира), то к концу он должен быть взорван или сожжен; отношение гибелей сыщиков к гибелям бандитов, а тех к смертям обычных людей примерно: 1:10:100. Философская новелла: физические убийства заменяются моральными терзаниями, равновеликими членовредительству. Пункт третий. Впрочем, я его уже читал... Пункт четвертый. Счастливый конец.

Чарльстон слушал, закрыв глаза и тонко похрапывая. Он оседал всей тушей (мне показалось — от упоения своим творением он весь выльется из кресла на пол). И сейчас не понимаю, почему я решил поиздеваться над ним. Если бы я знал, к чему приведет моя дурацкая затея, я бы швырнул патент на стол и бежал. Вместо этого разумного поступка я спокойно возвратил Чарльстону кожаную папку.

— Вот так, — сказал он, раскрывая глаза. — Пункт четвертый — счастливый конец для читателя и для вас. Ужасы по дороге и благополучие дома. Три дня на доработку и пятьсот аванса. Я выписываю чек.

— Неделя, — сказал я хладнокровно. — И две тысячи.

Никогда раньше не думал, что глаза могут так вылезать из орбит. Я безмятежно закинул ногу на ногу. Джон был ошеломлен.

— Я не ослышался, вы меня понимаете? Неделя и две тысячи?

— У вас хороший слух, Чарльстон. Я потерял бы уважение не только к себе, но и к вам, если бы речь пошла о меньших цифрах. Шедевр не может стоить дешево. Дешевизна противоречит высокому духу вашего патента. Вы это знаете лучше меня, раз восьмой компьютер называет вас безгрешником номер два.

— Безошибочником, а не безгрешником, — проворчал он.

— Тем более. Это делает мои требования более требовательными. Вам не кажется, что я должен бы получить три, а не две тысячи?

— Не кажется! — отрезал он, раскрывая чековую книжку. Я взял чек. Это была роковая ошибка.

И, еще не спрятав чек в карман, я совершил новую ошибку. Надо было уйти, а я пустился в разговор с медузообразным директором. Я задавал коварные вопросы, он отвечал. У Джона есть внук Перси, чудесный двенадцатилетний мальчишка, мы с ним потом подружились. Я спросил: все ли произведения Беллингворса читал Перси? Чарльстон рассердился:

— Ни одного, Генри! Я же вам сказал: ужасы по дороге, а дома покой. Зарубите себе на носу, Гаррис...

Он внезапно оборвал свою гневную речь, стал вглядываться в настольный телевизор и торжественно объявил:

— Вам повезло, юноша. Сейчас вы пожмете руку классику антиклассической литературы Чарльзу Беллингворсу.

Мне смертельно захотелось посмотреть на Беллингворса. Я думал, что он такой же ошеломляющий, как его романы. На портретах он выглядел сносно. Но, в отличие от Джона, я не угадываю людей по фотографиям. Потом я безуспешно доискивался, что нашел Чарльстон в моем снимке: лицо как лицо, ничего особенного в глазах. Но когда вбежал Беллингворс, я содрогнулся.

В нем было что-то нечеловеческое. Он не был гармонизирован с самим собой. В кабинете Чарльстона появился крупный человек, а все детали и черты в этом крупном человеке были мелкие. Он был асимметричен. Массивный корпус покоился на тонких и коротких ногах, на широком лице тускло мерцали злые глазки, удлиненные уши свирепо оттопыривались, нос был не больше наперстка и примерно такой же формы, всегда приоткрытый рот с тонкими — веревочкой — губами обнажал узкие, длинные зубы. Он кинулся к Чарльстону, тряхнул его руку, потом пошел на меня. Мне почудилось, что он собирается укусить. Но он только пожал мою руку потной ладонью и еще шире оскалил могучие зубы. Он принял мой испуг за благоговение.

— Алло, Джон, — сказал он сипло, — обучаете юнцов делу Каина? Старый пройдоха, когда вы угомонитесь? Пляшите, я придумал повесть, которая будет не развлекать, а убивать. Джон, вкладывайте деньги в сумасшедшие дома, скоро за места в них станут драться.

Джон тяжело ерзал и громко сопел. Он старался подтянуть свое выплывшее из кресла тело. Лицо его покрылось потом. Он упирал локти в подлокотники, но руки обвисали с краев — и приподняться он не мог. Мне стало жаль директора издательства. Я бы помог ему, если бы не выражение лица Беллингворса. Тот наслаждался мучениями Чарльстона. Он глядел так злорадно, словно хотел прикончить своего друга. Если бы он душил или грыз Чарльстона, вряд ли бы ему пришлось менять выражение своего лица на более зверское.

— Название, Чарли, — пролепетал Джон, так и не выкарабкавшись из кресла. — Ваша сила в названиях, это известно всему миру...

— На этот раз читатель снесет его без помощи врача.

— Чарли, вас самого надо убивать! Вы меня пони?..

— Сидите спокойно. Не вытаращивайте глаза. Название такое. «Достопочтенный Питер Пакерс женился на нежной крысе, а веселые крысята сожрали бабушку». Каково?

Он выкрикивал название новой повести, а меня озарило понимание. Я теперь знал, почему он ошеломлял чем-то нечеловеческим. Знаменитый писатель Беллингворс был крысой. Пусть меня поймут правильно. Я не сошел с ума, чтобы утверждать, что это была биологическая характеристика. Крысы, слава богу, не расхаживают в дорогих костюмах, не душатся, не завиваются, не пишут бестселлеров. Беллингворс был крысой не в презренном физиологическом, а в более высоком смысле: крысость — философская сущность этого человека. Душа, движения, глаза, зубы — все в нем было крысиным. Если бы крысе предоставили возможность, сохранив нутро, принять человекоподобие, она выбрала бы себе облик Беллингворса.

Дольше оставаться было опасно. Я осторожно направился к двери. Джон говорил, отдуваясь:

— Подойдет! Не сногшибательно, но мило. Конечно, в повести нет ни крыс, ни Питера Пакерса. О бабушке уже не говорю. Держу пари, что действие разворачивается на курорте и героиня, очаровательная Эллен, завоевывает поклонников во время заплыва стилем кроль.

Беллингворс презрительно засмеялся:

— У вас гаснет воображение, Джон. Эллен завоевывает жениха на смертном одре. Президент акционерной компании «Врата рая» греческий еврей Петр Апостолиади вместе с двумя бандитами, итальянцем Тертуллианом и ирландцем Фомой по прозвищу Неверующий, а также мой неизменный главный герой Джек Недотрога...

Я тихонько закрыл дверь. Дороти восхитительно улыбнулась. Чек обжигал меня сквозь карман. Я был готов на все.

— Дороти, вы совершили преступление, — сказал я строго. — Вы не познакомили меня с художественными канонами издательства «Голова всмятку». Я должен вас наказать. Я буду поить вас шампанским и заставлю танцевать со мной. Прделаем это сегодня вечером.

Ее улыбка стала еще ослепительней:

— Боюсь, это исключено, мистер Гаррис. Сегодняшний вечер я обещала Морису Меллону. Он ждет меня у кинотеат-

ра «Иноземец». Вряд ли вам понравится, если я явлюсь со своим другом.

— Наоборот, это меня вполне устроит. С вашим другом мы поговорим по-дружески. На исходе второго раунда я превращу его в калеку.

Она посмотрела на меня со страхом. У нее быстро менялись выражения лица, и каждое соответствовало обстановке. Я не был защищен от такого дьявольского умения. Она сказала, нежно улыбаясь:

— Он хороший. Ему не пойдет быть калекой.

— В таком случае позвоните, чтобы он шел не к кино-театру «Иноземец», а к чертовой бабушке. Иначе я сам отведу его за ручку в преисподнюю. Как, вы сказали, зовут этого ублюдка?

Испуг в ее глазах уступил место покорности. Это до сих пор остается самым сильным ее оружием. Она умеет безропотно покоряться, если исполняется то, чего ей хочется.

— Не помню. Мне кажется, у него нет имени. Я ему, конечно, позвоню. Где вы хотите со мной встретиться, мистер Гаррис?

— Разумеется, у «Иноземца». Там всегда много света, а вы вся такая светлая, Дороти.

— В таком случае — в восемь часов. Вы не будете возражать, если я надену темное платье? Вечером мне больше идет темнота.

— Не буду возражать, — буркнул я и ушел.

Разговор с Дороти был крупнейшей ошибкой этого дня.

2

Прежде всего я превратил дарованный Джоном чек в чековую книжку. Эта операция совершилась в «Национальном банке братьев Фаррингтон».

Перед семидесятиэтажным банком примостился чахлый, крошечный скверик, заполненный не столько де-

ревьями и кустами, сколько рекламными щитами. Я сел на скамеечку, притулившуюся у пожелтевшего клена. Меня осенял плакат, с которого здоровенный дебил, раззявив пасть, кричал на прохожих: «Все для вас — только у нас!» Недоумок был похож на Чарльстона, только не такой толстый. Мимо меня люди бежали в банк и выбегали оттуда, ни один не шел, тем более не шествовал. У национального банка всех охватывает лихорадка. Вероятно, и я вот так же влетел в вестибюль и вынесся из него, словно из горящего помещения.

Стало холодно, я запахнул пиджак. Небо было, наверное, чистым, и оттуда несло октябрьской прохладой. Я сказал: наверное, потому что увидел вместо неба лишь струящиеся цветковые сполохи реклам. Воздух красочно бесновался от призывов, просьб и требований куда-то пойти и что-то сделать. Я тупо смотрел вверх и размышлял, как мне отомстить Чарльстону.

Я должен остановиться на этом подробнее. Джон еще не был моим лучшим другом, но зла от него я и тогда не видел. Он был скорей благодетелем, а не врагом. Он открыл во мне дарование писателя, чего никто до него не смог сделать. Он великодушно одарил меня внушительной суммой, а я так нуждался. И сделал это из одной веры в меня. Он мог ожидать моей благодарности. Я ненавидел его. Еще ни один человек так не оскорблял меня. Я не мог оставить это безнаказанным.

И я с наслаждением думал о том, что с абсолютной точностью выполню требования его чудовищного патента. О, это будет сногшибательно в истинном значении слова! Чарльстон свалится, не дочитав и половины. Он сползет всей тушей на ковер и расплывется! Он хочет игривой вещицы — я поднесу ему бомбу. Чтение будет подобно взрыву. Директора популярного издательства Джона Чарльстона уничтожат требования его собственного художественного канона. И даже отобрать аванс он не сможет: я и в запятой от них не отступлю!

Так я мстительно говорил себе и радовался, словно добился огромного успеха. Но потом я перешел от задания к сюжету, и настроение мое испортилось. Идея была, сюжета не было. Патент Чарльстона был хитрей, чем мне стгоряча вообразилось. Он оставался чудовищным, но в нем не было примитива. Самым трудным был первый пункт: писать о невозможном и по возможности — невозможно. И бесчисленные убийства, и любовные терзания, и счастливые окончания — все это было легко выполнимо. Но писать невозможно о невозможном — нет, это невозможно!

— Может, накатать непонятней? — пробормотал я вслух. — Что-нибудь вроде: «Свенто Сигурсон распрямил тругада одним глазом и тут же лаперкакер, после чего взини трусхто трухата и, обливаясь чертопотакией, он хударбарабил к ногам...» Нет, не пойдет. Невозможно о невозможном — нечто иное, чем непонятно о понятном. Хударбарабия Чарльстон отбросит на второй фразе. Чертопотакией его не сразить — это я понимал.

Так я терзался муками творчества в скверике, собранном из плакатов вперемешку с кленами. Я перебирал десятки вариантов — ни один не годился. Надо было подкрепиться перед ужином с Дороти, но я не мог заставить себя подняться. Я ожидал неожиданного случая, который должен был мне помочь. Такие предвиденные счастливые непредвиденности обязательны, без них не совершается ничего серьезного. Около меня остановилась газетная автотележка. Я купил утренний выпуск «Ежедневного убийцы» и полистал газетку. Неизбежными неожиданностями и необходимыми случайностями — в общем, ничем счастливым — от нее и не пахло.

Я уже собирался уходить, когда с верхнего этажа небоскреба свалился апельсин. Мимо меня просвистело что-то темное, я испуганно отшатнулся. Из моих рук была вырвана и пригвождена к земле газета, но, как вскоре выяснилось, «Ежедневный убийца» тоже не пострадал.

И тут возникла случайность, которую я ждал. Она приняла облик старого бродяги, небритого и худого. Выбро-

шенный апельсин и полуразрушенный голодом и пороками оборванец составили комбинацию неожиданности и случайности, которую называют удачей.

Бродяга отбросил апельсин и подал мне газету.

— Рад помочь вам, — объявил он, сдувая с нее пыль.

— Газета мне не нужна, — ответил я. — Можете взять ее себе.

— Но ведь это «Ежедневный убийца», — сказал бродяга.

— В нем ничего интересного. Удивительно скучный номер.

— На третьей странице мальчик Пьер застрелил свою сестру Ани, — сообщил бродяга.

— Один смелый парнишка на пятьдесят миллионов наших парней...

— Четверо самоубийц-трусов обещают перечислить по тысяче долларов тому, кто незаметно для них самих их прикончит, — объявление на всю вторую страницу.

— Капля в море по сравнению с четырьмя тысячами нормальных самоубийц, ежедневно отважно расправляющихся с собой.

— А на последней странице, нонпарелью, — сообщение о казни гангстера Джима Джексона, просидевшего восемь лет в одиночке.

— По-вашему, это заслуживает внимания?

— Нет, — сказал с глубоким отчаянием бродяга и, обессиленный, присел на скамейку рядом со мной. — Нет, как же мне не везет! На смерти Красавчика-Джексона не заработать жалкой никелевой монеты! Куда катится мир, я вас спрашиваю?

— Вы придаете значение смерти какого-то гангстера?

— Придаю ли я значение? О! — Бродяга возмущенно взмахнул руками, хрипы в его голосе стали глубже. — Почему вы не спросите, придаю ли я значение собственной жизни, ибо я имел честь почти четверть века работать на великого Красавчика! Понимаю, что вы не поверите, ибо мой внешний... Короче, я, Билл Корвин по прозви-

шу Шляпа, со всей ответственностью утверждаю, что на земле не существовало человека добрей, великодушной, нежней, чем мой шеф. Джим Джексон был последним человеколюбом в мире. Нет, я оскорбляю память своего незабвенного друга невыразительным словом «човеколюбец»! Он был величайшим человекострадателем на земле! Да, сэр, да, со смертью Джексона больше не существует святых. Человечеству надо было бы поставить ему памятник при жизни, а его казнили — такова горькая действительность!

Заинтересованный, я прочел сообщение о казни Джексона.

— Вы назвали его великим человеколюбом и человекострадателем? А он отправил на тот свет сто семнадцать человек, среди них сорок три женщины и пятнадцать детей. Не многовато ли для святого? Если он и был человекострадателем, то лишь в том смысле, что от него страдали.

— Да, человеколюбец и человекострадатель! — запальчиво закричал бродяга. — Сто семнадцать человек! Что значит сто семнадцать человек для такого титана, как Джексон? Вы по виду джентльмен, но если покопаться, то обнаружится, что вы уколошили не меньше трехсот. Да, трехсот, сэр, я человек объективный и ненавижу преувеличения.

— Я в своей жизни совершил лишь одно убийство. Отвратительный старый кот, от которого шарахались молодые кошки, устраивал ночные плачи под моим окном... Ничьей другой крови на моих руках нет.

— А вспомните: со сколькими людьми вы расправлялись мысленно? Скольким в припадке гнева желали смерти? Вы отцеубийца и матереубийца, сэр, в мыслях вы даже на мать поднимали руку! А в минуты неудач вы приканчивали себя... Вы двадцатикратный самоубийца, вот вы кто.

— Воображение у меня есть: и матери, и отцу, и братьям в мечтах моих доставалось, себя я тоже не жалел.

— Вот-вот, вы еще и братоубийца! Я понял вас сразу. Когда вы отшатнулись от апельсина, я сказал себе: «Билл,

не может быть, чтобы ты не добыл монеты у человека с такими удивительными глазами».

— Возвратимся к Джексону. В мыслях все мы порой... Но ваш Джим был реальным убийцей. Улавливаете разницу?

— Она существует лишь для нас, но бедный Джим не видел различий между желанием и действием. Да знаете ли вы, что Джиму было легче убить, чем пожелать убийства! Сколько раз этот великий гуманист твердил мне: «Билл, самое ценное в мире — это человек! Если вам кто-нибудь предложит устранить его врага за тысячу, плюньте негодяю в лицо. Берите пример с меня, Билл. В мире не существует сил, которые заставили бы меня пойти на такое дело меньше чем за пять тысяч». А как часто Джим отказывался от великолепно подготовленного убийства! Сколько тратил нервов, чтобы примирить людей, впившихся один другому в глотки... Это был величайший примиритель — за это он брал всего полтысячи. Отказаться от пяти тысяч ради пятисот! После этого не говорите мне о бескорыстии других. Джима надо было толкать на убийства кулаком в спину. И он плакал над жертвой, да, сэр, плакал.

— Крокодилы, когда уплетают добычу, тоже плачут.

— Не имел дела с крокодилами. На их убийства не поступало заказов. А что до Джима, то одна почтительность, с какой он обрывал вашу жизнь, говорит, нет, сэр, вопит в его пользу! Знаете ли вы, что Джим убивал золотыми пулями? Он считал свинцовые недостойными ни его самого, ни тех, кого он готовился... «Это дань уважения клиенту», — говорил он, заряжая револьвер золотом.

— Вы рассказали занятную историю.

— Горестную историю, сэр! Такой дуб рухнул! Я надеюсь, вы не пожалеете одной монетки на поминки этого гения великодушия.

Теперь я знал, что делать. Сюжет книги стал ясен.

— Я не пожалею десяти. Держите деньги. В восемь у меня деловое свидание. Сейчас шесть. Я угощу вас хорошим обедом и запишу некоторые из ваших рассказов. Идемте.

Темное платье и вправду шло Дороти. На улице неистовствовали рекламы. Все потоки света погасали в Дороти. Она двигалась клубком темноты в бесновании огня — только лицо светилось.

— Вы дух ночи, — сказал я откровенно. — Было бы нечестно скрывать это от вас, Дороти. Вы могли бы царствовать в Эфиопии — там обожают темный цвет. Теперь понимаю, почему Адам влюбился в черную величественную Литлит, когда у него была светозарная простушка Ева.

— Я знала одного Адама, это был монтер, чинивший наш лифт, — ответила она. — Бедняга пытался за мной ухаживать. Эфиопия — это далеко?

— Сразу за поворотом истории и двумя океанами. Пять тысяч лет и десять тысяч миль.

— Далеко, — сказала она со вздохом. — Лучше пойдем в ресторан.

Мы пошли в ресторан. Мы сидели под магнолией (она росла в кадке), пили шампанское и ели креветок. У Дороти отличный аппетит, он свидетельствовал о хорошем здоровье. Потом мы танцевали. Дороти вела меня так деликатно, что я почти поверил, будто это я ее веду: не поддерживала моих неправильных движений и откликалась только на нужные. Я быстро освоил эту технику и уже на третьем танце безукоризненно вел ее, как она хотела.

— Дороти, вы восхитительны! Мне кажется, я влюблен в вас, — сказал я. — У вас есть возражения?

— Ох! — сказала она, садясь. — Жарко, я устала. Налейте мне воды со льдом. Вы сказали что-то о возражениях, Генри?

— Вы правы. Возражений быть не может. Предлагаю свадьбу через две недели.

— Через две недели? Какой странный срок! И между прочим, я еще не сказала, что согласна на брак.

— Вы подумали об этом. С меня достаточно вашей мысли. А две недели вот почему. Первую неделю я перераба-

тываю повесть. А вторую неделю, после ее чтения, Джон Чарльстон будет лежать в реанимационной палате. Когда он встанет с постели, мы устроим свадьбу.

— Как интересно! Шеф сказал: вы многообещающий писатель. Вы серьезно думаете, что книга его убьет? Просто не могу поверить!

— Искусство медицины в наше время достигло больших высот, — ответил я уклончиво. — Но врачам придется повозиться!

— Это так прекрасно, когда книга убивает! — сказала она мечтательно. — Я первая прочту вашу рукопись. Если вы меня убьете, я буду очень, очень любить вас!

— Я жестоко расправлюсь с вами, Дороти! Вы будете счастливы. Наша безмятежная жизнь пойдет от одной смерти к другой. Я говорю о книгах, вдохновляемых вами и патентом Чарльстона.

Она посмотрела на меня почти с любовью. Морис Меллон, по-видимому, не стоил моей подметки. Она призналась, что не помнит, как он выглядит, и не уверена, что узнает, если они повстречаются на улице. У ее дома я поцеловал ее, потом еще. Она оттолкнула меня.

— Больше пяти раз подряд я не целуюсь. Это вредно для здоровья. — Она добавила грустно: — Две недели! Это так не скоро. Но мы хоть будем видеться в эти дни, Генри?

— Ни разу, Дороти. Когда я пишу, меня нет. А встречаться, когда вашего шефа будут выволакивать из лап смерти, нечестно. Зато в следующее свидание я возьму вас под руку, и мы пойдем в церковь.

— Я буду ждать, — прошептала она, прижимаясь ко мне. — Я буду ждать вас вечно. Через две недели, так вы сказали?

— День в день, — подтвердил я.

Я шел домой и смеялся. Я был в восторге. Вероятно, на меня нашло вдохновение. Дороти не выйдет за меня, когда перелистает рукопись. Ее отказ будет единственной потерей. Мне двадцать девять лет, я уже влюблялся, терзался, ликовал, сходил и расходился. Женщины не стали цен-

тром моего существования. Потерю Дороти я перенесу. Передо мной стоял мой роман, я мысленно читал еще не написанные страницы. Это было воистину «невозможное о невозможном». Большого вздора, рассказанного дьявольски серьезно, большей галиматьи, украшенной правдоподобнейшим орнаментом, нельзя было вообразить! Я доводил художественные каноны Чарльстона до абсурда. Его патент взрывал сам себя.

Дома я кинулся к машинке. Ночь — лучшая пора для черного замысла. Я свирепо расправился с прежним сюжетом. Теперь главным героем повести, взамен недотепы Артура Купера, стал Джим Джексон по прозвищу Харя-Красавчик — директор акционерной компании «Жизнь до востребования». Иногда — для простоты — его звали просто Харей-Джексоном. Фирма специализировалась на частных поставках смерти и считалась солидным предприятием. Крупнее ее было лишь военное ведомство, но там занимались конвейерным производством убийств и индивидуальных заказов не принимали.

Джим Джексон, генеральный поставщик частной смерти, делал все, чтобы примирить кровожадных заказчиков. Артур Купер уже на четвертой странице вручил фирме десять тысяч наличными, чтобы ребята Джексона расправились с папашей Эдди, а тот на пятой странице подписывал контракт на пятнадцать тысяч за избавление от кандидата в наследники. Харя-Джексон, красивый, темноволосый и темноглазый, не спешил с выполнением обязательств. «Заказ на смерть еще недостаточен для производства смерти, — поучал он помощников, верзилу Тома Тапкинса по прозвищу Крошка и светловолосую Дженни Гиену по прозвищу Змея. — Жизнь созревает девять месяцев, прежде чем дает о себе знать криком новорожденного. Дайте смерти хотя бы девять недель созревания».

Такова была первая часть романа. Я написал ее за ночь. Основная драма разыгрывалась во второй части. На нее я убил три дня.

Это была драма самого директора фирмы «Жизнь до востребования». Заказчики Купер и Грэй подстегивали фирму. Наивный Артур Купер посылал письма с просьбами об убийстве, а энергичный и злой — теперь он был энергичным и злым — папаша Грэй обратился в частносыщицкую контору «Убей убийцу» известных детективов Пата Инкертонна и Роба Буланда.

— Все в порядке! — сказал папаше Грэю высокий Пат, а толстый Роб кивнул. — В частные дела мы не вмешиваемся и не требуем объяснений, чего вы не поделили с фирмой Джексона. Но истребление бандитов поощряется законом, платите триста аванса за каждую голову и ждите результата. Ах, лично Джима? Харя — случай особый. В общем — перечисляйте тысячу и спите безмятежно. Джим от нас еще ни разу не уходил. Вы не поверите, сколько раз мы его убивали!

Так началась безжалостная охота на несчастного Джексона. Сыщики ловили его на улицах и дома, подстерегали в туалете, стреляли в него из машин и поездов. Великий гангстер метался как затравленная крыса. Вскоре он понял, что выхода нет.

— Рано или поздно эти бандиты патинкертоновцы укокошат нас, если мы не удовлетворим наших заказчиков, — печально сказал он помощникам. — Контора Пата сама за рискованные дела не берется и живет лишь тем, что заставляет нас идти на них.

— Папашу Эдди я беру на себя, — прогудел одноглазый верзила Том по прозвищу Крошка. — А жениха пусть загрызет Гиена.

— Удовлетворять обоих заказчиков излишне. Ублажим одного, второй не запротестует, ибо будет мертв. Вопрос — кого ублажить?

— Того, кто больше платит, — пролаяла Дженни Гиена по прозвищу Змея. — Я приглашу студентика на свидание и задущу в объятьях.

— Нет, — твердо сказал Джексон. — Мы не беспринципные служаки Пата. Убивая человека, я должен быть уверен,

что так лучше и ему, и обществу. Для меня убийство — высокоморальный поступок, шаг вперед в совершенствовании гуманизма. Мне претит убийство без нравственного удовлетворения. Что пользы, если мы устраним Купера? Появится новый жених, и его снова понадобится устранять. Отцовская злоба ненасытна. Но если устранить отца, наступит счастливый конец. И, если честно, меня доводят до слез трогательные просьбы Артура. Я уже люблю его как сына. Я не отдам это святое чувство на поругание ради пяти тысяч разницы.

— Значит, я, а не Гиена, — подвел итоги Том Крошка. — Дайте парочку ваших золотых пуль, Джим.

Нефтепромышленника Эдуарда Грэй убили во время совещания директоров в его рабочем кабинете. Золотая пуля вылетела из зеркала, когда Грэй поправлял галстук. Тайнственного убийцу обнаружить не удалось. Газеты отвели ужасному происшествию по три полосы, подробно описывая горе дочери и ее траурные туалеты.

Спустя месяц состоялась свадьба Минни Грэй и Артура Купера.

Перед венчанием в церковь протолкался Харя-Джексон и вручил жениху перевязанный ленточкой пакет.

— Здесь пять тысяч долларов: свадебный подарок от фирмы.

— Пять тысяч? — изумился жених. — Почему такая роскошь?

— Таков был аванс, переведенный вашим безвременно погибшим тестем. Мы всегда возвращаем авансы по невыполненным контрактам.

— Вы благородные люди, — прослезясь, воскликнул жених и сердечно пожал Джиму руку.

Выходя из церкви, Харя-Джексон столкнулся с болтливым верзилкой Патом Инкертоном и молчаливым толстяком Робом Буландом.

— Как поживаете, Джим? — приветствовал его Пат. — Вы не находите, что мы сделали все возможное?

— Вы отличные ребята! — сердечно сказал Харя-Джексон, и они обменялись рукопожатиями.

Закончив роман, я обнаружил, что рукопись соответствует всем пунктам художественного патента издательства «Голова всмятку», кроме третьего. Название «Акционерное общество «Жизнь до востребования»» сразу раскрывало суть. Я поставил на странице первое, что пришло мне в голову: «Танцовщица Чарльз Доппер поет в гробу», и бросил рукопись в почтовый ящик.

— Если тебя не хватит кондрашка, то я ничего не понимаю в людях! — торжествующе крикнул я вслед рухнувшей в черное отверстие рукописи. Я говорил, естественно, о Джоне, а не о романе.

Теперь надо было выдержать неделю. Джон побаивался не выдержанных в приемной авторов. А я боялся прийти до того, как возмущение от моей проделки спадет с дикой ярости до тихой скорби. С горюющим о потере аванса директором можно договориться о чем-то более стоящем, чем выполнение фантастического патента. Только теперь понимаю, на какой зыбкой почве я строил свои расчеты.

Я пришел в издательство в середине дня. Дороти залилась краской и нервно вскочила. На ней было килограмма три украшений: перстни на пальцах, кулон на груди, бусы на шее, диадема в волосах, серьги в ушах (каждая — с блюдце). Мне кажется, продень она в нос золотое кольцо, оно не вступило бы в противоречие с роскошью остального убранства. Она смотрела на меня округлившимися глазами.

— О! — только и сказала она. — О, это вы, Генри!

— Это я! — подтвердил я поспешно. — Понимаю ваше состояние, Дороти, но об этом поговорим позже. Как с шефом? Он здоров?

— Боже, что вы сделали с ним! Еще ни один автор...

— К нему можно пройти? Я подразумеваю — немедленно?

— Он вас ждет.

Я торопливо прошел в кабинет. Джон бессильно заполнял студнеобразным телом все то же кресло. По обе руки от него сидели два безликих, безукоризненных джентльмена — акционеры фирмы «Голова всмятку», как я вскоре узнал. Чарльстон замахал на меня рукой, словно отгоняя зловещий призрак.

Безукоризненные джентльмены робко встали.

— Смотрите на него! — слабо проверещал Чарльстон. — Смотрите на этого пройдоху! А ведь я пообещал сделать из него литературного гения. Так страшно ошибиться! И это я, Безошибочник номер два!

— Ради бога, не сердитесь! — смиренно попросил я.

— Он просит не сердиться; нет, вы меня понимаете? Этот обманщик хочет, чтобы я сохранял спокойствие!

— То, что вы сделали, поразительно! — с уважением прошепелявил Блейк, это был правый джентльмен.

— Сверхгениально! — визгливо выкрикнул Сузпилс — это был левый.

Я положил руку на висок, чтобы голова перестала вращаться.

— Я не ослышался? Вы одобрили рукопись?

Чарльстон вырвался из кресла, словно выброшенный пороховым зарядом. До сих пор не понимаю, где у него нашлись силы так взметнуть свои 130 килограммов. Он потащил меня к окну, а по дороге гремел тонким голосом:

— Он опять издевается, Блейк и Сузпилс! Одобрена, нет, вы меня понимаете? Гаррис, видите грузовики, выезжающие из туннеля? Они везут ваше произведение. Мы оставили новую вещь Беллингворса, чтобы открыть светофоры вашему шедевру. Завтра публика будет драться насмерть из-за вашей книги. Я категорически утверждаю, Гаррис, что вы супергений. Я понял это сразу, как взглянул на ваше фото. Информую вас, дорогой Гаррис, что акционеры фирмы со мной согласны.

— Полностью согласны! — зашепелявил Блейк.

— Полностью согласны! — взвизгнул Сузпилс.

— Я финансовый директор, — запоздало представился Блейк. — Мы хотим заключить договор об издании двенадцатитомного собрания...

— Нет! — воскликнул Чарльстон. — Тысячу раз нет, вы меня понимаете? Договор — успеется. Мы явились сюда для другого торжественного события. Вы не догадываетесь, почему мы оделись как на бал?

— Нет, конечно! — Я делал нечеловеческие усилия, чтобы не показать своего смятения. Был момент, когда я боялся, что упаду в обморок.

— Посмотрите на него, Блейк и Сузпилс! Этот обманщик еще говорит «конечно»! В жизни не встречал большего мистификатора. Дорогой Генри, Дороти открыла мне, какое счастье вас ожидает сегодня. Надеюсь, вы не обидитесь, что организационную сторону поворота вашей жизни я взял на себя. Я не мог позволить вам утруждать свой гениальный мозг такими мелочами, как выбор церкви, приглашение гостей, заказ свадебного ужина. И я преподнес невесте несколько свадебных украшений от вашего имени — в счет гонорара, естественно. Короче, нас ждут в церкви, Гаррис, вы меня понимаете...

Все совершалось как во сне. Я молча шел, куда вели. Дороти взяла меня под руку. На ней звенели серьги и бусы, сверкали кулоны и диадемы, она держала меня так, чтобы были видны все перстни. Я это снес. Я слабым голосом ответил «да», когда пастор спросил, согласен ли я взять в жены девицу Дороти Томсон. И я не сказал ни слова против, когда Джон объявил, что заказал нам апартаменты в модном отеле — он не сомневался, что ни моя холостяцкая квартира, ни скромное жилище Дороти не годятся для нас.

Сквозь толпу незнакомых гостей протиснулся Беллингворс. Он так обнажил клыки, словно хотел тут же разорвать меня. Поздравление соответствовало гримасе.

— Гаррис, вы создали шедевр, — завистливо пропищал он. — Вы доказали, что порядочные люди остались только

среди гангстеров. Я дал вашу книгу моему младшему сыну Тому — теперь он мечтает стать убийцей. Поздравляю с замечательной женой, Гаррис! Вы стоите друг друга.

Я все же не вlepил ему пощечины — в церкви было неудобно. Зато я улыбнулся ему. Он отскочил как ужаленный. У него были слабые нервы, он не вынес моей улыбки. Потом был ужин в банкетном зале отеля, где мне отныне предстояло жить. Еще никогда я так вкусно не ел и не пил (мой желудок неделю мстительно напоминал мне об этом ужине). А когда мы с Дороти остались одни, она села мне на колени и проворковала:

— Мой дорогой Генри, я так мечтала об этой минуте! Я так мечтала!

Почему-то я ждал именно такой фразы. Я твердо знал, что даже отдаленно похожего в моей жизни не было. Но у меня было ощущение, что происходит нечто давно знакомое, что заново воссоздается уже пережитое. Я обнимал Дороти и молчал. Теперь она должна спросить, люблю ли я ее, и попросить, чтобы любил крепче. Дороти положила голову мне на плечо и нежно прошептала:

— Генри, вы любите меня? Я хочу, чтобы вы еще крепче любили меня, Генри!

Лишь тяжким усилием воли я не дал себе вздрогнуть. В мою жизнь ворвалось нечто зловещее. Я стал игрушкой в руках враждебных сил.

4

Если постараться определить одним словом мое состояние после женитьбы, то слово такое найдется легко: ошеломление. Я только добавил бы: непрерывное, непрестанное, нестихающее, неуменьшающееся... Можно воспользоваться и формулой из патента фирмы «Голова всмятку»: невозможное о невозможном. Я жил в непредставимом мире, вращался среди загадок. Все, на что я смотрел и что я слышал,

представлялось непостижимым. И самой необъяснимой загадкой был успех моего романа!

Вначале я тешил себя иллюзией, что Чарльстон — дурак, что акционеры фирмы — дегенераты, что Беллингворс — подонок и что восторженные читатели — ослы. Но уже и в те недели ошеломления я смутно догадывался, что тайна гораздо глубже и грозней. Я понял это окончательно, когда читал статью знаменитого критика Мака О'Нелли. Мак отмечал легкость моего письма, занимательность сюжета, искусность драматических событий. «Все это не так уж существенно, — утверждал он. — Талантливых писателей немало и помимо Гарриса. Сила Гарриса в проникновенной реальности. Каждое слово его романа дышит глубокой правдой». Я подскочил, читая эти невероятные строки. Мак О'Нелли считался знатоком. Но я писал памфлет, а он прочел оду. Я издевался — он увидел восхваление. Я издавал на бумаге постыдные звуки — он услышал торжественный марш. Он воспринял мое произведение как Чарльстон с акционерами, как Дороти, как Беллингворс, как миллионы читателей. Кто же ошибается? Может быть, они все правы, а я неправ? Но тогда мы живем в разных мирах!

Помню, что мысль о каких-то разных мирах, перемешанных между собой, явилась мне именно при чтении статьи Мака О'Нелли. Тогда я и подумать не мог, к чему приведет эта идея. Вначале она свелась к самодовольному утешению: «Вы — внизу, а я — на вершине!» Я готов был допустить, что читатели, барахтающиеся в каждодневности мелочного бытия, и не слышали о высоких сферах, созданных прекрасными книгами. Я книжник — они далеки от искусства!

Возможно, надо было скандально обругать Чарльстона, порвать его чеки. На это у меня не хватило решимости. Джон трогательно заботился обо мне. Он твердил, что гордится мной. Он объявил репортерам, что издание моей книги — его величайший жизненный подвиг. «Генри Гаррис создает одни шедевры, вы меня понимаете?» — вдохновенно

изливался он на телеэкране. Я не мог оскорбить его. И я не хотел обижать Дороти. Она так наслаждалась замужеством, была такой нежной! Я только спросил однажды:

— Крошка, откуда эти словечки?.. Ну, те, что ты говоришь, когда ласкаешься. Ты вычитала их в книгах? Ты их слышала когда-нибудь?

Она широко раскрыла глаза:

— Разве их печатают в книгах, милый? Я так мало читаю, ты не сердись на меня за это? Мне всегда не хватает времени...

— Но откуда ты их берешь?

— От тебя, — сказала она уверенно. — Слова эти рождаются во мне, когда ты обнимаешь меня.

Пришлось ограничиться этим мало что объясняющим объяснением.

Я сумрачно вспоминал бродягу Билла Корвина по прозвищу Шляпа. Все загадки начались с него. Единственное правдивое в книге было то, что я с точностью воспроизвел немислимый рассказ Шляпы о жизни благороднейшего из душегубов, честнейшего из вымогателей, величайшего человекострадателя среди убийц. Я посмеивался над похвалами Корвина, хохотал, перенося на бумагу дикие измышления бродяги, от голода дошедшего до горячечных фантазий. Он и сам не настаивал на правдивости своих откровений — он лишь старался придать им красивую форму. Но, может, все и впрямь было правдой, а Корвин обдуривал меня, хитро накладывая на реальность пестрые выдумки? Я ненавидел этого источенного пороками субъекта: в его голодном вдохновении посверкивал художественный дар, который был куда выше моих способностей.

Я так много думал о Билле Корвине, что постоянно видел его перед собой: морщинистого, дурно одетого, плохо пахнущего. Чарльстон намекал, что пора приниматься за новую повесть — желательно в стиле первой. Дороти нежно ворковала об этом же в промежутках между поцелуями — ей становилось мало моих доходов. Я сел за второй роман, придав

одному из героев черты Билла. Мне захотелось расправиться с ним. Сперва я бросил его под автомашину. Но по сюжету он был еще нужен — пришлось его вылечить. Зато потом я втравил Билла в ссору с Дженни Гиеной по прозвищу Змея, и она вонзила в его сердце золотой кинжал в форме крестика — она всегда набожно носила на груди эту семейную реликвию, маленький ювелирный шедевр...

В этом месте мне показалось, будто я сам убиваю. Я вздрогнул и бросил рукопись: буквы сочились кровью.

Затем я снова схватил ее и стал рвать, потом выбросил клочки в окно. Ветер был сильный — куски расчлененной повести долго носились по воздуху. Я возвратился к пишущей машинке. Я раскаялся. Билл по прозвищу Шляпа все же не заслуживал такой жестокой расправы. Он был обманщик, конечно, но от горячности характера, а не по злому умыслу. Уничтоженный отрывок нужно было переписать заново — и с другим героем, не похожим на злосчастного Билла.

Работа, однако, не шла. Я пошел развеяться. У двери универмага «Все — и больше» компании «Гольдшайс и внук» я увидел мужчину, лежащего на тротуаре лицом вниз, и толпу вокруг него. Пока я проталкивался поближе, подъехали врач и полицейская машина и пострадавшего увезли.

— Загадочная история! — взволнованно говорил один из очевидцев. — Этот пожилой, бедно одетый человек входил в магазин, когда подскочила красивая женщина, вонзила ему в грудь кинжал и тут же словно испарилась.

— И еще удивительней, — добавил второй очевидец, — что кинжал был золотой, я это хорошо видел. Убивать золотым кинжалом!

— Мы все видели, — сказал первый. — Кинжал в форме креста. Такие крестики носили наши бабушки. Только он больше крестика!

— Пострадавший ничего не успел сказать? — спросил я.

— Он пробормотал что-то вроде: «Билл... Билл...» Очевидно, это его имя, ведь убийца та женщина. Только у вели-

кого писателя Гарриса женщины носят мужские имена. Вы читали его гениальный роман о танцовщице, которой нет?

— Роман Гарриса мне не понравился. Я не люблю этого писателя. — Я отошел от универсама.

Все вдруг стало бредом: дома, автомашины, люди, слова, шумы. И среди этих овеществленных химер сам я метался одичавшим призраком — сгусток смятения и отчаяния в модном костюме. Я боялся вернуться в отель. Если мне попадется клочок разорванной рукописи, я завою по-собачьи или стану биться лбом о стену.

Это состояние длилось часа три.

— Ладно, старик, — сказал я себе потом. — Конечно, сегодня произошло что-то страшное, но одного такого чуда хватит на всю жизнь. Иди домой, больше чудес не будет.

Чудеса в этот день подстерегали меня на каждом шагу.

На малолюдной улице я чуть не столкнулся с молодой женщиной. Женщина показалась мне знакомой, я поклонился. Она мило кивнула.

И тут я ее узнал. Все в этой женщине принадлежало мне. Я единолично создавал ее с головы до ног. Моей работой были и ее светло-салатные, чуть косящие глаза, и родинка на левом виске, и припухшие томные губы (над нижней я провозился целый час, отшлифовывая ее форму и подкрашивая потом синевато-багровой помадой), и тонкая шея, и крепкие руки теннисистки, и широкие плечи, и узкие бедра — такие узкие, что они казались талией, а не бедрами. И она была в том наряде, что я ей придумал, — она не успела переодеться. Я бы узнал ее среди всех женщин мира, ибо был ее отцом и матерью одновременно!

— Простите, — сказал я, холодея. — Вы случайно не Дженни Гиена по прозвищу Змея?

— Друзья иногда зовут меня змейкой, — ответила она, лукаво смеясь. — Но Гиена — фу! Это вульгарно. Извините, я спешу. Я не люблю разговаривать с незнакомыми мужчинами.

Я загородил ей дорогу. Я был вне себя.

— Это я-то вам незнаком? Не ожидал такой наглости! Ну-ка, признавайтесь, что за подлость вы совершили возле универмага?

— Мне кажется, вы больны, — сказала она, отодвигаясь. — Может, вызвать врача? Если разрешите, я позволю...

— Никуда не пушу! — заорал я, схватив ее за руку. — И больше не врете, что вы не Гиена, я этого не потерплю!

Она молча вырывалась. У нее исказилось лицо. Мне показалось, что она хочет укусить меня. Я разжал руки, и она отскочила в сторону. Тяжело дыша, она поправила растрепанную прическу.

— Что же вы не кричите? — спросил я. — Зовите полицию!

— Обойдемся без полиции. Вы должны меня отпустить, Гаррис! Вам не удастся доказать, что я причастна к делу возле универмага. Друзья сумеют меня защитить! Если бы они не торчали сейчас в баре пройдохи Лемюэля, вам не удалось бы так легко меня заграбастать!

— Ваши друзья? — возразил я, зло усмехаясь. — Не те ли, кого я сам придумал? Уверяю вас, Дженни, это ненадежная защита. Шагайте рядом, и боже вас упаси оглядываться по сторонам!

— Что вы собираетесь сделать со мной?

— Ничего сверхъестественного — возвращу в роман. Вот почему так плохо шла последняя страница! Вы, удрав, разорвали сюжетную нить. Я мучился над каждой буквой, а вы подготавливали убийство!

— Я осуществила лишь то, о чем вы так ярко написали. Отнесись вы к Биллу Корвину иначе, я не пошла бы на это.

— Делаете меня соучастником своего преступления? Хватит болтовни! Дайте руку и скажите спасибо, что не веду вас в полицию.

— Гаррис! У вас ничего не получится...

Саркастически усмехаясь, я скрестил руки на груди.

— Зрелище для богов! Литературный герой рвется в жизнь! Персонаж из книги гуляет по улице! Вы понимаете, что порете чушь?

— Сами вы порете чушь! Глупец! Вы не запретите мне на денек-другой выбраться из переплета! Я не уверена, что вы сами не... По-моему, я вчера видела вас в «Верном Гуигн...». Впрочем, это ваше дело. Гаррис, отпустите меня! Обещаю, что от меня вам больше не...

— Идите! — Я так рванул ее за руку, что ее платье затрещало. Она пронзительно закричала. Мне показалось, что за моей спиной кто-то стоит, я поспешно обернулся. На мою голову обрушился тяжелый удар.

Я повалился на мостовую.

5

Я лежал, обложенный подушками и оплетенный трубками от приборов и склянок. У постели тихо плакала Дороти. Чарльстон, сидя в кресле, верхней половиной выливался за подлокотники. У двери стояли мужчина в халате — очевидно, врач — и наш слуга Патрик, добрый, пожилой ирландец. Дороти, увидев, что я открыл глаза, стала меня целовать. Врач положил ей руку на плечо. Она заговорила:

— Ты жив! Благодарение богу, ты жив, Генри!

— Алло, мальчик! — приветствовал мое возвращение к сознанию толстый издатель. — Как вы себя чувствуете, вы меня понимаете? Когда Патрик позвонил, что вас привезли, я сразу же примчался. И скажу по совести, сам чуть не упал, такой у вас был вид. Вас разделали под орех, Генри Гаррис, вы меня понимаете?

Я с трудом приподнялся на кровати. Дороти положила мне под спину все подушки. Я спросил слугу:

— Кто меня привез, Патрик?

— Двое мужчин и женщина, сэ. Они нашли вас на улице и узнали адрес из визитной карточки, которая была в кар-

мане. Эти трое — истинные джентльмены, они так переживали. Женщина вытирала слезы.

С минуту я набирался духу на новый вопрос. Ответ Патрика покажет, бредом или страшной реальностью было произошедшее. Джон, вытаращив глаза, молчал, Дороти тихо всхлипывала — оба ожидали объяснения, что собственно случилось со мной.

— Та сердобольная женщина, Патрик... У нее рыжие волосы и зеленое платье?

— Совершенно верно, сэр. Рыжее платье и зеленые волосы... То есть наоборот! Я хорошо запомнил — зеленое платье. И она очень миловидна, очень! Вы тоже разглядели ее, сэр?

Я снова закрыл глаза. Бред продолжался. Врач был похож на призрак, Чарльстон — на статую разжиревшего Будды. Дороти была так измучена, что я боялся смотреть на нее. Один Патрик выглядел как обычно — во всяком случае, был по-обычному бестолков.

— Скажите, Патрик... Один из мужчин строен и черноволос?..

— Строен и черноволос! Истинно точные слова! А на щеке темное пятно — наверное, родинка, сэр.

— Нет, это шрам от пули. Второй, Патрик... Он, значит, был?..

— Да, сэр, именно так! Огромный верзила с кривым носом и кривым ртом. Не хотел бы я встретить такого на экране: в фильмах они беспощадно убивают. Но в вашей спальне он держался удивительно достойно.

— Вы сказали, у него один глаз, Патрик?

— Один, сэр. Правого не было, я это сразу увидел. Он глядел одним левым глазом, но очень, очень зорко... Я так и думал, что они ваши знакомые. Женщина сказала, что надеется после выздоровления встретить вас в одном баре, название я забыл. Что-то связанное с фамилией Гулливера, это я помню.

— Больному нельзя так много разговаривать, — сказал врач.

Я попросил разрешения поговорить наедине с Джоном Чарльстоном. Он с усилием подвинул кресло поближе и просипел:

— Ужасное происшествие, вы меня пони?..

Я прервал его:

— Мне нужен доктор, Джон.

— Разве мистер Коллинз?.. Он считается отличным хирургом.

— Я нуждаюсь не в хирурге, а в психиатре.

Он посмотрел на меня округлившимися глазами. Мне было безразлично, что он подумает. Он сказал, запинаясь:

— Я вас понимаю, вы меня понимаете, Генри? Конечно, психиатр. Завтра я вам его доставлю. Можете положиться на Чарльстона.

Джон и врач ушли, Патрика я попросил выйти, Дороти присела на кровать и начала шептать разные хорошие слова. Она была растрогана от того, что так любит меня. У нее влажно блестели глаза. Она упивалась нежностью ко мне. Она любила себя за то, что любит меня. С каждым ее словом я чувствовал себя все хуже. Нежность ее шла от души, но душа была не своя. В этом противоречии я не мог разобраться. Я понимал, что Дороти неповторима: ни у одной другой женщины не было таких мягких и золотистых волос, они так не пахли, ни одна не смотрела такими яркими глазами, ни у кого не было такой кожи, таких линий, таких плавных движений. Когда она молчала, у меня кружилась голова от ее близости. Она околдовывала, когда молчала. Но, едва она начинала говорить, очарование пропадало. Она сказала, что это я рождаю в ней все хорошие слова, а я не чувствовал их своими.

Я отстранил ее, она встревожилась:

— Я сделала тебе больно, милый? Тебе нехорошо со мной?

— Мне хорошо с тобой. Но я хочу отдохнуть.

Она тоже ушла и прислала сиделку. Та стала поправлять трубочки и накачивать меня лекарствами. Я приказал

убрать все и спровадил сиделку. Уходя, она открыла окно. Город сверкал рекламами, снаружи все полыхало — как от молний. В городе шла шумная жизнь, но на наш семнадцатый этаж этот шум долетал смутным гулом. Я с трудом встал и подошел к окну: мне показалось, что в небе сияют звезды, — но это светились верхние этажи небоскреба Гольдшас, того самого, где произошло убийство. Я возвратился в кровать.

— Давай рассуждать, Генри, — предложил я себе. — И поменьше эмоций, побольше логики!

Я начал с фактов. Факты могли потрясти даже слона. Литературный персонаж бегаёт по городу и нападает с кинжалом на людей. Что Дженни Гиена убийца, не так уж и удивительно. Чем ещё ей заниматься, как не убивать, если уж она вырвалась с книжных страниц на тротуар? Я вспомнил мудрое изречение: если вы слушаете говорящую лошадь, не удивляйтесь смыслу её речи: гораздо поразительней тот факт, что она разговаривает. Удивительное во всей этой истории лишь то, что литературные создания стали реальными людьми. Реальность их доказана не только смертью Билла Корвина, но и тем, что меня измордовали, да и старый Патрик ни минуты не засомневался, что притащившие меня незнакомцы — натуральные люди. Били меня не призрачно, об этом твердила каждая косточка.

— Лемюэль! — говорил я. — Эта бестия Дженни твердила, что её друзья торчат в баре старого Лемюэля. А Патрик вспоминает Гулливера. И так, Лемюэль Гулливер. И бар называется «Верный гуигнгнм». Неужели и Гулливер тоже выпрыгнул из книги в реальную жизнь? Кто бы мог этого ожидать от знаменитого доктора и мореплавателя! Знался с лилипутами и великанами, открыл благороднейших лошадей, а кончил тем, что подает коктейли! И в это поверить?

Так я разговаривал с собой, взволнованно и бессвязно. Рассуждать логически я не мог. Мир стоял на голове — было

не до рассуждений. Вскоре вернулась Дороти. Не говоря ни слова, она присела рядом, осторожно обняла меня. Молчащая, она уже не казалась мне невероятной. Я был так благодарен за эту временную немоту, что стал ее целовать.

6

Меня удивила фамилия врача, которого привел Чарльстон.

— Луис Боберман-Пинч, — торжественно объявил толстый издатель. — И если это не самый глубокий знаток человеческого ума на всех трех континентах, то можете плюнуть мне в глаза, вы меня понимаете!

— Не ума, а безумия, — весело поправил Боберман-Пинч. — Это не одно и то же — ум и безумие, хотя связь у них есть, никогда ее не отрицал. Мои критики твердят, что я отдаю примат безумию, а не разуму, но они просто не хотят понять очевидности: безумие шире, глубже, всесторонней, ярче разума, вот единственное, на чем я настаиваю!

— Шире, глубже, всесторонней, ярче?..

— Конечно! — восторженно воскликнул он. — Вам, знаменитому писателю, это должно быть ясно! Что такое ум сравнительно с безумием? Ограниченность и примитив! Вдумайтесь, Гаррис. О любой вещи можно сказать только одну правду, ибо каждая вещь существует лишь единственным образом. Вон тот чемодан из фибры, такова сухая, узкая, скучная истина. Разум ищет истину — это его служебная функция. И вот всей мощью своего огромного, своего несравненного ума вы можете установить только то, что чемодан фибровый, на большее вас не хватит. А как солгать о чемодане? Миллионами способов, одна ложь ярче другой. Чемодан деревянный, железный, гранитный, золотой, бриллиантовый, не чемодан, а кукла, живой слон, детеныш кита, ваш спящий друг, марсианин, проникший в отель... Возможности лжи безграничны! А что такое безумие? Уме-

ние все извращать, искусство вообразить мир в его фантастической невозможности. Так что же шире? Что глубже? Что, я и такого слова не побоюсь, восхитительней?

Я перевел взгляд на издателя. Джон так кивал головой, словно речь врача была бальзамом на какие-то его раны.

— И вы лечите от безумия? — осторожно поинтересовался я.

— Именно! С вашего разрешения, член Национальной Академии наук, член Лондонского Королевского общества... Могу назвать одиннадцать академий, осчастливленных тем, что я согласился стать их членом. Уже не говорю, Гаррис, о премиях Нобеля и Нанги-Банга. Научные премии — это пройденный этап, не будем о них упоминать. Что подделаешь, нужно зарабатывать на кусок хлеба. Моя жена считает, что иметь дома меньше десяти слуг — некрасиво, приходится считаться с ее капризами. И я отдал свое знание безумия, свое восхищение перед многообразием его форм на то, чтобы избавлять от него. Истинное величие начинается с того, что ограничиваешь себя, сказал один немецкий философ, безумец, которого по этой причине считают гением. Итак, Гаррис, что вас раздражает? Что вас поражает?

Я сделал знак Чарльстону. Он поспешно вытянул свое тело из кресла — на это ему понадобилось около минуты. Мы с врачом молчали, пока издатель боролся с мебелью.

— Вечером я приеду, — сказал Джон. — Можете не волноваться, Генри, я не оставляю вас без присмотра, вы меня понимаете?

Боберман-Пинч снова спросил, что меня поражает. Я признался, что меня поражает его фамилия. Он отнесся к этому одобрительно. Он гордился своей несколько собачьей фамилией. Доберман-пинчеры ведут свое происхождение от его предков, сказал он. Впрочем, не сами собаки, только их название. Его прапрадед Чарльз Доберман-Пинчер вывел новую породу собак, сначала их стали называть псами Доберман-Пинчера, а потом просто доберман-пинчерами. Прадеду пришлось изменить фамилию на Боберман-Пинч, что-

бы его не путали с собаками. В книгах о доберман-пинчерах их происхождение описывается иначе, но это ложь — и потому ей верят. Ложь правдоподобней правды, он в своих книгах доказывает это на тысячах примеров.

— Если так, то безумие естественней ума, — сказал я.

Мое замечание привело его в восторг. Он радостно размахивал правой рукой перед моим носом. Я думал, что он будет меня выстукивать и выслушивать, щупать пульс, заворачивать веки, просить показать язык, — но он объявил, что лечит без шаманства.

— Человек — это слово! — воскликнул он. — Он выражает себя при помощи слова: любит, ненавидит, командует, подчиняется, исполняет, сопротивляется, высказывает свое настроение, свои взгляды, свои желания, свои надежды... Болези психики — это раньше всего болезни словотворчества. Итак, чем мучается ваше слово?

Пока он говорил, я рассматривал его. Он был высок, худ, темнокож, черноволос. И у него были такие глубокие, такие яркие глаза, они так вспыхивали, когда он поворачивал лицо к собеседнику, что становилось не по себе. К тому же он чрезмерно жестикулировал. Если бы сказали, что он сбежал из психиатрической клиники, я бы не удивился. Общение с больными кладет печать и на здоровых, думал я.

— На меня напали привидения, — сказал я. — Призраки меня избили.

— Замечательно! Никогда не слыхал более впечатляющей лжи! Продолжайте, я слушаю вас с восхищением.

— Дело в том, доктор, что мои злоумышленники не реальные люди, а литературные герои. Я их придумал. Они мои создания. И существуют только в написанной мной книге.

— Упоительно! Детище, поднявшее руку на своего создателя! Что может быть прекрасней? Отделали они вас, между прочим, отнюдь не призрачно. И сколько помню, несчастье с вами произошло не на книжной странице, а на какой-то улице. Я правильно понял?

— Совершенно правильно. Это меня и смущает!

— Расскажите подробней об этом занимательном происшествии.

Я рассказывал, он требовал уточнений и дополнений. Временами он впадал в такое возбуждение, словно покалечили его самого. Он пожалел, что не был участником происшествия: хотелось бы на себе оценить меру призрачности преступников. Потом он объявил приговор — так он назвал свое медицинское заключение. Он предупредил, что его анализом командуют не эмоции. У постели больного он человек науки и не позволит себе отойти от хоть и скучной, но добросовестной реальности. Он не из тех, кто предает серую правду ради пленительного обмана, в этом смысле я могу на него положиться.

Диагноз его показался мне невероятным.

Он категорически отверг версию призраков. На меня напали реальные люди. Мне были нанесены реальные увечья. Чудовищно сомневаться в фактах. Никакой загадки нет, он объявляет это открыто и торжественно. Не было литературных героев. Я ввел в роман реальных людей, лишь вообразив, что становлюсь их первосоздателем. Его, профессора Луиса Боберман-Пинча, считают великим скептиком, ибо, приступая к запутанной проблеме, он всегда спрашивает себя: а существует ли вообще эта проблема? И вот он утверждает, что еще не было книги столь пронзительно правдивой, как «Танцовщица Чарльз Доппер». Она полна суровой реальности! Он читал мой роман трижды, и каждый раз его поражало, что среди тысячи вариантов яркой лжи, являвшихся моему воображению, я выбрал единственную правду, сумел отыскать ее в водовороте выдумок, смог извлечь из ветхой горы фантазий, оказался в состоянии показать ее читателям — неприкрытую, бедную, сухую! Отказом от фантастических сюжетов я, конечно, обеднил повествование, но это компенсируется тем, что я совершил нравственный и художественный подвиг, этот подвиг вывел меня в ряд величайших писателей, нет, он, Луис Бобер...

— Но ведь я никого из героев раньше не встречал! — в смятении прервал я его бурную речь. — Я не знал их до того, как выдумал!

Он сверкнул глазами, нетерпеливо махнул рукой. Обычное заблуждение писателя, воображающего, что он создает то, чего раньше не было. К сожалению, каждый сочинитель нуждается в услугах психиатра. Возможно, впрочем, что если бы за литераторов взялись врачи, то сама литература была бы уничтожена. Форма моего художественного безумия ему ясна. Я фотографировал реальный мир, но вообразил, что придумываю его. Зеркало окружающего, я самовлюбленно вообразил себя первотворцем. И этим лишь снизил свое истинное значение. Выдумывать, то есть лгать, путь плодотворный, но не подвиг, ибо это проще всего. Он доказал уже, что ложь — копка соломы, таящая однуединственную иголку — правду. Я извлек иголку из стога, справился с такой дьявольски трудной задачей — он не перестает удивляться моему мастерству!

— Но тогда объясните, каким образом неизвестные мне люди проникли на страницы моей книги, — опять прервал его я.

Этого он объяснить не мог. Безумие, называемое художественным творчеством, до конца не исследовано. Загадок тысячи, решение их оставим будущим поколениям. Когда-нибудь человечество найдет надежные методы лечения от творчества, но он гарантирует, что это будет не завтра.

Я так устал от его торжествующей, громкой речи, что не захотел спорить.

— Вы, стало быть, считаете, что на меня напали реальные прототипы моих выдуманных персонажей?

— Вы напрасно так резко различаете эти понятия: прототипы и персонажи. Уверяю вас, разница не столь принципиальна.

— И реально существует таинственный бар «Верный гунгунг», где собираются эти призраки?.. Я хочу сказать, эти реальные люди, неизвестно как воплотившиеся в литературных героях?

— Не сомневаюсь.

— И я смогу отыскать этот бар и его посетителей?

— Бар Лемюзеля Гулливера — та же иголка в стоге сена.

Вы уже показали несравненное умение его ворошить...

Я спросил напрямик:

— Я почувствовал себя безумным и поэтому пригласил вас. Вы подтверждаете мою ненормальность?

Он радостно кивнул головой:

— Полностью подтверждаю!

— Повторите вкратце, в чем вы ее увидели. Вы высказали так много соображений, что я запутался. Вам это будет не трудно?

— Нисколько. Ваша ненормальность в том, что вы сверхъестественно нормальны. Нормальность — редчайшее свойство, почти все люди на чем-нибудь да свихнулись. Вы нормальны сверх всякой нормы, только один среди миллионов может стать здесь вашим соперником.

— Иначе говоря, мое безумие?..

— Совершенно верно! Оно в том, что, величайший изобразитель реальной жизни, вы вообразили себя фантазером. Вы потеряли ощущение реальности, столь полно выраженной в вашем великом романе.

— Вы беретесь вылечить меня?

— Я могу вас вылечить. Но боюсь, что излечение Гарриса от иллюзий станет равнозначно излечению его от таланта. Я подписчик ваших сочинений и не хотел бы, чтобы они ограничились одним томом.

7

Вечером ко мне пришел Джон со своим внуком. Перси стал рыться в книжном шкафу, а Патрик придвинул для Джона кресло к кровати. Я хотел было встать, но Дороти так нежно упрашивала меня болеть по правилам, что я не мог послушаться.

Джон поинтересовался: понравился ли мне Боберман-Пинч и его рецепты?

— Боберман-Пинч человек замечательный, — осторожно ответил я. — Не сомневаюсь: он крупный ученый. Только мне показалось нелогичным, что он начал с восхваления безумия как ложного понимания мира... А закончил тем, что нашел во мне правдоискателя, объявил правдивость моим специфическим безумием и отказался его лечить, чтобы лечение не повредило таланту. По-моему, начало с концом как-то не вяжется.

— Вы уловили суть! — восторженно объявил директор издательства «Голова всмятку» и редактор одноименного журнала. — Просто удивительно, как быстро вы раскусили Бобермана. Он выдающийся ученый, вы меня понимаете. Его сила в том, что он всегда отрицает то, что утверждает. Сколько раз он излечивал безнадежно больных одним тем, что отказывался их лечить. Вижу, к вам он тоже применил этот эффективный метод. Можете отныне считать себя здоровым. Игнорируйте болезнь — и ваше дело в шляпе.

— А если болезнь не согласится игнорировать меня?

— Это второстепенно, как к вам относится болезнь. Важно лишь ваше отношение к ней. Раз вы отказываетесь считать себя больным, значит, вы здоровы, вы меня понимаете?

Перси вынимал одну книгу за другой, перелистывал, ставил на место. Хорошенький подросток лет тринадцати, он был одет в замысловатый костюм: какую-то смесь из одеяний испанского идадьго и американского ковбоя. Впрочем, наряд ему шел. Мне нравилось, как он берет в руки книги — увлеченно и опасливо, словно они были красивыми, но ненадежными зверьками, которые могут и приласкаться, и укусить. Изредка он поворачивал к нам умное лицо — полное, румяное, немного наивное, но с пронизательными глазами. Про себя я решил, что из мальчишки выйдет толк. Парни этого сорта становятся профессорами и агрономами. На них, если хорошенько взнудать, можно скакать, не опасаясь свалиться на обочину.

— Перси страшно любит книги, — сказал Чарльстон, понизив голос, чтобы внук не услышал. — Он так жадно глотает их, что каждая основательно уменьшается в объеме, когда он возвращает ее на полку. И он любит их перечитывать. После трех-четырех перечитываний от книг остается один переплет. Переплетами он не интересуется.

— Вы ему давали мой роман, Джон?

Чарльстон смущается не часто, а когда выпадает такой случай, весь багровеет. Мой вопрос вызвал прилив крови к его лицу. Он закашлялся, вытер толстые губы платком, шумно задышал.

— Видите ли, Генри... Вы, конечно, гений, вы меня понимаете? Ваш роман — концентрированное выражение, абсолютное воплощение... В общем — шедевр. Вы сегодня у всех на языке, Генри. Осмелюсь надеяться, я тоже сыграл некоторую роль в создании вам популярности... Нет, Генри, я не давал вашей книги Перси. И, скажу по чести, не дам!

Я так удивился, что даже не обиделся.

— Посмотрите на него, Генри, — жарко зашептал издатель. — Что он знает? Что умеет? Что видел? Подумайте, как узок его мирок, как бедны чувства. Он весь в своем окружении, на идиллическом островочке спокойствия среди бушующего моря. Имею ли я право бросать его в бурные волны нереальности, в эту трагическую фантазмагорию?.. Нет, я не дал ему вашего замечательного романа!

— Вы сказали: бурные волны нереальности?

Он поспешно поправился, но не скажу, чтобы удачно: сложность некоторых понятий превосходила возможности обыденного языка.

— Вы меня не поняли, Гаррис. Я не отрицаю реальности нереального, у меня и мысли не было о таком абсурде. Наоборот, я всегда считал, что единственно реально захватывающее... в общем, вы меня понимаете, единственное серьезное — это то, о чем человек в испуге восклицает: «Не может быть!» Нереальность — это реальный удар молотком по голове на спокойной дороге. Кто осмелится утверж-

дать, что молотком не бьют, покажите мне такого скептика, Гаррис! Так вот, нереальность — это концентрат реальности, это сгусток, это... Короче, литература! И потому литература жизненной самой жизни. И высший мастер этой литературы космическо-ядерного века — вы, Генри. И чтобы до поры уберечь моего внука от ужасов жизни, я должен спасти его от вашей книги. И это свидетельствует не о плохом к вам отношении, а о глубочайшем уважении, о вере в ваш талант, о понимании вашего гения. Надеюсь, вы не обиделись, Генри, вы меня понимаете?

— Я чувствую себя польщенным, Джон. — Я закрыл глаза. Откровенное, хотя и путаное признание Чарльстона утонуло во мне.

Вечером я сел у окна. В городе творилась обычная вакханалия света и цвета. Он то ослепляюще озарялся, то тускнел. Демоны реклам бежали по крышам, карабкались по фасадам. В комнату вошла Дороти и молча присела рядом. За дни моей болезни она научилась молчать — я радовался этому. Потом она прижималась — и опять говорила: ласкаться и не говорить она не могла. Слова, которыми она сопровождала ласки, раздражали меня. Они были знакомы мне сто тысяч лет! Если и вправду у нее их рождал я, то у меня были плохие дети, они были не мои, они были общие — стертые, бледные, тусклые, безликие...

Ночью я думал о городе, который шумел и сверкал за окнами. Где-то в нем был удивительный бар «Верный гунгнм» Лемюэля Гулливера.

— Я найду его, — шептал я себе. — Я найду его.

8

Мне фантастически повезло. Я повстречал Дон Кихота. Был вечер, и не очень хороший: шел дождь, начиналась буря, а человек этот, Дон Кихот, охранял калитку в сад, где почти человеческими голосами вопили темные деревья.

Я остановился. Сторож вытянул длинную, худую шею — я не видел лица, но понимал, что старик настороженно всматривается в меня: чем-то я встревожил этого долговязого охранника.

— Какой злой ветер! — сказал я. — Между прочим, я вас знаю.

Он покачал головой и сделал отстраняющий жест, словно предлагал мне пройти мимо. На морщинистой руке блестели капли — это была крепкая рука, могучая и добрая, от нее нельзя было ждать зла.

— Мы незнакомы, — сказал он глуховатым басом. — Будьте здоровы.

— Нет, — ответил я. — Я не уйду. И неважно, что вы меня не знаете. Я вас знаю — это важнее. Я видел вас в любимой книге моего детства. На вас тогда были шлем и кольчуга.

— Панцирь. Впрочем, каждый художник по-своему изображал...

— Я ищу питейное заведение Лемюэля Гулливера, — сказал я. — Знаете — «Верный гуигнгнм»? Не могли бы вы мне помочь?

Он заколебался:

— Если бы знать, кто вы... Сколько написано...

Я был в приступе вдохновения. Я знал, что любая ложь сойдет мне с рук. В мире, куда я попал, реально было одно нереальное — безумный доктор Боберман-Пинч мог назвать его своим.

— Я из новой книги. Автор — Генри Гаррис, эдакий модный писака. Не могу похвалиться, что он создал меня таким же приличным, каким вы получились у Мигеля Сервантеса. Нет, куда мне! Зовут Билл Корвин, неудачник, на сто четырнадцатой странице убит, а до того промышлял... Впрочем, хвастаться нечем: сорок четыре преступления, двадцать одно убийство. В общем — конвейерное производство романов, такова методика Гарриса: он ведь ученик Беллингворса.

Дон Кихот вздохнул и сказал:

— Ручная работа прежних творцов была рельефней. Я в современной одежде, но вы меня сразу узнали. А создания Беллингворса к нам захаживают, Джон Недотрога недавно устроил скандал: столько перебито посуды!.. А потом затерялся в толпе. Между прочим, меня теперь зовут Дунс Кехада — неудобно пользоваться известной фамилией. Многие смеются, услышав «Дон Кихот»!

— А где ваш слуга Санчо Панса?

— Сан Чопано? Я два года работал на его кожевенном заводе. Вчера он отпраздновал выход из тюрьмы Каина Адамяна и перебрал... В наше время коньяков не пили.

— Вы сказали: Каин Адамян?.. Неужели его посадили?

— А вы не знали? Об этой истории писали в газетах.

— Я читаю лишь «Ежедневного убийцу» — там не было.

— До убийства не дошло. Но если вдуматься... Два брата, Каин и Авель Адамяны, неплохие коммерсанты. И вот Каин подделывает вексель младшего брата, а того доводят до разорения. Их мать Ева, чудесная старушка, умерла от огорчения, у бедняги Авеля сердечный приступ, через два месяца тоже скончался, а бандита Каина упрятали на пять лет. Так расправиться с братом!

— Раньше он топором разбивал брату голову, а не подделывал векселя. Все-таки цивилизовались преступления! Так вы поможете мне отыскать бар старика Гулливера? Так хочется посидеть среди своих, поесть ирландских пирожков!

— Пирожки с мясом и зеленью прославили Лемюэля, — с чувством сказал старик. — Надо признать, он устроился лучше нас всех. Впрочем, неудивительно: столько вытерпел, в стольких странах побывал — и из каждой вынес что-то ценное, не так ли? Кстати, почему вы говорите «бар»? Я бы назвал заведение клубом: там и ресторан, и комнаты отдыха.

— Тем более вы понимаете мое нетерпение, дорогой Дунс Кехада. К тому же погода портится, а где найти пристанище недавно выпущенному в свет человеку?

Жалоба на погоду была удачным ходом. Полил холодный дождь, ветер бил брызгами, как свинцовой дробью. Старик согнулся, запахнул старенький плащ. Человеку, выросшему на знойных холмах Ламанчи, не мог быть по душе наш климат. Он должен был посочувствовать бездомному бродяге. Он торжественно объявил:

— Вы неплохой человек, Билл Корвин. Удивительно, что в современном произведении, да еще пользующемся успехом... Входите в эту дверь, друг мой. Непогрешимый литературный инстинкт привел вас в место, которое вы искали. Сторож клуба «Верный гуигнгнм» доктора Лемюэля Гулливера. Не поскользнитесь, ступеньки мокрые!

9

Сначала было огромное помещение с теряющимся в полусумраке потолком: мне показалось даже, что его нет, а над исполинским залом нависает небо, но это все же было не небо, а потолок, похожий на него. Вдоль стен тянулись шкафы, такие высокие, что я видел только нижние полки — верхние пропадали в полутьме. И во всех шкафах были книги, миллионы книг, гигантские, в полный лист, и миниатюрные, с наперсток, серые, темные, золотые, красные, сжигающе-оранжевые, пронзительно-зеленые и синие... Зал был пуст и темен: ни столов, ни кресел, ни лесенок, чтобы доставать книги с полок, ни света для чтения. Я недоуменно оглядывался. Зачем ввели меня в это книгохранилище? Куда идти? Мне стало страшно в этом безмерном мире книг: я не мог сделать и шага.

Вдруг в углу что-то вспыхнуло. Ко мне шла женщина в мягкой тунике, одежде древних. Я не сразу понял, что она светилась — женское тело было обрисовано его собственным светом. Я знал ее, но не помнил, как ее зовут. И стройная фигура, и золотистые вьющиеся волосы, и самосветящиеся зеленые глаза, и протянутая ко мне рука, совершенная рука

богини, а не смертной — все это было так знакомо, словно я тысячи раз встречался с ней.

— Привет тебе, герой! — сказала женщина, в голосе ее, глубоко, звучном, звенели серебряные колокольчики. — Ты из новой книги, правда? Меня зовут Ариадна. Я проведу тебя к собратьям! Твое имя, герой? Твоя профессия? Откуда ты?

— Билл... Билл Корвин, — пробормотал я, запинаясь. — Меня сочинил Гаррис, плохой писатель, не отрицаю, но им так увлекаются... И вообще я... гангстер... Но очень добрый, очень... Мой шеф приводит в исполнение только один из десяти договоров на убийство, только один из десяти, клянись!.. Мы великодушны.

Сияние величественной Ариады немного потускнело.

— Не мне обсуждать профессии современных героев, добрый убийца. Следуй за мной, Билл Корвин, великодушный гангстер. Ты идешь сейчас мимо всех литературных творений человечества. Кланяйся своим предшественникам, Билл Корвин, частичка каждого из них в тебе, хотя ты мало похож на своих знаменитых предков.

10

Зал, куда ввела меня Ариадна, напоминал ресторан среднего класса. За столиками беседовали и горланили, закусывали и выпивали. Все эти гости Лемюэля Гулливера были необыкновенно разношерстным скопищем. Я привык, что любое заведение имеет свой стиль, своих посетителей: в портовой таверне толпились рабочие и бродяги, в тайном уголке на окраине — пьяницы и наркоманы, воры и проститутки, в «Уолдорф Астории» — дипломаты и короли, бизнесмены и министры. А здесь, как в Ноевом ковчеге, каждой твари было по паре. И одного взгляда хватило, чтобы понять, что я среди знакомых. Даже тех, фамилии которых я не мог вспомнить, я узнавал в лицо.

Я торопливо прошел между столиками, высматривая свободное местечко: не хотелось привлекать к себе внимания. В уголке сидели три толстяка, четвертый стул был свободен. У одного из сидящих была длинная седая борода. Он смотрел воинственно и надменно. Второй, мощнотелый, выглядел пьяницей. Третий мне понравился: невысокий, округлый, с приятным и добрым лицом. Я сказал, что меня зовут Корвин, я из нового романа, нельзя ли составить компанию героям знаменитых книг?

— Садитесь, Корвин, — разрешил тот, что выглядел добрей. — Я, Сэмюэль Пиквик, к вашим услугам. Этот стул обычно занимает пан Заглоба, но его сегодня почему-то нет.

— Джон Фальстаф, — проворчал надменный. — И хорошо, что нет. Заглоба действует мне на нервы. Не люблю, когда кто-нибудь врет больше меня.

— Аббат Горанфло, — представился пьяница. — Просите пива, Корвин. Скрыга Лемюэль подмешивает химию в виноградный сок и называет свое пойло марочным вином. Смех и ужас! Надуть меня, определяющего с первого стакана, какое из ста восьмидесяти трех сортов французских вин я пью, а со второго и третьего — сколько ему лет и рос ли виноград на северном или на южном склоне. Хорошего вина можно выпить только у бармена Шико, но до его лавчонки далеко.

— Рад встретиться с вами не на страницах, а за столиком, — сказал я. — Я ваш поклонник. Ваши военные подвиги и успех у прекрасных дам, Джон Фальстаф, всегда восхищали меня.

— Надеюсь, что так, — проворчал Фальстаф. — Не собираетесь ли вы по этому поводу накачать меня до упоя?

— Заказывайте! Я случайно при деньгах.

— Гаврош! — рявкнул Горанфло. К нам подлетел мальчик-официант. — Дюжину пива и четыре порции сосисок — живо!

— Вы еще не оплатили прошлый заказ, — возразил мальчик. — Ищите дураков в другом месте, я не из тех, на ком скачут верхом.

— Не беспокойтесь, я плачу, — сказал я, и Гаврош умчался.

— Напрасно вы так вежливы с этим сорванцом, — пробурчал Фальстаф. — Выдрать бы его за грубость, а уж потом объяснить, кто платит.

К нам подошел Заглоба, одноглазый, седой, довольно подвижный для своих лет. Пиквик привстал, здороваясь, Фальстаф отвернулся. Я хотел уступить стул, но Горанфло не дал: возможно, побаивался, что некому будет оплачивать заказ, если я уйду. Заглоба поинтересовался, не попадались ли нам его приятели пан Володыевский и пан Подбипента, а также Богдан Хмельницкий, крымский хан Гирей и шведский король Густав — эти трое хоть и не литературные герои, но тоже большие его друзья. Мои соседи никого не видели, и Заглоба убрался в другой конец зала. Я спросил о четверке у соседнего столика.

— Один, несомненно, Рокамболь, другой Вотрен, третий Шерлок Холмс. А четвертый? Я говорю вон о том, хмуром.

— Жавер, — сказал Горанфло. — Вот уж кого не терплю! Даже среди моих монахов не было такого постника. И зачем его ввели в литературу?

— Странная компания! Рокамболь с Холмсом, Вотрен с Жавером.

— Очень солидная компания! — засияв доброжелательной улыбкой, возразил Пиквик. — По слухам, к ним скоро присоединятся патер Браун, комиссар Мегрэ и Эркюль Пуаро. Такое мощное объединение детективов, будем надеяться, сумеет устоять против самого Джека Недотроги из романов Беллингворса.

— Сомневаюсь, — проворчал Фальстаф, прихлебывая пиво. — Сколько этих рыцарей детектива — и сколько Джеков? Хо-хо! Никто не заподозрит меня в трусости, но я сто раз подумал бы, прежде чем двинуться на орду Беллингворса...

Мои соседи мирно потягивали пиво, мирно беседовали, я изредка вставлял реплики. Они, я понимал, не знали, кто я в

литературе (тем более — в реальности), я мог надеяться, что и другие меня не узнают. И я осторожно осматривался, стараясь определить, кто есть кто в клубе «Верный гуингнм» и чем все эти знаменитости заняты?

За столиком, по другую сторону от нас, я увидел новую четверку знакомых: финансисты Каупервуд и Акула Додсон чокались с жуликами Джинглем и Джеффом Питерсом. Подальше Гамлет с Пьером Безуховым громко спорили с Жеромом Куаньяром, а четвертый, веселый старик Кола Брюньон, вторил им раскатистым хохотом. Там же Шейлок о чем-то договаривался с Гобсеком, клятвенно призывая в арбитры французского банкира Нюсингена и русского помещика Плюшкина. Нарядный Онегин болтал около площадки для оркестра с принцем Гарри, в их разговор вмешивался лорд Генри — и, похоже, острил: все трое смеялись. Три милые дамы, Лаура, Офелия и Маргарита, с интересом слушали рассказы знаменитых путешественников Мелмота-Скитальца, Агасфера и золотоискателя Мелмута Кида. Великие бродяги перебивали друг друга — каждому не терпелось рассказать о своих приключениях. Мальчишки Оливер Твист и Гекльберри Финн не отрывали от них зачарованных глаз. Рослый король Лир, возвышавшийся над стойкой, как божок, величественно разливал пиво, и добрый десяток официантов — среди них я заметил, кроме Гавроша, еще Фигаро и Сганареля, Труффальдино и Консея — разносили кружки по столикам. На площадке играли на рояле и скрипке Леверкюн и Нагель, а Вертер с Беатриче пели.

По ковровой дорожке прогуливались пары. Я узнал капитанов Немо и Гаттераса — оба вышагивали как на параде, впрочем, это не привлекало ничьего внимания. Не вызывала интереса и вторая пара — Робинзон Крузо с капитаном «Летучего голландца», хотя живописные лохмотья обоих и особенно мрачный череп мертвого капитана призрачного корабля заслуживали большего. Зато двое проходимцев — Панург и Остап Бендер — заставили всех

обернуться: они прошли, приветственно помахивая руками, рассыпая улыбки и поклоны — эти двое явно всем нравились.

И хотя всюду я встречал знакомые лица, во мне постепенно росло ощущение, что большинство горланивших и прогуливающихся по залу и — особенно — столпившихся у бара были мне неизвестны. Всех этих ярких, прославленных дворян и князей, знаменитых мошенников и пронырливых дельцов забивала масса безликих, тупых, приглушенно-серых людей.

Я осторожно сказал об этом своим соседям по столу.

— А чего вы хотите? — заворчал Фальстаф. — Неизвестные нынче в силе. Сами вы, например...

— О, я из недавно вышедшей книги. Правда, готовится новый тираж — сразу два миллиона экземпляров...

— Не уверен, что большой тираж — это хорошая рекомендация.

— К сожалению, комиксы забивают классику, — со вздохом подтвердил Пиквик. — Дрянь одолела шедевры. Персонажи из комиксов заседают в парламенте, властвуют в деловом мире, подмяли искусство. А что остается нам? Прежние исполины служат официантами, подметают улицы.

— Нас забыли, — прогудел Фальстаф. — Король Лир жил во дворце, а сегодня его не пускают даже в пещеру Лейхтвейса. Кто мы? Что мы? Вертер с Беатриче поют в баре, Евридика с Еленой нанялись в стриптиз, Дон Жуан с Карлом Моором работают на почте, Робинзон Крузо открыл крохотное меховое ателье и прогорает, бедняга, Фиеско преподает гимнастику, Медея, великая Медея, еле устроилась воспитательницей в детский сад! Я уже не говорю об Орфее: его столько раз вышибали из джаз-бэндов за неспособность к музыке! А я, прославленный Джон Фальстаф, служу в банке швейцаром: у меня седая борода — это нравится хозяевам. Они тоже из комиксов, мои хозяева, но бород им не нарисовали.

— Мой друг Панург обратился недавно к оракулу Божественной Бутылки, — улыбаясь, сообщил Горанфло. — Оракул возвестил, что книги скоро отменят. Цивилизация превратится в телевизацию. В телевизованном мире незачем читать. А пить будут больше — это все же утешает.

— Как бы я поработал кулаками среди телевизионного сброда! — прорычал Фальстаф. — Вон тот, круглолицый, патлы под битлов, студентик из племени бао-бао. Не уверен, что он уже произошел от обезьяны. Или эта убогая богиня с двумя внебрачными мужьями под ручку. Артисты из певческого заведения Джона Флинта.

В зал входили все новые посетители. Среди них был и тот нагловатый парень с плечами штангиста-тяжеловеса, который, по Фальстафу, еще не успел превратиться из обезьяны в человека, и змеефигурная дама, подкрашенная радиоактивными красками, — она поводила глазами, пылающими, как фары. Появились две женщины — бледные, стройные, с такими строгими лицами, что дух захватывало. Горанфло прошептал, что клуб удостоили визитом Медея с Электрой, дочерью Агамемнона, — такие удачи выпадают нечасто, надо бы выпить по этому случаю. Прихлебывая пиво, я рассматривал непрерывно прибывающих гостей. Две красивые и изящные пары — граф Фиеско с Эдмоном Дантесом и Антигона с Сольвейг прошли так близко, что пахнуло ароматом дорогих арабских трав. За ними проследовали улыбчивый Пер Гюнт и задумчивый лейтенант Глан, они были не похожи, но было в них что-то обаятельно единое — я привстал и поклонился им, как добрым знакомым. Глан рассеянно посмотрел на меня, а забулдыга Пер ухмыльнулся так дружелюбно, что у меня стало светлей на душе.

Новая группа гостей заставила меня поспешно отвернуться. Харя Джексон, Том Тапкинс и Дженни Гиена прошли в дальний угол и исчезли там в табачном дыму, среди пальм в кадках.

— Скажите, почему наш сторож Дон Кихот назвался Дунсом Кехадой? Разве у него две фамилии? — спросил я Фальстафа.

— А разве вы в жизни тоже Корвин?

— Да.

— Вам можно, вы все же не из классики. А мы прячемся под псевдонимами. Только в клубе старины Гулливера никто не скрывается.

Внезапно неподалеку разгорелся скандал. На шум поперли любопытные. Из буфетной выскочил хозяин. Я наконец увидел Гулливера в жизни, а не на книжной странице. Он был в пиджаке, а не в камзоле, и без парика и шпаги. Худое его лицо перекошилось от страха. Он кинулся к месту ссоры.

— Послушайте, Джек! — причитал он. — Успокойтесь, прошу вас.

Я увидел красивого мавра средних лет, на которого наступал громила с кулаками в футбольный мяч.

— Негр! — ревел громила. — До Джека Недотроги дотронулся паршивый негр! И белым это не проходит даром, а негру — смерть!

Из толпы выступил человек в одежде пастора и взял громилу под руку. Тот обернул к священнику бешеное лицо и рывкнул:

— Еще чего! Вы кто такой?

— Я патер Браун. И я хочу сообщить вам, дорогой друг, что вы ошиблись. Этот человек — знаменитый адмирал Отелло. Можете мне поверить, я детектив-любитель и распутал много трудных загадок.

Громила заорал на патера Брауна:

— Убирайтесь вы, драный плащ! Мне не нужна помощь детектива, чтобы разглядеть негра. Он дотронулся до меня, когда я проходил мимо. Дотронулся, можете вы это понять, сюсюка в сутане!

— Вы просто слишком шатались, — спокойно сказал Отелло.

На Джека Недотрогу все же произвело впечатление громкое имя Отелло, и он сбавил тон. Но в ссору вмешались еще двое — толстенький коротышка в дорогом ко-

стюме и представительный мужчина с глазами профессионального убийцы. Я узнал обоих. Добром их появление кончиться не могло. Коротышка властно тронул Отелло за плечо:

— Я Ник Картер. Надеюсь, вам это кое-что говорит? Следуйте за мной, Отелло. Надо выяснить, как вы пробрались сюда. Очевидно, у вас немало сообщников среди издателей.

Отелло скрестил руки на груди:

— Я здесь по праву классика. А на насилие сумею ответить.

Спутник Ника Картера улыбнулся. Зловещая ухмылка означала приговор.

— Я Джеймс Бонд, Отелло. Стреляю без промаха. Из уважения к вашей известности, адмирал, даю вам три минуты, чтобы вы убрались из этого зала и литературы.

Потускневший было Джек Недотрога снова взорвался:

— Разговаривать с негром? Коленкой его под зад — и точка!

— Не спешите, приятель! — воскликнул подоспевший Карл Моор. — Найдутся люди, которые не позволят издеваться над невиновными.

К Моору присоединились Гамлет и Пьер Безухов. Джеймс Бонд, улыбаясь еще более зловеще, сунул руку в карман, но сразу стрелять не стал: обстановка заведения Гулливера, видимо, повлияла и на него. Джек Недотрога, с тяжелым недоумением рассматривая защитников Отелло, натужно прохрипел:

— Белые за негров! И господь смотрит на это с небес?

Посетители разделились на две кучки. Одна, маленькая, концентрировалась вокруг Отелло, другая, огромная, безлико-разъяренная — ревушие пасти и дикие глазища — напирала на нее. К Отелло протолкались д'Артаньян и Робин Гуд, к ним присоединились доктор Штокман с Пер Гюнтом, маленький пан Володыевский и кудрявый Анжольрас. Д'Артаньян проворно отломал у стола ножку — осталь-

ными тремя завладели его товарищи. Володыевский взмахнул палкой, как саблей, — она так свистнула в воздухе, что нападающие попятились.

— Ну что ж, Недотрога! — насмешливо крикнул д'Артаньян. — Вам не понравилось прикосновение руки адмирала, но, может быть, прикосновение деревяшки будет приятней?

Мои толстяки явно не хотели вмешиваться в ссору. Сперва исчез Фальстаф, за ним Горанфло и Пиквик. Гулливер умолял завсегдатаев помочь навести порядок. Джек Недотрога молча сгреб его и отшвырнул. Бонд выхватил пистолет и выстрелил в Отелло. В тот же миг Володыевский сделал выпад, ножка от стола ударила Бонда под руку — пистолет разрядился в потолок, а Джеймс с воплем схватился за покалеченный локоть. Я много читал и о дьявольской быстроте, с какой стреляет агент 007, и о мастерстве славного польского полковника, но ловкость обоих показалась мне сверхъестественной. Все произошло за долю секунды: стремительно вырвавшаяся из кармана рука, еще стремительнее ударившая по руке палка.

Покалеченный Джеймс Бонд уже не представлял опасности для защитников Отелло, но выстрел стал сигналом к атаке. Толпа безликоостей ринулась на классиков. Рожи напирали на лица, фигуры хватали за горло образы. По залу разнесся дикий рев Джека:

— Выбить из классиков пыль! В окно их!

Схватка мигом стала всеобщей. И хоть классики сражались умело и отважно, орда безликих брала числом. Они орали, ругались, падали, вскакивали, снова перли — тупо и беспощадно. Ни одного упавшего классика я не увидел, каждый держался на ногах гораздо тверже героев чтива, но шеренгу их постепенно оттесняли. Один звероподобный тип напал на Заглобу: старый шляхтич зычным басом звал друзей к оружию — это не понравилось какому-то персонажу, явно не превратившемуся еще из обезьяны в человека. Заглоба, струсив, попытался убежать, но мутный тип

настиг его, и тогда страх Заглобы превратился в отчаянную храбрость. Закричав: «Ах ты, Бурлай!» (возможно, это было старинное польское ругательство), шляхтич так хватил преследователя кулаком, что тот рухнул. На помощь к Заглобе поспешили Перегринус Тис и Фигаро, а он, гордый победой, благоразумно убрался в тыл, не переставая взывать: «К оружию, кто в бога верует, к оружию!» Над толпой, жалобно вереща, пронесся толстый Тетель, похожий скорее на пиявку, чем на благопристойного гения, — он метался, выискивая в зале спокойное местечко.

Я, конечно, понимал, что мне не только ввязываться, но и показываться нельзя, и, спрятавшись за кадкой с пальмой, украдкой наблюдал за дракой. И вдруг я увидел, что Дженни Гиена вцепилась в белокурые локоны Маргариты и с клекотом тащит ее к раскрытому окну. Я не мог этого вынести. Я метнул в Дженни пивную бутылку. Гиена затряскалась, стала оглядываться — и Маргарита убежала. Выскочив из-за пальмы, я нокаутировал какого-то типа с гнусной рожой, одолевавшего отважного, но не сведущего в боксе Одиссея. Рядом старик Просперо отчаянно вырывался из лап двух страшнорылых одинаковостей — я свалил их на пол.

— Спасибо, мой дорогой Ариэль! — воскликнул Просперо. — Если бы не вы, мои клочья уже летели бы по воздуху. В какое время мы живем!

В этот момент меня узнал Том Тапкинс.

— Чужой! — взвыл он. — Бейте его, он не из книги!

— Бейте его! — загремели, заорали, замычали, заклекотали, залаяли, завизжали безликости, наступая на меня. — Бейте его, он не из книги!

Меня прижали к стене, я отбивался стулом от хищных лап. В толпу врезались сразу трое — д'Артаньян, Анжольрас и Володыевский. В бою каждый из них стоил дюжины бандитов — те снова попятились.

— В дверь! — крикнул д'Артаньян. — Живей, приятель, живей!

Какую-то секунду мне было стыдно: бегство походило на предательство — ведь тем, кого я с детства любил, кому всегда хотел подражать, приходилось плохо. Но спаситель мой снова закричал, чтобы я немедленно бежал, — и я рванулся из зала.

11

Я знал: надо бежать к выходу, который сторожил Дон Кихот, превратившийся в Дунса Кехаду. Единственная опасность, так мне казалось, была в том, что за мной погонится какая-нибудь из безликостей — и я плотно закрыл дверь в ресторан, навалившись на нее всем телом, чтобы никто не вырвался из зала. Но тут же, потрясенный, забыл и о двери, и о том, что творилось за ней, и об опасности, которая мне грозила. Даже в малярийном бреду я не мог бы нафантазировать то, что увидел.

В зале, уставленном высокими шкафами, метались книги.

Трещали распахиваемые изнутри дверки, наружу выбрасывались фолианты, тома, брошюры. Книги распахивались в воздухе, махали переплетами, как крыльями, рушились одна на другую, подпрыгивали на полу. Это было похоже на землетрясение — я в ужасе ждал, что вот-вот раскроется пропасть и всё туда рухнет: и шкафы, и книги, и призрачные гости славного ресторатора Лемюэля Гулливера, и я сам. Но это было не землетрясение, а сеча.

Книга схватывалась с книгой. Книга шла стеной на книгу.

Недалеко от меня трехкилограммовый кожаный фолиант — сразу было видно, что это роман о великанах Гаргантюа и Пантагрюэле — рухнул с верхней полки на кучку ползавших комиксов в бумажных обложках и раздавил их. И еще я увидел, как бездна других комиксов, вырвавшихся из шкафа, словно стая крыс, ринулась на бессмертный роман и облепила его: фолиант ворочался и сметал их, но ко-

миксы все прибывали. Я хотел было поддать ногой отвратительную кучу крикливо-ярких обложек, но побоялся, что они бросятся на меня. К тому же, оглядываясь, я увидел, что везде классические творения отбивались от дешевых назойливо-красочных изданий: зал превратился в клокочущее месиво озверевших книг. И хоть классики были мощней, массивней и мужественней — поделки, как и безликости в ресторане, брали числом. Я вдруг вспомнил, что теперь на земном шаре каждый год печатается свыше пяти тысяч романов: бессмертных творений — за все века — наберется меньше, чем однодневков — за одно десятилетие. Эта мысль не дала вмешаться в сражение книг — я прокладывал себе дорогу к выходу, отбиваясь от того, что падало сверху, и отшвыривая то, что путалось в ногах.

Все новые и новые книги вырывались из шкафов, все новые тома торопилась в битву. Вокруг кружилась печатная миллионостраничная масса, меня оглушало хлопанье переплетов, дикий шелест рвущихся страниц. Две книги, падая, вонзились одна в другую, как две колоды карт, перетасованные страницы визжали живыми голосами. Я отбросил их кулаком. Я шел по месиву обложек, картинок, страниц, переплетов — и мне казалось, что они живые и я иду не по вещам, а по телам и они корчатся под моими ногами. Вырванные страницы белыми тучами взлетали вверх и реяли — надо было расталкивать их, чтобы не потерять дороги. Впереди мельтешила оголтелая стая книжиц о Бонде и Джеке Недотроге, они навалились на толстенный том Шерлока Холмса, но великий сыщик, отличный борец, скользя по полу, сметал с переплета всю осаждавшую его непогоду. Визг разрываемых страниц и хлопанье обложек превратились в какой-то непрерывный взрыв. Я оглох от грохота и визга, не пройдя и половины зала. Но видеть я еще мог — и заметил, что в сплошной белизне летящей бумаги замелькали черные фигуры: мои преследователи вырвались из ресторана и, слепо шаря руками в бумажной пурге, пытались нащупать меня. Опасность придала мне силы, я уже

не шел, а бежал, не отшвыривал, а давил размалеванные поделки, стараясь не попасть ногой в сражающиеся великие творения.

Одним рывком я распахнул дверь, другим захлопнул ее. Пробежав мимо растерянного Дон Кихота, я пустился наутек по темной улице. Из переулка вывернулось свободное такси. Я вскочил и крикнул:

— Гоните во весь газ! Меня преследуют бандиты. И вам не поздоровится, если они нас догонят!

12

Дороги была так напугана моим долгим отсутствием, что я едва не проболтался, что со мной произошло. Она гладила мои руки, всматривалась — сразу почувствовала, что произошло что-то плохое. Я сказал, стараясь быть веселым:

— Ничего особенного, дорогая. Удирал на такси от бандитов.

Ее глаза, и без того немаленькие, стали огромными:

— Бандитов? Каких бандитов, милый?

— Обыкновенных. Вернее — не совсем обыкновенных. Но достаточно неприятных. Я бы сказал даже — гнусных.

Она потребовала объяснений. Я не мог их дать. Зато не поспешил на вымысел: он был правдоподобней правды. Я воспользовался забавной теорией полусумасшедшего целителя от сумасшествия Боберман-Пинча. Бандиты выскочили из темного переулка, когда я шел по окраинной улице. Как очутился на окраине? Обдумывал новый роман и незаметно дошагал до пригорода. Бандиты орал: «Стой! Стой!» — я, естественно, побежал. Они, кажется, стреляли, но от бега у меня так звенело в ушах, что не уверен, что эти выстрелы были на самом деле.

— Милый, — сказала она, бледнея от страха: бледность ей очень шла, — ведь они могли убить тебя. Там были пули! Ты же сам писал о золотых пулях Красавчика Джексона.

— Еще бы! Пистолеты обычно заряжаются пулями, ты права.

— И я бы осталась вдовой! — Она зарыдала от жалости к себе.

Плачущей я Дороти еще не видел, но слезы ее тоже не уродовали. Я успокоил ее. При выстрелах попадают не все пули, а только одна из десяти — так писали до меня, так и я пишу. Они не успели выстрелить десять раз. Пуля, которая должна была убить меня, осталась в стволе. Дороти была проникательней, чем я думал.

— Гангстеры промахиваются в книгах, Генри, в жизни они часто убивают с первого выстрела.

Она опять залилась слезами, и я опять стал ее утешать — словом и делом. Потом она прилегла на диван и заснула. Я придвинул кресло, сел и стал смотреть на нее и думать о ней.

Дороти была красива — это сомнений не вызывало. Красота ее поразила меня при знакомстве, с тех пор она меньше не стала. Дороти лежала, сжавшись в комочек, свесив одну руку с дивана и уткнувшись щекой в другую. Даже эта неуклюжая поза не портила ее. Лицо освещала лампа под оранжевым абажуром. Временами Дороти шевелилась — тогда оно словно двигалось и меняло выражение: тонкое, нежное, немного наивное, немного глуповатое, но так по-особому, по-хорошему глуповатое, что это делало его еще красивей. Нет, ни на Медею, ни на Маргариту, ни на Офелию, ни даже на Сольвейг, которых я сегодня видел так близко, Дороти не походила: она была красивей этих знаменитых дам, да к тому же не заемной, а своей, неповторимой красотой. И я почувствовал нежность к жене, такой прекрасной и так горячо не пожелавшей быть вдовой.

И тут мне стало холодно. Я сказал: «своя, неповторимая, особая». Нет, а что в Дороти своего, в чем ее неповторимость, где особость? Я наклонился к дивану — Дороти сквозь сон почувствовала мое приближение, нежно улыб-

нулась. Я с трудом удержался, чтобы не убежать. Я понял страшную истину: в Дороти не было ничего своего. Она была составная. Я снова наклонился, снова всматривался, снова искал... сам не знаю чего! И открывал черты, признаки, особенности, свойства, характерности, заимствованные, украденные, уведенные, срисованные, но — чужие. Вот этот изгиб бровей — он же от знаменитой киноактрисы! А эта линия рта — она же с рекламы французской косметики! И розовая оттопыренность ушек, и локоны, и темно-оранжевый загар... А поворот шеи? А поза? Это специально разработано для спящих красавиц — они должны лежать только так, чтобы и во сне не потерять привлекательности. Все, все с чужих, все чужое!

Я отошел от дивана. Я бессмысленно смотрел на яркие обложки дамских журналов, разбросанных по столику. Я боролся с собой. Ну, хорошо, хорошо, внешность — предмет подражания, все женщины копируют модных красавиц. А мысли? А чувства? Ее любовь ко мне? Разве они не искренние? Разве они не свои? Ответ на этот вопрос, сказал я себе, и тогда решай, какая Дороти на самом деле.

— Искренние, но не свои! — дал я себе беспощадный ответ. — Все заимствовано!

Я стал вспоминать, как вела себя Дороти, что и как она говорила. И с ужасом убедился, что не помню ни одной фразы, ни одной мысли, которую бы не слышал или не читал раньше. Она объяснялась словами, которые были тысячекратно повторены в тысячах книг, у нее были такие же интонации, с какими их говорили сотни актеров. Она вся — от ног до гребешков — была сборником шаблонов. А своим в ней было только то, что один штамп она принимала, а другой — отвергала.

— И это неплохо! — сказал я себе вслух. — Вся наша жизнь — шаблон. Рождаемся, растем, цветем, умираем... Неоригинально. Примирись с этим, друг мой!

Я не мог с этим примириться. Все было гораздо сложнее. Да, Дороти шаблонна — но она лишь крохотный эпи-

зод, только маленькая составляющая огромного, грозного, чудовищного процесса. И я пытался разобраться в гримасе, искажившей облик мира, я смотрел на красивое, усталое лицо Дороти — и не видел его. Я проверял факты, выводил следствия, делал немислимые выводы, от которых отшатнулся бы даже певец безумия Боберман-Пинч.

От прежнего наивного представления обо всем, что меня окружает, остались одни руины. Сегодня я узнал, что общество состоит не только из людей, рожденных женщинами, но и из человекообразных существ, порожденных литературой. О нет, сочинительство не было развлечением, как я думал еще недавно. Оно даже не было способом заработать деньги! Книги вторгались в реальность. Сколько раз я читал, что литература отражает жизнь. Это верно, не возражаю. Но правильно и другое: жизнь отражает литературу. И с каждой новой книгой соотношение сил меняется: персонажи становятся живыми людьми — точно такими, как их придумывают: забавными и опасными, благородными и мерзкими, высокими образцами совершенства или подлым комплексом низости.

Я вышел из спальни, прошел в библиотеку. Почти половину своего шального гонорара я вложил в эту комнату. Джон использовал все свои связи в книжном мире, чтобы ублажить меня. Семь тысяч томов, шедевры и скудоумные поделки, сияли здесь золотым тиснением корешков, радугой мягких обложек. Какую же массу тысячекратно повторенных псевдолюдей породила каждая из них! Я схватился за голову: у меня было чувство, что в моем мозгу шевелятся холодные змеи. Книг — даже в этой комнате — оказалось так много, что хранящиеся здесь человекообразования могут заполнить все поры общества. И я вспомнил комнату, ведущую в призрачный ресторан Гулливера: она в сотни раз больше моей, в ней в тысячи раз больше книг — и каждая в свое время была литературным событием, каждая стала источником добра или зла. Как они сражались, те книги! Добро шло на зло, зло подминало добро. А что, если реаль-

ного общества уже нет и все мы — собрание литературных героев? И что, если сам я, Генри Гаррис, тоже персонаж какой-то позабытой книги? Разве не швырнула мне это в лицо проклятая Дженни Гиена? Какие основания считать, что она врет? И сколько жизни присудил мне автор той неудавшейся книжицы, моей родительницы?

— Хватит! — крикнул я на себя. — Возьми себя в руки. Персонажи не отменили реальных людей. Не впадай в панику!

Нет, человек пока не истреблен, убеждал я себя. Но заговор литературных персонажей против человечества — несомненен. О нем свидетельствовала и сегодняшняя ссора в зале, и свалка в книгохранилище. Фигуры и безликости поначалу таились среди героев, их было мало, они были слабы — но потом, набравшись сил, рванулись в наступление. Они не остановятся, пока не забудут великие образы, а затем пойдут на людей — и превратят жизнь каждого человека в мелкое событие комикса. Таков их адский план. И никто о нем не догадывается, никто, никто!

— Я догадался, я знаю! — страстно объявил я себе. — Я не буду стоять в стороне. Вы пишете в статьях и заверяете в телепередачах, что я гениальный писатель? Теперь вы узнаете тяжелую силу моего гения. Иду на вас! О, это будет зрелище! Всеобщее истребление истребителей! Создаю антилитературу. Битву в книгохранилище повторю на каждой странице нового романа. Книга будет убивать книги. Да, да, да! — Я так долго и так сильно кричал это вслух, что все вокруг закружилось и я еле доплелся до кресла. Теряя сознание, я думал, что умираю. Но это был только сон.

13

Утром я позвонил Чарльстону:

— Алло, Джон! Начинаю потрясающую вещицу. Воистину невозможное о невозможном! Зачеркиваю на девяносто девять процентов всю мировую литературу! Что? Не понял!

— Гаррис, вы титан! — невнятно орал издатель. — Вы переплюнете не только Шекспира, но и Беллингворса. Катайте свою новую книгу, вы меня понимаете? Сегодня перевожу аванс.

Сейчас ночь. Я устал. Я весь день колотил по клавишам. Ничего другого сегодня не было. Но это такое событие, что я должен записать его отдельно, — переключаюсь на дневник. Ох, что это был за день! Сброду псевдолюдей придется несладко! Я ввел в свой роман чужие персонажи. Известный бандит Джек Недотрога сталкивался с шайкой знаменитого гангстера Джима Джексона по прозвищу Харя-Красавчик, и они уничтожали друг друга. Попутно Недотрога приканчивал Джеймса Бонда, справедливо заподозрив, что тот совмещает профессию правительственного шпиона с ролью лазутчика враждебной банды. Таков был замысел.

— Сперва один, потом другой! — ликовал я. — Пусть никто не ждет пощады! Взорву изнутри литературу псевдолюдей! Какой удар хватит старую крысу Беллингворса...

Убийство помощника Джека Недотроги сошло легко: его подстерегли, придушили, запихнули в мусорную машину и вывалили на свалке. Но с Гиеной пришлось повозиться. Шайка Джека настигла Змею, когда та выходила из парикмахерской, и Дженни дорого продала свою жизнь. Когда Недотрога оказался прямо перед ней, а Джеймс Бонд подскочил сбоку, и они оба стреляли, а она, изворачиваясь и крутясь, веером сеяла пули, и одна, поразив руку Бонда, превратила его в инвалида и определила ему судьбу беззащитной жертвы, — именно в этот момент я ощутил, что действие вдруг раздвоилось. На бумаге марионетки двигались, как я им приказывал, орали предписанными голосами, дико — согласно заданию — вытворяли рожи; а в голове у меня звучали другие голоса — и они были мне неподвластны.

— Проклятые, вы все-таки меня поймали! Не радуйтесь, Харя-Джексон вам отомстит! — хрипела Гиена на бумаге, а внутри меня надрывно вопила: — Не надо, Гаррис! Вспом-

ните, мы на руках принесли вас домой! Посадите меня в тюрьму, только не убивайте!

Я не прислушался к ее мольбам, и Дженни Гиена, по прозвищу Змея, испустила дух. Она лежала на пыльном асфальте у парикмахерской, рыжая, нарядная, в зеленовато-желтом платье, вытянув тонкую шею, раскинув крепкие руки теннисистки, в ее салатных глазах отражалось все, чего она уже не видела: нахально ухмыляющийся усатый пижон на вывеске парикмахерской, и молча стоявшие вокруг прохожие, и два каштана неподалеку, и стоэтажная сияющая башня Радицентра — и она смотрела на меня, только на меня, и всеми бесчисленными картинками, отраженными в мертвых глазах, упрекала, что я не пожалел ее. Я вытер с лица холодный пот. Убивать непросто — даже придуманных людей. Патрик принес обед, я поел и минут пятнадцать сидел в кресле, закрыв глаза.

Усталость прошла, и я приступил к следующей главе. В ней Джек Недотрога и верзила Том Тапкинс по прозвищу Крошка приканчивали один другого. На первой же странице стало ясно, что мне было трудно не от усталости. Во мне все сильнее звучали разные голоса. Одни я переносил на бумагу — они двигали сюжет, другие возникали произвольно, они опровергали происходящее, путали мои мысли. Я катил роман сквозь эти вторые голоса, как автомобиль сквозь густой кустарник, и с каждой новой фразой сопротивление возрастало. Временами мне казалось, что сквозь эту разноголосицу не продрасться, — и я оставлял пишущую машинку и переводил дух.

— Все в порядке, хозяин, будет исполнено! — бодро рапортовал Том-Крошка Харе-Джексону, посылавшему помощника разнюхать обстановку в логове Джима Недотроги. Заверения верзилы Тапкинса запечатлевала бумага, но во мне раздавались другие звуки. Тапкинс говорил с Харей-Красавчиком, а смотрел на меня.

— Ты, очкастый слюнтяй, — злобно хрипел гангстер, — попробуй только меня, как бедную змейку!..

Я все же перехитрил Тапкинса: он попал в засаду. Джек Недотрога вонзил в Тома кухонный нож — он (по условию) шел на встречу без огнестрельного оружия. А Том, рухнув, выпустил в Джека две пули: он условия не выполнил, зная, что к Недотроге, даже лишенному пистолета, без надежной защиты подходить нельзя. Пока все шло, как я задумал, — тут командовала моя воля. Но уже на земле, издыхая, Том выпустил третью пулю — и не в проклятого Недотрогу, а в меня. Лихорадочно отстукивая сцену смерти, я чуть было не вписал по запарке: «И третьей пулей, выпущенной уже слабеющей рукой, Том Тапкинс по прозвищу Крошка сразил самого жестокого своего врага, автора этого романа». Я нервно расхохотался, сообразив, что делаю. Патрик принес кофе. Вошла Дороти. Я отослал обоих. Меня било нетерпение. Сюжет был близок к кульминации. Я вел на гибель самого Харю-Красавчика, знаменитого гангстера Джима Джексона, величайшего человекострадателя среди душегубов. Я создавал шедевр расплаты, вбивал осиновый кол в тело гангстерской литературы!

В отличие от своих помощников, великий гангстер во мне молчал. Он чистил пистолет, заряжая его золотыми пулями — прославившее его орудие убийства, — и бросал на меня быстрые недобрые взгляды.

— Никого не шадить! — приказал я себе. — Никого не шадить! «Получив фальшивую записку уже не существовавшего Тома Тапкинса, ничего не подозревавший Харя-Джексон стал торопливо собираться в дорогу», — лихорадочно отстукивал я на машинке.

И тут случилось невозможное. Я подвел Джексона к двери. Создатель акционерной компании «Жизнь до востребования» должен был нахлобучить на глаза темную шляпу и тихо выскользнуть наружу. А он вдруг обернулся и быстро вскинул пистолет. Я отскочил от машинки. Выстрела, конечно, не последовало, но сердце у меня стучало, как мотор с поплавленными цилиндрами.

Я отошел к другому столику и дал себе часовой отдых. На второй машинке я записываю дневник. Меня трясет. Еще никогда я так не нервничал. Сейчас встану и уничтожу созданное мной чудовище. Все эти страхи — глупость! Я вел Харю к славе, я сброшу его в бездну ничтожества. Я успокоился.

Я иду!..

Послесловие Джона Чарльстона, директора издательства «Голова всмятку».

...Ужасно, Эд, вы меня понимаете! Кровоизлияние в мозг произошло в момент, когда великий художник ракетно-ядерной эпохи Генри Гаррис приступил к последней главе своего нового шедевра.

Патрик, увидев хозяина на полу, кинулся к телефону, не трогая тела, чтобы случайно не оставить следов.

Первым примчался Боберман-Пинч. Вторым я. Генри Гаррис лежал на ковре, весь изогнутый и изломанный, словно перед смертью отчаянно с кем-то дрался: ковер был сдвинут, стулья опрокинуты, пишущая машинка валялась у окна, — и должен вам сказать, в таком состоянии, будто ее колотили если и не молотком, то тяжелыми сапогами во всяком случае. И плотная портьера, прикрывавшая окна, была сорвана, даже не просто сорвана, а обрушена вместе с карнизом... Жуткая картина, говорю вам! Пейзаж небольшого домашнего светопредставления, таким мне предстал рабочий кабинет моего незабвенного великого друга.

Только один стол стоял на своем месте — несдвинутый и неповрежденный. На нем лежали две рукописи — незаконченный роман и дневник. Роман забрал я, дневником завладел Боберман-Пинч.

Он восхищен. Он твердит, что большего вздора еще не читал.

— Это совершеннейшее безумие! — ликует он. — И до того правдоподобно, что хочется повеситься.

Боберман знаменитость, но его выкрики и гримасы утомляют меня. Я сказал, что, если он повесится на моих глазах, я не буду торопиться извлекать его из петли.

Он воскликнул, что я верный друг, — и растроганно пожал мне руку.

— И вы, и я изображены в дневнике такими скотами, что пальчики оближешь, — сказал он с воодушевлением. — Нет, Гаррис видел человека насквозь! Вам понравится. В одном он, впрочем, ошибся. Он думал, что если убьют героев в книге, то они исчезнут. Не понимаю, как в такую светлую голову могла закрасться столь неудачная мысль. Живого человека достаточно убить, чтобы его не стало. Но убитые в книгах герои продолжают жить. Иногда они становятся еще жизненнее, когда их приканчивают. Ему не надо было ссориться со своими героями, конфликт с ними — вот причина смерти. Это говорю я, Луис Боберман-Пинч, и попробуйте меня опровергнуть!

Я не стал спорить и ушел к Дороти. Дороти то льет слезы, то примеряет траурные платья. Я пытался ее утешить — она рыдала еще сильнее.

Портнихи действуют на нее лучше, я пригласил сразу двух, они приехали с чемоданами черных тканей. Надеюсь, траурные туалеты отвлекут мою бывшую секретаршу от траурных мыслей.

Когда я воротился в кабинет Гарриса, там хозяйничал капитан полиции с отрядом своих специалистов.

Сыщики ползали по полу, фотографировали мертвое тело, сдвинутую мебель, разбитую пишущую машинку. Они так старались, что я растрогался. Если бы перед ними предстал убийца великого писателя, они, не сомневаюсь, тут же схватили бы его за шиворот — такими все выглядели энергичными и расторопными.

Я спросил капитана: нашли ли что существенное?

— Мы установили, что была драка, — ответил капитан. — Все следы указывают на то, что Генри Гаррис жестоко боролся. Он сдался не сразу, это можно считать до-

казанным. Осмотр помещения дает только такую картину. Уверен, что лабораторное исследование подтвердит это заключение.

— Что несчастный Генри дорого продал свою жизнь, ясно и без лабораторных исследований. Но с кем он боролся? Кто напал на него? Вот что объясните.

Капитан смущенно отвел глаза. Он, похоже, не мог подобрать слова.

— Видите ли... Боюсь, что на Гарриса никто не нападал. Мы не нашли следов посторонних лиц. Гаррис был один.

— Вот как — был один? Боролся с кем-то, хотя на него никто не нападал? Вы соображаете, какую порете чушь?

Капитан справился со своим смущением. Теперь он говорил почти уверенно:

— На Гарриса напал он сам... то есть сам Гаррис. Я хочу сказать, что умерший боролся только с собой. На мебели, на теле, на вещах лишь следы его собственных рук. К сожалению, это все, что нам удалось точно установить.

Пока я разговаривал с капитаном, Пинч что-то искал на теле Гарриса.

— Инсульт, — сказал он, поднимаясь. — А перед разрывом мозговых сосудов — приступ дикой ярости. Нападение на самого себя, самоистребление — вот что мы видим, капитан. Но хороший врач обязан заглянуть глубже. Следов другого человека нет — но что, если Гаррис дрался не с человеком? Вот какой вопрос я задаю себе. И ответ получается естественный. Голову на отсечение: Красавчик успел поразить нашего гения своей золотой пулей. Но я не вижу следов выстрела — вот единственное, что меня смущает.

Он искал мифическую золотую пулю!

Нет, вы меня понимаете?

Содержание

ХРОНОНАВИГАТОРЫ. Роман.....	7
ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НАС ВЫБИРАЮТ (н/ф памфлеты)	337
Чудотворец из Вшивого тупика.....	337
Тридцать два обличья профессора Крена	372
Дороги, которые нас выбирают.....	426
Остров, не отмеченный на карте.....	479
...Сотвори себе кумира.....	522
Второе «я» — я	535
Формула Человека	543
Акционерная компания «Жизнь до востребования»	568

Литературно-художественное издание

ВЕСЬ СЕРГЕЙ СНЕГОВ

Снегов Сергей

**ХРОНОНАВИГАТОРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Ответственный редактор *Д. Байкалов*

Редактор *Т. Ленская*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *И. Кобзев*

Корректор *О. Брызгалова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 01.11.2010. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6.
Тираж 3000 экз. Заказ № 1894.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-45735-9

9 785699 457359 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78. Тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Сергей
СНЕГОВ
ХРОНОНАВИГАТОРЫ

ISBN 978-5-699-45735-9

9 785699 457359 >

ЭКСМО